

А. ХИНШТЕЙН

«Пример действует сильнее
угрозы...»

П. Корнель

Тайны
Горянки

Annotation

Второе, дополненное и исправленное издание книги известного публициста, депутата Госдумы России А. Хинштейна, основанной на материалах, ранее не доступных широкому кругу читателей. В ней повествуется о сложном периоде в истории России и в истории становления спецслужб Российского государства – 1920–1960 годах.

Книга удостоена премии ФСБ России как лучшее произведение литературы и искусства о деятельности органов федеральной службы безопасности.

- [Александр Хинштейн](#)
  - [ОТ АВТОРА](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ](#)
  - [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
    - [К главе 1. Кровавый путь Первой конной](#)
    - [К главе 2. Конец атамана](#)
    - [К главе 3. Бег генерала Слащова](#)
    - [К главе 4. Заключение № 30](#)
    - [К главе 5. Бегство наркома Успенского](#)

- [К главе 6. Рихард Зорге, агент германской разведки](#)
  - [К главе 7. Кто предал Зою Космодемьянскую](#)
  - [К главе 8. «Педагогическая поэма» против «Абвера»](#)
  - [К главе 9. Агент № 001](#)
  - [К главе 10. Шесть испытаний Дмитрия Медведева](#)
  - [К главе 11. Марш «Прощание Лубянки»](#)
  - [К главе 12. Другая жизнь Олега Пеньковского](#)
  - [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
-

Александр Хинштейн

Тайны Лубянки

ОТ АВТОРА

О, это ни с чем не сравнимое чувство, когда ты держишь в руках пожелтевшие от времени архивные документы. Ты словно соприкасаешься с историей, с тем, что давно уже, будто днище корабля, заросло мхом легенд и ракушечником мифов, и тогда тени минувшего оживают снова, и если приноровиться, можно даже услышать голоса людей, которых давно уже нет.

Так уж повелось: мы воспринимаем наше прошлое в черно-белых тонах. И потому, что представляем его себе исключительно по старым черно-белым фильмам и кадрам кинохроники. И потому, что советская историография приучила нас к однозначности оценок: свои-чужие, враги-друзья.

Но ведь прошлое было разным. Прекрасным и ужасным. Светлым и мрачным. И уж совершенно точно – оно было цветным...

В архивах Лубянки понимаешь это с особой ясностью. Недаром говорится, что из окон этого песочного цвета здания видна вся страна – от Камчатки до Магадана. Человеку случайному в архивах ее можно заблудиться. Здесь покоятся самые страшные тайны страны, и нет, кажется, такого события, которое прошло бы мимо всевидящего ока госбезопасности.

Впрочем, случайному человеку делать в подземельях Лубянки нечего. Случайные сюда не попадают. Как и всякая спецслужба, ФСБ умеет хранить свои секреты.

Именно поэтому книга, которую вы держите в руках, основана на материалах, о которых знали лишь посвященные.

Добро пожаловать в этот круг!

Лубянка давно уже стала именем нарицательным. Чего там греха таить – многие продолжают с опаской коситься на желтое здание в самом центре Москвы.

И в этом тоже есть элемент черно-белого восприятия, этакой политической дальтонии. Спецслужбы не могут быть хорошими или плохими. Спецслужбы – лишь инструмент в руках государства. Какой власть хочет видеть спецслужбы – такими они и будут. Топор в руках Раскольникова – это орудие убийства. В руках плотника же – орудие производства, хотя топор может быть одним и тем же. Вопрос только – кто распоряжается им.

И еще. Несмотря на то что книга наша сугубо документальна, автор взял смелость оживить своих героев; словно суп быстрого приготовления, разбавить сухие факты истории кипятком эмоций и чувств. Мы надеемся, что этот нехитрый литературный прием позволит более выпукло, в цвете увидеть события прошлого и испытать те же чувства, что испытывали мы, держа в руках пожелтевшие архивные документы...

А. Хинштейн. Март 2008 года

Глава 1

КРОВАВЫЙ ПУТЬ ПЕРВОЙ КОННОЙ

Чудо, что документы эти сохранились в лубянских архивах до наших дней. Истинное чудо, ибо и Клим Ворошилов, и Семен Буденный дорого дали бы за то, чтобы эти пожелтевшие от времени листки исчезли навсегда.

Слыхано ли: первые маршалы, герои Гражданской войны, любимцы всего советского народа и лично товарища Сталина... Старая отцовская буденовка, что где-то в шкафу мы нашли... Конар-мейская тачанка – все четыре колеса... Мы красные кавалеристы и про нас...

...Но о чем, в самом деле, могли вести рассказ речистые бы-линники? Уж не о том, что легендарная Первая конная была в действительности пристанищем для бандитов и погромщиков. Что конармейцы вырезали целые местечки: убивая мужчин, насилуя женщин. Что Буденный и Ворошилов с пеной у рта защищали убийц в «пыльных шлемах»...

«Трудовое население, встречавшее когда-то ликованием Первую конную, теперь шлет ей вслед проклятия», – это вынужден был признавать даже Реввоенсовет самой знаменитой армии Гражданской войны.

Сентябрь 1920-го

Первая конная идет по Украине. По недавней вотчине батьки Махно¹.

Только местные жители, которых «освобождают» конармейцы, радости почему-то не выражают. Буденовцы ведут себя как заправские погромщики.

Врываються в дома, избивают и насилуют, реквизируют вещи. В первую очередь – бандитствуют они в еврейских местечках.

Буденовцы устали. Только-только армия вышла из-под львовского окружения. Впереди – новые бои: Первую конную должны бросить против Врангеля, на Южный фронт.

Лихой командарм Семен Буденный любит своих бойцов. Они заслужили право на отдых. Три дня на разграбление – закон войны.

Правда, отдельные конники настолько увлекаются погромами, что отстают от своих частей. Комиссарам приходится силой выгонять их из местечек. Поглумились – и будет...

28 сентября, м. Полонное

...Военком 6-й дивизии Шепелев не успел еще отойти ото сна, как в избу ворвался вспотевший боец. Он настолько запыхался, что в первые минуты не мог ничего выговорить, только тряс головой.

– Да что такое, – не выдержал военком. – Говори толком.

– Наши жидов бьют, – выдохнул боец.

Сон в мгновение улетучился, как будто и не было беспокойных ночей. Шепелев напрягся, желваки заходили по щекам.

– Где?! – глухо спросил военком.

– И в Полонном, и в другом местечке, в версте от него...

Когда Шепелев вместе со своим секретарем Хаганом – тоже еврей, но нормальный мужик, свойский – примчался в местечко, погром был в самом разгаре. Почитай из каждого дома слышались крики. Буденовцы восстанавливали утраченные в сабельных рубках нервы.

Зашли в первую же избу, где у околицы переминались с ноги на ногу два привязанных коня. На

полу, изрубленная палашами, лежала еврейская семья – старик лет шестидесяти, старуха, их сын. Еще один окровавленный еврей стонал на кровати.

Помощник военкома Хаган побледнел. Наверно, вспомнились ему черносотенные погромы, пьяные рожи бандитов под царскими хоругвями. Нет больше хоругвей, вьются теперь на ветру красные кумачовые стяги – только что изменилось?

В соседней комнате между тем орудовали мародеры. Какой-то красноармеец на пару с миловидной женщиной в медицинской косынке набивал нехитрый еврейский скарб в необъятные баулы.

– Ни с места! – властно сказал военком, но красноармеец – откуда только прыть взялась – оттолкнул его и кубарем выкатился из дома. За ним припустилась и женщина. Они бежали по улице, высоко подымая ноги, и Шепелеву даже стало их жалко. Он представил, как смешно дернутся сейчас два этих человека, как, пролетев по инерции вперед, рухнут плашмя на землю, стоит лишь нажать на спуск нагана.

– Сто-о-й! – Шепелев закричал что есть мочи, но мародеры не слушали его, и тогда военком вскинул наган.

Один хлопок. Второй.

После третьего выстрела мародер упал замертво, а вместе с ним, по-бабьи испуганно вскрикнув, рухнула в пыль и медсестра.

Она лежала, не в силах вымолвить ни слова, и лишь беззвучно шептала что-то побелевшими от страха губами.

– Кто такая? – Шепелев наклонился над женщиной. – Какого полка?

Та ответила не сразу, отдышавшись:

– 4-й эскадрон. 33-й полк. – И, будто проснувшись, заголосила во весь голос: – Не убивайте! Христом Богом молю... Пожалейте деток.

– Встаньте, – брезгливо сказал военком. – Никто убивать вас не будет... Поедете с нами.

...Великодушные – свойство сильных людей. Расстреляй комиссар мародершу на месте – вся его жизнь могла бы пойти по-другому. Но он пожалел ее.

Откуда Шепелеву было знать, что жить ему оставалось не более часа...

Из рапорта секретаря военкома 6-й дивизии Хагана (29 сентября 1920 г.):

«Проезжая дальше по местечку, нам то и дело попадались по улице отдельные лица, продолжавшие грабить. Тов. Шепелев убедительно просил их разъехаться по частям. У многих на руках были бутылки с самогонкой, под угрозой расстрела на месте таковая у них отбиралась и тут же выливалась.

При выезде из местечка мы встретили комбрига 1 (командира 1-й бригады. – *Прим. авт.*) тов. Книгу с полуэскадроном, который, в свою очередь, занимался изгнанием бандитов из местечка. Тов. Шепелев рассказал о всем происходившем в местечке и, сдав лошадь расстрелянного вместе с арестованной сестрой на поруки военкомбригу тов. Романову, поехал по направлению к Полешта-диву (полевому штабу дивизии. – *Прим. авт.*)».

Из рапорта командира 1-й бригады Книги, военкома бригады Романова и начальника штаба

бригады Берлева (28 сентября 1920 г.):

«Мы встретились с тов. Шепелевым, который сообщил, что он расстрелял бойца 33-го кавполка на месте грабежа. Сообщив это, тов. Шепелев уехал вперед. Спустя некоторое время, мы также выехали за своими частями и, догнав таковые, узнали, что тов. Шепелев арестован 31-м кавполком...»

28 сентября, м. Новое Место

...Топот копыт становился все ближе, и наконец военком Шепелев поравнялся с шеренгой бойцов.

– Какого полка? – приостановившись, окликнул он командира.

– Тридцать третьего.

Шепелев пришпорил коня, но далеко ускакать не успел.

– Вот он, эта сука, – раздался чей-то истошный крик. – Хотел застрелить нас.

Унылость разом покинула лица бойцов. Эскадроны остановились. Человек десять бросились к военкому. Большинство смотрело выжидающе, но кое-кто тоже вышел из строя.

– Гляди-ка, морду какую нажрал... Пока мы тутдохнем, эти суки жируют... Крыса тыловая...

Крики становились все агрессивнее, и Шепелев пожалел уже, что остановился.

– Убить его... Кончить... В расход, – гудело по рядам.

– Прекратить! – что есть мочи орал командир полка Черкасов. Глотка у него была луженая, еще с Первой мировой, перекричать мог любого. Впрочем, и Шепелев был комиссар испытанный.

С грехом пополам они перекричали бойцов. Матерясь, красноармейцы возвращались в строй, сплевывая от бессилия и злости.

Кажется, пронесло... Но, как на грех, подъехал комбриг Книга. В седле у него сидела арестованная погромщица – сестра милосердия.

– Бабу-то за что? – разволновались бойцы. – С бабами, понятно, воевать сподручнее...

Комбриг было попытался заткнуть медсестре рот, но это только подлило масла в огонь.

– У нас теперь не старый режим, – ревели буденовцы. – Пусть баба объяснит, в чем провинилась.

Военком устало повернулся к медсестре:

– Говорите.

– Я это... – женщина набрала в легкие воздуха, – я – что... Вот Васятку убили...

– Кто? – взбесилась толпа.

– Этот, – медсестра указала на военкома, – лично...

Все началось заново.

– Кончать эту гниду, – кричали конармейцы. – Он наших братьев убивает, а мы – молчать?!

Уже потом секретарь военкома Хаган, вспоминая эти минуты, будет вновь и вновь удивляться: как удалось ему остаться в живых. Чудом комбриг Книга сумел вытащить его с военкомом из кольца взбешенных, полупьяных людей. Правда, ничего изменить это уже не могло. Разгоряченная толпа жаждала крови, и ее несло уже, как несет, не в силах остановиться, камни во время горного обвала.

Из рапорта секретаря военкома 6-й кавалерийской дивизии Хагана:

«Не успели мы отъехать и ста сажень, как из 31-го полка отделилось человек 100 красноармейцев, догоняет нас, подсказывает к военкому и срывает у него оружие. В то же время стали присоединяться красноармейцы 32-го полка, шедшего впереди. (...)

Раздался выстрел из нагана, который ранил тов. Шепелева в левое плечо навыворот. С трудом удалось тов. Книге вырвать его раненым из освирепевшей кучки и довести к первой попавшейся хате и оказать медицинскую помощь.

Когда тов. Книга в сопровождении моего и военкома Романова вызвали тов. Шепелева на улицу, чтобы положить его на линейку, нас снова окружает толпа красноармейцев, отталкивает меня и Книгу от тов. Шепелева, и вторым выстрелом смертельно ранили его в голову.

Труп убитого тов. Шепелева долго осаждала толпа красноармейцев, и при последнем вздохе его кричала: «Гад, еще дышит, дорубай его шашками». Некоторые

пытались стащить сапоги, но военком 31-го полка остановил их, но бумажник, вместе с документами, в числе которых был шифр, был вытащен у тов. Шепелева из кармана.

В это время подходит какой-то фельдшер и, взглянув лишь только на тов. Шепелева, заявляет, что тов. Шепелев был в нетрезвом виде. (...)

Спустя лишь полчаса после убийства нам удалось положить его труп на повозку и отвезти в Полештадив-6».

Из рапорта командира 1-й кавалерийской бригады В. Книги начальнику 6-й кавдивизии:

«Указать, кто именно был убийцей военкома, не могу, так как в такой свалке трудно было установить, кто именно стрелял».

28 сентября. Вечер. Штаб расположения 33-го полка

Военкома 33-го полка – того самого, где служил застреленный Шепелевым мародер – никто не мог обвинить в трусости. Он прошел через сотни кровавых рубок. Через немецкие газы. Через рукопашный ад.

Но в тот вечер, 28 сентября, военкому, может быть, впервые за многие годы стало не по себе, и это давно забытое чувство страшщей неизвестности бесило его. Доводило до исступления...

Об убийстве Шепелева он узнал под вечер. Тут же собрал эскадронных командиров и комиссаров. Приказал принять все меры, чтобы бойцы находились на местах.

– Товарищ военком, – с места поднялся командир 4-го эскадрона, мы не сможем сдержать людей... Я, вообще, боюсь, не случилось бы чего пострашнее погромов.

– То есть? – не понял военком.

– Могут побить комиссаров...

– Могут, – его поддержал помощник 5-го эскадрона. – Среди бойцов идут разговоры – хорошо бы ночью поубивать комиссаров.

Военком побледнел. Он неплохо знал своих конников – от этих ребят можно ждать чего угодно, тормозов у них нет.

К ночи готовились, словно к бою. Заняли оборону в сторожке. Военком 5-го эскадрона вместе с бойцами – эскадрон был приличный, спокойнее прочих – отправился в патруль.

Верно, как только стемнело, красноармейцы 3-го и 1-го эскадронов ринулись в соседние местечки: громить евреев. Командир полка срочно выехал за ними – надеялся, наивный, остановить погром. Военком же поскакал в дивизию...

29 сентября. Ночь. Штаб 6-й дивизии

– И так постоянно – погром за погромом... Неделю назад, в Головлях, двух крестьян убили только потому, что были чисто одеты... Или другой случай: военком 43-го полка арестовал трех моих бандитов за мародерство. Мимо шли 2-й и 3-й эскадроны. Бандитов освободили, а военком еле ноги унес. Хотели убить.

Начдив Апанасенко² слушал военкома внимательно, не перебивал. Когда тот окончил, заложил руки под широкий ремень. Качнул головой:

– Что предлагаешь?

– Нам бы в подмогу кого посознательней...

Начдив широко зевнул:

– Давай так: если будет опять какое ЧП, свистнешь... Тогда и подмогу пришем. А пока, – он зевнул еще раз, – я маленько вздремну... Какую ночь уже не высыпаюсь...

Но и в эту ночь легендарному комдиву выспаться тоже не удалось...

Из доклада военкома 33-го кавполка 5-й кавдивизии (2 октября 1920 г.):

«В 12 часов ночи, придя на квартиру Штаба полка, мне удалось узнать от командира и его помощника, что толпа половина пьяная и в возбужденном состоянии и патрулю невмочь было справиться. Высылать эскадроны другие было рискованно, так как в них настроение было неопределенное.

После этого в квартиру Штаба полка входит бывший командир 3-го эскадрона тов. Галка пьяный и толпа человек 15-20 тоже в таком состоянии, все вооружены. Галка начинает кричать на командиров полка и бить прикладом в пол, угрожая, что я всех перебью, кто осмелится пойти против меня и добавляя: я больше не солдат Красной Армии, а «бандит».

Большинство угроз было по адресу военкома, а также искали председателя комячейки 4-го эскадрона тов. Квитку, который задержал двух грабителей 3-го эскадрона и отобрал у них награбленные вещи. Галка определенно кричал: убью Квитку. Пьяная толпа ушла с квартиры штаба, я с командиром и адъютантом полка выехали на квартиру Начдива 6 (это было в 3 часа ночи), просили, чтоб Начдив сделал распоряжение какому-нибудь полку из дивизии выслать часть для ликвидации грабежей.

Начдив приказал командиру 34-го кавполка выслать один эскадрон но, придя на квартиру штаба полка, мы узнали от командира 34-го, что у них положение однообразно, эскадрон не приходил и ночь целую был повальный грабеж и убийство».

29 сентября, м. Новое Место

Над рядами стояла тишина. Такая тишина, до звона в ушах, какая бывает обычно перед началом боя.

Лихие буденовцы, чубатые конники Шестой дивизии, спешившись, ожидали своей участи...

Их выстроили в шеренги ровно в полдень. Весь личный состав 33-го полка: сразу после ночных бесчинств и погромов.

Они не знали еще, что ждет их впереди, но суровый вид спешно прибывших начдива и начальника особотдела дивизии ничего хорошего явно не сулил, а потому бойцы в строю молчали, понурившись. Ночной запал, кураж давно уже улетучились, словно хмель, да и не все они, в конце концов, поддались этой вольнице: большинство держалось середняком.

Сейчас середняки эти не без превосходства посматривали на заводил, да и те сами приготовились уже к худшему...

Заиграла труба. Начдив Апанасенко прогарцевал перед строем, картинно приподнялся в стременах.

– Слушайте, честные бойцы и командиры, – прокричал он, – слушай, братва, мою речь... Разве не с вами прошли мы через сотни славных боев?! Разве не на вас – бойцов легендарной Первой конной – с любовью и гордостью взирает вся трудовая республика?!

Лица стоящих в строю просветлели. Чего угодно ожидали они – хулы, ругани, – но уж не этих красивых слов.

Комиссар полка – это он настоял на собрании – от досады и горечи прикрыл глаза. Он был уверен, что все участники ночного грабежа будут незамедлительно сейчас арестованы. Он верил в авторитет начдива, в его справедливость и солдатскую честность, но сейчас перед полком разыгрывался обычный пошлый спектакль.

Начдив – всегда такой суровый и жесткий – будто покупатель на базаре уговаривал своих бойцов «не хулиганить».

И бойцы почувствовали эту слабость мгновенно. Куда делись их недавние замешательство и понурость? Полковые ораторы берут слово. Они требуют выгнать всех евреев из советских учреждений. («Вообще, из России», – тут же подхватывают ряды.) Всех офицеров.

Начдив предательски молчит. Комиссар было пытается остановить крикунов. Он говорит, что погромщики заносят нож над самой революцией, но ему не дают закончить.

– Не надо нам этой агитации... – ревут бойцы. – Наелись досыта. Хватит!

– Ничего, – начдив на прощание одобрительно треплет комиссара по плечу, – устанутся...

Из доклада военкома 33-го полка 5-й кавдивизии (20 октября 1920 года):

«Закрылось собрание, крикуны почувствовали себя победителями. Наше пребывание сейчас бесполезное, ибо верхами в дивизии не сделано того, что надо, а сделано все для уничтожения престижа военкомов.

Вся работа, которая проделывалась до настоящего времени, пошла насмарку только потому, что наш комсостав снизу доверху вел и ведет половинчатую политику в смысле оздоровления наших частей от грязных наклонностей. Мы, военкомы, превращаемся не в политических работников, становимся не отцами частей, а жандармами царского строя. Нет ничего удивительного, что нас били и продолжают убивать.

Руководители грабежей, погромов еврейского населения по-прежнему на месте, в эскадронах, и продолжают творить свое дело, а бывший командир Галка, как будто, будет командиром своего старого эскадрона (это мне сообщил командир 33, что против такого назначения не имеет ничего Начдив и Комбриг-2).

Полк находится в самом худшем состоянии: дисциплины нет, приказы в смысле прекращения грабежей не существуют. К еврейскому населению относятся враждебно, терроризировали и способны терроризировать при первой встрече с еврейским населением.

Убийцы двух крестьян – восемь человек – находятся в эскадроне, какой-то толпой освобождены из-под ареста. Пока остаются лозунги «Бей жидов и коммунистов!», а некоторые прославляют Махно...»

Каким он был, погибший комиссар Шепелев? Архивы не сохранили нам ничего, кроме одной лишь этой незамысловатой фамилии.

Он мог бы прославиться на всю страну, как, например, другой комиссар, Фурманов³. Дослужиться до генеральских (а то и маршальских) погон, при условии, конечно, что ему удалось бы избежать молоха 1937-го. Вместо этого он погиб нелепейшей смертью от рук своих же бойцов, которые не постеснялись даже обчистить его, уже мертвого, но именно эта смерть вывела комиссара на авансцену истории.

Впрочем, стоит ли этому удивляться – историю как раз и вершат статисты. Такие, как комиссар 6-й дивизии Шепелев, оказавшийся, ничуть о том не подозревая, в роли катализатора мощнейших исторических процессов, которые начались сразу после его убийства (и, добавим, как раз по причине его убийства)...

Конечно, и раньше до Москвы доносились отголоски буденов-ской вольницы, но до поры до времени вожди Советов предпочитали смотреть на все творящееся сквозь пальцы. «Революцию не делают в белых перчатках», – это еще товарищ Петерс⁴, первый зампред ВЧК, успевший три месяца покомандовать «чрезвычайкой», изрек. Да и при всем желании даже, откуда столько народу в белых перчатках набрать?

И Ленин, и Троцкий не могли не понимать (а значит, понимали), что представляет собой прославленная Первая конная. Обычный сброд – полубандиты, полуказаки, собранные лихим рубакой Семеном Буденным на волне вседозволенности и анархии. Поменяй «ихние» кумачовые знамена на зеленые флаги

всевозможных батек и атаманов – никто и разницы не почувствует.

Так к чему утомлять себя пустым морализаторством? Если уж батьку Махно – злейшего врага – уломали выступить вторым фронтом против белых, чего Бога гневить. А то, что по пути к светлому будущему конармейцы сотню-другую местечек разорят... Лес рубят – щепки летят.

Но смерть комиссара Шепелева, о которой незамедлительно сообщила Кремлю ВЧК, заставила вождей всерьез одуматься. Это была уже прямая угроза революции. Сегодня буденовцы убили Шепелева. Завтра, глядишь, вообще повернут тачанки против советской власти.

А все рапорты, сообщения, приходящие из Первой конной, свидетельствовали, увы, о печальной тенденции: роль комиссаров (сиречь представителей Москвы) сведена в войсках до минимума. Вся полнота власти – у командиров, большинство из которых даже о Карле Марксе никогда не слыхали.

К чему это может привести, в Москве осознавали прекрасно: сколько раз уже обжигались на таких вот «крестьянско-казацких» армиях, одна история с «красным командармом» Григорьевым⁵ чего стоит...

Вольница и вольнодумство. Корень у этих слов один, но смысл – совершенно разный. И если вольницу, со всем отсюда вытекающим, – погромами, грабежами – Москва готова была прощать, то вольнодумства спускать она никак не могла.

Не было для советской власти за все годы ее истории врага более опасного и ненавистного, ибо вольнодумство (инакомыслие, оппортунизм, диссидентство – названий явлению этому множество) претендовало на главное достояние Октября – идеологическую монополию...

Сразу после убийства Шепелева Москва направляет в штаб Первой конной, как бы сейчас выразились, специальную правительственную комиссию. О том, что поездка эта была не простой формальностью – явствует уже из одного только ее состава:

председатель ВЦИК (иначе – премьер-министр) Калинин⁶, главнокомандующий вооруженными силами республики Каменев⁷, нарком юстиции Курский⁸, нарком здравоохранения Семашко⁹, нарком просвещения Луначарский¹⁰, секретарь ЦК РКП(б) Преображенский¹¹.

Ни дать ни взять – ареопаг над Мавзолеем...

Ясно, что чиновники такой величины самостоятельно, без указания свыше, отправиться на позиции не могли. Значит, была команда, причем самая серьезная. Чья? Догадаться нетрудно. В те годы у страны было только два вождя: Ленин и Троцкий. И обоим их ситуация в Первой конной волновала чрезвычайно...

Между тем события в Первой конной развиваются стремительно. Понимая, что убийство Шепелева дошло уже до самого верха и ситуация приобретает необратимый характер, Буденный и Ворошилов начинают делать все возможное, чтобы оправдаться в глазах Кремля. В противном случае (да и то при самом лучшем варианте) их ожидает позорная отставка.

Поначалу, однако, никаких серьезных мер армейское командование не принимает: авось пронесет. Не пронесло. В октябре из Москвы поступает гневная депеша председателя РВС республики Троцкого. Медлить дальше уже нельзя...

Девятого октября Буденный и Ворошилов издают драконовский приказ: разоружить и расформировать три полка (31-й, 32-й, 33-й) 6-й дивизии, «запятнавших себя неслыханным позором и преступлением», а всех

«убийц, громил, бандитов, провокаторов и сообщников» немедленно арестовать и предать суду.

Впрочем, мало подписать один приказ – его надо еще воплотить в жизнь... Сам Ворошилов потом признавался: они с Буденным всерьез опасались, что приказ этот может всколыхнуть всю «опальную» 6-ю дивизию, привести к бунту.

Дабы избежать совершенно ненужных в этот момент волнений – тогда уж точно отставки не избежать – армейское командование проводит самую настоящую войсковую операцию в селе Ольшанники, где была расквартирована 6-я дивизия...

Предоставим, впрочем, слово непосредственному организатору и участнику этих событий. Вот как описывал происходящее заместитель командарма Климент Ворошилов перед правительственной комиссией:

«Было приказано построить дивизию у линии железной дороги. Но бандиты не зевали, отсюда можно сделать вывод, что у них была великолепная организация – бандиты не явились, и дивизия была построена не в полном составе. Из тех полков, которые наиболее были запачканы, построилось приблизительно пятьдесят процентов.

Когда мы прибыли, то сразу было приказано охватить дивизию с флангов и тыла, причем по полотну железной дороги стали два бронепоезда. Таким образом, дивизия оказалась в кольце. Это произвело потрясающее впечатление. Все бойцы и командный состав не знали, что будет дальше, а провокаторы подшептывали, что будут расстрелы.

Мы потребовали, чтобы все построились. Начдив тут же заявляет, что он ничего не может сделать. Приказывать нам самим – значило уронить престиж. Мы проехали по рядам чистых полков.

Тов. Буденный и я сказали им несколько товарищеских слов. Сказали, что честные бойцы ничего не должны бояться, что они знают нас, мы знаем их и т. д. Это сразу внесло новое настроение. Быстро был наведен порядок, чистые бригады были настроены против запачканных. Была дана команда «смирно». После этого тов. Мининым¹² был прочитан **артистически** приказ (о расформировании трех полков и аресте организаторов погромов и убийств. – *Прим. авт.*).

После прочтения приказа начали приводить его в исполнение. Один из полков имел боевое знамя от ВЦИК, привезенное тов. Калининым. Командующий (Буденный. – *Прим. авт.*) приказывает отобрать знамя. Многие бойцы начинают плакать, прямо рыдать. Здесь мы уже почувствовали, что **публика** вся в наших руках. Мы приказали сложить оружие, отойти в сторону и выдать зачинщиков. После этого было выдано 107 человек, и бойцы обещались представить сбежавших...»

Мы неспроста выделили слова «артистически» и «публика». Думается, в этой почти «фрейдовской» оговорке кроется ключ к пониманию всего происходящего.

«Почувствовали, что публика в наших руках».

Кто мог бы произнести такую фразу? Режиссер? – Да.

Театральный антрепренер? – Без сомнения.

На худой конец, владелец бродячего цирка. Но никак не будущий маршал и трижды герой. В его устах она звучит дико, коробит слух.

И в то же время даже и тени сомнения не возникает, что на этот раз Ворошилов – вопреки своему обыкновению – говорит искренне. (В то, что вырывается невольно, откуда-то исподволь, вообще, верится сильнее.)

Пройдут годы. Театральный талант Ворошилова – маршала, не выигравшего ни одного сражения, партаппаратчика, объявленного «первым красным офицером» – станет известен всей стране.

Это он первым – еще в конце 1920-х – во всеуслышание наречет Сталина гениальнейшим полководцем, припишет ему чужие победы в Гражданской.

Это он отправит на смерть тысячи генералов и офицеров – своих друзей и соратников – лишь бы уцелеть самому.

Это он, тридцать лет певший Сталину осанну, отречется от него прежде даже, чем прокричит петух, а потом также беззастенчиво заклеит позором собственных единомышленников – Молотова, Кагановича, «ипримкнувшего к ним Шепилова».

Он будет перевоплощаться с той же легкостью, как это проделывают актеры на сцене. Менять взгляды так же, как меняют они свои роли. Virtuозно вживаться в образ. Настолько виртуозно, что в отставку уйдет лишь на 90-м году жизни...

Но если бы не спектакль, который поставил Ворошилов вместе со своим партнером Буденным осенью 1920-го, возможно, карьеры этой бы и не случилось.

Во что бы то ни стало им надо показать «федеральному центру», что все ошибки в Первой конной учтены и исправлены. Что убийство комиссара Шепелева – это исключительно частное явление, никакого отношения к общей картине не имеющее. Что ситуация в армии – полностью под контролем командования.

Для того-то и возникает совершенно неуклюжий пассаж об «организации бандитов» – дескать, если дивизия не выстроилась вовремя, значит у бандитов

«великолепная организация» (хороша организация: спяну погромить безоружных евреев).

Мысль эта – во всем виноваты бандиты, обманом затесавшиеся в стройные конармейские ряды, этакие волки в овечьих обличьях – для Буденного с Ворошиловым очень выгодна. Не случайно и в тексте приказа о расформировании трех полков как бы невзначай говорится: «чья-то шпионская рука тотчас же вытащила из кармана тов. Шепелева секретные военные документы».

Чья? Намек понятен. Где бандиты – там и шпионы. Сегодня он играет джаз, а завтра...

Из приказа РВС Первой конной Красной Армии (9 октября 1920 г., № 89):

«Там, где прошли преступные полки недавно еще славной 1-й конной армии, учреждения советской власти разрушены, честные труженики кидают работу и разбегаются при одном слухе о приближении бандитских частей. Красный тыл разорен, расстроен и через это уничтожено правильное снабжение и руководство красных армий, борющихся на фронте.

Трудовое население, встречавшее когда-то ликованием 1-ю конную армию, теперь шлет ей вслед проклятия. Имя Первой конной армии опозорено. Наши славные боевые знамена залиты кровью невинных жертв. Враг ликует от предательской помощи ему и от разложения частей нашей армии».

Итак, никакого отношения к погромам и грабежам буденовцы не имеют. Это дело рук исключительно «бандитов, разбойников, провокаторов и неприятельских шпионов» (еще одна цитата из того же приказа).

Очень удобное объяснение. Оно не только снимает с Ворошилова и Буденного ответственность за происходящее. Оно еще и обеляет всю Первую конную, ведь получается, что армия – в массе своей – чистая и

здоровая. В погромах и убийствах погрязла одна только 6-я дивизия – но и с ней успели уже «разобраться», оцепив в кольцо и подогнав даже пару бронепоездов. (Лучшее средство от перхоти, говорят французы, гильотина.)

Конечно, никакого смысла разгонять дивизию не было. С тем же успехом можно было расформировать едва ли не половину всех частей Конармии. Но здравый смысл волновал Буденного с Ворошиловым в последнюю очередь. Это была показательная акция. Спецэффект – выражаясь театральным языком. Демонстративная порка, приуроченная к приезду московской комиссии. 6-ю дивизию попросту принесли в жертву конъюнктуре.

Это несмотря даже на все уверения и клятвы дивизионного командования. По иронии судьбы (а может быть, и по разнарядке сверху, – кто знает) руководители дивизии, пытаясь оправдаться, приводили те же самые аргументы, что и Ворошилов с Буденным, упирали на «диверсантов», «вредителей», и «шпионов». Этакая вертикаль демагогии.

Еще одна цитата – из стенограммы общего собрания всех командиров и военкомов 6-й кавдивизии, созванного по инициативе комдива Апанасенко. (Нечто вроде офицерского собрания.)

Каждый из выступающих умело расставляет акценты.

Начальник штаба дивизии Шеко:

«Агенты Петлюры и Врангеля проникают в нашу среду и разлагают дивизию. Нам, всем сознательным, необходимо объединиться, чтобы раз и навсегда добиться победы над врагами революции».

Помощник командира 31-го полка Седельников:

«Знаю бойцов своего полка, как честных защитников революции, вижу во всем этом гнусную работу агентов капитализма и издыхающей буржуазии».

Председатель ремонтно-закупочной комиссии
Дьяков:

«Ничтожные кучки примазавшихся к нам бандитов порочат честь дивизии. Предлагаю поклясться, что с сего дня не будет места в нашей дивизии таким элементам».

Это собрание было проведено 3 октября. А на другой день бывший комиссар 1-й бригады Романов, назначенный взамен убитого Шепелева военкомом дивизии, отсылает в РВС Конармии разгромный рапорт.

О причинах такого поступка можно только догадываться: на дивизионном собрании Романов присутствовал, но слова почему-то брать не захотел. Предпочел сразу же донести по инстанциям.

Что это? Обычная интрига? Крик души? А может быть, не по собственной инициативе действовал военкомдив? Кто-то посоветовал Романову проявить «принципиальность»? Намекнул, что не забудут его Ворошилов с Буденным?

Впрочем, все это уже из области предположений. Никаких документов, свидетельств на этот счет в архивах не сохранилось (да и не могло сохраниться: опытные политики не оставляют следов).

А вот сам рапорт сохранился. Именно он и послужил последней каплей в решении армейской верхушки отдать на закланье мятежную дивизию...

Из рапорта военкомдива 6 Романова (4 октября 1920 г.):

«Положение дивизии за последнее время весьма серьезное. Почти в каждом полку, определенно, засели шайки бандитов, свившие там себе прочные гнезда, с которыми необходимо повести самую решительную борьбу, ибо теперь, отводя нашу Армию в тыл, они по пути творят что-то ужасное: грабят, насилуют, убивают и поджигают даже дома. В особенности все это проявляется по отношению к еврейскому населению,

нет почти того местечка, где бы не было еврейских жертв, совершенно неповинных ни в чем.

Причиной всех этих явлений являются следующие факты: во-первых, зло это давно назревало в дивизии, и в свое время не принималось никаких мер для предотвращения. Это является лживой политикой военкомов, в то время, когда они уверяли в своих политсводках, что все в частях обстоит благополучно, не то было в действительности. Примером к тому – 2-я Кавбригада, насчитывающая до 400 коммунистов, но это только на бумаге – их нет в жизни.

Бессознательная бандитская масса, которая не поддается абсолютно политической обработке, остается совершенно не наказанной. Пример к тому, когда я передавал виновных в ранении Военкома 31 Кавполка тов. Кузнецова в Реввоентрибунал, то вместо того, чтобы преступники понесли должную кару, они не только не осуждены Ревтрибуналом, но даже оправданы, и были возвращены обратно в бригаду, как и преступники по убийству Во-енкомбрига, тов. Жукова, происшедшего до меня. Последствием таких действий явилось убийство тов. Шепелева.

Учитывая все вышеизложенное, я принимаю всевозможные с моей стороны меры для приведения дивизии в должное состояние, но, все же, нахожу, что один я не в силах справиться сейчас, а потому, предлагаю в самом срочном порядке снарядить экспедиционный отряд для изъятия из дивизии всех бандитских элементов, и скрывающихся агентов Петлюры, Врангеля и белопо-ляков, ибо, в противном случае, дивизия в скором времени, в большем ее составе, сможет служить хорошим пополнением тем бандам, против которых мы сейчас идем бороться».

14 октября. Знаменка. РВС Конармии

– Ну-с, кто начнет? – председатель ВЦИК, всесоюзный староста Калинин, кинул взгляд через

круглые линзы очков.

На несколько секунд за столом воцарилась тишина. Все посмотрели на командарма Буденного, но он сидел не реагируя, перочинным ножичком выковыривал грязь из-под ногтей.

– Разрешите, – на выручку другу незамедлительно поспешил Ворошилов. Уж он-то как никто другой знал, сколь косноязычен бывает Буденный. Вот в сабельных рубках равных ему нет, а диспуты, дискуссии – не его это стихия.

Калинин одобрительно кивнул, и в кивке этом Ворошилов почувствовал какой-то одному ему только понятный знак. Действуй, мол, Клим. Сумеешь выплыть – выплывай, никто специально топить тебя не будет.

Он, в общем-то, не враг ему – Калинин: нормальный мужик, из рабочих, не чета всяким графьям. Дворяне – они и есть дворяне. Белая кость. Какие бы речи ни толкались с трибун про равенство и братство, никогда они не встанут на одну доску с мужиком. Это как тургеневские баре, которые беседовали с дворовыми запросто, но ко рту прижимали надушенный платочек: демократизм демократизмом, но слишком уж тяжел от мужика запах.

Сколько таких «чистеньких» большевиков-романтиков повстречал уже на своем пути бывший луганский слесарь Ворошилов? Тех, кто пошел в революцию не с голодухи, не от безысходности – от дворянской скуки или еврейского любопытства, начитавшись всякой романтической мути, вроде Степняка-Кравчинского¹³.

Ворошилов понимал: в эти часы должно решиться его будущее. Если не сумеют они сейчас уболтать комиссию, все многолетние труды пойдут насмарку. А ведь сколько сил потратили на то, чтобы подчинить

себе Первую конную, избавиться от конкурентов? Одна история с Думенко¹⁴ чего стоит. А Миронов¹⁵?

Только кому сейчас есть до этого дело. Снимут с позором, отправят куда-нибудь за Урал – на третьи роли. Слишком многим успехи Первой конной застыли глаза: и вездесущим чекистам, которые не могут простить их с Буденным независимости, того, что не бегают они к ним на поклон, не заискивают, как другие. И Лейбе Бронштейну-Троцкому, в котором играет еврейская кровь: погромы местечек, видите ли, его коробят, хотя казаки без погромов – все равно что революция без евреев.

Ворошилов еще раз мельком бросил взгляд на сидящих за столом, словно пытался понять, чего от кого следует ждать. Луначарский – Наркомпрос, Семашко – Наркомздрав; «белые воротнички», дворяне – эти, пожалуй, самые опасные, больно уж интеллигентны. Особенно главнокомандующий Каменев – бывший Генерального штаба полковник: как и все «военспецы», к крестьянским командирам относится презрительно, всерьез не принимает.

Наркомюст Курский – тот попроще, бывший прапорщик, хотя тоже из «старых большевиков». Преображенский – член ЦК, недавний секретарь Уральского обкома. С этим непонятно: белая ворона, никак себя зарекомендовать еще не успел. Евдокимов¹⁶ – зам. начальника Особого отдела фронта, только что назначенный: эту братию Ворошилов не любил особенно.

В общем, одна надежда – на Калинина, старого знакомого еще

по Петрограду: вместе делали революцию в 1917-м. Его мнение

будет главенствующим: это Ворошилов понял сразу, как только

комиссия приехала в штаб армии.

На секунду он мотнул головой – словно перед прыжком с обрыва¹⁷...

– Я хочу коснуться краткой истории нашего движения на польском фронте, чтобы стало ясно то положение, в котором находится сейчас наша армия. – Ворошилов начал издавека. – Пока мы шли вперед, настроение было превосходное. Когда наступил момент отхода, к этому времени армия достигла наивысшего напряжения и переутомления. Нужно было немедленно отводить, хотя бы отдельными частями, для отдыха или вливать новые свежие крупные пополнения, чтобы дать возможность на месте устраивать передышку. Это сделано не было.

Члены комиссии слушали внимательно, не перебивали, и молчание это было сладостнее любой музыки.

– Элементы, настроенные против, сразу подняли голову, – подбодренный молчанием, Ворошилов пересел на любимого конька. – Кроме того, по пути происходило пополнение добровольцами, из которых, как потом оказалось, было очень много дряни. Особенно 6-я дивизия, состоящая из добровольцев Ставропольской губернии – сами по себе мелкособственнические элементы, в начале отхода получилось ядро бандитов.

(Внутренне себе заплотировал: «Про 6-ю „мятежную“ дивизию и мелкособственнические элементы – хорошо ввернул».)

– Впервые 23-24 сентября мы узнали, что в 6-й дивизии не все благополучно. Дивизия эта оставалась на расстоянии 80-100 верст от нас, и мы, находясь в главных частях, и не подозревали, что там что-либо происходит, потому что докладов от начдива не было. И те мерзкие погромные действия, которые начались в

дивизии, явились неожиданными. Но мы быстро все узнали, и сейчас же приняты были меры.

После этих слов Калинин одобрительно закивал. О принятых мерах ему успели уже рассказать подробно. Сорок мятежников пустили в расход еще до его приезда.

Но не все с Калининным были согласны.

– Вы говорите, что меры приняли тотчас же, – подал голос кто-то из членов комиссии. Кто именно – Ворошилов разглядеть не успел: скорее всего, Луначарский. – Почему же бандитские полки были расформированы только двумя неделями позже?

«Ах ты, зануда. Ждешь, наверное, что я скажу: потому что поступила телеграмма от Троцкого?!»

– Сразу принять крутые решительные меры мы не могли, – немедленно парировал Ворошилов. – В других дивизиях общее объективное положение было такое же. Только субъективно состав там был лучше. Поэтому потребовалось около 2 недель подготовительной работы. Нужно было иметь части, которые в случае надобности стали бы и расстреливать.

– Что значит, в других дивизиях положение такое же? – не унимался голос.

– Да, в других дивизиях были сложности. – Ворошилов отвечал как можно спокойнее. Скрывать очевидное было глупо. Напротив, чем откровеннее говоришь о недостатках, тем большее к тебе доверие.

– В 11-й дивизии началось было немного, но заранее ликвидировано. Но операция над 6-й дивизией, безусловно, произвела отрезвляющее впечатление и на остальные дивизии, нам нужно сейчас публику «накачивать», и вы приехали к нам в очень нужный момент.

Последнюю фразу он произнес специально для «дворян», и по тому, как зарделись члены комиссии, понял, что угодил в точку. В общем настроении

совершенно явственно наметился перелом, и Ворошилов тут же поспешил им воспользоваться.

– Конечно, ничего опасного и страшного не было. – После этих слов даже Буденный от неожиданности востепенел, удивленно заморгал ресницами. – Хотя 6-я дивизия, безусловно, натворила много безобразий. Но сейчас, повторяю, армия абсолютно здоровая. Боеспособность у нее даже при том состоянии, которое имелось в 6-й дивизии, не терялось, все оперативные приказы выполнялись, потому что резание жидов они не ставили ни в какую связь с воинской дисциплиной.

Ворошилов закончил, оглядел стол. По всему выходило, что речь его имела успех. Только бы следующие ораторы не подкачали.

– Товарищ Ворошилов, давая картину событий, упустил из виду одно важное обстоятельство. – Член армейского РВС Минин заговорил, не спрашивая даже слова, по-прежнему чувствовал себя значительной фигурой. В 1917-м Минин был председателем Царицынского ревкома, потом выполнял особые задания ЦК и лично Ленина на Западном фронте и ксылке в Первую конную относился как к явлению временному. Если от кого и следовало ждать подвоха – так только от него, хотя еще накануне все вроде было обговорено-переговорено.

– Командный состав в большом количестве был выбит, и 6-я дивизия, сохраняя боеспособность, представляла из себя почти толпу, потому что командиров приходилось назначать из бойцов, и армия в таком виде начала отступать.

(«Нет, не подкачал Минин».)

– Нужно еще отметить, что противник обратил особенное внимание на конную армию, в смысле ее внутреннего разложения. 6-я дивизия при отступлении была задержана на польском фронте, и, таким образом, без руководящего командного состава, представленная

сама себе, она сразу наполнилась преступными элементами.

Минин произносил фразы отрывисто, чеканил слова. Его несло уже, и Ворошилов почувствовал, что сейчас член РВС, старый большевик Минин со всей своей партийной упертостью вырулит не туда. И точно.

- Затем я должен сказать («Должен! Вот именно должен!»), что это отрицательное явление определено коснулось и других дивизий. Так, в 11-й дивизии был убит начальник снабжения. Затем в этой же 11-й дивизии, где мы стояли на станции по 30 сентября, отдельными бандитски настроенными частями были выпущены арестованные из особого отдела. Когда мы приняли меры и прогнали бандитов, то через некоторое время получили сведения, что полки 2-й бригады 11-й дивизии идут на нас. Пришла делегация и заявила, что жида арестовали буденовцев, и когда хотели их освободить, то были обстреляны. Мы объяснили, в чем дело, и сказали, чтобы полки были остановлены. Но в это время они уже подошли к станции и были в большом недоумении, когда вместо жидов увидели нас. На другой день мы потребовали выдачи зачинщиков, и нам было выдано 8 бандитов и 9 зачинщиков. Это было 30-го, а 28-го была разгружена Бердичевская тюрьма. Делалось так, как и раньше - под лозунгом, что жида и коммунисты сажают буденовцев. Реввоенсоветом был дан приказ - дать сведения и арестовать виновных. Но сведения долго не поступали, пока, наконец, мы не поехали сами и не узнали, что были арестованы командиры 4-го и 5-го эскадронов.

(«Господи, куда его понесло?! Зачем надо было касаться других дивизий!»)

Впрочем, Минин, кажется, и сам уже понял свою оплошность, а потому резко начал разворачиваться назад.

- День операции в 6-й кавдивизии нужно считать днем перелома не в узком смысле слова - подъема боеспособности, а очистки от негодных элементов. Ваш приезд - очень счастливое совпадение со всем произошедшим. Перелом уже наметился, у нас уже имеется 270 человек, выданных бойцами, и сейчас должна начаться очистительная работа. Мы предлагаем провести ряд беспартийных конференций и несколько дней партийной работы, чтобы армия была вымыта и надушена. Так что ваша работа будет иметь очень благодатную почву.

Он закончил, весьма довольный собой. Про счастливый приезд комиссии и про вымытую армию - это удачно вышло. И про роль парторганизации; пусть в Москве знают, что большевик с 1905 года Минин хлеб свой проедает не зря.

- Кто еще хочет высказаться? - Калинин с выводами пока не спешил, играл в демократию.

С места поднялся начальник армейского политотдела Вардин¹⁸. Одернул гимнастерку. С грузинской горячностью заговорил:

- Армия в течение трех с половиной месяцев была без передышки в боях. Когда мы начинаем говорить о политической работе, это нужно иметь в виду.

Волнуется Вардин, ох волнуется, кавказский акцент пробивается сразу. Перед членами ЦК выступать - это не в казачьем кругу политграмоту читать.

- В той же 6-й кавдивизии за это время комиссарский состав переменялся 2-3 раза и, конечно, более низкопробным элементом. Самое больное место у нас - это комиссары эскадрона. Они, обыкновенно, рядовые бойцы, коммунисты, но коммунисты очень слабые, и которые иногда не прочь крикнуть вместе с бойцами: «бей жидов!».

(«Слава богу, – мелькнуло в голове у Ворошилова, – что в комиссии нет ни одного еврея. Видать, в ЦК поняли, что нечего дразнить гусей».)

– Теперь об антисемизме. – Вардин именно так и сказал: «об антисемизме». – Да, антисемизм, как и во всякой крестьянской армии, имел место. Но антисемизм пассивный. Лозунга «бей жидов!» до сих пор не было слышно. Для нас был куда серьезнее вопрос – отношение к пленным, которых беспощадно убивали и раздевали. Но бороться с этим политическому отделу Реввоенсовета было трудно.

И вот при таком положении наша армия не получила и 10-й доли того количества политработников, в которых она нуждалась.

Первая партия работников – около 200 человек, прибыла в конце июня, из которых можно было взять какой-нибудь десяток-два работников, могущих вести работу. Второй серьезный отряд – 370 человек, но когда стали их распределять, то только незначительная часть, каких-нибудь два-три десятка оказалась пригодна, а остальные или совершенно не приспособлены к армии, или совсем больные, глухие, хромые...

– Таким образом, – усмехнулся Луначарский, – 300 глухонемых агитаторов...

– Именно так, – Вардин осмелел, говорил уже уверенно, четко. – Все эти обстоятельства привели к тому, что политическая работа стояла и стоит на очень низком уровне. На днях была созвана партийная конференция, на которой подавались антисемитские записки. Спрашивают, почему жида у власти, мы их просто лишили мандатов и разрешили остаться с правом совещательного голоса. Перспектива у нас только от того – будут люди или нет.

(«Эк он все повернул, – оценил хитромудрость своего ученика Ворошилов. – Переложил всю

ответственность на центр. Дескать, дадите политработников – удержим ситуацию. Нет – пеняйте на себя».)

Тем временем, не дав комиссии опомниться, инициативу снова перехватил Минин. Чисто буденовская тактика: организовать прорыв обороны противника, кинуть на него все силы.

– При том положении, в котором находилась наша армия, – продолжил Минин, – тыловые учреждения постоянно отрывались, и получалась такая картина, что люди с переломанными ребрами валялись по несколько дней. Раньше учреждения настолько были запущены, что вообще не были похожи на советские учреждения. Был, например, расстрелян начальник административного управления – за насилие, другие коммунисты – за нарушение дисциплины и т. д.

Наконец-то свой голос – первый и единственный раз – подал командарм. Подал, как обычно невпопад, и Ворошилов вновь вознес вождям хвалы за их великодушие: окажись в комиссии хотя бы один еврей – столь любимое Буденным и буденовцами слово «жид» он даже в мыслях не произносил, слишком любил жену свою Екатерину Давидовну – так вот, прибудь с комиссией хотя бы один еврей, ох, нелегко бы им с Буденным пришлось...

– А здесь, еще когда проходили эту идиотскую Украину, где везде лозунг «бей жидов!», – Буденный начал с места в карьер, опять возвращаясь к болезненной еврейской теме, хотя никто его к этому не подталкивал, – и, кроме того, бойцы очень недовольные всегда возвращаются из лазаретов. Плохо обращаются в лазаретах, нет помощи на станциях при возвращении. И вот, обратившись к одному коменданту-еврею, к другому и не получив помощи, или вместо помощи – ругань, они видят, что они брошены без всякого призрения, и, возвращаясь в ряды, они вносят

разложение, рассказывая об обидах, говорят, что мы здесь бьемся, жизнь отдаем, а там никто ничего не делает.

Ворошилов видел, как вытянулись лица у Луначарского, Се-машки – других интеллигентов, да и самого его речь Буденного порядком покорила. Типичная антисемитская логика: во всем виноваты евреи. А если бы коменданты были хохлами – что тогда? Впрочем, чего еще ждать от малограмотного казака, недавнего унтер-офицера, волею судеб вынесенного волной на самый верх.

– Конечно, на этой почве преступная рука и сознательно ведет агитацию. – Буденный не снижал оборотов. Демагогию разводить он успел научиться неплохо. – Но мы в искоренении этих преступных элементов уже сделали большой шаг, и сейчас мы все очень рады приветствовать вас, благодарим за приезд, и надеемся, что вы поработаете с нашими бойцами, которые, проводя все время в крови и боях, никого не видят и мало что слышат.

– Ну что ж, – Калинин удовлетворенно кивнул, – мне кажется, товарищи достаточно подробно рассказали нам о том, что происходило в армии. Ничего не утаивали, не пытались скрыть от ЦК свои слабые стороны. – Он улыбнулся, посмотрел на Ворошилова. – Я предлагаю принять их доклады к сведению и окончательное решение принять уже после возвращения в Москву, а пока перейти к решению чисто технических вопросов...

«Страхуется, – понял Ворошилов. – Видимо, никаких четких указаний на наш счет пока не было».

Но что-то подсказывало ему, что главная опасность уже миновала. Самое неприятное – позади.

Они с Буденным выдержали этот бой, который, может быть, посложнее был даже, чем Егорлыкское сражение или «дело Миронова», вместе взятые...

Комиссия убыла в Москву через несколько дней. Расставались почти по-товарищески.

И хотя ничего определенного Калинин на прощание не сказал, отделался общими фразами, не было уже того беспокойства, которое испытывал Ворошилов ранее. Он почти был уверен, что поставленная им антреприза удалась на славу: никто из «артистов» не подкачал. Даже чекисты.

Последнее было особенно важно, ибо отношения между ко-нармейской верхушкой и армейской контрразведкой зашли уже слишком далеко.

Начальник особого отдела, упрямый латыш Зведерис, осмелел до того, что слал кляузы уже напрямую Дзержинскому, но сделать с этим ни Буденный, ни Ворошилов ничего не могли: особисты им не подчинялись.

Из-за чего все началось? Спроси их кто-нибудь об этом, ни Ворошилов, ни Зведерис и объяснить бы толком, наверное, не смогли. С обычных мелочей.

Один не пригласил другого на совещание. Второй – не информируя – взялся проводить какую-то операцию. Ерунда, в общем-то. Но эта ерунда, подобно снежному кому, разрасталась с каждым днем. Никто не хотел уступать друг другу, снизойти, каждый мнил себя слишком большим начальником. А когда опомнились – поздно уже было, слишком глубоко пустила корни вражда.

Не раз и не два Ворошилов с Буденным прикидывали, как избавиться им от непокорного особиста, выжить его из армии. Но Дзержинский своих людей в обиду не давал: для того-то и придумал военную контрразведку, чтобы держать армию под контролем – не случайно сам, лично, возглавил особый отдел ВЧК.

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло...

И вновь вторгаемся мы в сферу догадок и гипотез: слишком мало документов сохранилось в «деле Первой конной». Большинство бумаг было уничтожено еще в 1970-е.

Непреложные факты же таковы: 13 октября Калинин заслушал устные доклады начальника тыла в Кременчуге и начальника кременчугской «чеки», которые поведали председателю ВЦИК о разгуле бандитизма.

«В нашем распоряжении около 2 тысяч штыков, а организованных бандитов до 3 тысяч, – пожаловался Калинин начальник тыла. – И к ним еще присоединяются вооруженные крестьяне».

«Помощь с нашей стороны почти что невозможна. – Председатель ЧК Магон полностью его поддержал. – Очень нежелательное явление то, что в ЧК – 70 процентов евреев, и посылать их в деревню абсолютно нельзя».

Конечно, доклады эти никак не компрометировали ненавистного начальника контрразведки Зведериса, тем более что особые отделы местным чекистским органам не подчинялись. Но почти наверняка в памяти Калинина их слова отложились, а значит, не мог он не задуматься: отчего же бандиты чувствуют себя в губернии столь вольготно и безнаказанно?

Ответ на этот вопрос он получает двумя днями позже, от некоего представителя особого отдела Конармии по фамилии Новицкий.

Кто такой Новицкий? Какова его должность? Почему, в конце концов, он, а не начальник контрразведки делает доклад председателю ВЦИК – второму человеку в государстве – ничего этого установить теперь уже невозможно.

Есть лишь машинописный лист с изложением «устного доклада председателю ВЦИК представителя

Особого отдела Первой конной армии Новицкого», больше, впрочем, похожего на донос.

«Работа в Первой конной армии поставлена неудовлетворительно. При начальнике Особого отдела Зведерисе совершенно ничего не делалось. В армии развились антисемитские, антикоммунистические настроения. Мер никаких не было принято.

При отступлении в гор. Ровно появились первые признаки погромов. Когда я докладывал начальнику и спрашивал, что нужно сделать, то мне было отвечено, что ничего особенного не сделано, что разгромлено только 4 лавчонки».

Был ли этот доклад инспирирован Ворошиловым и Буденным, или же чекиста Новицкого использовали втемную? И снова – вопрос без ответа. Понятно лишь, что своими силами, без посторонней помощи, какой-то «представитель» Особого отдела никогда не сумел бы добиться аудиенции у самого Калинина.

А кто, как не армейская верхушка, более всего была заинтересована в компрометации главного контрразведчика Первой конной?

Буденный с Ворошиловым – опытные интриганы. Подобных провокаций на их счету имелось уже предостаточно. Собственно, в первую очередь благодаря таким «деликатным» делам будущие маршалы и получили под свое начало Первую конную, обрели славу героев революции.

Сначала была история с Думенко, кадровым офицером, под началом которого служил по первости георгиевский кавалер Буденный, начавший свою карьеру с того, что с 24 казаками – такими же башибузуками, как и он сам, – налетел на станицу Платовскую, вырезал конвой и освободил пленных красногвардейцев.

Поутру в отряде его было уже 520 штыков. С ними-то и пристал Буденный к отступающей 10-й армии.

Кавалерийский талант опытного рубаки проявил себя скоро. Буденный начал расти, но выдвинуться на первые роли, сколь ни бился, не мог. Он всегда оставался заместителем при Думенко – в полку, бригаде, потом в дивизии.

Тогда-то и заметил его партийный функционер Ворошилов, брошенный на армейскую работу. Будущие маршалы подружились, и очень скоро Думенко был арестован и приговорен к расстрелу: они обвинили его в контрреволюционном заговоре. Избавившийся от обузы Буденный тут же был назначен командующим Первым кавалерийским корпусом.

Но здесь соратников подстерегала новая преграда: командир Второго кавкорпуса Миронов, не желавший признавать их превосходство. И вновь в ход пошли те же методы: Буденный арестовал Миронова по ложному обвинению в измене, и только спешное вмешательство председателя РВС Троцкого, лично знавшего Миронова, спасло того от расстрела. Тем не менее корпус он потерял. Мироновские части влились в состав буденновского соединения: на их базе и была создана вскоре легендарная Первая конная...

Конечно, и чекиста Зведериса тоже сподручнее было обвинить в измене (да и привычнее), только вряд ли что-нибудь из этого получилось бы. Дзержинский не отдаст своего соглядата на заклятие – все доносы заберет к себе, перепроверит: неровен час, придется самим потом отдуваться за клевету.

Но недаром товарищ Сталин сказал (или скажет еще): нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики.

Опытными, матерыми интриганами были Ворошилов с Буденным. Даже собственные промахи и неудачи – за которые едва не пришлось распрощаться им с должностями, – они умели ставить на службу своим интересам.

Из рапорта чекиста Новицкого выходит, что именно начальник особого отдела, а вовсе не командарм с заместителем в ответе за все грехи Первой конной. Это он не принимал никаких мер, чтобы прекратить безобразия. Это он закрывал глаза на все. Это он потворствовал погромщикам и грабителям.

Тогда за что же наказывать Буденного с Ворошиловым? Вот он, главный виновник – контрразведчик Зведерис. С него и весь спрос.

Знакомый почерк. Точно так же, по тем же сценариям, убивали до того Думенко, Миронова. А сколько убьют еще потом?...

Одним махом Ворошилов с Буденным решали сразу две жизненно важные задачи. Не только перекладывали на плечи особиста свою вину, но и расправлялись таким образом с противником.

«Сейчас, после разоружения 6-й кавдивизии, – заканчивал свой доклад Новицкий, – темный элемент в дивизии все-таки остался, и ведет агитацию за то, чтобы были освобождены выданные дивизией бандиты.

У нас сил очень мало и если эти оставшиеся бандиты захотят, то они смогут отбить арестованных».

Вывод напрашивается сам собой: если Зведерис останется на своем посту, Первую конную ждут новые потрясения. Но в этом случае вся ответственность будет лежать уже на правительственной комиссии и лично на Калининe: они ведь были упреждены заранее.

Слишком серьезный риск. И слишком высоки ставки в этой игре, тут уже не до справедливости (да и когда, в конце концов, справедливость играла хоть какую-то роль в политических дрязгах?).

Нам неизвестно, предпринимал ли какие-либо усилия председатель ВЧК, чтобы защитить своего начальника особого отдела. Если даже предположить, что нечто подобное имело место, шансов на победу у Дзержинского практически не было. Судьба

непокорного Зведериса полностью была отдана теперь на откуп ЦК, стала вопросом политическим, а с ЦК даже Феликс редко осмеливался спорить.

Впрочем, Зведерис не желает сдаваться без боя. Он успевает отправить в Президиум ВЧК рапорт...

Из рапорта начальника Особотдела Первой конной армии:

«С момента приезда в Особотдел 1-й Конной армии, нам пришлось столкнуться с таким ненормальным явлением, как нелады с Р.В.С. Армии и Особого отдела. Нами в первую голову как раз и начаты мероприятия, которые должны были устранить эти недоговоренность и отчуждение Особого отдела от реввоенсовета, и мы достигли как будто успеха. Но это только казалось.

Мы встретили преграду, которую рассматриваем в принципиальной плоскости. Нас Реввоенсовет, и, в частности, член его, тов. Ворошилов, обвиняет в провокации. Какой, понять не можем. Посылаю Вам копию дела агентурной разработки по выяснению шайки бандитов в гор. Екатеринославе...»

Небольшое отступление. В архивах ФСБ сохранилось ничтожно малое количество оперативных дел 1920-х годов. Большинство их было уничтожено одновременно с их исполнителями и разработчиками еще в 1930-е.

Можно лишь гадать, что представляла собой разработка, о которой пишет начальник контрразведки. Из скудных деталей, упоминаемых Зведерисом, единой, цельной картины выстроить теперь уже невозможно. Так – отдельные наброски, контуры.

Обидно. Ведь разработка эта стала камнем преткновения между Особым отделом и Ворошиловым. Из-за нее-то и разгорелся весь сыр-бор.

Читаем рапорт дальше:

«Когда была проведена эта операция, то тов. Ворошилов поднял вопрос о том, что это „вообще провокация“. Во время объяснений, которые были даны

РВС по этому поводу, тов. Ворошилов стал нас обвинять в том, что операция прошла не организованно, и что с нашей стороны не было предпринято ничего, чтобы предотвратить жертвы (во время перестрелки были ранены Комиссар по обыскам и арестам, и пять человек красноармейцев из караула; Комиссар от раны умер).

Было ли это виной нашей нераспорядительности и неподготовки к этой операции, просим смотреть из материала, который Вам посылается (хорошо бы посмотреть, да, увы... – *Прим. авт.*), или это было причиной объективных условий, которые существовали во время операции /электричества в это время в городе не было, была лампа, которая потухла от выстрела, неисполнение красноармейцами тех директив, которые им были даны и мельчайшей подробностью объяснены/. Если нас винить в том, что мы потеряли одного убитым, то подобные операции всегда могут сопровождаться таким явлением.

Во время объяснений тов. Ворошилов заявил: "Что для нас эти четыре бандита (видимо, задержанные в ходе операции. – *Прим. авт.*), когда разрушено здание Губфинотдела". Добавляю, что в Губфинотделе выбито два окна, когда бандиты старались вырваться из ловушки, и прострелен потолок при стрельбе. Больше разрушений не было. И, несмотря на то, что было указано на развитие дела и при допросе выданы другие бандиты, тов. Ворошиловым было замечено – «Вы теперь будете хватать каждого – виновен он или нет». Перспектив в разработке этого дела он не видит и наше объяснение считает не веским и «мальчишеским».

Это была просто прицепка. Нужно сказать, что тов. Ворошилов как-то вообще относится недоброжелательно к Особотделу, и с приездом его почувствовалась сгущенная атмосфера. Нетерпящий Чрезвычайных Органов, тов. Ворошилов органически не может допустить того, что Особый Отдел Армии окреп и

стал на ноги. Каждый начальник бывает два-три месяца, после чего, под каким-нибудь предлогом его убирают. Публика это знает, и так привыкла, что сейчас в некоторых Дивотделениях уже нетерпеливо поговаривают – «почему мы здесь задержались на три месяца?»

Первое полное заседание в Реввоенсовете, где пришлось отстаивать существование Отряда при Особотделе (скорее всего, отряда по борьбе с бандитизмом, подчиненного напрямую армейской контрразведке. – *Прим. авт.*) – когда Ворошилов, отрицая необходимость положенного по штату отряда, заявил: «Я не допущу, чтобы кто-то производил какие-нибудь операции в частях». Сказано это было в ответ, что существование отряда и дивизиона необходимо на случай, если нужно будет усиленно проводить выему бандитов из частей. В общем, пять вопросов, поставленных на этом заседании об Особотделе, встречали со стороны Ворошилова самый демагогический отпор, и по адресу Особотдела выливались ушаты всякой грязи.

В дальнейшем пришлось прийти к следующему выводу:

в Армии бандитизм не изживется до тех пор, **пока существует такая личность, как Ворошилов**, ибо человек с такими тенденциями, ясно, является лицом, в котором находили поддержку все эти полупартизаны-полубандиты».

Фразу выделили мы сами, ибо она – суть кульминации всего документа.

Для столь серьезных обвинений требуются, однако, веские доказательства. Ворошилов – человек приметный, старый большевик.

Зведерис такие доказательства приводит...

«К этому времени началась демобилизация. Создалось особое триумфальное, демобилизационно-

праздничное настроение, вылившееся в повальном пьянстве и полном развале работы Штаба и учреждений, дошедшего до того, что когда Махно был в 20 верстах от Екатеринослава, и только случайно не завернул пограбить, в городе не только не было никакой фактической силы, но не было принято положительно никаких мер предохранения. Словом, ночное обследование дало в руки Особотделу богатый материал по спячке Штаба, гарнизона, отсутствие ответственных дежурств, мер охраны оперативных пунктов, и т. д. и т. п. Вместе с попавшими к нам печатями и секретными делами Штаба, оперативного его Управления, Реввоенсовета, Комендатуры города и т. п.

В то же время, в Реввоенсовете и членами, и в особенности разными их «Для поручений» и секретарями распивалось вино, привезенное из Крыма и с Кавказа. Дела доходили до такой циничности, что публика, напившись, отправлялась по разным благотворительным вечерам, прокучивая там сотни тысяч, и требовала обязательства присутствия, для подачи на столик, молоденькой коммунистки.

Нами было установлено, что среди пьянствующей братии, из приближенных рыцарей, есть и довольно темные в политическом отношении лица, как секретарь Ворошилова – Хмельницкий, бывший офицер, бывший коммунист, из Красной Армии перешедший к Деникину. Довольно подозрительными оказались и некоторые шоферы Ворошилова и Буденного, привезенные из Крыма, с офицерскими физиономиями.

Конечно, все это становилось известным Ворошилову, и, самодур по натуре, он возненавидел уже нас персонально, решив, в то же время, что дальнейшее усиление Особотдела может иметь скверные последствия для существующего распорядка, и персонально многим высоким «барахольщикам». Не

давая никакой фактической поддержки для усиления и создания аппарата АрмОсоботдела, Ворошилов /напоминаем, что он имеет два голоса в Реввоенсовете/ искал случая, чтоб придраться и посадить Особотдел на старое место мертвого учреждения, никого не беспокоящего. Случай такой, по его мнению, скоро представился – как раз эта операция с бандитами.

На другой же день, в квартире Командарма, Ворошиловым, главным образом, начали фабриковаться и усиленно распространяться слухи о том, что налет сделали мы сами, что Особотдел занимается провокационной работой, что нужно-де принять меры против него.

Вызывался Председатель Трибунала, Предгубчека Трепалов, устраивались какие-то совещания, но от нас ничего не требовали. Уже по нашей инициативе нас вызвали в Реввоенсовет, где были представлены все доводы, вплоть до агентурных сводок. Но, вломившись в амбицию, Ворошилов уже не хотел сдавать позиции, и, увидев, что он зарвался, решил продолжать дело. Теперь наше обвинение, в провокации, естественно, показывает его отношение к работе Особотдела, и мы у него попали в опалу. Для нас это было безразлично, так как мы делаем свое дело, и на угрозы со стороны тов. Ворошилова – арестовать нас и предать суду Реввентрибунала Республики – мало беспокоимся».

Так вот, оказывается, в чем кроется главная причина вражды Ворошилова с чекистами. Двое пернатых в одной берлоге не живут.

Ворошилову с Буденным не нужны были опасные соглядатаи. Неуправляемые. Собирающие на них же компроматериалы.

(А кому, впрочем, такие нужны? Уже в наши дни, сплошь и рядом, губернаторы, президенты национальных республик продолжают традиции Ворошилова. Счет территориальным силовикам,

которые распростились со своими должностями в угоду политической конъюнктуре и подбострастности своего руководства, идет на десятки.)

Какие бы письма ни отсылал в центр непокорный Зведерис, какие бы факты ни приводил – судьба его была, по сути, предрешена. ВЧК – вооруженный отряд партии...

Время чекистского всемогущества наступит позднее, когда одним лишь мановением руки вчерашние хозяева жизни – посерьезнее даже, чем Буденный с Ворошиловым, образца 1920-го – будут превращаться в лагерную пыль.

Но навсегда первые маршалы запомнят человека, упрямство которого едва не стоило им карьеры. Наверняка во многом благодаря и ему через всю жизнь пронесут они нелюбовь к страшному зданию желтого цвета, к которому даже железный Феликс встал повернувшись спиной.

И Ворошилов и Буденный чудом выжили в годы чекистского молоха. Чудом и кровью, которой покрестил их «отец народов», ведь под всеми приговорами, делами генералов и командиров стояла незатейливая подпись наркома Ворошилова.

(«Мы почистили в Красной Армии, – отчитывался он с трибуны в 1937-м, – около четырех десятков тысяч человек».)

И тем не менее: в 1937-м, как «польскую шпионку», взяли жену Буденного, артистку Большого театра Ольгу Михайлову. В 1952-м, в разгар борьбы с космополитизмом, едва не загребли самого Ворошилова – вспомнили и жену-еврейку, да и новую кровь пора уже было пускать. Только скорая смерть «вождя» спасла его от расправы.

Вполне возможно, погиб в эпоху большого террора и упрямый особист Зведерис. Даже наверняка: такие люди долго не заживались – за редким исключением

репрессированы были практически все старые чекистские кадры. Впрочем, это лишь наше предположение, ибо найти личного дела Зведериса нам не удалось.

Последнее упоминание о нем датировано январем 1921-го. Это заключение ВЧК, которое ставило точку во всей затянувшейся уже порядком истории.

Виновником всех бед Первой конной единодушно утвержден особист Зведерис. Это он, оказывается, «не обращал никакого внимания на внутреннюю политическую жизнь, не приняв заблаговременно никаких мер (...), благодаря чему политическая жизнь в армии протекала ненормально, и всякий тюремный элемент мог свободно проделывать свои темные делишки».

Вывод понятен:

«Начальника Особого отдела 1-й Конной армии, тов. Зведери-са, отстранить от занимаемой им должности:

а) с одной стороны, как несоответствующего своему назначению;

б) с другой стороны, человек, который не хотел интересоваться той огромной работой, которая на него возложена».

А через несколько месяцев Климент Ворошилов станет членом ЦК...

В 1930-х годах была в ходу такая песня:

Когда страна прикажет быть героем, У нас героем становится любой.

Этакий героизм по разнарядке...

Буденный и Ворошилов – из этой когорты. Несмотря на все свои регалии и титулы, в военном деле они понимали слабо. Ворошилов – тот вообще не был полководцем: парработник, брошенный в войска «на усиление». Буденный был хорош лишь в сабельной рубке. О его интеллекте слагали анекдоты.

Такой, например:

– Скажите, – спрашивают Буденного, – вам нравится Бабель?

– Это, смотря какая бабель...

Но «страна приказала» – и пришлось стать маршалами. Позировать художникам. Открывать парады.

Они так хорошо это делали, что со временем и сами поверили в собственное величие. А потом наступила война, и за их бездарность своими жизнями пришлось расплачиваться сотням тысяч человек – тем, кому посчастливилось воевать в составе фронтов под командованием «прославленных маршалов».

После провала Киевской операции Сталин вынужден будет снять Буденного с Юго-Западного фронта. Мог бы расстрелять, но пожалел: перевел на резервный Северо-Кавказский фронт, а в 1943-м от греха убрал и оттуда: сделал командующим кавалерией Красной Армии. Это в 1943-м, накануне Курской битвы, когда решающую роль в войне полностью заняла бронетехника и авиация.

Ворошилова, провалившего Ленинградский фронт, поставил на партизанское движение. Рассудил здраво: большего вреда нанести все равно не сумеет. Партизаны – под надежным присмотром чекистов, против них Клим и пикнуть не посмеет...

Звезды Героев им повесили уже после войны: к юбилеям. Чтоб не обидеть...

Эти люди преуспели в другом: в войне тайной, подковерной. В войне интриг и заговоров.

Здесь им точно не было равных. Только вот начальник особого отдела Первой конной Зведерис понял это слишком поздно...

В советской историографии Первая конная находилась примерно в том же положении, что и Малая земля.

Истинную правду о том, что представляла собой армия в действительности, мы узнаём только сейчас. Да и ту – отрывисто.

Ведь разработки по Ворошилову и Буденному, которые начинал особый отдел Первой конной, были свернуты сразу после изгнания Зведериса.

Стране были нужны герои. И порочить их не было позволено никому...

Глава 2

КОНЕЦ АТАМАНА

«Смешно, – подумал Махмуд, – почему он шевелит усами, когда читает? Может, проговаривает про себя?»

Подумал и сам удивился: в такой решающий момент в голову отчего-то лезут дурацкие мысли. Про тараканов, которые так же шевелят усами. Про парикмахеров. Интересно, например, можно ли полировать лысину? Или у одних она блестит, как у сидящего напротив человека, а у других нет?

Махмуд нащупал в кармане револьвер, положил палец на спусковой крючок, и дурацкие мысли сразу же улетучились. Задержался, задрожал от волнения левый глаз – он давно знал за собой эту напасть: в стрессовых ситуациях на него вдруг нападал тик. Но, слава богу, в комнате царил полумрак и этого никто не заметил.

Он досчитал до пяти. Гулкий выстрел разорвал вечернюю тишину – еще мгновение назад такую умиротворенную, сонную. Все случилось в какие-то доли секунды, правда секунды эти показались ему мучительно долгими, тянущимися, словно чурчхелла.

Будто со стороны, откуда-то сверху он увидел, как медленно съезжает со стула атаман. Как бросается вперед адъютант – совсем молоденький мальчишка, кичиджик оглан, с розовыми щеками (видно, недавно только начал бриться), – но револьвер выплевывает вторую пулю, и на блестящем от пота адъютантском лбу расплзается кровавое пятно. Как падает этот кичиджик ог-лан, смешно разбросав нескладные руки, – ни дать ни взять поскользнулся на катке. Падает в темноту, потому что смахнул он со стола свечку, и комнату наполнил мрак...

В этой темноте Махмуду стало как-то покойнее. Он нащупал ногой тело атамана, на всякий случай, от греха, выстрелил наугад еще раз и выбежал на улицу...

...Лунный свет неприятно резанул глаза. Он даже зажмурил их на какое-то мгновение, а когда открыл, то неожиданно подумал: а тик-то прошел...

Безымянный мандат

Предъявители сего 5 человек мусульман командируются Чрезвычайной комиссией за границу, вооружены револьверами, бомбами, а потому никаким арестам, обыскам, задержаниям не подлежат, а все учреждения Красной Армии обязаны оказывать им всяческое содействие, что подписью, приложенной печатью, удостоверяется.

Действителен в течение 6 дней со дня выдачи.

Виновные в неисполнении сего подлежат суду Чрезвычайной комиссии.

29 февраля 1920 г.

Об убийстве Троцкого знают все. Все знают, что агенты НКВД зарубили Льва Давидовича альпенштоком – альпинистским топориком.

А открытое окно невозвращенца Раскольников¹? А отравленный зонтик болгарина Маркова²? А Бандера³, Рейс⁴, Агабеков⁵, Кривицкий⁶?

Сколько таких заграничных ликвидаций было вообще? Скольких врагов народа отправили к праотцам чекисты? Ответить на этот вопрос не в силах никто, да и глупо было бы даже представить подобную статистику. Что это, бухгалтерский отчет: расход, приход? Зато мы с уверенностью можем сказать, с чего все началось: 11 февраля 1921 года. Китайская крепость Суйдун. Именно в тот день агенты советских спецслужб провели первую в истории ВЧК-КГБ закордонную операцию.

В феврале 1917-го, когда лавочники и всякая жидовня понацеп-ляли красные банты, загорелась над Россией звезда атамана Дутова. Потом, уже за кордоном, он часто будет вспоминать эти лихие дни, которые вихрем пронесли над страной, закрутили ее, завертели, вынесли на поверхность новых вождей. Вновь и вновь будут всплывать в памяти какие-то обрывки былого: шлепающие по весенним лужам солдатики в обмотках... разбрасывающие цветы пьяные бабы у Варшавского вокзала... маленькая собачонка, обалдело снующая внутри радостно-возбужденной толпы...

Дутов закрывает глаза. Он снова стоит на трибуне в подпол-ковничьих погонах и видит зал, набитый как бочка с солеными огурцами (кажется, полжизни отдал бы сейчас за такой огурец – тугой, словно титьки у казачек его станицы). Лица казаков, пьяных от свободы и самогона. Крик «любо!», который вбирает в себя все пространство вокруг.

От воспоминаний этих еще сильнее сжимаются зубы. Еще крепче начинает ненавидеть он комиссаров, которые отняли у него славу, триумф, могущество... Которые превратили его – легендарного атамана Дутова – в беглого, загнанного зверя.

...Он приехал в Петроград прямо с фронта. Шел по слякотной мартовской столице и краем глаза ловил взгляды встречных прохожих. Гордо ему было – за свой бравый вид, за статную походку, за лихо закрученные кверху усы. За то, что он, командир 1-го Оренбургского казачьего полка, делегирован на Всероссийский казачий съезд.

А потом – пошло-поехало, замелькала жизнь, как шикарная фильма. Дни, месяцы летели с немыслимой быстротой; иной раз невозможно было понять, где сон, а где явь.

Председатель казачьего круга. Председатель Союза казачьих войск. Член Совета Республики. Член Учредительного собрания. Представитель Союза казачьих войск на переговорах глав Антанты в Париже. Участник заседаний Совета Министров, государственных совещаний. Думал ли Дутов, сидя в промозглых, липких окопах, до каких высот подыметсЯ. Что будет спорить с самим Керенским⁷ – хотя ни о каком Керенском там, в окопах, он и ведать не ведал.

В октябре 1917-го, сразу после корниловского мятежа, Дутов уезжает домой – в Оренбург. Встречали его казаки как героя: от вокзала пронесли на руках. Избрали Войсковым атаманом. Тут и Керенский подоспел. Облагодетельствовал – назначил уполномоченным по продовольствию в губернии, наделил правами министра. И то верно: Дутов – самый популярный в Оренбуржье политик. Нравится это Керенскому, не нравится, но выхода нет: приходится считаться.

А потом наступил октябрьский переворот. В первый же день, 25 октября, Ленин прислал ему телеграмму, требовал, подлюга, признать Советскую власть. Дуля с маслом!

Войсковой круг полностью со своим атаманом согласился. Большевиков в Оренбурге объявили вне закона. Ввели военное положение.

«Мы видим в сумраке очертания царизма, Вильгельма и его сторонников, – гневно бросал атаман в зал рубленные фразы. Говорил он хорошо – четко, красиво, смачно, и толпа от восторга возбужденно срывала с голов картузы и фуражки. – Ясно, определенно стоит перед нами провокаторская фигура Владимира Ленина. Россия умирает. Мы присутствуем при последнем ее вздохе».

Ой рано радуешься, атаман. Не так проста Советская власть, не так легко ее задушить. Хотя и разоружил ты все революционные части – 32 тысячи человек... Хотя и разогнал Военно-революционный штаб... Хотя и арестовал членов Совета – всяких там большевичков и жидовствующих... Только стоит уже у ворот Красная гвардия, и кончаются у тебя патроны и снаряды...

В январе 1918-го Дутов покидает Оренбург. Словно загнанный волк, мечется он по станицам, дерет горло на казачьих сходах, агитирует против большевизма. Люди слушают его, внимают, верят.

В губернии вспыхивает мятеж. Но в апреле 1918-го красные подавляют его, однако схватить Дутова не могут: целым и невредимым он уходит из города в степи, чтобы в июле вернуться обратно. Летом казаки и мятежные белочехи отбивают Оренбург. И вновь – ненадолго.

Судьба Дутова предрешена. Порой, правда, кажется ему, что пружина начинает разворачиваться в обратную сторону, что победа уже близко – до нее можно даже дотронуться рукой – только все это обман. Иллюзия.

На каких только фронтах не воевала его Оренбургская армия – самая верная, самая надежная армия Верховного правителя Кол-чака⁸; сколько сражений не выигрывала – и все без толку. Белое движение обречено.

Дутов бежит из России в 1920-м. Генерал-лейтенант. Походный атаман всех казачьих войск России. Самый популярный среди казаков человек.

Пепельница – бывшая шкатулка из какого-то барского дома – была уже набита окурками до краев, только Пятницкий этого не замечал. Начальник Верненского отделения Регистрода РВС Турк-фронта судорожно расхаживал по кабинету, прикуривая одну

папиросу от другой. Он всегда курил без передышки, когда нервничал. Потом, правда, просыпался среди ночи от кашля, захлебывался, хрипел, обещал сам себе, что навсегда бросит эту поганую привычку, но... наступал новый день, и вновь рука тянулась за папиросой.

Регистрационные отделения ведали военной закордонной разведкой. Никаких нервов на этой работе не хватит. Тем более в Туркестане, где совсем рядом – рукой подать – китайская граница...

Подать-то подать, только коротки, оказываются у Пятницкого руки. Ничего не может он поделать с атаманом Дутовым – злейшим врагом Советской власти.

Который месяц нет от атамана житья. То поднимет восстание на приграничной территории. То разбрасает листовки и подметные письма.

А совсем недавно, в ноябре, командир 1-го пограничного батальона Кирьянов, бывший офицер и дутовский агент, вместе со своими солдатами целиком захватил власть в городе Нарыне. Расстрелял всех коммунистов. Открыл границу с Китаем. Пошел на Пишпек и Токмак...

Хорошо еще, через две недели полк особого назначения разгромил бунтовщиков. Хорошо, что двумя месяцами раньше чекисты сумели обезвредить дутовское подполье в Верном. Заговорщики собирались захватить крепость, разоружить воинские части. А тем временем отряд Дутова двинулся бы им из Китая на подмогу.

Денег у Дутова, слава богу, хватает: и китайцы помогают, и японцы, не говоря уже о французах с англичанами. Всем им задурил голову Дутов. Всем наобещал вернуть долги сторицей, когда свернет шею Совдепии. Собирает под свои знамена всю *контру* – и с басмачами сговорился, и с Врангелем...

- Что будем делать с этой сволочью? - от курева голос Пятницкого срывается на сип. - Центр велит пускать его в расход.

- Им-то легко рассуждать, - Перветинский, помощник Пятницкого, понимающе кивает головой. - Только как к нему подобраться?

- Вот именно: как? - Пятницкий с ожесточением затушил бычок, перенеся на него всю ненависть к Дутову. Он даже представил, что бычок - это и есть неуловимый атаман, которого точно так же надо прижать к ногтю - и еще сильнее вдавил окурок в шкатулку. - Неужели у нас нет подходящего человечка?

Он вперился глазами в помощника и под пристальным взглядом этого вечно невысыпающегося, не щадящего ни себя ни подчиненных человека, Перветинскому стало неуютно. Он мысленно перебирал всех, кто смог бы отправиться за кордон. Кто сумел бы выполнить приказ Москвы.

Помнач отделения любил и одновременно ненавидел такие минуты, когда в авральном порядке надо было что-то придумывать. Он уже заранее знал, что поначалу будет ругать себя за бездарность, испытывать чувство безысходности, утыкаться в железный забор. Но потом забрезжит, наконец, спасительная мысль, и он ухватится за нее, как за веревочку, шаг за шагом начнет выбираться из тупика и испытает в итоге ни с чем не сравнимое счастье победы.

Вот и искомая фамилия всплыла в голове Перветинского тогда, когда, казалось, все варианты были уже исчерпаны.

«Конечно, Касымхан Чанышев, - радостно подумал он, - именно Чанышев». И громко сказал: - По-моему, товарищ начальник, я нашел то, что нам нужно...

С беспокойной душой начальник уездной милиции города Джаркента⁹ Касымхан Чанышев уходил на службу. Ночью ему приснился нехороший сон: Чанышева нюхала сверхъестественных размеров черная крыса. От отвратительного зрелища начальник милиции проснулся в дурном настроении.

В приметы, правда, он не верил и на слова жены, что крыса, виденная во сне, означает, дескать, скорые неприятности – не среагировал. Но все равно – неприятный осадок остался.

Чанышев уже сидел в кабинете, а омерзительная крыса по-прежнему стояла у него перед глазами, и чем сильнее он гнал видение прочь, тем явственнее виделась ему эта злобная тварь. А потом прибежал запыхавшийся курьер и срочно вызвал в райком.

«Вот оно, – подумал Чанышев, – начинается...»

...Помнач отделения Регистротдела расхаживал по кабинету и, явно подражая кому-то из начальников, изрекал:

– Вы ведь коммунист, товарищ Чанышев?!

Голос Перветинского был исполнен гражданственного пафоса:

– Считайте, что это задание партии!

Касымхан сглотнул накопившуюся слюну. Выдавил:

– Я готов...

Что, с другой стороны, ему оставалось делать? Невыполнение партийного приказа – штука серьезная. Попахивает контрреволюцией. Враз бы вспомнили и родственников, сбежавших за кордон, и прошлое – Чанышев был из *бывших*: князь, офицер.

Нет, не было у начальника уездной милиции выхода. А уж дальше как повезет – либо бесславно погибнуть, либо вернуться героем. Героем, раздавившим особо опасную гадину – атамана Дутова...

Чанышев заставлял себя думать, что Дутов похож на ночную крысу, но сколь ни пытался, искомого результата добиться так и не мог. Наоборот, в его сознании крыса упорно ассоциировалась с помначем Перветинским...

**Начальнику Верненского регистротделения
Регистрода Реввоенсовета Туркфронта
тов. Пятницкому
агента того же отделения Касымхана Чанышева
Доклад**

«В сентябре прошлого, 1920 года, мне вашим помощником тов. Перветинским было предложено поступить агентом в Джаркент-ский пункт вверенного вам отделения, на что я счел себя обязанным согласиться, т. к. считал себя могущим принести пользу в названной должности.

Первой задачей, данной мне заведывающим Джаркентским ре-гистропунктом тов. Давыдовым было: познакомиться с атаманами белых, находящихся в пределах Илийского округа Китайской республики Дутовым, постараться заслужить его доверие и узнать точную численность количества белых, находящихся там...»

В десятых числах сентября, получив отпуск (15 суток), Касым-хан Чанышев, он же агент регистрода «Князь», взял курс на Китай. Чанышев не понимал еще толком, куда едет, как удастся ему проникнуть в доверие к Дутову. Но зато он помнил бесцветные глаза начальника Джаркентского пункта Регистрода Давыдова, его тонкие, твердо сжатые губы. Помнил слова данной им, Чаныше-вым, подписки: неисполнение приказа влечет за собой расстрел...

Он еще не знал, что в первый же день встретит на улице шумного города Кульджи бывшего джаркентского голову Миловско-го. Не знал, что

миссия, кажущаяся такой невыполнимой, окончится быстрее, чем можно даже себе представить...

...После второго стакана Миловский покраснелся, поплыл:

– Так ты что, не продался большевикам?

– Бог с тобой. Просто надо как-то выживать.

Они громко чокнулись, и Миловский судорожно начал цеплять соленый огурец, но тот не поддавался и упорно соскакивал с вилки. Наконец бывший голова оставил попытки соблюсти этикет, схватил огурец рукой, целиком запихнул его в рот и жадно зачавкал.

– Подо мной – 200 милиционеров. – Чанышев старался не глядеть в его сторону. – Сделают все, что прикажу. Хошь – восстание подымут, хошь – перебьют всех комиссаров.

Миловский сосредоточенно посмотрел на земляка. Точнее, попытался это сделать, но брови его расползлись, и лицо приняло идиотское выражение.

– Знаешь, кто я? – он перешел на шепот, правда, шепот этот без труда можно было услышать и с соседних столиков.

– Я – доверенное лицо атамана Дутова! Да-с!.. А, может, – Миловский изобразил работу мысли, – может, познакомить тебя с атаманом? Надежные люди ему во как нужны!

Чанышев почувствовал, как застучало в висках. Хмель разом выветрился из головы, и весь он превратился в единую натянутую тетиву. Задержалось, застучало от предстоящей удачи сердце.

– Я готов, – он сказал это как можно спокойнее, а в голове вертелось: «Неужели удача? Неужели...»

Поп Иона («доверенный человек атамана» – отрекомендовал его уже протрезвевший Миловский) говорил, будто читал проповедь.

– Я человека узнаю по глазам. Вы... – он сделал театральную паузу, – вы наш человек. Если будете

работать на Дутова, он вас никогда не забудет.

Иона протяжно растягивал гласные, и оттого, а может по какой-то другой причине Чанышев чувствовал себя чрезвычайно неудобно. Ему казалось, что Иона обязательно должен его расколоть. Что сейчас, в эту минуту, тот поймет, что перед ним – никакой не союзник, а вражеский красный лазутчик.

Но пронесло. Не расколол. Напротив, пообещал свести его с атаманом. На другой вечер Чанышеву надлежало выехать в крепость Суйдун и разыскать Иону в солдатских казармах.

Дорогу от Кульджи до Суйдуна Касымхан даже не почувствовал. Он настолько был напряжен, что не замечал вообще ничего вокруг.

Он представлял, как вернется в Джаркент. Как вытянется от удивления лицо начальника Регистротдела, когда тот узнает, что всего за каких-то пару дней Чанышев сумел сделать то, чего не удавалось до сих пор никому. Правда, к радости этой примешивалось и какое-то иное – гадливое, что ли, чувство...

– Касымхан! – резкий оклик заставил Чанышева вздрогнуть. Он обернулся – навстречу широкой размашистой походкой шел – даже не шел, почти бежал – друг его отца, полковник Аблайханов, которого Чанышев знал еще с детства.

Уткнувшись в прокуренные усы Аблайханова, он вновь ощутил себя ребенком. Почему-то вспомнилась разом полковничья фуражка Аблайханова, которую он любил надевать ребенком, чтобы потом, полюбовавшись на себя в зеркале, вытянуться перед Аблайхановым в струнку и щегольски отдать честь.

И вот теперь – через много лет – они снова вместе. Сидят в харчевне на базаре, как когда-то его отец сидел с Аблайхановым у них дома, и точно так же пьют

водку. Правда, на этот раз – китайскую, чуть желтоватую, противную.

Все решилось за час. Оказалось, что Аблайханов состоит при Дутове переводчиком. Узнав, что Чанышев хочет помогать атаману, он сразу же согласился их свести. Тут же сбегал в крепость и вернулся, не скрывая своей радости:

– Пойдем скорее. Атаман тебя ждет.

...«Князь» исподволь, но внимательно разглядывал Дутова. Круглое, чуть скуластое лицо. Блестящая лысина. пышные казачьи усы. Так вот какой он – злейший враг Советской власти, которого ему, Чанышеву, приказано убить. Эх, знал бы атаман, зачем пожаловал к нему далекий гость – вряд ли разливался бы так соловьем.

А интересно, что бы он сделал? Сразу же застрелил? Или не стал бы *мараться* сам – вызвал охрану?

Дутов сидел за широким столом. Огромные кулаки лежали на зеленом сукне неподвижно, так, что казалось, будто их обладатель не испытывает ровным счетом никаких эмоций. Но нет, впечатление это было обманчиво.

Атаман волновался. 200 штыков, предложенных джаркентским милиционером, были нужны ему сегодня как никогда. Дутов замышлял новые восстания. Здесь каждый человек на счету. А уж о том, чтобы захватить власть в целом уезде, можно было только мечтать. Это сразу же подымет остальных на борьбу. Главное ведь – подать пример, разбудить людей, вывести их из спячки.

В конце концов, он ничем не рискует. Даже если пришедший к нему человек – шпион, выманить себя на советскую землю он не позволит. А у себя в крепости с ним никто ничего не сделает. Шпион? Почему бы и нет!

– Только не пытайтесь изменить нашему делу, – голос Дутова прозвучал особенно зло, – я найду вас на дне море.

– Я понимаю, – покорно ответил Чанышев. «Что же это за собачье время, – подумал он, – когда все друг другу угрожают, и никто никому совершенно не верит». И вновь, в который по счету раз, «Князь» ощутил себя зверем, прямо на которого идут загонщики: и если они не пристрелят, потом разорвет своя же стая. Но отступить было некуда. Семья, оставшаяся в Джаркенте, камнем висела на шее...

Нач. Регистротделения тов. Пятницкому

«Вернувшийся из командировки агент Касымхан Чанышев („Князь“) доносит: прикинувшись ярым противником большевизма, пользуясь огромными родственными связями среди видных белогвардейских деятелей, ему, Чанышеву, удалось войти в личное знакомство с атаманом Дутовым, к которому он поступил на службу агентом в Совет. России.

Дутов поручил Чанышеву наиболее широко использовать свое общественное положение, занимаемое в Джаркенте, в интересах белогвардейщины, всячески стараясь тайно подрывать авторитет Советской власти и в то же время оказывать всемерное содействие росту, развитию, расширению, укреплению ячейки существующей в Джаркенте и работающей по инструкциям и указаниям Дутова.

Существует подобная организация в Пржевальске, Талгаре, Верном, Пишиieke, Ташкенте, Семипалатинске и Омске. Цель организованных ячеек – подготовка сил к единовременному восстанию против Советской власти, борьба с большевиками до полной победы и осуществление заветной мечты белых – созыва Учредительного собрания.

Джаркент.

4 октября 1920 г. № 34.

Нач. пункта регистротделения

Давыдов»

– Значит, говоришь, чудотворная икона? Выходит, за веру, Дутова и Отечество? – Давыдов¹⁰, начальник Джаркентского регист-ропункта, хохотал от души. – Что ж, покажем им чудеса.

В иной раз «Князь» тоже с радостью посмеялся бы вместе с ним, только сейчас было ему не до смеха. Он до сих пор еще не отошел от похода за кордон, от встреч с Дутовым, родными. А сколько испытаний ждет его впереди? Сколько раз еще придется умирать от страха, глядя в глаза атаману, искать подвох в каждом слове и взгляде?...

О чудотворной иконе Табынской Божьей Матери Давыдов вспомнил неспроста. Атаман Дутов возлагал на нее большие надежды.

– Икона – это оружие посильнее пушек, – говорил он Чаныше-ву, – пусть Господь поможет нам в очередной раз.

План Дутов, надо признать, изобрел хитроумный. Если пулеметы красных будут молчать, когда казаки под чудотворной иконой подойдут к Джаркенту, слух об этом чуде моментально разнесется по стране. Все истинно православные увидят наконец, что власть Совдепии – дьявольская и разом подымутся на борьбу.

Кому же придет в голову, что пулеметы будут стоять без движения отнюдь не по причине божественного знамения. Что их из строя выведет Чанышев...

Этот замысел показался «Князю» немного странным – он был уверен, что Дутов – человек верующий. Даже не побоялся, спросил атамана – нет ли здесь какого греха, но тот лишь недовольно поморщился:

– Мы ведем святую войну и в ней хороши все средства... А Господь... Он не обидится...

К походу против красных Дутов готовился основательно. Почти во всех близлежащих городах

были созданы подпольные ячейки: в Ташкенте, Верном, Семипалатинске, Омске, Пржевальске, Талгаре. Была такая и в Джаркенте.

У границы стояла уже наготове армия в шесть с половиной тысяч голов, из которых – полторы тысячи башкир, рвущихся на родину. Два скорострельных орудия. Четыре пулемета. Оборудованный в Кульдже, в тайне от китайцев, патронный завод.

А сколько казаков, крестьян и киргизов присоединится к освободителям, стоит лишь одержать хотя бы одну громкую победу? Народишко – слаб, он всегда идет за сильным. Так было испокон веков: и при Разине, и при Емельке Пугачеве...

Казалось, до краха большевиков оставалось совсем немного...

Из личного письма Дутова - Чанышеву:

«Ген. Врангель соединился с крестьянами Махно и теперь работают вместе. Фронт его усиливается ежедневно. Франция, Италия и Америка официально признали генерала Врангеля главой Всероссийского правительства, послали помощь: деньги, товары, оружие. Англия пока подготавливает общественное мнение против большевиков, на днях ожидается ее выступление. Дон и Кубань соединились с Врангелем.

Бухара совместно с Афганистаном выступает на днях против Сов. власти. Думаю, что шаг за шагом коммуна погибнет, комиссарам грозят все последствия народного гнева. Советую семью Вашу перевезти в Кульджу под видом свидания с родственниками или закупки товаров».

Конечно, не сразу поверил своему новому агенту Дутов. Хитер, осторожен атаман. Никому не доверяет, порой кажется, даже самому себе.

Сперва приказал он Чанышеву выполнить хоть и несущественное, но важное весьма поручение – доставить в пограничный китайский город Чимпанзе

три винтовки и наган. «Князь» с заданием справился – Джаркентское политбюро винтовки отпустило. Потом последовали новые указания.

Лишь убедившись, что Чанышев – не проходимец и не мошенник, атаман прислал в Джаркент своего курьера.

Фамилия курьера была Нехорошко и, как сразу же отметил «Князь», она очень ему шла. Был Нехорошко малого роста, лицо побито оспой. Говорил невнятно: глотал слова, торопился...

«Посылаю своего человека под Вашу защиту, – писал Дутов в записке, привезенной Нехорошко, – в ответ сообщите точное число войск на границе».

Конечно же, Чанышев сообщил. Над ответом начальник Джар-кентского регистропункта Давыдов и Крейвис¹¹, начальник уездной чека, потрудились немало. Письмо должно было выглядеть правдоподобным.

К этому времени чекисты, «ввиду слабого состава регистро-пункта», уже присоединились к операции. Именно ЧК взяло руководство операции на себя. И именно в ЧК порекомендовали Чанышеву оформить курьера Нехорошко на службу в милицию. Писцом. Пусть Дутов видит, что Чанышев – человек надежный. Да и Нехорошко будет под присмотром.

Переписка между атаманом и «Князем» все увеличивается. Подготовленные в Регистроде и чека донесения с регулярным постоянством уходят в Суйдун.

Время от времени выезжает в Китай и курьер Нехорошко. Возвращается он всегда радостным и окрыленным.

– Скоро Китай начнет войну против Совдепии, – скороговоркой рассказывал Нехорошко. – Во всех волостях идет мобилизация. Каждого, кто приезжает из России, кидают в тюрьму или яму.

Атаман Дутов ждет этого момента с нескрываемым волнением. Вот уж когда отомстит он за все унижения. Отольются кошке мышьи слезки. Пока же он приказывает Чанышеву любыми силами задержать на Джаркентских складах запасы опиума. Опиум – это живая валюта. Сколько винтовок и пулеметов можно купить в обмен на зелье!

...В октябре 1920-го, по приказу атамана, «Князь» возвращается в Суйдун. Вместе с ним едет и его родной брат – Абасар, также завербованный агент Регистрада.

Дутов встретил начальника милиции точно доброго друга.

– Агентура доносит, что большевики хотят вас арестовать, – говорил он, ласково глядя на Чанышева. – Будьте осторожны. Вы очень нужны Родине.

Он даже предложил остаться у него в Суйдуне, но «Князь» вежливо отказался. Упросил отпустить к родственникам в Кульджу.

– Что ж, в таком случае, найдите в Кульдже святого отца Пада-рина, – Дутов достал из серебряной коробочки визитную карточку и начал писать что-то карандашом, – он поможет вам во всем.

«Предъявитель сего из Джаркента наш человек, которому помогите во всех делах», – было написано на визитке...

К отцу Падарину Чанышев не пошел. Здравомысленно рассудил, что дело здесь нечисто. Он уже знал, что священник Падарин выполняет при Дутове обязанности начальника контрразведки, и его проницательности боятся даже сами дутовцы.

Чанышев решает сказать себя больным. Взамен себя он посылает к священнику своего брата. Однако Падарина на мякине не проведешь...

– Доболеет потом, – недобро бросает он, выслушав сбивчивые объяснения ходока. – Пусть немедленно идет ко мне на квартиру.

- Так ведь ночь на дворе, - пробует возражать Абасар Чанышев.

- Неважно.

Это был почти провал. Без сомнений, Падарин, с его звериным чутьем заподозрил неладное. Сумеет ли Чанышев выдержать поединок с матерым контрразведчиком?

Риск чересчур велик. Той же ночью он спешно возвращается в Джаркент. А чтобы бегство его не вызвало никаких подозрений, Чанышев сочиняет правдоподобную версию. Дескать, красные прознали о его нелегальных вояжах в Китай. Не вернись он в срок - родственники его сидели бы уже под арестом.

Эту версию Чанышев запускает Нехорошке. Он практически уверен, что информация обязательно дойдет до Дутова. И верно. Вскоре атаман присылает ему письмо.

«Ваш обратный проезд в Джаркент меня удивил и я не скрою от Вас, что я принужден сомневаться и быть осторожным с Вами», - торопливо разбирает Чанышев прыгающие буквы. И дальше: «Я требую службы Родине, иначе я приду и будет плохо, а если кто из русских в Джаркенте пострадает, ответите Вы и очень скоро».

«Князь» отложил письмо в сторону, и перед глазами тут же встало лицо атамана. Сжатые в суровую нитку губы. Сузившиеся от злости глаза. Хмурый лоб.

В эти минуты он чувствует себя канатоходцем, балансирующим на тонкой проволоке. Одно неверное движение - и ты уже камнем летишь вниз.

Если он окончательно потеряет доверие Дутова - все, что сделано уже, будет перечеркнуто в один момент. Операция сорвется. Только на сей раз за дело возьмутся уже другие люди - чека, Реги-строд. Живо припомнят данную им подписку: за невыполнение приказа - расстрел.

Да, пока еще атамана можно переубедить. Но что потом? Нового поединка с дутовской контрразведкой он не выдержит: не тот калибр. Так и будет он всю жизнь бегать, метаться напуганным зайцем – то от красных, то от белых?

Дальше тянуть нельзя. Выход остается только один: исполнять приговор как можно скорее...

ВЕРНЫЙ. ПРЕДОБЛЧЕКА Из Джаркента № 01622

«Разрешите убить Дутова зпт расход от пятидесяти до ста тысяч николаевских тчк Джаркент № 116 ПРЕДРИЧЕКА АНДРЕЕВ».

Санкцию Центра получили уже под Новый год. Вместе с благословением (хотя, если вдуматься, звучит дико, противоестественно: – БЛАГОсловение на смерть?) Москва прислала и деньги. На проведение операции Наркомфин выделил небывалую по тем временам сумму: 20 тысяч рублей золотыми десятками (а другой валюте на задворках империи и не доверяли).

– На исполнение вам дается десять дней, – новый начальник Регистротдела Раевский разительно отличался от своего предшественника Давыдова. Нездорово полный, с красными прожилками на лице... Чанышев всегда считал, что толстые люди – обязательно должны быть добрыми, но пример Раевского опровергал эту расхожую истину. В характере начальника Регистрода не было и намека на доброту.

Сказал, даже не поморщился:

– Если через десять дней Дутов будет еще жив, вместо него под расстрел пойдете вы.

Легко сказать: десять дней! Только что прикажете делать, если атаман прочно засел в своей норе – в крепости Суйдун – и выманить его оттуда выше сил человеческих.

Напрасно караулили Дутова посланные Чанышевым лазутчики. За золотые червонцы они готовы были

погибнуть сами, но расстрелять атамана и всю его свиту прямо у ворот, надо лишь, чтобы тот хоть на мгновение показался наружу. (Потом выяснится, что атаман справлял рождество: хорошо справлял, по-русски гулял, по-купечески. Тут не то что до ворот – до собственной спальни не всегда доберешься.)

Едва кончилось рождество – новая напасть. В Куре, по соседству, взбунтовался Маньчжурский полк. В провинции ввели полувоенное положение. Перекрыли дороги. На каждом углу выставили патрули. В такой обстановке о ликвидации Дутова и речи идти не могло: крепость Суйдун окончательно превратилась в неприступную твердыню...

Несолоно хлебавши, террористы под водительством Чаныше-ва вернулись в Джаркент...

14 января 1921 года Касымхан Чанышев и его брат Абасар были арестованы и препровождены в арестный дом при Джаркентском чека. Их судьбу должна была решать специальная комиссия из «активно-ответственных лиц советских учреждений».

Активно-ответственные лица жаждали крови. И члены военно-следственной комиссии при Реввоентрибунале, и начпогранпункта, и представитель Уполвнешсноша, и, конечно, председатель комиссии – главный джаркентский чекист Суворов – стояли за расстрел.

Неожиданную позицию занял только начальник Регистротде-ла Раевский. Чанышев просто не поверил своим ушам. Куда делась обычная медлительность заспанного Раевского?

– Мы с вами мыслим не по-большевистски, – рубил начальник Регистротдела. – Скольких людей подключили к операции? Сколько денег и сил потратили? И все насмарку?!

– Что предлагаешь? – коротко спросил его начальник чека. От волнения Чанышев замер.

– Предлагаю дать им последний шанс!

Члены комиссии повернулись в сторону подсудимых.

– Что скажете?

– Обещаем... Клянемся... Готовы...

Начальник чека Суворов задумался. Расстрелять Чанышева никогда не поздно. А сбежать он не сможет: мертвым грузом повиснут на ногах заложники.

– Хорошо. Сроку – неделя. Если... ну, скажем, до 7 февраля вы не убьете Дутова, десять ваших родственников будут расстреляны, как заложники.

...В ту же ночь группа ликвидаторов из шести человек во главе с «Князем» выехала в Китай...

Из постановления объединенной комиссии:

«Чанышевых Касымхана и Абаса, как врагов пролетарской революции, интересы которой они, Чанышевы, предпочли интересам белогвардейского атамана, РАССТРЕЛЯТЬ.

Принимая во внимание обещание закончить ликвидацию, дать возможность свидания названным заключенным со своим братом Амином Чанышевым для разработки плана исполнения, срок которого продляется до 12 часов 7 февраля и в случае исполнения облегчить тяжесть преступления».

Второго февраля Чанышев прибыл в Суйдун. Он торопился и медлил одновременно. С одной стороны, времени было совсем в обрез: всего неделю даровали ему чекисты. С другой – любая ошибка, спешка могла привести к провалу, а тогда погибнет и он, и заложники.

Время бежало, летело, несло, сломя голову, но Дутов по-прежнему не показывал носа из крепости. За высокими каменными стенами, под надежной охраной, был он недосыгаем. Точно как в поговорке: близок локоть, а не укусишь...

На четвертый день, когда срок, отпущенный Чанышеву, подходил уже к концу, из Джаркента

приехал его курьер – Асис Усур-багиев.

– Начальники велели передать, что если тотчас не закончим *дело*, назад нам хода не будет. Злые они на тебя. Ой злые, – Усур-багиев сокрушающе цокнул языком.

Чанышев понимал это и сам, но вслух произносить не решался: гнал от себя страшные мысли.

Думай, Касымхан, думай скорее. Голова тебе дадена на то, чтобы думать, а не только для того, чтобы шапку носить.

А что тут думать? Выход только один: другого нет. Не ждать, пока Дутов выйдет на свет. Убить его прямо в крепости. Конечно, риск велик. Шансов на то, что им удастся уйти живыми, немного. Но немного – лучше, чем вообще ничего...

Негнущейся рукой Чанышев нацарапал Дутову записку: «Господин атаман, хватит нам ждать, пора начинать, все сделано. Готовы. Ждем только первого выстрела, тогда и мы спать не будем».

Записку повез Махмуд Хаджамиаров. Его, единственного из всей группы (Чанышев, понятно, не в счет), Дутов знал лично: несколько раз он доставлял ему письма от «Князя».

Был уже вечер.

Дутовская охрана пропустила курьера беспрепятственно. Его спутник – Мукай Баймасаков – остался у входа в квартиру. Сам Чанышев встал возле дверей караулки, в которой отдыхала охрана.

План операции был продуман до мелочей. Трое боевиков ждали с лошадьми у ворот двора. Еще один – гарцевал подле въезда в крепость.

Медленно, как бы подчеркивая свое уважение к столь влиятельной особе, входил в кабинет к Дутову террорист Хаджамиа-ров.

– Письмо его высокопревосходительству, – он согнулся в глубоком поклоне.

Дутов взял конверт, сел за стол...

Предоставим, впрочем, дальнейшее повествование самому убийце – Махмуду Хаджамиарову:

«При входе к Дутову я передал ему записку, тот стал ее читать, сидя на стуле за столом. Во время чтения я незаметно выхватил револьвер и выстрелил в грудь Дутову. Дутов упал со стула.

Бывший тут адъютант Дутова бросился ко мне, я выстрелил в упор ему в лоб. Тот упал, уронив со стула горевшую свечу. В темноте я нащупал Дутова ногой и выстрелил в него еще раз».

Прокатившиеся залпы послужили сигналом остальным боевикам. Тут же в упор был убит часовой. Несколькими выстрелами из нагана Чанышев загнал обратно в караулку кинувшихся было на подмогу солдат.

Отстреливаясь, разведчики вскочили на лошадей и поскакали из крепости прочь. Охранявшие ворота китайские солдаты не пытались даже им помешать: пара предупредительных выстрелов – и китайцев как ветром сдуло...

8 февраля в Кульдже тело Дутова было предано земле. Ча-нышев и его люди убедились в этом лично: до такой степени были заинструментированы они, что не осмеливались вернуться назад, прежде чем окончательно не уверятся в том, что дело сделано.

Через три дня, 11 февраля, на имя председателя Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК Сокольников¹², из Ташкента ушла радостная телеграмма: «посланными через джаркентскую группу коммунистов шестого февраля убит генерал Дутов и его адъютант и два казака личной свиты атамана точка наши сегодня благополучно вернулись Джаркент точка».

Рукописная пометка на бланке телеграммы свидетельствует о том, что ее копия была направлена

самому высокому адресату – Центральному комитету партии.

Вскоре все члены боевой группы были представлены председателем Джаркентской чека к орденам Красного Знамени...

Убийство Дутова послужило толчком к окончательному разгрому осевшей в Китае контрреволюции.

В мае 1921 года с разрешения китайских властей красные отряды перешли границу и ворвались в дутовский лагерь. Уже через несколько часов от лагеря осталось одно пепелище.

Командование над осколками некогда могучей дутовской армии принял заместитель атамана – полковник Гербов. Он увел людей в Монголию, но и там настигли их чоновские клинки.

К осени 1921-го с дутовцами, унгерновцами, кайгородовцами, оренбуржцами – всеми, кто ушел за азиатский кордон – было покончено.

Время сантиментов кончилось. Наступала новая – безраздельно жестокая и очень кровавая эпоха, вожди которой взяли на вооружение старый лозунг монахов-иезуитов: цель оправдывает средства...

Пройдет совсем немного времени, и за советской разведкой надолго закрепится слава самой жестокой спецслужбы планеты. Черeda похищений, ликвидаций, терактов, спецопераций захлестнет мир.

Отступников, предателей, врагов народа будут похищать, убивать, травить, рубить альпенштоками во всех уголках земли.

Вождей белогвардейского общевойскового союза генералов Миллера и Кутепова¹³ выкрадут прямо из центра Парижа. Подарит в Роттердаме будущий генерал Судоплатов заминированную коробку конфет главарю ОУН Коновальцу¹⁴. Найдут бездыханным в

вашингтонском отеле невозвращенца орденоносца Кривицкого.

Десятки (а может, и сотни – кто знает?) жизней будут принесены во славу великой имперской идее, ибо любая империя в первую очередь зиждется на страхе, и страх этот надлежит поддерживать постоянно: не дай бог – погаснет.

И именно выстрелы в суйдунской крепости были прологом, прелюдией к этому великому жертвоприношению. Даже у бесконечности есть свое начало...

Александр Дутов был фаталистом – он свято верил в судьбу. А как иначе: коли не судьба, не гремело бы имя атамана по всей России.

«Если суждено быть убитым, то никакие караулы не помогут», – говорил Дутов.

Так и вышло...

Глава 3

БЕГ ГЕНЕРАЛА СЛАЩОВА

Хлудов: Но ведь нельзя же забывать, что ты не один возле меня. Есть и живые, повисли на моих ногах и тоже требуют. А? Судьба завязала их в один узел со мной, и их теперь не отлепить от меня. Я с этим примирился. Одно мне непонятно. Ты. Как отделился ты один от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя?

М. А. Булгаков, «Бег»

Москва. Январь 1929 г.

Генерал спать ложился поздно: привычка, выработанная годами, еще с фронта. Обязательное чтение. Разбор документов.

Бумаги он всегда просматривал вдумчиво, подчеркивая аккуратно подстриженным ногтем ключевые фразы, чтобы потом вернуться к ним снова: еще в Павловском училище слыл среди юнкеров тугодумом.

Генерал любил эти вечерние неспешные часы, когда время замедляет свой неумолимо-жестокий бег. Только вечерами он мог побыть наедине с самим собой, точно змеиную кожу сбросить с себя груз условностей и правил, и снова – пусть хотя бы мысленно – стать тем генералом Слащовым, чье одно только имя поднимало солдат в атаку и вселяло во врагов дикий, мистическо-необъяснимый ужас: сотнями бросали оружие и бежали без оглядки прочь.

Мерно тикают старинные с боем часы. Под кошачье мурлыканье вяжет что-то жена – верная его соратница, прошедшая вместе с ним сестрой милосердия весь Крым.

Может, это и есть настоящее, истинное, пусть и тихое счастье? Может, о нем и мечтал он всю свою жизнь – умереть не на поле боя или в лазарете, а отойти в собственной мягкой постели?...

Даже самому себе не мог он ответить на этот вопрос: есть вещи, не подвластные человеческому разумению.

Трель звонка вывела генерала из забытья. Он недовольно встал, одернул гимнастерку – за годы службы форма точно приросла к нему, даже дома не расставался с ней (военный человек, считал он, обязан быть военным неизменно, 24 часа в сутки, ибо военная служба – не работа, а образ жизни).

– Яков Александрович, извините, бога ради, что так поздно, – на пороге стоял бывший краском Коленберг, с недавних пор начавший брать у генерала уроки тактики (надо же было на что-то жить!).

– Что случилось? Потрудитесь объяснить, – Слащов смотрел на нежданного гостя прямо, не мигая, тем знаменитым взглядом, выдержать который еще вчера мало кто мог.

– Сейчас я все объясню. Прочитайте только один документ.

Коленберг судорожно полез за обшлаг, но вместо обещанной бумаги вытащил вдруг револьвер. Зябко блеснула вороненая сталь. Истошно закричала жена...

Нет, не удастся уже генералу умереть в собственной постели...

Эти выстрелы, прозвучавшие вечером 11 января 1929 года, оборвали не только его жизнь, но и долгую, хитроумную операцию советской разведки.

Финал хоть и трагический, но очень эффектный. Столь же эффектный, какой была вся судьба генерал-лейтенанта Слащова – человека легендарного, человека вне рамок, еще при жизни возведенного Булгаковым на пьедестал литературы, и потому оставшегося в памяти

людской дважды: под собственным, дарованным от рождения именем и под именем Романа Хлудова – генерала из булгаковского «Бега»...

Слащов. Ретроспектива-I

Не человек творит свою судьбу. Судьба творит человека.

Именно в огне войн и катаклизмов и являются стране настоящие личности, только рождение их неизменно обходится слишком дорогой ценой.

Сотни тысяч жизней положила Россия на алтарь великой войны, принесла в жертву кровавому молоху, дабы выковать взамен имена новых, неведомых прежде героев. Одним из таких явившихся России имен и был молодой штабс-капитан Яков Слащов.

Кабы не громыхнувшая на Балканах война, так и читал бы он, наверное, военную тактику юнцам в Пажеском корпусе, чтобы снять потом навсегда мундир и, подобно своему отцу – отставному подполковнику – удалиться на покой и жить на проценты.

Мало кто понимал тогда истинные размеры начавшейся войны. Несмотря даже на уроки Цусимы и Порт-Артура, общество свято верило, что война продлится недолго – год-другой – и молодые офицеры, просясь на фронт – особенно после первых побед в Галиции – искренне досадовали, что не успеют они к концу битвы, что не хватит на их век подвигов и славы.

Слащов не был исключением. Как и все, чей приход на военную службу осенен был японским позором, он наконец-то увидел возможность проявить себя в деле. Один за другим Слащов шлет ходатайства по инстанциям. Он пишет, что не может сидеть в тылу, пока решается судьба отечества и всей Европы. Его старания увенчиваются успехом. Аккурат накануне нового, 1915 года, 31 декабря, Слащова зачисляют в родной Финляндский полк, где служил он до перехода в училище, и направляют командовать ротой.

Он успевает отличиться в первых же боях. В июле 1915-го его представляют сразу к двум самым почетным в Русской армии наградам – Георгию IV степени и Святому Владимиру – причем за бои, отделенные друг от друга лишь одним днем.

К концу войны их – орденов – у него будет уже восемь. А также пять ранений, три контузии и отравление удушливыми газами.

«Безгранично храбрый, но не храбростью самозабвения или слепой храбростью рядового, а сознательной храбростью начальника, Яков Александрович соединял с этим драгоценным качеством все таланты крупного военачальника: любовь к воинскому делу, прекрасное военное образование, твердый решительный характер», – так характеризовал Слащова командир Финляндского полка генерал П. Клодт фон Юргенсбург.

Его считают заговоренным. (В гражданскую это поверье укрепит еще сильнее, возрастет многократно.) Он не только не прячется от пуль, а напротив, словно ведет каждодневную дуэль со смертью. В атаку Слащов неизменно шагает впереди своих солдат, во весь рост, с шашкой наголо.

Много раз ему предлагают идти на штабную работу – к этому времени уже видят свет написанные им труды по военной тактике – но он неизменно отказывается. Русский офицер, говорит Слащов, обязан находиться на поле брани, а не в тиши кабинетов.

Семнадцатый год он встречает уже в чине полковника, не догадываясь еще, какие испытания год этот принесет: не только России – всему миру.

Февральскую революцию Слащов не принимает, но, подобно большинству офицеров, в политику не лезет: любая власть – от Бога. В июле его назначают командующим гвардии Московским полком.

«Отечество в опасности, и этим сказано все, – пишет он в первом же своем приказе. – Пока я во главе полка, я заставлю выполнять мои законные требования».

Между тем революционная вакханалия разрастается с каждым днем. С утра до ночи в Белокаменной гудят митинги, один оратор непрерывно сменяет другого. Анархисты, дезертиры, матросня, уголовники (революция вычистила тюрьмы чохом: свобода угнетенным! Только в одном Петрограде толпа выпустила 10 тысяч уголовных преступников, разгромила тюрьму и окружной суд) чувствуют себя полноправными хозяевами.

Повсюду разговоры о заговоре и германском шпионаже. Немецкие агенты, не таясь, разъезжают по России, пытаются скупать газеты, агитируют.

Вечерами обыватель боится выйти на улицу: смертная казнь отменена, а если кого-то из бандитов и удастся отправить за решетку, поутру толпа, подстрекаемая провокаторами, уже идет на штурм камер.

Порядка нет. Старая полиция разогнана, а новая – милиция – набирается преимущественно из вчерашних же уголовников.

Солдаты отказываются выполнять приказы. Толпы людей в серых шинелях, лузгая семечки, вольно бродят по Москве. Их становится все больше: военнослужащие целыми подразделениями покидают фронт.

И кругом – речи, речи, речи... О демократии, свободах, братстве и равенстве...

Ничего этого Слащов понять и принять не может. Человек действия, всяким словам он предпочитает конкретные, зримые поступки. Сейчас же все, что являло для него смысл жизни, рушится на глазах.

Единственный только раз кажется ему, что почва вновь возвращается под ноги. В конце августа

главковерх Корнилов¹ поднимает восстание против Временного правительства и ведет армию на Петроград.

Слащов узнает об этом только пятью днями позже. Это известие ошарашивает его.

Никого не слыша и не видя, он сидит в офицерском кругу и тихонько – как бы про себя – повторяет: «Быть или не быть»...

Корниловское выступление проваливается. Генерала заточают в темницу. А спустя немногим более месяца в Петрограде вспыхивает большевистский мятеж.

Третьего (шестнадцатого по новому стилю) ноября, после двух недель тяжелых боев, большевики берут власть и в Москве.

Служить новому режиму Слащов не в силах: он искренне считает большевиков немецкими агентами. Полковник оставляет армию «по ранению» и покидает Москву. Его путь лежит в Новочеркасск, столицу Донского казачества, где генерал Алексеев², последний начальник российского Генштаба, формирует Добровольческую армию.

Впереди Слащова ждут генеральские лампасы, звездная слава, блестящие победы и... глухое бесславие...

Москва, Лубянка. Январь 1921 г.

В председательском кабинете царил полумрак. Дзержинский не любил электрического света, отвык от него за годы тюремных скитаний. Там, где он провел свою юность – и в орловском центре, и в Александровской пересылке, и в знаменитой Варшавской цитадели, а уж тем более в енисейской ссылке – электричества не было и в помине: казна сэкономила на арестантах.

Горела одна только зеленая – под цвет сукна – настольная лампа с причудливо выгнутой, современной ножкой.

Уншлихт³ хорошо знал эту особенность Дзержинского. Их связывало не только формальное родство (жена Дзержинского – урожденная Мушкат – приходилась Уншлихту двоюродной сестрой), а нечто большее, можно сказать даже – родство душ.

Бог знает сколько лет были знакомы они. Спроси сейчас Ун-шлихта, он даже и не вспомнит, когда увидел Юзефа в первый раз. Это было так давно, что стало уже историей. Может, в дни первой революции? Или – на подпольных сходках в Варшаве, когда до хрипоты в голосе бились меж собой эсдеки, эсеры и большевики?

Потом пути их разошлись. Встретились они уже в 1917-м, в Петрограде. На двоих осталось за спиной тринадцать арестов. Вместе готовили октябрьский переворот. И когда в декабре Дзержинский возглавил ВЧК, одним из первых позвал он за собой именно Уншлихта. Думали, теперь-то удастся наконец поработать вместе, но в ЦК посчитали иначе.

Уншлихт уехал в Псков – организовывать оборону против немцев. Оттуда перебросили его в Белоруссию.

Вдруг вспомнилось, как в июле 1920-го лежал он в госпитале в маленьком городке Лида под Гродно, с подвешенной к потолку загипсованной ногой. Лежал и злился – и на лихача-водителя, что не сумел вовремя выкрутить руль, и на себя самого – потому что нет на свете ничего поганее, чем ощущать собственную беспомощность и бессилие; потому что пока прохлаждается он здесь, валяется на скользких простынях, решается в боях судьба его родной Польши. И вот, когда он уже готов был завывать от отчаяния и тоски, настежь распахнулась дверь, и вошел в палату Дзержинский, а за ним – вереницей – шли их общие,

старые, еще по Варшаве друзья: Мархлевский⁴, Кон⁵, другие *товарищи*. От неожиданности Уншлихт даже оторопел.

Вот за такие трогательные экспромты и любил он Дзержинского. Уже потом оказалось: ехал Дзержинский на Западный фронт, но по дороге, узнав, что Уншлихт лежит со сломанной ногой, приказал шоферу завернуть в Лиду. Правда, поездка эта обошлась ему дорого. На обратном пути сам попал в аварию, но, к счастью, обошлось без переломов. (История с двумя авариями долго потом служила им поводом для дружеских подшучиваний.)

С тех пор больше они уже не расставались. Вместе воевали на Западном фронте, участвовали в наступлении на Варшаву. Когда наступление захлебнулось, Дзержинский забрал его в Москву, сделал своим первым замом.

Обо всем этом думал сейчас Уншлихт, глядя на точеный профиль склонившегося над бумагами председателя, ставшего воплощением жестокости для миллионов людей.

Наконец Дзержинский оторвался от документов. На восковом, изможденном лице горели большие, по-женски красивые глаза с длинными пушистыми ресницами.

– Ну как нога? Не болит? – он по-мальчишески улыбнулся, подмигнул Уншлихту и сразу, без перехода: – Знаешь, зачем я тебя позвал?

Уншлихт покачал головой.

– Вот что, Юзеф, – наедине они называли друг друга, как и в молодости, по именам, – читать политграмоту я тебе не буду. Знаешь все сам. Положение сложное. Те, кто думают, будто с разгромом Врангеля война закончилась, жестоко ошибаются, и эта ошибка может встать нам очень дорого, потому что нет

ничего преступнее глупой, наивной беспечности. Понимаешь, о чем я?

Уншлихт кивнул. То, что говорил Дзержинский, полностью совпадало с его мыслями. Да, Гражданская война окончена. Под натиском красных пал Крым. Вслед за Россией, Украиной и Белоруссией революция берет верх на Кавказе и в Средней Азии. Уже образованы Хорезмская и Бухарская народные республики, уже Армения объявила у себя социализм, а в Грузии – со дня на день – вспыхнет революционное восстание.

Все это так и в то же время не так. Сотни тысяч белогвардейцев – обученных, обстрелянных, жаждущих отмщения – рассыпаны по Европе. Клацает зубами Антанта. Достаточно одной спички, и эта пороховая бочка взорвется, разнесет хрупкий мир ко всем чертям.

– На VIII съезде Советов Ильич очень верно определил суть происходящего, – Дзержинский развернул лежащую на столе газету, сплошь исчерканную синим карандашом. – «Белогвардейцы работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные воинские части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их для натиска на Россию». Факты таковы. Сейчас в Турции сосредоточено около 70 тысяч белых солдат и офицеров. Все они сведены в три корпуса и размещены в лагерях. Дисциплина у них железная, за любую провинность следует расстрел. По сути, это та же армия, только отведенная на квартиры. ИНО доносит, что на первом же совещании, которое провел со своими генералами Врангель, обсуждались конкретные сроки новой интервенции. Они планируют высадиться у нас – скорее всего, в Крыму – не позднее мая.

– Наглецы.

– Пусть наглецы. Только французы готовы снабжать этих наглецов оружием и деньгами, могут даже направить на помощь свои части... У нас есть только

два пути, – Дзержинский поднялся из-за стола. – Либо опередить вторжение, либо, подобно страусам, засунуть голову в песок.

– Между прочим, я где-то вычитал, что страусы голову в песок не засовывают. Песок слишком горячий.

– Да? – председатель ВЧК искренне поразился. – А я-то, наивный, полностью был уверен, что поговорка эта не на пустом месте возникла. Вообще, это, оказывается, чертовски интересная штука – происхождение поговорок. Знаешь, например, откуда взялось, что и на старуху бывает проруха?

– Что-нибудь из классики?

– Проруха – это дефлорация. Говоря по-простому, потеря девственности...

Дзержинский замолчал. Он подошел к окну, отодвинул занавеску. Уншлихт тоже молчал. Им было хорошо молчать друг с другом, так быстрее приходили мысли. Когда знаешь человека тысячу лет, лишние слова ни к чему.

– Юзеф, семьдесят тысяч штыков – это не шутка. Мы должны опередить их. Вопрос только – как? Я вижу один лишь вариант – разложение. Взорвать их изнутри, заставить Врангеля переключиться на внутренние свои проблемы, отложить сроки вторжения. Время работает на нас. Уже через год ни о какой экспансии не сможет идти и речи...

– А что у нас с агентурой? – Уншлихт с ходу уловил замысел председателя.

– Агентура есть. В основном те, кого завербовали еще до эвакуации. Но все это люди не того уровня: адъютант губернатора Крыма, офицер деникинского штаба. Нам же нужна серьезная, мощная фигура. Именно фигура, способная влиять на сознание масс... Что ты знаешь о генерале Слащове?

– Слащов-Крымский? Вешатель? Но это же враг. Один из самых злейших и опасных. Смелый, идейный

враг с руками по локоть в крови.

– В этом и заключается искусство разведки: делать из врагов друзей.

– Конечно, если бы склонить Слащова на нашу сторону... – Уншлихт мечтательно задумался. – Это будет бомба.

– Все предпосылки к этому есть. Ты правильно определил суть: Слащов – личность идейная. Вот на этой идейности его и можно привлечь... Ты наверняка знаешь, что месяц назад Врангель устроил над ним суд офицерской чести, уволил из армии: без пенсии и права ношения формы. В их войне с Врангелем многие офицеры занимают сторону Слащова. Его люди – даже под страхом трибунала – распространяют в лагерях антиврангелевскую книгу, которую он написал. В свою очередь, французы требуют от Врангеля арестовать Слащова, об этом открыто пишут эмигрантские газеты.

– То есть ты считаешь, что Врангеля он ненавидит больше, чем нас?

– Сегодня – да. Человек он взрывной, горячий, тщеславный. Он убежден, что, если бы Врангель внял его советам, Крым они бы не сдали. А теперь – вместо благодарности – его травят как бешеного пса. Он оскорблен, и, как считает, совершенно незаслуженно. Помнишь, у Шекспира? Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть...

– Напраслина страшнее обличения.

– Вот-вот: напраслина страшнее обличения... У него есть только два пути. Либо замирился с Врангелем – но теперь это уже невозможно, слишком далеко зашла их вражда. Либо – прислониться к какой-то иной силе.

– Согласен, момент очень удачный... А есть у нас кто-то под Слащовым?

– Пока нет. Вот тебе и предстоит найти к нему подходы... Какие соображения?

– Ну... Если в Константинополе серьезных людей у нас нет, значит, нужно послать кого-то из центра... – Уншлихт замолчал, перебирая в памяти тех, кто смог бы выполнить это непростое задание. Этот – слишком горяч. У этого – нет опыта закордонной работы. Третий – не обучен языкам. И вдруг, точно молния, пронзило его: – Кажется, я придумал. Помнишь Якова Тененбаума?

– Тененбаум? Тот, что работал у нас в особотделе Западного фронта?

– Он самый.

– Считаешь, справится?

– Уверен. Проверенный, надежный товарищ. Прошел подполье. Французским владеет в совершенстве. Я за него ручаюсь, как за себя.

– Что ж, кандидатура, кажется, неплохая. Вместе с Менжинским встретьтесь с ним. Прощупайте. Но раньше времени – никаких деталей ему не сообщайте. На кону – слишком дорогая ставка...

...Через неделю, когда начальник особого отдела ВЧК Менжинский⁶ собрал секретное совещание по вопросу разложения врангелевцев, одним из участников его был и спешно вызванный в Центр Яков Тененбаум...

Константинополь. Февраль 1921 г.

По ночам ему часто снились теперь горы. Он жадно вдыхал хрустальный горный воздух, и, казалось, до белых шапок Эльбруса можно было дотронуться рукой. Но потом приходило утро, в окна врывалась иностранная разноголосица, крики извозчиков, итальянская и турецкая ругань, и тогда понимал он, что все это – и хрустальный воздух, и грозный Эльбрус, и яркая россыпь звезд на черном, пугающем небе – ушло безвозвратно, осталось в далеком прошлом. На смену Эльбусу приходила душная комната в маленькой обшарпанной хибаре на окраине Константинополя, и от

этого становилось ему тоскливо, одиноко и безнадежно грустно.

В марте 1918-го, после неудачной попытки поднять восстание в Ессентуках, он с горсткой людей ушел в Приэльбрусье. Те недели, что провел он в горах, остались в его памяти единым фрагментом счастья. Он был молод и удачлив, верил в себя, в свою звезду и свою будущность. В то, что пройдет каких-то пару месяцев, от силы – полгода – и схлынет прочь красное наваждение, наладится хорошая, прежняя жизнь. Ожидание боя он всегда любил больше, чем сами бои...

В аулы заходить они не решались. Спали под открытым небом. Но страха не было. Он засыпал и просыпался с предвкушением счастья: такое бывает только в молодости. Первое, что видел он, открывая глаза, – белоснежные вершины Эльбруса. А внизу шумела горная речка. На противоположной стороне холма чабаны выгоняли отары. Издалека они казались похожими на рассыпанную шелуху семечек. Смешные суслики носились по полям, и прежде чем юркнуть в нору, точно как часовые вскакивали на задние лапки...

Через три месяца он спустится вниз. В маленьком городке Ба-талпашинске⁷ сформирует первый свой отряд, командовать которым станет полковник Шкура⁸ (для благозвучности полковник вскоре заменит последнюю букву в фамилии и станет называться Шкуро, хотя фамилия исконная и подходила к нему куда как лучше).

Потом будет всякое. И триумфальный поход на Ставрополь. И первые генеральские погоны. Освобождение Екатеринослава. Многомесячная оборона Крыма.

Слава, пришедшая к нему на германском фронте, возрастет многократно – не в арифметической, в геометрической даже прогрессии.

В опушенной черным мехом белой короткой куртке, с неизменной буркой за плечами, в меховой же шапке (форму придумал сам, как, впрочем, и собственный образ), сказочным, былинным видением будет он проноситься перед войсками, первым бросаясь в бой. (В мае 1919-го с пятью всего лишь конниками ворвался в Мелитополь, одним только видом своим повергнув неприятеля в бегство.) А потом, после боя объезжая части, не по уставу, будет бросать по рядам: «Спасибо, братья, что спасаете Русь святую. Земной от меня поклон...»

Рядом с ним – и в бою, и на привале – знаменитый золотоволосый юнкер Никита Нечволодов, – влюбленная в генерала сестра милосердия Нина Нечволодова, одетая в мужскую одежду; будущая его жена.

Ему было что вспомнить. Хмель штыковой атаки. Гудящее по рядам эхо. Поражения и победы. А вот поди ж ты – чаще всего вспоминал он именно эти проведенные в горах три месяца – сусликов-часовых, шелуху отар, хрипы реки...

Где они теперь, его прежние слава и почести? Сгинули прочь вместе с великой державой. Вместо дачи царского министра Фре-дерикса в Ливадии – покосившийся домишко в Галате, на самой окраине европейского Константинополя. Вместо преданных, влюбленных до безумия солдат – косые взгляды соплеменников – таких же, как он бедолаг-эмигрантов, людей без роду, без племени...

Врангеля он не любил никогда и прекрасно знал, что чувства эти – взаимны. Безумно, болезненно честолюбив был барон. Ревновал к слащовской популярности, к солдатской любви.

А ведь он, Слащов, пытался сделать все возможное, замириться, не доводить дела до греха. Когда в марте 1920-го стало ясно, что Деникин подает в отставку,

пришел к нему пьяненький генерал Шиллинг⁹, вместе со своими войсками бежавший из Одессы в Крым.

– Яков Александрович, голуба моя, не дай Господь, если Антон Иваныча сменит выскочка Врангель.

И шепотом, наклонившись так близко, что прямо в нос ударило перегаром:

– Врангель, наглец, предложил мне сдать командование войсками. Только черта лысого он от меня получит. Мои люди за меня глотку готовы рвать, поглядим еще, кто кого... Если мы объединимся, никто не сможет нас одолеть...

Ничего тогда Слащов ему не ответил. В тот же день послал верного человека – полковника Петровского – к Врангелю и наказал передать, что Шиллинга он никогда не поддержит и чести своей не запачкает. Про себя же подумал: лучше уж позер Врангель, чем пьяница и фанфарон Шиллинг.

Но вот уж воистину – не делай добра, не получишь зла. Едва только назначили Врангеля главнокомандующим, сразу почувствовал Слащов, как раскручивается вокруг него скользкая петля интриг. Подготовленный им план десанта в Мелитополь тормозился ставкой. Слал телеграмму за телеграммой с просьбой принять лично, но ответов не получал. Вместо этого – слышал отголоски врангелевского окружения: он-де кокаинист, пьяница, неврастеник...

В мае не выдержал, психанул. Послал по проволоке рапорт об отставке. Не приняли. Даже утвердили план мелитопольского наступления, которое – как и предсказывал – закончилось блестящей его победой. И хоть в боях потерял он всего одного солдата да двух лошадей, ни единой награды люди его не получили. («За что награждать-то, – деланно подивился Врангель. – Вы даже и потерь не понесли».)

И снова просит он об отставке, и снова ее не принимают. Правда, от командования корпусом Слащова отстраняют, но Врангель назначает его в свое распоряжение и даже присваивает почетный титул – «Крымский»: сто тридцать пять лет назад таким же точно титулом пожаловала генерала Долгорукова императрица. Долгоруков – присоединил к России полуостров, Слащов – сохранил его для России.

Но Слащов не унимается. («Золотой пилюлей» назовет он жалованный титул.) Он просит дать ему какую-то должность, пишет, что не может сидеть сложа руки в решающий для отечества час, «так как здоров, призывного возраста и ничего не делаю». Но в назначенное для аудиенции время Врангель его не принимает. А тем временем военная прокуратура начинает против него судебное дело за расстрел дезертира – полковника Протопопова.

Нервы у Слащова на пределе. И когда предложенный им план обороны Крыма в очередной раз отвергают, он не в силах уже владеть собой. В ноябре 1920-го генерал подает Врангелю рапорт, в котором фактически обвиняет его в предательстве и пораженчестве. Рубикон перейден...

Через два месяца, из газет, Слащов узнает, что судом офицерской чести он уволен из армии без права ношения мундира. Узнает и сразу же сядет писать книгу, которая, как наивно ему казалось, перевернет сознание всей русской эмиграции. «Требую суда общества и гласности» – называлась она.

Это произойдет уже в Константинополе. В ноябре 1920-го, в последних частях, на ледоколе «Илья Муромец» генерал-лейтенант Слащов покинет Россию...

Одним абзацем

В феврале 1921-го Дзержинский, Уншлихт и начальник контрразведки Менжинский нелегально, под документами на Яна Ель-ского, направляют в

Константинополь резидента ВЧК Я. Тенен-баума для установления канала связи с генералом Слащовым...

Константинополь. Февраль 1921 г.

– Вот в чем басурмане точно превзошли нас – так это в умении варить кофе... Надеюсь, я вас не обидел выражением «басурмане»?

– Намекаете на мою курчавость? Уверяю вас – во мне нет ни капли турецкой крови.

– Насчет турецкой – не сомневаюсь...

– Вы антисемит?

– В общем, нет. Немцев я люблю гораздо меньше, чем иудеев... Впрочем, турок – еще меньше, чем немцев.

– Напрасно вы, Яков Александрович. Вы ведь – умный человек. А умный человек не может быть шовинистом.

– Вы скажите об этом Василию Васильевичу Розанову. Или – почитайте Достоевского.

– А как же быть с Короленко, Леонидом Андреевым, Горьким? Они не только не чурались водить дружбу с инородцами, но и, напротив, считали, что россиянин – не тот, кто пишется великороссом от рождения, а тот, кто русский по своему духу.

– Где они сейчас россияне эти? Кто помнит теперь о России? С Россией кончено, на последях, ее мы прогали, проболтали...

– Макса Волошина любите?

– Похвальный для большевика кругозор.

– Бросьте. Только тупые провокаторы из ОСВАГа рисуют нас монстрами с окровавленными зубами, хотя и сами, по-моему, в этот образ не слишком верят.

– Ладно, господин Ельский, – ничего, что называю вас господином, уха не режет? – оставим эти пикировки. Перейдем к делу. Вы ведь, наверное, пригласили меня не для того, чтобы агитировать за Советскую власть?

– Нет, конечно. Вас агитировать глупо. Большого врага Советской власти трудно себе найти.

– Зачем же вам понадобился тогда этот враг?

Тот, кого называли Ельским, откинулся на спинку стула:

– Вы – солдат, Яков Александрович. И я – солдат. Мы можем не любить друг друга, но обязаны друг друга уважать. Мы, по крайней мере, вас уважаем, как человека, который первым шел в атаку, не прятался за чужие спины и всегда говорил честно то, что думает. Не ваша вина, что мы выиграли, а вы – проиграли. Это – диалектика истории...

– Спорный вопрос.

– Ничуть... Наша власть пришла всерьез и надолго. Это ясно любому, кто способен мыслить. Вы ведь и сами это видите. После крымского поражения шансов на реставрацию уже не осталось. Еще полгода, год – и Дальний Восток тоже будет наш. Разве не так?

– Не надо ловить меня.

– Упаси Господь, Яков Александрович. Я пришел к вам в открытую, с поднятым забралом, и говорю прямо: вы нужны сегодня России. Нашей России.

– Вашей?

– Россия не может быть нашей или вашей. Она – одна.

Слащов прикурил тонкую эбонитового цвета сигарку, прищурился от вонючего дыма.

– Надеетесь завербовать меня?

– Яков Александрович, вы словно все время в чем-то пытаетесь меня упрекнуть. Так не вербуют. Не вы в наших, а я – в ваших руках. Достаточно одного только слова, чтобы я очутился в зиндане.

– Почему так уверены, что не сдам вас?

– Потому что вы не подлец и не трус. Потому что я пришел с белым флагом, а парламентариев нельзя расстреливать. И еще потому, что мы знаем вас как честного, искренне любящего Россию человека. И мы видим, что с этими людьми – с Врангелем, Шати-

ловым¹⁰, Кутеповым¹¹ – вам не по пути. Ваша совесть чиста. Вы сделали все, что могли. Но разве кто-то внял вашим советам? Вместо того чтобы сказать «спасибо» за все, что сделали вы, точно шелудивого пса, вышвырнули прочь... Неужели вы не видите, что творится вокруг? Ваших солдат, будто каторжников, держат в лагерях за колючей проволокой. При въезде в галлиполийский лагерь, где стоит теперь корпус генерала Кутепова, из камней выложили лозунг: «Только смерть может избавить тебя от выполнения долга».

– Без дисциплины армии грозит разложение.

– Нельзя привить патриотизм из-под палки. Это что, дисциплина – расстреливать тех, кто желает вернуться на родину? Вспомните полковника Щеглова – вы наверняка его хорошо знали. Щеглова, боевого, честного офицера расстреляли только за то, что он пытался уехать в Россию...

Слащов угрюмо молчал, думал о чем-то своем. Наконец нерешительно спросил:

– Вы хотите сказать, что если я решу вернуться, меня не вздернут на виселице?

– Это вопрос отдельного обсуждения. У вас много грехов перед рабочей властью. Но и заслуг перед Россией – не меньше... Могу ли я считать ваш вопрос началом диалога?

– По-моему, диалог у нас уже начался...

Тененбаум-Ельский ушел из кафе первым. Так требовали неписанные законы конспирации, ибо в те годы Константинополь кишмя кишел агентами всевозможных разведок – от французской до белогвардейской.

А Слащов долго еще сидел в Пано-баре, маленькой таверне на шумной улице Истиклаль. Сидел, уставившись в одну точку, думая о чем-то своем. Может

быть, в этот вечер он впервые решил ответить себе на те вопросы, которые прежде гнал прочь. Он боялся этих тяжелых вопросов. Он пытался найти забвение в кокаине и мерзкой турецкой ракии.

А ведь красный резидент прав. В Константинополе нет для него места. Вместо почестей и уважения – сыплются в его сторону проклятия и брань. Ради чего тогда мучить себя на чужбине, где кругом – чужая, режущая ухо речь; где даже солнце не такое, как дома – палящее, злое, колющее.

Вот она – суровая диалектика жизни. Дружья становятся врагами. Враги заступают на место друзей. Верно сказал древний мудрец Экклезиаст: все течет, все изменяется...

...В ноябре 1920-го в русской речи (именно русской, не советской) появилось новое выражение-идиома: «катастрофа».

В этом слове объединилось все сразу: траурные гудки пароходов, обреченность разлуки, пачки дагеротипов, брошенные в пустых, гулких комнатах. Осколками разбитого вдребезги назвал всех их, бывших российских граждан, – певец эмиграции Авер-ченко¹². Жизнь словно разделилась на две половинки – «до» и «после».

В прошлой остался парадный Невский, ресторан «Додон», тезоименитство и георгиевские кресты. В нынешней ждала их неизвестность, чужая земля и вечная ностальгия...

В ноябрьские дни 1921-го, после того как студент-самоучка Фрунзе¹³ прорвал перекопские укрепления, из Крыма – последней цитадели русского оружия – бежало 150 тысяч человек. «Число погибших при эвакуации, – писала тогда берлинская газета „Русь“, – а равно сброшенных в море, сошедших с ума и покончивших жизнь самоубийством, учету не поддается».

В порту творилась ходынка. Толпы людей штурмовали сходни. Стоимость катеров и лодок выросла в сотни раз. За место на пароходе платили фамильными бриллиантами, несмотря на то даже, что всю дорогу надо было стоять.

18 ноября флотилия подошла к Константинополю – тому самому Константинополю, Царьграду, откуда пришло когда-то на Русь христианство, и где прибывал на врата свой щит древний князь Олег.

Те, кто сходил на берег, не знали еще, что покинули Россию навсегда. Им казалось, что это лишь временное, вынужденное отступление, хитрый маневр вроде того, что предпринял в 1812-м Кутузов, оставляя французам Москву.

Половина эмигрантов военную форму снимать не спешила. «Армия будет сохранена», – публично поклялся Врангель. В первые же дни он собрал на крейсере «Генерал Корнилов» старших начальников своей армии и, выйдя в воды Босфора, повел разговор о возобновлении вооруженной борьбы.

Остатки армии были сведены в три корпуса и размещены в лагерях. Чтобы люди не разбежались, лагеря окружили колючей проволокой и расставили часовых – басурман-сенегальцев. Тех, кто пытался бузить, наказывали жестоко и скоро. «Дисциплина в армии, – заявлял Врангель, – должна быть поставлена на ту высоту, которая требуется воинскими уставами, и залогом поддержания ее должно быть быстрое и правильное отправление правосудия».

(Весь русский Константинополь потрясла весть о расстреле старшего унтер-офицера Бориса Коппа. Его обвинили в желании вернуться домой. Смертный приговор утверждал сам генерал Кутепов.)

Расходы на содержание русской армии взяло на себя французское правительство. За полгода Париж потратил примерно 200 миллионов франков. Французы

торопили Врангеля, требовали скорейшей высадки, да он и сам понимал, что время работает против него.

«Не пройдет и трех месяцев, – картинно объявил барон на смотре своих частей в Галлиполи, в феврале 1921-го (несмотря на „катастрофу“, учения, маневры и смотры в лагерях проводились исправно), – как я поведу вас вперед, в Россию!»

И это было не просто красивой декларацией. Врангель рассчитывал высадиться на Черноморском побережье в срок до 1 мая, и в преддверии этого рассылал уже своих эмиссаров на Кубань, Дон и Терек – эпицентры казачества. Было организовано даже несколько пробных десантов, а казачий генерал Краснов¹⁴ на полном серьезе разрабатывал план похода на Петроград...

Человек тщеславный и властный, Врангель попытался объединить под свои знамена всю белую эмиграцию. Его агенты в разных странах Европы начали организовывать офицерские союзы. К началу 1921-го в них записалось свыше 10 тысяч человек, готовых выступить на борьбу по первому зову. А параллельно с этим генерал сформировал своего рода правительство в изгнании – Русский совет, который был объявлен единственным «носителем законной власти».

Многотысячная, хорошо оснащенная отдохнувшая армия – это была серьезная угроза для республики. И кто знает, как пошла бы история, если бы удалось Врангелю высадиться в Крыму, ведь вслед за ним на штурм страны вновь двинулись бы армии Антанты...

Во что бы то ни стало Москве следовало предотвратить вторжение. Красное правительство действовало двумя путями.

Первый – был виден всем. Это был путь легальной дипломатии, помноженный на экономическую выгоду. После того как в марте 1921-го английский министр

торговли Роберт Хорн и советский полпред Леонид Красин¹⁵ подписали торговое соглашение, многим за кордоном стало ясно, что большевистская власть пришла надолго, надо торопиться, иначе российский рынок захватят другие. Скарредные французы спешат объявить о прекращении кредитов Врангелю, а правительство Ататюрка тотчас подписывает в Москве советско-турецкий договор о дружбе. Это означало автоматический роспуск русской армии.

Но был и второй, неведомый никому, кроме верхушки ВЧК и ЦК, путь. Путь тайных операций и интриг, направленный на развал белой эмиграции изнутри.

Советская разведка, даром что существовала считанные годы, уже научилась блестяще играть на противоречиях во вражеском стане. Амбициозный и властный Врангель был по душе далеко не многим, да и не стремился, по выражению другого эмигранта – Куприна, стать червонцем, чтобы нравиться всем.

Предшественник его, Антон Иванович Деникин, таил на Врангеля обиду за свое бесславное низложение и за то еще, что Врангель открыто обвинял его в бездарности и стратегических ошибках. Отказались от союза с Врангелем казаки.

Нешуточные страсти бушевали и в высших слоях эмигрантского общества. Наследники покойного императора никак не могли поделить шкуру неубитого еще медведя – корону Российской Империи. На престол претендовало двое: двоюродный дядя царя, великий князь Николай Николаевич (его поддерживал Врангель), и кузен императора Кирилл Владимирович. Каждый из претендентов имел своих сторонников, регулярно публиковал обращения к русскому народу, что вносило великую смуту в эмигрантский стан.

Общего языка не могла найти даже церковь. Во главе архиерейского синода встал митрополит Антоний. Другую часть паствы увлек за собой митрополит Евлогий.

Словом, ни «катастрофа», ни эмиграция, ни разгром ничему не научили русскую верхушку. Вместо того чтобы объединиться перед лицом единой опасности, вожди эмиграции воевали друг с другом, интриги и амбиции заслоняли интересы нации, и Москва радостно подливала масло в этот огонь.

В этой войне генералу Слащову – человеку, обладавшему гигантским авторитетом и славой (не в пример большинству перечисленных выше господ), роль была отведена особая. О чем, правда, он пока еще не знал...

Симферополь. Май 1921 г.

Председатель Крымской ЧК Федор Фомин¹⁶, несмотря на возраст, считался чекистом опытным. Впрочем, что значит возраст в условиях революции? Люди в двадцать лет командовали дивизиями, а Фомину, когда сел он на Крым, было уже двадцать семь, да и за спиной осталось немало.

Три полных года оттарабанил на действительной, был на фронте, там же и вступил в большевистскую партию. В 1918-м освобождал Украину, работал в подполье, не раз ходил с рейдами по белогвардейским тылам. Из армейской разведки пришел в ЧК. Был начальником особых отделов ряда армий, возглавлял военную контрразведку Украинского фронта.

В Крым он пришел по личному указанию Дзержинского. После разгрома Врангеля полуостров нужно было почистить. Свыше пятидесяти тысяч врангелевских солдат оставалось здесь, не говоря уж об офицерах, чиновниках и прочих лишенцах.

Разобрались с ними лихо. По приказу председателя Крымского ревкома Бела Куна¹⁷ всем бывшим велено было явиться на регистрацию. За неявку – расстрел.

Двадцать пять тысяч человек переписали за три дня чекисты. А потом начались облавы. Только в Севастополе задержали тогда шесть тысяч подозрительных граждан. Одну треть казнили сразу, остальных отправили в концлагеря. Всего же в Крыму расстреляли по разным источникам от двадцати пяти до ста тысяч человек. Еще сто тысяч были выселены прочь...

Огромной, нечеловеческой властью обладал двадцатисемилетний губастенький чекист Фомин. Одним росчерком пера мог отправить любого на смерть или, напротив, даровать жизнь.

Через два десятилетия эти революционные заслуги не спасут его от кровавой бани. После убийства Кирова он, уже зам. начальника Ленинградского УНКВД, был арестован, но Сталин почему-то пощадил Фомина и единственного из всех руководителей управления оставил в живых. Два десятилетия проведет он в лагерях, чтобы, выйдя потом на свободу, воспеть свою молодость в небольшой брошюрке «Записки старого чекиста». Одна из глав книги посвящена делу Слацова.

«Один из приятелей Слацова, проживавший в Симферополе, – пишет Фомин, – получил из Константинополя письмо от известного эсера Федора Баткина. Это письмо попало к нам в руки. В нем говорилось, что Слацов выражает желание вернуться на родину, чтобы отдать себя в руки Советского правительства.

Письмо это я направил в Харьков начальнику особого отдела ВЧК Южного фронта. А он поехал с ним к Ф. Э. Дзержинскому».

К «Запискам старого чекиста», как, впрочем, и к автору их – человеку неординарному, штучному – мы еще вернемся. Пока же – короткий комментарий.

Как и вся чекистская мемуаристика, воспоминания Фомина грешат неточностями, хотя суть – теперь-то мы знаем – отражена верно.

Действительно, в мае 1921-го, через несколько месяцев после начала переговоров Тененбаума-Ельского со Слащовым, крымские чекисты перехватили письмо, пришедшее в Симферополь из Турции. Адресовано оно было, правда, человеку, со Слащовым не знакомым вовсе – артисту Симферопольского театра Михаилу Богданову – но уже в те времена вся иностранная корреспонденция перлюстрировалась дотошно. Текст весьма заинтересовал контрразведку.

Заграничный корреспондент – некто Федор Баткин – в самых ярких красках писал артисту Богданову, что вошел в близкие сношения с генералом Слащовым, и тот готов якобы вернуться в РСФСР, однако ему нужны гарантии.

Письмо тотчас же докладывается Дзержинскому. Известие это приходит очень кстати. Председатель ВЧК недоволен результатами поездки Тененбаума-Ельского. И хотя резидент в своих донесениях утверждал, что Слащов готов уже к бегству и просит даже выделить ему моторную лодку, Дзержинского не оставляла внутренняя неуверенность.

– Что-то здесь не то, – задумчиво сказал он тогда Менжинскому и Уншлихту. – Слишком быстро Слащов идет на контакт. В этой игре у нас нет права на ошибку.

Дзержинский понимал, что надо искать более серьезные подходы к Слащову, а для этого нужен надежный человек около него. Такой фигуры он не видел.

Но теперь в игру вступал новый персонаж – бывший эсер Федор Баткин. На Лубянке имя это известно было

хорошо.

С появлением Баткина операция перешла в новую, решающую фазу...

Баткин. Ретроспектива-I

С самого детства обожал он красоваться перед зеркалом. Ему нравилось принимать героические и мужественные позы, и тогда казался он себе похожим на античные статуи, виденные на страницах хрестоматии по греческому.

И хотя особенной красотой никогда он не отличался – лицо лошадиное, мослатое, да и телосложением не вышел; не тело сложение, а какое-то, прости Господи, тело вычитание – видел он себя то трибуном, заставляющим благоговейно внимать толпу, то полководцем, ведущим армии в бой, то героем, которого забрасывают цветами юные девы.

Об этой своей страсти он никому не рассказывал: застыдят. Но сейчас вновь кинул на себя строгий, оценивающий взгляд.

Хорош, ей-богу хорош. И не беда, что излишне худ. Нынче это даже модно. Зато сидит как влитая морская форма. Лихо заломлена бескозырка. Густо выются усы – женская гибель. А уж если откроет рот, разольется соловьем, и вовсе нет ему равных.

Федор Баткин внимательно оглядел себя и остался весьма доволен. В таком виде не стыдно показаться перед публикой. Революционный матрос – это звучит гордо. Гордо и грозно...

...Всею своею карьерой, невиданным, фантастическим взлетом Федор Баткин обязан был февральской революции. И если для кого-то она и стала крушением надежд, то для Баткина явилась волшебной жар-птицей, подарившей чудесный шанс: такой выпадает только раз в жизни.

Сын модистки и скромного заводского служащего, уже с рождения был он обречен вести тихую,

незаметную жизнь. Не высовывайся – вот главный завет российского иудейства.

Но это не по его бурному характеру. Уже в четырнадцать лет он примыкает к эсерам. Носится по Севастополю, разбрасывает по солдатским казармам листовки. Первый арест: за участие в студенческих волнениях и распространение прокламаций. С реальным училищем приходится расстаться. Пытается было получить аттестат зрелости экстерном, но к экзаменам его не допускают.

В 1910-м году Баткин уезжает в Бельгию. Учится в Льежском электротехническом институте, но тихая, европейская жизнь для него слишком пресна. Накануне революции он возвращается в Россию и с головой окунается в гущу событий.

В февральской говорильне Баткин чувствует себя словно рыба в воде. Бесконечные митинги, диспуты, манифестации – это его родная стихия.

По старой памяти Баткин вступает в партию эсеров. Старшие товарищи скоро примечают активного, говорливого юношу, и кооптируют в Севастопольский исполком Совета рабочих депутатов.

Пятью годами позже, уже в тюрьме, он с присущей ему «скромностью» так опишет свое участие в революционных событиях:

«По поручению общегородского митинга, я принял на себя охрану города. В мое распоряжение было прислано 100 солдат и столько же матросов; разоружив тотчас полицию и жандармерию, я распустил от имени митинга воззвание к населению о выборе делегатов для принятия власти в городе».

Что здесь правда, а что вымысел – судить уже трудно. Но одно не вызывает сомнений: в апреле 1917-го Баткина избирают делегатом от Черноморского флота и отправляют в Питер.

Говорить он умеет. Тысячи людей, затаив дыхание, внимают его речам. Баткину хочется верить. Он убедителен, эмоционален, горяч. Никому и в голову не приходит, что этот горластый морячок в тельняшке на деле и дня не служил на флоте, да и вообще никогда не носил формы.

В одной из газет того времени помещено фото Баткина в морском обмундировании. Ниже подпись: «Матрос Ф. Баткин – делегат Черноморского флота. Его речи о необходимости войны до победного конца имеют огромный успех в Москве, Петрограде и на фронте».

Газетчики пишут о Баткине часто. Стране нужны новые герои. Баткин с удовольствием позирует репортерам. То и дело его запечатлевают то с противогазом в руках, то в окружении членов Государственной думы.

Даже сам Керенский – оратор прирожденный – был покорен обаянием Баткина.

«Вот такие, как вы, люди из самых низов, – доверительно говорит он Баткину, пригласив на короткую аудиенцию, – и должны представлять новую, истинно народную власть. С народом надо говорить на понятном ему языке».

Премьер крепко жмет руку революционному матросу, и из покоев его тот выходит уже в новом качестве. Отныне, с благословения Керенского, он объезжает воинские части, агитируя за войну до победы. И хотя никаких формальных полномочий Баткину не давали, он искренне считал себя личным представителем военного министра.

«По армии западного фронта, – читаем мы в газетах того времени, – разъезжают делегаты Черноморского флота – матрос Федор Баткин, его брат и капитан Бригер. Они посещают наиболее колеблющиеся части, агитируют за наступление. Баткин всюду произносит горячие зажигательные речи.

Однако не везде матросу удастся воздействовать своими призывами. Во время речи стоявший в толпе слушателей солдат выстрелил в Баткина, но пуля, к счастью, ударила в ветку дерева, в полуаршине».

«Этот случай, – заключает репортер, – подействовал на солдат отрезвляюще. Значительная часть полка согласилась с Баткиным и отправилась на позиции».

При Керенском, как прочий флот, Он был правительству оплот, И Баткин был его оратор..., -

воссоздавал портрет типичного крымского моряка 1917 года Максимилиан Волошин.

В поездках и походах прошло все лето. Баткин заметно отъелся, матросская форма стала ему тесна, зато свое ораторское мастерство отточил он до совершенства. Теперь он фигура известная. Вслед за Керенским принимает его и главковерх Алексеев. Встреча эта оставила у Федора тягостное впечатление. Слишком уж кичился генерал своими погонами, на прощание протянул лишь три пальца, будто сам не из простых – солдатский сын – а какой-нибудь князь.

Незаметно наступила осень. Известие о петроградском перевороте застало Баткина в Москве.

«Ерунда, – авторитетно заявил он тем же вечером за ужином, – с большевиками народ не пойдет. Всем известно, что Ленин и Троцкий – немецкие шпионы. То ли дело Александр Федорович». – И он смачно вцепился зубами в куриную ногу.

Это была роковая его ошибка. Вне всякого сомнения, в большевистском стане его приняли бы с распростертыми объятиями: профессиональные горлопаны нужны всегда.

Но слишком уж вжился Баткин в свою роль, слишком привык к почестям и рукоплесканиям и не хотел искать добра от добра...

В те дни так думал не один только он. После того как на выборах в Учредительное собрание в ноябре 17-

го большевики получили менее четверти голосов, многие искренне посчитали, что новая власть падет со дня на день: слишком уж опереточными казались новоявленные вожди революции.

Воистину, если бы заранее люди умели предвидеть, в какую сторону покатится колесо истории, скольких ошибок и промахов можно было бы избежать. Но, увы, лишь шулера могут угадывать чужие карты...

...Весной 1918-го Баткин бежит на юг и вступает в Добровольческую армию. В ОСВАГе – деникинском отделе пропаганды – его кипучая энергия находит достойное применение.

ОСВАГ – это сокращенно от Осведомительного агентства. Осведомительного во всех отношениях, ибо занималось оно не только и не сколько пропагандой и агитацией (сиречь осведомлением населения), сколько контрразведкой и тайным сыском. И то, и другое Баткину – авантюристу до мозга костей – по душе.

Отныне вся дальнейшая и недолгая судьба его – до самого последнего дня – неразрывно будет связана с тайными службами и тайными же делами...

Симферополь. Май 1921 г.

За кулисами было сумрачно и сыро. Пахло красками. Продираясь сквозь фанерные декорации, Виленский поймал себя на мысли, что думает не о предстоящей вербовке, а о какой-то философской ерунде. О том, например, что работа его во многом напоминает театр, и то, что со стороны кажется верхом изящества – очертания дворцов, парадных залов – на поверку оказывается куском грубо выкрашенной фанеры. Надо только смотреть на вещи не из зрительного зала, а со стороны кулис...

Конечно, по всем канонам, следовало бы вытащить этого акте-ришку к себе – дома помогают и стены – но времени на всякие экивоки уже не оставалось.

Виленский слишком хорошо помнил разговор с председателем ВУЧК. «На раскачку у вас нет ни секунды, – сказал тогда председатель. – Учтите, это личный приказ Феликса Эдмундовича».

Богданов сидел в гримерке и ухоженными пальцами отклеивал бороду.

– Ну кто там еще? – недовольно бросил он, не поворачивая даже головы.

– Михаил Михайлович, – Виленский старался говорить с придыханием. – Позвольте выразить свое восхищение вашей прекрасной игрой. Я смотрел на одном выдохе.

– Спасибо, голубчик, – лесть подействовала, и Богданов развернулся всем телом к вошедшему.

– Нет, Михаил Михайлович, это вам спасибо, – Виленский протянул актеру букет цветов (если со стороны кто увидит или в гри-мерке окажутся посторонние – никаких подозрений: обычный поклонник пришел чествовать своего кумира). – Не мог бы я пригласить вас поужинать, дабы отметить ваш исключительный успех?

– Увы, дорогой мой, – Богданов театрально развел руками. – Сегодня я занят. Как-нибудь в другой раз...

– И тем не менее, Михаил Михайлович, придется со мной отужинать.

– Да как вы смеете... – артист возмущенно сдвинул мохнатые, приклеенные еще брови, но, увидев мандат ВЧК, разом осекся.

– Мне с вещами? – тихо спросил он.

– Ну что вы. Экого вы мнения о наших органах...

Уже наутро подписка, данная артистом Симферопольского театра Михаилом Богдановым о готовности своей негласно сотрудничать с ВЧК, лежала на столе председателя Крымской чрезвычайки.

– А где гарантия, что не сбежит? – спросил Виленского, особоуполномоченного ВУЧК, Фомин.

- В Симферополе у него вся родня. Жена, дети, любовница. Я предупредил, что в случае любого фортеля все они будут расстреляны, как заложники...

Через несколько дней новоявленный агент ВЧК Михаил Богданов сел на пароход, идущий в Константинополь. По разработанной в контрразведке легенде, он ехал за партией краски. На самом же деле Богданов должен был тщательно прощупать своего приятеля Баткина и в случае положительном - установить через него контакт с генералом Слащовым...

Баткин. Ретроспектива-II

Он считал себя удачливым, фартовым человеком. Когда-то в детстве портовая цыганка нагадала ему долгую и счастливую жизнь, предсказала, что увидит чужие страны, будет дружить с королями и князьями - в общем, весь тот стандартный набор небесной манны, которую обычно обещают простакам тонкие психологи-гадалки. Человеку свойственно обманываться и верить в сказки. Вот и он, хоть и понимал, что ерунда это все на постном масле, где-то в глубине души надеялся, что вдруг так и случится. Со временем образ цыганки размылся, затянулся дымкой, но предсказания ее Федор не забыл. И порой, вспоминая запавшие в душу слова, ловил себя на мысли, что жизнь подтверждает предсказание это.

В самом деле. Чужие страны посмотрел. Сначала - Бельгия, теперь - Турция. Видел и Керенского, и Врангеля (пусть не дружил, но в компаниях, особенно в присутствии барышень, любил обронить: «Помню, Александр Федорыч мне сказал... Однажды мы с Петром Николаичем...»)

Он приехал в Константинополь вместе со всеми - в ноябре 1920-го. Сбережений - ноль. Что делать, чем зарабатывать на жизнь? Деятельная его натура не позволяла расслабиться, требовала найти какое-то активное занятие, выход энергии.

Месяц болтался по ресторанам и тавернам, слушал пьяные речи офицеров и купцов: мол, не сегодня-завтра вернемся назад. В дискуссии Баткин не вступал, хотя понимал отменно: никуда уже никто не вернется. Совдепия выдавила их, как выдавливают юнцы прыщи со своего лица.

Баткин был прагматиком. Все свои сильные и слабые стороны знал отменно. Никакой серьезной профессии – той, что могла бы приносить деньги – у него не было. Агитация же его и ораторское мастерство в Константинополе и даром не были никому нужны.

Спасительная мысль в голову пришла внезапно. Информация. Вот товар, который никогда не падает в цене.

В эмигрантском обществе, не таясь, говорили о засилье в Константинополе шпионов. Помимо турецкой контрразведки, активно работали здесь и французы, и англичане. Свою спецслужбу создавал Врангель. Пошли слухи о появлении советских агентов.

Баткин знал всех, и все знали Баткина. Он был вхож во многие дома и учреждения. То, что для прочих эмигрантов было лишь темой для бесед и сплетен, Баткин обратил в деньги.

«Сперва он проявлял суетливость необыкновенную, – осенью 1921-го писал эмигрантский листок „Новое время“, – от украинцев он мчится к первопоходникам¹⁸, от первопоходников к сионистам, откуда в штаб Врангеля, жужжит около Слащова, ведет деятельную переписку с Зензиновым¹⁹ и Керенским и хорошо осведомлен о большевистских представителях в Константинополе».

Слащов завязывает знакомство с английскими и французскими разведчиками, ищет подходы к туркам. Главной же его козырной картой становится генерал Слащов.

До эмиграции знакомы они были лишь заочно. Вернее, Бат-кин-то, как и все в русской армии, заочно знал Слащова, но для генерала он был фигурой слишком мелкой, незаметной.

В хитрости ума Баткину не откажешь. Едва только услышал он громкие заявления Слащова, узнал о позорном увольнении его из армии, о том, что генерал пишет какую-то убийственную книгу – сразу понял: в этой игре можно поживиться. Слащову нужны такие помощники, как он: пронырливые, безотказные, вездесущие. Конечно, в окружении генерала немало преданных, верных людей, но все они – вояки, способные лишь на дуэли. Дуэли тайные, подковерные – не по ним.

Но как подобраться к Слащову? Прийти с улицы? Неровен час – заподозрит неладное и прогонит. Нет, в таких ситуациях нужно действовать тоньше.

Прознав, что Слащов вместе со своим начальником штаба генералом Дубяго²⁰ снял дачу на берегу Босфора, Баткин селится в той же деревне. Вскоре он как бы случайно знакомится с генералом.

Баткин умеет вызывать к себе доверие (свойство, присущее всем без исключения авантюристам и мошенникам). В славословиях он не стесняется, как не стесняется и в выражениях, если речь заходит о Врангеле. Сердце генерала тает, и вот уже Баткин садится помогать ему с книгой.

Теперь он частый гость на генеральской даче. С каждым новым визитом его все меньше перестают стесняться, воспринимают уже как своего. И в один из вечеров он узнает, что Слащов ведет тайные переговоры с резидентом Москвы. Сладко засосало под ложечкой: значит, не ошибся он в расчетах, Совдепии нужен опальный генерал.

Но иные посредники Баткину не нужны. Он, и только он один должен иметь монополию на Слащова, быть его официальным, как сказали бы сейчас, дистрибьютером.

Полагаем, не без участия Баткина контакты Слащова с Тенен-баумом-Ельским были сорваны. Рискнем сделать и иное предположение: для того-то Слащов и послал своему приятелю Богданову письмо в советский Симферополь, чтобы вызвать ответную реакцию ВЧК. Он прекрасно знал, что все письма, идущие из-за кордона, перлюстрируются контрразведкой, а значит, его послание не останется незамеченным. Если его план удастся, именно он станет основной картой в игре за будущность Слащова, и именно на него сделает ставку Москва.

Оставалось лишь ждать, когда последует ответ. А в том, что ответ такой последует, Баткин не сомневался...

Константинополь. Июнь 1921 г.

Купола мечетей, золоченые сабли полумесяцев видны были издалека. Богданов стоял на палубе теплохода, силясь запомнить, запечатлеть все раскрывающееся перед ним великолепие.

Как и большинство русских людей, ко всему заграничному относился он с трепетом. Особенно теперь, когда граница отдалилась безмерно, превратилась в другую планету, недоступную для граждан РСФСР.

Над константинопольским портом плыл незнакомый, пряный и душный запах. Это был запах свободы и приключений. Впрочем, о какой свободе мог думать он, когда дома, в Крыму, в заложниках осталась вся семья.

И все же константинопольский воздух кружил, пьянил голову. Обаяние портового города окутывало Богданова против его воли. Константинополь казался ему волшебной сказкой, сошедшей со страниц «Тысячи и одной ночи».

Здесь совершенно органично уживалось несовместимое. Пыхтящие авто. Турчанки в паранджах. Полуголые чумазые ребятишки и золотое шитье погон. Чалмы, котелки, фуражки, платки.

Ноги сами несли его в центр, к знаменитой церкви Святой Софии, с которой пять веков назад сбросили янычары кресты, насильно обратив в мусульманскую веру. Богданов долго стоял у ее подножия. Он думал о бренности всего земного, о том, что нет на земле ничего вечного и постоянного. В Константинополе это понимается особо.

Лишь к вечеру, насладившись константинопольской сказкой, Богданов приехал по указанному в письме адресу. Он и не чаял застать Баткина дома, но, на удивление, ему повезло.

После объятий и обязательных в таких случаях пустых расспросов («Как доехал?» – «Нормально». – «Как дома?» – «Нормально». – «Какая сейчас погода в Крыму?» – «Нормальная».), они вышли прогуляться к берегу Босфора.

Бежали по волнам лунные дорожки, из воды доносился плеск рыб, и была в этом такая умиротворенная идиллическая тишина, что не хотелось вовсе говорить о делах: сидеть бы так перед морем, вглядываться в черную воду...

Шли молча. И хотя каждый догадывался о миссии другого, первым заговаривать никто не желал. Наконец Богданов не выдержал.

– Наверное, в такую же тихую ночь и высадится однажды в Крыму десант, – задумчиво произнес он.

Баткин понимал, какого ответа хочет услышать от него Богданов.

– Брось, Миша. И ты, и я прекрасно понимаем, что бороться с Советской властью сегодня бессмысленно и глупо. Большевики взяли власть надолго.

– Не скажи. Не так они сильны, как кажутся. Уж я-то, изнутри, это знаю.

– Они, может, и не так сильны. Зато враги их – больно слабы. Помнишь, что говорил Чаадаев? Социализм победит не потому, что он прав, а потому что не правы его враги.

– При чем здесь Чаадаев?

– А при том, что я слишком хорошо понимаю, что творится здесь. Генералы грызутся между собой. Каждый хочет урвать кусок пожирнее. Деникин – сам по себе. Врангель – сам по себе. Казаки, монархисты, эсеры, кадеты: все погрязли в своих амбициях и склоках, им нет дела до России. Что толку от их трескотни? Без иностранной помощи они бессильны, а ни французы, ни англичане помогать им уже не будут. Поздно. Поезд уже ушел.

Дальше шли молча. Каждый думал о своем. Богданов – о том, что задание, казавшееся ему в Крыму непосильным, не так уж и тяжело. Баткин – о том, что план, задуманный им, воплощается точно по его сценарию.

«После такого ответа, – напишет потом в президиум ВЧК брат Баткина Анисим, – М. Богданов предложил вступить с ним в более подробные переговоры об изыскании конкретных форм поддержки власти. И отбыл в Севастополь для получения санкций от лица, его пославшего (тов. Виленского)».

Впрочем, это лишь на бумаге любые события можно уместить в одном абзаце. Жизнь – не бумага...

С приездом Богданова жизнь Баткина приобрела новый смысл. Как и всякому авантюристу, ему не важна была сама суть работы: главное – процесс. Баткину нравилось чувствовать свою значимость, ощущать причастность к большой политике.

Сбылась давняя мечта: у него появился даже свой офис. В гостинице «Отель де принцесс» Баткин снял

несколько номеров, где сидела теперь стенографистка и где принимал он людей.

В деньгах нужды больше не было: Богданов привез с собой немалую сумму.

Каждый вечер их можно было видеть теперь в ресторанах. Красного резидента Баткин от себя никуда не отпускал. Даже на конспиративные встречи ездил вместе с ним или посылал кого-то из своих доверенных людей.

Знакомство Богданова со Слащовым прошло успешно. Генералу Богданов понравился сразу. В отличие от Тененбаума-Ель-ского, он не стремился переиграть Слащова, не философствовал и не умничал. Все было предельно ясно и понятно.

И когда Слащов – открыто, в лоб – спросил Богданова, что ждет его, если он решится вернуться домой, тот столь же прямо, не виляя, ответил: амнистия и должность в Красной Армии...

– Конечно, может и не генеральская, – замялся Богданов, – но место военспеца вам обеспечено...

И эта небольшая заминка окончательно убедила Слащова в искренности советского посланца: пообещай тот портфель зам. наркома – никогда бы не поверил.

Эмиграция – та же большая деревня. Слухи и новости распространяются здесь с космической быстротой. Регулярные вояжи Баткина к Слащову, появление в их кругу таинственного незнакомца из Совдепии незамеченными остаться не могли. Да Баткин особой тайны из этого и не делал. Авантюрист до мозга костей, он упивался доверенной ему тайной, и чуть ли не каждому встречному – понятно, под большим секретом – рассказывал о том, что выполняет секретнейшее деликатное поручение, но об этом – т-с-с! – никому.

По русской колонии поползли слухи, что Слащов готовит десант в Россию. Баткина называли

помощником генерала по политической части. Весть эта дошла и до англичан.

Уокер, капитан Генштаба Ее Величества, получив приказ начальника экспедиционного корпуса, размышлял недолго. Уокер был профессиональным разведчиком. («Не бывает невыполнимых заданий, – любил повторять он, – просто есть люди, не способные выполнять задания».) Не медля, он пригласил своего помощника Писса – бывшего управляющего екатеринодарским заводом – и приказал: выйдите на связь с Баткиным.

– Сделаем, чиф, – поклонился Писс.

В тот же вечер он нашел Баткина в его обычном месте – русском кафе «Киевский кружок».

– Федор, мое командование имеет желание встретиться с вами (хоть Писс и прожил много лет в России, русские фразы он все равно строил по правилам английской грамматики).

Баткин отхлебнул из пузатой кружки темного пива, загадочно улыбнулся чему-то своему.

– А мне-то какая радость встречаться с твоим командованием?

– Жизнь сложная штука, Федор. Нам лучше дружить, чем враждовать. Умные люди должны держаться вместе, тем более что враг у нас – общий.

Баткин для вида немного подумал, потом махнул рукой:

– Ладно. Только передай, что встречаться буду с самым главным твоим начальством... Знаешь английскую поговорку: время – деньги...

Летняя резиденция штаба располагалась в Терапии, в окрестностях Константинополя. Командующий встречал Баткина как дорогого гостя, даже поднялся ему навстречу из-за массивного дубового стола.

– Мы знаем, господин Баткин, что вместе с генералом Слащо-вым вы готовите вторжение в Россию.

Так ли это?

Баткин повернулся к Писсу:

– Переведите мистеру генералу, что я не вправе отвечать на подобные вопросы.

– Этот вопрос объясняется не праздным любопытством, а желанием всемерно помочь в благородном и святом деле освобождения вашей многострадальной родины.

– Вы готовы снабдить нас средствами и оружием?

– Увы. После известных событий мы не вправе действовать открыто. Мое правительство связано некоторыми обязательствами с советским правительством.

– Чем же вы тогда можете помочь?

– Есть немало иных способов помощи – не таких явных. Скажем, мы можем не задерживать ваших друзей при въезде в Константинополь. Это для начала... Согласитесь, когда ничего не требуется взамен, такое предложение заслуживает внимания.

– Так уж совсем ничего взамен?

– Практически. Разве что иногда мы будем просить вас о советах или консультациях.

Предложение генерала Баткин оценил с ходу. С недавнего времени англичане начали арестовывать всех въезжающих из Севастополя. Объяснялось это тем, что ни у кого из них не было въездной визы: их выдавали только в Батуме, а добираться туда было накладно, сказывалась исконно русская надежда на «авось».

Такое «окно» давало огромные преимущества. Баткин сумеет убедиться в этом очень скоро.

Константинополь. Осень 1921 г.

В августе 1921-го Богданов уехал назад в Севастополь. Хотя Слащов был уже полностью сагитирован, операция срывалась. На вывоз генерала требовались деньги, и немалые – капитан итальянского

судна запросил полторы тысячи турецких лир – однако ЧК тянула с выдачей средств. Богданов должен был ускорить выплату и отчитаться о проделанной работе.

Фомин и Виленский ждали его с нетерпением. Как и подобает актеру, на краски он не скупился. Из рассказа Богданова выходило, что они с Баткиным держат под колпаком чуть ли не всю эмиграцию. И что не один только Слащов готов вернуться в Россию: лишь свистни – и белые генералы мигом выстроятся в очередь.

Несмотря на определенный скепсис, чекисты верят агенту. Откуда им знать, что Богданов находится под абсолютным влиянием Баткина и смотрит на все его глазами.

(«Баткин принял все меры, чтобы изолировать его от всех, – писал потом вернувшийся в РСФСР адъютант атамана Краснова полковник Данилов, о котором скажем чуть позже. – Терроризировал его, измышляя какие-то загадочные заговоры против него, слежку контрразведки. Странной казалась обстановка, окружающая Богданова, находившегося всегда под наблюдением Баткина или его доверенных людей, не допускающих никаких встреч, никаких разговоров, в которых он не был бы осведомлен».)

Контрразведка вновь отправляет Богданова в Константинополь. Вместе с ним на пароходе едет родная сестра Баткина – Розалия. Ее явление должно продемонстрировать доверие Советов к своему новому помощнику.

Они приезжают в первых числах сентября, но здесь их ждет новое испытание: прямо в порту Богданова арестовывает английская контрразведка. Англичане уверены, что Богданов – агент большевиков.

Вот когдагодились контакты Баткина с англичанами. Он бросается к капитану Уокеру, но тот ему не верит. Уокер на Баткина зол: за каждого провезенного из Севастополя беженца Уокеру были

обещаны комиссионные, но дальше задатка дело не пошло. Баткину приходится раскошелиться и использовать весь свой запас красноречия.

– Богданов – не большевистский агент, – клянется он, – а мой.

Бегство Слацова было запланировано на ближайшие дни. Капитану парохода «Жан» вперед выдали уже расписку за подписью Богданова. Однако чекисты тянут время. Для такой серьезной акции необходима санкция ЦК, а ее все нет.

Баткин нервничает. Ему кажется, что Советы хотят обойтись без него, благо резидент ВЧК Ельский-Тененбаум – он знает о его существовании со слов Слацова – по-прежнему находится в Константинополе. Баткин не спускает с генерала глаз. По несколько раз на дню он бывает у него, всячески обхаживает и увещевает.

Тем временем по эмигрантской колонии поползли новые слухи, которые были совсем недалеко от истины. Говорилось, что никакого десанта Слацов с Баткиным не готовят, а совсем наоборот – собираются бежать к большевикам.

Сам Баткин слух этот опровергать не пытался. Его самолюбию льстило такое внимание, он хотел чувствовать себя фигурой демонической.

Англичане опять заволновались. Баткину приходится выдумывать новую легенду: дескать, ввиду изменившейся обстановки, десант откладывается, но есть возможность отправить Слацова к «зеленым». В России один за другим вспыхивают бунты и мятежи, а кто лучше Слацова может возглавить это сопротивление?

Капитан Уокер ему не верит. Он требует личного знакомства со Слацовым: пускай генерал сам подтвердит эти слова.

Встречу готовили долго: Слащов не желал метать бисер перед иностранцами. Лишь за несколько дней до отъезда генерал сменил все же гнев на милость.

Брат Баткина Анисим так описывал потом эту встречу:

«Уокер заявил, что англичане подозревают, что Богданов советский агент, покрываемый Баткиным, которым они тоже недовольны, так как он ничего не сообщает им. Слащов заверил Уоке-ра, что Богданов его агент, а не советский, и что Баткин ничего не сообщает, так как он, Слащов, запретил ему давать кому бы то ни было и какие бы то ни было сведения. Слащов сообщил, что он уезжает к „зеленым“ (ни время, ни место, ни способа отъезда не указал)».

Откуда англичанам, да и французам – а до французской контрразведки также дошла информация о готовящемся отъезде Слащова – было знать, что не в Константинополе, а в Москве решается будущая судьба генерала.

В закрытых архивах ЦК сохранился протокол секретного заседания Политбюро, на котором обсуждалось возвращение Слащова. Было это 7 октября. К единому мнению вожди не пришли. По предложению Ленина в ЦК была образована специальная комиссия по делу Слащова, куда вошли Сталин, Ворошилов и Каменев²¹. В тот же вечер, 7 октября, Каменев подготовил проект решения:

«Предложение признать приемлемым, то есть согласиться на переправку Слащова и компании в Россию».

Но у Ленина была другая точка зрения. То ли он боялся излишней шумихи за кордоном. А может, все проще – не мог простить Слащову личной обиды. В июне 1919-го именно Слащов разгромил Крымскую ССР, во главе которой стоял младший брат вождя – Дмитрий

Ульянов²². Крымским большевикам пришлось срочно спастись бегством, и в какой-то момент казалось, что Ульянов-младший живым уже не вернется. На этом карьера его и закончилась.

На заседании Политбюро Ленин был единственным, кто воздержался при голосовании. Остальные – особенно активничал Троцкий – единодушно поддержали возврат Слащова.

Оставалось только определить, как выдать максимум пользы из этой акции. По этому поводу Троцкий и Уншлихт предложили объединить усилия ВЧК, РВСР и Наркомата иностранных дел. Они считали, что Слащову надо сконцентрироваться на написании пропагандистских материалов и воззваний к эмиграции, и до публикации их вся операция должна храниться в тайне.

18 ноября 1921 года Политбюро окончательно утверждает этот план. Но Слащова в Константинополе уже нет.

Еще накануне, не дожидаясь официального решения, он незаметно для всех успел покинуть дачу на берегу Босфора.

Его хватились только через сутки. Напрасно отряд французской полиции и лично начальник французской контрразведки господин Коломбани переворачивают весь дом вверх дном. Слащов уже далеко.

В угольной яме итальянского теплохода «Жан» он плывет в Россию. Рядом с ним – жена, брат Баткина Анисим и горстка верных друзей: бывший помощник крымского военного министра генерал Мильковский²³, отставной комендант Симферополя полковник Гильбих²⁴, начальник его личного конвоя полковник Мезерницкий²⁵.

Сам Баткин покидать Константинополь пока не спешит. И хотя в его доме тоже делается обыск, а

самого его арестовывают, он не теряет оптимизма. На гора выдается новая «легенда»: Слащов уплыл на моторке в Болгарию, откуда потом возьмет курс на Севастополь.

Версия эта быстро разлетается по колонии, ее подхватывают газеты. Русский Константинополь гудит, точно потревоженный улей.

Но не успели еще великосветские сплетники обсудить, обсосать эту сенсацию, как взрывается сенсация новая: появляется заявление Слащова, оставленное им перед бегством.

«В настоящее время я нахожусь на пути в Крым. Предположения и догадки, будто я еду устраивать заговоры или организовывать повстанцев, бессмысленны. Революция внутри России кончена. Единственный способ борьбы за наши идеи – эволюция.

Меня спросят, как я, защитник Крыма от красных, перешел теперь на сторону большевиков. Отвечаю: защищал не Крым, а честь России. Ныне меня тоже зовут защищать честь России, и я буду выполнять свой долг, полагая, что все русские, в особенности военные, должны быть в настоящее время на родине».

Эмиграция впала в шок. От кого угодно можно было ожидать такого фортеля, но от Слащова... Человека, которого в красной печати именовали не иначе, как «Слащов-вешатель»... Монархиста и русофила до мозга костей...

«Неожиданный отъезд Слащова, – писал по этому поводу литератор-эмигрант А. Слободской, – всколыхнул буквально сверху донизу всю русскую эмиграцию».

21 ноября пароход «Жан» пришвартовался в Севастополе. Прямо на пирсе Слащова и его людей встречали чекисты.

На вокзале генерала дожидался уже личный вагон Дзержинского. Ради такого дела председатель ВЧК

прервал свой отпуск и приехал за Слащовым лично.

Я почему-то очень явственно представляю эту сцену. Молча смотрят они друг на друга – два злейших, непримиримых врага. Барабанит по крыше вагона поздний ноябрьский дождик. Потеют стекла.

У каждого – тяжелый, пристальный взгляд: взгляд, под которым обмирали сотни людей. Но отвести в сторону глаза они не вправе. Идет молчаливая дуэль двух гигантов, битва титанов, еще при жизни ставших мифологическими героями.

– Ну, здравствуйте, Яков Александрович, – говорит наконец Дзержинский и протягивает генералу руку.

Слащов медлит, но не отводит пристального взгляда. Эти секунды он будет помнить до конца своих дней. Здесь, в Крыму, он испытал самые счастливые мгновения жизни, здесь был его Аустерлиц. И здесь же настигло его Ватерлоо.

Негнущейся сухой ладонью он пожимает руку Дзержинского, надолго задерживая ее.

Дуэль окончена. Окончена задолго до этого пасмурного ноябрьского дня...

...23 ноября в «Известиях» появилось официальное сообщение о предоставлении Слащову советского гражданства и полной его амнистии. Уже на следующий день в газетах было опубликовано подписанное им совместно с генералом Мильковским и полковником Гильбихом воззвание, призывающее офицеров и солдат армии Врангеля возвратиться по их примеру на родину, не боясь мести Советов.

«Возвращение генерала Слащова-Крымского, – читаем мы в воспоминаниях председателя Крымской ЧК Федора Фомина, – окончательно развеяло миф о репрессиях, чинимых большевиками над возвратившимися белыми эмигрантами».

Поскольку Фомин в нашей истории больше не появится, об этом человеке надо сказать особо.

Профессиональный чекист Федор Фомин мало известен широкой публике, хотя и был он участником многих исторических событий. И тем не менее – бьюсь об заклад – не найти в нашей стране такого человека, который его не знал бы. Точнее, персонажа, списанного с Фомина.

Подобно Слащову, он тоже оказался прототипом всесоюзно известного героя. Правда, факт этот не известен никому, кроме авторов легендарного фильма о красном разведчике Павле Кольцове...

Пал Андреич, Вы шпион?...

Если бы не Штирлиц, не было бы в России киногероя популярнее, чем Павел Андреич Кольцов; о нем бы, адъютанте Его Превосходительства, а вовсе не о штандартенфюрере СС слагал бы народ анекдоты.

Они появились на экране почти одновременно. Соломин и Тихонов: два героя, два разведчика, два хладнокровных красавца – наш ответ Джеймсу Бонду. Улицы пустели, когда сериалы эти шли по телевизору, падала до нуля преступность, потому что жулики тоже любили шпионские саги.

«Пал Андреич, вы шпион?» – «Видишь ли, Юрий...»

Особый романтический флер истории «адъютанта» придавало то, что в основу фильма (а точнее одноименного романа, написанного И. Болгариним и Г. Северским) положены были реальные события. Об этом любознательный телезритель без труда мог узнать из многочисленных аннотаций. Называлось и имя прототипа Кольцова: Павел Макаров. Именно этот человек якобы был внедрен Лубянкой в самое сердце Добровольческой армии. И хотя подвиги, совершаемые на экране Павлом Кольцовым, мало походили на то, что сделал Павел Кольцов в реальности, слава супершпиона Гражданской войны надолго закрепилась за ним...

Даже такое солидное исследование, как многотомные «Очерки истории российской внешней

разведки», называет Павла Макарова в числе лучших разведчиков XX века. Его судьбе посвящена целая глава 2-го тома очерков.

Правда, авторы сразу оговариваются: «Свидетелей и основных действующих лиц этой необычной истории давно нет в живых, не сохранилось и каких-либо документальных материалов».

Подождите, но откуда тогда взялась уверенность, что Макаров – это Кольцов, да и что вообще человек такой существовал на самом деле? Единственное доказательство тому – записки самого Макарова, вышедшие в 1929 году и переизданные лишь однажды – 45 лет назад.

Я внимательно проштудировал эти воспоминания, давно уже ставшие библиографической редкостью. С историей кино-адъютанта роднит их немного. Судите, впрочем, сами...

Сын железнодорожного стрелочника и прачки (почти как в дворовой песне: сын поварихи и лекальщика...) Павел Макаров родился в 1897 году в рязанском городке Скопино. Когда пришел срок – был призван в солдаты. Окончил 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков, но в действующую армию попасть не успел.

Наступает февраль 1917-го. Армия трещит по швам, и в этой неразберихе Макарова назначают командиром стрелковой роты и отправляют на Румынский фронт. В первом же бою его ранят. Макаров получает отпуск и желает присоединиться к трудовому народу, но вместо этого в Мелитополе случайно натывается на части дроздовцев. Признаться в симпатиях к большевикам равносильно самоубийству, и Макаров выдает себя за офицера, уверяя, будто за доблесть на фронте представлен к штабс-капитанскому чину. С этого момента похождения Макарова начинают походить на приключения Жиль Бласа.

Его представляют будущему генералу Дроздовскому²⁶ и прикомандировывают к штабу. Вместе с дроздовцами он идет на Дон, участвует в захвате Ростова, однако все мысли его об одном – как послужить революции. В Бердянске, встретив старого своего знакомого большевика Цаккера, Макаров просит сообщить в севастопольский ревком о своем внедрении в стан белых. Он знает, что в ревкоме работает его родной брат – кристальный большевик Владимир.

Тем временем Дроздовский умирает от ран. Новым начальником дивизии становится генерал Май-Маевский²⁷.

Как и всякая новая метла, Май-Маевский принимается менять штабную команду, и Макарову удается втереться к нему в доверие. Он не брезгует даже наушничеством, регулярно передавая генералу разговоры офицеров о его персоне, и в итоге Май-Маевский предлагает ему место своего личного адъютанта.

(«Работа эта не представляла ничего сложного, – скромно указывает Макаров, – но я боялся своей малограмотности».)

Как мы помним по фильму, служба в штабе позволяла красному разведчику Кольцову постоянно добывать важнейшую информацию, и что не менее важно – передавать ее в Центр. С помощью Кольцова был ликвидирован антисоветский заговор (т. н. «Киевский центр», который должен был накануне белого наступления уничтожить склады с оружием и продовольствием), раскрыта многочисленная агентура белогвардейской контрразведки, в числе которой оказался и начальник оперативного отдела штаба Южного фронта. В финале картины Кольцов лично пускает под откос подаренный союзниками бронепоезд и тем спасает от уничтожения взятую в кольцо красную группировку Якира.

В действительности ничего подобного не было и близко. При всех потугах автора максимально показать себя с героической стороны, особо похвастаться ему нечем. На счету Макарова всего лишь пара незначительных «подвигов». Он, скажем, оговаривает перед командующим начальника конвоя князя Мурата, садиста и палача, и генерал в сердцах отправляет того в окопы, где Мурат и погибает. («В тот день, – пишет Макаров, – я поздравил себя с новым успехом».) И освобождает из плена группу арестованных офицеров-дезертиров, выпуская их на свободу.

Связи с Центром у него нет, а без связи он беспомощен, как младенец. Что толку от близости с генералом, если даже та нехитрая информация, которая попадает к Макарову, бесполезно оседает в его памяти.

Летом 1919-го Макаров едет в Севастополь и находит своего брата Владимира, секретаря подпольного горкома партии. Павел устраивает брата в ординарцы к командующему, выдав его за унтер-офицера. Но и это не приносит особой пользы: у Владимира тоже нет связи с Киевом. Единственное, что делают они – копируют секретные штабные сводки, и на основе их готовят и распространяют по городу листовки.

Так продолжается полгода. В январе 1920-го морская контрразведка арестовывает Владимира Макарова. Через день, прямо в кабинете командующего, берут и самого адъютанта, однако ему удается бежать из тюрьмы...

Такова подлинная история прототипа Павла Кольцова. Впрочем, подлинная ли? В этой и без того весьма скромной истории хватает и преувеличений, и фантазии (а чего еще ждать от авантюриста-мистификатора, если он умудрялся водить за нос даже белых генералов). Конечно, преувеличений этих могло

быть и больше, но не стоит забывать: воспоминания «адъютанта» увидели свет в 1929-м, когда описываемые в ней события были еще слишком свежи. Потяни Макаров еще хотя бы лет десять, большинство свидетелей – тех, кто мог бы поймать его на вранье – никакой опасности бы уже не представляло. Но, видимо, он слишком торопился. Надо было скорее заявить о своих заслугах перед революцией.

Только заслуги эти его не спасли. В январе 1937-го Павел Макаров был арестован. Инкриминировали ему как раз то, что прежде возносил он на щит: службу в белой армии.

В архивах Службы безопасности Украины сохранились протоколы макаровских допросов. Вкупе с книжкой читать их крайне занимательно: получается этакий контрастный душ.

«Сколько раз вы находились в боях?» – спрашивает Макарова следователь. «Два раза, третий раз симулировал ранение в ногу, что дало мне возможность выбыть из строя и получ(ить) отпуск».

«Как же так? Ранее вы говорили, что вы в бою были ранены?» – «Ранение я писал для книги, – откровенно признается Макаров, – а для следствия я показываю правильно».

Так вот, оказывается, в чем дело. Просто существуют две правды. Одна – истинная. Вторая – книжная, когда не зазорно приукрашивать, преувеличивать, привирать; лишь бы вышло красиво.

Но в симферопольской тюрьме НКВД не до красотостей. И Макаров вынужден признавать: «Ничего полезного для революции я не сделал,... барахтался, как муха в паутине».

«Почему вы не связались с харьковским подпольем?»

«Мне это было невозможно и рискованно, как адъютанту Май-Маевского. Брат Владимир пытался

связаться, но ему также не удалось».

«Могли вы с братом уничтожить голову белогвардейского командования?»

«Несколько генералов можно было убить, Май-Маевского и других. Но брат от этого отказался, говоря, что вместо одного генерала будут другие». (К моменту ареста Макарова, его брат давно уже был расстрелян белыми: на мертвых очень удобно валить. – *Прим. авт.*)

«Почему вы не пытались создать подпольные революционные группы в войсках белой армии?»

«Этого было сделать невозможно, потому что при штабе находились преданные белогвардейцы».

«Начинающий и полностью изолированный от своих конспиратор-одиночка» – так назвал себя сам Макаров на допросе, более напоминающем сеанс душевного стриптиза.

Выйдя на свободу (его выпустят в 1939-м, во время короткого потепления), об этих признаниях он забудет напрочь. В аннотации ко второму изданию книги, явно не без его участия будет написано: «В 1919 году П. В. Макаров проник в штаб белогвардейской армии для организации подпольной борьбы против врага».

Скромность, вообще, не была его отличительной чертой. В Отечественную он партизанил в родной Таврии, командовал отрядом. А после победы захотел стать Героем Советского Союза. С его подачи группа бывших партизан забросала ходатайствами Верховный Совет и ЦК, но, как рассказывал мне один из авторов «адъютанта» Игорь Болгарин, КГБ организовал проверку, и на поверхность всплыла масса неприятных для Макарова фактов. Его якобы хотели даже отдать под суд за мошенничество, но пожалели...

Именно Игорь Болгарин впервые и поведал мне, что основным прототипом Кольцова был не Макаров, а именно Федор Фомин. С Макарова авторы романа и киносценария списали лишь основную канву, саму

сюжетную линию. Большая же часть походов Кольцова – взята из жизни Фомина. Да и сам характер героя списан с него.

В этом нетрудно убедиться, если прочитать воспоминания Фомина. Многие из того, что описывает он, нашло отражение в фильме, а едва ли не в каждой главе встречаются знакомые с детства фамилии. Есть здесь и заговорщики Сперанские, и белогвардейский агент Бийский, и внедренный в красный штаб военспец Басов.

«Работая над книгой и фильмом, – вспоминает И. Болгарин, – мы часто встречались с Фоминым. Его рассказы, воспоминания легли в основу написанного».

Не одна только экранная жизнь надолго, неразрывно связала Макарова с Фоминым. У них и без того было много общего. Оба прошли военными дорогами Крыма. Оба сидели. Обоих судьба сводила со Слащовым (Макаров писал о генерале презрительно, называл кокаинистом и неврастеником).

Окончательно примирила их, а примирив, объединила – смерть. Павел Макаров и Федор Фомин умерли в один и тот же год: в 1970-м. Это было через год после выхода фильма о Павле Кольцове...

Константинополь. Осень 1921 г.

Мысленно он рукоплескал себе. Все получилось ровно так, как и загадывал: точно по его сценарию.

Чертовски приятная это штука: ощущать себя режиссером гигантского спектакля, где обычную сцену заменяет сцена мировой истории, а роли актеров розданы правителям и генералам.

Но быть лишь серым кардиналом – упиваться своим могуществом в одиночку – не по Баткину.

«Отъезд генерала Слащева произвел во всех константинопольских кругах большое впечатление, – доносил в марте 1922-го зам. уполномоченного Наркомвнешторга на Ближнем Востоке Анатолий

Тольский²⁸. – На всех перекрестках стало известно, что Сла-щова вывез Баткин; об этом последний сам похвалялся».

Точно заправский гроссмейстер, он играет сразу несколько партий на разных досках. Для каждого у него припасена своя версия, и каждый слышит то, что хочет услышать.

Когда на собрании Союза первопоходников, членом которого состоял и Баткин (знак Ледяного похода на Георгиевской ленте носил не снимая), возмущенные корниловцы потребовали от него объяснений, он, ничтоже сумняшеся, объявил, что вывозит генералов в Совдепию по заданию ЦК эсеров; что на самом деле никто из них советскую власть не признал, все это фикция, и уже весной будущего года генералы поднимут восстание и убьют большевистских вождей – аккурат к началу румынского вторжения.

Примерно то же рассказывается французам и англичанам. Сла-щов, дескать, должен возглавить контрреволюционное сопротивление и повести на Москву повстанческую армию зеленых. Он – будущий русский Бонапарт.

Прочей эмигрантской публике Баткин сообщает обратное. Адъютант атамана Краснова полковник Данилов писал, что «в ресторанах, на улицах он (Баткин) открыто говорил: "Слащова отправил я, имею согласие и многих других генералов, я открыто состою в сношениях с Сов. правительством, я единственный уполномоченный говорить с эмиграцией, в ближайшее время буду отправлять группами, жду инструкций от Чичерина²⁹"».

Как ни странно, Баткину верят, несмотря на изрядно подмоченную репутацию и увертки провинциального антрепренера. Его слова ложатся на благодатную почву, ибо всем без исключения слушателям чертовски

хочется верить в услышанное. Врагам советской власти – в то, что партия их еще не проиграна. Разуверившимся в белой идее эмигрантам – в то, что дорога домой не заказана.

Это было время крушения былых надежд и идей. Казавшийся очевидным, неизбежным скорый триумф – блицкриг – оказался подобен горизонту: он отдалялся по мере приближения. Напрасно Врангель уверял, что «армия будет существовать в полускрытом виде»: после дипломатических побед большевиков западные державы все сильнее отворачивались от неудачливых союзников, стыдливо взирали на них, точно на бедных родственников.

Триумфальное бегство Слащова стало последней точкой, катализатором, ускорившим процесс распада. Если уж Слащов вернулся...

4 ноября ВЦИК выпускает декрет об амнистии всем рядовым солдатам белых армий. Им гарантируется неприкосновенность и полное прощение. Декрет сознательно был приурочен к бегству Слащова. Результат превзошел все ожидания. До конца 1921 года на родину вернулось рекордное число реэмигрантов – почти 122 тысячи человек.

В основном это были сошки мелкие, птицы невысокого полета. Кремль же жаждал иного. Москве были нужны фигуры громкие, способные окончательно разложить, обезоружить белую эмиграцию. Вслед за Слащовым, правда, в Совдепию вернулось и несколько других генералов. Уехали бывший командир казачьего корпуса Секретев³⁰, начдив Гравицкий³¹, генералы Клочков³², Зе-ленин³³ (подписанное ими воззвание «К войскам белых армий», широко гулявшее по эмиграции, многих заставило призадуматься). Но все они не являлись звездами первой величины, и должного эффекта их реэмиграция не достигла, хоть открыто и

объявили генералы, что готовы перейти на службу в РККА.

Большевикам требуется размах, монументализм. Если примеру Слащова последуют и иные авторитетные генералы, на белом движении можно будет окончательно поставить крест. И тогда на сцене вновь появляется Баткин.

Баткин говорит, что может отправить в Россию еще десяток-другой генералов. Опьяненные слащовским успехом резиденты ВЧК – и Богданов, и Ельский-Тененбаум, и тайно приехавший в Константинополь особоуполномоченный ВУЧК Виленский, – тот самый, что вербовал Богданова – радостно глотают наживку Баткина. В любое другое время они вряд ли поверили бы ему так быстро, но после удачи со Слащовым у Баткина – серьезный карт-бланш.

«Баткин хвалится, что у него есть связи с Деникиным, Врангелем, Красновым, Кутеповым и др., – писал в ИНО ВЧК зам. уполномоченного НКВТ на Ближнем Востоке Тольский (параллельно со своей основной работой Тольский, приехавший в Константинополь в ноябре, выполняет и поручения негласные, щекотливые). – Определенно заявляю, что прямых связей у него нет, что он только припускает перед Виленским, почему-то доверившимся этому темному господину».

Тольский приводит совсем уж фантасмагорический пример. Оказывается, Баткин просил у него гарантии для Врангеля, желающего-де вернуться в Россию.

«Со слов Баткина, Врангель выработал следующий план: весной Румыния нападет на Россию. Со стороны Румынии выступает Врангель с нашим флотом, который будет выделен Антантой. И тогда-то Врангель со своей армией и флотом переходит на сторону Советской России».

«Мне было известно, что с моим именем Баткин связывает многих генералов, – сообщал уже после своего приезда в Россию процитированный нами выше полковник Данилов, бывший адъютант атамана Краснова. – Якобы через меня он имеет с ними связь, что располагает уже какими-то данными от них».

«Ему никто не верил, – писал он дальше. – Его дальнейшие разговоры о том, что Слащов получил большие деньги от большевиков, что другие генералы нечестны и другие требуют еще больше, так, например, генерал Дубяго, который задерживается из-за этого, вызывали озлобление. Стало известно от самого же Баткина, что он говорил с Врангелем, Науменко³⁴, Богаевским³⁵. Я знаю определенно, что ни с Науменко, ни с Богаевским он не говорил – Науменко отказался даже принять его; полагаю, что и с Врангелем он не встречался. Понятны стали его намерения относительно меня, которого он выставлял как связь от Краснова».

На полковника Данилова у Баткина и в самом деле были серьезные виды. Резидентам ВЧК он выставлял полковника как своего агента, через которого якобы ведутся переговоры с атаманом Красновым, и Краснов уже почти согласен последовать примеру Слащова. (Аналогичную роль играет у Баткина и другой полковник – бывший деникинский адъютант Сеоев. При его посредстве Баткин-де имеет сношения с Деникиным, также почти перевербованным для возврата в РСФСР.)

Посмотреть бы, как вытянулись у чекистов лица, имей возможность они заглянуть в недалекое будущее – лет эдак на двадцать вперед, когда атаман Краснов – без пяти минут военспец РККА – станет едва ли не самым оголтелым последователем фюрера, за что и будет вздернут на виселице по приговору военного трибунала.

Но ничего этого они, естественно, не знают. Невдомек им и то, что за спиной их Баткин наладил уже неплохой бизнес. Выдавая себя чуть ли не за официального представителя РСФСР – якобы Москва поручила ему организовать даже комитет по реэвакуации – он конвертирует эти несуществующие полномочия в пиастры. Одних Баткин берется переправлять домой. Другим, напротив, обещает вытащить из Совдепии родственников. Через него в Россию переправляют посылки, денежные переводы, которые до адресатов, правда, никогда почти не доходят.

Еще одна цитата из доклада красновского адъютанта полковника Данилова: «Обратился однажды ко мне некто Ерофеев, желающий уехать в Россию, и на мой ответ, что я никакого отношения не имею, вручил мне бумажку, где рукой Баткина была положена резолюция: „Данилову – отправить“».

Я был поражен этим и обратился к Баткину за разъяснением, и после его слов выяснил, что он считает меня своим помощником по каким-то «казачьим делам»».

Скандал, устроенный Даниловым, дорого потом обошелся полковнику. Когда в декабре 1921-го Данилов попытался-таки уехать в Россию – без Баткина, сам – французские ажаны сняли его прямо с корабля. На допросе выяснилось, что виной всему был Баткин, который объявил французам, что Данилов – красный агент.

(«Как вы могли самовольно уехать, не поставив меня в известность, – истерично кричал он. – Я хлопотать о вас не буду, делайте, что хотите».)

Баткину трудно отказать в изобретательности. Играя на противоречиях, пользуясь информационной блокадой, он умудряется поддерживать одновременно хорошие отношения со всеми. Красные и белые,

французы и англичане – все считают его лишь своим агентом. Каждым он говорит, что искренен лишь с ними, а вот с другими как раз играет, дабы выуживать ценную информацию.

В такой неразберихе, суматохе ему без труда удастся найти объяснение своим коммерческим операциям, отлегендировать их. Всякий раз Баткин уверяет, будто человек, которого надо отправить или принять, это особо ценный источник, родственник влиятельной фигуры.

Чекисты верят Баткину. Но для того чтобы вера эта окрепла окончательно, чтобы Баткин стал полностью своим, ему предлагают отправиться в РСФСР.

Это, конечно, риск. Неровен час вскрыется двойная игра, и тогда жизнь его не будет стоить и пиастра. Но Баткин – авантюрист до мозга костей. Адреналин – для него тот же наркотик. Адреналин и деньги, ибо за свою поездку в Россию Баткин, не стесняясь, требует оплаты. Сначала он просит несколько тысяч лир, но после долгих переговоров опускается до ста пятидесяти. Даже в минуты смертельной опасности Баткин остается верен себе.

«Если меня поставят там к стенке, – предупреждает он внешторговца Тольского, – вся ваша миссия взлетит на воздух. Мои друзья-первопоходники за меня отомстят».

Тольский лишь кивает в ответ. Он-то хорошо уже изучил Баткина и знает, что тот блефует в очередной раз, ведь из Союза первопоходников его уже с позором выгнали...

Зимой 1922 года Баткин и его ближайший сподвижник – бывший казачий сотник Михаил Сео́ев – приезжают в советский Севастополь...

Севастополь – Москва. Февраль 1922 г.

Именно в огне войн и катаклизмов и являются стране настоящие личности – написал я в самом начале

главы.

Так-то оно так, да не совсем, ибо всегда в смутные времена наряду с личностями яркими, масштабными выходят на авансцену истории проходимцы и авантюристы всех мастей.

Федор Баткин был достойным представителем этой бесчисленной и бессмертной когорты. Его судьба столь неправдоподобна, что трудно даже уверовать, будто человек такой существовал на самом деле. Куда более похож он на плод писательского воображения, вроде героев Лесажа и Эспинеля.

Потому-то, наверное, в повествовании нашем то и дело возникают литературные персонажи. В этой истории чувствуют они себя полноправными героями – наряду с героями подлинными.

Таков уж обычный удел авантюристов и мистификаторов, всевозможных детей лейтенанта Шмидта. В их судьбах намертво сплетается несовместимое: реальность и выдумка, правда и ложь, история и беллетристика.

О детях лейтенанта Шмидта упомянул я не случайно, ведь в то самое время, когда армия Врангеля готовилась к спешному бегству из Крыма, в центральной России происходили весьма пикантные события, о которых, быть может, Ильф с Петровым и не догадывались.

Как это ни покажется странно, у Балаганова с Паниковским был вполне реальный прототип. Правда, об этом мало кому известно...

...В ноябре 1920 года в Управление делами Совнаркома поступил увесистый конверт, адресованный лично Ленину.

В те времена вождю писали многие, зачастую не от хорошей жизни. Вот и автор этой депеши – народный учитель («крестьянин от сохи», как он себя отрекомендовал) Николай Избаш – просил

предсовнаркома о заступничестве. Якобы по «доносу врага» его ложно обвинили в контрреволюции и сослали в Иваново-Вознесенск.

Довольно типичная для эпохи военного коммунизма история. За одним только исключением: Николай Избаш именовал себя... «родичем» лейтенанта Шмидта. Если быть совсем точным – то племянником.

В качестве наглядного доказательства к письму прилагалась брошюра Избаша, посвященная 11-летней годовщине расстрела «гражданина лейтенанта Петра Шмидта³⁶». Некоторые перлы из нее вполне могут конкурировать с бессмертным творением Ильфа и Петрова.

«В юности, в бытность мою в институте, – повествует Избаш, – хорошо помню переписку между моим отцом и Шмитом. Лейтенант Шмит писал тогда, что находится в кругосветном путешествии, он болеет душой за родину, когда начинает сравнивать то, что делается у нас, с тем, что он видит в свободных культурных странах...»

(Как соотносится «крестьянство от сохи» с учебой его в институте, Избаш умалчивает. Не объясняет он и корни своего родства с потомственным дворянином Шмидтом, которого, правда, упорно именует *Шмитом*.)

Кроме того, из брошюрки читатель с удивлением мог узнать, что история едва не пошла по другому пути. Оказывается, еще накануне казни мятежного лейтенанта Избаш вместе со своей матерью – сестрой героя – пробилась к премьер-министру Витте и вырвали у него помилование. Однако вероломный царь обманул премьера.

В ужасе поспешили родственники в Севастополь, но было поздно. «Двенадцать пуль, точно двенадцать пиявок, всосались в грудь мученика». Единственное, что успели они – «вырвать у жандармов иконку и платок,

которые просил передать своей сестре на память ее казненный брат. Иконка была в момент расстрела на груди, а платком Шмит стер пот с лица перед казнью».

Место захоронения героя, сообщал Избаш, царские сатрапы скрыли от народа. Они цинично сравнивали холм с землей, пустив под музыку (!) по свежевырытой могиле артиллерию и конницу...

Дальнейшая судьба «племянника» лейтенанта Шмидта неведома. В июле 1920-го – уже после письма к Ленину – он был приговорен к высшей мере наказания, но с учетом старости осудили его условно и сослали в Курскую губернию...

...Жестокость была в те лихие времена обыденностью, нормой. Революция и война девальвировали человеческую жизнь до нуля. С потерями никто не считался. Каждая из враждующих сторон готова была положить на алтарь своей идеи столько голов, сколько потребовалось бы.

Федор Баткин ощутил это на своей собственной шкуре. Его арестовали, едва только спустился он на севастопольскую землю. Слишком много навечно было вокруг этого имени. Одни называли его агентом ЧК. Другие – французским или английским шпионом.

Крымские чекисты лишними разбирательствами себя не утруждали. Виноват, не виноват – пусть разбираются в Москве.

9 февраля 1922 года Баткин и его соратник, бывший казачий сотник Михаил Сео́ев, были направлены в распоряжение ВЧК.

Ехали через полстраны. В прежние времена дорога заняла бы меньше двух суток, но теперь, в условиях разрухи и транспортного кризиса, до Москвы добирались неделю.

Времени на раздумья было предостаточно. Проносились мимо полустанки, столбы, поселки. О чем думал он? О том, что красные переиграли его? Или,

напротив, о том, что игра эта только-только входит в решающую фазу?

Может быть, тогда-то, во время этого путешествия, и созрел в его голове очередной дерзкий план.

Долго морочить чекистам голову призрачной реэмиграцией генералов было уже невозможно. Баткин отлично понимал, что ни Краснов, ни Деникин, и уж тем более Врангель в Россию никогда не вернутся. Рано или поздно слова нужно будет подтвердить делами, и что он станет тогда отвечать?

Лубянке следовало предложить какие-то иные услуги: те услуги, которые и впредь будут сопровождаться неплохим гешефтом...

16 февраля уполномоченный по важнейшим делам Секретного отдела ВЧК Сосновский³⁷, рассмотрев «дело гр. Федора Батки-на... по обвинению в шпионаже в пользу англо-французов... нашел обвинение недоказанным». Сосновский посчитал разумным Баткина освободить, и президиум ВЧК с ним полностью согласился.

Именно Сосновскому предстояло отныне работать с Баткиным. Если это и случайный выбор – то весьма и весьма удачный.

Сосновскому как никому другому легко было понять этого человека. Слишком много общего было у них.

В те былинные уже времена люди приходили на Лубянку разными путями. В разночинской толпе чекистов можно было встретить кого угодно: вчерашних анархистов, кокаинистов, вечных студентов, бывших военнопленных, каких-нибудь негров или даже китайцев. Молодая спецслужба формировалась на ходу, хаотично, в суматохе и спешке, и времени на подбор кадров у руководства просто не было; да и откуда, скажите, их было брать.

Но даже на этом пестром многоголосом фоне история Игнатия Сосновского стоит особняком...

В историю разведки он вошел под именем Сосновского, хотя от рождения дана была ему совсем другая фамилия. Игнатий Добржинский – так называли его друзья по польскому сопротивлению. «Сверщ» (Сверчок) – под таким псевдонимом значился он в бумагах второго отдела Варшавского Генштаба.

Уроженец Риги, еще в отрочестве он примкнул к польским националистам. В 1918 году, когда над Польшей забрезжила независимость, добровольцем пошел в армию Пилсудского, воевал с большевиками. Воевал, надо думать, неплохо, ибо в Варшаве его заметили и бросили на самый опасный и важный участок.

В 1919 году польская военная разведка засылает Добржинско-го в Москву. Несмотря на молодость (каких-то двадцать с небольшим), он становится резидентом второго отдела польского Генштаба.

Польская шпионская сеть доставляет немало хлопот чекистам. В первую очередь – на приграничных территориях; в Белоруссии, на Украине. Регулярно уходит в Варшаву ценнейшая информация. Взрываются склады с оружием и продовольствием. Проваливается агентура.

На Лубянке отлично понимают, что шпионами и диверсантами управляет рука умелого дирижера, однако все попытки напасть на его след оканчиваются крахом. Контрразведка знает лишь, что главный их противник скрывается под псевдонимом «Сверщ».

Как-то раз «Сверчка» удастся почти схватить – он попадает в засаду на явочной квартире – но в последний момент резидент успевает выпрыгнуть из окна.

Почти год длится противостояние ВЧК и «Сверчка». Только летом 1920-го чекистам улыбается удача. Они

выясняют наконец, что польский резидент скрывается под личиной политрука московских курсов бронечастей. Однако арест его результатов не дает. Отвечать на вопросы Добржинский отказывается, а при обыске ничего предосудительного у него не находят.

Только упорство будущего начальника советской контрразведки Артузова³⁸ переламинает ситуацию. День за днем он беседует с Добржинским, убеждает его в бесперспективности борьбы, в том, что правительство Пилсудского предаст интересы Польши.

И эта тактика, которую многие лихие головы на Лубянке называли поначалу пустой тратой времени, интеллигентщиной, оказывается в итоге единственно верной.

Добржинский – не просто враг. Он – идейный противник. Таких, как он, невозможно перекупить или сломать. (При аресте его еле успели схватить за руки, вырвали пистолет – хотел застрелиться.) Их можно только переубедить.

Постепенно вражеский резидент втягивается в эти многочасовые беседы. Он полемизирует, спорит, доказывает, и это уже – прогресс.

Окончательный перелом наступает после того, как контрразведка освобождает арестованных польских разведчиков – тех, кто работал на Добржинского не за деньги, а за идею. В ответ Добржинский поступает не менее благородно: он обещает, что его резидентура будет распущена, и слово свое исполняет.

Не правы те, кто думает, будто в работе контрразведки главное – это погони и драки а-ля Джеймс Бонд. Для настоящей контрразведки вовсе не мускулы, а голова является основой основ, ибо сила убеждения действует куда эффективнее, чем сила принуждения.

Контрразведка – это война умов, противостояние интеллекта. Драки и погони же – итог как раз ее недоработок, промахов, ошибок...

Игнатий Добржинский поверил Артузову и Дзержинскому. С его помощью работа польской разведки в России была сорвана, ибо в свою очередь он убеждает петроградского резидента В. Стацкевича последовать его примеру и сложить оружие.

Вместе со Стацкевичем они отправятся вскоре на Западный фронт, и там Добржинский внедрится в польскую террористическую группу и предотвратит покушение на комфронта Тухачев-ского³⁹. За эту акцию он получит орден Красного Знамени – высшую награду республики и под фамилией Сосновский будет зачислен в штат КРО ВЧК, чтобы стать впоследствии одним из руководителей контрразведки страны.

С таким вот человеком и свела Федора Баткина судьба. Точнее, не судьба: президиум ВЧК, который вручил жизнь Баткина в руки Сосновского, и теперь от него одного зависело – поверить ли, довериться ли такому же, как он, вчерашнему врагу, или, не разбирая, пустить его в расход, чпокнуть, оформить, распылить – какие только синонимы не придумывали тогда чекисты, дабы заменить грубое слово «расстрел».

Но Сосновский – авантюрист до мозга костей, неисправимый романтик – и в мыслях не допускает такого: отказаться от столь восхитительных возможностей, раскрывающихся перед контрразведкой. Он убеждает свое начальство, что с Баткиным работать можно и должно, что с его помощью ВЧК продолжит начатое дело, разложит белую эмиграцию вконец.

И еще одна причина заставила руководство ВЧК довериться перебежчику. Баткин рассказывает Сосновскому леденящую душу историю. Оказывается, контрреволюция не только не оставила попыток

реставрации, но и перешла к решительным действиям. В ближайшее время в Совдепию нелегально должен въехать – если еще не въехал – белый террорист по фамилии Болговский. Он должен убить Троцкого.

Баткин предметно описывает личину террориста. Кавалерийский ротмистр, невысокого роста, блондин. Правая рука отрезана полностью, но он в совершенстве владеет левой. От такой конкретики отмахнуться трудно...

Пройдет совсем немного лет, и та же самая задача станет для Лубянки главной, вожделенной целью, за операцию по устранению бывшего председателя РВС чекистские генералы получают ордена, а сам убийца Рамон Меркадер – звезду Героя.

Но это будет лишь восемнадцатью годами позже, когда из вождя революции Троцкий превратится в злейшего врага советской власти. Пока же на дворе – 1922 год, и, хоть Сталин и косится уже недовольно в сторону Льва Давидыча, одно только известие о возможном покушении заставляет Лубянку встать наизготовку.

Баткин рассчитал все правильно. Принесенная им информация не может оставить политическое руководство страны равнодушными. Требуются скорейшие, незамедлительные меры. И вот уже наперебой принимают Баткина первые лица спецслужб: и Дзержинский, и Артузов, и зам. начальника военной разведки Ян Берзин, и даже такая знаменитая в столичных кругах личность, как Яков Агранов⁴⁰, завсегда литературных салонов, первоклассный специалист по показательным громким процессам (одно только дело Патриарха Тихона, которого Агранов допрашивал лично, чего стоит). По некоторым данным, встречался с ним и сам Лев Давидович.

Его мечта, о которой грезил он в темном вагоне теплушки (даже на четвертом году революции избавиться от наследия прошлого не удастся; по-прежнему называют их столыпинскими вагонами) по дороге из Украины в Москву, наконец-то сбылась. Вновь, как в благословенные времена Керенского, с ним носятся точно с писаной торбой, облизывают, увещевают.

Конечно, в любой другой ситуации Лубянка тысячу раз перепроверила бы его информацию, перестраховалась. Но времени на разбег не оставалось: точно по ленинской формуле – промедление смерти подобно. А если Баткин не врет? А если и впрямь террорист Болговский проник уже на нашу землю и вот-вот скользнет на спуск его крючковатый палец? Ой скольким многим не сносить бы потом головы.

Единственное, что успевают сделать чекисты – направить в Болгарию своего агента. Уже в двадцатых числах февраля – меньше чем через неделю после освобождения Баткина – сексот Петр Попов прибывает в Варну, а оттуда Софию. И – о чудо! Сразу же ему удается выйти на этого мистического злодея-инвалида – однорукого террориста Болговского – и тот в пьяном угаре полностью подтверждает баткинские слова. Да, по заданию генерала Кутепова он действительно отправляется в Россию, чтобы ликвидировать Троцкого. Болговский даже – святая простота – рассказывает Попову, что дорога его лежит через Румынию: в городке Яссы – том самом, где подписывался когда-то Ясский мир, по которому Турция признавала Крым (снова Крым!) российской землей – некий полковник Коган должен снабдить террориста документами и тайно переправить в Совдепию.

Подосланный к Болговскому еще один агент – Попов завербовал его тут же, по ходу, на почве ностальгии и разочарований, – сообщил то же самое, слово в слово.

«Таким образом, – писал в итоговом отчете Попов, – я проверил, что Болховский (так в тексте. – *Прим. авт.*) едет из России убить товарища Троцкого».

О такой удаче можно было только мечтать. Теперь уже ни у кого не оставалось сомнений, что Баткин говорит правду. И никто не обратил почему-то внимание на карикатурность, опереточность всей ситуации. Безрукий террорист – это что-то из бульварного романа, вроде походов Ната Пинкертона или русского сыщика Ивана Путилина.

Можно только представить, как смеялся про себя Баткин. Смеялся, но вида не подавал. В который раз спецслужбы клюнули на его удочку, ибо вся история эта – от начала до конца – была выдумана перебежчиком, чтобы влезть в доверие к красным фараонам.

Все становится на свои места, если вернуться чуть назад и вспомнить, что Баткин одновременно работал на несколько разведок кряду. Англичане, французы, турки, а теперь и чекисты: каждый наивно считали его своей собственностью. На деле же Баткин работал лишь на себя, умудряясь по очереди водить всех их за нос.

Конечно, документально установить это уже невозможно, но я практически уверен, что легенда об одноруком бандите была полностью согласована Баткиным с иностранными разведками. Многочисленные его кураторы надеялись с ее помощью внедрить Бат-кина в шпионскую сеть Лубянки. Ради этого и выпустили они его из Константинополя, дали вполне легальную английскую визу.

Остальное – было уже делом техники. Наверняка к сексоту Попову, едва только ступил он на болгарскую землю, были подведены агенты – турецкие ли, французские, теперь уже узнать не дано, – которые и убедили чекиста в баткинской откровенности. Обычная, классическая операция по дезинформации.

Но чекисты пока еще не знают об этом. В недрах ГПУ готовится новый план. Теперь сексота Попова решают заслат в Константинополь, внедрить в боевую группу террориста Болговского, да и вообще в белоэмигрантское движение. Вместе с ним к берегам Босфора отправляется и ближайший друг Баткина, бывший казачий сотник Михаил Сео́ев – тот, что приехал в Совдепию вместе с ним и вместе с ним же был этапирован в Москву.

Сео́ева рекомендует Баткин. Он клянется, что Михаил – надежен как утес. Лучше его никто не введет Попова в высшее общество.

По разработанной легенде, Попов должен выдать себя за резидента крупной организации подпольщиков-монархистов. С Сео́евым они якобы знакомы с детства, учились в одном классе, а теперь случайно столкнулись на выходе из Бутырской тюрьмы.

(Забегая вперед, скажу, что по такому же точно сценарию советская разведка проведет свои лучшие, ставшие уже легендами операции – «Трест», «Синдикат», – когда агенты ВЧК станут водить за нос белую эмиграцию, действуя от имени несуществующих подпольных антисоветских центров.)

От Баткина требуется лишь одно – обеспечить отправку агентов. Накануне отъезда, за несколько часов, их еще раз проинструктировал Артур Артузов. Оглядел на прощанье – так художники окидывают взглядом свои полотна, обнял:

– Ну, ни пуха ни пера.

– К черту, – сплюнул через левое плечо Баткин...

А тем временем по всей стране стрекотали цикадами телеграфные аппараты: принять меры к задержанию террориста Болговского. Не дай бог, враг успеет проникнуть на нашу территорию прежде, чем Попов и Сео́ев доберутся до Константинополя. Чекисты засучив рукава принялись разыскивать однорукого

бандита, на всякий случай хватая всех подвернувшихся под руку (извините уж за каламбур) инвалидов...

Сов. секретно

СОЧ ГПУ, лично тов. Евдокимову

«Сообщаю вам копию телеграммы зам. нач ТО ГПУ Кноблук от 29 апреля с. г.: под вашу личную ответственность примите меры к строжайшему и тщательному контролю всех поездов, узловых станций по обнаружению террориста Болговского, перешедшего нашу границу через Яссы с целью покушения на тов. Троцкого.

Описание наружности: ниже среднего роста, очень худой, скуластый, впалые глаза, шатен, весь бритый, голосистый, отличительная примета – отсутствие правой руки...»

Сов. секретно

Каменец-Подольским политотделом, в связи с предпринятыми мерами по розыску Болховского, повторяю, Болховского, арестован некий, имеющий документ Проскуровской советской больницы от апреля 1922 г. на имя гражданина Грицына, Подольской губернии, инвалида Дмитрия Афанасьевича Борисюка, повторяю, Борисюка, имеющий членский билет украинской партии социалистов-революционеров, бывший офицер, полковник.

Приметы: невысокого роста, полный, блондин, большие усы, борода бритая, правая рука совершенно отрезана. Показания крайне сбивчивы, подозрительны. Имеются основания подозревать, что это и есть Болховский. В кратчайший срок донесите, что можете вы предпринять для установки и опознания вышеприведенного лица. Если вами может быть выслан сексот или какие-то материалы для опознания, то беззамедлительно вышлите в Винницу. Политотдел лично Заковскому⁴¹, повторяю Заковскому.

Одновременно донесите мне, если ничего предпринять не можете, срочно мне телеграфируйте.

Июня, 19 дня, 1922 года. ПТОГПУ на Правобережье, Евдокимов.

Сов. секретно

Нач. губполитодела, Одесса, тов. Дукельскому⁴²

Харьков, зам. нач О/части ГПУ Украины, тов. Быстрых

«Решением ГПУ Подольским губотделом арестован некий Бол-говский, повторяю, Болговский. В связи с вашей разработкой срочно сообщите, безрукий ли это террорист Болговский.

Зам. нач. ОО ГПУ Артузов».

Сов. секретно

«Сообщаем: по сведениям ДТ ГПУ Юза Подольским губотделом ГПУ задержан Болговский-Балалаевский-Лерзин Дмитрий.

Врид начальника ТО ОГПУ».

Константинополь. Май-июнь 1922 г.

В тот год весна выдалась в Крыму ранняя. В апреле уже распускалась на деревьях листва, курлыкали птицы, а самые нетерпеливые, редкие смельчаки, отваживались уже заходить в пенное море.

Сидя в трюме машинного отделения, Попов почему-то отчетливо вдруг вспомнил этот весенний, цветочный запах.

Здесь ничего не напоминало о весне. В трюме пахло не цветами, а смазкой, отдавался в висках молоточками непрерывный стук агрегатов. Мысль о том, что им придется провести в этом добровольном заточении бог знает сколько дней, приводила в ужас...

Они поднялись по снастям парохода «Жан» – того самого, на котором бежал из Турции генерал Слащов, – поздним майским вечером. С палубы их сразу же завели

в машинное отделение, и оттуда они больше уже не выходили.

Только потом Попов и Сеолев узнают, что пока тряслись они от страха в полутемном трюме (конспирация, конспирация и еще раз конспирация!), весть о том, что на пароходе тайно плывут в Константинополь агенты ВЧК, распространилась с быстротой молнии.

Один из новоявленных приятелей Баткина – некто Боречка Штейнберг, франт и жук – так прямо и объявил дамам, которых сажал на пароход: «Вы, конечно же, знаете, что Петр Николаич и Миша спрятаны тут же, – и, наслаждаясь их оторопью, крикнул вдогонку: – Так не забудьте же сказать Мише и Петру Николаичу, чтобы привезли мне вытяжки из семенных желез доктора Кали-ниченко». Стоящий рядом начальник погранотдела Ульрих лишь улыбнулся в щеточку усов...

Их вояж не заладился вообще с самого начала. На первом же пропускном пункте контрольная комиссия нашла в одной из кают смертоносный груз – полтора мешка большевистской агитации. Разом набежали на судно полицейские, оцепили корабль. На берегу столпились соглядатаи. Колыхались на волнах полицейские лодки.

Ни одного пассажира на землю не выпускали. Объявили, что «Жан» задерживается до особого распоряжения. Попов и Сеолев узнали об этом от капитана, воровато вбежавшего в их темницу.

– Что же нам делать? – растерянно протянул Попов. – Сейчас, небось, начнутся обыски.

– Сволочь Баткин, – Сеолев разразился гневной тирадой на осетинском языке, смысл которой понятен был, впрочем, без перевода...

И все же им повезло. Капитан успел спрятать нелегалов, и полиция их не нашла. А вскоре, подкупив

полицейскую стражу, старший брат Сеолева вывез их в Константинополь.

На этом, впрочем, везение их и кончилось. Люди, которых Баткин называл своими верными друзьями и помощь которых гарантировал, встретили шпионов безо всякого энтузиазма. По эмигрантской колонии ползли уже слухи о найденных на корабле прокламациях, о красных лазутчиках, проникших в Константинополь, благо пассажиров того злополучного рейса перетаскали на допросы во французскую контрразведку. Все тайные службы стояли на ушах, разыскивая беглецов.

Вдобавок оказалось, что деньги, которые Баткин должен был переслать в Константинополь на их обустройство, до адресатов почему-то не дошли. (Уже потом выяснилось: хоть и не все, но дошли. Только многочисленная родня Баткина – отец, сестра, брат – беспардонно их себе присвоили.) Без связи, без копейки денег Попов и Сеолев оказались в положении Робинзона, выброшенного на необитаемый остров, за которым вдобавок охотится племя дикарей: и не каких-нибудь Пятниц – а самых что ни на есть вправдашних людоедов.

Там-то, на острове, а точнее на одной из конспиративных квартир, и встретил их старый сеолевский друг, бывший унтер Петр Слюсаренко – активный участник движения «возвращенцев».

«Я сразу заметил, что оба товарища находятся в крайне тяжелом положении, в большом унынии, граничащем с отчаянием, – писал потом Слюсаренко. – Однажды, когда Миша был близок к помешательству или сумасшествию, тов. Попов в отчаянии прошептал, что, кажется, мы погибли...»

При таких обстоятельствах попытки внедриться в белоэмигрантскую среду заранее смахивали на самоубийство. В лучшем случае с ними просто никто бы не стал разговаривать. О придуманном на Лубянке

мифическом союзе монархистов-подпольщиков пришлось забыть. Самим бы уцелеть. Попов принимает вынужденное решение: возвращаться назад. С ним решается ехать и Слюсаренко.

Верный Баткину человек – некто Соломон Казас (его Баткин тоже дал на связь) долго тянул время, отговаривался трудностями и проблемами. Он никак не хотел доставать Попову русский загранпаспорт. Лишь через месяц, после бесконечных посулов и уговоров, паспорт был наконец изготовлен, но состряпали его настолько топорно, что он не выдержал и первой проверки.

Слюсаренко пришлось собираться в Севастополь одному. Но люди Баткина вновь срывают планы чекистов. Перед самым отплытием французы переворачивают пароход с гордым названием «Альбатрос» вверх дном. Они с пристрастием допрашивают Слюсаренко, но документы у того в полном порядке, и его приходится отпустить.

Ревет пароходный гудок – предвестник разлуки, музыкальный шедевр эмиграции. Слюсаренко стоит на палубе. Ветер развевает его волосы. Он хорошо помнит инструкции, данные при расставании Поповым:

– Сразу же требуй аудиенции у председателя Крымского ГПУ, и упаси тебя бог объяснять что-либо кому-то другому. Для меня это – вопрос жизни и смерти...

Это-то как раз Слюсаренко понимает отлично. Ведь и Попову, и ему теперь окончательно ясно: никакого однорукого террориста Болговского в природе не существует. Это лишь наживка, выдуманная Баткиным и союзными контрразведками специально для ГПУ...

22 июня Петр Слюсаренко после долгих скитаний и мытарств пробился наконец на прием к главному крымскому чекисту.

Сов. секретно

Харьков, ГПУ, Евдокимову

«Баткин оказался провокатором. Посланный в Константинополь Попов едва не попал в контрразведку и теперь скрывается от поисков. Необходимо для их выручки 3 тысячи лир. Подробный доклад и письма нарочным посылаю. 23 июня 1922 года.

Предкрымполитуправления Ротенберг⁴³».

Крым. Апрель - май 1922 г.

А что же сам Баткин? Мы оставили нашего героя аккурат в тот момент, когда, нашпигованный инструкциями, осененный знаменем Артузова, уезжал он из Москвы в Крым.

В Симферополь они прибыли все вместе: Баткин, Попов, Сео-ев. Прямо с вокзала Попов отправился в местную чрезвычайку. Никаких денег в Москве им не дали. Сказали, что все средства получают они на месте у крымских товарищей. Только и в Симферополе с деньгами возникли проблемы.

- Уральцев, зампред ГПУ, так прямо и заявил, - озабоченно рассказывал Попов своим подельникам тем же вечером: - На капиталы не рассчитывайте. Финчасть пуста.

Сео-ев молчал, выстукивая пальцами барабанную дробь. Молчал и Баткин. По его лицу блуждало некое подобие улыбки.

- Что воды в рот набрали? - Попов вскочил со стула, нервно заходил по комнате. - Надо что-то делать. Без денег все предприятие теряет смысл...

- Не суетись, - Баткин снова улыбнулся чему-то своему. - Уральцев твой еще на месте?

- Ну да.

- Пошли к нему.

- Что толку? - не понял Попов. - Денег-то от этого не прибавится.

– Пошли, – он накинул на плечи люстриновый пиджак. – Объясню по дороге...

...Все складывалось как нельзя лучше. Само по себе складывалось, без посторонней помощи. Уж теперь-то он развернется на всю катушку.

И Баткин объяснил оторопевшему чекисту Уральцеву суть своего хитроумного плана. Если денег нет, говорил он, их нужно заработать, потому что, в сущности, они просто валяются под ногами, надо лишь не лениться подбирать.

Схема его была несложной. Ежедневно пограничники снимают с прибывающих в Крым кораблей уйму контрабанды: всевозможного конфекциона, золота, драгоценностей.

За возврат товара импортеры готовы были платить любые деньги и, чего там греха таить, нередко проторяли дорожку к сердцам суровых пограничников.

– Все равно ведь берут, – горячился Баткин, – а мы этот процесс систематизируем. Этакая экспроприация экспроприаторов. Пусть уж лучше нам платят, чем всяким мздоимцам, и мы эти деньги пустим на дело.

Уральцев молча слушал его. Предприятие пахивало авантюрой. В конце концов, где гарантия, что этот еврейчик будет возвращать все деньги полностью и часть барыша не осядет в его карманах? Проверить-то невозможно. Но, с другой стороны, деньги и впрямь нужны.

– Я доложу о ваших предложениях председателю, – сказал он наконец. – Решающее слово за ним.

Председатель Крымского ГПУ Александр Ротенберг с предложениями такими неожиданно легко согласился.

Отныне у Баткина были полностью развязаны руки.

В коммерцию он бросился, точно в омут с головой. Ежедневно к нему на квартиру приходили теперь капитаны, контрабандисты, «жучки». Чуть ли не за

неделю слава о всемогущем Баткине разнеслась по всему Симферополю.

«В десять дней я выручил сумму в 677 турецких лир, – признавался он потом на допросе. – Технически делали так: я сообщал, какой груз какого импортера подлежит снятию, он снимался на ВКП, затем я сообщал, что получено, деньги и цены проданного товара, так что возможность контроля была полной».

Баткин, конечно, хитрил. Никакого контроля за ним не велось. Всеми операциями занимался он единолично, и надо было быть болезненно честным, чтобы не поддаваться соблазнам и искушениям.

Особой честностью он не страдал никогда. Напротив, вся его жизнь – одна сплошная авантюра. Нежданно свалившаяся свобода кружила голову, пьянила почище водки.

Еще в Москве он сумел убедить Артузова, что для успеха операции из России следует выпустить людей, на которых он укажет, – родственников влиятельных в эмиграции фигур. С их помощью, уверял Баткин, Попову будет проще внедриться в белую колонию. Артузов, на свою беду, такое добро ему дал, не предполагая даже, какую бурную коммерцию развернет теперь Баткин.

Всего за месяц он умудряется отправить в Константинополь уйму народа. Всякий раз Баткин заявляет чекистам, что свобода этих людей – залог благополучного исхода дела.

Какие-то дочки маникюрш, сыновья архитекторов, родственники докторов – все они в устах Баткина выглядели чуть ли не столпами эмиграции, сами о том, разумеется, не ведая.

Уже потом чекисты узнали, что за каждую такую отправку Баткин получал неплохой бакшиш. Бывший екатеринослав-ский помещик и товарищ прокурора судебной палаты Евгений Стадион едва только высадился с семьей (жена, две дочери) в

Константинополе, не преминул рассказать, что за свою свободу заплатил 600 лир. Ради этого пришлось продать бриллиантовые серьги жены – последнюю их семейную драгоценность.

Все повторялось. По такому же точно сценарию каких-то полгода назад Баткин переправлял людей из Константинополя в Россию, уверяя при этом англичан и французов, что уезжающие граждане – его агенты.

Но долго так продолжаться не могло. Баткин понимал это уже и сам, только жадность пересиливала разум. Его захлестывал азарт: больше, больше, больше. Да и деваться ему было попросту некуда: так мотоциклисты, мчащиеся по отвесной стене, лишены возможности остановиться. Остановишься – упадешь.

Постепенно чекисты тоже начали осознавать, что дело неладно. О бизнесе Баткина судачили чуть ли не на всех углах. А тем временем известий от Попова и Сеоева все не было.

Спешно откомандированный в Крым сотрудник контрразведки Украинского ГПУ Добродицкий⁴⁴ – взгляд свежий, не замы-ленный – сразу же подмечает неладное.

«Баткин слишком афиширует свою близость к ГПУ и допускает действия, могущие расшифровать сексота», – сообщает он в первой же телеграмме Евдокимову – всемогущему начальнику СОЧ ГПУ Украины, который по указанию Артузова лично курирует ход операции.

И Евдокимов, и Добродицкий хорошо знают обстановку в Крыму: еще недавно они чистили полуостров от белых. (Это приказом Евдокимова – тогда начальника Крымской ударной группы Особого отдела Южфронта – была создана Особая тройка, которая ударно боролась с *контрой*. Только за 4 дня – с 26 по 30 ноября 1920-го тройка эта, где заседал и Добродицкий, отправила на смерть 512 человек, чья вина

ограничивалась лишь золотым шитьем погонов на плечах.)

Следом в Харьков – тогдашнюю столицы Украины – летит и вторая телеграмма Добродицкого:

«Получены весьма правдоподобные агентурные сведения. Бат-кин перейдет на сторону Советской власти по заданию французской контрразведки. Москве эти сведения, по-видимому, неизвестны. Предполагаю возможность для совместной провокационной работы Баткина и Соева. Считаю нужным Баткина арестовать».

Чутье не подвело опытного чекиста. И хотя до сих пор не ясно, по заданию ли французов или кого-то еще – в Константинополе работало свыше сорока разведок, и практически с каждой Баткин успел завести отношения – вступил наш герой в игру, самую суть происходящего Добродицкий уловил верно...

Его арестовали в конце мая по дороге из Севастополя в Харьков, куда отправился он по указанию все того же Добродицкого: будто бы на беседу в ГПУ Украины. Арестовали, не дожидаясь даже известий от Попова.

А вскоре в Крыму появился связной Попова – бывший унтер-офицер Слюсаренко, бежавший из Константинополя, чтобы предупредить чекистов, поведать о том, что Баткин провокатор, – и тогда окончательно все стало на свои места: так в морозную погоду расплываются на автомобильном стекле снежные разводы, стоит только запустить двигатель...

На допросах, вел которые опять-таки Добродицкий, Баткин свою вину отрицал. Он продолжал настаивать, что провал Попова – лишь драматическое стечение обстоятельств. Но на этот раз красноречие его спасти не могло.

Лубянка не прощала предательства. Каждый, кто хоть раз попытался ее обмануть, неминуемо должен

был испытать холодную сталь карающего меча революции.

В ноябре 1922-го Баткина снова отправляют из Харькова в Москву. Он едет этой дорогой второй раз, но теперь она кажется ему чудовищно длинной.

Иллюзий и надежд больше нет. Жизнь съежилась, точно кусок шагреновой кожи. Да и была ли она на самом деле, эта жизнь, не приснилась ли в полутемном столыпинском вагоне под мерный перестук колес?

Нет, неправду сказала тогда цыганка. Хоть и повидал разные страны, хоть и дружил с правителями и королями, а все-таки удача от него отвернулась.

«Игра закончена», – билась в висках фраза из какого-то авантюрного романа. Всю жизнь он играл в опасную игру – этакую шпионскую рулетку, – не предполагая даже, сколь тяжело бывает проигрывать. Оказывается, проигрывать, как и играть – это тоже особое искусство.

Почему-то только теперь, в теплушке, он осознал, что жизнь – это тот же вагон. Входят и выходят на станциях и полустанках люди. С кем-то едешь долго, а кто-то – растворяется по пути.

В его вагоне было много попутчиков. Но теперь он остался в нем один...

Федора Баткина, 30 лет от роду, бывшего члена партии эсеров, без определенного рода занятий, приговорили к расстрелу в январе 1923-го. Его дело на комиссии НКВД докладывал начальник отделения КРО ГПУ Сосновский – тот самый, что годом раньше выпускал Баткина на свободу, и в этом тоже была своего рода закономерность – суровая, но справедливая.

Слащов – баткинский «крестник», а точнее крест его – переживет революционного матроса ровно, без какой-то недели, на шесть лет...

Слащов. Последние годы

Был ли доволен он своей новой жизнью? Вопрос несправедливый. Слащов и сам себе не мог на него ответить.

С Константинополем его не связывало, кажется, ничего. Единственным богатством, которым владел он там, у берегов Босфора, была свобода.

А что получил он взамен? Место преподавателя тактики на курсах красного комсостава. Комнатушку в лефортовском флигеле.

Но никакие испытания не в силах были сломать, изменить этого человека. Он остался в точности таким же, каким был и в Первую мировую, и в Гражданскую: упрямым, фанатичным, дерзким.

«Стремится уйти из школы в строй, – писали кадровики в одной из первых его аттестаций, – почему и чувствует себя свободно и независимо, мало интересуется пребыванием в стенах школы».

Особое удовольствие доставляли Слащову разборы проведенных им сражений. В эти часы он точно преображался, сбрасывал с себя груз прожитых лет и вновь становился прежним Слащовым-Крымским, не стесняющимся в словах и выражениях.

«Преподавал он блестяще, – вспоминал слушатель школы Ба-тов⁴⁵, ставший впоследствии крупным советским военачальником, – на лекциях народу было полно, и напряжение в аудитории порой было как в бою. Многие командиры-слушатели сами сражались с врангелевцами, в том числе и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал не жалел ни язвительности, ни насмешки, разбирая ту или иную операцию наших войск».

«Слащов говорил примерно так, – писал другой его ученик, будущий генерал Каргополов⁴⁶: – «А помните бой под N? Тогда ваш батальон отошел в беспорядке, с большими потерями. Произошло это потому, что вы не

оценили и не учли то-то и то-то». Задетый этой оценкой, товарищ поднимался, просил слова и говорил: «А Вы помните бой под Н, где мой полк разбил полк Вашей дивизии?» Далее следовало обстоятельное изложение боевых порядков сторон, их действий и причин поражений белых. Случалось, что продолжение спора переносилось на вечернее время в общежитие, куда являлся преподаватель».

Диспуты эти были столь эмоциональны и захватывающи, что смотреть на них ходили слушатели с разных курсов да и просто сторонние зрители. Проводились они и вне стен курсов. В апреле 1922 года, например, в аудитории военно-научного общества с большим успехом прошел двусторонний доклад на тему «Оборона Крыма». Докладчиками выступали Слащов и его недавний противник, бывший начальник 46-й дивизии Юрий Саблин⁴⁷. Каждый из ораторов подробно, без сантиментов и экивоков разбирал собственные и чужие ошибки.

Преподаватели курсов – все как один бывшие офицеры, многие служили когда-то под началом Слащова – частенько собирались у него дома. По обыкновению пили много, но никогда, даже под винными парами Слащов не позволял никаких крамольных речей, хотя – сомнений нет – удовлетворенным себе не чувствовал.

Оторванный от привычного общества, он ищет забвения в науке. В военных журналах регулярно появляются написанные им статьи. Последний его труд – назывался он «Мысли по вопросам общей тактики» – увидел свет уже после смерти генерала.

Книга кончалась словами, которые без преувеличения можно определить девизом всей жизни Слащова: «В бою держитесь твердо своего принятого решения – пусть оно будет хуже другого, но настойчиво

проведенное в жизнь, оно даст победу, колебания же приведут к поражению».

Потому-то, может, и не колебался Слащов, сделав окончательный в своей жизни выбор. Хотя в зарубежной литературе встречаются утверждения иные: будто в 1922 году вожди эмиграции попытались вытащить Слащова обратно. Только верится в это с трудом.

Генерал сам выбрал свой путь, и сворачивать с дороги было не в его принципах: «колебания приведут к поражению».

Мистическая слава, окружавшая Слащова, с каждым годом постепенно таяла. Трудно было поверить, что этот рядовой преподаватель был тем самым Слащовым, чье имя гремело по всей стране, наводя ужас на врагов и вселяя безудержную веру в соратников.

Не помогли даже съемки кинофильма «Врангель», где Слащов сыграл самого себя. Фильм этот снят «Пролетарским кино», успеха не имел и до наших дней не сохранился.

Последний всплеск интереса к его персоне пришелся на конец 20-х. В 1928 году Михаил Булгаков пишет «Бег». В главном герое пьесы генерале Хлудове, которого, по выражению кинорежиссера И. Хейфица⁴⁸, отличала «звериная ненависть к революции и затаенная любовь к России», публика тотчас опознала Слащова.

Но Слащову не суждено было увидеть свое литературное отражение на сцене. 11 января 1929 года, пока во МХАТе еще только шли репетиции, он был убит.

По трагическому совпадению это произошло на другой день после его дня рождения. Якову Слащову исполнилось 43 года...

Убийцу схватили быстро, благо скрыться он и не пытался и демонстративно дождался приезда милиции. Им оказался бывший краском Лазарь Коленберг, 24 лет от роду. На допросе он показал, что хотел отомстить за

своего брата, некогда казненного Слащовым в Николаеве; ради этого специально познакомился с генералом и начал брать у него на дому уроки тактики.

Поверили в такую версию немногие, тем более что решением ОГПУ преступник был объявлен невменяемым, и дело вскоре закрыли.

«Неожиданное убийство, – писала в некрологе „Красная Звезда“, – является совершенно бесцельным, никому не нужным и политически не оправданным актом личной мести».

Так ли уж «никому не нужным» и «бесцельным»? Ведь при точно таких же странных и до сих пор не выясненных обстоятельствах один за другим были убиты многие другие люди – те, чья слава возшла на полях Гражданской войны. Пал от руки бывшего притоносодержателя Григорий Котовский⁴⁹ (убийце почему-то дали всего 10 лет). Умер на операционном столе Михаил Фрунзе, чьи войска выбили когда-то Слащова из Крыма. Погиб под колесами едва ли не единственного в Тифлисе грузовика легендарный боевик Камо⁵⁰.

Нет, недаром 1929 год – год смерти Слащова – вошел в историю как год великого перелома. В стране наступали новые времена. Начиналась коллективизация, занималось Шахтинское дело. Уже верноподданный Ворошилов объявил Сталина творцом победы, величайшим военным стратегом. История переписывалась на ходу, и в условиях этих вчерашние герои – дерзкие, мощные, себялюбивые – становились лишними фигурами, нежелательными свидетелями. Новые властители страны желали обладать абсолютной монополией на славу и почести.

Якова Слащова проводили в последний путь по христианским канонам – на третий день после смерти. Траурный митинг в крематории Донского кладбища был

скромным. Самым высоким лицом, пришедшим проститься с генералом, был зампред РВСР Иосиф Уншлихт. Тот самый Уншлихт, что руководил когда-то операцией по вывозу Слащова из Турции.

Круг замкнулся.

Через две недели после убийства Слащова «Бег» был запрещен к показу. Пьесу сняли с репетиций, не дожидаясь даже прогона, по личному приказу Сталина, назвавшего булгаковское творение «явлением антисоветским».

Вслед за Слащовым в долину теней уходил и его литературный двойник Роман Хлудов...

Вместо эпилога

По-разному можно относиться к чекистским операциям 1920-х годов. Они были под стать своему времени: жестокими, безжалостными, фанатичными.

На карту ставилось все, человеческие жизни в том числе, ибо цель оправдывала любые, пусть даже самые нечеловеческие средства.

Но нельзя не признавать одного: операции эти целей своих достигли. Благодаря выводу Слащова и других генералов, белоэмигрантское движение раскололось, оказалось деморализованным и, сиречь, не способным к активной борьбе.

Следующие акции чекистов расшатали белую эмиграцию окончательно. Операции «Трест», «Синдикат», когда ОГПУ создало фиктивные подпольные организации, навсегда вошли в золотой фонд контрразведки. Едва ли не все средства, направляемые генералами на борьбу с советской властью, оседали в Лубянской кассе.

Весной 1928 года непримиримый враг РСФСР барон Врангель – самый главный, самый опасный противник, создавший мощную антисоветскую организацию РОВС – Российский общевоинский союз, объединивший до 100 тысяч человек, – скончался от загадочной болезни.

Полтора месяца находился он в полубреду. При вскрытии в его организме врачи обнаружили дикое количество туберкулезных палочек явно внешнего происхождения. И хотя до сегодняшнего дня нет ни одного документального подтверждения, что Врангеля отравили красные агенты, в обратном мало кто сомневается. Потому хотя бы, что началу болезни барона предшествовало появление в его доме некоего бывшего солдата – брата генеральского денщика. Уже потом вскрылось, что брат этот приплыл в Антверпен на советском корабле, но было поздно. И таинственный брат, и сам денщик Юдихин исчезли бесследно. Эмигрантские газеты писали, что они спешно уплыли в РСФСР.

Новый председатель РОВС генерал Кутепов тоже протянул недолго. В январе 1930-го агенты ОГПУ похитили его прямо в Париже и вывезли на пароходе в СССР. От передозировки хлороформа Кутепов по дороге скончался.

Его сменщика генерала Миллера⁵¹ постигла та же участь. Как и Кутепов, он был выкраден чекистами из Парижа и доставлен в Москву, где, точно Железную маску, держали его во внутренней лубянской тюрьме под фамилией «Иванов» и под тем же именем тайно расстреляли.

После похищения Миллера РОВС оправиться уже не смог. Формально эта еще недавно грозная и действенная организация (шутка ли – сто тысяч штыков!) еще существовала несколько лет, но фактически она уже бездействовала и никакой опасности больше не представляла.

Не берусь оправдывать кровавые акции Лубянки. Но, прежде чем делать какие-то выводы, необходимо учесть, что жестокость эта была прямо пропорциональна жестокости белой эмиграции: точно

по второму закону Ньютона – любое действие рождает противодействие.

В борьбе с советской властью лидеры РОВС и эмиграции не останавливались ни перед чем. Они убивали советских дипкурьеров и дипломатов (достаточно вспомнить расстрел Войкова⁵² или Воровского⁵³). Организовывали теракты. Засылали на советскую территорию группы боевиков. (Одна из таких групп попыталась даже взорвать дом в Лубянских переулках, где жили руководители ОГПУ.)

На совещаниях лидеры РОВС в открытую говорили, что террор – единственная действенная форма борьбы с Советами, и иностранные правительства будут снабжать их деньгами, лишь когда покажут они себя в деле.

Несмотря на роспуск русской армии, руководители РОВС пытались сохранить стройность ее рядов. В союзе существовала целая система кружков и курсов для подготовки офицеров и штаб-офицерских должностей. Совершенно легально работали в Париже Высшие военно-научные курсы, где преподавали бывшие профессора Николаевской академии.

На войне как на войне. Забегая вперед, скажу, что, если бы не активность советской разведки, последствия могли быть необратимыми.

Ненависть эмигрантских вождей к советской власти была столь безгранична, что в борьбе с большевиками они готовы были объединяться с кем угодно – с Гитлером, Муссолини; хоть с чертом лысым – лишь бы нанести Москве удар посильнее.

Не разгроми чекисты РОВС, не расколи белую эмиграцию – вся эта многотысячная белогвардейская армия влилась бы потом в фашистские ряды.

Факты – упрямая вещь. Еще в 1931 году белоэмигранты создали в Харбине – по примеру Гитлера

– Русскую фашистскую партию. Аналогичное движение появилось и в США.

Накануне прихода Гитлера к власти генерал фон Лампе – один из ближайших сподвижников Врангеля – от имени РОВС вступил в переговоры с верхушкой НСДАП «по вопросу о совместных действиях против большевиков». Он даже был удостоен аудиенции у будущего имперского министра Розенберга, который искренне поблагодарил генерала за сотрудничество и выразил желание получить план совместных действий «в направлении возможной интервенционной деятельности».

(Через несколько лет, развивая эту самую «возможную интервенционную деятельность», белый генерал Бискупский⁵⁴, женатый на знаменитой певице Анастасии Вяльцевой, будет поставлен немцами во главе Бюро русских беженцев.)

Другой руководитель РОВС, генерал Шатилов, правая рука Врангеля, вступил в контакт с японским генштабом. А когда в Испании поднялся фашистский мятеж, Шатилов по поручению Миллера отправился в Рим и призвал всех истинных патриотов ехать добровольцами в Испанию, где, как писал он, «продолжается вооруженная борьба белых против красных». Добровольцев, впрочем, оказалось немного: всего-то человек 70.

В годы Второй мировой их найдется куда как больше. Рука об руку с немцами против советских солдат будут сражаться казачьи части, сформированные под началом генерал-лейтенанта Шкуро, войсковых атаманов Науменко и Вдовенко. В числе коллаборационистов окажутся и иные лидеры белой эмиграции: генералы Краснов, Улагай⁵⁵, Штейфон⁵⁶.

Их могло быть еще больше – не в разы – в десятки, в сотни раз. Правда, все те, чьими стараниями эмиграция была взорвана изнутри, этого уже не увидели. Ни один из наших героев до великой войны дожить не сумел...

Глава 4

ЗАКЛЮЧЕННАЯ № 30

Как это было на самом деле – не узнает уже никто. Словно морской прибой, время слизывает песочные следы человеческих судеб, трагедий, невзгод.

Давно уже перешли в мир иной все участники этой запутан-нейшей, драматической истории.

Все, что осталось нам, – лишь пожелтевшие от времени документы. Что в них правда, что вымысел – можно только гадать.

Документы (как, впрочем, и история) пишутся людьми. И не всегда люди эти заинтересованы в правде. Тем паче если речь идет об именах, которые известны всему миру...

Дзержинский. Трудно найти фамилию, более непривычную для русского уха. И в то же время она совершенно не режет слух.

В коммунистических «святцах» обедневшему шляхтичу Феликсу Дзержинскому было отведено совершенно особое место. Даже на фоне иных канонизированных вождей «житие» Дзержинского выделялось какой-то особенной святостью и аскетизмом.

Ни один другой вождь не обладал таким сонмом официально утвержденных эпитетов. Разве скромный образ «всесоюзного дедушки» Калинина может сравниться с великолепием Дзержинского? «Железный Феликс», «рыцарь без страха и упрека», «пролетарский якобинец», «друг детей», «совесть партии» и прочая, прочая. Даже про Ленина, с его возведенной в постулат скромностью, не писали, что спал он прямо в кабинете, на жесткой кушетке, укрывшись солдатским одеялом.

В обязательном порядке чеканный профиль со скиперской эспаньолкой висел в каждом милицейском или чекистском кабинете – на всех просторах необъятной страны.

Но удивительная вещь: когда двадцать лет назад историки бросились сдирать позолоту с недавних божков, когда вспомнили и раскопали о каждом столько, что прах их, наверное, вихрем завертелся в могилах у Кремлевской стены, даже тогда имя Дзержинского осталось стоять особняком.

Никто не в силах был опровергнуть ни его аскетизма, ни фанатичной преданности делу.

Конечно, Дзержинский, как и любой исторический персонаж, был фигурой противоречивой.

На одной чаше весов – и солдатское одеяло, и жесткая кушетка в кабинете, и комиссия по делам беспризорных.

На другой – красный террор, массовые расстрелы и первые концлагеря. Именно Дзержинский создал поразительную по своей мощи и профессиональности систему, равной которой не знала еще Россия. Создал в кратчайшие сроки. В условиях всеобщей разрухи и Гражданской войны. Не прибегая к услугам профессионалов: в основном силами вчерашних рабочих и недоучившихся студентов.

Он ушел из жизни в 1926-м, не увидев ни кровавого молоха 1937-го, ни своих друзей и соратников, спущенных в подвалы Лубянки.

А дожил – увидел бы? Не отправился бы вслед за ними – теми, с кем создавал ВЧК? Кедровым¹, Петерсом, Манцевым?²

Дзержинский – польский шпион?!! Почему бы и нет? Время аскетов и романтиков кончилось еще в 1920-х. Наступила эпоха бездумных исполнителей, винтиков гигантской машины, им самим же и сконструированной.

Машины, которая едва не расправилась с ним – уже мертвым, но предпочла ограничиться лишь его родней...

Сама жизнь преподносит иной раз такие удивительные совпадения, что ни один сочинитель не в силах до них додуматься. Кроме разве что неведомого нам небесного сочинителя, который будто бы смеется над родом человеческим...

...20 декабря – этот день бойцы невидимого фронта по-прежнему считают своим профессиональным праздником. С недавнего времени он отмечается официально – как День работника органов безопасности. Впрочем, между собой на Лубянке именуют его по-старому – Днем чекиста.

И названием этим, и датой своего рождения спецслужбы обязаны вполне конкретному человеку – Дзержинскому. Именно Дзержинский, выступая на заседании Совнаркома, предложил создать специальный орган по защите революции. Совнарком идею принял и согласился с предложенной Дзержинским структурой нового ведомства, которую – опять же по его инициативе – назвали ВЧК: Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Первым председателем ее стал, естественно, Дзержинский...

Пройдет совсем немного времени, и эта диковинная поначалу аббревиатура прогремит на всю страну. Да что на страну – на весь мир. И как бы потом ни переименовывали ее – ГПУ, ОГПУ, НКВД, НКГБ – новоязовское определение «чекисты» навсегда закрепится за соратниками и продолжателями дела Дзержинского, власть которых к середине 1930-х станет поистине безграничной...

Чем сильнее раскручивался маховик репрессий, тем активнее официальная пропаганда раздувала культ «вооруженного отряда партии». В газетах

публиковались статьи о героях-чекистах. Регулярно появлялись указы об их награждениях. Фильмы, книги, песни – это был, как сегодня выразились бы, мощнейший «пиар».

Своего апогея он достиг в 1937-м, когда День чекиста, бывший до этого скорее внутриведомственным праздником, впервые широко отметили как общенациональное событие. И не беда, что большинство из тех, кто съехался 20 декабря в Большой театр, – где еще, как не на главной *площадке* Союза, должны были пройти торжества, – уже через год переедут из своих кабинетов в подвалы. Праздник продолжался. Новые герои приходили на смену старым, низверженным.

И в 1938-м, и в 1939-м – страна не уставала славить своих защитников и их железного карбонария – Феликса Эдмундовича Дзержинского.

По иронии судьбы, именно с этого знаменательного дня – 20 декабря 1939 года – и стали отсчитывать свой ход удивительные события, которые закончились арестами для двух людей, носящих фамилию «рыцаря революции», и едва не приведшие к расправе над самим Дзержинским. И неважно, что Феликс вот уже 13 лет как лежал на Красной площади. В спектаклях, которые ставили лубянские режиссеры, места хватало всем: и мертвым, и живым...

Впрочем, нет: 20 декабря начался лишь первый акт нашей истории, в которой, словно в плохом детективе, переплелись самые невероятные человеческие судьбы и страсти.

Были здесь и наследники Дзержинского (как родные, так и благоприобретенные). И профессиональные рецидивисты. И таинственные шпионы.

Один из самых знаменитых столичных грабителей и племянница «рыцаря революции» – сюжет, по своему

драматизму мало чем уступающий «Ромео и Джульетте».

Но не будем забегать вперед, ведь по законам драматургии первому акту предшествует, как правило, хотя бы пятиминутный пролог.

Наш пролог, однако, растянулся на добрых два года...

Здание это – в самом начале Кузнецкого моста – хорошо известно москвичам. Оно существует и по сей день. Правда, теперь его украшают две громадные таблички, извещающие, что здесь, в доме 22, расположена приемная ФСБ, куда любой гражданин вправе – днем ли, ночью – прийти для *сигнализирования*.

А раньше никаких табличек тут не было. Только неприметный звонок возле двери, надавив на кнопку которого, человек словно попадал за ворота чистилища. Все равно что игра в русскую рулетку: неизвестно еще, кого посадят – того, на кого ты доносишь, или тебя самого. А может, для массовости – и всех чохом.

Но, видно, нечего было бояться этой женщине, коли решилась она переступить порог такого мрачного дома. Звали ее просто и безыскусно: Елена Павлова. 38 лет, беспартийная, уроженка города Вильно³, иждивенка племянника.

Из справки 8-го отделения 8-го отдела ГУГБ НВД СССР:

«3-го октября (1937 г. – *Прим. авт.*) пришла в приемную Павлова Елена Николаевна, прожив. по адресу: 2-я Мещанская, уг. Напрудного пер., д.97, кв. 133, и заявила, что сестра Феликса Эдмундовича Дзержинского – Ядвига Эдмундовна, прожив. Чистые пруды, Лобковский пер., д. 2, кв. 48, всегда высказывается антисоветски, ждет войны и поражения большевиков. Всегда хорошо высказывается о Ягоде.

Ее дочь Лашкевич Ядвига Генриховна, а сейчас опять носит фамилию Дзержинская, рассказывала, что ее мать выпустила из-под ареста видного шпиона польского, за что Ф. Э. Дзержинский хотел ее расстрелять, но она, Лашкевич, упросила Ф. Э. не делать этого, на что он дал согласие, и выслал Ядвигу в Новороссийск, в ссылку.

Ядвигу Эдмундовну постоянно посещают темные люди. Не дождется, когда она будет в Польше, где ей обещали за отпущенного шпиона поставить памятник. Сын ее – польский офицер, с ее слов, был правой рукой Пильсуцкого⁴ (так в документе. – *Прим. авт.*), фамилия его Кушелевский...»

Дежурный внимательно посмотрел Павловой в глаза:

– Вы понимаете, что, если ваши сведения не подтвердятся, вам придется за это ответить?

Павлова взгляда не выдержала, уткнулась глазами в пол, принялась разглядывать носки ботинок:

– Мне нет смысла врать. Если кто враг нашей Родине, то мне неважно, кто он есть. Я и раньше хотела сообщить, еще в 33-м, но сказали, что нельзя трогать фамилию Дзержинского, потому что Ядвигу опекает Ягода⁵ и Ягода меня за это может выслать. Я тогда поверила, а теперь поняла, почему: Ягода был врагом.

Она оторвала взгляд от ботинок, посмотрела вверх – на портрет Дзержинского, который украшал стену: – Ягода – враг. И семейка эта вражья, Ядвига еще до революции распутничала. Но если один враг покрывает других – значит, неспроста это. Так ведь?

Чекист, сидящий перед ней за столом, улыбнулся:

– Наверное, так.

И тут же, не меняя тона:

– Что еще вы можете сообщить об этих гражданах?

Павлова заторопилась:

– Году в 1932-м или 1933-м мы с Ядвигой шли по улице и встретили каких-то мужчин, ее знакомых. Они по-немецки поговорили, о чем вот только – не поняла. Я потом спросила, та сказала, что это немецкие инженеры... Рассказывала мне, что была у Буха-рина⁶, что ее Ягода очень любит. Даже дал ей для выучки пианино. И комнату дал со всей обстановкой казенной, а она дочери отдала зеркальный шкаф взамен ее старого, простого, чтобы после смерти чекисты назад не забрали... Еще говорила, что за убийство такого хама, как Киров, страдает идейный Николаев и как хорошо было бы его спасти, потому что ГПУ – это застенки... Вместе с дочкой ждет не дождется, когда война начнется, всякую мразь защищают. За деньги на все готова, но всегда именем брата прикрывается. Так обидно! – Глаза Павловой бешено блеснули, а в голосе появились металлические нотки:

– Обидно, что жизнь отдаешь за нашу богатую Родину, за великого Сталина, для которого все равны, а вот меня, какую-то Павлову, никуда без пропуска не пустят, везде проверят, прощупают... А ей, змее, все открыто, все ей верят, потому что она Дзержинская, хотя ее фамилия, на самом деле, была Кушелевская, а дочери – Лашкевич, и никакие они не Дзержинские, а враги.

Дежурный слушал без эмоций, не перебивал, только карандашом делал какие-то пометки.

– Хорошо, я вас понял, – он протянул Павловой лист бумаги: – Изложите письменно все, что вы сейчас рассказали. Желательно – поподробнее.

– Ага-ага, – женщина закивала головой, – на чье имя-то писать?

– Пишите просто: в НКВД Союза ССР».

Из доноса Е. Павловой:

«Дополнительно сообщаю, что адрес Ядвиги Генриховны Лашкевич, которая сейчас носит фамилию Дзержинской – Потаповский пер. д. № 9/11, кв. 21, где она проживает с двумя дочерьми-близнецами 19 лет.

Сестра Ф. Э. Дзержинского – Ядвига Эдмундовна и ее дочь обе говорили, что Дзержинский был устранен Сталиным, что вместо тела Ленина в мавзолее лежит восковая кукла (последнее дочка говорила, а также, что ГПУ это застенок) и другие нелепые контрреволюционные высказывания. Они ненавидят коммунистов, а старуха мечтает уехать в Варшаву».

Он был красив, этот Борис Венгровер. Блестящие черные волосы, миндалевидные, с поволокой, глаза, чувственные, ярко очерченные губы.

Ей было достаточно одного только взгляда, чтобы понять это. Слава богу, в мужской красоте и мужчинах вообще племянница «железного Феликса» разбиралась преотлично. Одних только официальных браков за спиной осталось у нее четыре штуки.

К своим 38-ми Ядвига не утратила еще женской привлекательности. Она знала, что по-прежнему нравится мужчинам – в особенности тем, кто моложе ее, – и никогда не упускала возможности лишний раз убедиться в этом.

Вот и теперь Ядвига отметила тот особый, оценивающий взгляд, который исподволь бросил на нее новый знакомый. Взгляд, который был ей так хорошо знаком.

Она ненароком, проходя мимо зеркала, взглянула на свое отражение, поправила прическу. Что ж, очень даже еще ничего. Улыбнулась сама себе и вошла в комнату, где в ожидании чая беседовала о чем-то молодая компания. Две ее дочери – Зося и Ядя. Их приятель Изя Дворецкий, студент-юрист. И ОН: земляк Изю по Иркутску, которого тот впервые привел в их дом. Борис.

– Не скучаете? – Ядвига постаралась произнести эту ничего не значащую фразу как можно формальнее, чтобы ничем не выдать охватившего ее волнения.

– Ну что вы, Ядвига Генриховна, – Изя немедленно вскочил, церемонно пододвинул к ней кресло. – Обсуждаем последние новинки кино. Только что вышел мировой фильм – «Волга-Волга». Не смотрели?

Она покачала головой:

– Нет, не смотрела. Возраст не тот – по кинематографам ходить.

Сказала – и украдкой бросила взгляд на Бориса. Тот ухмыльнулся, качнул головой, но промолчал. Вместо него пас принял галантный Изя:

– Как вам не стыдно, Ядвига Генриховна. Всем бы так выглядеть. Мы как раз об этом только что говорили. Правда, Борис?

– Правда, – Борис не мигая посмотрел ей в глаза. На какое-то мгновение их взгляды встретились, но тотчас она отвела взор в сторону, чувствуя, как становится ей жарко.

Пробормотала что-то несуразное, отшутилась и при первой же возможности метнулась в кухню.

«Нет, этого не должно быть, – говорила она себе. Серьезная, немолодая уже женщина. Племянница человека, которого знает весь мир. И какой-то мальчишка, ровесник ее дочерей. Что может у них быть общего?»

И в то же время воображение рисовало одну сцену ярче другой, и чувство стыда забивалось иным, казалось, давно уже забытым чувством, когда тягуче сосет под ложечкой, а сердце бьется так учащенно, что вот-вот вылетит из груди.

Она так увлеклась своими мыслями, что не заметила, как ОН вошел на кухню:

– Знаете, Ядвига Генриховна, когда я смотрел на портреты вашего дяди, то всегда удивлялся: почему

господь наделил мужчину такой красотой? Но сегодня увидел вас, и мне все стало ясно... Вы удивительно похожи на Феликса Эдмундовича.

- Да, мне многие об этом говорили, - она отвернулась куда-то в сторону, только чтобы не увидел он, как радостно блеснули глаза и вспыхнули багрянцем щеки.

Но он увидел...

Из показаний арестованного Израиля Дворецкого (26 марта 1940 года):

«В 1937 году мой знакомый по месту жительства Борис Высоцкий, ныне осужденный за хулиганство, познакомил меня с семьей племянницы Феликса Эдмундовича Дзержинского - Дзержинской Ядвиги Генриховны. Бывая в доме Дзержинских, я ухаживал за ее старшей дочерью Ядей.

В конце 1937 года или начале 1938 года из Иркутска в Москву приехал мой бывший преподаватель физкультуры по школе в Иркутске Борис Венгров, которого я тогда познакомил с семьей Дзержинских, и он быстро вошел в доверие этой семье, став в том доме своим человеком».

Гостеприимная квартира в Потаповском переулке всегда была открыта для молодых гостей. Сама Дзержинская шутливо, по образу и подобию Толстого, называла ее салоном, отведя себе скромную роль Анны Павловны Шерер.

Она не только не имела ничего против того, чтобы в их квартире собиралась интеллигентная молодежь, но даже, наоборот, всячески это приветствовала.

Обе дочери подросли, невесты на выданье, да и себя хоронить она еще не собиралась. Ребята все как на подбор были интересные, ершистые, яркие. В их кругу Ядвига словно сбрасывала груз прожитых лет. Изя Дворецкий - ухажер Зоси - учился в юридическом

институте прокуратуры. Витя Медведев и Абраша Эпштейн – в энергетическом.

А вот – Борис... Несмотря на то что он стал частым гостем в их доме, понять его до конца Ядвига, сколь ни старалась, никак не могла. Вроде парень как парень: веселый, компанейский, неглупый, но нет-нет да проскользнет в нем нечто такое, что разительно отличало его от остальных завсегдатаев «салона» – мальчиков из приличных московских семей.

Какая-то непонятная внутренняя сила таилась в нем, и иногда Ядвига в свои тридцать восемь чувствовала себя рядом с ним несмышленной девчонкой, хотя по возрасту он почти годился ей в сыновья: к моменту знакомства минуло Борису лишь двадцать три.

С этим человеком была связана какая-то тайна – страшная и притягательная одновременно. Сам он говорил, что работает учителем физкультуры – однако почему-то никогда не имел недостатка в деньгах. И песни под гитару пел какие-то странные, незнакомые: про молоденьких парнишек, оторванных от дома. Про тягостную неволю. Про «зеленого прокурора» – тайгу, которая всегда укроет лихих ребят от погони.

Ядвига как-то спросила его, где он научился этим песням, знакомым ей только по фильму «Путевка в жизнь», но Борис отшутился. И Яде, дочке ее, за которой ухаживал, тоже ничего не ответил, а вместо этого взял гитару и жалостливо спел про то, что в детстве носил «брюки клеш, соломенную шляпу, в кармане финский нож».

Впрочем, по наивности своей Ядвига относилась эти песни на счет юношеской тяги к романтике и мальчишеского фрондерства. Ее вполне удовлетворили объяснения Изи Дворецкого – он-то знал Бориса много лет, еще по Иркутску, – что тот зарабатывает на хлеб какими-то комбинациями и коммерцией.

- Но за это ведь могут посадить! - ужаснулась Ядвига.

Изя улыбнулся - той же многозначительной улыбкой, что и Борис (вообще, она заметила, что остальные мальчики стараются подражать Борису и в манерах, и даже в интонациях, инстинктивно чувствуя в нем вожака). Сказал по-бендеровски:

- Не волнуйтесь, Ядвига Генриховна. Мы с Борисом чтим уголовный кодекс.

И Дзержинская успокоилась...

Все-таки интересно устроена жизнь. То, что вчера еще считалось позорным клеймом, сегодня в одночасье превратилось в достоинство...

Когда на перепутье веков - в 1900 году - Ядвига Гедройц появилась на свет, никаких преимуществ родство с Феликсом Дзержинским ни ей, ни тем более ее матери - Ядвиге-старшей - не сулило. Даже напротив: к этому моменту Дзержинский дважды уже арестовывался и дважды бежал, и имя его вкупе с приметами хорошо было известно полиции на всех просторах Российской империи.

Вряд ли, конечно, ощущала она на себе изъяны родства с государственным преступником и смутьяном - это потом соратники и наследники ее дяди станут рубить под корень «вражье семя», отправлять в лагеря целые родовые кланы, даже юридический термин специально придумают - «ЧСИР» - член семьи изменника родины. Но и особого удовольствия родство такое наверняка не доставляло.

Сомневаюсь, чтобы в предреволюционные годы родственники гордились бы Дзержинским. Все они - а в семье Дзержинского было семеро братьев и сестер - жили спокойной, размеренной жизнью, не помышляя ни о каких революциях.

Один брат - Станислав - мирно трудился чиновником в банке. Другой - Казимир - инженером в

Люблине. Третий – Игнатий – учительствовал в Варшаве. Владислав был врачом. Сестры сидели замужем, воспитывали детей.

Как могли относиться они к фанатичному Феликсу, который то и дело бежал из очередной тюрьмы (из двадцати лет революционной деятельности одиннадцать он провел в неволе)? С сочувствием, не более того: это был их крест.

Раскиданные по разным городам, с братом общались они, лишь когда в очередной раз оказывался он за решеткой. Широко известна переписка Феликса с его старшей сестрой Альдоной. И другая сестра, Ядвига, мать нашей героини, от брата никогда не отказывалась.

Впервые Ядвига-младшая увидела своего дядю в 1906 году. На один вечер, в промежутках между арестами, он заехал к ним в Вильно. Только попрощался, и тут же на квартиру нагрянули жандармы.

Ей было тогда всего шесть, толком и запомнить не смогла даже своего опального родственника. Вновь встретились лишь через десять лет, да и то – разве можно было назвать это встречей?

Весной 1916-го мать взяла ее собой в Московскую судебную палату, на процесс. Дзержинского приговорили тогда к 6 годам каторги, но и года не прошло, как случилась Февральская революция. Восторженная толпа ворвалась в Бутырскую тюрьму: точно по Пушкину – «...и свобода вас встретит радостно у входа».

В чем был – в арестантской робе – прямо из камеры Дзержинский поехал на митинг. Оттуда к Ядвиге – единственно родному человеку в Москве, в тесную комнатенку, которую та снимала в Замоскворечье, в переулке с малопривлекательным названием – Кривой.

Первое время там, в Кривом переулке, он и жил. А потом наступил октябрь, и оказалось, что родственные

узы с Феликсом Дзержинским таят в себе неслыханные блага: так бухгалтер из Пинска однажды утром узнает, что в Америке помер его двоюродный дедушка, о существовании которого он раньше и не подозревал, – и за неимением иных наследников оставил ему миллион...

От рождения Ядвига-младшая получила фамилию Гедройц: каких уж трудов стоило матери записать ее так – одному Богу известно, ибо отца своего Ядвига в глаза никогда не видела. Знала лишь, что существовал такой Генрих Гедройц – вроде бы князь, – ради любви к которому мать бросила своего прежнего мужа – богатого польского помещика Кушелевского. Но в последний момент князь жениться раздумал и вообще исчез в неизвестном направлении.

Поначалу две Ядвиги – мать и дочь – жили в Вильно. С приходом войны, не дожидаясь немцев, бежали в Москву. Мать пошла заведовать прачечным цехом. Дочь поступила на курсы фельдшерниц.

Как только Ядвиге-младшей исполнилось шестнадцать, мать немедленно обвенчала ее с очередным поляком – инженером Юзефом Лашкевичем, но уже через несколько недель та, сбежав от супруга, вернулась обратно.

Что случилось с ее первым мужем, Ядвига никогда больше не интересовалась. Это, впрочем, не помешало ей записать на Лашкевича двух дочек-близняшек, появившихся на свет в 1919-м. Как признавалась она потом, их настоящим отцом был чекист (кто же еще!) – старший следователь ВЧК Ротенберг⁷ – впоследствии председатель Крымского ГПУ.

К этому времени обе Ядвиги стараниями Дзержинского жили уже в отдельной квартире. Мать работала в канцелярии МЧК. Дочь – мелким клерком во ВЦИКе.

В 1924 году Ядвига-младшая во второй раз выходит замуж за простого шофера-армянина. И снова неудачно. Не прожив и года, «молодые» расходятся.

Не лучше складывается и личная жизнь матери. Арестовывают ее очередного мужа – сотрудника церковного отдела ВЧК Филиппова, но после ее заступничества – вот она, магическая сила фамилии – выпускают. Из ЧК Филиппов увольняется, основывает какое-то юридическое бюро, однако в 1924-м его забирают опять, ссылают в Ярославль. Ядвига-старшая посылает Филиппову развод. Отныне – она снова носит девичью фамилию, которая действует лучше любого пропуска.

Через несколько лет наша героиня Ядвига Лашкевич (кроме досадных воспоминаний, от первого мужа ей в наследство осталась и его фамилия) тоже станет Дзержинской.

На дворе 1931-й год. Уже пять лет как она заведует делопроизводством в поликлинике Наркомата обороны. Военная форма ей к лицу.

На горизонте – новая любовь, чертежник-топограф Иванов. Тоже военный.

Иванов значительно младше Ядвиги, но разве это преграда для истинных чувств?

«Это произошло месяцев за 6 до оформления брака с Ивановым, – через 9 лет покажет она на допросе. – Стали обсуждать вопрос, почему я Лашкевич, говорила я об этом с матерью, но сначала ничего не решили. А потом вмешалась Елена Николаевна Павлова – тетка Иванова – и стала всячески доказывать, что мне обязательно надо взять фамилию Дзержинская».

Стоп-стоп-стоп!

Елена Николаевна Павлова? Уж не та ли это Павлова, что в 1937-м пойдет доносить на мать и дочь Дзержинских?

Да, она самая. Впрочем, это произойдет гораздо позже, уже после развода с чертежником Ивановым. Пока же Павлова о таком повороте событий и не помышляет. Всеми правдами и неправдами она мечтает породниться с такой уважаемой семьей, потому-то и уговаривает Ядвигу взять знаменитую фамилию.

В самом деле: Ивановых в Союзе – пруд пруди. Дзержинских – раз, два и обчелся. Предприимчивая тетка даже пытается добиться, чтобы новый муж при регистрации взял фамилию жены, но Ядвига-старшая ревностно оберегает честь династии. Она звонит в ЗАГС и требует ни при каких обстоятельствах не присваивать мужу женой фамилии. Разумеется, служащие не в силах ослушаться: одно упоминание «железного» имени действует на советских людей магнетически.

Но и этот брак тоже просуществует недолго. В 1935-м Ядвига – уже уволившаяся по инвалидности: у нее обнаружился туберкулез – расстается с Ивановым и тут же выходит замуж за некоего безработного врача Старостина, с которым не проживет и трех месяцев. Она вновь пытается войти в ту же реку – возвращается к Иванову, но через год они расходятся. Теперь уже – навсегда.

Последним по счету, пятым ее супругом стал цыганский певец Савельев. И снова – тот же сценарий: пара месяцев совместной жизни и – сразу расставание.

...Я так подробно рассказываю о запутанных перипетиях женской судьбы Ядвиги Дзержинской, чтобы читатель по достоинству сумел оценить некий инфантилизм нашей героини.

При тех возможностях, которыми обладала она, любой другой смог бы без особого труда добиться завидного положения в обществе.

Это для таких, как Ядвига, делалась революция, и если вчерашние крестьяне становились академиками, то уж перед племянницей самого Дзержинского все

дороги были открыты. Как в детской считалке: чего хочешь – выбирай.

Но нет, она предпочитает мерно плыть по течению. Ни учеба, ни служба – не прельщают Ядвигу. Ее вполне устраивает роль племянницы рыцаря революции, дающая гарантированно спокойную жизнь.

К чему пришла она к своим 39-ти? Чего добилась? Что осталось у нее за спиной? Пожалуй, ничего, кроме пяти неудачных браков и такой же неудавшейся личной жизни.

Так стоит ли удивляться, что, когда на пути ее оказался такой опытный и опасный человек, как Борис Венгровер, она поначалу не сумела, не смогла раскусить его, а потом, узнав всю правду, безропотно ему подчинилась, понимая даже, в какую историю ввязывается.

Ядвига думала, что Венгроверу была нужна как женщина. Оказалось же, что ему была нужна племянница самого Дзержинского, вдобавок обладающая отдельной квартирой с телефоном, что в предвоенной Москве являлось большой редкостью...

Весной 1938-го Борис неожиданно исчез. Никто из ребят не знал, что с ним случилось, и Ядвига заподозрила недоброе. Мысли напрашивались сами собой.

Сколько уже знакомых ее, бывших сослуживцев по Наркомату обороны, да что сослуживцев – даже старых, заслуженных чекистов, соратников дяди – исчезли в одночасье. Открывая свежий номер газеты, никогда не знаешь, кто сегодня окажется новым «врагом народа». Людей забирали тысячами.

Брат Бориса тоже был арестован – на родине, в Иркутске. Якобы он оказался шпионом. Забрали отца – старого политкаторжанина – у Изи Дворецкого. Может быть, и Борис сидит сейчас где-то на Лубянке в сыром и мрачном подвале?

Почти год Ядвига ничего не знала о его судьбе. Борис появился так же внезапно, как и исчез (таинственная неожиданность – это было вообще в его характере).

Раздался звонок в дверь. Открыла. На пороге он – ничуть не изменившийся, только в смоляной шевелюре появились седые волосы.

От удивления она даже потеряла дар речи. Застыла на пороге, точно соляной столп.

О том, где пропадал он этот год, чем был занят – Борис не говорил. Как обычно отшучиваясь, уходил от вопросов. Почему – она поймет лишь потом.

Устроился на службу. Снова – учителем физкультуры в 309-ю школу – рядышком, на Кировской. Часто приходил с работы довольный, рассказывал о своих педагогических успехах. Дети его любили, и Ядвига понимала: человека с такой обескураживающей улыбкой невозможно не любить...

Стоп. На этом месте я, пожалуй, прервусь – может быть, даже чуть позднее, чем это следовало бы сделать. Настала пора кое-что объяснить.

Нет для историков более запутанной эпохи, чем тридцатилетнее сталинское правление. Казалось бы, с тех дней минуло совсем немного лет, а вот поди ж ты: и в революции, и даже во времена царствования Романовых – нам, сегодняшним, разобраться подчас куда как легче, чем со своим недавним прошлым. И вовсе не потому, что никаких документов и свидетельств эта эпоха после себя не оставила: наоборот, как раз всевозможных бумаг унаследовали мы с лихвой, только вот документов – в подлинном значении этого слова – нам почти не досталось.

Documentum – в переводе с латыни означает: доказательство, свидетельство. Но чему *свидетельствуют* дошедшие до нас документы? *Доказательством* чего они служат?

Ко всем своим многочисленным титулам и регалиям – лучший друг советских детей, великий кормчий, гениальный полководец и прочая, прочая – товарищ Сталин, несомненно, обладал еще одним: он был величайшим режиссером всех времен и народов.

Сталин поставил грандиознейший, беспрецедентный спектакль, где сценой служила одна шестая часть суши, а в ролях было занято все без исключения население Советского Союза.

По одному лишь мановению режиссерской руки менялись направления рек и судьбы целых народов. Уходили в небытие недавние герои и кумиры. В одночасье переписывалась история страны – не только вчерашняя, но и сегодняшняя.

Официальная пропаганда регулярно бичевала формалистов, но в действительности главным формалистом страны был товарищ Сталин, ибо, как и всякого тирана, сильнее всего его заботила внешняя форма режима. *Его* режима.

Он хотел прославить свое имя в веках, остаться в памяти вечно, потому-то и возводил помпезные высотки. Обкладывал мрамором станции метро. Пытался выстроить самое гигантское сооружение в мире – уходящий в небеса Дворец Советов.

Сталин знал, сколь недолговечна человеческая память. Лагеря, репрессии, голод – все это забудется очень скоро, раньше даже, чем уйдет из жизни последний зэк, а колонны и памятники останутся на века. Именно по ним – по высоткам, по фильмам Пырьева⁸ и Александрова⁹, по романам Бубеннова¹⁰ и Бабаевского¹¹ будут судить грядущие поколения о сталинской эпохе; и не низкорослым, рябым колчеруком грузином будет представлять он перед потомками, а таким, как изобразил его на экране русский красавец-великан Алексей Дикий¹².

Этот сталинский стиль проявлялся во всем: от передовиц «Правды» до уголовных дел, и наше дело, к сожалению, тоже не стало исключением.

Что в нем правда, что вымысел – сейчас понять уже практически невозможно. Слишком хорошо представляем мы, как *верстались* дела на Лубянке, а посему волей-неволей нам приходится вторгаться в область исторических догадок, домысливать то, что осталось за кадром.

Конечно, не все. Некоторые обстоятельства никаких сомнений у нас не вызывают.

Хотя бы то, что Борис Венгровер, красавец и педагог, был совсем не тем человеком, за которого себя выдавал...

Маленький кабинет целиком был наполнен злобой. Она струилась в воздухе вместе с сизым табачным дымом, и, казалось, завесу эту можно было даже потрогать рукой...

Черт дернул Архипова завернуть в этот день на Пушкинскую. Главное, обидно – выйди он хотя бы минут на 10 раньше, ничего бы и не случилось. Сидел бы уже сейчас за столом, *гулял*, как все нормальные люди.

И вот на тебе – в свой профессиональный праздник, в День чекиста, вынужден теперь валандаться с каким-то воришкой.

Как нарочно, в дверь то и дело заглядывали сослуживцы, зазывали к себе – в соседних кабинетах разливали уже, под нехитрую общепитовскую закуску, хрустящую, только с мороза водку – в этот день начальство смотрело на все сквозь пальцы. От желания скорее присоединиться к товарищам Архипов торопился, заполнял протокол неровно, будто китайские иероглифы, прыгали по странице кривые строчки...

У человека, который сидел напротив, настроение тоже было не лучше. Так славно начинался день. Он

уже предвкушал, как завалится вечером в ресторан, обмоет очередную свою удачу. Как из душного зала выйдет на свежий воздух, повелительным жестом остановит такси...

Он помнил, как все произошло буквально по минутам. Помнил даже, как запел ключ, когда повернул он его в замке, как легко, без натуги открылась входная дверь.

– Извиняюсь, вы к кому? – сухонький старикашка, чертов общественник, будь воля, раздавил бы как козявку, вырос точно из-под земли.

Произошло это так неожиданно, что Борис на какую-то секунду даже опешил:

– Я... Это... Племянник хозяйки.

Старикашка понятливо кивнул. И вдруг заверещал, заорал благим матом. Откуда прыть взялась – мухой кинулся в парадное, выскочил на улицу. И тут, как на грех – агент угрозыска. Когда в лоб тебе смотрит вороненый наган, особо не побегаешь...

Глупо, очень глупо все получилось... И главное, никому от этой встречи лучше не стало: ни сыщику, ни вору...

Из обвинительного заключения по делу № 41870:

«Днем 20 декабря 1939 года при покушении на совершение кражи из квартиры № 2 дома № 26 по ул. Пушкина был задержан неизвестный, назвавшийся Митляевым Борисом Андреевичем, при личном обыске у которого было отобрано:

связка различных ключей в количестве 20 штук, нож перочинный и отвертка.

По проверке неизвестный, назвавшийся Митляевым, в действительности оказался Венгровером Борисом Рувимовичем, 1916 г. рожд., урож. г. Иркутска, в прошлом неоднократно судившимся и приводившимся

за кражи, разыскиваемый Темлагом НКВД за совершенный им побег из лагеря...»

Когда его вывели из камеры – это был совсем уже другой человек. За те сутки, что он провел во внутренней тюрьме на Петровке, Венгровер словно постарел лет на пять.

По паспорту ему было всего 24, но меньше 30 – по крайней мере сейчас – никто бы ему не дал. Зам. начальника 3-го отдела угро¹³ лейтенант Кириллович на всякий случай даже опустил глаза в документы: не напутал ли чего. Нет, все верно – 1916 года рождения. Значит, вот-вот будет 25.

– Присаживайтесь, – Кириллович обращался с подследственными исключительно корректно, без особой нужды рукоприкладства и грубости себе не позволял.

– Ну-с, Борис Рувимович, – он сразу взял с места в карьер, – поговорим, или по-прежнему будем придумываться?

Венгровер молчал, упершись глазами в пол, но следователю и не нужны были пока его ответы.

– Прежде чем я начну заполнять протокол, попытаюсь кое-что объяснить. Первое: никакой нужды называться чужими именами вам нет, вашу личность мы установили без труда – вот выписка из картотеки и дактокарта. Второе: взяли вас с поличным, при свидетелях, так что проблем с судом тоже не возникнет. Третье: кроме кражи, на вас висит еще и побег. То есть две статьи вам уже обеспечены, и теперь только от вашего усердия будет зависеть длина срока... Вопросы есть?

Венгровер помотал головой: вопросов нет. Все и без того понятно.

– Вот и отлично. Тогда приступим. Фамилия, имя отчество?

- Венгровер Борис Рувимович, - он уже почти смирился с судьбой, понял, что запыраться бессмысленно. С такими ребятами надо действовать по-другому: изображать максимальную искренность, а там, глядишь, что-нибудь и придумается: главное вступить в бой - учил Наполеон - потом видно будет.

Следователь заполнил установочную часть анкеты, перешел к конкретике:

- Когда начали воровать?

- Лет с десяти, после того как расстреляли отца.

- Расстреляли? - Кириллович удивился. - За политику?

- Какую, к черту, политику, - Венгровер развалился на стуле, затянулся предложенной сигаретой, стал рассказывать.

Родился он в Харбине. В 1919-м семья переехала в Иркутск. Отец, даром что еврей, был профессиональным уголовником. Поначалу промышлял квартирными кражами, потом - в разгар безвластия - переквалифицировался в грабителя. Поймали. В 1926-м по приговору иркутского суда вывели в расход.

Борису было тогда всего десять, но, видно, воровской дар так же передается по наследству, как музыкальный слух или умение рисовать. Уже через пару лет его знала в лицо вся иркутская милиция. Много раз Венгровера ловили, но до тех пор, пока не исполнилось ему шестнадцать, сделать с ним ничего не могли: советские законы - самые гуманные законы в мире. Под суд он пошел одновременно со своим совершеннолетием. Через полгода, правда, «по молодости» освободили. Оказалось, ненадолго.

После второго суда Борис понял, что в Иркутске ему спокойного житья больше не будет: местный угрозыск не спустит теперь с него глаз. Впрочем, он не сильно этим тяготился: маленький, провинциальный городок был тесен его неумемной энергии.

В поисках счастья Венгровер отправляется кочевать по стране. Несколько лет по подложным документам работает пионервожатым в жаркой Северной Осетии: к детям у него был настоящий талант и, наверное, если бы жизнь сложилась по-другому, вполне мог бы стать знаменитым педагогом, не хуже Макаренко¹⁴ или Сухомлинского¹⁵. Но нет – совсем иные лавры ждут его. Очередная поимка – теперь уже в славном городе Орджоникидзе. Из-под стражи скрылся, уехал в Ленинград, снова был пойман, осужден.

В 1937-м Венгровер бежит из иркутской колонии, не просидев и года из положенных трех. На этот раз путь его лежит в столицу: в самый красивый город страны, почти превращенный стараниями великого вождя в коммунистический город будущего.

Здесь есть все, о чем может только мечтать еврейский юноша из Сибири: широкие проспекты, мраморный метрополитен, гостеприимные рестораны, стройные, отзывчивые барышни. Стоит только захотеть – и беззаботный веселый круговорот затянет тебя в себя, ослепит огнями и блеском столового хрусталя.

Правда, особых знакомств в Москве у Венгровера не было, но, пораскинув мозгами, он вспомнил своего земляка – Изю Дворецкого, которого знал еще по иркутской школе. Этого оказалось вполне достаточно.

Изя жил почти как царь – в отдельной комнате в Останкино. Только-только НКВД арестовал его отца, бывшего политкаторжанина, и появлению старого знакомого он искренне обрадовался: ему нужно было забыться, прогнать от себя прочь гнетущую тоску. Именно такой человек, как Борис, – веселый, уверенный в себе – как никогда требовался ему сейчас.

Полтора месяца они жили вместе. Изя учился в институте прокуратуры: мнил себя будущим Вышинским. Венгровер – «работал» по специальности:

теперь-то он смог по-настоящему развернуться. Даже по сравнению с Ленинградом огромная Москва была настоящим «Клондайком», чего уж там говорить про захолустный Иркутск или знойный Орджоникидзе.

В 1937-м его задерживают, однако, пропилив решетку, он бежит из участка. Когда через пару месяцев его возьмут снова, только крупных краж из госучреждений на нем будет висеть без малого тридцать. Это за полгода!

Осенью 1938-го он возвращается обратно в Сибирь: правда, на этот раз домой мчит его не пассажирский экспресс, где предупредительные проводники разносят чай на бумажных салфетках, а зарешеченный вагон, прозванный еще с дореформенных времен «столыпинским».

Темлаг – так сокращенно называлось место, где Венгрову предстояло безрадостно провести ближайшие три года. Но вновь судьба улыбается ему. В марте 1939-го он совершает очередной побег. Возвращается в Москву.

Наверное, большинство на его месте постаралось бы забыть все пережитое, как страшный сон. Выправить документы на чужое имя, раствориться на бескрайних просторах страны.

В конце концов, он так молод – всего-то двадцать два, еще не поздно начать все сначала. Что он видел за свою короткую жизнь? Четыре суда. Четыре побега. Но нет – мещанское бытие не по нему. Постоянный риск, ежесекундное хождение по лезвию ножа – без всего этого Венгров уже не может: адреналин нужен ему, как инсулин – диабетiku. Даже не деньги – денег он наворовал уже столько, что хватит на три жизни: именно адреналин.

Это еще Пушкин устами Емельки Пугачева сказал: лучше тридцать лет пить кровь, чем триста лет питаться падалью.

**Из обвинительного заключения по делу
№ 41870:**

«Будучи допрошен, Венгровер показал, что (...) 16/III 1939 г. бежал из лагеря и, прибыв после этого в Москву, возобновил свою преступную деятельность и организовал шайку воров, в которую входили знакомые его по городу Иркутску – Дворецкий, Медведев и другие, совместно с ними совершил в Москве около 60-ти домовых краж. Похищенные вещи сбывались его друзьями Филлером и Дукарским в разные скупочные пункты, а также их знакомым на дому».

В середине 1939-го по Москве поползли слухи о появлении в городе какой-то невиданной банды квартирных воров. Люди стали бояться оставлять свои дома без присмотра, но все равно каждую неделю то на Петровке, то на Кировской случалась новая кража. Не помогали никакие, даже самые дорогие и хитроумные замки и засовы.

Сегодня, когда в одной только Москве ежедневно происходит несколько убийств, такое, возможно, покажется смешным, но в те годы все было иначе. Еще в 1937-м советская власть официально объявила о том, что с профессиональной преступностью покончено. Последние «урки» проходят «перековку» на Беломоро-Бал-тийском канале, а если и случается где-то кража – так это родимые пятна капитализма дают о себе знать или враги народа пытаются омрачить жизнь советских людей.

Москва должна была стать примером для всей страны, городом социализма – наподобие того, что много веков назад описал наивный мечтатель Кампанелла, и не предполагавший, что «святая инквизиция» рядом с НКВД – просто кружок любителей хорового пения. Посему борьба с преступностью была возведена в Союзе в ранг государственной задачи первостепенной важности.

За 101-й километр выселили весь подозрительный элемент. Ввели уголовную ответственность за тунеядство. Разгромили практически все известные притоны и «хазы».

Трудно, очень трудно стало жить «фартовым» людям в советской Москве. Даже в ресторацию теперь не закатаешься, с цыганами и девочками: всем известно, что добрая половина швейцаров и официантов – состоят на негласной службе в уголовке или в ЧК; будешь потом объясняться, откуда взял деньги на пропой души.

Но шайка Венгровера относилась к совершенно новой формации преступников. Она не признавала воровских законов, не соприкасалась с «блатарями», не посещала «малин».

Все, кто входил в нее, включая и Венгровера, для окружающих были самыми обычными молодыми людьми: отличниками учебы, комсомольцами (Изя Дворецкий даже готовился стать прокурором).

Они ходили в кино и на танцы, исправно платили взносы в ДОСАрм и МОПР, посещали собрания и диспуты. Никому и в голову не могло прийти, что эти – со всех сторон положительные ребята – в действительности и есть та самая шайка, которая добрых девять месяцев наводила ужас на московских обывателей. Шайка, не имеющая себе равных, ибо за недолгое свое существование успела совершить рекордное количество краж – как минимум шестьдесят две (больше доказать не удалось), на неслыханную по тем временам сумму – 385 тысяч рублей. (Для сравнения: средняя зарплата не превышала тогда тысячи, а десяти червонцев вполне хватало для лихого кутежа в ресторане.)

Собственно, по этой-то причине их так долго и не могли обезвредить: МУР был сориентирован на поиски профессиональных воров – вероятнее всего даже, заезжих гастролеров, – а злосчастные преступники тем

временем мирно сдавали зачеты и экзамены. Если бы не роковая случайность – оплошность Венгровера, – кто знает, сколько краж успели бы они еще совершить.

В шайку входило восемь человек. Практически все они были одноклассниками, двадцатилетними недорослями. Венгровер, которому в начале столичной «карьеры» исполнилось уже двадцать два, наверное, казался им стариком. И не только в силу возраста.

Опытный, битый вор, наделенный вдобавок недюжинным педагогическим талантом, он без труда сумел втянуть своих старых и новых приятелей в преступный омут.

Действовали обычно по одному и тому же сценарию: сначала «выпасали» приличную квартиру в центре. Потом Венгровер – один или с двумя подручными – подбирали ключи, благо отмычкой владел виртуозно. Похищенные вещи сдавали в скупки, продавали через знакомых.

При обысках, кстати, большинство украденного МУРовцы сумели отыскать. Преступники особо и не запирались. Да и как запирались, если все они (кроме, понятно, Венгровера) никогда раньше с угрозой не встречались.

Впрочем, и сам Венгровер, несмотря на весь свой тюремно-лагерный опыт, «поплыл» уже на второй день. Назвал поименно всех членов шайки, даже тех, кто лишь перепродавал украденное. А потом... Потом и вовсе сделал сенсационное – по-другому не назовешь – заявление.

Из показаний Бориса Венгровера в МУРе:

«Занимаясь кражами, я все краденые вещи приносил в квартиру к Дзержинским и хранил их здесь до сбыта. Дзержинская была в полном курсе дела. Я не скрывал от нее ничего. Она также хорошо знала, что вместе со мной занимался кражами и Дворецкий. Было два-три случая, что по моей просьбе Дзержинская

сбывала краденые вещи, она продавала дамские вещи. Я отдавал ей третью часть вырученных от продажи денег».

– Вы понимаете, что вы говорите? – следователь Кириллович даже покраснел от напряжения, а в голове сами собой заметались дурные мысли: если в деле появляются *такие* имена, из обычной уголовщины оно сразу превращается в политическое. Не сегодня-завтра им заинтересуются «старшие братья», а с этой организацией шутки плохи. За дискредитацию святого имени по головке никого не погладят: ни бандитов, ни сыщиков. Будешь потом, сидя в подвале, доказывать, что это не иностранная разведка приказала тебе облить грязью идеалы революции.

Уж как это делается, Кириллович, слава богу, знал отлично: сам не первый год на следственной работе. Десятки сотрудников московской милиции – от рядовых оперов до начальников, которые вдруг оказались шпионами, прошли перед его глазами, хотя и он, да и большинство в управлении – до сих пор не могли в это поверить. Каким, к чертям собачьим, шпионом мог быть легендарный матрос с Балт-флота Трепалов¹⁶ – первый начальник МУРа, если он лично разогнал знаменитую Хитровку и сам ездил брать вооруженных бандитов. Или – честнейший начальник московской милиции Вуль¹⁷, блестящий сыщик, которого взяли прямо во время командировки, а потом объявили, что он – то ли польский, то ли немецкий шпион.

Но Венгровера, похоже, такие мысли ничуть не заботили.

– Пишите, – с какой-то непонятной упертостью твердил он, – я за свои слова отвечаю. Пишите все...

Если бы арестанта Венгровера допрашивал не следователь МУРа, а человек с Лубянки, многие, очень многие вопросы были бы понятны нам без труда.

Следствие в НКВД велось исключительно по правилам, самим же НКВД и устанавливаемым, и ни одно «высочайшее» имя, без особого на то желания, в протоколе допроса появиться не могло.

Но нет, все описываемое нами происходило на Петровке – в неприметном трехэтажном особняке, где помещалась тогда рабоче-крестьянская милиция Москвы, а это почти со стопроцентной гарантией означает, что показаний против Дзержинской у Венгровера никто не выбивал. Его могли «колоть» на чужие преступления, требовать, чтобы он повесил на себя нераскрытые кражи. Но вот племянница Дзержинского – МУРовцам точно была не нужна. Скорее, наоборот: они предпочли бы, чтобы ее имя в деле никогда не всплывало.

Однако Венгровер так подробно и детально описывал свою связь с Ядвигой, что проигнорировать эти показания сыщики просто не могли. Они оказались в пиковой ситуации, и любой выход из нее ничего хорошего им не сулил. Неизвестно, где найдешь, где потеряешь: то ли убирать Дзержинскую из дела, то ли, напротив, нагнетать вокруг нее страсти.

Путь официальный оставлял хоть какую-то надежду на благополучный исход. В противном случае, милиционерам архисложно было бы объяснить, что заставило их покрывать преступницу, тем более что не один только Венгровер, но и все члены шайки давали на Дзержинскую прямые показания.

«Мне хорошо известно, что вещи прямо с краж очень часто завозились на квартиру Ядвиги Генриховны, где они хранились до сбыта их», – это из протокола допроса Израиля Дворецкого, того самого Дворецкого, ухажера Яди, который ввел когда-то Венгровера в семью Дзержинских. После побега Бориса из лагеря он совершил вместе с ним более десяти краж.

«Она, Ядвига Генриховна, конечно, прекрасно понимала, что кражами занимались я и Венгровер, а также Медведев и Эпш-тейн. И не только знала, а даже и поощряла их. Так, после первой кражи, в которой я участвовал и о которой рассказал ей, она восторженно хвалила меня, отзывалась обо мне, как о герое.

От Венгровера Ядвига Генриховна неоднократно получала порядочные суммы денег, при мне Венгровер часто давал ей рублей по 500».

«О том, что Ядвига Генриховна знала о преступной деятельности Бориса (Венгровера. – *Прим. авт.*), Дворецкого, Медведева и меня, – показал другой завсегдатай «салона» Дзержинских, Абрам Эпштейн, на счету у которого было 13 совместных с Венгровером краж, – я заключаю из того, что я с Борисом несколько раз заезжали к ней с чемоданами с вещами; что она получала от Бориса деньги, как, например, в начале июня 1939 года при мне 500 рублей и т. д.».

Но больше всех, конечно, старался Венгровер. От недавней любви не осталось уже и следа.

Он не только обвинял Дзержинскую в том, что она хранила на квартире краденые вещи, сбывала их в скупочные магазины и получала от бандитов деньги. Ядвига Генриховна, утверждал Венгровер, знала, что он бежал из лагеря, но тем не менее поселила у себя дома и даже благословила на преступление, которое пахло уже не пошлой уголовщиной, а настоящей политикой.

Оказывается, вор-рецидивист Венгровер выдавал себя за... племянника Дзержинского. Именно под этой легендарной фамилией осенью 1939 года он устроился работать физкультурником в 309-ю московскую школу, где быстро снискал себе популярность. Конечно, немалую роль в этом сыграл звездный отблеск фамилии, но не только он.

Борис Венгровер был в своем роде прообразом знаменитого Юрия Деточкина. Разница лишь в том, что Деточкин переводил ворованные деньги в детские дома. Венгровер же тратил их на своих учеников.

Уже после, на следствии, выяснится, что за неполных три месяца работы лже-Дзержинский израсходовал на «благотворительные цели» почти пятнадцать тысяч рублей – сумма по тем временам неслыханная.

Он уверял, что деньги эти выделяет спортобщество «Буревестник», и дирекция вполне ему верила. В самом деле, кому могла прийти в голову бредовая мысль, что новый физкультурник покупает для всех классов абонементы в бассейн или заказывает на праздничные вечера оркестры за свой счет? Он даже доплачивал премии другим учителям и нанял школе пианистку, которая очень удивилась потом, когда в спортобществе «Буревестник» узнала, что печать, стоявшая на заключенном с ней трудовом договоре, похищена из общества пару месяцев назад...

Каким образом Венгровер сумел назваться августейшим именем, так и останется загадкой. Следствие на этот вопрос ответить не смогло. Впрочем, с его незаурядными авантюристскими способностями можно было проделать и не такой трюк.

«В сентябре 1939 года, – показал на допросе в МУРе директор 309-й школы Панкратов, – из Куйбышевского РОНО мне позвонил по телефону зав. кадрами РОНО т. Филиппов и сказал мне, что в мое распоряжение на должность инструктора-преподавателя физкультуры направляется гр. Дзержинский Борис Андреевич, охарактеризовав его как молодого, хорошего преподавателя».

Что ж, не удивлюсь, если районный кадровик и слыхом об этом не слыхивал: спародировать голос по телефону – задача не из сложных. Куда сложнее было

бы выправить поддельные документы, но директор их и не спрашивал. Одного звонка и упоминания громкой фамилии для всех оказалось вполне достаточно – в лучших традициях Хлестакова.

Каждый раз, когда молодого физкультурника просили представить паспорт, диплом – хотя бы даже написать автобиографию – он отговаривался занятостью и торжественно обещал принести все завтра. Но на следующий день история повторялась.

Только в декабре – через три месяца после его появления в школе, – когда приехавшая на педсовет начальница РОНО потребовала, чтобы Дзержинский-Венгровер явился к ней со всеми документами в руках, – талантливый физкультурник понял, что мистификация затянулась. Больше в школе его никто не видел...

Но зачем ему нужно было все это представление? Никакой пользы Венгроверу оно не давало, наоборот – одни только расходы (15 тысяч деньги немалые, не один месяц можно было гулять по ресторанам).

Вариантов несколько. Венгроверу наверняка доставляло удовольствие ощущать себя наследником Дзержинского. Человек тщеславный, авантюрист, он любил быть в центре внимания, ловить восторженные взгляды, выслушивать всякого рода просьбы и мольбы, – а уж в кровавом молохе 1939-го просьб таких, без сомнения, звучало немало.

Он словно мстил своей неудавшейся судьбе, пытаясь хоть на время забыть о лагерях и побегах, о расстрелянном за бандитизм отце, о матери-киоскерше. Он придумал себе новую, красивую, как на экране «Ударника», жизнь и, зная даже, что рано или поздно вернется обратно на нары, жадно торопился насладиться ею, чтобы потом в промерзшем лагерном бараке снова и снова вспоминать минуты своего недолгого, но блистательного триумфа.

Да и педагогом он был действительно, что называется, от Бога. Единственное, может быть, что на самом деле радовало его, – это были дети, ведь недаром сказал главный детский писатель Гайдар: «Что такое счастье – каждый понимал по-своему».

Для одних – счастьем была карьера. Для других – женщины или водка. Для Венгровера же – не было большего счастья, чем наблюдать восторг и почитание в детских глазах, и от этого ощущения собственной силы он будто заряжался энергией: так мифический богатырь Антей набирался мощи от Земли.

Потому-то не жалел он собственных денег, тратил налево и направо. Потому-то пропадал в школе целыми днями, даже по выходным приходил на работу.

Венгровер настолько умел влюбить в себя окружающих, что и после ареста администрация школы, зная уже о том, что он сидит за решеткой, продолжала отзываться о нем исключительно в превосходных тонах. Это в эпоху-то, когда дети отрекались от родителей, а родители – от детей!

«За время своей работы Дзержинский проявил себя, как очень хороший работник, а также и человек. Он поставил физкультурную работу в школе на небывалую высоту, втянув всех детей заниматься физкультурой». (Из показаний завхоза 309-й школы И. Подольского.)

«На всем протяжении своей работы в школе, проявил себя, как замечательный физкультурник, завоевав большой авторитет не только у самих детей, но и у преподавателей и родителей. В результате школа по физкультуре завоевала большие достижения: по волейболу, плаванию, велосипедному спорту и другим видам спорта школа заняла первые места». (Из показаний директора школы П. Панкратова.)

Если не знать, что читаешь протоколы допроса, составленные в МУРе, не отличишь от праздничного адреса, словно речь идет не об арестованном

уголовнике, а о каком-то ударнике педагогического фронта...

И – снова: вопросы, вопросы, вопросы... Что заставило Ядвигу Дзержинскую – племянницу вождя, интеллигентную, в сущности, женщину, мать двоих детей, связаться с ворами и уголовниками?

Венгровер объясняет это с легкостью. Цитата из допроса: «Она заинтересована была в поддержании близкого знакомства с молодыми, красивыми, веселыми и культурными ребятами, каковыми являлись мы. Материальная сторона вопроса – было явлением второстепенным».

И тут же:

«Короткое время в текущем (т. е. в 1939-м. – *Прим. авт.*) году я состоял с Дзержинской в сожительстве. Кроме меня и Дворецкого, с нею сожительствовали также Эпштейн и Медведев».

Допрашивают Израиля Дворецкого. Он подтверждает:

«Лично я в конце 1939 г. краткое время сожительствовал с Ядвигой Генриховной, а впоследствии, как мне известно, в такой же связи с ней находились разное время Венгровер, Эпштейн, Медведев и Дукарский».

Число любовников Дзержинской растет в геометрической прогрессии. Только что их было четверо. Теперь уже пятеро: к этому славному ордену прибавился 20-летний Давид Дукарский, помощник мастера по ремонту счетных машин, через которого банда сбывала краденые вещи. Если учесть, что всего в шайке числилось восемь человек (по крайней мере, так решило милицеское следствие), через постель Дзержинской, оказывается, прошло больше даже половины. Ну да что мелочиться, чем масштабнее – тем лучше...

«Вообще о Ядвиге Генриховне я могу сказать, – добавляет Дворецкий, – что она женщина легкого поведения, склонна к половым извращениям и преступному авантюризму».

Бедная Ядвига Генриховна. Знала бы она заранее, с какой беззаботностью эти веселые, красивые мальчики, годящиеся ей в сыновья, станут перетряхивать ее постельное белье, может быть, вся судьба сложилась по-другому.

И в мыслях не держала она, что недавние ее молодые друзья предадут ее, ни секунды не колеблясь, даже для вида не попытаются изобразить благородство, и больше всех будет бесчинствовать тот, кто был особенно, по-настоящему дорог ей.

Видно, так уж было написано ей на роду: всю жизнь мужчины предавали и обманывали ее, и всякий раз она вновь вставала на прежние грабли...

Никакой нужды выдавать Ядвигу ни у Венгровера, ни у других арестантов не было. Ведь ни слова не сказал он о ней, когда его взяли в прошлый раз – в 1938-м, хотя к тому времени почти год уже пользовался ее благосклонностью и даже жил в гостеприимной квартире на Потаповском. Почему же тогда молчал, а теперь – на второй же день ареста – принялся вываливать всю подноготную, даже женскую честь не пощадил?

Снова читаем протокол допроса:

«Я тогда не выдал своих соучастников и не назвал имени Дзержинской, укрывавшей меня (...), по двум соображениям: во-первых, я не хотел усложнять дело с привлечением новых лиц, а во-вторых, я думал о побеге из лагеря и рассчитывал вернуться в Москву прямо к Дзержинским».

Прямо скажем, объяснение нелогичное. В 1938-м не хотел «привлекать новых лиц», а в 1939-м выдал всех семерых подельников наутро после ареста. В 1938-м

«думал о побеге», а теперь – не думает, хотя за спиной таких побегов уже набралось четыре штуки? Что-то мало похоже на правду.

Нет, причина явно в ином. Скорее всего, Венгровер хотел укрыться под сенью знаменитой фамилии. Он надеялся, что «легалы» не посмеют засадить за решетку наследницу «совести революции», хотя бы потому, что им не позволят этого сделать их старшие товарищи по НКВД, для которых одно только имя Дзержинского – как граница СССР – священо и неприкосновенно.

Венгровер рассчитал все правильно: ни у него самого, ни у его подельников в Москве никаких связей нет. Просто так никто помогать им не станет. Но втягивая Ядвигу в эту историю, превращая ее в свою сообщницу, он таким образом приводит в действие могущественные рычаги, которые – несомненно – бросятся на защиту человека из клана Дзержинских, а одновременно – вынуждены будут спасти и его.

Невозможно вытащить из дела одного подсудимого, не трогая другого. Тем более если этот другой не намерен молчать и на суде – будьте уверены – скажет все начистоту, терять ему нечего.

Это был циничный, звериный расчет, но другого выхода спастись Венгровер для себя не видел. 62 кражи, организация банды, побег из лагеря: в общей сложности – срок набегает приличный...

Впрочем, нет, был и еще один путь. Как и подобает человеку расчетливому, Венгровер не привык складывать вся яйца в одну корзину...

Следователь Кириллович никогда не встречал еще таких удивительных людей. Обычно всякую мелочь, копеечную кражу арестованным приходится вбивать чуть ли не кулаком, а тут – человек сам, одну за другой, вешает на себя новые статьи.

Сначала приплел племянницу Дзержинского. Потом – сдал всех своих подельников. А теперь и вовсе подводит себя под расстрел.

Чудны дела твои, Господи! Может, он, этот Венгровер, того? С головой не все в порядке? Да нет – по разговору, по манерам – вполне нормален, никаких отклонений нет.

Рука Кирилловича уже затекла от многочасовой писанины, в такт ей после вчерашнего (День чекиста как-никак, грех не погулять) гудела голова, но Венгровер и не думал останавливаться. Наконец следователь не выдержал.

– Видите ли, то, что вы сейчас рассказываете, в большей степени интересует не нас, а госбезопасность, – как можно осторожнее сказал он. – Чтобы не возникло лишних вопросов, изложите эти обстоятельства собственноручно.

Собственноручно так собственноручно. Венгровер взял протянутый лист бумаги, чернильницу. Криво вывел посреди страницы – «ЗОЯВЛЕНИЕ». Кириллович хмыкнул, увидев это – «зОявление», но вслух ничего не сказал: не всем же быть академиками...

Это «зоявление» на имя начальника МУРа настолько красноречиво и увлекательно, что я позволю себе привести его практически целиком, сохраняя орфографию и пунктуацию документа.

Из «заявления» Б. Венгровера на имя начальника МУРа:

«...по пребыве в лагер уминя бил вивех левий руку я был доставлен в ИТЛ там я обратил внимание на доктара который комне очен хорошо относился и очен интересовался моэй автобиографиие несколка раз он меня спрашивал о меня и омоэм отэс и братьи.

Первая время я думал, что он проста болен педоростией, но потом он миня устроел в КВЧ (Культурно-воспитательная часть. – *Прим. авт.*)

разносит книги он часто спрашивал хотел бы я сейчас бит на воле я часта говарил что я одал бы за это 20 лет жизни он спрашивал а куда бы я поехал я говорил что кроме Москвы я никуда бы не поехал.

И как то раз он мне сказал что я поеду на лесозаводской лек-пунт и пожилал мне чесливой дороге Я ничего не понимал да тех пор пока миня нипосадили бесконвойную теплушку А там я доехал до станции Потьма и бил насвободе.

На станции ко мне подошел незнакомый человек и стал ин ти-рисоваться куда я еду я сказал что я вивехнул руку и еду в Москву к тетку но уминя вытащили деньги он сказал что если я одам иму в Москве то он мне их даст Я очен обрадовался этому но в Москве он сам от миня отстал сам низнал почему но я иму дал свой адрис на Дзержинскую Ядвигу Генриховну.

Как я приехал то я остановился у Дзержинской Яди так как бил болшим ихним приятель.

Через несколько времени к Яди позвонили и попросили миня я подошел к телефону со мной разговарива какойта низнакомой голос Я нимного испугался но он сказал что это тот который одолжил мне денек и очен просил их одат иму Мы назначили и Кировских ворот я пошел туда сийчаже но комне подошел совсем другой человек он сказал что он миня очен хорошо знаит и что им надо сомнойпоговорить и сетова дня я стл работать позоданию этого человека который мне давал в игопоручение была несколько краж от ветственных лиц и установка была главное похизщать документы»¹⁸.

Итак – в деле появляется новый неожиданный поворот. Венг-ровер не только главарь самой громкой столичной шайки. Не только любовник Ядвиги Дзержинской. Не только самозванный племянник

«железного Феликса». Теперь он еще – и шпион, наймит вражеской разведки, ведь кому еще, кроме как шпионам, нужно похищать документы у «ответственных лиц».

В тот же день – 21 декабря – на допросе Венгровер подробно описывает свою шпионскую одиссею, не щадя ни красок, ни себя самого.

Он говорит, что еще в вагоне поезда по пути из лагеря уверил своего таинственного спасителя, что доводится племянником самому Дзержинскому. Что связник, с которым встретился полутора неделями позже на Мясницкой, сразу же взял быка за рога и пригрозил: если не станешь оказывать нам деликатные услуги, дело кончится плохо. Советская власть побегов из лагерей не прощает.

«Я интересовался, что от меня нужно. Он сказал, что надо будет лазить не в первую попавшуюся квартиру, а надо будет выбирать места для краж и что его интересуют документы (...) ответственных лиц и их личная переписка».

Дальше история в изложении Венгровера принимает совсем уж фантастический характер. Никаких адресов, где следует совершать кражи, связник почему-то ему не оставляет. Тем не менее Венгровер судорожно принимается воровать какие-то документы (непонятно у кого и непонятно для чего) – и при следующей встрече передает врагу «3 паспорта, разные справки и письма».

Тот, удовлетворившись добычей (шпионы, как известно, вообще неприхотливы и довольствуются любой мелочью), дает Венгроверу новое задание: влезть в квартиру некоего инженера (надо думать, засекреченного) на Сретенском бульваре, вытащить все документы и устроить там беспорядок.

«Шпионский наймит» справляется и с этой задачей. Сверток с документами переходит в руки к врагу, а

Венгровер получает очередной приказ: теперь ему надлежит жениться «для ведения нормальной жизни».

Как и положено в разведках, кандидатура жены выбрана уже заранее, Венгроверу остается лишь приехать в подмосковный Вос-кресенск, разыскать какого-то Николая Казакова и спросить: продаются ли у вас щенки (хорошо еще, не славянский шкаф). Все остальное – сделает Николай.

И верно: тот незамедлительно знакомит Венгровера с секретарем воскресенского химзавода Конюшовой Клавдией, и по путевкам, подаренным заботливым шпионом, молодые отправляются на отдых в Крым, а вскоре официально оформляют свои отношения.

Живут они в квартире ответственного работника Львовского – ясное дело, квартирку подобрал опять же шпион. И в 309-ю школу определил его работать тоже он, а заодно потребовал, чтобы Венгровер исправно делал фотографии учителей и ребят. Нетрудно догадаться зачем: в этой школе учились дочь Сталина Светлана, дочь наркоминдела Литвинова¹⁹. Об этом, правда, Венгровер в «зоявлении» благоразумно умалчивает (даже у безрассудства есть пределы), но для всевидящего НКВД тайн не существует...

Свою исповедь Венгровер завершил описанием примет связника:

«среднего роста, лет ему 30–36, брюнет, лицо средней полноты, без усов и бороды, говорит чисто, по-видимому русский, хотя он говорил, что является латышом. Одевался всегда хорошо. Носит – синий костюм, сорочка с галстуком, имеет черное демисезонное пальто, на голове – кепи».

Как тут не припомнить бессмертный диалог вдовы Грицацук-вой и репортера Персицкого:

«– А может, вы вспомните, товарищ? В желтых ботинках.

– Я сам в желтых ботинках. В Москве еще двести тысяч человек в желтых ботинках ходят».

И еще одно художественное произведение предвоенной поры волей-неволей приходит не ум. По своей известности, конечно, оно не в силах тягаться с романом Ильфа и Петрова, однако Венгровер, без сомнения, был с ним знаком.

Стою я раз на стреме, держуся за наган,

И тут ко мне подходит не знакомый мне граждан...

Далее эта популярнейшая в воровской среде песня повествует о том, как «незнакомый граждан» пытался совратить честного блатаря с истинного пути, всучивал деньги «и жемчуга стакан, чтоб я ему разведать советского завода план», но «советская малина врагу сказала нет» и сдала его «властям НКВД».

Не сей ли шедевр тюремной лирики и подтолкнул Венгровера к мысли изменить свое амплуа – «окраску», как говорят «деловые»? Перевоплотиться из обычного уголовника в шпиона, дабы, теперь уж наверняка – вручить свою судьбу вместе с судьбой Ядвиги Дзержинской – в руки госбезопасности?

Никакого иного объяснения, увы, неожиданным «признаниям» Венгровера найти мы не можем, ведь, как уже говорилось выше, меньше всех в «политическом» повороте дела были заинтересованы муровцы. А это значит, что решение «стать» шпионом наш герой принимал самостоятельно.

Наверное, это был первый и единственный за все сталинские годы случай, когда кто-либо захотел «переиграть» НКВД, добровольно бросаясь в лубянское пекло.

Любые «игры» с этим ведомством заканчивались печально – это понимала вся страна, – и только такой бесшабашный авантюрист, как Венгровер, смог отважиться на такую рискованную комбинацию...

Сов. секретно Спецсообщение

«31 декабря 1939 г. № 604550 Разослать: тов. Берия тов. Меркулову тов. Федотову²⁰

В гор. Москве 20 декабря с. г. ликвидирована шайка воров-взломщиков в числе 8 человек, возглавляемая неоднократно судившимся и бежавшим из лагеря редидивистом Венгровер Борисом Рувимовичем, 1926 года рожд.

Шайкой совершено в Москве до 60 квалифицированных квартирных краж, преимущественно у ответственных работников. Обысками отобрано много носильных вещей и ценностей.

Члены воровской шайки поддерживали тесную связь с гр. Дзержинской Ядвигой Генриховной, 38 лет, б/п, пенсионеркой, являющейся племянницей тов. Феликса Эдмундовича Дзержинского, которая сожительствовала с 4-мя ворами, была осведомлена о их преступной деятельности, хранила и лично сбывала краденые вещи.

Расследование проводит ОУР УРКМ гор. Москвы
Начальник ГУРКМ НКВД СССР
майор Зуев²¹».

31 декабря – то есть спустя 11 дней после ареста Венгровера – на Петровке принимают решение об аресте Ядвиги Дзержинской.

С точки зрения закона, оснований для этого у следствия накопилось с избытком. С политической же – никакой критики действия муровцев не выдерживают.

Глупые сыскари! Привыкшие иметь дело с жуликами и бандитами, поднаторевшие в дебрях уголовного кодекса, они были совершенными детьми в вопросах тайной политики и дворцовых интриг.

Можно было быть хоть тысячу раз преступником, нарушить все без исключения статьи УК, но если ты относишься к касте неприкасаемых,ходишь в обойму

власть предержащих, все эти статьи и законы не стоят ни гроша, ибо не они определяют твою судьбу. Воля вождя, воля ареопага – сталинского Политбюро – вот главный закон страны, и до тех пор, пока император не повернет вниз большой палец, ты можешь ничего не опасаться. А повернет: никакой разницы нет – виноват или нет. Был бы человек, а статья найдется; обвинили ведь Пятакова²² в том, что он тайно летал в Норвегию встречаться с иностранной разведкой, хотя ни один советский самолет в эти годы норвежскую границу не пересекал... Иностранцы, правда, подняли скандал, все буржуазные газеты поставили под сомнение суд и следствие – а толку? Расстреляли как миленького и отчества не спросили...

Для того чтобы бросить в темницу племянницу Феликса, мало было доказать ее связь с бандой Венгровера. Куда важнее было получить на это санкцию, *отмашку*, а коли дело касалось такой фамилии, дать ее должен был как минимум сам нарком. Да и тот вряд ли решился бы брать на себя ответственность в одиночку: Чека – вооруженный отряд партии, это еще задолго до Берия придумали...

Напрасно корпел пом. начальника МУРа Никульшин над «стражным» постановлением. И хотя подмахнули его и начальник МУРа, и начальник всей московской рабоче-крестьянской милиции товарищ Романченко, главный автограф так и не был получен.

Верхний левый угол, где заглавными буквами крупно было набрано «САНКЦИОНИРУЮ», а ниже – чернели титулы того, кто одним своим росчерком пера карал и миловал – «Зам. наркома внутренних дел СССР, комиссар госбезопасности 3 ранга» – этот угол так и остался девственно чистым. Зам. наркома Меркулов²³ документ этот – один из немногих; обычно подмахивал

бумаги десятками, жизнь человека обесценилась до гроша – подписывать не стал.

Высочайшей милостью Ядвиге Дзержинской было даровано еще целых три месяца свободы...

Весть об аресте «мальчиков» оглушила Ядвигу. Первый день она вообще не выходила из дому, мучилась. Самые страшные картины возникали в ее воображении, и лишь на другое утро она взяла себя в руки.

Отныне все ее помыслы были с ними – «невинными» жертвами чьей-то преступной ошибки.

– Конечно же, это ошибка, – успокаивала она своих дочерей, а вместе с ними и саму себя. – Разберутся. Отпустят...

То ли по простоте душевной, то ли из-за вечной своей инфантильности Ядвига и представить себе не могла, какие тучи сгустились над ее головой, что занесен уже над ней карающий и обоюдоострый меч революции, выкованный когда-то ее железным дядей.

И уж тем более и в мыслях не держала она, что «несчастные мальчики», за которых она так переживает, наперебой соревнуются сейчас в злословии, стараясь как можно глубже утопить ее, утащить за собой в трясину... И в первую голову – тот самый Борис. Ее Борис...

А она – наивная – в это время не спала ночей, думала о нем. Гигантская, необъятная волна нежности и тоски накрывала Ядвигу с головой, и тогда она была готова на любое безрассудство, лишь бы хоть как-то уменьшить его страдания.

«Борик, если у тебя будет побег, будь очень осторожен – у тебя много врагов. Умоляю – берегись, – писала ему Ядвига в тюрьму. – Разве ты хочешь бежать до суда? По-моему, уж лучше после».

Эти записки Венгрову носила его жена Клавдия – из простых, но женщина хорошая. В другое время

Ядвига вряд ли стала бы с ней знаться, но теперь общее горе настолько объединило их, что о ревности никто и не помышлял: для ревности в их сердцах просто не осталось места. И все равно нет-нет да всколыхнется у Ядвиги где-то в глубине души холодок зависти. Кто она и кто эта девчонка-секретутка, не прожившая с Борисом и полгода?

У нее, Ядвиги, прав на Бориса – со всех сторон – неизмеримо больше, а у Клавдии нет ничего, кроме лилового штампа в паспорте, отметки о регистрации брака, однако штамп этот – чистая условность – дает ей то, о чем Ядвига не в силах и мечтать: не частые и оттого такие желанные свидания с *НИМ*.

Все, что остается Ядвиге, – убористым почерком писать записки, которые она вшивает в воротнички маек, помнящих еще мужской запах своего хозяина: эти майки Клавдия передает мужу при свиданиях...

Если бы Ядвига знала, что Борис одинаково беспощадно расправляется как с ней, так и с Клавдией – ее-то обвиняет только в соучастии и торговле краденым, а законную свою молодую жену и вовсе подводит под шпионаж, – может быть, тогда ей было бы легче; уж по крайней мере не ощущала бы она превосходства Клавдии...

Но нет, по-прежнему она убеждена в честности и чистоте того, кому поверила свою последнюю любовь. Ради кого продолжает рисковать собой, своими детьми, своим положением в обществе, наконец.

Хоть как-то, через куцые записочки, – Ядвига пытается подбодрить Бориса, окрылить его, уверить, что на воле любят его и ждут; это единственное, что сейчас в ее силах. И невдомек ни ей, ни Клавдии, что их «нелегальный» канал связи с Венгровером с самого первого дня находится под колпаком МУРа и все их нежные послания – «малявы» – почти одновременно с Борисом читают «опера»: и не только милицейские...

Из тайных писем Ядвиги Дзержинской к Борису Венгрову:

«Дорогой, растеряны, как случилось. В. (Очевидно, Виктор Медведев. – *Прим. авт.*) пишет, что ему будет год – приписывают 60 дел.

Паника в районе. Меня здорово теребили телефоном. Приходили к маме, ее не было, говорили с соседями. Очень следят, поэтому не могу передачи. (...)

Если уйдешь – будь очень осторожен с телефоном в этом районе. Очень много всяких разговоров, больше, чем можно думать. Главное, ужасно то, что почти все знают и это дело обсуждают. Но ничего. Будь, дорогой, мужествен, не падай духом». (Письмо, переданное 7 февраля 1940 г.).

«У меня неприятности все время из-за того, что ты был под фамилией (имеется в виду – выдавал себя за Дзержинского. – *Прим. авт.*). Девочки имели неприятный разговор на работе, приходили к матери, о нас собирают со всех концов сведения. Следят не только за квартирой, но даже за телефоном.

Вообрази, какое настроение?! Главное, боюсь, чтобы девчата мои из-за этого не пострадали. И еще мне ужасно обидно за Изю (Дворецкого. – *Прим. авт.*). Я всегда к нему хорошо относилась, а он на допросе меня впутывал. Потом еще узнала, что в свое время Изя говорил обо мне с подробностями, что я живу со всеми, что, дескать, чуть ли порядочным девушкам не место в моем доме. Это убеждает меня, что никто оценить по-настоящему хорошее отношение не умеет. Стыдно Изе. Ну бог с ним. Он теперь в беде, и мне хочется очень, чтобы все кончилось у всех скорее и как можно лучше.

Суд хотят сделать показательным. Ужасно волнуюсь за вас, дорогие. Боренька, выкручивайся, не бери на себя лишнее.

Боренька, я верю, что ты честный и что ты продаться никогда бы не мог! Все враки». (Письмо,

переданное 15 марта 1940 г.).

– Товарищ комиссар, по вашему приказанию...

Федотов²⁴ оборвал вошедшего на полуслове, махнул рукой: не любил уставщины. НКВД, конечно, организация военная, только превращать Лубянку в казарму совсем ни к чему.

– Садись...

Канер, начальник 12-го отделения²⁵, скромно примостился на краешек стула, приготовился внимать.

– Что там с делом Ядвиги Дзержинской? Выяснили? – Федотов снял очки, устало потер переносицу: этот его жест в контрразведке уже изучили. Он означал, что комиссар испытывает в крайней степени озабоченность.

– Выяснил, да, – Канер, словно чувствовал, зачем его вызывает начальник контрразведки, специально перед уходом еще раз просмотрел все документы.

– Значит, ситуация там такая. МУР разоблачил группу воров-студентов. На них – более 60-ти квартирных краж. Привлечено восемь человек, в том числе и главарь – некто Венгровер. Это опытный рецидивист, неоднократно судим, до ареста находился в розыске за побег из лагеря... На другой день после ареста он инициативно дал показания, что побег был организован неизвестными ему людьми, которые в дальнейшем использовали его для хищений документов и переписки, представляющих интерес с точки зрения шпионажа...

Лицо Федотова не выражало никаких эмоций. Со стороны могло показаться, что он вообще не слушает доклад, мысленно находится где-то далеко, но внешнее впечатление было обманчиво: на самом деле комиссар не пропускал ни единого слова...

– Одновременно Венгровер показал, что в ходе предыдущих арестов он скрывал свою связь с Ядвигой Генриховной Дзержинской. Это дочь Ядвиги

Эдмундовны – родной сестры Феликса Эдмундовича, – на всякий случай уточнил Канер.

Федотов кивнул: родословную основателя ВЧК он знал отменно: когда зачисляли в органы, Феликс был еще жив. Правда, и помыслить тогда Федотов не смел, что пройдет совсем немного времени, и судьба клана Дзержинских окажется в его руках: 20 лет назад Дзержинский был для него, скромного сотрудника Грозненской ЧК, величиной недосягаемой, чем-то вроде наместника Божьего на земле.

– И в чем же заключалась эта связь Дзержинской с бандитами? – Федотов читал подробное спецсообщение, присланное начальником ГУРКМ, но любым бумажкам предпочитал живой рассказ. «Как только документы начинают заменять собой человеческую речь, – учил он подчиненных, – контрразведке приходит конец».

– Проще сказать, в чем она не заключалась, – Канер позволил себе улыбнуться. – Во-первых, она полностью была в курсе преступной деятельности Венгровера, знала, что он бежал из лагеря, но укрывала у себя. Во-вторых, – вслед за большим он загнул указательный палец, – квартира ее была превращена в форменный притон, после грабежей бандиты приносили туда украденные вещи. В-третьих, Дзержинская помогала им сбывать награбленное, получала от них деньги... Есть и обстоятельства, скажем так, пикантного свойства... – Канер осклабился: – Венгровер находился с ней в интимной связи. И не он один – всего она сожительствовала с пятью бандитами...

– Однако, – Федотов покачал головой. На столе перед ним лежала фотокарточка Ядви́ги: немолодая уже женщина со смазанными, расплывшимися чертами лица. Что они в ней, интересно, нашли? Впрочем, о вкусах не спорят...

– Да. Кроме того, Венгровер по подложным документам устроился в 309-ю школу физкультурником,

выдавая себя за племянника Дзержинского. Она прекрасно была об этом осведомлена. Уже после ареста МУР взял под контроль нелегальный канал переписки между задержанными и Дзержинской: в письмах она подстрекает их к обману следствия, уговаривает совершить побег...

- Ошибки здесь быть не может?

- Товарищ комиссар... - Канер даже обиделся...

- Ну хорошо, хорошо... А что касается шпионского следа?

- Вот это как раз очень странно. Совместно с третьим отделом мы перепроверили показания Венгровера. Ни один факт не подтвердился... Адреса, в которых он якобы совершал кражи документов, тоже оказались «липой». Я передопросил Венгровера. Он был вынужден признать, что все это придумал с тем, чтобы его привлекли к розыску неизвестного шпиона и тогда бы он смог сбежать.

- Странный малый, - Федотов на секунду даже лишился обычной своей невозмутимости.

- Да, это авантюрист высшей пробы. Я не удивляюсь, что он сумел опутать Дзержинскую.

- Что-то еще у нас на нее есть?

- Есть кое-что, - Канер вновь мысленно оценил свою предусмотрительность. - Еще в 1937 году в приемную приходила одна гражданка - тетка ее бывшего мужа. Принесла заявление, что Дзержинская вместе со своей матерью ведет контрреволюционные беседы, клеветает на советскую власть. Никаких мер тогда принято не было.

- А где эта тетка сегодня?

- Мы ее нашли, передопросили. Свое заявление она полностью подтвердила... Показала даже, будто у Ядвиги в Польше живет сводный брат. Офицер, правая рука Пилсудского...

Канер замолчал в ожидании новых вопросов, но Федотов, кажется, вполне удовлетворил уже свое любопытство. На мгновение в кабинете повисла тишина, и лишь из-за окна доносился уличный гул.

– Хорошо, – начальник контрразведки привстал, давая понять, что разговор окончен. – Все, о чем сейчас рассказали, изложите в рапорте на мое имя... Думаю, Дзержинскую нам придется «брать».

Из рапорта и. о. начальника 12-го отделения 2-го отдела ГУГБ лейтенанта Канера:

«По материалам дела и показаниям арестованных устанавливается, что до момента ареста Венгровера и др. дочери ее (Я. Г. Дзержинской. – *Прим. авт.*) не знали о том, что они воры. Не знала об этом также и жена Венгровера – Конюшова Клавдия, член ВЛКСМ, с которой Венгровер познакомился и жил, как Б. А. Дзержинский.

Следственное дело закончено. Всем арестованным предъявлено обвинение по ст. 162 УК РСФСР и объявлено об окончании следствия.

Я. Г. Дзержинская по делу не привлекалась и не допрашивалась, но в материалах дела фигурирует и полностью изобличается.

ОУР УРКМ гор. Москвы **ожидает наших указаний о дальнейшем направлении этого дела** (Выделено мной. – *Прим. авт.*). Срок следствия продлен прокурором до 10-го апреля».

3 апреля 1940 года.

Весна в том году выдалась ранняя.

Уже всю галдели на бульварах грачи. Серые московские утки плавали вдоль Патриарших и Чистых прудов, кричали, выклянчивая хлеб, а бойкие цветочники торговали уже у метро первыми подмосковными тюльпанами.

Город просыпался от зимнего тягостного сна...

Это была первая зима военного времени. И хотя бои шли еще за тысячу километров от столицы – в холодной, далекой Финляндии, – суровое дыхание войны доносилось уже до Москвы.

Москвичи впервые узнали, что такое затемнение. С приходом вечера город погружался теперь во мрак, и лишь трамваи – маленькими светлячками – разреживали тревожную черноту.

Может быть, потому-то та весна – весна 1940-го – была особенно желанна, и снятое с ее приходом затемнение словно извещало о том, что всем тревогам и страхам приходит конец. На смену зиме и войне приходила счастливая, мирная жизнь, и от осознания этого – от веры в непобедимость и непогрешимость своей отчизны – на душе становилось покойно и радостно и хотелось дышать полной грудью, вбирая в себе запах свежести и весеннего солнца.

Только не для всех эта весна была одинаково счастливой...

...Под вечер в квартиру постучали.

– Кто? – Ядвига только что вышла из ванной, обернула голову вафельным полотенцем.

– Телеграмма...

Поворот ключа – и в тесную прихожую бесцеремонно ворвались люди с краповыми петлицами, за их спинами смущенно топтался дворник.

– Дзержинская Ядвига Генриховна?

Она молча, не веря еще в происходящее, кивнула.

– НКВД. Вот ордер – на обыск и ваш арест.

Кованые сапоги бесцеремонно застучали по паркету.

На какое-то мгновение Ядвиге показалось, что это лишь сон, дурной кошмар. Она даже прикрыла глаза – так страусы в минуты опасности закапывают голову в песок. Но нет, ночной кошмар не исчез...

Девочки в ужасе прижались к ней. Ядвига успокаивала их как могла, а в голове между тем часовыми молоточками бились мысли одна страшнее другой.

Даже при всей своей инфантильности она понимала: коли за ней пришли, «отмашка» получена на самом верху. Без дозволения свыше – забрать человека с ее фамилией никто не посмеет, но если уж забрали – все. В лучшем случае – лагерь. В худшем – расстрел...

Обыск закончили только под утро. Уже начинало светать, когда Ядвигу вывели из подъезда, посадили в «воронок».

Странное дело: она никогда не любила свой дом – конструктивистскую коробку, наследие пролетарского аскетизма эпохи 1920-х, – но в эти минуты таким близким и родным показался он ей. И козырьки у подъездов. И антенны, частоколом торчащие на крыше. И постамент посреди двора, где собирались когда-то водрузить чей-то памятник, но ограничились в итоге обычной клумбой.

Неужели она видит это все в последний раз?

И эти доходные, роскошные дома – в Кривоколенном, в Банковском? И известный всей Москве чайный магазин, выстроенный в стиле буддистской пагоды бывшим его владельцем, фабрикантом Высоцким?

Она мысленно прощалась со всем, что видела сейчас из окна «воронка»...

Вот показалось уже и знаменитое здание желтого цвета – бывшее страховое общество «Якорь», о котором несознательные москвичи грустно шутили: на смену Госстраху пришел Госужас.

Давно, очень давно Ядвиге не доводилось бывать в этом доме. Последний раз – лет пятнадцать назад, а то и больше.

Вспомнился просторный кабинет на третьем этаже. Причудливый фонтан, который любила она разглядывать из окна...

Всего пятнадцать лет, а кажется, будто прошла целая эпоха. Из тех, кто работал здесь во времена ее дяди, в живых почти никого сейчас уже не осталось. В его кабинете заседает теперь невзрачный человек в зловещем пенсне.

Улица Дзержинского – прочитала она вывеску на углу и невольно – против желания даже – усмехнулась. Вот уж воистину: большей насмешки трудно было бы придумать...

И лишь, когда захлопнулись за спиной ворота, когда бесцеремонные руки принялись ощупывать ее, без стеснения шарить по всему телу, – только тогда окончательно поняла, осознала Ядвига: всей ее жизни наступил конец.

Липкая волна ужаса накрыла ее, и она, не стесняясь уже, зарыдала в голос...

Зам. нач. 1 спецотдела НКВД СССР Капитану госуд. безопасности тов. Герцовскому

«Направляем на хранение в фонде Ф. Э. Дзержинского следующие материалы:

1) Евангелие на польском языке (книга, которая была ему разрешена для чтения, в бытность его в московской тюрьме в 1916 г; с этой книгой он вышел из тюрьмы в феврале 1917 г.).

2) Копия его тюремного дневника на 83-х листах.

3) Пять портретов, исполненных карандашом.

4) Брошюра и журнал на польском языке.

5) Одна собственноручная записка на польском языке 1923 г.

6) 11 фотографий Ф. Э. Дзержинского

7) Мандат члена ВЦИК 1-го созыва 1917 года.

8) 19 фотографий отца, матери, братьев, сестры Ф. Э. Дзержинского и местностей, где он жил в детстве.

9) Кортик и кинжал с приклеенными записками.

Зам. нач. 2 отдела ГУГБ НКВД майор госуд. безопасности Илюшин и. о. нач. 12 отд. 2 отдела ГУГБ НКВД лейтенант госуд. безопасности Канер».

Теперь этих казематов больше не существует. Их перестроили еще в 1950-е, подчиняясь партийной воле.

Уже полвека здесь не слышно стонов и криков. Не звенят больше ключами надзиратели-цирики; не выводят арестованных на допросы.

Если бы стены могли говорить – сколько всего сумели они поведать. Тысячи людей – недавних наркомов, генералов, известных всей стране партийцев – прошли через страшный лубянский конвейер.

Но нет: молчат старинные, метровой толщины стены. А может быть, их просто не слышно. Может, их заглушает мерное звяканье тарелок и сковородок, аппетитное шипение борщей и похлебок, ведь на месте внутренней тюрьмы НКВД – страшного чистилища сталинских лет – находится теперь столовая для офицеров ФСБ. Более причудливую преемственность поколений трудно себе вообразить...

Из окон лубянского здания бывшая тюрьма – точнее, то, что от нее осталось, – видна как на ладони. Окруженная каменным мешком Лубянки, даже сегодня она смотрится зловеще и жутко...

Именно сюда – во внутреннюю тюрьму НКВД – и была доставлена ранним утром 28 апреля бывшая пенсионерка союзного значения Ядвига Дзержинская, а ныне – заключенная № 30. Под таким шифром будет значиться она теперь в секретных бумагах НКВД. Этакая «Железная маска», ведь одно только упоминание фамилии новой «постоялицы» тюрьмы – само по себе пахнет антисоветчиной...

...На допрос ее вызвали в первый же день.

Следователей было двое. Один – немолод: Ядвига почему-то подумала, что он похож на чеховского

доктора Астрова – умные глаза за очками в толстой оправе, старомодные усы. Второй – помоложе.

«Астров» (так она окрестила его для себя), по всему видно, был крупный чин. Тот, второй, держался с ним крайне предупредительно.

Он был в штатском, и ни звания, ни имени его Ядвига не знала. А узнай – наверняка удивилась бы: ведь допрашивал ее ни много ни мало – сам начальник советской контрразведки комиссар госбезопасности 3 ранга Федотов. Его подручным был лейтенант госбезопасности Канер.

С чего бы такая честь? Пусть даже Дзержинская и была связана с самой громкой бандой Москвы – этого все равно недостаточно для того, чтобы делом ее заинтересовалась фигура такого масштаба. А ведь Федотов одновременно возглавлял еще и секретно-политический отдел НКВД, сиречь отвечал за все тайные операции Лубянки!

Нет, причина явно заключалась не в этой злосчастной банде. Собственно госбезопасности не было до нее никакого дела. Контрразведке не пристало мараться с урками, грязную работу пускай выполняют «младшие братья» – доблестная рабоче-крестьянская милиция.

Впрочем, не будем забегать вперед. Кажется, мы знаем ответ на этот, да и на многие другие вопросы, но всему свое время...

Ласковое весеннее солнце заглядывало в мрачный кабинет, веселые зайчики прыгали по казенной желтого дерева мебели. За окном была весна – не для нее, для других – и от осознания этого было Ядвиге особенно тяжело.

Стрелка старинных напольных часов подошла к часу. Выходит, еще и суток не прошло с тех пор, как началась ее новая жизнь...

– Когда и где вы родились и как ваша настоящая фамилия? – первый вопрос задал молодой.

– Родилась в 1900 году, в городе Вильно, фамилия моя – Дзержинская.

«Астров» усмехнулся:

– И вы всегда носили эту фамилию?

– Нет, эта фамилия у меня с 31-го года.

– А раньше? – он вопросительно наклонил голову.

– Раньше – Лашкевич, по первому мужу.

«Астров» не унимался:

– А по отцу как ваша фамилия?

– У меня нет отца, я дочь матери, – фраза эта прозвучала как-то напыщенно, Ядвига сама это поняла.

– Позвольте, – «Астров» говорил мягко, точно врач, увещающий больного, – у всякого человека должен быть отец. Так как его звали?

– Генрих Гедройц, – выдавила Ядвига через силу.

– Он был князем? – это спросил уже молодой.

Откуда они знают об этом? Значит, давно приглядывали, «пасли», но кто, кто донес? Кто-то из своих, больше некому; о семейных преданиях посторонним она не рассказывала...

(О «княжеском происхождении» донесла тетка ее бывшего мужа – гражданка Павлова. Догадалась ли Ядвига об этом? Если и догадалась – вряд ли это стало бы для нее ударом: ее предавали все, со всех сторон...)

Ответ она попыталась сформулировать как можно более уклончиво:

– Я не знала его никогда, может быть, был князем. Я жила с матерью.

Кажется, любопытство чекистов удовлетворено. От тайны рождения они переходят к вещам более прозаическим: просят перечислять всех бывших мужей. Затем переходят к главному (хотя к главному ли?).

– Кто в 1939-м году были постоянными посетителями вашей квартиры?

– Была компания молодежи.
– Была, – «Астров» ехидно усмехается. – А теперь где эта компания?

– Села... Арестована МУРом.

– За что?

– Не знаю, – Ядвига опускает глаза в пол, потом скороговоркой выпаливает, точно оправдывается: – Они были хорошие молодые люди, приходили в гости к дочерям... Студенты...

– Вы говорите неправду, – в голосе «Астрова» появляются металлические нотки, и весь он меняется прямо на глазах. Куда делся добрый, провинциальный доктор. Жестокий, бессердечный человек с холодными пустыми глазами сидит сейчас перед ней.

– Вы были в преступной связи с этой группой арестованных?

– Нет! – она почти кричит.

– А нелегальные записочки? Вы их разве в тюрьму не передавали? Разве не подстрекали арестованных сопротивляться следствию, не советовали бежать...

– Вы не так понимаете мои фразы в этих записках... Ничего преступного я не делала.

С портрета на стене смотрит Феликс. Она подымает глаза. Эх, будь он сейчас жив... «Дядя, посмотри, что они делают со мной! Дядя, ведь это твои ученики!»

Но молчит, презрительно искривив уголки губ, «рыцарь революции». Уже четырнадцать лет как лежит он в могиле у Кремлевской стены – там, где хоронят лучших сынов отчизны...

Федотов перехватывает ее взгляд. В лице у него появляется что-то садистское:

– С кем из этой шайки вы сожительствовали?

– Ни с кем, это они меня впутали, – от волнения дыхание у нее перехватывает.

– Что ж, – комиссар встает из-за стола, подходит к окну, – если вы сами не хотите говорить правду – вы

будете изобличаться фактами, документами и очными ставками.

И, не глядя на нее, отрывисто и сухо приказывает:

– Увести...

Потянулась мучительная тюремная жизнь. Почти через день Дзержинскую вызывали на допросы.

Работал с ней теперь один только лейтенант госбезопасности²⁶ Канер, Федотова-«Астрова» никогда более Ядвиги не видела.

Было в нем что-то странное – в этом лейтенанте Канере. Нечто вроде отклонения на сексуальной почве. С особым сладострастием Канер спрашивал Ядвигу о ее многочисленных мужьях и любовниках, требовал деталей и подробностей, превращая протоколы допросов в этакое эротическое чтиво.

«Ночью пришел ко мне, заявил мне: „не думай, что я мальчик“. Я отпора не дала». (Это о Борисе Высоцком – том, что привел в их дом Венгровера.)

«Дворецкий обнял меня. Я пыталась спорить, но боялась шуметь, а Дворецкий был сильный парень, и я уступила».

«Я приняла ванну и в халате вошла в комнату и села на диван, где сидел Ибрагим (Эпштейн – один из членов шайки. – *Прим. авт.*). Он сделал попытку сблизиться со мной, но я не допустила».

Сложно представить, чтобы по собственной воле почтенная 40-летняя женщина решилась на подобные откровения. Чувствуется опытная рука следователя, обладающего завидным воображением.

Поначалу Дзержинская продолжала утверждать, что о преступных делах Венгровера и компании ничего не ведала. Лишь на третьем допросе она вынуждена признаться, что на самом деле знала, что Борис бежал из лагеря, но тем не менее прятала его у себя.

«Что руководило мной – не выдать их сразу – я до сих пор не могу дать себе в этом отчета. Прибыли от их дела я почти не видала, кроме иногда более вкусной еды, а любовь моя к Борису Венгрову не была настолько сильной. Но он был очень волевой человек и обладал большим умением подчинять себе волю человека».

Казалось бы, на этом можно ставить точку. Если Лубянку заботило доброе имя ее создателя, то теперь все сомнения рассеялись. Чекисты самолично убедились, что клеветой здесь и не пахнет.

Но отдавать материалы своим младшим братьям они почему-то не спешат...

В архивном деле протоколы допросов Дзержинской занимают более сотни листов. Они тщательно, без помарок отпечатаны на машинке, и лишь известные на всю страну фамилии вписаны в них от руки.

Строжайшая конспирация существовала даже внутри самого лубянского ведомства. Машинистка, которая перепечатывала протоколы набело, не должна была знать, что за имена фигурируют в деле. Их вписывали позже – в специально оставленные пробелы, ведь бумаги эти докладывались самому высокому руководству. И, возможно, не одному только наркому Берия...

Великий вождь народов, лучший друг советских детей и физкультурников всегда славился тем, что любил лично вникать в каждый мало-мальски значимый вопрос.

До всего ему было дело. Всякий новый фильм в обязательном порядке – еще до широкого показа – проходил через его кинозал. Все книжные новинки ложились ему на стол, а порой он не брезговал даже править передовицы в «правдинской» верстке.

И ход следствия по наиболее громким, масштабным делам самолично контролировал тоже он. В

обязательном порядке нарком – сначала Ягода, потом Ежов, а теперь Берия – докладывал ему протоколы допросов вчерашних его соратников, многих из которых арестовывали по его же прямым указаниям. Полноту доказательств определял тоже он.

Могло ли дело Дзержинской пройти мимо его внимания? Сомневаюсь, ибо дело это было гораздо глубже, нежели может показаться на первый взгляд.

Не спутавшаяся с грабителями племянница нужна была чекистам. Совсем другой человек – тот, чью фамилию носила «заключенная № 30».

Конечно, прямых доказательств моей версии в архивах практически не осталось, да и не могло остаться. Сценарии подобных процессов никогда не перекладывались на бумагу: вождь держал их в голове.

У него были свои, не всегда понятные нам резоны. Далеко не все из тех, на кого собирали «компру» доблестные чекисты, оказывались потом за решеткой.

Так было, например, с маршалом Жуковым. После войны госбезопасность арестовала ряд близких ему генералов – в частности, генерала Крюкова²⁷, мужа певицы Руслановой (саму Русланову взяли тоже). Из них выбивали показания на Жукова, дома у маршала установили даже подслушивающую аппаратуру. По всему было видно, что власть готовит показательный процесс, благо в *материалах* нужды не было: в выражениях Жуков не стеснялся и своей обиды на вождя не скрывал (он считал, что власть не оценила его заслуг).

Процесс, однако, не состоялся. Жуков единственно был понижен в должности – до командующего Одесским округом, а все дискредитирующие его показания из дел изъяли и уничтожили...

Да, никаких прямых подтверждений нашей версии архивы не сохранили. Но их донесла до нас

человеческая память...

На эти воспоминания, озаглавленные бесхитростно и просто – «Записки чекиста» – наткнулся я совершенно случайно. Наткнулся и обомлел: они заставляли совершенно по-иному взглянуть на нашу историю.

Записки эти без преувеличения можно назвать уникальными. Их оставил после себя человек неправдоподобной судьбы. Едва ли не единственный из крупных чинов НКВД, кому посчастливилось выжить, пройдя через ад сталинских лагерей.

Несколько слов об авторе: Михаил Шрейдер, кадровый чекист. Службу в органах начал еще в Гражданскую, работал под началом Дзержинского.

В 1938-м, в должности зам. наркома НКВД Казахстана, был арестован по прямому указанию Ежова. Этапирован в Иваново.

Местные чекисты не жалеют сил, чтобы выбить из него признания. После очередного допроса «с пристрастием» еле живой Шрейдер бросает в лицо своему мучителю – начальнику следственной части Ивановского УНКВД Рязанцеву: «А вы знаете, что в старые времена Дзержинский расстреливал следователей, которые избивали арестованных?»

Но в ответ Шрейдер слышит невероятное...

«– А знаете, что нам известно, Михаил Павлович? – цинично усмехнувшись, заявил Рязанцев. – Ведь вы состояли в ПОВ (Польская организация Войскова), а агентами ПОВ были Унш-лихт²⁸ и Медведь²⁹. А кроме того, мы располагаем данными, что к организации ПОВ приложил руку и ваш Дзержинский. Вот почему он расстреливал честных следователей, которые били врагов.

Кровь бросилась мне в голову.

– О ком вы говорите, Рязанцев? Ведь Ленин и Сталин называли Феликса Эдмундовича рыцарем революции.

Это же святая святых партии, в которой вы состоите.

– А как вы думаете? – укоризненно покачал головой Рязанцев. –

Случайно ли получилось, что Дзержинского, когда он находился

в Варшавской цитадели, не казнили? И наконец, Ленин и Сталин

были им обмануты. (...)

В это время в кабинет вошел (начальник Ивановского УНКВД) Блинов³⁰.

– Товарищ капитан, – обратился Рязанцев к Блинову, – мы с Михаилом Павловичем ведем теоретическую беседу. Мы с ним дошли уже до ПОВ. И представьте себе, он не верит, что Дзержинский, Уншлихт, Медведь и другие были агентами польской разведки.

– Да, Михаил Павлович, еще год тому назад и я бы не поверил, – с важностью предельно осведомленного начальника заявил Блинов. – Но сейчас мы уже в этом убедились. Я лично слышал об этом из уст Берии, и да будет вам известно, что вся родня Дзержинского арестована и все они уже дали показания».

Начальник Ивановского управления ошибался: массовых арестов «всей родни» не было. Забрали одну только Ядвигу.

Или *пока* одну лишь Ядвигу?

Майор госбезопасности Блинов даром что сидел на отшибе – в Иваново, – осведомлен был о многих деликатнейших операциях Лубянки. В подковерной борьбе, которая предшествовала воцарению Берия, он принимал самое непосредственное участие...

В ноябре 1938-го его друг и соратник – тогдашний начальник Ивановского управления Журавлев³¹ – написал Сталину письмо, обвиняющего наркома Ежова в том, что он покрывает врагов народа.

Одному богу известно – был ли этот донос личной инициативой Журавлева или же он действовал по какому-то разработанному в верхах сценарию, – это как в народной сказке: мышка за кошку, вытащили репку – но Ежова с должности сняли. Сталин даже разослал во все крайкомы и обкомы письмо, в котором сообщал о мужественном поступке ивановского чекиста, сорвавшего маску с оскаленной пасти Ежова.

Тут же, незамедлительно, Журавлев становится начальником УНКВД по Московской области, его – случай беспрецедентный – избирают кандидатом в члены «сталинского» ЦК.

Именно по протекции Журавлева – «победителя» Ежова – и поставили Блинова (они сдружились еще по совместной работе в Красноярске) на Ивановское управление (люди в те времена росли быстро: вакансии освобождались ежемесячно. Самый красноречивый пример – Николай Киселев³². За полтора года от рядового сотрудника архива НКВД этот вчерашний продавец сельпо дорос до начальника Саратовского управления: было ему тогда 26 лет.)

Мог ли блефовать Блинов, передавая Шрейдеру слова Берия? Вряд ли. Откровенность же его можно объяснить весьма просто: он разговаривал с потенциальным трупом, с врагом народа, которого – без сомнений – через месяц-другой должны расстрелять. Так чего стесняться? Мертвые молчат...

Впрочем, гораздо сильнее нас заботит другое. Этот приснопамятный разговор произошел весной 1939-го. За... год до ареста Дзержинской.

Не пойман еще Венгровер – только-только он бежит из лагеря. Нет еще показаний о связи Ядвиги с бандой, да и банды, собственно говоря, тоже нет. А «дело Дзержинской» уже существует...

Выходит, вся эта уголовная история – не более чем предлог?

В 1959-м, уже после освобождения, в жалобе, адресованной генпрокурору, Ядвига напишет:

«При первом допросе в тюрьме, следователь мне показал ордер на мой арест, написанный в 1937 году. На мой удивленный взгляд, он с улыбкой сказал: „Ну вот, если не в 37 году, то в 40-м, а мы с вами встретились“».

Конечно, нет занятия более неблагодарного, чем домысливать, додумывать тайны ушедшей в небытие эпохи. И все же...

Ордер, выписанный в 1937-м...

Откровения ивановца Блинова...

Присутствие начальника контрразведки на первом допросе...

В конце концов, участие Лубянки в чисто милицеском, уголовном деле...

Не слишком ли много странных, удивительных даже совпадений?

Подождите, но и это еще не все...

Снова и снова Ядвигу вызывают на допросы. Но удивительное дело: никто больше не спрашивает ее о банде или Венгрове-ре. Главная причина ее ареста, словно невзначай, сама собой забылась, отошла на второй план.

Следствие интересуется теперь совсем другое. Главным образом – мать Дзержинской, персональная пенсионерка союзного значения Ядвига Эдмундовна. И не беда, что сестре Феликса минуло уже 69: возраст делу не помеха...

Эти протоколы невозможно читать без омерзения. Такое ощущение, будто ты присутствуешь на сеансе душевного стриптиза.

Собственно, и протоколами-то назвать их крайне сложно. Скорее, это больше похоже на сводку сплетен и

слухов, которые соглядатаи НКВД собирали по базарам и в очередях, дабы знать, чем в реальности живет народ.

А впрочем, чему удивляться. В стране, где доноительство было возведено в ранг национальной доблести и даже дети шпионили за собственными родителями, подобное было в норме вещей. Новая, коммунистическая мораль пришла на смену морали буржуазной, прогнившей, и в этой новой морали не было места сантиментам и слюнявой пошлости...

От Ядвиги требуют показаний против собственной матери. Требуют, очевидно, с такой настойчивостью, что она не в силах устоять.

Поначалу, впрочем, откровения ее носят довольно невинный характер. Дзержинская рассказывает, что еще до революции ее мать состояла в некоей секте «марьявитов», где не признавали святых, ходили в особых одеждах, ждали рождения истинного Христа и где царил «половой разврат».

Что ж, для дебюта это, конечно, неплохо, но только для дебюта. Уже на следующем допросе лейтенант Канер берет быка за рога.

Первый его вопрос:

– Где сейчас находится Ваш брат по матери Юрек Кушелев-ский?

– Не знаю ничего о нем, – отвечает Ядвига.

Может, и вправду она ничего не знает об этом мифическом «Юреке»? Может, все это – выдумка тетки бывшего ее мужа, ведь, как мы помним, именно она, Елена Павлова, и донесла НКВД о существовании сводного брата Ядвиги – полковника, белополя-ка, «правой руки» Юзефа Пилсудского.

Однако Канер не унимается:

– Ваша мать не раз высказывала намерение уехать из СССР в Польшу. Почему Вы это скрываете?

И снова Ядвига уходит от ответа:

– Таких заявлений от матери я не слыхала.
– А какие антисоветские разговоры вела при Вас мать?

– При мне не было антисоветских разговоров.

Довольно странные вопросы, не правда ли? Особенно если учесть, что касаются они родной сестры Феликса Дзержинского.

Образ самого «рыцаря революции», впрочем, тоже присутствует на страницах протокола. Оказывается, Ядвига Эдмундовна, «пользуясь именем сестры Дзержинского, часто пыталась вмешиваться в дела. К нам в дом было целое паломничество всяких родственников арестованных контрреволюционеров, мать их принимала и начинала ходатайствовать. Когда об этом узнавал Ф. Э., он очень ругал ее за это и требовал не лезть не в свое дело».

Нетрудно представить, что это были за «контрреволюционеры», если даже отца космонавтики Циолковского – и того упекли в кутузку доблестные чекисты.

Власть ЧК была в те годы абсолютной. Люди Дзержинского сами арестовывали, сами вели следствие, сами выносили приговор. Даже расстреливали осужденных сами.

Куда, к кому могли обратиться родные арестованных? Где искать управу на беззаконие «чеки», когда людей казнят пачками, и никому нет дела до рядовых судеб?

Добрая, сердобольная Ядвига Эдмундовна. Если и принимала она несчастных жен или матерей тех, кого безжалостно уничтожал ее брат, то исключительно из одного лишь сострадания. Только милосердие это через 20 лет обернулось ей боком.

На одном из следующих допросов Ядвига уже детально расскажет, как ее мать вмешивалась в дела ВЧК. Что Дзержинский якобы отдал даже специальное

распоряжение, «запрещающее работникам ЧК принимать во внимание ходатайства матери», а когда и это не помогло, то в Кремле прошло будто бы заседание, «на котором обсуждался вопрос с Ядвигой Эдмундовной в связи с ее ролью в незаконных освобождениях крупных контрреволюционеров, и ставился вопрос о необходимости серьезных репрессий против матери, говорили чуть ли не о расстреле ее».

Чем больше времени проходит с момента ареста, тем все меньше стесняется Дзержинская в выражениях. О своей матери она говорит уже, как о враге народа, ее поведение прямо называет «преступным».

«Мать иногда прямо противодействовала и срывала важные операции, проводимые ВЧК. (...)

ВЧК проводила операцию по изъятию большого количества алюминия. Дом на Успенской (ведомственный дом ВЧК, где жила тогда Ядвига Эдмундовна с дочерью. – *Прим. авт.*) был объявлен как скупочный пункт, куда этот алюминий должны были свозить-продавать, а на самом деле этих свозчиков здесь арестовать должны были.

И вот мать заявила, что она такого обмана не допустит, и когда возы с алюминием подъезжали, мать из окна стала кричать возчикам, что здесь не купцы, а чекисты, что все отберут и их заберут».

Уже одного этого факта вполне достаточно, чтобы Ядвига-старшая последовала за своей дочерью: на Лубянку. Однако здесь не привыкли работать по мелочам. Если действовать – так с размахом.

Все новые и новые показания выводит на бумаге следователь:

«Мать как-то рассказывала мне, что один из освобожденных ее стараниями из-под ареста ВЧК поляков в порыве благодарности заявил ей, что „за ее участие поляки ей в Варшаве поставят памятник“».

Узнаете? Ну конечно же, все это мы уже читали – правда, не в протоколах допросов, а в доносе приснопамятной гражданки Павловой. И о сводном брате – польском полковнике Кушелевском, существование которого Ядвига в конце концов вынуждена-таки была подтвердить. И о «нелепых контрреволюционных высказываниях».

«Мать действительно распространяла контрреволюционную клевету. Так, несколько лет назад (...) мать вдруг мне заявляет: „Вот видишь, Яденька, как бывает. А когда Ленин был жив, он ведь писал, что Сталину нельзя доверять такой большой работы, а когда Ленин умер, все-таки доверили“. Я спросила мать, что она за ересь говорит, а она мне в ответ: „Не спорь, когда я сама собственными глазами читала это у Ленина“ (и она назвала мне какую-то газету, но не помню какую, где об этом было якобы написано).

Я признаю, что скрyla и никому не сообщила о такой клевете, распространяемой матерью, хотя обязана была это сделать тогда же».

Вот так – ни больше ни меньше. Обязана была донести на родную мать, но не донесла. Впрочем, это никогда не поздно...

Так в протоколах допроса появляются подробности, которых не знала и не могла знать стукачка Павлова.

О том, например, что Ядвига-старшая «была любовницей» некоего ксендза-немца, арестованного потом за шпионаж.

(«Мать всеми силами пыталась его выручить, но ничего из ее хлопот не получилось и его не то расстреляли, не то другой приговор был».)

Или о том, что на одном торжестве по случаю октябрин ее выбрали в президиум, как сестру Дзержинского, но «она выступила с речью против октябрин и стала доказывать правильность обряда крещения».

Или о том, что в конце 1920-х Ядвига Эдмундовна привезла из Новороссийска заявление от католической общины, которая протестовала против закрытия костела, и даже ходила с ним в польское посольство.

Впоследствии в обвинительном заключении против племянницы Феликса показания эти будут подытожены даже без всяких дополнительных проверок, к чему обременять себя лишними хлопотами – следующим образом:

«Ее мать, соединявшая в себе фанатическую религиозность и моральную распущенность, случайно оказавшаяся после революции вблизи Ф. Э. Дзержинского, в антисоветских целях содействовала незаконным освобождениям и бегству арестованных контрреволюционеров, в том числе польских шпионов, и вступала в сношения с польским посольством в Москве».

Убийственность формулировок не оставляет, кажется, для Ядвиги-старшей никакой надежды на спасение. Люди исчезают в лагерях куда как по менее серьезному поводу. Здесь же – целый набор прегрешений, каждое из которых тянет на высшую меру революционной защиты: и организация побегов, и связи со шпионами, и сношения с вражеским польским посольством.

Однако Ядвигу Эдмундовну почему-то не трогают. Почему? Ведь в обвинительном заключении против ее дочери одним из семи пунктов обвинения черным по белому значится:

«Скрывала от Советской власти известные ей факты антисоветских действий и контрреволюционной клеветы со стороны ее матери».

Как же так? Дочка идет под суд за то, что не донесла на изменницу-мать, а мать – остается на воле? Где логика?

Можно только догадываться, какими уж мотивами руководствовался Сталин в своем решении не трогать сестру бывшего соратника. Очевидно, что-то изменилось в том сценарии, который изначально был выработан на Лубянке и в Кремле, ведь сами по себе ни Ядвига-старшая, ни Ядвига-младшая никакого интереса для вождя представлять не могли.

Какой ему прок от того, что 69-летняя старуха отправится куда-нибудь на Колыму или в солнечный Магадан? Скорее наоборот: это приведет только к ущербу лубянской репутации – столь старательно лелеемой. Грязное пятно неминуемо падет на светлый образ Феликса, сиречь на знамя чекистов.

Очередной алогизм.

Не берусь претендовать на истину в последней инстанции. Мои догадки – не более чем версия, и как у всякой версии, есть здесь и свои плюсы, и свои минусы...

К 1940 году на свободе не осталось практически никого из тех, кто создавал когда-то ЧК. Сгинул в лагерях Яков Петерс – тот, что после июльского мятежа 1918-го заменил на несколько месяцев Дзержинского.

Увели на рассвете легендарного начальника контрразведки Ар-тузова, под водительством которого Лубянка провела первые блестящие контршпионские операции.

Кедров, Бокий³³, Манцев, Лацис³⁴, Беленький³⁵ – эти некогда звучавшие на всю страну фамилии отныне никто не называл больше вслух. А если и называл – то исключительно с оговоркой: враг народа.

Двадцать две тысячи чекистов были репрессированы в 1937– 40-х годах. Преимущественно те, кто работал еще с Дзержинским. В живых не осталось никого из членов первых коллегий ВЧК.

Но если все окружение Феликса поголовно оказалось шпионским, если все, кого привлек он для работы, были хорошо замаскированными врагами и диверсантами, кем же, выходит, был тогда сам Дзержинский?

Хорошо, коли это обычная близорукость? А если – злой умысел? Да и кто, как не он, должен нести ответственность за своих друзей и подчиненных?

Сталину не нужны были старые чекистские кадры. Эти люди не годились на роль безмолвных исполнителей в той кровавой каше, которую заварил вождь. Слишком умны, слишком опытные были они, чтобы с самого начала не разобраться в сути происходящего.

Их уничтожали с особой жестокостью, ибо корень сомнения следовало вырвать прежде, чем сомнения эти успеют заразить остальных: тех, кто пришел в органы по партийному набору, свято веря в то, что признание обвиняемого – есть царица доказательств, а основным инструментом чекиста – это резиновая палка.

Но, расправляясь с этими людьми, невозможно было обойти стороной фигуру их бывшего начальника. Каждое уголовное дело так или иначе все равно упиралось в Дзержинского. И, наверное, в какой-то момент Сталину показалось, что разрубить этот гордиев узел и навсегда покончить со старой чекистской гвардией можно лишь одним способом: развенчав «рыцаря революции».

Но как? После десяти лет восхвалений и здравниц? После того, как придуманный им же культ «пролетарского якобинца» по своему масштабу почти придвинулся к культу самого Сталина?

Конечно, легче всего было выбить показания из бывших его соратников. Заставить того же Артузова или Петерса оговорить покойного председателя,

признаться, например, что именно он привлек их к шпионской и вредительской деятельности.

Но большевики не ищут легких путей. Недостаточно просто развенчать Дзержинского, превратить его в шпиона и предателя. Куда эффективней опорочить его посредством родных. Чем больше грязного белья будет вытащено наружу, тем надежнее окажется результат. Нет ничего сильнее низменных инстинктов толпы...

Не две пенсионерки нужны были Лубянке: тот, чью фамилию носили они. Не случайно в письме на имя генпрокурора, составленном уже после освобождения, Ядвига-младшая упоминает о странной оговорке следователя, который «сказал, что он ездил в Литву к моей тете Альдоне Эдмундовне. Передал от нее сердечный привет».

Зачем Канер ездил к старшей сестре Дзержинского? Уж наверняка не для собственного удовольствия. Сценарий продолжал раскручиваться, и лишь какие-то неведомые нам обстоятельства спутали все карты. Спектакля не состоялось...

Если принять эту версию за основу, многие из тех загадок, над которыми мы ломали головы, становятся понятны.

Впрочем, оговоримся вновь – это не более, чем версия...

26 октября 1940 года особое совещание при наркоме внутренних дел приговорило Ядвигу Дзержинскую, как «социально-опасный элемент», к восьми годам лагерей.

На волю она вышла в 1946-м, не досидев до полного срока двух лет. Лагерная комиссия освободила ее по инвалидности: сказался застарелый туберкулез.

В Москву въезд Ядвиге был закрыт. Она осела в Александрове, перебивалась поденщиной. Одно время работала надомницей в швейной артели с характерным названием «Освобождение».

Наверное, там, в Александрове, и закончилась бы ее безрадостная жизнь, кабы не смерть Сталина и не начавшаяся «оттепель».

В 1955 году с нее снимают судимость. В 1959-м – реабилитируют «за отсутствием состава преступления». Реабилитации шли тогда потоком, в детали каждого конкретного дела никто особо не вдавался: восстанавливали в правах чохом, точно так же, как за два десятка лет до того – чохом же и отправляли в лагерь...

Время от времени она получала весточки от завсегдатаев своего ушедшего в историю «салона», и тогда волна забытых уже воспоминаний вновь наваливалась на нее.

Все они тоже прошли через тюрьмы и лагерь. Подобно ей, старались не вспоминать о своей прошлой жизни. Ибрагим Эпштейн осел в Тбилиси – инженером на каких-то приисках. Стал инженером и Виктор Медведев, начал даже выезжать за границу. Жил в Москве Додик Дукарский.

И лишь об одном человеке она не имела никаких известий. О том, кому она была так предана и кто так безжалостно предал ее. О Борисе Венгровере.

Ядвиге казалось, что этот человек давно уже вычеркнут из ее памяти, но иногда лицо его вставало у нее перед глазами. Она слышала его голос, мягкие, бархатные интонации, и тогда все пережитое: и тюрьмы, и лагерь, и барак в Александрове, будто бы отходило на второй план. Снова играла музыка, и снова видела она, как он входит в ее квартиру на Большом Комсомольском: молодой, веселый, красивый...

Конечно, Ядвига понимала, что в реальности этот человек не имеет ничего общего с тем образом, который придумала себе она, только образ этот был неразрывно связан с ее молодостью. С днями, когда она

была счастлива и беззаботна, и хотя бы только поэтому она любила такие минуты...

Иногда ей хотелось даже разыскать Бориса, увидеть, каким стал он, но она гнала эти мысли от себя прочь. Слишком велика была обида, да и не хотелось разочаровываться...

Ядвига не знала, что после освобождения Борис Венгровер стал одним из самых знаменитых в Союзе воров. О его «подвигах» ходили легенды, ибо отличался он неслыханной дерзостью и находчивостью.

Как-то, в конце 1940-х, вместе с подельником он забрался в одну квартиру, принадлежащую крупному милиционерскому чину, но был застигнут хозяином врасплох. Любой другой на его месте попытался бы бежать. Любой другой, только не Венгровер.

– К стене, – командным, не терпящим возражений тоном приказал он обалдевшему хозяину, – мы из МГБ.

Когда милиционер сообразил, что к чему, грабителей и след простыл.

Бесстрашие Венгровера граничило с сумасшествием. Мало кто осмеливался проделывать то, что позволял себе он. Кто еще, например, мог обчистить начальника московской милиции комиссара Полукарова?³⁶

Полукаров переезжал на новую квартиру. Заранее собрал, упаковал вещи – все, что нажил за свою долгую комиссарскую жизнь. Когда в квартиру позвонили люди в милицейской форме, он и в мыслях даже не мог заподозрить подвоха.

Люди аккуратно снесли все тюки и чемоданы на улицу, погрузили в грузовик...

А через 15 минут к дому Полукарова подъехала еще одна машина с милиционерами, перевоплотившимися на время переезда в грузчиков, и долго соседи с удивлением вслушивались в матерные рулады

взбешенного комиссара: своих вещей он не видел больше никогда...

Борис Венгровер прожил долгую, полную риска и опасностей жизнь. А закончил ее... в доме престарелых.

Он не намного пережил Ядвигу Дзержинскую, которая перед смертью успела еще написать небольшие воспоминания о дяде. Они назывались «Это навсегда осталось в памяти». Правда, о том, что по-настоящему осталось в ее памяти, Ядвига не обмолвилась и словом...

Есть что-то сверхъестественное в истории семьи Дзержинских. Словно какое-то проклятие, некий злой рок тяготел (а может быть, тяготеет до сих пор) над этой фамилией.

Четверо из восьмерых детей мелкопоместного шляхтича Эд-мона-Руфина Дзержинского умерли насильственной смертью.

В 1892-м – при таинственных обстоятельствах погибла Ванда Дзержинская, 14-летняя сестра будущего рыцаря революции. Кто-то из детей, играя с ружьем, случайно застрелил ее: по одной версии, это был сам Феликс, по другой – наиболее правдоподобной – его младший брат Станислав.

Весной 1917-го возмездие настигло предполагаемого убийцу: грабители ворвались в родовое имение Держжиново, где Станислав жил в одиночестве. Он пытался обороняться, отстреливался, но силы были слишком неравны...

В 1942-м в Польше фашисты расстреляли второго брата – профессора медицины Владислава Дзержинского.

В 1943-м – пришел черед третьего – 68-летнего Казимира. Его вместе с женой казнили за связь с партизанами.

В том же 1943-м немцы сожгли и родовое имение Держжино-во: от него остались лишь черные остовы

домов...

Можно сказать, что Ядвиге Дзержинской еще повезло: она хотя бы осталась жива...

Наверное, это закономерно: за все в этой жизни надо платить. Быть может, злой рок семьи Дзержинских – это тоже расплата за все содеянное первым чекистом страны и его наследниками.

«И посеявший ветер пожнет бурю», – сказано в Писании. За грехи отцов расплачиваются дети. Те, кто виноват лишь в том, что носили ту же самую, такую трудную для русского уха, но такую ставшую нам привычной фамилию – Дзержинский...

Глава 5

БЕГСТВО НАРКОМА УСПЕНСКОГО

Еще с самого начала он понимал, что рано или поздно его возьмут: как-никак двадцать лет прослужил в чека, сам натаскивал *МОЛОДЦОВ*.

Сколько раз невообразимо явственно представлял себе он эту картину: крепко сбитые ребята в двубортных костюмах; негромкий, но повелительный голос; скрип отъезжающего «воронка»...

Эта сцена снилась ему даже по ночам, и тогда он вскрикивал и сквозь сон слышал, как недовольно ворочается рядом Лариса.

А вот поди ж ты, когда это наконец произошло – не во сне, наяву – от неожиданности он вдруг растерялся.

«Гражданин Шмашковский? Иван Лаврентьевич?» и, не дожидаясь ответа: «Проедемте с нами».

Разом пересохло во рту. словно от водки поплыла голова. Он шел по перрону в плотном кольце молодцов, своих недавних коллег, и в такт бьющейся на виске жилке стучала шальная мысль: наконец-то... Слава богу...

Не будет больше метаний по стране, случайных квартир и вечного страха. «Мучительный конец лучше бесконечного мучения», – вспомнилась почему-то фраза, так любимая Ежовым...

Совершенно секретно

Лично

**Начальнику 1 спецотдела НКВД СССР
капитану государственной безопасности
тов. Петрову¹**

«Направляется в Ваше распоряжение спецконвоем особо опасный государственный преступник Успенский Александр Иванович, разыскиваемый согласно Вашего № 26/172384 от 2 февраля 1939 г. под фамилией Шмашковского Ивана Лаврентьевича.

Приложение: ордер на арест, постановление, анкета арестованного, документы и деньги, отображенные при аресте. Нач. 1 спецотдела УНКВД Ст. лейтенант государств. безопасности /Подобедов/ Оперуполномоченный сержант государств. безопасности /Табарданов/».

Нарком внутренних дел Украины, комиссар госбезопасности 3 ранга Успенский пропал 15 ноября 1938 года. Обнаружили это не сразу. Накануне вечером он велел персональному шоферу не заезжать с утра за своей персоной. Сказал, что хочет пройтись. Однако до наркомата не дошел.

Лишь под вечер обеспокоенные подчиненные – обычно нарком в 9 уже был на месте: слишком много в тот год было *дел* – позвонили ему домой. Анна Васильевна, жена, ответила удивленно:

– Ушел, как обычно, с утра.

Не медля, взломали дверь в кабинет. На столе, сплошь заваленном папками, на самом видном месте лежала записка, наспех нацарапанная карандашом на обрывке листа:

«Не могу так жить дальше. Прошу в моей смерти никого не винить. Мой труп ищите в Днепре».

Тела, конечно, не нашли. Да и потом другой водоворот затянул НКВД: в Москве сняли «железного наркома» Ежова. Пришедший на его место Лаврентий Павлович Берия, засуча гимнастерку, принялся «чистить» (любимое словечко Ежова) старую команду. Сбылось евангельское предсказание: и живые позавидуют мертвым.

Кое-кто в самом деле позавидовал Успенскому. Несколько страшных минут – и ты навеки свободен. Не будет ни ночных допросов с пристрастием, ни каменных карцеров, ни переломанных ребер.

«Труд делает человека свободным» – начертано было на воротах концлагерей. Неправда. Только смерть дарует людям абсолютное избавление. Ведь останься Успенский в живых, не избежать бы ему лубянских кругов ада. Личный ставленник Ежова, один из самых близких к бывшему наркому людей. Выполняя его волю, потопил Украину в крови. За полгода почистил десятки тысяч...

...Нет человека – нет проблемы. Но на всякий случай жену Успенского арестовали. Требовали признаться, что ее муж не усоп, а отсиживается где-то в схронах или вовсе сбежал за кордон. Она держалась твердо: ничего не знаю. Да и сами чекисты в счастливое исчезновение Успенского не слишком верили, спрашивали больше для порядка, по инерции. Куда, скажите на милость, ему бежать? Граница на замке, мимо Карацупы² с верным его Ингу-сом и муха не пролетит. Правда, начальник Дальневосточного УНКВД комиссар Люшков³ умудрился таки вырваться, махнул в Маньчжурию. Только было это еще при Ежове, да и разведка донесла быстро.

Нет, успокаивали себя в НКВД, Успенский не мог остаться незамеченным. Следы остаются всегда. Видно, и в самом деле не выдержал, трусил. Знал, что арест неминуем, вот и бросился со страха в Днепр. Не он один. А Орджоникидзе?⁴ А Гамарник?⁵

Постепенно о пропавшем наркOME забыли. Не до него было. И когда три месяца спустя один из чекистов рассказал, будто на улице нос к носу столкнулся с Успенским, ему поначалу не поверили.

«Да не мог я обознаться, – божился чекист, – нечто я Успенского не знаю?»

Поиски комиссара возобновили с новой силой. Активизировали агентуру. Разослали по всей стране шифровки. И к апрелю наконец вышли на его след.

Воскресший утопленник жил теперь под другим именем – Ивана Лаврентьевича Шмашковского...

С.С.С.Р.

Управление НКВД по Челябинской области

Ордер № 1545

Выдан «15» апреля 1939 г.

Действителен на 2 суток, сотруднику УГБ УНКВД тов. Сошни-кову.

Вам поручается произвести обыск и арест гр. Шмашковского Ивана Лаврентьевича, проживающего гор. Миасс

Всем органам Советской власти и гражданам СССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера, при исполнении им возложенных на него поручений.

Зам. Нач. Упр. НКВД СССР по Челябинской обл.

Александра Ивановича Успенского друзья и знакомые всю жизнь считали счастливым. Да и сам он на судьбу особо не жаловался.

В революцию было Успенскому всего пятнадцать. Кем стал бы он, не жажни «Аврора» по Зимнему дворцу? Лесником, как и его отец? Прозябал бы в деревеньке Верхний Суходол Тульской области, где из всех развлечений – водка, охота да воскресная рукопашная – стенка на стенку?

Революция случилась для него очень кстати. Восемнадцати лет записался в партию. Пошел по чекистской линии, благо желающих было немного, да и брали не всех.

Сперва работал в своем родном Алексинском уезде – *вырос* до начальника отделения, росчерком пера решал судьбы тех, перед кем еще вчера отец его кланялся в

три погибели. Грозный начальник губчека Матсон⁶ усердного активиста приметил. Перевел к себе в губотдел и в выборе не ошибся.

Когда в 1927-м Матсона назначили полпредом ОГПУ по Уралу⁷, он перетащил за собой и Успенского. Поставил начальником экономического отдела (это в 25-то лет!).

(Особенно радовалась этому назначению жена Матсона – Лариса: отношения с мужем подчиненным завязались у нее еще в Туле. Правда, самому Матсону узнать об этом было не суждено.)

Начальник ЭКО крупнейшего полпредства – Уральского – должность серьезная, можно сказать – политическая. Очень скоро Успенский сблизился с большими лубянскими чинами: Прокофьевым⁸, Мироновым⁹, Гаем¹⁰ – со всеми, кто так или иначе был связан с ЭКУ. Они-то, убедившись в достоинствах младшего друга, – человек свой, надежный, понимающий, таких хорошо иметь рядом, чтобы всегда под рукой, – похлопотали наверху о его переводе в Москву. Сначала, правда, в ЦК решили откомандировать Успенского в Нарпит – с народным питанием были нелады – но Миронов, начальник ЭКУ, пошел к Акулову¹¹, упросил оставить в ОГПУ.

В 1931-м Успенский возглавил экономический отдел ПП ОГПУ Московской области. Должность та же, что и раньше, зато номенклатура иная. Столица – она и есть столица. Рестораны, театры, а главное – близость к власти.

Конечно, вождей Успенский видел только издалека, но все же видел. Даже ощущал некую гордость за свою причастность к великим делам – вся подготовка к празднествам в городе ложилась на его плечи. За делами этими он и сошелся со всесильным начальником кремлевской охраны Карлом Паукером¹²,

малограмотным венгром, бывшим парикмахером Сталина, пролезшим наверх благодаря умелому куаферству.

Как и все телохранители во все времена, Паукер властью и влиянием обладал огромными. Перевести нового приятеля в Кремль – помощником коменданта по внутренней охране – было для него сущей ерундой.

Впрочем, без Ягоды¹³ тоже не обошлось. Нарком Успенского знал, благоволил, слышал о нем много хороших отзывов.

Какое-то время поначалу Ягода, конечно, присматривался. А потом спросил прямо в лоб: как он, Успенский, смотрит на то, чтобы назначить комендантом Кремля верного, надежного человека? «Вы ведь верный человек, Александр Иванович?»

Господи, о чем речь! Собакой цепной готов стать, лишь бы заслужить ваше доверие и благосклонность.

Интересная вырисовывалась диспозиция. С одной стороны, нарком Ягода. С другой – Паукер. Осталось только что Бога за бороду схватить.

Но, видно, не рассчитал Успенский, переоценил свои силы. «Желая скомпрометировать Ткалуна¹⁴, – признается он потом, – я, под видом наведения порядков в охране Кремля, организовал против него склоку, но это все у меня вышло неудачно, и Ягода вынужден был убрать меня из Кремля».

Из Постановления об избрании меры пресечения (21 июля 1939 года):

«Допрошенный по существу предъявленного обвинения Успенский виновным себя признал и показал, что он в заговорщическую организацию был вовлечен в 1934 г. быв. Зам. Наркома Внутренних Дел Прокофьевым. Кроме этого Успенский на следствии показал, что он в 1924 г. Матсоном был привлечен к

шпионской работе в пользу Германии, которой передавал секретные сведения о работе НКВД.

Следователь Следчасти НКВД СССР – Мл. лейтенант госуд. безопасности Голенищев».

...Ягода позвонил среди ночи, но звонок Успенского не разбудил. Он не спал, в который по счету раз передумывал, размышлял – где, в чем допустил ошибку.

Нарком был немногословен, и голос его, обычно мягкий и бархатистый, звучал совершенно иначе, незнакомо жестко.

«Ты не оправдал доверия. Поедешь в ссылку».

Успенский пытался объяснить, молил выслушать его, но Ягода перебил: «Довольно». В мембране запищали короткие гудки, и Успенский еще долго сидел с трубкой в руке, будто оцепенел, не решаясь ее положить...

Через несколько дней он уехал в Новосибирск – заместителем начальника УНКВД. Ни Прокофьев, ни Гай, ни Матсон – помочь ничем не могли.

Думал, отсидится в Сибири, страсти улягутся, нарком обо всем забудет. Но плохо, видать, знал он Ягоду.

Начальник Новосибирского управления Каруцкий¹⁵ делал все, чтобы жизнь Успенскому не казалось медом. Специально поручал самые тяжелые дела, на всех совещаниях спускал собак. Однажды Успенский не выдержал: «Василий Абрамович, за что вы так меня не любите?»

Каруцкий пристально посмотрел на него и неожиданно спросил:

– А вы не догадываетесь? Ну?!

Успенский опустил голову.

– Да-да, Александр Иванович, вы совершенно правы. Я имею указание наркома *жать* на вас. А уж что там у вас случилось, вам лучше знать.

Казалось бы, после такого признания, путь один – рапорт на увольнение, а то и пуля в висок. Личная нелюбовь наркома – это конец всем надеждам, вечная травля. Но недаром все кругом считают Успенского везунчиком.

В 1936-м Ягоду сняли. В Новосибирск приехал новый начальник – Курский¹⁶. Этот никаких особых указаний на счет Успенского не имел, потому работали нормально. Любви, может, и не было, только на кой ляд эта любовь нужна. Подальше от царей – будешь целей.

Правда, вскоре Успенский начал понимать: в УНКВД творится что-то неладное. Дела фальсифицируются, под расстрел отдают невиновных. Конечно, ангелом он и сам никогда не был. Но раньше-то стреляли классово чуждый элемент – попов, офицеров, кулаков, а теперь принялись за своих. Да и размах пошел другой, промышленный.

«Вы ничего не понимаете, – накинулся на него Курский, когда как-то раз высказал он начальнику свои сомнения. – Это не фальсификация, а высшее достижение методов чекистской работы. Так нас учит нарком Ежов. А вот ваша позиция, товарищ Успенский (он особенно надавил на это – „товарищ“, будто давал понять, сколь мала дистанция от „товарища“ до „гражданина“), отдает оппортунизмом».

Что ж, раз надо перестраиваться, будем перестраиваться. Спрыгивать с локомотива уже поздно – чересчур разогнался, можно и голову расшибить. И Успенский принял правила игры, в который уже по счету раз...

В Центре результатами его работы остались довольны. Когда весной 1937-го он привез в Москву группу арестованных заговорщиков – близился процесс Пятакова-Радека – Курский, ставший к этому времени

начальником секретно-политического отдела Наркомата, встретил его очень тепло. По-землячески...

Они сидели за огромным столом в кабинете Курского на Лубянке, пили чай, и начальник СПО, чуть наклонившись, втолковывал:

«Главное изображать, будто ты – жертва Ягоды. Он ведь сослал тебя в Сибирь? Вот и замечательно. А уж я постараюсь перевести тебя в Москву. Нам сейчас хорошие работники во как нужны», – и Курский для пущей убедительности провел ладонью руки по выступающему кадыку.

Интересно поворачивается жизнь! То, что еще вчера было минусом, сегодня стало плюсом. Нелюбовь Ягоды, из-за которой он чуть ли в петлю не лез, оказалась таким же достоинством, как рабочее-крестьянское происхождение тогда, в 1920-м. А ведь отдельные дурачки отворачивались от него, шарахались, травили – думали заслужить похвалу Ягоды. Вот уж они сейчас локти кусают. Где Ягода? Меряет шагами камеру. А он, Успенский, жив и здоров. Так жив, что дай бог каждому.

Летом 1937-го Успенского вызвали в Москву. В кабинете секретаря Ежова, всемогущего Дейча¹⁷, его уже ждал Курский. Прямо с Лубянки поехали на квартиру к Курскому. Посидели, выпили.

– С наркомом я обо всем договорился, – торжествующе сказал Курский. – Поедешь на самостоятельную работу в Оренбург. Ежов подбирает свою команду, и я за тебя поручился. Понимаешь?

Конечно, Успенский понимал. Поэтому за здоровье Курского пил он с особым чувством. Жизнь начинала казаться ему все лучше и лучше, но на всякий случай он честно спросил:

– А наркома не смущает то, что я был близок с Ягодой?

– Не бойся Николай Ивановича. Ты же видишь – он многих яго-динцев (Успенский внутренне отметил: звучит почти как «якобинцев») оставил на работе, а кое-кого даже продвигает. Главное, хорошо работай.

Больше Успенский своего «крестного отца» никогда не видел – в 1937-м «не страшщийся Ежова» начальник СПО НКВД Курский пустил себе пулю в висок. Он знал, что следующей ночью за ним должны *прийти*...

Но о судьбе Курского Успенский старался тогда не думать. Жизнь шла в гору. У начальства был он на хорошем счету. В Оренбургской области *почистил* так много народу, что заслужил публичную похвалу самого Ежова. В июле 1937-го на банкете в квартире у Реденса¹⁸ нарком, изрядно приняв на грудь, – о слабостях Ежова на Лубянке знали все, да и много ли ему, карлику, было надо, – начал громогласно расхваливать начальника Оренбургского УНКВД.

– Учитесь у Успенского, – почти кричал Ежов, – вот что значит хороший работник. И мужик он тоже хороший – настоящий чекист, не чета всяким нюням. Вот вы, – он оглядел притихших за столом комиссаров, – побаиваетесь каких-то никчемных секретарей обкома. Хера! Мы – это все. Мы – это власть.

– А ты, Успенский, не бойсь, – снова обратился Ежов к Успенскому, – я тебя не обижу. Скоро пойдешь на новую работу.

Ясное дело, после таких слов сердце у Успенского пело, а руки чесались. Надо было показать, что Ежов в нем не ошибается. Репрессии в Оренбурге пошли по-стахановски. *Так*, что даже в ЦК на это обратили внимание. Осенью Успенского вызвали лично к Сталину.

Не без опаски входил он в Кремль – такой знакомый и такой чужой. Чем закончится разговор с вождем? В Центре предупредили: ЦК недоволен. Говорят, будто он сознательно истребляет партийные кадры.

...Сталин смотрел не мигая, как удав, точно гипнотизировал:

– А скажите нам, Успенский, враг народа Ягода не завербовал ли вас?

В горле сразу же пересохло. Откуда-то со стороны он услышал свой голос – хриплый, ломающийся:

– Товарищ Сталин, клянусь вам, я чист перед партией и вами. Я всегда был честным человеком.

Вождь прищурился:

– И что, никакой связи с Ягодой не было?

– Что вы, товарищ Сталин. Ягода, наоборот, травил меня. Он, наверное, понял, что я не буду выполнять его шпионские поручения. Сослал в Сибирь.

Сталин молчал. Не торопясь, набил знаменитую трубку, затянулся:

– Хорошо, товарищ Успенский, мы вам поверим. Работайте.

Товарищ Успенский! Товарищ! Господи, неужели пронесло?

– Молодец, – похвалил его Ежов, – ты хорошо себя вел. Так и надо. Теперь можно ничего не бояться. Тебе доверяет сам товарищ Сталин.

Правда, Шапиро¹⁹, зам. нач. секретариата наркома, по секрету рассказал, что Ежов до его похода к Сталину уже заготовил на всякий случай ордер – думал, ЦК прикажет арестовать; но кто старое помянет... Да и не мог нарком поступить иначе. Что такое НКВД? Вооруженный отряд партии...

После этой истории они еще сильнее сблизились с Ежовым. Близость эта внешне, может, никак и не проявляла себя, но внутренне Успенский понимал: то, что сам Сталин отпустил ему грехи, Ежов считает собственной заслугой. А значит, не только доверяет, но и покровительствует, относится как к творению своих рук.

«Если вы думаете сидеть в Оренбурге лет пять, то ошибаетесь. Видимо, придется в скором времени выдвинуть вас на более ответственный участок работы». Шифровка такого содержания за подписью Ежова пришла Успенскому в ноябре 1937-го. Долго ждать не пришлось.

В январе начальник Оренбургского УНКВД поехал на сессию Верховного Совета в Москву. В первый же день его вызвал Ежов.

Нарком был уже совершенно пьян. На столе возвышалась бутылка коньяка.

– Поедешь на Украину, – заплетающимся языком изрек Ежов. И, без остановки: – Выпьем?

Ехать на Украину Успенский не хотел. Он вообще ничего уже не хотел. Непрекращающиеся аресты, расстрелы, пытки не могли пройти даром. Пытался глушить поганые мысли алкоголем, но все равно не мог забыться. В ушах постоянно стояли людские крики – начальник УНКВД не гнушался лично допрашивать врагов.

(«Все это, как снежный ком, настолько возрастало, – признается он потом, уже после ареста, – что иногда мне самому становилось страшно. Я понимал, что рано или поздно это кончится плохим».)

Ежов, однако, был непреклонен.

– Вопрос решен, – с пьяным упорством твердил он, – сказано тебе: поедешь, значит поедешь.

Нарком даже решил оказать Успенскому великую честь – лично помочь в работе. Вместе с бригадой сотрудников центрального аппарата НКВД Ежов отправился в Киев. Вот как описывает этот «шефский визит» сам Успенский:

«В Киеве каждый из этой бригады занимался тем, что подбирал материалы для арестов, причем материалы тут же фальсифицировались и давались на санкцию Ежову, который в пьяном виде, не читая

материалов и даже не ознакомившись с краткими справками, санкционировал эти аресты. Особенно отличался в этом отношении Листенгурт²⁰, который ставил перед Ежовым вопрос об аресте военных. Он приносил Ежову громадные списки командиров и политработников, а беспробудно пьяный Ежов подписывал их, не зная даже, на сколько человек он дает санкцию.

Тогда же я получил от Ежова санкцию на арест 36-ти тысяч человек с правом судить их решением тройки НКВД Украины.

Вообще, пребывание Ежова на Украине было сплошным пьянством. Комиссары Ежова ежедневно уносили его вдребезги пьяного на руках».

Методику работы наркома Успенский окончательно уяснил летом 1938-го, когда был вызван на заседание Политбюро. Оценку давал ему Ежов. Естественно, представил в лучших тонах. Затем разговор перешел к «оперативным» вопросам.

Из показаний Успенского:

«На вопрос И. В. Сталина, по каким материалам арестован Булах²¹, Ежов заявил, что на Булаха дает показания Дейч, как на немецкого шпиона. По приезде из ЦК в моем присутствии Ежов вызвал Шапиро и дал ему задание допросить Дейча и добиться от него показаний, что Булах немецкий шпион. Такую же практику я стал применять на Украине».

Ох, лукавил Александр Иванович. Еще задолго до Украины начал применять он «такую практику»...

Из протокола допроса бывшего наркома внутренних дел Белоруссии Б. Бермана²²:

«В 1938 году на совещании в НКВД СССР выступил Успенский и заявил, что он спас Красную Армию (!), так как ликвидированные им в Оренбургской области повстанческие организации, вооруженные берданками,

чуть-чуть не разоружили мотомеханизированные корпуса Красной Армии».

Нет, недаром газеты называли сессии Верховного Совета судьбоносными. После первой сессии, в январе, он стал наркомом Украины.

Приехав на вторую, в августе, от всезнающего Шапиро услышал сенсационную весть.

– У Ежова большие неприятности, – говорил Шапиро, нервно расхаживая по кабинету, – в ЦК ему не доверяют. Ходят слухи, что замом придет какой-то человек, которого нужно бояться.

Ежов уже и сам предчувствовал неладное. Пить он стал еще больше, хотя, казалось, больше было и некуда. У себя на даче, куда как-то раз затащил Успенского, постоянно твердил, что надо всех расстрелять, лишь бы никто ни в чем потом не разобрался.

Когда Успенский возвращался с дачи в Москву, в голове, несмотря на выпитое, все крепче утверждалась мысль: надо бежать. Что он ответит, если от него потребуют объяснений? За что расстреливал десятки тысяч невинных? Валить на Ежова? Но Ежова наверняка объявят врагом народа, как это проделали уже с Ягодой, и на этот раз отвертеться не удастся. Об их близости знают все. Мавр сделал свое дело...

В сентябре 1938 года, взяв жену и 15-летнего сына, Успенский выехал в Житомир. Он хотел нелегально перейти польскую границу, но в последний момент банально трусил. Подумал: а если, неровен час, поймают? Тогда – никаких шансов. Верная смерть. Нет, лучше пусть идет все своим чередом. В конце концов, может, не зря считают его везунчиком. Может, опять пронесет?

Однако кольцо вокруг его шеи затягивалось все сильнее. В августе первым заместителем Ежова был назначен Лаврентий Берия – секретарь грузинского ЦК,

земляк Сталина. Успенский понял: это и есть тот человек, появление которого предрекал Шапиро.

На всякий случай Успенский решается запастись документами на другое имя – так называемыми «ДП», документами прикрытия. Подчиненные принесли ему 5 комплектов на разные фамилии, но он выбрал документы рабочего Ивана Лаврентьевича Шмашковского, более других подходящие ему по возрасту. Остальные – сжег.

Роковой звонок раздался 14 ноября. На проводе был Ежов:

– Тебя вызывают в Москву. Плохи твои дела.

И под конец будто прочитал его мысли:

– А в общем, сам посмотри, как тебе ехать и куда ехать.

Что такое вызов в Москву, Успенский понимал отлично. Обратного ему уже не вернуться. Что же делать?

Из сейфа он достал документы Шмашковского, задумчиво разложил их на столе. Что ж, отныне он начинает новую жизнь. Жизнь, в которой не будет постоянного страха, расстрелов и пыток. Жизнь, так похожую на ту, от которой 18 лет назад он безрассудно отказался. Тогда ему казалось, что ничего не может быть скучнее, чем тихое, незаметное существование. Теперь – понял он – в этой обыденности и есть истинное, настоящее счастье.

Вспомнилась утренняя роса на листьях, запах леса после дождя. В детстве Успенский любил упасть в траву и лежать, вглядываясь в небо, чувствуя, как забирает оно его целиком; испытывать странный притягательный ужас от осознания того, насколько ничтожен человек в бесконечной вселенной.

На раздумья времени не было. Быстро, наискось – так же, как *визировал* расстрельные дела, – набросал «предсмертную» записку. В последний раз оглядел свой необъятный кабинет, но никакой жалости не испытал.

Только дома, когда зашел в комнату к спящему сыну Витольду, сердце сжалось от тоски.

Жена Анечка собрала необходимые вещи. Сходила, купила билет до Воронежа. Это сегодня-то, когда дети поголовно доносят на родителей, а жены на мужей!

Сколько ни бились, но так и не смогли истребить в русских женщинах эту всепоглощающую жертвенность. Господи, почему только в такие моменты по-настоящему начинаешь ценить тех, кто тебя любит...

Последний поцелуй, последний взгляд... И вот уже состав отправляется от перрона. Прощай, Украина. Нет больше комиссара госбезопасности Успенского. Утонул в Днепре, который чуден только при тихой погоде...

До Воронежа Успенский не доехал. На всякий случай сошел в Курске. Пожил четыре дня у паровозного машиниста, которого встретил возле станции. Из квартиры никуда не выходил – боялся.

Оттуда поехал в Архангельск.

– Рабочие требуются? – нарочито грубым голосом спросил он в конторе «Северолес».

На него посмотрели с подозрением:

– Что-то не больно похожи вы на рабочего...

Успенский скорее убрал за спину свои мягкие, ухоженные руки. Первым же поездом он отправился в Калугу. Оттуда до его села родного можно было рукой подать.

Легенда рабочего себя не оправдывала, хотя документы – за это Успенский мог поручиться – были в полном порядке. Поэтому в Калуге на смену рабочему пришел образ командира запаса. Именно так он и назвался ночному сторожу, у которого снял квартиру: «Командир в запасе. Готовлюсь поступать в Военную академию».

Но долго сидеть на одном месте было невероятно тяжело. Хотелось знать, что происходит «на воле»,

ищут ли его, или поверили все-таки в самоубийство. И Успенский поехал в Москву.

Конечно, это было большим риском – его вполне мог встретить кто-то из знакомых, – но есть, видно, какая-то сила, заставляющая людей совершать глупости даже против их воли. Недаром убийц так тянет на место преступления.

В справочном бюро, прямо у вокзала, он без труда получил адрес своего «первого учителя» Матсона.

Успенский знал, что Матсон арестован еще в июле 1937-го. Тогда, после ареста, и мысли не возникало у него снестись с семьей, чем-то помочь да просто хотя бы позвонить – чекистской, как и женской дружбы не бывает, – но теперь оказались они в положении примерно равном. Горе всегда объединяет. Успенский был уверен, что в этом доме его не выдадут.

Он хотел разыскать жену Матсона, думал, работает где-то на периферии, но его ждал приятный сюрприз. Лариса оказалась в Москве и даже – вот чудо – была дома.

Они долго молчали, глядя друг на друга.

– Пройдемся? – предложил он наконец, и в этом коротком слове заложено было много всего, что не смел он произнести вслух.

Они шли по московским бульварам, хрустя свежавыпавшим снегом. Успенский любил зиму: она напоминала ему детские ощущения чего-то сказочного и чистого.

– Лариса, – без обиняков начал он, – меня должны были арестовать, но я сбежал из Киева. Скрываюсь по поддельным документам. Никого ближе тебя у меня нет. Конечно, ты можешь прогнать меня, я тебя не осужу.

Она молчала.

– Так что, уходить мне?

Вместо ответа Лариса прижалась к нему, пахнув такими знакомыми, кружащими голову духами. В памяти сразу ожило прошлое. Их знакомство. Первые тайные свидания. Первая ночь. Дурманящий запах ее волос. До боли стиснутые зубы.

– Но ты понимаешь, чем это грозит. Если меня поймают, тебе не жить...

– Глупый, это не главное. Главное, чтобы рядом был тот, кого любишь... Проживем. Я буду работать еще больше, помогу и тебе устроиться.

Они расстались через день. Условились, что Лариса добьется отправки куда-то в провинцию и до этого момента Успенский безвылазно будет сидеть в Калуге.

Напрасно думал Успенский, что сидение в Калуге есть залог его безопасности. Вышло как раз наоборот.

Под Рождество к нему на квартиру заявился какой-то мужчина. Сказался начальником спецотдела райисполкома. Он долго и занудно расспрашивал хозяина о его квартиранте, и Успенский сразу понял: это ищут его.

Кроме себя самого винить в случившемся было некого; какой черт дернул его отправить письмо свояченице в Тулу? За жену, видите ли, беспокоился. Хорошо еще, хватило ума не оставлять домашнего адреса – писать просил до востребования.

Значит, судорожно размышлял Успенский, письмо перехватили. Или сама свояченица проболталась кому по глупости. Да, в конце концов, это и не важно. Важно другое: его ищут, и круг поисков сократился теперь до одной-единственной Калуги. Неделя, максимум две – и кольцо окончательно сожмется.

Для очистки совести он задворками дошел до почтамта, остановился в проходном дворе поодаль – оттуда здание и подходы к нему видны были как на ладони. Если ищут его именно в Калуге, здесь

обязательно должна сидеть засада – ждать, когда он явится за письмом из Тулы.

Наметанным глазом Успенский сразу отфиксировал людей, с напускной беззаботностью фланирующих взад-вперед. Так и есть. Это провал.

Не заходя домой, прямо от почтамта полетел на вокзал. «В Москву, в Москву», – молоточками билось в висках.

Дома у Ларисы ждали его хорошие вести. Ей пообещали должность врача в Муроме. В Ларисином положении: муж и отец – враги народа – желание скрыться подальше от Москвы выглядело вполне естественно.

На том и порешили. Успенский едет в Муром первым, снимает квартиру и ждет ее там.

Новый год они справляли уже вместе.

Постепенно семейная жизнь начала входить в колею. Лариса работала. Появились новые знакомства. Для всех окружающих были они солидной семейной парой. Она – врач. Он – литератор.

Казалось бы, опасность миновала. Никто не интересовался скромным «литератором», не навел о нем справок. Успенский осмелел даже до того, что решился прописаться в Муроме. Однако весной на квартиру пожаловал вдруг участковый. Возможно, это была самая обычная проверка, но Успенскому уже везде чудился подвох. Несколько дней он скитался по Мурому, ночуя где придется до тех пор, пока Лариса не известила: опасность миновала.

Эта, может, и миновала. Но на горизонте возникла опасность иная – может быть, не менее серьезная. Их отношения с Ларисой стали давать трещину. Одно дело – периодически встречаться с женщиной (этакий адьюльтерчик) и совсем другое – жить с ней под одной крышей. Ларису начало раздражать то, что Успенский

целиком сел ей на шею: нигде не работает, пьет и ест за ее счет.

«Помоги мне хотя бы сделать документы», – взмолился он после очередного скандала.

В это время Матсон работала в школе медсестер. Напечатать справку о том, что гр-н Шмашковский служил здесь помощником директора по хозяйству, равно как и выписать справку о лечении, не составило особого труда.

Разрыв был уже неминуем. В марте 1939-го Лариса уехала в Москву и назад больше не возвращалась. Вскоре от нее пришло письмо: все кончено, меж нами связи нет.

Успенский писал ей в ответ. Молил пощадить. Клялся в вечной любви. Но Лариса хранила молчание.

Через полгода он сторицей оплатит ей за все. «Это страшно развратная женщина, – покажет Успенский на допросе. – Будучи женой Матсона, Лариса Матсон одновременно сожительствовала с Нодевым²³ – заместителем Матсона, Ошвинцевым – председателем Облесполкома, Уборевичем²⁴ и Реденсом».

И еще:

«Между прочим, отец Матсон (Ларисы. – *Прим. авт.*) – Жи-галкович Г. В. содержался под арестом НКВД. Со слов Ларисы мне известно, что в целях освобождения отца она специально сблизилась с сотрудником ДТО НКВД (Дорожно-транспортный отдел. – *Прим. авт.*) Соловьевым, который якобы вел следствие по делу ее отца. В результате в конце декабря 1938 г. Жигалкович был действительно освобожден».

...После ухода Ларисы Успенский окончательно понял, как смертельно он одинок. Весь мир ополчился против него.

Деньги подходили к концу, и он предпринял последнюю попытку – специально поехал в Москву, пришел к ней, упал на колени. Лариса и слушать не стала: прогнала.

Он вышел на улицу и замер. Что делать? Куда идти? Ему нужно было выговориться, он устал от вечного, гнетущего одиночества. Ноги сами понесли его на Сретенку. Здесь, на углу Садового, жил его ближайший друг Виноградов, с которым служили когда-то вместе...

– Вот уж кого точно не чаял увидеть, – Виноградов явно обрадовался незваному гостю. Обнял, расцеловал.

«Значит, он ничего не знает», – понял Успенский.

– Как ты? Что ты? Из органов-то тебя, я слышал, поперли?

Всякая ложь должна быть максимально приближена к правде, – это правило Успенский усвоил еще в самом начале своей чекистской карьеры.

– Да, – ответил он, – меня уволили. Был под арестом. Сидел в Бутырке. Только вышел и сразу к тебе: больше друзей у меня в Москве нет.

Выпили по маленькой. Виноградов рассказал, что тоже попал в жернова. Отсидел 4 месяца.

– Кстати, – неожиданно вспомнил он, – на следствии мне задавали много вопросов о тебе. Очень интересовались – где ты да что ты.

Успенский мгновенно побледнел, но Виноградов, по счастью, этого не заметил, продолжал как ни в чем не бывало.

– И Савина – помнишь такого? Пом. нача УРКМ? – тоже расспрашивали про тебя. Ну, мы сразу и поняли, что ты в остроге. Жену твою, слышал, тоже взяли.

«Это конец, – круговоротом неслись мысли в голове у Успенского. – Они не отстали. НКВД по-прежнему охотится за мной. Наверняка и квартира Виноградова под наблюдением».

– Ну ладно, засиделся я, пора и честь знать, – он резко поднялся с места. – Пойду, дел еще вагон.

Вот уж воистину мудрая фраза – идти куда глаза глядят. А куда они глядят? Нигде не ждут Успенского, некуда ему идти. Ни семьи, ни друзей, никого.

По закону Божьему будущий нарком успевал всегда хорошо. Может, потому-то и вспомнилось ему про Вечного Жида, который блуждает две тысячи лет по миру и нигде не находит пристанища.

Ночь он провел на станции в Павлово-Посаде. Оттуда – в Муром. Купил пиджак из грубой шерсти, надел сапоги, подаренные отцом Ларисы, – надо хоть как-то изменить облик.

Поезд быстро домчал его до Казани. Почему он поехал именно туда, в Татарию, он и сам не знал. Собственно, разницы никакой не было. Теперь до окончания века предстояло ему мотаться по стране, ночуя в поездах, на вокзалах и съемных квартирах. В гостиницах без командировочного удостоверения не селили – он ощутил это в Казани, в Доме колхозника.

Из Казани отправился в Арзамас. Оттуда – в Свердловск. На Урал, правда, это он заехал зря, не подумав. Четыре года здесь работал, знакомых – тьма. Кое с кем даже столкнулся на улице – нос к носу. Дай бог, не узнали.

Он едет в Миасс, на золотые прииски. Там, среди шумной оравы артельщиков, легко затеряться. Артельщики – народ лихой...

И вновь ждет его разочарование. Без военного билета не берут даже в артельщики. Два дня он мыкался по городу, потом вернулся на вокзал.

«Куда теперь? – думал он, подходя к кассе. – Может, в теплые края, на Кавказ?»

И в этот самый момент Успенский услышал такие знакомые и потому такие страшные слова: «Гражданин Шмашковский? Иван Лаврентьевич? Проедемте с нами».

На руках звонко щелкнули наручники. Люди в широких, двубортных костюмах окружили его.

В памяти почему-то всплыло искривленное лицо Ежова. Вспомнилось июльское совещание 1937-го. Огромный, залитый светом зал, посреди которого Ежов казался еще меньше.

«Товарищ нарком, что делать с арестованными 70-80-летними стариками?»

«Если держатся на ногах – стреляй, – ухмыльнулся, обнажая желтые резцы, Ежов. – Мучительный конец лучше бесконечного мучения».

Да, прав был Николай Иванович, как всегда прав...

Нет ничего тяжелее, чем упасть с высоты на землю. А уж тем паче, если еще вчера ты сам опускал других.

Сколько *бывших* прошло через кабинет Успенского: героев, наркомов, разных там деятелей. И у каждого – да, практически у каждого – он читал в глазах это чувство: ужаса, абсурда и покорности. И еще что-то, что превращало человека в животное.

Успенский любил эти минуты, когда вчерашний полубог становился загнанным, покорным существом. Его захлестывала волна сладострастия и какого-то неистовства. Он накручивал себя, заводил, а потом, чтобы забыться, напивался по-черному, убеждая себя, что действительно борется с врагами народа.

А теперь он сам сидит на нарах. И такие же успенские с таким же пристрастием допрашивают его.

Впрочем, нет, первый допрос проводил лично нарком внутренних дел Союза ССР Берия вместе с начальником следственной части Кобуловым²⁵. Вот когда вспомнились Успенскому слова Шапиро, помощника Ежова, о Берия: «Скоро придет человек, которого надо бояться».

Пришел...

- Почему вы решили бежать? - спрашивает его Берия. В стеклах пенсне отсвечивает люстра - такие Наркомтяжпром поставил сейчас на поток: советские люди должны жить красиво.

- Я решил перейти на нелегальное положение, боясь ответственности, которая мне грозила.

- За что?

- За участие в антисоветской заговорщической организации.

Берия довольно потягивается: все идет как задумано. Внимательно смотрит Успенскому в лицо, растягивая слова, медленно произносит:

- Да, вражескую заговорщическую работу против ВКП(б) и Советского правительства вы безнаказанно вели на протяжении многих лет. А кого из работников НКВД УССР вы посвящали в планы своего бегства?

Бывший нарком Украины опускает глаза:

- Никого, кроме жены.

- Вы явно лжете, и в этом следствие вас без всякого труда изобличит... - Берия встает, прохаживается по кабинету, повторяет: - Да-да, без всякого труда.

Успенский и сам это понимает. Куда денешься с подводной лодки? Через несколько часов допроса он «признается» во всем. Расскажет, как бывшие комиссары госбезопасности - Матсон, Миронов, Прокофьев, Гай - долго обрабатывали его «в антисоветском духе». Как специально вытащили в Москву. Как в 1934-м Прокофьев, зампред ОГПУ, поведал ему, что группа Ягоды хочет «совершить государственный переворот путем организации в Кремле терактов против членов Политбюро, и в первую очередь И. В. Сталина». Как впихнули его в комендатуру Кремля, чтобы подсидеть и сместить Ткалуна - тогдашнего коменданта.

- Но ведь Ткалун также был заговорщиком? - делает удивленные глаза Кобулов.

– Я с ним связан не был, – легко отбивает шар Успенский, – у них была своя самостоятельная линия заговорщической работы в РККА.

Что правда, то правда: заговорщики кишмя кишели везде – и в ОГПУ, и в РККА. Их было столько, что меж собой они даже не могли сговориться...

Успенский продолжает «откровенничать». Рассказывает, как сняли Ягоду. Как пришедший ему на смену Ежов тоже оказался врагом народа: это выполняя его, ежовскую волю, Успенский истреблял честные кадры – в Новосибирске, в Оренбурге, на Украине.

– Теперь расскажите о вашей шпионской работе, – нетерпеливо перебивает повествование Берия.

– Шпионом я не был, – упирается Успенский.

Берия и Кобулов раздосадованы.

– Вы нагло лжете, – почти срывается на крик нарком, – вам дается возможность вспомнить все факты вашей шпионской работы и на следующем допросе дать правдивые показания.

Что ж, неспроста Советскую конституцию называют самой справедливой конституцией в мире: она впервые дала человеку неограниченные права. Вот и заключенному Успенскому тоже дается право: откровенно рассказать о шпионаже. Другого права у него нет. Да и выхода нет.

И на следующем допросе, ровно через неделю, он четко, по-казенному доложит будущему генералу, а пока еще старшему лейтенанту госбезопасности Райхману²⁶: да, Ежов приказал ему убить Сталина на Первомайской демонстрации в Москве. Да, еще в 1924-м Матсон привлек его к шпионской работе в пользу Германии, а с 1938 года он шпионил и на польскую разведку.

Аналогичные показания дал еще тридцать один сотрудник НКВД, арестованный по делу о «ежовском

заговоре». В том числе и сам Ежов.

Дальнейшая судьба Успенского была предрешена. Он и сам это понимал. Но, сидя в тюремной камере, тешил себя только одним: вновь и вновь вспоминал свою 5-месячную одиссею и наполнялся гордостью от того, что так долго он водил всемогущую систему за нос. Он сам был плоть от плоти этой системы, и поэтому гордость его была еще сильнее...

...27 января 1940 года Военная коллегия Верховного Суда СССР в закрытом заседании приговорила бывшего комиссара госбезопасности 3 ранга, бывшего члена ВКП(б) Успенского Александра Ивановича к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал.

Впрочем, у этого уникального человека и смерть была особой. В уголовном деле Успенского хранятся... две справки о вынесении приговора. По одной он был казнен 28 января – на другой день после суда. По другой – 26 февраля, то есть через месяц.

Вряд ли мы теперь узнаем, когда это произошло в действительности и какая из справок подлинная. Впрочем, так ли это важно?...

Глава 6

РИХАРД ЗОРГЕ, АГЕНТ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ...

В камере всегда царила полутьма. Даже дневные лучи еле-еле пробивались через узкое зарешеченное оконце, словно цеплялись за волю и никак не хотели с ней расставаться.

Под потолком, правда, днем и ночью горела чахлая лампочка, только от ее тоскливого мерцания Катерина чувствовала свою обреченность еще острее...

Жизнь как будто поделилась на две половинки...

Яркая, до рези в глазах, белизна чистого, выпавшего снега...

Солнечные блики на волнах Средиземного моря...

Золоченые окна домов...

Все это навсегда осталось в *той*, прежней жизни.

А в новой... В новой была лишь полутьма и чахлая лампочка под потолком тюремной камеры...

Катерина никогда не любила осень. Много лет подряд, просыпаясь затемно, она понимала, что сегодня вечер наступит еще раньше прежнего, и от этого становилось ей грустно и одиноко. Осенью темнота наваливалась на нее вместе с какой-то тягучей непонятной тоской, душила ее, сжимала тисками... И забрали ее именно осенью – как будто нарочно. В самом начале сентября, когда неотвратимость темноты чувствуется особенно явно.

Целыми днями Катерина лежала на грубо сколоченной деревянной шконке и вспоминала. Она погружалась в прошлое, словно в теплую эмалированную ванну, и в ее памяти оживали родные лица, голоса, жесты. Прежняя, недоступная теперь

жизнь, где нет параши и хриплых голосов надзирателей.

Еще ей снились яркие, цветные сны. Просыпаясь, она как можно дольше не открывала глаз, чтобы сохранить сладостные ощущения от сна. Часто во сне приходил Он.

Букетик сирени... Смешной акцент... Снежинки, сединой покрывавшие его черные волосы...

Слезы сами подкатывали к глазам. Почему-то перед глазами вставала серовская картина «Похищение Европы»: спасенная красавица мчится по морю верхом на быке. Представлялось: вот сейчас распахнется тяжелая дверь и в темницу войдет Он; подымет ее на руки, увезет далеко-далеко, к самому солнцу... Но нет, чудеса бывают только в сказках... Может быть, и Он тоже был сказкой, растаявшей, как изморозь на весенних стеклах?... Она не видела мужа уже семь лет. Где он сейчас? В какой стране? Под каким именем?

...Откуда Катерине было знать, что в это время ее муж так же, как и она, смотрит в узкое зарешеченное оконце арестантской камеры. За тысячи километров от Советского Союза. В страшной токийской тюрьме Сугамо.

Этого человека звали Рихард Зорге...

Из постановления о продлении срока следствия (8 сентября 1942 г.):

«Установлено, что Максимова Е. А. с 1937 года поддерживала связи с германским подданным Зарге Рихарт, временно проживавшего на территории СССР, заподозренного в шпионской деятельности...

Начальник Следственного отделения Транспортного отдела НКВД Железной дороги им. Л. М. Кагановича лейтенант Госбезопасности Кузнецов».

Шифровка из Москвы пришла в Свердловск еще в 1941-м. Приказ по наркомату: подвергнуть усиленному наблюдению всех граждан немецкой национальности.

Можно сказать, свердловчане еще легко отделались. В других областях немцев вообще чохом загрузили в эшелоны, отправили в Восточный Казахстан. Все Поволжье почистили, Закавказье, Украину, а вот Урал – не тронули.

Да и кого, с другой стороны, трогать? Немцев в Свердловской области всего ничего: 1695 человек. Абсолютное большинство живет в деревнях. Какие из них шпионы?

Но недаром сказано: контроль и учет – основы социализма. За неделю переписали всех свердловских немцев, составили списки. Под подозрение попали немногие: по учетам, как антисоветские элементы, проходило только 194 фигуранта. За них и взялись.

Сначала – за мужчин. Потом – за женщин...

– Тэк-с, – начальник следственного отделения Транспортного отдела НКВД лейтенант Кузнецов пододвинул к себе очередную куцую папку. Стопка таких же папок грудой возвышалась на столе.

От беспрерывного чтения глаза у Кузнецова начинали уже слезиться, но выхода не было: на отдел спустили план.

– Гаупт Елена Леонидовна, – вслух прочитал Кузнецов, – 12-го года рождения, уроженка Свердловска, беспартийная, немка.

Он помолчал немного, откинулся на спинку тяжелого кресла. Сидящий напротив оперработник предупредительно подался вперед:

– И на кого эта Гаупт шпионила?

– Как на кого? – оперработник даже удивился. – Понятное дело, на немцев.

Кузнецов многозначительно усмехнулся. Вся эта игра порядком забавляла его. Если Бог создал человека по образу своему и подобию, то лейтенант переделывал людей по собственному разумению. Хотелось ему, и

человек становился английским шпионом. Хотелось – немецким. Хоть – аравийским.

К большинству своих коллег Кузнецов относился с презрением. Они были всего лишь ремесленниками. Никакой фантазии, выдумки. Бездумный конвейер: арест, приговор, расстрел. А Кузнецов любил работать творчески, масштабно, за что и ценило его руководство.

Уголовные дела были для него не просто делами. Нет, это была палитра, на которой он увлеченно смешивал и разбавлял краски. Гипс, которому предстояло принять форму, придуманную скульптором с чекистскими петлицами...

– На немцев? – переспросил Кузнецов и еще раз усмехнулся: – Ты что же, полагаешь, кроме немцев, у нас нет больше никаких врагов? Выходит, империалистические разведки сидят сложа руки?

Оперработник покраснел, насупился. Робко спросил:

– На англичан?

– А уж это, дорогой товарищ, вам решать, – Кузнецов картинно захлопнул папку. – Санкцию на арест я даю. Покрутите эту Гаупт, посмотрите – авось сама признается.

И он раскрыл очередное дело очередного потенциального шпиона...

В первых числах мая 1942 года 30-летняя Елена Гаупт, такси-ровщица финотдела Управления железной дороги имени первого машиниста страны товарища Кагановича, была арестована.

– Не понимаете? – следователь с усмешкой смотрел на Гаупт. – За дурачков нас, извиняюсь, держите? Не выйдет!

С остервенением он вскочил со стула, и Гаупт от неожиданности даже вздрогнула. «Вот оно, – пронеслось в голове, – начинается».

За те несколько дней, что Гаупт находилась в свердловской тюрьме НКВД, ее никто еще не бил, но

именно это и пугало Елену больше всего. Каждую минуту она ждала, что вот сейчас – именно сейчас – ее примутся пытаться. От любого резкого окрика она сжималась, втягивала голову в плечи.

Собственно, сам факт ареста Елену Гаупт не удивлял – она давно этого ждала, еще с осени, когда стали забирать других свердловских немцев. Рубить под корень вражье семя: так объяснили ей соседи по коммуналке.

И хотя Гаупт никогда не ощущала себя немкой – чем она отличается от других? Весь род, до седьмого колена, лежит здесь, в России; по-немецки, кроме «гутен морген» и «ауф фидерзеен», ничего не понимает – германская педантичность давала о себе знать. Идет война. Таков порядок...

...Следователь склонился над ней:

– Так что же? Будете признаваться, или вам помочь?

– В чем? – голос Гаупт предательски дрожал. – Вы скажите... Может, я знаю, но не догадываюсь...

– Знаете. Конечно, знаете... У какой разведки вы состояли на связи? Какую информацию передавали?

– Это ошибка... Недоразумение... – Гаупт сама понимала, насколько неубедительно звучат ее слова.

– Ах так! – на этот раз следователь разозлился, кажется, не на шутку. – Вот вы какая! Ошибка?!

Он перешел на крик:

– Органы! Никогда! Не! Ошибаются! Запомните! Никогда! Не! Ошибаются!

Слова эти отдавались в ее голове ударами молотка, и от каждого нового удара Гаупт становилось все страшнее и страшнее...

– Вот видите, можете, когда захотите, – начальник следственного отделения Кузнецов пребывал в благодушном настроении, – целая линия уже вырисовывается.

Он с удовольствием, словно утреннюю газету, принялся читать протокол допроса Елены Гаупт:

«Моя двоюродная сестра Максимова Екатерина Александровна выезжала за границу в 1926 году вместе со своим первым мужем Юрьиним, который лечился на острове Капри в Италии от туберкулеза, там и умер, а Максимова в 1927 или в начале 1928 года вернулась в СССР и с тех пор проживает в Москве».

Вот он, размах, который так любил Кузнецов. Не какая-то жалкая шпионка-одиночка, а хорошо законспирированная, разветвленная шпионская сеть.

Эту Максимова с туберкулезным мужем, конечно же, завербовали, пока они раскатывали по заграницам. Максимова, в свою очередь, завербовала кузину – Гаупт; та работала на железной дороге, а железные дороги – объекты стратегические.

Так, а кто же будет резидентом? Эх, некстати помер в Италии муж Максимовой...

Кузнецов вновь углубился в протокол. Все тревоги были напрасны. Да, один муж Максимовой умер, зато появился другой. Немец по имени Миша, работник Коминтерна. Со слов Гаупт, живет сейчас за границей.

Кузнецов сладостно потянулся, заранее предвкушая успех. Все, абсолютно все ложилось, как любил выражаться один из его начальников, в «елочку». Немец. Иностранец. Коминтерновец. А что такое Коминтерн? Шпион на шпионе сидит и шпионом погоняет. Скольких почистили уже за эти годы, но, видно, еще не всех...

И ведь под самым носом у москвичей орудовали. А кто разоблачил? Косопузые уральцы. Лично он, лейтенант госбезопасности Кузнецов. Глядишь, дело и до самого наркома дойдет...

Обязательно дойдет! Вот он – шанс отличиться... Не дай бог его упустить. Жар-птица сама летит в руки...

– Любой ценой, – сказал Кузнецов подчиненному, – слышите: любой ценой необходимо получить от Гаупт показания, что Максимова завербовала ее... Хватит миндальничать!

Из протокола допроса Е. Гаупт от 28 мая 1942 г.:

«Я хотела скрыть участие в моей шпионской организации деятельности моей родственницы Екатерины Максимовой. В мае 1937 г. я приехала в г. Москву и остановилась у Е. Максимовой на ул. Софийская набережная, № 34, кв. 74.

Она жила там, занимая одну большую комнату, записанную на фамилию «Фрогт», как я увидела из счета, поданного ей комендантом дома. Квартира ей стоила свыше 100 рублей.

Я спросила ее, как ей хватает на жизнь своего заработка, она отвечала, что у ней есть другие источники дохода, и стала мне показывать кое-что из своих вещей, часы и еще несколько золотых вещей, а также нарядные платья. Я спросила, откуда она их взяла, она отвечала, что ей подарил все это «Миша Фрогт». Я спросила, где он работает и много ли получает. Она ответила уклончиво, что по работе он часто бывает за границей в длительных командировках и лишь изредка приезжает в Москву. (...)

Она сказала, что мне поможет заработать денег, и предложила, под видом сбора статистических данных, дать некоторые сведения по своей работе. Затем она выдала мне 500 рублей и велела написать расписку, как в счет получения аванса».

Катерину Максимову, бригадира номерного завода «Точпри-бор» взяли поздно вечером, в ее московской квартире. Она уже спала – на работу надо было уходить рано утром.

Спросонья Катерина даже не поняла, что происходит. Очухалась лишь в машине, когда

сентябрьской Москвой везли ее в казематы Бутырской тюрьмы.

– За что? – безуспешно добивалась она, но чекисты отвечали стандартно: «Там разберемся».

В постановлении, пришедшем в Москву из Свердловска, говорилось сухо: «Максимову Екатерину Александровну через Бутырскую тюрьму НКВД г. Москвы этапировать в гор. Свердловск, в распоряжение Транспортного отдела НКВД жел. дороги им. Кагановича».

И дальше: «Максимова Е. А., по материалам ТО НКВД дороги им. Кагановича, проходит, как агент одного из иностранного разведывательного органа».

К допросу Максимовой в Свердловске готовились тщательно. К тому моменту, как Катерину привезли на Урал, к делу уже аккуратно были подшиты новые протоколы допросов ее кузины Елены Гаупт. Гаупт «признавалась», что передавала сестре «сведения о перевозке воинских эшелонов, эвакуации промышленных предприятий, поставках на заводы сырья и материалов»...

– Нам все известно, – начальник следственного отделения Кузнецов допрос проводил сам, лаврами делиться не хотел ни с кем. – У вас есть только один выход: добровольно во всем сознаться.

Катерина по-прежнему не понимала, что происходит. В чем ее обвиняют? Чем она провинилась? Но Кузнецов был неумолим:

– А как же немецкий гражданин Фрогт Михаил, он же Зарге Рихарт, или как там его еще? Этот типчик давно уже находится под колпаком наших органов как шпион... Надеюсь, у вас хватит ума не отрицать факт своей интимной и шпионской с ним связи?

Господи! От волнения у Катерины закружилась голова. Рихард! Неужели с ним что-то случилось?! Он – шпион?! Этого не может быть!

Но разве не оказались шпионами его товарищи?! Разве не арестовали его начальника – седовласого крепыша с синими глазами-буравчиками, даром что орденов была полна грудь. Других...

Так вот почему столько времени о нем не было никаких известий... Шпион!.. Неожиданно все поплыло перед глазами. Разом отодвинулся от нее кабинет, лицо следователя...

– Вот чертова баба, – выругался лейтенант Кузнецов и раздраженно нажал на кнопку в столе.

– Отнесите эту блядь в санчасть, – приказал он конвоирам.

А тем временем, пока в Свердловске шли описываемые нами события, на другом конце земного шара, в Японии, продолжался судебный процесс над группой советских шпионов.

Судья Накасура с интересом разглядывал главного обвиняемого. Высокий, крепко сложенный, с резкими чертами лица – европейцы считают такие лица красивыми. Держится с достоинством.

Голос судьи раздается гулко:

– Признаете себя виновным?

– Нет, ваша честь, не признаю. Я ничем не нарушил интересы Японии и действовал исключительно в рамках закона. Я – не изменник и не шпион, а советский разведчик.

...Если бы еще полтора года назад кто-то сказал немецкому послу в Японии генералу Отту, что его близкий друг германский журналист Рихард Зорге – «красный шпион», он первым бы пустил такому «доброхоту» пулю в лоб.

Рихард! Старый член партии! Человек, вхожий во все кабинеты Токио и едва не ставший руководителем отделения НСДАП в Японии!

Пройдет много лет. О шпионской группе «Рамзая» будет написано множество книг, тонны статей, но даже

тогда генерал – уже бывший – Отт так и не сумеет поверить в эту чудовищную правду.

В неприятную правду вообще не хочется верить. Каково было, например, узнать премьер-министру Японии принцу Коноэ, что его личный секретарь Ходзуми Одзаки был советским шпионом, входившим в разведсеть Зорге?

Добрых восемь лет эта сеть снабжала Москву самой ценной и секретной информацией. Именно Зорге сообщил точную дату начала войны. Именно Зорге сделал все, чтобы Япония отказалась вступать в войну вместе с немцами. Подготовленный Зорге и Одзаки, секретарем премьер-министра, доклад о состоянии японской промышленности окончательно убедил правительство в том, что войну объявлять не надо. Сухие статистические цифры доклада доказали, что промышленность Японии не выдержит войны...

«Человек, для которого не было тайн» – так называлась одна из сотен книг о Зорге, написанных уже после, в 1960-е годы. Для группы Зорге в Японии действительно не было никаких тайн. И в германском посольстве, и в японском МИДе, и в токийском правительстве, и в минобороны разведчики чувствовали себя как дома...

...Когда в октябре 41-го группа Зорге провалилась, японцам показалось, что с них сорвали одежду. Вся страна, все кабинеты власти, чудилось им, наводнены шпионами, ничто не проходит мимо глаз агентов Москвы.

В группе Зорге работало более 35 человек. Среди них были немецкие, австрийские и югославские журналисты, японские чиновники, ученые, художники, врачи – цвет нации...

«Как и при каких обстоятельствах вы познакомились с Рихар-том Зарге?» Лежа на тюремной шконке, она

вновь и вновь слышала этот вопрос следователя, и память сама возвращалась в далекий уже 30-й год...

Они встретились случайно у их общего знакомого Вильгельма Шталя. Зорге, как и Шталь – немец.

Красивое, мужественное лицо, лицо человека, немало пережившего. Он много рассказывает о себе: родился в Азербайджане, где на нефтезаводе работал его отец, инженер Адольф Зорге.

Вырос в Германии: когда отец накопил небольшое состояние, семья вернулась на родину – Рихарду было тогда три года.

Вскоре отец умер, оставив кучу сирот. Мать – урожденная Ко-белева, русская – поднимала их одна.

С началом Первой мировой, не сдав даже школьных выпускных экзаменов, ушел добровольцем на фронт. Был трижды ранен. Демобилизовался, поступил в институт. Увлёкся коммунистическими идеями. Стал подпольщиком.

В 1919-м вступил в Компартию Германии. Участвовал в восстании матросов в Киле, в подавлении капповского мятежа, редактировал коммунистическую газету. Был депутатом девятого съезда КППГ.

В 1925-м приехал в Москву. Пошел работать в Институт марксизма-ленинизма...

И Катерине досталось немало. Была артисткой. Первый муж – тоже артист – умер у нее на руках, в Италии. После его смерти навсегда рассталась со сценой. Пошла аппаратчицей на завод.

Может, чередой былых страданий и объединяла их? Каждый смотрел на жизнь без иллюзий...

Рихард был старше: ему 35, Катерине – 28. От него исходила какая-то исключительная надежность, мужская основательность – рядом с ним Катя чувствовала себя очень спокойно. Наверное, потому что не знала, какая беспокойная работа у этого человека. О том, что в 1926 году Рихард был завербован на службу в

военную разведку Красной Армии, он не говорил ей до поры до времени...

В 1930-м Зорге уехал в первую командировку: в Китай. Отправлял его лично комиссар Берзин¹, начальник военной разведки страны.

Берзин придавал этой командировке особое значение. Японский империализм и германский фашизм поднимали головы. Мир постепенно катился к войне.

После провала китайской революции нанкинское правительство разорвало дипотношения с СССР. На КВЖД – китайско-восточной железной дороге – произошло вооруженное столкновение китайских и советских солдат. Японцы ввели в Китай войска.

Война с Советским Союзом, писал своему императору генерал Танаки, неизбежна.

И в то же время позиции советской разведки в Китае – ничтожны. Военное командование почти не владеет обстановкой, тычутся, словно слепые кутята. Зорге предстояло выполнить невозможное – создать в этой сопредельной, полудикой стране мощную агентурную сеть...

Когда за Рихардом хлопнула входная дверь, Катя неожиданно остро поняла, что лишилась чего-то очень важного – может быть, самого главного в жизни. Хотелось броситься за ним, кинуться на шею, по-бабьи зарыдать. С каждым днем она все сильнее ощущала, как не хватает ей Рихарда; его голоса, его сильных, ухоженных рук, морщин.

Письма, которые приходили от него, она заучивала наизусть. Перечитывала по вечерам и корила себя, ругала последними бранными словами: нет, не достойна она любви этого человека...

Он появился неожиданно – в 1933-м. Загорелый, в иностранного покроя одежде. На лице – новые морщины.

На другой же день они поженились. А вскоре Рихард уехал в Японию. Им суждено было встретиться еще только раз, в 1935-м, когда на целый месяц он прибыл в Москву для инструктажа.

Всего месяц – много это или мало? Катерине казалось, что много. Она с самого начала знала, что скоро им предстоит расстаться, а потому смаковала этот месяц: наслаждалась каждым его мгновением.

Она спешила запомнить Рихарда – Ику. Каждый жест, каждую черточку лица, чтобы потом, оставшись одной, можно было возвращаться в воспоминания. В мгновения, ради которых и стоит, наверное, жить...

...Иногда Катерине начинало казаться, что Ики и вовсе не было. Что это был лишь придуманный ею образ, несбыточная мечта, фантазии бывшей актрисы. И только письма, которые изредка приносили ей молчаливые люди в военной форме, убеждали в обратном.

А потом, в 1938-м, прекратились и письма...

Из письма Рихарда Зорге жене:

«Милая К... Иногда я очень беспокоюсь о тебе. Не потому, что с тобой может что-то случиться, а потому, что ты одна и так далеко.

Я постоянно спрашиваю себя – должна ли ты это делать? Не была бы ты более счастлива, если бы не знала меня?...

Все это наводит на размышления, и потому пишу тебе об этом, хотя лично я все больше и больше привязываюсь к тебе и более чем когда-либо хочу вернуться домой, к тебе».

Катерина держалась недолго. Уже через месяц после ареста, в октябре 1942-го, к радости свердловских чекистов она наконец «призналась»:

«Да, с 1933 года я была агентом немецкой разведки. Была завербована на эту работу Шталем».

В НКВД – безотходный метод производства; здесь ничего не пропадает зря. Вот и Вильгельму Шталю, человеку, познакомившему Максимову с Зорге, нашлось свое место в сценарии, благо еще в 1937-м он был арестован как шпион и умер в тюрьме.

Но что энкавэдэшникам мертвый Шталь? Во главе шпионского заговора должен стоять не мертвый, а живой. И такой человек есть – Рихард Зорге.

Подобный абсурд не привидится и в страшном сне: работающего за рубежом разведчика объявляют шпионом только потому, что он... работает за рубежом.

– Вам известны цели поездок Зорге за границу? – допытываются у Максимовой.

Катерина обреченно мотает головой: «Нет»...

Ей действительно не известно, чем занимается за кордоном муж. Она знает только, что Рихард – сотрудник военной разведки РККА, потому и квартира в Москве записана на подставное имя.

А знают ли это свердловские чекисты? Знают ли, что объявляют шпионом своего коллегу?

Максимова говорила об этом на допросах много раз. Не проверить ее слова энкавэдэшники просто не могли.

Тогда в чем же дело? Почему военная разведка предала своего агента? Не хотели связываться с Лубянкой?

Или, может, потому, что Центр знал уже о провале Зорге и он не представлял больше никакой ценности? Был отработанным материалом?

Или потому, что Зорге многократно предупреждал Центр о подготовке немцев к войне и это приводило Сталина в бешенство?

А может, потому, что отправляли его в Японию руководители Разведупра Берзин и Урицкий², арестованные в 1937-м как враги народа?

Гадать можно долго. Неоспоримо одно: в ноябре 1942-го лейтенант госбезопасности Кузнецов в одном из следственных документов написал, точно вынес уже приговор:

«Установлено, что в 1934 году Максимова связалась по поручению **агента германской разведки** (выделено мной. – *Прим. авт.*), прибывшего из-за границы, со Шталем и собирала материалы о полит. настроениях трудящихся СССР провокационного характера».

И никому не было дела, что в это самое время «агент германской разведки» Рихард Зорге давал показания японскому суду...

...Ее тело еще не успело остыть. Тюремный врач поднялся с колен, брезгливо вытер руки о халат:

– Готова.

Надзиратель Зубков – тщедушный мужичишка с неправдоподобно красным лицом засуетился:

– Дак... Товарищ начальник, не виноват я...

Начальник следотделения Кузнецов презрительно посмотрел на него:

– Достукался?!

Надзиратель покраснел еще сильнее:

– Товарищ начальник, чес-слово... Ни при чем я... Как положено, раздал обед, а потом кормушку-то открыл, а она уже неживая лежит... И получаса не прошло.

– Она раньше не пыталась покончить с собой?

– Как же, – оживился надзиратель. – Третьего дня перед подъемом услышал я в камере у нее шорох... Дверь открыл, гляжу – она под топчаном лежит, в руках косыночка. Я ее вытащил, говорю: «Опять хотите давиться?» А она: «Все равно удавлюсь...».

Зубков говорил еще что-то, вспоминал какие-то ненужные подробности, детали, но начальник следотделения уже не слушал. Мысли его работали совсем в другом направлении. Он лихорадочно

соображал: как обойтись теперь без покойницы, чтобы не развалить дело... Впрочем, ничего страшного, кажется, не произошло. Свою миссию самоубийца все равно уже выполнила...

Справка

«Следственно арестованная Гаупт Елена Леонидовна, 1910 года, уроженка гор. Свердловска, 2-го ноября 1942 г. умерла в ВТК ТО НКВД.

Нач. секретариата ТО НКВД

ж. д. им. Л. М. Кагановича

ст. лейтенант Госуд. безопасности Булгаков».

Из акта осмотра трупа:

«...в камере № 3 внутренней тюрьмы ТО НКВД был осмотрен труп женщины следственно-заключенной Гаупт... На шее круговые кровоподтеки с нарушением поверхностного слоя кожи. На предплечье левой руки имеются поперечные массовые поверхностные нарезы, на левом верхнем веке огромный темно-фиолетовый кровоподтек. На обоих коленных суставах свежие ссадины с большими кровоподтеками.

Трупное окоченение не произошло. По заявлению дежурного надзирателя Зубкова, следственно-заключенная Гаупт совершила факт самоубийства через повешение в 13 ч. 10 минут московского времени, во время раздачи обеда заключенным».

Елена Гаупт не выдержала тюремного конвейера точно так же, как до этого не выдержала пыток.

Наверное, ей показалось, что смерть – это единственный выход из западни, куда она угодила; тот самый «пятый угол».

Наивные энкавэдэшники думали, что найти «пятый угол» невозможно: эта была одна из любимейших их пыток – четверо мордоворотов становились по углам и ударами кованых сапог гоняли человека, как футбольный мячик, – искать пятый угол.

Но Гаупт этот проклятый «пятый угол» все-таки нашла...

За месяц до смерти между ней и Максимовой провели очную ставку. Это были, пожалуй, самые тяжелые минуты в ее недолгой жизни...

– Арестованная Гаупт, вы признаете, что были завербованы гражданкой Максимовой для выполнения шпионской работы?

Гаупт низко-низко опускает глаза. Еле слышно произносит:

– Признаю.

– Арестованная Максимова, вы подтверждаете показания гражданки Гаупт?

На лице Катерины – ужас, смятение. Она не понимает, что происходит. Что за бред несет Лена?! Какая шпионская работа, какая вербовка?! Она смотрит на сестру, она хочет увидеть ее глаза, но Гаупт не отрывает их от пола...

– Ленка, Леночка, ты что?!!

Этот Катин крик будет чудиться ей потом постоянно: и ночью, и днем. Через месяц Гаупт поняла: избавиться от этого кошмара можно одним только способом...

Из постановления об этапировании от 17.11.1942 г.:

«Телеграфным распоряжением НКВД СССР от 7/11-42 г. за № 14373 следственно арестованная Максимова Е. А. подлежит этапированию в г. Москву, с дальнейшим перечислением ТУ НКВД СССР. Заместителем наркома, комиссаром госбезопасности 3 ранга тов. Кабуловым дано указание для дальнейшего ведения следствия дело № 197 вместе с арестованной направить в распоряжение Транспортного управления НКВД СССР».

Из окна камеры видна только глухая стена. Лубянская тюрьма – огромный каменный мешок. Со всех сторон окружает ее страшное здание, известное

каждому москвичу: Наркомат внутренних дел. Лубянка...

Порой Катерине кажется, что о ней попросту забыли. Почти не выводят на допросы. Вызывая, просят лишь подтвердить данные раньше показания. Не к добру это...

Всю дорогу от Свердловска до Москвы Катерина провела у окна. Она всматривалась в пролетающие мимо дома, полустанки. В этих домах, представляла она, обычной жизнью живут обычные люди: ссорятся, мирятся, клеят обои, проверяют дневники у детей. И совершенно их не волнует, что сейчас, в эти самые минуты, мимо их окон несется по рельсам поезд, везет в Москву следственно-арестованную Максимову, и от осознания этого Катерина вконец чувствовала себя одинокой, никому не нужной...

Если бы Гаупт не покончила с собой, возможно, Катерина так и осталась бы в Свердловске. Впрочем, сказались, может, и иные обстоятельства – в Москве, например, посчитали, что негоже столь серьезное дело доверять провинциалам. А может, виной всему была фигура главного заговорщика – «немецкого агента» Зорге.

Так всегда и бывает: возделывают деревья одни, а плоды пожинают другие.

Когда Максимову увезли в Москву, лейтенант Кузнецов, начальник следотделения ТО НКВД желдороги им. Кагановича, впервые за долгое время напился. Он пил от горя, от обиды: вместе с Максимовой в Москву уезжала и птица удачи, которую Кузнецов успел уже ухватить за хвост, но так и не поймал. И теперь уже вряд ли поймает.

А через десять дней после того, как Катерину доставили в Москву, пятого декабря 1942 года, судья Накасура объявил следствие по делу Рихарда Зорге законченным...

Последний раз на Лубянке ее допрашивали в феврале 1943-го. Усталый следователь даже не отрывает глаз от протокола. Ответы ему известны заранее.

Но что такое? Следователь не верит своим ушам:

– Я отказываюсь от показаний!

В голосе Катерины звучит неожиданный металл. Она как будто снова вышла на сцену.

Куда исчезло сломленное, жалкое существо? Теперь перед следователем сидит красивая, неприступная дама с гордо поднятой головой.

– Да, – повторяет она, – все это время я давала ложные показания. Никакой шпионской работы я не выполняла.

Следователь растерян. Ему не раз приходилось слышать, как люди отказываются от своих слов, но только всегда это действие происходило в одном направлении. Сначала люди твердили о том, что невиновны. Потом – признавались. Здесь же – все было наоборот; словно часовые стрелки побежали в противоположную сторону, справа налево.

– У меня не было другого выхода, – Катерина продолжает монолог, – показания против Гаупт я дала только тогда, когда мне предъявили протоколы ее допросов, где она ссылается на меня, как на вербовщицу... Про Шталя мне сказали, что он арестован за шпионаж, и мой муж также известен органам НКВД как шпион... Меня вынудили показать, что Шталь рассказал мне про мужа, будто Рихард вел шпионскую работу против СССР... Но мне об этом ничего не известно...

Следователь сосредоточенно записывает ее показания. На всякий случай – хуже не будет. В конце концов, у него всегда есть возможность не подшивать протокол к делу: пусть решает начальство...

В ту ночь Катерина долго не могла заснуть. Она в который по счету раз проигрывала эту сцену вновь и вновь, как учили ее в Ленинградском институте сценического искусства, и понимала, что обратного пути больше нет...

...Через месяц, 13 марта 1943 года, Особым совещанием при наркоме Максимова Екатерина Александровна за связи, подозрительные по шпионажу, была приговорена к пятилетней ссылке в Красноярский край. Не позднее 20 мая ей надлежало прибыть в Больше-Муртинское районное отделение НКВД. Она приехала к месту ссылки чуть раньше – 15 мая.

Жить ей оставалось всего полтора месяца... 3 июля она умерла в районной больнице от кровоизлияния в мозг с последующим параличом дыхания...

Рихард Зорге пережил свою жену ненадолго. Его повесили 7 ноября 1944 года – в день, который Зорге почитал за самый величайший праздник на свете. «Да здравствует Красная Армия, – крикнул он перед смертью. – Да здравствует Советский Союз!»

Он уходил из жизни, свято веря в правоту своего дела...

И летят в эфире позывные, Словно стук его больного сердца. Человек беседует с Россией, И во тьме, со смертью по соседству.

Видит он простор родных полей,

И березки белые у Волги...

На далекой, на чужой земле

Не щадил себя товарищ Зорге!

(Из песни «Товарищ Зорге»)

«Только через двадцать лет сложились условия, позволяющие рассказать правду о Зорге». Так писала 6 ноября 1964 года газета «Правда». Статья вышла на другой день после того, как Зорге посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Что же это за «условия»?

Слава Зорге пришла в Союз из-за рубежа. Так бывает у нас часто: в своем отечестве пророков нет.

После победы над Японией материалы императорской контрразведки попали к американцам, а оттуда на Запад.

О судьбе Зорге заговорил весь мир. Тысячи книг, брошюр, статей поведали об уникальной шпионской операции. О том, как советский разведчик, герой и красавец, проник в самые сокровенные тайны Германии и Японии.

Были сняты и документальные фильмы. Один из них, чудесным путем, показали тогдашнему вождю Никите Хрущеву.

Никита Сергеевич растрогался:

– А он хоть Герой?

Помощники развели руками.

– Безобразие, – вспыхнул Первый секретарь, – немедленно исправить эту оплошность.

И понеслось. В рекордно короткие сроки имя Зорге стало известно всей стране. О нем писали песни, ему ставили памятники, его именем называли улицы. Зорге стал первым советским разведчиком, вознесенным на пьедестал.

Не обошли вниманием и Катерину Максимову. Практически во всех книжках о Зорге подробно описывалась история их романтической любви. Разумеется, о финале этой истории скромно умалчивали, прикрываясь стыдливым упоминанием, что Максимова умерла в эвакуации (!), в Красноярске, в результате несчастного случая.

Да, слава пришла к Зорге совершенно заслуженно. Даже с высоты сегодняшнего дня трудно недооценить этого уникального разведчика-агентуриста, сумевшего осесть в неприступной для шпионажа Японии, долгих восемь лет проработавшего под носом у гестапо и императорской контрразведки, создавшего мощную

разведывательную сеть. Такое под силу лишь киногерою Штирлицу, но никак не живому человеку. Впрочем, в образе Штирлица есть что-то и от Зорге...

Не знаем, правда это или байка, но рассказывают, что когда Брежнев посмотрел «Семнадцать мгновений весны» он, как и Хрущев в свое время, искренне растрогался:

– Надо дать Штирлицу Героя!

– Леонид Ильич, – засуетились помощники, – это ведь выдуманный персонаж, не было такого Штирлица в природе.

– Да? – удивленно прошамкал генсек. – Тогда дайте Героя этому красивому артисту.

Вскоре Вячеслав Тихонов стал Героем Социалистического Труда...

Это произошло через 20 лет после того, как с Екатерины Максимовой были сняты все обвинения. Посмертно...

Глава 7

КТО ПРЕДАЛ ЗОЮ КОСМОДЕМЬЯНСКУЮ

...А наутро донесла разведка, что в селе Петрищево стоят, отдыхают вражеские танки. И сказала Зоя: «Я пойду, я еще не очень-то устала, я еще успею отдохнуть...

Зима в том году наступила ранняя. Уже выпал снег. Он шершаво хрустел под ногами, и от этого хруста, от покрытых снежными подушками – точь-в-точь рождественская открытка – деревьев отдавало чем-то детским, щемяще родным и потому до боли знакомым. Словно и нет никакой войны вовсе, и дома ждут их теплые постели с чисто накрахмаленными наволочками и простынями, такими же хрустящими, как этот снег...

Их было шестеро. Вернее, их осталось шестеро, потому что четырех своих товарищей потеряли они, напоровшись на немецкую засаду, еще трое суток назад, едва только перейдя линию фронта.

Они шли долго. Кружили по лесам, обходя ставшие в одночасье вражескими деревни. Спали по очереди... И чем ближе подходили они к пункту своего назначения, тем мрачнее и неразговорчивее становились эти люди. А потом и вовсе случилось страшное...

До деревни Петрищево оставалось всего-ничего, каких-то полкилометра. Полоска огоньков виднелась уже из леса, когда боец Кирюхин, самый старый из группы, *тертый*, неожиданно плюхнулся в снег:

– Все, командир. Больше не могу.

На какое-то мгновение Крайнов, командир диверсионной группы, даже оцепенел. Он потряс Кирюхина за плечи:

– Ты что, очумел?

– Не могу... Что хошь делай, не могу. Заболел я...
Ноги не ходят.

Он отвернулся, поднял глаза куда-то вверх, словно мог разглядеть что-то в стремительно надвигающейся вечерней темноте.

Крайнов был командир неопытный, из молодых. До войны ком-сомолил в Ярославле. Никогда раньше с таким махровым, отъявленным дезертирством сталкиваться ему не приходилось, и от ощущения собственного бессилия Крайнов почувствовал, как приходит в бешенство:

– Да я... Под трибунал пойдешь! – рука Крайнова зацарапала по кобуре.

– Воля твоя, – в голосе Кирюхина не было страха; одна лишь глухая, упрямая усталость. – Только сил у меня нет.

Над поляной нависла угрожающая тишина.

– Так, – многозначительно выдавил Крайнов. – Может, еще кто-то не в силах идти? Может, есть еще больные?

Командир был почти уверен, что никто примеру Кирюхина не поддастся, но, видно, плохо знал он своих бойцов. Еще двое – Поваров и Щербаков отвернули головы.

«Что делать? – лихорадочно размышлял Крайнов. – Тащить их силком? Толку немного. И задания не выполнят, и всю группу под монастырь подведут. Эх, дайте только вернуться обратно, за все тогда ответите...»

– Ладно, – его голос гулким эхом разнесся по лесу, – оставайтесь. После разберемся... Значит, так. В деревню заходим с разных сторон. Как только израсходуете боезапас, не мешкая, возвращайтесь назад. Встречаемся вон там, – он указал на соседнюю опушку. – Расходимся прямо здесь. Все понятно?

– Понятно, – двое из пятерых кивнули. Только двое. Парень и девушка. Оба – добровольцы, обоим по восемнадцать...

– Тогда вперед, – Крайнов резко поднялся на ноги и, не оглядываясь, зашагал к деревне...

Со своим участком он разделался на удивление быстро. Ни немцы, ни колхозники не успели еще даже очухаться, как швырнул Крайнов в крайние избы бутылки с зажигательной смесью и метнулся в лес.

Он ждал своих бойцов до последнего. Уже наступило утро, но Крайнов все не уходил с условленного места, все надеялся, что вернется хотя бы кто-то. Через десять часов он понял, что ждать дальше бессмысленно и зашагал к линии фронта. На календаре было 26 ноября 1941 года...

Крайнову и в голову не могло прийти, что очень скоро невзрачная подмосковная деревушка, которую он только что поджег, станет известна всей стране...

Из приказа по Кавалерийской бригаде СС № 24 от 12 декабря 1941 г.:

«По словам пленных, надо рассчитывать на систематические покушения врага уничтожать путем поджогов населенные пункты и жилища войск позади фронта. У партизан создаются специальные поджигательные команды. Необходимо принять меры предосторожности для предупреждения и тушения пожаров.

Гауптштурмфюрер СС Рихтер».

Эту девочку с кротким, почти иконописным лицом знал в Советской стране каждый. Ее именем называли улицы и корабли, в ее честь возводили памятники, писали стихи и картины. Чем же прославилась она, московская комсомолка Зоя Космодемьянская?

Зоя была партизанкой. В восемнадцать лет ушла добровольцем на фронт. Ее поймали фашисты. Пытали. Потом повесили.

«Нас двести миллионов, – сказала им Зоя, когда на шею ей накинута петля, – всех не перевешаете».

Но так уж издревле повелось на Руси: нет для нас занятия увлекательнее, чем сбрасывать в воду вчерашних идолов.

Почти полвека все, что было связано с войной, обожествлялось, канонизировалось, возводилось в ранг неприкасаемых святынь. А потом словно фановую трубу прорвало. Оказалось, что Матросов¹ просто-напросто поскользнулся перед амбразурой дзота. Николай Гастелло всего лишь не справился с самолетом.

А Зоя... За последние десять лет о Космодемьянской было написано много. Из отважной партизанки-разведчицы превратилась она в бессердечную умалишенную диверсантку, пойманную самими же колхозниками, когда поджигала избы мирных селян.

В начале 1990-х одна из газет (кажется, «Аргументы и факты») опубликовала письмо врачей-психиатров, которые утверждали: Космодемьянская страдала острой формой шизофрении и лежала перед войной в сумасшедшем доме. (Догадливый читатель сразу же понимал: вот, значит, почему партизанка выдержала нечеловеческие пытки – здоровому человеку такое не под силу.)

Затем появилась версия, что Космодемьянская – и не Космодемьянская вовсе.

Впервые о ее подвиге написал военкор «Правды» Петр Лидов. Было это еще в начале 1942-го – сразу после освобождения Петрищева. Настоящего ее имени он тогда не знал: перед смертью Космодемьянская назвалась Таней.

Вслед за публикацией в Петрищево съехались десятки женщин. Каждая из них претендовала на родство с «Таней». Они дрались прямо у могилы: рвали друг другу волосы, выцарапывали глаза.

Сильнее всех оказалась Любовь Тимофеевна Космодемьянская: ей-то и выпала честь стать матерью героини и заседать потом десятилетиями во всевозможных комитетах защиты мира и труда, и снимать до самой смерти дивиденды со своего материнства.

Стоит ли говорить, что все эти «изыскания» ничего общего с реальностью не имеют, как, впрочем, и все то, что мы знали о Зое раньше.

Истина, как обычно, лежит посередине. Если быть совсем уж точным – она скрыта в Центральном архиве ФСБ. В уголовном деле № 903.

Для начала – цитата из хрестоматийной книги Л. Т. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре»:

«Группа комсомольцев-партизан перешла через линию фронта. Две недели они жили в лесах на земле, занятой гитлеровцами. Ночью выполняли задание командира, днем спали где-нибудь на снегу, грелись у костра. Еды они взяли на пять дней, но растянули запас на две недели. Зоя делилась с товарищами последним куском хлеба, каждым глотком воды...

...Потом пришла пора им возвращаться. Но Зоя все твердила, что сделано мало. Она попросила у командира разрешения проникнуть в деревню Петрищево.

Она подожгла занятые фашистами избы и конюшню воинской части. Через день она подкралась к другой конюшне, на краю села, там стояло больше двухсот лошадей. Достала из сумки бутылку с бензином, плеснула из нее и уже нагнулась, чтобы чиркнуть спичкой, – и тут ее сзади схватил часовой».

Именно так описывался в советской историографии подвиг Зои Космодемьянской: комсомолка-партизанка, пойманная при поджоге конюшни. В действительности ничего этого не было: ни группы «комсомольцев-партизан», ни конюшен.

А была специальная команда охотников-диверсантов из разведотдела Западного фронта – в/ч 9903. Был приказ Ставки, названной в просторечии «огненной землей»...

И еще – может быть, даже самое главное. Зоя Космодемьянская была схвачена немцами не случайно. Они охотились за ней намеренно, специально, ибо знали, кто она такая и зачем пожаловала в Петрищево...

Из приказа Ставки Верховного Главнокомандующего № 0428 от 17 ноября 1941 г.:

«Ставка Верховного Главнокомандующего приказывает:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. (...)

2. В каждом полку создавать команды охотников по 20–30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников.

И. Сталин Б. Шапошников²».

Наверное, если бы не журналист Петр Лидов, вряд ли о Космодемьянской кто-нибудь вообще узнал. Скорее всего, числилась бы она пропавшей без вести, как и миллионы других безымянных бойцов, ее сверстников, и заросла бы ее могила в Петрищево пыльным бурьяном и мясистыми лопухами, а то и вовсе распахали бы колхозники под пашню.

Но Космодемьянской повезло (если, конечно, выражение «повезло» к ней применимо в принципе). Один из палачей сфотографировал ее казнь – просто так, на память, по-туристски. Карточка эта – Зоя с петлей на шее и табличкой «поджигатель», обошедшая

нынче весь мир, попала к Лидову, уже после смерти фотографа. Он расспросил жителей Петрищева, те подтвердили: да, была какая-то партизанка, повешенная немцами.

Знал ли Лидов, что никакой партизанкой Космодемьянская не была? Что в составе диверсионной группы была она заброшена в немецкий тыл, чтобы сжечь деревню Петрищево, где стоял немецкий штаб? Теперь уже на этот вопрос не ответит никто.

27 января 42-го года в «Правде» был опубликован целый «подвал»: «Таня» – так назвал Лидов свой очерк.

Что такое «правдинская» статья в то время? Конечная инстанция. Приговор суда. Или, напротив, вознесение на пьедестал.

Уже через две с половиной недели после публикации, 16 февраля, Зое посмертно присваивают звание Героя Советского Союза. 18-летняя девочка превращается в святую...

Страна остро нуждалась в героях: немцы стояли еще под Москвой, счет попавшим в плен шел на миллионы.

Но не о поджигательнице-диверсантке же писать? Как могла власть признать, что воюет против собственного народа – избы-то поджигала Зоя крестьянские. Так появился и застыл на долгие годы в бронзе и мраморе миф о «партизанке-комсомолке».

Заодно подшлифовали и иные шероховатости. Малопривлекательный поджог спящих немцев был заменен уничтожением конюшен; герои не должны воевать исподтишка. Ну, а уж о том, что отец Зои был репрессирован как враг народа, решили не вспоминать и вовсе.

И еще об одном обстоятельстве забыли пропагандисты – вряд ли намеренно, скорее не до этого им было в горячке войны. Что случилось с третьим бойцом, отправившимся поджигать Петрище-во? Командир

Зоиной группы, Борис Крайнов, как мы помним, вернулся обратно в лес. Зою поймали и казнили немцы.

Но был ведь и третий – 18-летний Василий Клубков. Может быть, он тоже герой, только об этом пока никто не знает...

Все вскрылось даже раньше, чем кто-то мог предположить.

Из протокола допроса командира группы в/ч 9903 Бориса Крайнова:

«**Вопрос:** Какие были отношения между Клубковым и Космодемьянской?

Ответ: Взаимоотношения Космодемьянской с Клубковым были обостренные; почему-то она все время с ним ругалась, даже за всякую мелочь.

Вопрос: Какое настроение Клубкова было в момент направления его на задание?

Ответ: На задание Клубков шел неохотно, один идти не хотел, и пошел только лишь под моим нажимом, и после того, как я его убедил в необходимости выполнения заданий и приказа».

Вопреки всем ожиданиям красноармеец Клубков не пропал... Звание Героя было присвоено Зое 16 февраля. А уже четырьмя днями позже, 20 февраля, Клубков неожиданно объявляется в Москве, в штабе разведотдела Западного фронта.

Он рассказывает свою историю, лихую, полную авантурных поворотов и виражей. Оказывается, после того как поджег он избу в Петрищево и побежал обратно в лес, его схватили немцы. А потом...

Процитируем объяснительную, написанную Клубковым на другой день по возвращении в Москву:

«Утром 27-го (ноября. – *Прим. авт.*) меня повезли в штаб в Можайск. Допрос не проводили, а посадили в амбар. Ночью 28.11.1941 мы проломали пол и бежали. Двадцать девятого, заночевав в стогу соломы, пошел на Москву. В пути меня задержали немцы и повезли в

лагерь в гор. Можайск, где находились около 2000 человек.

В лагере я пробыл до 12 декабря 1941 г., откуда поездом повезли в Смоленск. 16 числа прибыли в Смоленск и разместились в лагере военнопленных. В начале января перевели на работу на ж-д, где грузили уголь. Проработал 6 суток и сбежал. Снова начал пробираться к Москве.

В г. Облогино на 9-10 сутки (16-20 января) нас задержали полицейские и привели к старосте села. В этих же числах (число не помню) через 2-3 часа на машине отправили в Смоленск. Я спрыгнул из кузова и пошел по направлению к Москве. (...) 20 февраля я прибыл в Москву».

Нехитрая арифметика: если верить словам Клубкова, за четыре месяца он трижды бежал из плена. Это в лютые-то морозы! Избитый и полуголый!

Подобным везением может похвастаться только какой-нибудь герой Жюль Верна. Целые дивизии – да что дивизии! армии! – оказываются в плену. Не возвращается практически никто. И только Клубков, словно птица Феникс, неизменно возрождается из пепла.

Особисты подробно расспрашивают его о судьбе Космодемьянской. Но Клубков утверждает, что он ничего про нее не знает «с тех пор, как разошлись для поджога деревни, занятой немцами». Странно. По логике вещей, между двумя задержанными поджигателями должны обязательно были провести очную ставку. Вновь и вновь задают Клубкову каверзные вопросы. Вновь и вновь, как пономарь, повторяет он одно и то же.

«Я поджег один дом, где ночевали немцы. После того, как я поджег дом, я побежал на сборный пункт, в лес. В лесу были немцы, которые набросились на меня и взяли в плен».

Стоп! Вот вы и попались, гражданин Клубков. Кто-то из вас врет – либо вы, либо ваш командир, Борис Крайнов, ведь Край-нов утверждает прямо обратное: «Клубков своего задания не выполнил, его участок деревни подожжен не был».

«Известно ли вам, почему Клубков не выполнил задания?» – спрашивают у Крайнова.

«Мне Клубков об этом рассказывал после того, как он возвратился из плена в Москву, – отвечает командир. – Клубков мне говорил, что он, подойдя к цели, заметил немцев и возвратился к другой цели, но так как уже часть деревни горела, он ушел на сборный пункт, где я его ожидал, но был по пути в 100–150 метрах от сборного пункта задержан немцами».

Эти показания как-то не вяжутся со словами Клубкова. Вначале ведь он говорил, что был схвачен после того, как поджег дом. Теперь выясняется, что он ничего не поджигал.

«Возвратившись из плена, Клубков рассказывал вам что-либо о Космодемьянской?» – продолжают интересоваться у его командира.

«Клубков, возвратившись из плена, в разговоре со мной ничего о Космодемьянской не рассказывал и ее судьбой не интересовался, даже не спросив у меня, где она и что с ней».

Поразительное равнодушие! Подвигом Зои восхищается вся страна, и только ее боевому товарищу судьба героини оказывается безразличной. Нет, так советские люди не поступают!

Подозрений накопилось более чем достаточно. 2 марта 1942 года начальник Особого отдела НКВД Западного фронта генерал Цана-ва³ санкционирует арест Клубкова. В бумаге написано четко – статья 58 УК РСФСР, пункт 1: измена Родине...

...У него было достаточно времени, чтобы вспомнить все. С какой-то фотографической, что ли, ясностью всплывали в памяти события той страшной недавней ночи.

Снова и снова видел он, как входит в Петрищево. Видел лица немцев – четко, как в кино. Слышал лай деревенских собак, смешанный с германской речью...

Он потерял уже счет времени, день смешался с ночью, сон с явью, допросы сменяли один другой, и кошмару этому, казалось, не будет ни конца ни края.

Когда приводили его от следователя обратно, в маленькую, ставшую теперь для него домом камеру в Новинской тюрьме, он как подкошенный падал на жесткую шконку, засыпал в забытии, всякий раз надеясь, что увидит во сне родную деревню... Или на худой конец – не будет никакого сна, а только черная, всасывающая пустота. Но кошмар ноябрьской ночи не отпускал его, с каждым разом терзал все сильнее. Уже на первом же допросе он начал признаваться в содеянном – «колоться», как именовал процесс этого самоистязания его следователь.

Он рассказал, как поймали его немцы. Как начали избивать. Как привели на рассвете Зою.

«Стали спрашивать, знаем ли друг друга. Я сначала отрицал, а потом, после того как меня избили, я сказал, что знаю ее. Ее также избили, и она сказала, что знает меня. Сказал я также, что вместе с Зоей шли поджигать деревню. Далее офицер стал спрашивать, откуда и кем послан. Я сказал, что воинской частью, ни названия, ни места расположения части не сказал. (...) Затем Зою увели».

В кабинете у следователя смрадно. Пахнет махоркой, сыростью и чем-то удушливо тяжелым, давящим.

– Дали ли вы немцам подписку о своем согласии работать в немецкой разведке? – устало спрашивает его

следователь. Такой вопрос задают любому, кто попадает в этот кабинет, только откуда это может знать 18-летний крестьянский паренек.

Клубков наклоняет голову в пол. Мир окончательно теряет свое равновесие.

– Да, – коротко и мрачно бросает он.

Из протокола допроса В. Клубкова:

«Меня увезли в Смоленск и направили в школу разведчиков. По прибытии я дал подписку, написанную по-русски, в которой было указано, что я обязуюсь не убегать и работать на благо германской области (так в документе. – *Прим. авт.*)».

Второй допрос, в тот же день. Следователи пытаются взять предателя измором. «Говорите правду, – требуют чекисты. – Какое задание вы получили от немецкой разведки?»

«Я ранее показал неправду, – сознается Клубков. – Из школы я не убежал, а меня вызвал один из начальствующих лиц школы разведчиков вместе с одним б. (бывшим. – *Прим. авт.*) красноармейцем военнопленным, по имени Музыченко Николай Егорович, из кулаков. Нам вдвоем было дано задание узнать численность советских войск и вооружения в Барятино. Музыченко ушел в Каменку и сказал мне, чтобы я туда пришел также 28 января в 12 ч. дня. Я не пришел и пошел в Кунцево, где находился штаб разведотдела».

И вновь все очень похоже на правду – в те дни немцы засылают перевербованных красноармейцев сотнями: недостатка в «материале» у них нет. Вполне возможно, что Клубкову действительно не давали никакого серьезного задания – инструкции он должен был получить у своего напарника, уже имеющего опыт шпионских рейдов за линию фронта. Вроде все так. Но, с другой стороны, как можно верить человеку, раз за разом меняющему показания? «Прессовка» продолжается.

5 марта Клубков вынужден был признать, что в момент задержания он сообщил немцам «месторасположение своей части, количество личного состава». Рассказал о том, что «эта часть готовит бойцов и перебрасывает их в тыл немецких войск для выполнения специальных заданий командования Красной Армии, для проведения диверсионной и разведывательной работы. (...) Кроме этого, рассказал о полученных заданиях, назвал фамилию своего командира группы Шикрова и выполняющих с ним задание бойцов – Зою и Бориса, фамилии их не назвал, т. к. не знал».

Так вот в чем дело! Оказывается, немцы не случайно бросились на поиски других поджигателей. Они наверняка знали, что против них работают разведчики Красной Армии и шли не наобум – по указанному предателем следу.

«О Космодемьянской Зое немцам я рассказал, что она поджигала деревню, где были немецкие войска, после чего немецкие офицеры в присутствии меня начали избивать ее резиновыми палками, – показывает Клубков 5 февраля на допросе. – Несмотря на то, что я Космодемьянскую выдал и на избиения немецкими офицерами, все же она им ничего о себе и о Красной Армии не рассказала».

11 марта Клубков добавляет: «Я рассказал офицеру, что нас всего пришло трое, назвав имена Крайнова Бориса и Космодемьянской Зои. Офицер немедленно отдал на немецком языке какое-то приказание присутствующим там немецким солдатам, они быстро вышли из дома и через несколько минут привели Зою Космодемьянскую».

«Вы присутствовали при допросе Космодемьянской?» – спрашивает следователь.

«Да, присутствовал».

«Что спрашивал офицер у Космодемьянской, и какие она давала показания?»

«Офицер у нее спросил, как она поджигала деревню. Космодемьянская ответила, что она деревню не поджигала. После этого офицер начал избивать Зою и требовал показания, но она дать таковые категорически отказалась».

Допрос продолжается.

«К вам офицер обращался за помощью в получении признания от Космодемьянской?»

«Да, офицер спросил у меня, она ли это и что мне известно о ней. Я в присутствии Космодемьянской показал офицеру, что это действительно Космодемьянская Зоя, которая вместе со мной прибыла в деревню для выполнения диверсионных актов, и что она подожгла южную окраину деревни. Космодемьянская после этого на вопросы офицера не отвечала. Видя, что Зоя молчит, несколько офицеров раздели ее догола и в течение 2-3 часов сильно избивали ее резиновыми палками. Космодемьянская заявила офицерам: „Убейте меня, я вам ничего не расскажу“. После чего ее увели, и я ее больше не видел».

Выходит, в день ареста Клубков в очередной раз врал. Он ведь говорил, что Космодемьянская созналась в знакомстве с ним (точная цитата из протокола: «она сказала, что знает меня»). Теперь утверждает обратное: Зоя не сказала врагам ни слова. Впрочем, на сей черед он, кажется, говорит правду.

«Вас разве не учили в разведотделе Запфронта, что в случае, если вы попадете к немцам, то не должны выдавать соучастников своей группы, а также, кто вы и кто вас сюда послал?» – задает абсолютно формальный вопрос следователь. Ответ заранее известен: «Нас, в том числе и меня, учили этому в разведотделе».

«Почему же вы выдали Космодемьянскую?»

«Офицер пригрозил мне пистолетом, – вздыхает Клубков. – Я боялся, чтобы не быть расстрелянным, в результате чего выдал Космодемьянскую».

Дальнейшее – понятно. После того как он предал товарища, обратного пути у Клубкова нет. «Теперь вы будете работать в пользу немецкой разведки, – заявляет ему фашистский офицер, – все равно вы своей родине изменили».

Из приказа Главнокомандующего генерал-фельдмаршала фон Рейхенау:

«О поведении войск на Востоке»

10 октября 1941 г.

«К борьбе с врагом за линией фронта еще недостаточно серьезно относятся. Все еще продолжают брать в плен коварных, жестоких партизан и вырожденцев; к одетым в полувоенную или гражданскую форму отдельным стрелкам из засад и бродягам относятся все еще, как к настоящим солдатам и направляют их в лагеря для военнопленных. Пленные русские офицеры рассказывают с язвительной усмешкой, что агенты Советов свободно ходят по улицам и зачастую питаются из походных немецких кухонь.

Не вдаваясь в политические соображения на будущее, солдат должен выполнить двоякую задачу:

1. Полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и его вооруженной силы.

2. Беспощадное искоренение вражеского коварства и жестокости, и тем самым обеспечение безопасности жизни вооруженных сил Германии в России.

Только таким путем мы можем выполнить свою историческую миссию по освобождению навсегда германского народа от азиатско-еврейской опасности».

Так все-таки поджигал ли Клубков дома в Петрищеве или нет? Арестованный долго путается в показаниях, но в итоге признается: не поджигал.

«Подойдя к дому, я разбил бутылку с „КС“ и бросил ее, но она не загорелась. В это время я увидел невдалеке от себя двух немецких часовых и, проявив трусость, убежал в лес. Как только я прибежал в лес, на меня навалились два немецких солдата, отобрали у меня наган с патронами, две сумки с пятью бутылками „КС“. Часа в 3–4 утра эти солдаты привели меня в штаб немецкой части, расположенной в дер. Пепелище (очевидно, описка: не Пепелище, а Петрищево. – *Прим. авт.*), и сдали немецкому офицеру».

Вроде бы еще одной загадкой стало меньше. Но загадка эта далеко не последняя.

«Вы от следствия на предыдущих допросах скрыли полученные от немцев задания, – продолжают допытываться чекисты. – Расскажите подробно, какие задания вы получили от немецкой разведки и что вы сделали по выполнению этих заданий?»

Точно так же, как «ломался» он в немецком штабе, не выдерживает «прессинга» Клубков и в кабинете следователя. О прежней «легенде» – все задания давались напарнику – он уже не вспоминает.

«Да, я действительно на предыдущих допросах от следствия скрыл полученные мною от немецкой разведки задания».

Клубков торопится поведать как можно больше. Он надеется, что в обмен на откровенность ему сохранят жизнь. Шпион рассказывает, как утром 27 ноября в сопровождении двух солдат его отправили в Можайск. Как поместили в одном доме с группой немецких агентов – было их человек 30. Называет фамилии и приметы этих людей. Как в декабре их всех перевели в разведшколу под Смоленском – в местечко Красный Бор.

Курс обучения был недолгим – с 20 декабря по 3 января.

«Нас учили немецкие офицеры, как нужно собирать шпионские сведения о расположении и вооружении частей Красной Армии, штабов и складов с боеприпасами. Метод занятий был следующий.

Каждый день с утра один офицер часа два читал лекции, потом поодиночке спрашивал, как слушатели усвоили пройденное, а перед концом дня вызывает два человека на практические разговоры. Один из нас представляет разведчика, а другой рядового красноармейца или колхозника, у которого первый в осторожном разговоре выпытывает сведения о расположении, численности и вооружении частей Красной Армии.

На лекциях нам говорили, что при встрече с красноармейцами мы должны представляться им как местные жители, а при посещении местных жителей заявлять им, что мы якобы красноармейцы, отставшие от своих частей. По мере того как слушатели усваивали методы работы разведчиков, немцы их отправляли на сторону советских войск».

Сразу после Нового года – 3 января – Клубкова вызвали в штаб разведшколы. «Вы хорошо усвоили методы разведки, – покровительственно сказал ему офицер. – Скоро мы пошлем вас в советский тыл».

Пришедший фотограф запечатлел Клубкова в фас и профиль – для отчетности. На него заполнили очередную анкету, взяли отпечатки пальцев. Никакой клички, правда, не присвоили, но зато приказали заполнить подписку о сотрудничестве.

На рассвете 7 января 1942 года в 20 километрах юго-восточнее райцентра Борятино диверсант был переброшен за линию фронта. Вместе с Клубковым на задание отправился и его напарник – некто Музыченко.

Из протокола допроса 11-12 марта 1942 г.:
«**Вопрос:** Расскажите подробно, что вам известно в отношении Музыченко?

Ответ: С Музыченко Николаем Егоровичем я познакомился, находясь на курсах немецких разведчиков в Красном Бору. Мы с ним вдвоем проживали в одной комнате в течении 13-14 дней.

Музыченко мне рассказывал, что он сам украинец, родом из Черниговской области, что его отец раскулачен. До войны он работал на сахарном заводе, около Чернигова – весовщиком.

Он мне рассказывал, что он добровольно сдался в плен немцам 11 октября 1941 г. около г. Вязьмы, после чего через пересыльные пункты попал на немецкие курсы разведчиков в Красный Бор. Тогда же он мне говорил, что уже до этого он трижды перебрасывался в расположение войск Красной Армии и собирал ценные шпионские сведения, за что немцами награжден золотыми часами. Часы он мне показывал.

Вопрос: Обрисуйте внешние приметы Музыченко.

Ответ: Музыченко среднего роста, толстый, черный, хромотает на правую ногу, видимо был ранен, точно не знаю, лицо широкое, круглое, нос прямой, когда идет – качается».

В шпионской связке Клубков-Музыченко последний выполнял роль резидента. Именно ему Клубков должен был передавать собранные сведения о наступающих частях Красной Армии в Бо-рятинском районе. Особенно немцев интересовала военная техника. Сколько у русских танков и пушек в заданном районе? Где они расположены? Как передвигаются?

Разумеется, такие данные трудно получать на стороне. Клубко-ву было приказано внедриться в разведотдел Западного фронта – туда, где он служил раньше. Работа военной разведки занимала фашистов куда сильнее, чем передвижения наших частей.

«Оставшись на службе в разведотделе, я должен был собрать сведения, сколько РО готовит диверсионных групп, фамилии людей, куда, кто и с

каким заданием переброшен, – признавался Клубков. – Кроме того, я должен был сам попасть в одну из направляемых в тыл к немцам группу красноармейцев, а там выдать эту группу немцам».

Легко сказать: «...оставшись на службе в разведотделе». Разведка – это не полевая кухня, просто так туда не попадешь. Тем более человеку, побывавшему в плену. Впрочем, немцы еще слишком слабо представляли себе методы работы «СМЕРШа». То, что любой, находившийся за линией фронта человек, автоматически попадает в число врагов, станет им понятно лишь позднее. Пока же, в начале войны, они наивно полагали, что бывший разведчик, вернувшийся в родные пенаты, имеет все шансы возвратиться обратно в строй.

Клубков, однако, выполнил все инструкции. Перейдя линию фронта, он расстался с Музыченко и зашагал в сторону райцентра Борятино, но, не дойдя километров семи, был задержан красноармейцами и доставлен в штаб неизвестного ему полка.

Человек с петлицами младшего политрука внимательно выслушал его рассказ о побеге из плена и под конвоем послал Клубкова в штаб дивизии – в Борятино.

Новый допрос – на этот раз куда как серьезнее. И вновь история Клубкова кажется офицерам убедительной. Вместе с другими бывшими пленными его направляют на пересыльный пункт в Козельск, а оттуда на формировочный пункт в Москву. Наверное, на этом шпионская карьера предателя и закончилась бы: он, конечно же, не хотел собирать никаких разведданных, предпочитая забыть все случившееся, в том числе ждущего его в деревне Каменка резидента Музыченко, как страшный сон. Но вмешался Его Величество Случай.

Около формировочного пункта Клубкову неожиданно встретился сослуживец по разведотделу Западного фронта Абрамов. Абрамов дал ему адрес разведотдела и посоветовал отправиться прямо к начальнику РО подполковнику Спрогису⁴. Что оставалось делать перебежчику? Отказаться? Но это неминуемо вызовет у Абрамова подозрения. Выхода у Клубкова нет. Скрепя сердце, отправляется он к Спрогису.

То, что случилось затем, вам уже известно. Бдительный Спро-гис не поверил «военнопленному». После беседы с особистом Клубков был арестован.

Думаю, не последнюю (если не сказать больше) роль в повышенном интересе контрразведки к Клубкову сыграл звездный отблеск Зои Космодемьянской.

Из протокола допроса от 19 марта 1942 г.:

«**Вопрос:** Вам предъявлено обвинение по ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, признаете ли себя виновным?

Ответ: Постановление о предъявлении обвинения мне объявлено и ст. 58-1 п. «б» мне разъяснена. Виновным в предъявленном мне обвинении признаю себя полностью.

Я действительно выдал немецкой разведке бойца Зою Космодемьянскую, а позднее был завербован офицером немецкой разведки для шпионской работы и дал показания о разведотделе З. Ф.

Подробные показания по всем вопросам я давал на предыдущих допросах и сейчас их подтверждаю».

Следствие было проведено ударными темпами. Всего девятнадцать дней – с 1 по 19 марта – потребовалось следователю Особого отдела НКВД Западного фронта для того, чтобы «раскрутить» шпиона. Впрочем, и шпион был так себе – 18-летний деревенский паренек.

Если бы не стечение обстоятельств, жизнь его могла сложиться совсем иначе, и с войны, выживи он, Клубков вполне мог вернуться героем. По крайней мере, нехитрая его биография – до похода в Петрищево – к этому располагала.

На фронт он ушел добровольцем – в день выхода указа о Всеобуче. В октябре 1941-го добровольно же записался в батальон истребителей танков. Оттуда – опять по собственной воле – в действующую армию, в разведотдел.

Наверное, в ту ночь, в Петрищево, он просто испугался. Дал слабину. А потом пошло-поехало: коготок увяз – всей птичке конец.

Из протокола судебного заседания. 1942 г. марта 3 дня:

«Подсудимый в последнем слове сказал: „Я признаю себя виновным в предательстве Зои Космодемьянской и в измене своей родине. Свою вину я осознал и прошу суд сохранить мне жизнь“.

В 15 часов 50 минут суд удалился на совещание. В 16 часов председательствующий огласил приговор. В 16 часов 25 минут судебное заседание объявлено закрытым».

Конечно, Клубков надеялся остаться в живых. Однако финал был известен заранее. Высшая мера без конфискации имущества, за неимением такового. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

16 апреля 1942 года Василий Клубков был расстрелян. Другому же виновнику казни Космодемьянской – лесорубу Свиридову – оставалось жить еще несколько месяцев.

55-летний Семен Агафонович Свиридов, лесоруб Верейского лесхоза, участвовавший вместе с немцами в погоне за Зоей, военным трибуналом войск НКВД Московского округа был приговорен к расстрелу 4 июля.

Что же касается судьбы Николая Музыченко, заброшенного вместе с Клубковым в советский тыл, то ее проследить нам не удалось. Впрочем, Клубков дал настолько подробные показания, где следует искать резидента, что упустить его чекисты просто не могли. Скорее всего, шпиона постигла та же участь: заслуженная смерть.

...Их было десять человек, тех, кто перешел в ночь на 22 ноября 1941 г. линию фронта. Четверо отстали по дороге. Трое смалодушничали. Еще один стал шпионом.

И только двое, только двое из десяти выполнили задание.

Страшная арифметика войны, о которой не принято сегодня вспоминать. Как будто от этого подвиг Зои Космодемьянской – одной из десяти – становится менее значимым...

Глава 8

«ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА» ПРОТИВ «АБВЕРА»

Что общего между литератором и разведчиком? Ничего, скажете вы. Литератор, дескать, человек сугубо мирный, вооружен исключительно ручкой и бумагой (на худой конец – печатной машинкой).

Скажете – и будете в корне не правы. История знает немало примеров, когда бывшие шпионы становились на путь литературного поприща, ничуть не связанного с их прежним занятием.

Даниэль Дефо и Сомерсет Моэм; Иван Тургенев и Александр Грибоедов; даже знаменитая Астрид Линдгрен – «мама» Карлсона и Пеппи Длинныйчулок – и та успела поработать в шведском секретном ведомстве.

Но одно дело – литераторы, и совсем другое – литературные персонажи, точнее, их прототипы. Потому-то история, о которой пойдет сейчас речь, аналогов себе не имеет...

Каждый, кто читал «Педагогическую поэму» Макаренко¹, наверняка помнит одного из главных героев ее – бывшего вора Семена Карабанова.

Как и все остальные персонажи книги, образ Карабанова не был придуман писателем. Под этим именем он вывел реального человека – своего ученика и последователя Семена Калабалина.

Конечно, Карабанов-Калабалин не был столь знаменит, как его наставник, но и в неизвестности прозябать ему тоже никогда не приходилось.

Всю жизнь занимался он воспитанием трудных детей. Директорствовал в детдомах. Вместе с женой – тоже героиней «поэмы» – на практике воплощал

педагогическую методику Макаренко. Был удостоен звания «Заслуженный учитель РСФСР».

О бывшем беспризорнике, пошедшем по стопам своего учителя, регулярно писали газеты, благо почва была благодатная. Известная писательница Фрида Вигдорова² посвятила судьбе Кала-балина целую трилогию – «Дорога в жизнь».

И в то же время о подлинной жизни его не знал никто. Недаром свою единственную не трудовую – боевую – награду Семен Калабалин получил из рук начальника «СМЕРШ» и будущего министра госбезопасности Виктора Абакумова³...

Первое знакомство с чекистами вряд ли оставило у Калабали-на хорошую память. В январе 1938-го, когда работал он директором детдома, его арестовали по печально известной 58-й статье УК. Калабалин был обвинен в антисоветской агитации среди молодежи.

Собственно, по-другому, наверное, не могло и быть. Человек прямой и открытый, он всегда, всю жизнь говорил то, что думал и в выражениях особо не стеснялся. Такие люди обычно долго не живут.

Но ему, на удивление, везет. За решеткой Калабалин провел всего месяц и был отпущен «за недоказанностью»: с воцарением Берия по стране прокатилась робкая волна освобождений и пересмотров.

Калабалин вообще был счастливчиком. Он мог погибнуть много раз, но неизменно судьба уберегала его от смертельной, казалось, опасности...

Обратимся, впрочем, к автобиографии Калабалина, которую в 1942 году он написал по просьбе работников НКВД.

«Родился я в 1903 году, 14 августа, в селе Сулимовке на Пол-тавщине. Мои родители занимались сельским хозяйством – батрачили, т. к. земли своей,

избы и, вообще, никакого имущества не имели. В связи с тем, что не было своего гнезда, мы часто переезжали из села в село на жительство, а в селе из избы в избу поселялись за отработок.

Себя я помню из села Сторожевого Чутовского района Полтавской области. Уже девятилетним мальчиком я был определен в пастушки к кулаку Сивоволу за три рубля в лето и за первые штанишки в жизни из сурового полотна. На другое лето я был определен пастухом к кулаку Завгороднему в с. Васильевку – уже за 8 (рублей. – *Прим. авт.*), а на третье лето к кулаку Наливко Николаю.

Зимою ходил в церковно-приходскую школу четырехлетку, которую и закончил в 1915 году. В том же году меня свели к помещику Голтвянскому и продали за 40 р. в год; лето – пастухом, а зиму – коровником.

В 1916 году в августе месяце на пощечину помещицы я ответил кнутом по ее спине и бежал с усадьбы. Около двух недель жил в огородах, питаюсь – что стащу и, наконец, ушел в г. Полтаву. Жил в воровских притонах, на кладбище и промышлял карманными и квартирными кражами. Имел около полусотни приводов в полицию и однажды был направлен в колонию для малолетних преступников.

В конце 1917 года пристал к вооруженному отряду, налетевшему на город и ушедшему в лес в окрестности г. Полтавы. Оказалось, что во главе отряда красных партизан стоял мой брат Иван. (Вот еще один пример природного везения Калабалина. – *Прим. авт.*) Впоследствии отряд вошел в состав 1-го Украинского Советского полка им. Шевченко. Брат был командиром батальона, я – разведчиком. В бою с гайдамаками под ст. Раздольная я был ранен в ногу, лежал в Николаеве, а затем уехал в Полтаву (кажется, 1919 г.). Я нашел своего брата Ивана, который партизанил против

деникинцев (помню операции: налет на юнкерское училище; на ст. Кобеляки пустили под откос броневик и вырезали около сотни деникинцев).

Затем отряд влился, если мне память не изменяет, в 501 полк, который действовал против деникинских войск. В бою под Бело-городом был ранен в руку. Лежал в Харькове, заболел тифом, был переведен в тифозный городок, а после выздоровления – уехал к родным в с. Сторожевое, где застал отца, мать и младшую сестру. Братья Ефим, Иван, Андрей и Марк были в Красной Армии.

Пожив дома около месяца, я уехал в Полтаву и, кажется, в марте или апреле 1920 года с отдельным 53 батальоном уехал на Польский фронт. Под Проскуровым был ранен в обе ноги, но не сильно. Лежал с неделю в какой-то деревне, а затем добрался до г. Полтавы и в армию больше не возвращался.

Встретившись с «друзьями» по воровской жизни, я организовал группу воров человек 10 и занимались грабежами. Мой старший брат Ефим был начальником военного отряда резерва милиции в Полтаве. Моя группа воров подверглась его преследованию. (Такое может быть только в России – брат ловит брата! – *Прим. авт.*) В декабре 1920 г. он всех нас переловил и посадил в тюрьму. Я просидел три месяца и решением комиссии по делам несовершеннолетних был отправлен в детскую трудовую колонию им. М. Горького (см. «Педагогическую поэму» А. Макаренко, где я прохожу как герой поэмы под псевдонимом Семен Кара-банов). В колонии Горького вступил в Комсомол. В 1922 г. был командирован на рабфак в г. Харьков при Сельхозинституте и в 1927 г. закончил Инженерно-мелиоративный факультет. Был призван в армию и определен в школу одногодичников при 25 стр. дивизии им. Чапаева в г. Полтаве. Через два месяца был

демобилизован как ограниченно годен по состоянию здоровья – болезнь желудка».

Агрономом, однако, Калабалин не стал.

«Хай ему с тем хлебобобовством! – воспроизводится в „Педагогической поэме“ его слова, сказанные Макаренко. – Не могу без пацанов буты. Сколько еще хлопцев дурака валяет на свете, ого! Раз вы, Антон Семенович, в этом деле потрудились, так и мне можно».

Более 13 лет – вплоть до начала войны – Калабалин учительствовал в детдомах и детколониях. Работал в Харькове, Ленинграде, Одессе, Виннице.

Июнь 1941-го он встретил в Москве – директором детдома для трудных детей № 60. Однако в эвакуацию детдом уезжал без него. Перепоручив хозяйство жене, Калабалин записался на фронт добровольцем. Прозябать в тылу, когда решается судьба страны, было не по его характеру.

Вопреки ожиданиям, Калабалин не попал ни в действующую армию, ни в ополчение. Он был отобран военной разведкой для выполнения специальных заданий.

«Я был послан в спецлагеря военной разведки, – скажет он потом на допросе в НКВД, – имел связь с ее представителем по имени „товарищ Василий“. После десятидневного специального обучения в лагерях я был назначен командиром отряда особого назначения в составе 13 человек и 11 августа 1941 г. самолетом из Москвы был доставлен в Штаб Южного Фронта в м. Бровари (под Киевом). В ночь с 13-е на 14-е августа я с отрядом переброшен на самолете в тыл противника».

Перед группой «товарища Семена» – отныне он действовал под таким псевдонимом – была поставлена непростая задача: разведать движение немецких частей, местонахождения штабов, аэродромов, складов; по возможности провести диверсии.

14 сентября – через месяц – ему надлежало вернуться обратно, за линию фронта, но возвратился он только через год.

Злоключения Калабалина начались с первых же минут выполнения спецзадания. Инструктор, который отвечал за выброс разведчиков, приехал на аэродром пьяным в стельку. Только с грузовым парашютом провозился он целых 20 минут. В результате группа оказалась разбросанной далеко друг от друга, а кружащий на одном месте самолет был замечен немцами. Начались поиски диверсантов.

Но Калабалин ничего этого пока не знал. Всю ночь он разыскивал своих товарищей и только под утро встретил двух членов группы – остальных десятерых «товарищ Семен» больше никогда не видел.

Из показаний Калабалина (21 сентября 1942 года):

«Примерно в 10 час. выставленный в дозор радист окликнул меня: „Товарищ командир, идите сюда – тут партизаны!“

Не зная, кто те, которые обнаружили нас, да и встреча с партизанами не входила в наши планы, я дал громко команду: «Товарищ лейтенант, обеспечить прикрытие пулеметами фланги, станковый в центре, автоматчикам прикрыть тыл!» – а своему телохранителю тихо сказал: – что бы ни было, с радистом уходите, ищите встречи с остальными и груз, и направился к группе вооруженных людей.

Их было человек 25–30, заметил три ручных пулемета, остальные были вооружены винтовками, гранатами. Действовали отдельными группами-полукольцом по отношению к нам. Подойдя к ним, поздоровался и приказал радисту отправиться в расположение отряда, а сам решил отвлечь незнакомцев хотя бы ценой своей жизни и прежде всего

мне хотелось сохранить радиста, т. к. без него наша задача в своем выполнении была бы малоценна.

Неизвестный отряд подходил к нам с опаской и рад был уйти, довольствуясь тем, что фактически я как командир уже в их руках. На мой вопрос, кто они, я услышал, что они-де, мол, партизаны, рыскают по лесам, больше скрываясь от немцев, чем борются с ними. Стали выражать свое негодование жестокостью немцев в обращении с мирным населением. Предложили мне пойти в деревушку, где у них там находится штаб и их главный командир. Я согласился, предложил им идти всем, дабы не получилось какого недоразумения с моим отрядом. (...)

Деревня была на расстоянии километров трех. В деревне у колодца, где я попил воды, мне был нанесен удар по голове, вероятно, прикладом и я был сбит с ног. Избиение продолжалось несколько минут.

На предложение одного из заправил прикончить меня выстрелом в голову, чей-то начальнический голос воспротивился тому, заявив, что его надо доставить в распоряжение немцев, что и было исполнено. Из этой деревни я был доставлен в д. Майдан в помещение сельсовета. Там подвергался первому допросу представителя желтой повязки. Я там назвался Наливко Иван Андреевич из села Сторожевого, Чутовского района Полтавской области. Рядовой, сброшенный с самолета для разведки...»

Отныне нет больше кандидата в члены ВКП (б), литературного героя и командира группы особого назначения «товарища Семена». Его место занял Иван Андреевич Наливко. Калабалин назвался этой фамилией сознательно.

Любая легенда должна быть максимально приближена к правде. Незнание мелочей и деталей – вот что губит обычно разведчиков.

Никаких проверок Калабалин не боялся. Сторожевое – это его родное село. Если же вздумалось вдруг кому-то проверить – был ли в природе Иван Наливко – имя это без труда было бы найдено в церковных книгах. Так звали друга его детства, который – Кала-балин знал это наверняка – давно уже покинул село.

На все вопросы оуновцев «Наливко» отвечал охотно, но односложно. Да, заброшен в тыл, но с какого аэродрома – не знает. Остальных членов группы увидел впервые только перед заброской. Задание? Разведка движения воинских частей и расположения штабов...

Избит он был до такой степени, что сразу после допроса оунов-цы были вынуждены доставить его в Новоград-Волын-ский госпиталь для военнопленных.

Из показаний Калабалина:

«Из лазарета я решил бежать, для этого я завязал „дружбу“ с медсестрой из приходящих. Она мне приносила молоко, расположила меня к себе. Однажды я ей сообщил свое решение о побеге. Она одобрила это и даже предложила первые дни скрывать меня у себя. Я попросил ее достать мне штатский костюм. Согласилась и принесла мне майку.

Я обследовал возможности побега. Пройдя по чердаку, на котором также лежали больные красноармейцы, можно было выйти на лестницу той части дома, которая была огорожена проволокой.

В день побега моя доверенная принесла мне и брюки. Это было в первой половине дня, а в час дня меня вызвали в амбулаторию врача, где оказалось трое немецких офицеров, которые спросили у врача, могу ли я быть выписан. Врач ответил отрицательно. На том мы и разошлись, а я еще раз утвердился в решении уходить сегодня с наступлением темноты...»

Этим планам не суждено было исполниться. Калабалина выдала одна из медсестер, заметившая его приготовления к побегу.

В тот же день «Семен» был выписан из госпиталя и отправлен в Холмский концлагерь № 319 «А», под Шепетовку.

«Я истощал, – так описывал „прелести“ лагерной жизни Кала-балин. – Обессилел до такой меры, что на расстояние 100 метров до уборной тратил от 30 до 40 минут».

И вновь – чудо. Он уже мысленно примирился с неминуемой смертью, ждал ее словно избавления, но вдруг на пороге барака застыл капо: «К коменданту!»

Комендант лагеря, оказалось, помешан был на физкультуре. И когда случайно попалась ему на глаза калабалинская анкета, где в графе «профессия» значилось: «учитель-спортрук», загорелся он странной идеей – организовать в лагере регулярные занятия физкультурой.

Впрочем, был в этой идее пусть и циничный, но чисто прагматичный, чисто в немецком духе смысл. Спортивные упражнения продлевали жизнь бесплатной рабочей силе.

Так к Калабалину пришло спасение. Теперь ему давали увеличенную пайку, не гоняли на тяжелые, изнурительные работы.

Каждое утро он выводил заключенных на зарядку, хотя, поло-жа руку на сердце, зарядкой это назвать просто не поворачивается язык. Люди были настолько обессилены, что не могли даже стоять на ногах. Они махали руками, вертели головами и выполняли дыхательные упражнения, сидя прямо на земле.

Увы, послабление это продолжалось недолго. В ноябре 1941-го Калабалина вместе с другими заключенными перевели в новый лагерь – в местечко Понятово. В марте последовал очередной перевод – в Польшу.

За эти четыре месяца из двенадцати тысяч узников в живых осталось всего двести пятьдесят. В лагерях

свирепствовали тиф и дизентерия. Многие гибли по дороге – падали, обессилив, на землю, и конвоиры тут же добивали их автоматными очередями.

Наверное, мысленно «Семен» в очередной раз приготовился к смерти. С каждым днем людей оставалось все меньше. Но однажды...

Из показаний Калабалина:

«Однажды приехал доселе никому неизвестный офицер, хорошо владеющий русским языком, в чине ротмистра и начали вызывать нас по одному. Спрашивал ротмистр: фамилию, образование, семейное положение, какие места СССР хорошо знаешь и затем внезапно – желаешь ли работать против большевиков. Получив утвердительный ответ, отпускал. После его посещения дня через три нас всех погрузили в две грузовые автомашины и через Люблин доставили в окрестности Варшавы, местечко Сулиевек».

В местечке Сулиевек находилась школа, где готовили разведчиков-диверсантов. Одним из 160 курсантов стал Калабалин-На-ливко.

Это был единственный для него путь вернуться назад. «Я согласился, – напишет он потом, – так как видел в этом деле перспективу либо бежать, либо работать на пользу своей родины».

Словно губка, впитывал он в себя как можно больше информации – о школе, о преподавателях, соучениках. Калабалин верил: рано или поздно эти данные могут пригодиться советской разведке.

Параллельно он пытался вести осторожные беседы с другими курсантами – вот когда пригодился опыт и чутье педагога. (Впоследствии двое радистов, которым доверился он, после высадки в советском тылу добровольно сдались чекистам.)

В августе 1942-го «Семен» завершает обучение в шпионской школе. В конце месяца вместе с другими выпускниками его перебрасывают в пересыльный пункт

немецкой разведки под Смоленском. До возвращения на родную землю остаются считанные дни...

Из протокола допроса Калабалина (22 сентября 1942 года): **Вопрос:** В каких условиях Вы находились в школе разведчиков?

Ответ: Школа разведчиков-радистов, куда я был назначен, насчитывала около 160 человек. Школа отгорожена проволокой не была, но слушателям было запрещено ходить за определенную зону и особенно общаться с населением. Кормили нас прилично, в день давали около 400 гр. хлеба, литр мясного супа, грамм 25 масла или маргарина, иногда колбасу – 50 гр, иногда повидло и утром и вечером чай. Кроме того, на неделю пачку махорки и 3-5 сигарет в день.

Занимались мы: радиоделом – 3,5 часа в день и 3 часа в день такими предметами, как топография, организация РККА, методы работы органов НКВД и физподготовка.

Вопрос: Назовите руководящий состав и преподавателей школы.

Ответ: Начальник школы – ротмистр Марвиц, его помощник – ротмистр Броневицкий. Вопросами документов для разведчиков ведал обер-лейтенант, фамилию его не знаю, кроме этих из немцев был еще один капитан, ведал отправкой разведчиков, фамилию его не знаю.

Остальные преподаватели и нач. состав были из числа военнопленных: радио-дело преподавали: «Ефремов» бывший радист и Бардецкий – бывший капитан-связист. Начальником лагеря и преподавателем агентурного дела был б. подполковник Степанов Василий Павлович, кличка «Щелгунов», по слухам, он раньше в Красной Армии командовал 121 стр. полком. Кроме него агентурное дело преподавал «Рудаев», якобы бывший генерал. В последнее время

агентурное дело преподавал «Асманов», по национальности – татарин.

Организацию РККА читал бывший полковник «Быков», дважды орденносец, в Красной Армии командовал дивизией. Организацию РККА преподавал также бывший майор Красной Армии «Быстров». Настоящей фамилии не знаю, зовут Александр Николаевич. Оба – «Быков» и «Быстров» – в мае месяце 1942 г. были переведены в Полтавскую школу разведчиков.

Топографию преподавал бывш. танкист – ст. лейтенант «Павлов». Настоящую фамилию не знаю, имя и отчество его – Борис Петрович. Физподготовку преподавал некто «Филин», настоящих фамилии, имени и отчества не знаю. Известно, что жил где-то в Приволжских городах и окончил Харьковский Институт физкультуры.

Методы органов НКВД преподавал некто «Авилов», фамилию и имя его не знаю, бывший работник органов НКВД на Украине, судя по тому, что он все время склонял ст. 54 УК УССР (аналог 58-й статьи УК РСФСР – измена родине, контрреволюция и пр. – *Прим. авт.*).

Вопрос: Когда и с какими задачами Вы были переброшены на территорию СССР?

Ответ: В ночь с 15 на 16 сентября я с группой разведчиков в 6 чел. был сброшен с немецкого самолета в Горьковской области в районе г. Арзамас.

Задание перед нами поставлено: разведка движения войск по жел. дороге, водным и шоссейным путем, где формируются воинские части, их возраста, командный состав, вооружение, работы промышленности, транспортировка грузов и вооружения и боеприпасов. Разведка военных складов, аэродромов. Помощь союзников и политико-моральное состояние частей Красной Армии и населения.

Вопрос: Какими путями Вы должны были собирать эти данные и как пересылать их?

Ответ: Сведения я должен был черпать из личных наблюдений, через приданного мне специального напарника-разведчика, а также путем извлечения этих данных от лиц, имеющих непосредственное отношение к разведываемым объектам – военнослужащих и гражданских лиц.

Вопрос: Как Вы должны были сообщать получаемые данные немецкой разведке?

Ответ: Только по радио, при помощи имевшейся у меня радиостанции путем шифрованных телеграмм. Для этого я специально обучен зашифровке телеграмм по известному мне коду.

Вопрос: Имели ли Вы задание проводить диверсионно-под-рывную и разложенческую работу в СССР?

Ответ: Таких заданий я не получал. В школе нам разъяснили, чтобы мы этим не занимались. Нам рекомендовали держать себя скромно, чтобы не выделяться из общей массы населения.

Вопрос: Когда и как Вы приняли решение сдать добровольно органам НКВД?

Ответ: За все время пребывания в плену я постоянно думал и искал случая вернуться на территорию СССР и служить на пользу родине. Такой возможности я ожидал. Больше того, я по мере возможности к тому склонял и уговаривал моих товарищей по школе. К этому, в частности, я подговорил перебрасываемых разом со мной радистов-разведчиков: Харина, Парманенкова (мой напарник) и др. Вот поэтому, как только я приземлился на территории СССР, я пошел искать ближайший орган НКВД, чтобы явиться с повинной, что мной и было сделано 16 сентября.

Его выбросили над югом Горьковской области, вблизи от старинного города Арзамаса. В тот же день Семен Калабалин пришел с повинной в местный райотдел НКВД, где прямо с порога и объявил обомлевшим чекистам, что он – немецкий агент, и в подтверждение своих слов начал вытаскивать из солдатского вещмешка все, чем снабдила его разведка, – оружие, радиостанцию, пачки денег. Тут уж всякие сомнения отпали.

А через несколько дней контрразведке добровольно сдались и двое его напарников, с которыми был он заброшен в тыл. Их обоих Калабалин убедил сдаться еще во время учебы.

И тем не менее доверие пришло не сразу. Суровые законы войны заставляли чекистов осторожничать.

Более месяца провел Калабалин за решеткой, прежде чем спецпроверка подтвердила его искренность.

24 октября 1942 года по личному распоряжению Меркулова Калабалин был освобожден из-под стражи.

Но на этом шпионская одиссея «Семена» не кончилась. Ему предстояло стать ключевой фигурой в радиоигре, которую НКВД решил повести против немецкой разведки.

Весной 1942-го, после контрнаступления под Москвой, когда стало очевидным, что молниеносного блицкрига не вышло, заброска немецкой агентуры превратилась в явление массовое.

Недостатка в людских ресурсах у немецкой разведки не было. Десятки тысяч солдат и офицеров находились в плену. Многие из них без колебаний шли на вербовку.

Количество определяет качество – считали немцы. Чем больше агентов попадет за линию фронта, тем больше их останется в живых, благо агенты были для «Абвера» всего лишь подручным материалом,

пластилином, из которого лепилось будущее великой Германии.

У этой и без того далеко несовершенной цепи было одно очень уязвимое звено – радиосвязь. Никакого иного канала между заброшенной агентурой и центром немцы не знали, да и знать не могли.

Диверсанты пользовались коротковолновыми портативными приемо-передаточными станциями. У радиста каждой группы имелся свой шифр – единственный залог доверия к нему.

Любое действие, учил Ньютон, неизменно рождает противодействие. Нет такого, придуманного человеческой мыслью кода, который не смог бы взломать кто-то другой.

Советской контрразведке недостаточно было просто вылавливать и обезвреживать агентуру противника. Это был путь тупиковый, бесконечный, как вечный мат: на смену одним диверсантам приходили бы вторые, потом третьи...

Немцев следовало переиграть, перехитрить. Так родилось понятие «радиоигра».

Под контролем чекистов захваченные или сдавшиеся добровольно шпионы продолжали регулярно выходить в эфир, создавая тем самым у немцев иллюзию успеха. Благодаря радиоиграм выполнялись три задачи кряду. Во-первых, предотвращались заброски новые. Во-вторых, немецкая разведка обильно пичкалась дезинформацией, тщательно разработанной в недрах Генерального штаба, сиречь весьма и весьма правдоподобной. Такая деза позволяла неожиданно наносить удары там, где их совсем не ждали, ибо то и дело немцы отвлекались на негодные объекты.

Ну а кроме того, контрразведка получала возможность вскрывать планы противника и выявлять все новую и новую агентуру.

Есть точная цифра. Во время Великой Отечественной войны советская контрразведка провела 183 радиоигры. Только за 3 последних года в радиоиграх было использовано 157 перевербованных немецких агентов. И практически всегда комбинации эти были успешными.

Радиоигра «Семен» – из их числа...

Без малого полтора года Калабалин водил фашистов за нос. Сообщения, которые выстукивал он со своего передатчика, воспринимались немцами как особо ценные.

Бывший сотрудник «СМЕРШа», непосредственно работавший с «Семеном», почетный чекист Дмитрий Тарасов⁴ вспоминал об этой операции так:

«Легализация Калабалина была проведена в строгом соответствии с полученными от противника инструкциями. Он был прописан в Горьком по полученным от вражеской разведки фиктивным документам на имя Карева, состоял на учете в военкомате как освобожденный от воинской обязанности по болезни и работал в подсобном хозяйстве в поселке Мыза. Встречи работников советской контрразведки с радистом проходили только на конспиративных квартирах.

Первый месяц связь осуществлялась нормально, передавались радиогаммы с военной дезинформацией, утвержденные Генеральным штабом. Чтобы проверить, как относится противник к переданной информации, решено было провести мероприятие по вызову курьера. С этой целью решили ухудшить слышимость передач, чтобы у противника создалось впечатление, что произошла разрядка батарей раньше положенного срока. Выходя в эфир, советские контрразведчики заявляли, что ничего не слышат и поэтому работу

прекращают, а 8 и 15 июня 1943 года дважды передали вслепую следующую радиограмму:

«Ваши батареи слышу только при включении двух анодных батарей. Передавать не могу. Буду ждать у приемника 19 июня. Передавайте вслепую».

Этот план оказался удачным. 17 июня 1943 года радиоконтр-разведывательная служба НКГБ СССР перехватила и расшифровала радиограмму, посланную в радиоцентр, поддерживающий связь с радиостанцией.

«Агент разведки 91 будет слушать нас 19 июня. Передавайте медленно, так как батареи агента разведки сели».

Убедившись в том, что германский разведывательный орган поверил легенде и заинтересован в установлении связи с том-радистом, советская контрразведка совершенно прекратила работу радиостанции, предварительно сообщив «на всякий случай» явочный адрес...»

Немецкие агенты и соученики «Семена» по разведшколе Бирюк и Родин прибыли в Горький в июне 1943-го. Шли они к нему на связь.

Бирюку и Родину было велено передать Калабалину-Налив-ко-Кареву новые батареи, деньги и фиктивные документы. Имелось у них и еще одно, более скрытое задание: перепроверить «Семена».

Три дня, сменяя друг друга, лазутчики следили за явочной квартирой Калабалина – прежде чем выйти на связь, надлежало убедиться в полнейшей безопасности. Но слежка оказалась напрасной. Хозяин квартиры в нее упорно не возвращался.

Наконец связники не выдержали. Постучав в соседний дом, они узнали, что Кареев уехал на полевые работы в Мызу.

Вроде бы все было чисто. Тем не менее осторожный Бирюк – в той связке он был за старшего – решилшний раз перепровериться, лично съездив в Мызу.

Из рапорта С. Калабалина:

«11 июля в 15 часов в помещение, где я лежал, вошел военный в звании лейтенанта. Обратившись ко мне, он сказал:

– Здоров. Ну, поискал я тебя!

Посмотрев на военного, я тотчас же узнал в нем агента германской разведки Родина. Поздоровались. На его реплику я ответил вопросом:

– А почему долго искал, разве ты не знал моего адреса?

– Да адрес-то знал, только я не один. У меня есть начальник Бирюк, хитрый такой и никому не доверяет. Надо, говорит, найти Карева лично и ни с кем другим не связываться.

Когда мы пообедали, я предложил Родину отправиться в город, чтобы связаться с Бирюком. Приехали на мою квартиру. Хозяйке, как было предусмотрено данной мне инструкцией, я сказал условную фразу: – Достань-ка, Мария Ивановна, водочки и что-нибудь закусить, – давая тем самым понять, чтобы она немедленно поставила в известность оперативных работников о прибытии «гостей».

Умывшись и приведя себя в порядок, мы отправились к Бирюку. Его не оказалось дома, он был в парикмахерской. Родин предложил посидеть на крыльце. Вскоре появился Бирюк. Он прошел мимо нас во двор дома, сделав вид, что не знает нас. Мы оставались на своих местах. Через некоторое время Бирюк вышел со двора и пошел по направлению к Кремлю. Догнав Бирюка, я поздоровался. Он ответил. Остановились. Бирюк предложил пойти к нему на квартиру, но я возразил, мотивируя тем, что хозяйка может оказаться моей знакомой.

– Пойдемте-ка лучше ко мне, – заявил я, – Родин уже был у меня, там готовится выпивка и закуска.

Бирюк согласился. К нашему приходу у хозяйки уже все было готово. Мы сели за стол. Начался разговор. Мне удалось выяснить все вопросы, связанные с моим заданием...»

Агенты «Абвера» уже достаточно захмелели, чтобы не почувствовать подвоха, когда поздно вечером в квартиру вошли люди в военной форме.

«Комендатура. Проверка документов!»

Безропотно они протянули солдатские книжки, командировочные – бумаги сработаны были превосходно, тревожиться нечего.

– Вам придется проехать с нами, – сказал начальник патруля после долгого изучения документов.

– В чем дело? – хмель сняло точно рукой. – Что за бюрократия? Мы только с фронта!

– Ничего страшного. Не волнуйтесь. Обычное уточнение неточностей.

Родин и Бирюк попытались было воспротивиться. Потянулись за пистолетами, но моментально были скручены и обезоружены.

Радиоигра «Семен» продолжалась вплоть до конца 1944 года. За это время «Абвер» был досыта накормлен дезинформацией.

Даже на мгновение немцы не допускали и мысли, что «Наливко» может работать против них.

Несколько раз, правда, они пытались перепроверить Калаба-лина, но неизменно «Семен» все испытания выдерживал блестяще.

Чекисты действовали слаженно и четко. Параллельно в Горьком велась аналогичная радиоигра под кодовым названием «Друзья». Два других «немецких агента» – Коцарев и Палладия – передавали в центр сообщения, полностью подтверждающие информацию «Семена» (и – наоборот).

В основном касались они сведений о проходивших через железнодорожный узел эшелонов с грузами и

войсками, о передислокации наших частей.

(К слову, в результате игры «Друзья» контрразведчики тем же путем сумели выманить на нашу территорию двух агентов-курьеров «Абвера», которые были арестованы в сентябре 1943 года.)

Только стремительное наступление советских войск вынудило немцев передислоцировать свой разведцентр в глубь Германии. Держать отсюда связь с горьковскими агентами стало уже невозможно...

В канун Нового, 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Семен Афанасьевич Калабалин был награжден орденом Отечественной войны второй степени. Награду вручал ему лично начальник «СМЕРШа» генерал Абакумов.

А вскоре Калабалин вернулся к своему прежнему любимому занятию – учительству. Врачебная комиссия признала его полностью негодным к прохождению службы.

До глубокой старости Семен Калабалин и его жена – Галина Калабалина, более известная как «Черниговка» из «Педагогической поэмы», – работали с трудными детьми. Они учительствовали в колониях и детских домах, пока хватало сил. Последние годы Калабалин заведовал детдомом в селе Кимёново Шатурского района Подмосковья.

Часто в калабалинское «хозяйство» наведывались уже выросшие его воспитанники. Многие из них успели повоевать, заслужили ордена и медали. Нередко они рассказывали о своем фронтовом прошлом.

Калабалин всегда слушал их с интересом, но сам не произносил ни слова. О том, чем пришлось заниматься ему в годы войны, никто так и не узнал. Эту тайну «товарищ Семен» унес с собой в могилу...

Глава 9

АГЕНТ № 001

Кто в нашей стране не знает Николая Ивановича Кузнецова? Героя Советского Союза. Знаменитого разведчика. Отважного партизана.

О жизни и подвигах Кузнецова – «Пауля Зиберта» – снято целых три фильма (самый известный – «Подвиг разведчика» с Кадочниковым в главной роли), написана уйма книг. Ему поставлены памятники. Его именем названы улицы и школы.

Николай Кузнецов – это советский Джеймс Бонд. Супермен, не знающий промахов и жалости.

С одной только разницей. Бонд был агентом № 007. Кузнецова же смело можно назвать агентом № 001...

В январе 1940 года в приемную НКВД пришли трое мужчин.

– Мы с заявлением, – сказали они усталому дежурному. – Уж больно подозрительно ведет себя один гражданин. Что-то не ладно.

Дежурный с интересом выслушал посетителей. Взял бумаги.

– Разберемся. Спасибо, товарищи, за бдительность.

Они расстались весьма довольные друг другом. Мужчины были рады, что выполнили свой пролетарский долг. Дежурный – лишний раз убедился, насколько велик в народе авторитет органов диктатуры.

Из заявления члена ВКП(б) с 1930 г. Трофимова¹:

«Прошу расследовать тщательно о гр-не Рудольфе Вильгельмовиче Шмидт, работающему в должности инженера по испытанию новых самолетов, так как я

подозреваю Шмидта, состоящего в контрразведке в иностранных государствах. (...)

Когда он получил ушиб носа на авиазаводе, лежал у меня, я, видя, что он слаб, продал все, что у меня было, и дал ему взаимно-образно 2.500 р., а он мне и по сей день не отдает. Это не с целью наклеветать я написал на него, я знаю, если его заберут, то мой долг может пропасть, но я наоборот смотрю, если ты подозрителен и опасен для СССР, то пускай мои деньги пропадут, а я все же выведу тебя на чистую воду и разоблачу.

Когда я говорил Шмидту о долге, то Шмидт отвечал, за то, что ты меня спас, я как немец никогда не забуду и не оставлю. Еще мы будем вместе в Берлине ходить по главной улице, т. е. давал мне намек, якобы Германия всех разобьет. Шмидт был настроен против сов. власти. Он говорил, что помогает товарищам в Свердловске и других местах, которые арестованы НКВД, и в случае он откажется от помощи, то они могут его выдать.

Всегда собирается под видом преподавателя на дому, завешивает окно, замыкает квартиру и вместо назначенных мужчин приходят иностранцы, и неизвестно о чем они беседуют. И говорил 100 рублей дал бы, если бы давал кто на 5–7 часов ночью квартиру в глухом месте.

Очень много записок рвал. После полета на парашюте он в нескольких экземплярах на немецком языке писал о прыжке. Я спросил, он ответил в иностранную корреспонденцию объявлю.

Шмидт ходит все время в церковь, имеет тесную связь с митрополитом Сергеем и с Лосяковым Сергеем, который в данное время арестован.

О чем я поставил в известность НКВД. Второе заявление уворовали у меня в трамвае».

Никто из трех граждан, просигнализовавших о подозрительном иностранце, ни на секунду не

усомнился: сегодня-завтра за Шмидтом придут ребята в штатском.

Слава богу, наши органы – щит и меч революции – надежно стоят на страже завоеваний Октября. Сколько уже врагов – скрытых и явных – повычистили!

Однако время шло, а Рудольф Шмидт по-прежнему наслаждался жизнью. Он ходил по дорогим ресторанам, посещал выставки и театры. И даже – о ужас! – встречался с иностранными дипломатами.

То и дело агенты НКВД докладывали своим кураторам о подозрительном немце, настроенном явно антисоветски. Их донесения скрупулезно оседали в лубянских закромах, да и только.

Инженер Рудольф Шмидт казался заговоренным. Вопреки всей мыслимой и немыслимой логике, с головы его не падал ни один волос...

...Долгие годы о работе органов безопасности писать в СССР было не принято. Кого из разведчиков (и контрразведчиков) знали широкие массы?

Провалившихся Кима Филби? Гордона Лонгсдейла (он же Ко-нон Молодой)? Полковника Абея? Рихарда Зорге?

Вот, пожалуй, и все. Некоторое раздолье наблюдалось лишь в ареопаге чекистов, снискавших славу на полях Великой Отечественной, самым известным из которых был, конечно, Николай Кузнецов.

Советская пропаганда немало потрудились для канонизации его образа. Но тут – сказать действительно нечего: Кузнецов был настоящим героем.

Он хладнокровно одного за другим уничтожал в немецком тылу высших фашистских чинов: имперского советника Гелля и его секретаря Винтера, заместителя рейхскомиссара Украины Даргеля, президента верховного суда Функа, вице-губернатора Галиции Бауэра. Средь бела дня похитил из Ровно

командующего карательными войсками генерала фон Ильгена и личного шофера га-уляйтора Украины Коха.

Немцы, знающие Кузнецова, никогда бы не поверили, что кавалер двух Железных крестов, отличный парень и завсегдатай пивнушек, обер-лейтенант Пауль Зиберт – советский разведчик.

Кузнецов превосходно говорил по-немецки и выглядел как наглядное пособие к теории о расовом превосходстве арийской нации.

Фашисты полностью доверяли «фронтовику» Зиберту. Не таясь, обсуждали в его присутствии секреты рейха. А «фронтовик» моментально переправлял полученную информацию в Центр.

Именно Кузнецов первым сообщил о том, что гитлеровцы готовят покушение на глав правительств «Большой тройки» (Сталина-Черчилля-Рузвельта) в Тегеране, где должны были пройти исторические переговоры.

Он же весной 1943-го получил сведения о подготовке противником крупной операции под Курском, где немцы рассчитывали оглушить нас новейшими «тиграми» и «пантерами».

К сожалению, до победы разведчик не дожил. В марте 1944-го, пробираясь к линии фронта, он погиб на Львовщине в бою с бендеровцами. Звание Героя Советского Союза было присвоено ему посмертно.

Я сознательно рассказываю о подвигах Кузнецова так схематично. Его военная биография достаточно известна.

А вот о том, как складывалась судьба героя до его заброски в немецкий тыл, знают лишь посвященные.

В энциклопедиях и книгах предвоенная жизнь Кузнецова описана предельно кратко.

Родился 27 июля 1911 года в Свердловской области в крестьянской семье. Окончил школу и лесной техникум. В 1934-м переехал в Свердловск, где работал

конструктором на Уралмаше и учился в Индустриальном институте. В июне 1941-го попросился на фронт. Учитывая языковые способности Кузнецова (часто общаясь с немецкими специалистами, он научился говорить на языке Гёте как истинный ариец) и внешние данные, было решено использовать его для выполнения спецзаданий в тылу врага.

Столь же лаконично описывал судьбу своего боевого соратника прославленный командир партизанского отряда «Победители», Герой Советского Союза Дмитрий Медведев, под чьим началом действовал Кузнецов. Единственное, о чем указывал он в многочисленных книгах («Это было под Ровно», «Сильные духом», «На берегах Южного Буга») – что до войны Кузнецов работал инженером.

Откуда такая скупость? Где воспоминания друзей и сослуживцев, трогательные рассказы о конструкторе, с юности отличавшемся честностью и бескомпромиссностью? Где вся та милая чепуха, столь любимая советскими биографами?

Ее нет и быть не может. До недавнего времени жизнь Николая Кузнецова оставалась страшной тайной, надежно укрытой в стенах желтого здания на Лубянской площади.

У этого человека было много имен. Иностранные дипломаты, аккредитованные в Москве, знали его как Рудольфа Шмидта. Для офицеров Ровненского гестапо он был Паулем Зибертом. Николаем Грачевым называли его бойцы партизанского отряда «Победители». «Колонист», «Ученый», «Кулик» – под такими псевдонимами значился он в оперативных учетах ОГПУ-НКВД-НКГБ.

Даже крещен он был не тем именем, под которым впоследствии войдет в историю. При рождении его называли Никанором, но в 1931 году он переименовал не модное уже имя на более современное – Николай.

Никанор-Николай Иванович Кузнецов появился на свет в глухой деревне Зырянка на Урале. Отец его был кулаком и даже... белобандитом. По крайней мере именно так он писал в чекистских анкетах.

Сын за отца не отвечает – это знаменитое изречение Сталина было только красивой фразой. Папа-белобандит не давал покоя бдительным борцам за чистоту рядов.

Сначала Кузнецова исключают из комсомола, не дав даже окончить Талицкий лесной техникум. В 1932 году приговаривают к году исправительных работ за «особо опасные для Союза ССР преступления против порядка управления» по статьям 59 и 11 УК РСФСР.

Правда, после многочисленных апелляций в ЦК, Кузнецов в комсомоле был восстановлен. Но, думаю, произошло это отнюдь не потому, что в Москве свято блюли социалистическую законность.

Просто в том же 1932 году Кузнецов становится агентом госбезопасности. Завербовал его Коми-Пермяцкий окружной отдел ГПУ.

«Я, нижеподписавшийся гр-н Кузнецов Николай Иванович, даю настоящую подписку Коми-Пермяцкому окр. отд. ОГПУ в том, что я добровольно обязуюсь сообщать о всех замеченных мной ненормальных случаях как политического и так же экономического характера. Явно направленных действий к подрыву устоев сов. власти от кого-бы они не исходили.

О работе моей и связи с органами ОГПУ и данной мной подписке обязуюсь не кому не говорить в том числе своим родственникам. В случае нарушения своей подписки подлежу к строгой ответственности внесудебном порядке по линии ОГПУ.

10 июня 1932 г.» (орфография сохранена).

Как много значит в нашей жизни случайность! Не придрались бы к происхождению Кузнецова, не припаяли бы ему год исправ-работ – вряд ли он стал бы

агентом ОГПУ. И, значит, не гремела бы по земле слава бесстрашного разведчика.

Но произошло то, что произошло. Из простого помощника таксатора по устройству лесов Кудымкара он превратился в агента ОГПУ «Кулика».

В те годы в Коми жило много ссыльных эсеров. Их-то «Кулику» и было поручено разрабатывать. Он скрупулезно фиксировал все сказанное «врагами», передавая затем чекистам.

Уже тогда в крестьянском юноше просыпается уникальный талант – тот, что десятилетием позже сделает его знаменитым на всю страну. Кузнецов был самым обычным лингвистическим гением.

Иностранные языки даются ему на удивление просто. В считанные месяцы он – чистокровный сибиряк – в совершенстве способен выучить любой язык, да так, что и в голову никому не придет, что язык этот – для него не родной.

Еще в школе, интереса ради, Кузнецов овладел международным наречием эсперанто. Увлечен немецким (через несколько лет увлечение это изменит всю его жизнь). Оказавшись же в Кудым-каре, столице Коми-Пермяцкого округа, он берется за язык, на котором говорят его новые друзья – коми.

Вскоре Кузнецова невозможно уже отличить от природного коми-пермяка. Разумеется, его кураторы из ОГПУ не могут пройти мимо таких восхитительных возможностей агента.

В 1934 году Кузнецова-«Кулика», как агента-маршрутника направляют в Юрлинский район. Незадолго до того здесь прошли два крестьянских восстания – Пожинское и Юрлинское – и чекисты хотели убедиться, с корнем ли выкорчеваны вражеские гнезда.

Кузнецов ходит по селам и выдает себя за кулака, сбежавшего с поселения или (по ситуации) за учителя-эсера. В помощь ему был список людей, уже

арестованных за контрреволюцию. Их имена при случае надлежало упоминать в разговорах.

«В беседе со случайными собеседниками я вел себя как лицо, агитирующее крестьянство на вооруженную борьбу с сов. властью, – напишет он потом. – Для того, чтобы с тем или иным кулаком беседовать и получить от него откровенные сведения Нач. Окр. Отд. (ОГПУ. – *Прим. авт.*) тов. ТЭНИС меня инструктировал: осторожно выяснить классовое лицо собеседника и если он кулак и настроен а/советски, то нужно за период беседы вычерпать из него все, что он знает. Для этого не нужно стесняться в к-р выражениях».

Юрлинский маршрут проходит успешно. По крайней мере начальник окружного ОГПУ Тэнис остается доволен своим талантливым агентом.

Беда подкралась оттуда, откуда ее совсем не ждали...

...Признаюсь честно, я долго колебался, прежде чем решился предать огласке эти скандальные обстоятельства. Мне казалось, что в определенном смысле они способны дискредитировать этого неординарного человека, тем более что всей своей героической жизнью (и не менее героической смертью) он сполна искупил эти юношеские грехи.

И в то же время я считаю не вправе утаивать их, держать за семью печатями. Они принадлежат не нам, не Лубянке – истории: ведь Николай Кузнецов давно уже стал фигурой исторического масштаба. А история, как известно, не бывает хорошей или плохой. Она – либо есть, либо ее нет...

Конечно, от рождения Кузнецов был личностью незаурядной. Исключительная память, прекрасные языковые способности, наконец, авантюристический склад характера – все эти столь необходимые в спецслужбах качества были заложены в нем самой природой. Но одних только врожденных талантов

недостаточно, чтобы стать агентом экстра-класса. Это лишь исходный материал, глина. Все остальное зависит уже от мастерства оперработника, под началом которого работает агент.

Кузнецову не повезло. В начале своей оперативной карьеры он встретил недобросовестных людей, «липовщиков» – как тогда принято было именовать фальсификаторов. За что и поплатился.

3 октября 1934 года агент «Кулик» был арестован и помещен во внутреннюю тюрьму Свердловского УНКВД. В вину ему ставилось, что он «сообщал провокационные сведения на ряд лиц (...), обвиняя их в к-р повстанческой деятельности против сов. власти».

Иными словами, Кузнецов сознательно оговаривал невинных, по сути, обрекая их на гибель.

Через несколько лет такая «липовщина» захлестнет всю страну, превратится в систему. Людей начнут расстреливать по единственному, ничем не подкрепленному соседскому доносу, и чекисты ежовского набора, только вчера сменившие рабочие блузы на хрустящую форму, свято будут верить, что только так, а не иначе, и следует бороться с врагами народа. Но тогда, в 1934-м, в НКВД оставалось еще немало честных и профессиональных сотрудников, для которых подобная практика казалась дикостью.

Каким уж образом фальсификаторство Коми-Пермяцкого окружного отдела вылилось наружу – узнать нам уже не дано никогда. Может быть, написал заявление кто-то из невинно арестованных. А может, просигнализировали и сами сотрудники. Вариантов – масса.

Выехавшая из Свердловского УНКВД проверка без труда сумела найти многочисленные факты провокаций. Большинство из них были связаны с именем Кузнецова.

В архивах сохранилось немало протоколов его допросов. Все они – почти не отличаются друг от друга. Сперва следует вопрос работника УНКВД – говорил ли вам такой-то человек, что он готовит новое восстание. Затем неизменный ответ Кузнецова: нет, не говорил.

«Когда я писал донесения, – признается „Кулик“ на допросе, – мною руководила одна мысль: как можно резче ударить по к-ре-волюции, но так как благодаря неправильного руководства мною Тэнисом (начальником Коми-Пермяцкого отдела ГПУ. – *Прим. авт.*), я в этом маршруте стал на роль провокации, то, выполняя слова Тэниса «называть вещи естественными словами», я раздувал, заострял».

«Так чему можно верить в ваших донесениях и где в них начинается провокация?» – задают чекисты резонный вопрос.

Кузнецов отвечает:

«Даты, встречи, состав присутствующих – это неоспоримо верно, но там, где в моих донесениях начинаются чужие слова, заключенные в кавычках, (...), все наиболее резкое, обобщающее основной костяк сказанного являлось выдуманной, намотанной мной грубой ложью.

Я здесь руководствовался одним: если человек не говорил против Сов. власти, я ему ничего не выдумывал, но если этот человек настроен отрицательно к существующему строю и это мне в беседах высказывал, я ему приписывал не говоренное им по злости. Приписки эти я делал, основываясь на своих предположениях».

Я сознательно не комментирую эти беспомощные оправдания Кузнецова (добавить к его словам, наверное, нечего).

Скажу лишь, что в тюрьме просидел он недолго. После многочисленных его заявлений, в которых он молил дать ему возможность «искупить свою вину на

работе», ибо «в изоляции я не в состоянии бороться против к-р», Кузнецов был выпущен на волю. Освободившееся место в камере незамедлительно занял его бывший начальник Тэнис, а сам Николай Иванович надолго оседает в Свердловске.

Даже за сравнительно короткое время знакомства местные контрразведчики успевают оценить уникальные способности сельского сексота. Особенно привлекает их блестящее владение Кузнецовым немецким, ведь немцев на Урале – и своих, советских, и приехавших из-за кордона специалистов – хоть пруд пруди.

Сразу после освобождения Кузнецов переходит на связь в областное управление НКВД. «Ученый» – так именуют его отныне в секретных донесениях.

Кузнецова используют для разработки инженеров и спецов свердловских предприятий, подозреваемых в шпионаже и вредительстве. Используют успешно: никому из объектов и в голову не приходило, что расцеховщик конструкторского отдела Урал-маша является агентом НКВД.

Чего там греха таить – в 1930-е годы недостатка в агентуре у чекистов не было. Однако Кузнецов выделяется даже из такой огромной массы добровольных помощников.

«Находчив и сообразителен, обладает исключительной способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обладает хорошей памятью» – так пишут свердловские контрразведчики в характеристике на «Ученого».

Неудивительно, что Кузнецову дают все более и более сложные задания. Он начинает работать под «легендой».

В 1936 году его арестовывают по печально известной статье 58-10 (контрреволюция) и бросают в

спецкорпус Свердловского УНКВД. Это уже третье по счету знакомство Кузнецова с уголовным кодексом.

Но на сей раз обвинение в контрреволюционно-террористической агитации придумано специально, дабы придать Кузнецову вес в определенных кругах.

В официальной биографии Николая Ивановича, изданной в серии «Жизнь замечательных людей», есть замечательный кусок:

«Не одобряли многие, и родные, и друзья знакомств Николая с иностранцами.

Старый знакомый по Кудымкару Андрей Кылосов прямо спросил как-то Кузнецова:

– Зачем ты связываешься с этими иностранцами? Ты видишь, время беспокойное. Надо тебе порвать эту дружбу.

– Не волнуйся, Андрико, – спокойно ответил Николай Иванович. – Я патриот, а к патриотам грязь не пристает.

Прямой начальник Кузнецова тоже с тревогой спросил его как-то:

– Почему вы так часто встречаетесь со спецами? Они на удочку вас не зацепили? Смотрите, как бы плохо не кончилось!..

– Не волнуйтесь, – сказал в ответ Николай Иванович. – Я ж не зря ношу голову на плечах. Я лишь практикуюсь. Положение с Германией у нас не весьма приятное. Может, придется воевать с фашистами. Знание немецкого языка пригодится».

Зная теперь всю правду об истинной жизни Кузнецова, читать эти строки довольно смешно. Удивительно только, что друзья Николая Ивановича не могли догадаться: почему же к патриоту не пристает грязь. Патриотизм – оправдание для наследников Феликса слабоватое.

А знание немецкого Кузнецову действительно пригодилось. Причем задолго до начала войны...

...Ясным солнечным днем 1938 года на перрон Казанского вокзала сошел статный красавец-блондин. Звали его Рудольфом Виль-гельмовичем Шмидтом.

Под этими документами блондин поселился в гостинице «Урал». Администраторша (она же агент НКВД «Малинина») внимательно изучила паспорт постояльца, пролистала все страницы, даже посмотрела на свет, но ничего подозрительного, кроме немецкой фамилии, обнаружить не смогла. Своему куратору тем не менее о новом постояльце «Малинина» доложила: на всякий случай. Контроль и учет – главные достижения социализма...

Но, судя по тому, что Шмидт беспрепятственно покинул вскоре гостиницу, органы его персоной не заинтересовались...

Между тем новый житель Москвы перебирается в частную квартиру: в дом № 20 по улице Карла Маркса. Устраивается на работу: инженером-испытателем авиазавода № 22...

Нет больше на свете Николая Кузнецова. Он исчез, растаял в воздухе, точно фантом, едва тронулся от платформы скорый поезд Свердловск – Москва.

В столицу поезд увозил Кузнецова – для знакомых и друзей ехал он на учебу. А доставил – совсем другого уже человека: 26-летнего немца Рудольфа Шмидта, уроженца города Саарбрю-кене, привезенного в Россию родителями еще в далеком 1914-м.

Так начался новый этап в жизни этого удивительного человека. Из провинциального агента, шпионящего за третьесортными инженерами, ему предстоит стать подлинным асом контрразведки, едва ли не лучшим агентом в паутине НКВД.

Таланты талантами, но, как всегда и бывает, решающую роль в его судьбе сыграл случай.

Еще в Свердловске Кузнецов попался на глаза только что назначенному наркому внутренних дел

республики Коми Михаилу Журавлеву². Из Москвы Журавлев получил указание – навести порядок на уральских лесозаготовках.

Легко сказать: навести порядок. В лесном деле новый нарком понимал не больше, чем в высшей математике, а посему попросил подыскать ему в помощь какого-нибудь опытного человека. Руководство Свердловского УНКВД предложило кандидатуру Кузнецова. Тот с заданием справился блестяще.

Журавлев был приятно поражен. Решил присмотреться к сексоту повнимательней. Отзывы о Кузнецове были неизменно превосходными.

Результативный – по его материалам УНКВД завело немало оперативных, да и уголовных дел. Решительный. Блестяще владеет немецким. (К тому времени, «поварившись» в среде германских специалистов, Кузнецов выучил язык в совершенстве: говорил на пяти диалектах. Впоследствии даже гауляйтор Восточной Пруссии Эрих Кох, пообщавшись с коренным уральцем полчаса, признал в нем своего земляка-пруссак.)

Журавлев взял агента на заметку.

– Знаешь, – поделился он как-то между делом со своим приятелем – зам. начальника отделения СПО ГУГБ Леонидом Райхманом³, будущим генералом. – Хоть у нас здесь и глушь глушью, но порой встречаются такие самородки, что дадут и центру сто очков вперед.

Райхман сразу же сделал стойку. И тогда Журавлев рассказал о найденном им таланте.

С кадрами в те годы было туго. Вернее, кадров хватало, но, как сказано в писании, это был пир, где много званных, но мало избранных.

Полистав агентурное дело Кузнецова, руководители СПО ГУГБ решили посмотреть товар лицом.

Когда тот приехал в Москву – на первую, притирочную беседу, Райхман от изумления ахнул. Перед ним стоял самый натуральный немец: светловолосый, голубоглазый, с правильными чертами лица. А уж после того как Кузнецов открыл рот и заговорил с истинно берлинским диалектом, всякие сомнения окончательно отпали.

Очень скоро Райхман сумел по достоинству оценить выбор Журавлева. Да что там Райхман! Многие материалы, добытые Кузнецовым, докладывались на самый верх – вплоть до главного адресата страны.

Его хотели даже зачислить в школу НКВД и аттестовать, но не пропустили кадры: подкачали сомнительное происхождение и старая судимость.

Тогда – случай уникальный – Кузнецова взяли на довольствие, стали платить офицерское жалованье. Поселили на конспиративной квартире. Выдали документы прикрытия на имя Шмидта: паспорт, военный билет.

Вхождение в шпионский мир Москвы агент «Колонист» (теперь у него был новый – третий по счету – псевдоним) начал стремительно. Этого шикарно одетого человека можно было часто увидеть в театрах и ресторанах. Лучшей приманки для иностранных разведчиков трудно было себе представить. Особенно, если учесть, что по легенде «работал» он испытателем на суперсекретном авиазаводе...

...В ноябре 1940-го в «Метрополе» Кузнецов-Шмидт знакомится с секретарем военного атташе Японии Сасаки.

Потом они как бы «случайно» сталкиваются вновь в «Метрополе». Кузнецов не спешит. Он дожидается, пока японец сам подсядет к нему за столик, завяжет разговор.

И вот уже Сасаки записывает номер домашнего телефона «инженера» и просит познакомить его с

юными московскими красавицами. Уж этого добра в агентурной сети НКВД хоть отбавляй!

Следующим вечером японец приходит в гости к новому знакомому. В квартире его ждут две молодые красотики – сестры Г.

Весь вечер они танцуют с девушками. А через день в квартире Кузнецова вновь накрыт шикарный стол.

Сашу – так просил называть себя Сасаки – развезло быстро.

– Я люблю иметь половую связь не только с женщиной, но и с мужчиной, – жарко зашептал он в ухо Кузнецову. – Если нет девушки, я имею связь с мужчиной.

И в подтверждение своих слов полез целоваться...

В час ночи девушки уехали домой. С горя Сасаки съел два бифштекса. Закрыв дверь, он приступил наконец к главному.

– Я могу сделать вас богатым, – торжественно изрек он. – Вы – немец, вам не дороги интересы советской России. Будем говорить, как двое мужчин: я не шпион, не бойтесь, но нам нужны сведения о русских самолетах, аэродромах. А потом вы сбежите за границу, будете богатым. Какую валюту вы предпочитаете? Доллары? Марки?...

Только под утро «Колонист» простился с японцем, посадил на такси.

– Завтра вечером я иду на концерт вместе с вашими барышнями. Потом заеду к вам...

Он попытался поцеловать Кузнецова на прощанье, но тот вовремя увернулся...

Вечером японец явился по уже известному адресу. Достал из портфеля бутылку виски и пачку импортных сигарет, закрылся с Кузнецовым в кабинете...

Куда делась врожденная интеллигентность самурая. Перед Кузнецовым сидел теперь жесткий и

властный человек, насквозь, до самой печенки, буравил глазами-щелочками.

– Сколько вам лет? Давно работаете в Москве? В каких городах бывали? – вопросы следовали один за одним. Сасаки еле-еле успевал выводить на бумаге иероглифы.

Наконец он захлопнул блокнот. Покровительственно улыбнулся, похлопал собеседника по плечу.

– Я приду завтра и мы продолжим. А пока... – он оживленно хихикнул. – Нельзя ли вызвать какую-то гейшу?

Срочно приехавшая красotka Ольга Зд-ва удовлетворила пылкую страсть японца...

Прихода Сасаки «Колонист» ждал с нетерпением. Так охотник, засевший в засаду, поджидает добычу. Едва войдя в квартиру, японец снял левый ботинок и вытащил из носка свернутую бумажку с напечатанными на русском языке вопросами из области авиации. В первую очередь его интересовала конструкция и качества нового боевого самолета, участвовавшего в параде на Красной площади.

– Послезавтра я заберу письменные ответы и передам аванс, – сказал он. – А когда мы проверим их правильность, то дам вам много денег.

Однако в условленный час «японский агент» материала не подготовил. Сасаки разозлился. Через день он подстерег Кузнецова у подъезда:

– Готовы сведения?

«Колонист» отрицательно помотал головой.

– Я не могу ждать! Я уезжаю в командировку, мне нужны эти сведения срочно! Сейчас я не гость, а хозяин!

Глаза японца извергали молнии.

– Саша, не сердись, – «Колонист» постарался сказать это как можно виноватее и даже опустил голову. – Я все успею, дай только срок...

– Когда? Дата?

– Дай мне еще пару дней... Кстати, мне звонила сегодня твоя подруга Кэти...

– Кэти? Ну, ладно, пару дней мы еще подождем. Только не пытайся нас обмануть...

...Когда контрразведчики проанализировали подробные доклады Кузнецова, они обратили внимание, что вопросник, оставленный Сасаки, аналогичен материалам, которые японский военный атташе ранее передал авиационному атташе Германии. Сомнений не оставалось: это была проверка. Японцы хотели убедиться в искренности нового агента.

«Раз эти сведения японцам уже известны, мы ничего не потеряем от того, что их продублируем», – решили на Лубянке.

Отношения Кузнецова с Сасаки продолжались вплоть до самого начала войны. Если бы не вероломное нападение немцев, секретарь атташе наверняка влился бы в стройные ряды лубянской агентуры. Компрматериалов на него хватало с излишком.

Но и того, что удалось сделать, было немало. Через канал Кузнецова в Токио бурным потоком шла информация, очень похожая на правду. Но от правды весьма и весьма далекая...

...Это только одна операция, проведенная Кузнецовым. А сколько их было всего!

Чиновник японского посольства Такоямо, сотрудник немецкого посольства Шредер, германский военно-морской атташе Баум-бах, лакей гитлеровского посла Шулленбурга Ганс Флегель, работник Норвежской миссии Хреберник, секретарь Словацкой миссии Крно, член германской торговой делегации Маере, венгерский подданный Шварце, представитель шведской авиакомпании Левенгаген, американский корреспондент Джек Скотт, горничные норвежского и

иранского послов – вот далеко не полный список людей, с которыми так или иначе работал Николай Кузнецов.

Наконец-то ему повезло. Он попал в руки к истинным асам своего дела, которые и довершили его воспитание: так художник наносит последние мазки на живописный шедевр.

О том что довелось ему пережить в Кудымкаре, об арестах и оговорах людей Кузнецов старался больше не вспоминать. Только теперь понял он, как много значит оперативник в судьбе агента, ведь работали с ним контрразведчики, именами которых и по сей день гордится Лубянка.

Леонид Райхман – в недалеком будущем генерал-лейтенант. Василий Рясной⁴, ставший впоследствии зам. министра госбезопасности СССР и Виктор Ильин⁵ – тоже будущий генерал. Наконец, сам начальник советской контрразведки Павел Федотов⁶.

Неудивительно, что в таких умелых руках природный алмаз превратился в бесценный бриллиант...

Одной из зон «постоянных интересов» Кузнецова был Столешников переулок, «золотой», как называли его москвичи. Здесь находилось сердце деловой Москвы – толкучка, где продавалось и покупалось абсолютно все.

Многие из обитателей «Золотого переулка» были объектами пристального внимания чекистов. В том числе... советник словацкой миссии Крно. В НКВД отлично знали, что дипломатический статус Крно – лишь прикрытие, на самом деле был он кадровым офицером разведки. И при этом промышлял торговлей драгоценностями и часами, которые в большом количестве привозил из Братиславы.

При первом же «случайном» знакомстве Кузнецов предложил словаку выгодную сделку.

– Вы действуете неверно, – заметил он. – Если вы будете торговать врассыпную, рано или поздно вас засекут. Лучше я буду брать у вас товар оптом. С небольшой скидкой, конечно...

– Зачем вам столько часов?

– Я же не спрашиваю, откуда и почему вы их берете. В бизнесе у каждого есть свои тайны...

За те несколько месяцев, пока Кузнецов работал с Крно, вся Лубянка оказалась завалена швейцарскими часами. Но наконец наступил момент, когда отношения их следовало переводить в иное русло.

Доставив в Москву очередную партию, Крно позвонил «Шмидту».

– Я готов к встрече.

– Мне очень жаль, – отвечал Кузнецов, – но прийти не смогу. Как назло сломал ногу.

– Что же делать? Я привез товар специально под вас, – заволновался Крно.

– Выход только один, – сказал, немного поразмыслив, Кузнецов. – Это, конечно, риск, но риск – дело благородное... Знаете что: привозите товар прямо ко мне домой. Деньги у меня есть.

Крно задумался. В нем боролись два начала. Как профессиональный разведчик, он понимал, чем может обернуться посещение советского офицера (под такой «легендой» действовал Кузнецов). Но, как коммерсант, не мог устоять перед запахом денег...

Едва только словак разложил на столе россыпь часов, в дверь позвонили. В квартиру по-хозяйски вошли трое людей.

– Вы кто? – спросил один из них у Крно. – Что это у вас? Ого, столько часов...

Крно промямлил что-то, но мужчины его не слушали.

– Мы из милиции, – отрекомендовались они. – Ищем особо опасного преступника, так что потрудитесь

предъявить документы.

– Вы не имеете права! Я дипломат!

– Дипломат?!! Прекрасно. В таком случае мы обязаны сообщить о вашем задержании в Наркоминдел. Хозяин, где здесь у вас телефон?

Тут уж словак понял, что дело швах.

– Не надо никуда звонить. Заберите лучше часы. Это целое состояние.

Оперативники рассмеялись.

– Нам часы не требуются. А договориться – что ж, договоримся.

И они договорились. Словацкий разведчик Крно, тесно сотрудничавший с немцами, стал агентом НКВД...

О том, насколько хорошо Кузнецов вжился в образ Шмидта, свидетельствуют не только проведенные им операции. «Подозрительный немец» регулярно попадал в поле зрения различных управлений НКВД и агентуры.

Надо сказать, что Кузнецов строго следовал легенде и из образа никогда не выходил. Так, агент «Кэт», состоящая на связи в Третьем управлении НКВД, доносила, что Шмидт недоволен плохими условиями жизни в Советском Союзе.

Агент «Надежда» (третий отдел ГУГБ) информировала о неприязни Шмидта к русским. (Он-де даже не общается со своей матерью, не может ей простить, что она вышла замуж за русского.)

Агент «Астра» (отдел КРО УНКВД по Москве) сообщала, что Шмидта можно застать дома в любое время дня и ночи, его посещает много людей, особенно девушки, он часто покупает дорогое вино и дефицитные продукты.

Агент «Мальта» (третий спецотдел НКВД) сигнализировала, что адрес подозрительного немецкого инженера запрашивала в «Мосгорсправке» не менее подозрительная иностранка.

От источника «Кармен» (третий спецотдел НКВД) чекисты узнали, что немец Рудольф намеревается получить советское подданство, а агент «Марина» (шестой отдел Главного экономического управления), напротив, докладывала, что Шмидт недоволен тем, что гражданство это получил.

Отслеживались и контакты Шмидта с иностранцами и прочими подозрительными элементами. Практически о каждом из них агенты НКВД и «топтуны» скрупулезно докладывали наверх. Любопытно, что на одном из донесений рукой будущего наркома Меркулова было начерчено: «Обратить внимание на Шмидта».

И обращали. Но в самый разгар работы, когда уже была выставлена за «шпионом» наружка, а в кителях прокручены дырки для новых орденов, неожиданно следовал грозный окрик сверху.

...Методы работы Кузнецова-Шмидта были самыми разнообразными. От уже известных вам «спекулятивных сделок» до секс-шпионажа. Красивый, атлетически сложенный мужчина, с отдельной квартирой и толстым бумажником; о чем еще могла мечтать в голодной Москве любая женщина.

Одно время в контрразведке даже всерьез подумывали над тем, чтобы сделать Кузнецова администратором Большого театра, благо иностранные разведчики во все времена были равнодушны к изящным танцовщицам, да и «крестный отец» его Леонид Райх-ман был женат на знаменитой балерине Ольге Лепешинской (чем, кстати, НКВД активно пользовалось), но потом решили затею эту оставить. Все-таки в обличье немца Кузнецов был более полезен.

Не только балерины – женщины всех возрастов и национальностей падали в объятия «Колониста». С удивительной грациозностью ему удавалось совмещать приятное с полезным...

Как-то в Москву прибыла немецкая торговая делегация. С одним из ее членов, неким М., Кузнецов «подружился». Через него познакомился с секретаршей фашистского посольства.

Немка влюбилась в Рудольфа Вильгельмовича без памяти. Сила ее чувств была так велика, что вскоре она начала снабжать возлюбленного информацией из недр посольства.

Секретарша была не единственным источником Кузнецова в посольстве. Недаром еще в марте 1941 г. он сообщил точную дату начала войны. К тому же она была не единственным источником и не единственной дамой сердца. По заданию НКВД Кузнецов влюблял в себя многих. Скажем, в ходе оперативной разработки «Туристы» он почти полгода встречался с женой арестованного чекистами немецкого шпиона Отто Борка, 30-летней Розой Борк.

Контрразведка не без оснований подозревала, что Борк, как и ее муж, связана с германской разведкой. Ее близкое знакомство с асом шпионажа доктором Конради говорило само за себя. Опасения подтвердились. Впоследствии Борк была выслана из Москвы.

Произошло это уже после начала войны...

Разумеется, на Лубянке отлично понимали неизбежность войны с фашизмом. О начале войны контрразведку предупреждал не один только Кузнецов.

Но политика Сталина была известной: он не хотел верить в пусть страшные, но очевидные факты.

Волей-неволей НКВД приходилось работать в прежнем, мирном режиме.

Одна из последних предвоенных операций с участием Кузнецова была проведена весной 1941-го.

Незадолго до этого чекисты отфиксировали, что один из чиновников германского посольства, установленный сотрудник СД, неожиданно поехал в

командировку на Украину – в маленький городок Черновицы. Формальная причина командировки была явно надуманной: поиск советских немцев – фольксдойч, – желающих эмигрировать в Рейх.

Вскоре посольский посланник отправился в Черновицы вновь. Но на этот раз в купе его уже поджидал Кузнецов.

Ничто так не сближает, как дальняя дорога. А когда дипломат узнал, что перед ним его же соотечественник, всякие условности отпали вовсе.

Расставались попутчики точно старые друзья. Назначили друг другу встречу в лучшем ресторане Черновиц. Продолжили отношения и по возвращении в Москву.

Очень скоро Кузнецов «согласился» работать на немецкую разведку. Поначалу задания ему давались несерьезные, проверочные. Но постепенно доверие немцев росло, и в один прекрасный день чекисты узнали наконец тайну черновицких вояжей.

Оказалось, в Черновицах жил германский агент, законсервированный еще со времен Гражданской войны.

Двадцать лет обретался он под личиной незаметного ювелира и после присоединения Северной Буковины к советской Украине берлинское руководство решило поощрить старика: отправить его на родину.

Но возникла проблема: драгоценности и валюту, которую скопил Десидор Кеснер (так звали агента), через таможню провезти было невозможно. Для того чтобы забрать скарб ювелира, а затем отправить его дип. грузом, куратор Кузнецова и ездил в Черновицы.

Правда, обе поездки оказались неудачными. Кестер попал в больницу и на связь выйти не мог.

– Вы же понимаете, – сказал Шмидту куратор, – мой третий визит в Черновицы воспримут неадекватно. Придется ехать вам.

17 апреля «Колонист» и сопровождавший его оперработник Егоров прибыли на черновицкий вокзал. В тот же день, как и было условлено, Кузнецов пришел на улицу Мирона Костич, в дом 11/а и назвал агенту пароль. Кеснеру представился он сотрудником посольства Рудольфом Фальке.

Тем же вечером богатства Кеснера перекочевали в гостиничный номер «Фальке». Помимо золотых изделий и 17 тысяч румынских леев, агент вручил «дипломату» целую гору вещей: фотоаппарат, шубу, костюмы и даже льняные салфетки. (Впоследствии на Лубянке весь скарб Кеснера оценили в 30–35 тысяч рублей.)

Но шпионские богатства интересовали чекистов в самую последнюю очередь. В НКГБ затеяли продолжить игру с Кеснером.

В финчасти заготовили уже 10 тысяч долларов, которые Кузнецов должен был продать при помощи Кеснера черным дельцам Черновиц, но планы контрразведки нарушила война...

В июне 1941-го немецкое посольство в Москве спешно эвакуировалось в Берлин. «Хозяевам» и «друзьям» Кузнецова не суждено было больше его увидеть.

Новое время ставило новые задачи. Осенью 1941-го Кузнецов прошел курс спецобучения в ГРУ. Структуру гитлеровской армии, ее устав, порядки он знал теперь назубок. Это было отличным дополнением к арийской внешности и берлинскому диалекту.

По разработанному плану, на Тульском направлении Кузнецов должен был перебежать к немцам и внедриться в разведку врага.

Легенда была у него теперь новая, весьма схожая с его подлинной. Родился в 1912 году в Тобольской губернии в семье обрусевших немцев. Отца – богатого хуторянина – раскулачили в 1929-м. Осел в Коми. Работал в лесоустроительных партиях.

В 1938-м перебрался в Москву. Устроился на авиазавод, откуда был уволен с началом войны. Промышлял мелкой спекуляцией. Вместе с другими немцами депортировали в Казахстан, но по дороге бежал. Выхлопотал себе документы на новую – русскую – фамилию. Под новым именем был призван в армию. При первом же удачном моменте перешел линию фронта.

«По окончании проверки, – сказано в инструкции-легенде, – Вы заявляете о своем желании получить работу, причем делаете это таким образом, чтобы немцы по своей инициативе предложили вам должность переводчика при воинском штабе или разведывательном органе.

Вашей основной задачей является:

1. Выявление разведорганов противника, их дислокации, наименования, официального состава, агентуры, явочных квартир, школ и радиостанционных органов.

2. Изучение методов работы разведорганов, применяемые ими пароли, шифры и различные виды связи с агентурой, находящейся в нашем тылу.

3. Выявление агентуры, переброшенной немцами в наш тыл.

4. Выявление советских граждан, являющихся официальными работниками немецких, полицейских и административных органов, всякого рода пособников немцев, изменников и предателей родины».

Чекисты справедливо считали, что легенда, под которой Кузнецов действовал в Москве, сработает и за линией фронта.

Однако этого не произошло. Рудольф Шмидт умер, ему на смену пришел обер-лейтенант вермахта, кавалер двух железных крестов и медали «Мороженое мясо» Пауль Зиберт.

25 августа 1942 года Николай Иванович Кузнецов приземлился во вражеском тылу, на базе партизанско-диверсионного отряда НКВД «Победители».

Что было затем, рассказывать, думаю, излишне. Это известно всем...

«Я, начальник 2-го отделения Отдела 2-Е 2-го Главного управления МГБ СССР подполковник Громов, рассмотрев материалы на агента „Колонист“ личное дело № ХХ, и найдя, что агент „Колонист“ был завербован в 1932 году Коми-Пермяцким ОКР Отделом НКВД для разработки группы эсеров. В процессе работы использовался в ряде сложных агентурно-оперативных комбинаций. Во время войны был переброшен за линию фронта со специальным заданием наших органов, с которым успешно справился. Но в начале 1945 года был варварски убит украинскими националистами. (Явная ошибка. Кузнецов погиб в 44-м. – *Прим. авт.*)

Постановил: агента «Колонист» из сети агентуры исключить как погибшего в борьбе с немецкими оккупантами».

Документ такого содержания был подписан в ноябре 1948-го, спустя четыре года после гибели Кузнецова.

Вопреки всеобщему убеждению, герой-разведчик не имел даже командирского звания. Из жизни он ушел простым агентом, так и не увидев блеска собственной славы.

Впрочем, к людям его профессии слава всегда приходит после смерти, ибо даже свое собственное, данное им от рождения имя помнят они не всегда...

И если придуманный в анналах британской разведки Джеймс Бонд – гордо именуется агентом 007, то реальный, созданный из плоти и крови Николай Иванович Кузнецов имеет все основания называться агентом № 001. И не только потому, что по числу своих подвигов он ничуть не уступает хитроумному Бонду.

Потому еще, что в советской контрразведке не было второго такого агента, как Кузнецов. И, наверное, не будет уже никогда...

Глава 10

ШЕСТЬ ИСПЫТАНИЙ ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА

Высокий, не старый еще человек, с орлиным профилем и ис-синя-черными посеребрёнными волосами подошел к окну. Отодвинул портьеру.

Уже смеркалось. Из окна его было видно, как плавным потоком струится по Дзержинке людская толпа, спешит домой, из коллективных ульев в свои коммунальные соты. Лиц их было не разобрать – все сливалось в ноябрьских сумерках, да и ни к чему это, собственно было, ведь думал стоящий у окна человек совсем о другом. Даже не думал, нет – мысли его то сбивались воедино, то разлетались на части; словно волны его любимого Черного моря накрывали с головой, а потом откатывались, оставляя лишь соленый вкус на губах.

На самом деле он давным-давно нашел для себя все ответы, но никому, даже себе самому не хотел в этом признаваться. Много лет он гнал эту свинцовую правду прочь, накладывал на нее «табу», он, наверное, просто боялся ее... Никогда ничего не боялся – ни бандитского ножа, ни немецкой пули – а правды этой боялся. Может быть, еще и потому, что понимал: рано или поздно на эти вопросы придется ответить, они неминуемы, неизбежны, как смерть.

Человек вернулся к столу. Блеснула в полумраке звезда Героя, косой луч лег на тянущиеся вдоль груди наградные колодки: человеку знающему эти нашивки многое могли бы рассказать об их обладателе, потому что просто так, за красивые глаза, четыре ордена

Ленина и Красное Знамя никому еще никогда не давались.

Стопка бумаги была заготовлена уже загодя. На какое-то мгновение он замешкался. Словно прощаясь, оглядел небогатую обстановку своего кабинета: как знать, может, и не увидит ее больше. Встряхнул головой.

«Министру госбезопасности товарищу Абакумову, – вывел он на листе аккуратным, почти каллиграфическим почерком. – Рапорт»...

В Москве не так уж много улиц, названных в память о чекистах; можно пересчитать по пальцам. И с каждым днем их становится еще меньше. Исчезло со столичной карты все, что было связано с именем «железного Феликса». Не существует отныне и улицы Дмитрия Медведева, ей возвращено «историческое» название – Старо-Пименовский переулок.

...Герой Советского Союза, командир партизанских отрядов «Митя» и «Победители» полковник Медведев был одним из немногих чекистов, чье имя при советской власти не упрятали за суровую толщу секретности. О нем писались тонны книг и статей. У его памятника на Новодевичьем кладбище регулярно трубили горны и стучали пионерские барабаны. Даже высшее признание власти – выпущенная в обращение почтовая марка – и то не обошло его стороной. Медведев был, если можно так выразиться, парадной вывеской КГБ – наглядным примером чекистской доблести.

Лишь очень немногие знали, как далека эта радужная картинка от настоящей, а не фасадной, лакокрасочной жизни Медведева.

О том, например, что Медведева трижды увольняли из органов и с позором исключали из партии. Что он чудом избежал ареста. И даже после победы, будучи уже Героем Союза, едва не загремел на нары вновь за связь с безродными космополитами.

Нет, не только за линией фронта Медведев ходил по лезвию бритвы. Опасность много раз подстерегала его и в глубоком тылу, среди своих же товарищей. Опасность неизмеримо большая, ибо позор всегда страшнее смерти...

Жизнь многократно проверяла Медведева на прочность, но ни разу он не согнулся, не изменил своим принципам. Именно потому героем Медведев стал задолго до того, как на груди его засверкала Золотая Звезда...

Первое испытание

Кожаную куртку он надел в 1920-м. Тогда ему было без малого 22 года.

Впрочем, это по нынешним временам 22 года – не возраст. Тогда же, в эпоху вселенских катаклизмов, люди росли и формировались молниеносно. Тем более за спиной Медведева остались революция и Гражданская война. Он успел поучаствовать в установлении советской власти на родине, в Брянске, повоевать на Восточном и Ленинградском фронтах.

Ранней своей биографией Медведев целиком и полностью обязан был старшему брату Александру, большевику с 1912 года. Это по его примеру записался он в Красную Армию. Под его влиянием – председателя Брянской уездной ЧК – стал чекистом.

Кто же мог представить тогда, как скажется судьба брата на его собственной судьбе. Впрочем, есть в этом, наверное, некий особый смысл – все идет по кругу, все возвращается...

О чекистской работе Медведева в 1920-х годах до меня писалось не раз, посему не буду останавливаться на этом периоде подробно. Ограничусь лишь кратким перечислением его послужного списка:

1920 г. Медведев – уполномоченный по военным делам Брянской ГубЧК, а затем зам. начальника Особого

отдела той же ЧК. Принимает непосредственное участие в ликвидации крупной банды Сенина.

С декабря 1920 г. по собственному желанию откомандирован для работы в Донбасс, уполномоченным Донецкой ГубЧК.

Весной 1921 г. направлен в самое гнездо бандитизма – председателем Старобельской уездной ЧК на Донбассе. Лично участвует в разгроме банд. За успешную борьбу с уголовной преступностью Коллегия Всеукраинской ЧК награждает его именными золотыми часами.

В конце 1921 г. переезжает в Шахтинский уезд, где, как указывает Медведев в своей автобиографии, датированной 1932 годом:

«...удачно ликвидировал ряд дел, из которых помню:

1. Казачья к-р организация с центром в Ростове;
2. Крупное организованное хищение и продажа угля – тысячами пудов (Несветаевский куст);
3. Крупную уголовную банду в станице Каменской, при ликвидации которой была взята огромная сумма награбленных денег и чемодан золотых вещей;
4. Преступную группу среди своих сотрудников (взятки, продажа след. дел, налеты)».

С 1922 по 1925 год работает в Одессе – уполномоченным Секретного отдела ГПУ, а затем и его начальником. (Кстати, там-то, в Одессе, познакомится он с Эммой Кагановой¹, будущей женой Павла Судоплатова², главного советского диверсанта: двадцать лет спустя знакомство это полностью перевернет жизнь Медведева.)

В 1925–1926 годах – служит в Секретном отделе ГПУ Украины.

В 1926–1928 годах – в Днепропетровске, начальник Секретного отдела окружного ГПУ.

«В период работы в Днепропетровске, – пишет он в уже цитируемой выше автобиографии, – было вскрыто и ликвидировано ряд интересных групповых дел петлюровского и укапистского толка („Конгламерат“, „Домна“, „Маскарад“ и друг.) и разгромлена сильная троцкистская оппозиция. За работу в Днепропетровске Коллегией ОГПУ был награжден револьвером».

Второй по счету наградной пистолет Медведев получит в Херсоне, где с 1928 по 1930 год возглавлял Секретный отдел окружного ГПУ. Получит за организацию тайных каналов переправки в Болгарию агентуры и нелегалов.

Как видно, сидеть на месте Медведев не привык. Ему пришлось объездить едва ли не всю Украину – а впереди еще будут Киев, Новоград-Волынский, Харьков, Бердичев.

Такая работа, естественно, откладывала свой отпечаток. Медведев был человеком сильным, волевым, решительным. И в то же время до смешного порой наивным. Наверное, это вообще свойство сильных и смелых людей – верить в победу добра над злом, а потому не бояться называть вещи своими именами.

«Отдельные лица из руководства НКВД считают меня „неудобным“ и „склочным“ человеком, – признается он в рапорте, поданном в июле 1937 г. на имя наркома Ежова, – так как я никогда не мирился с безобразиями и преступлениями. Болея за дело, я часто „не ладил“ с начальством, не молчал, когда видел неправоту и вред делу, а высказывался и отстаивал свою точку зрения».

Да, Медведев был нетипичным продуктом для своего времени. Негибким. Упрямым. Впрочем, когда, в какие времена такие люди бывают удобны...

Впервые медведевская бескомпромиссность особенно остро – по крайней мере, публично –

проявилась в марте 1930-го, когда он возглавил Купянский окружной отдел ГПУ.

В то время на Украине полным ходом шла коллективизация. Выселяли кулаков. Не обошла стороной кампания и Купянский район. Но...

Процитирую выдержки из приказа председателя ГПУ Украины Балицкого³ от 31 марта 1930 г.:

«Необходимо отметить, что со стороны отдельных Окротделов замечены недостаточная предусмотрительность, растерянность и даже искривления, что вносило путаницу в общую работу и создало излишние трудности в проведении массовой операции.

С наименьшей организованностью, при наличии целого ряда недочетов и ошибок, работа по выселению кулачества проведена следующими Окротделами ГПУ: Шевченковским, Тульчинским, Киевским, **Купянским** (выделено мной. – *Прим. авт.*) и Изюм-ским. (...)

Особо отмечаю неудовлетворительную работу Шевченковского, **Купянского** (выделено мной. – *Прим. авт.*) и Изюмского Окротделов ГПУ, которыми подготовка к выселению и вся организационная работа по операции проведены крайне небрежно, без соблюдения основных директив. (...) **Купянским** (выделено мной. – *Прим. авт.*) и Изюмским Окротделами ГПУ операция была проведена крайне беспорядочно, с нарушением целого ряда основных директив. Совершенно отсутствовала правильная система фильтрации намеченных к выселению людей».

Кто были эти выселяемые кулаки? В большинстве своем нормальные, крепкие крестьяне, те, на чьих плечах и держалось село. Наверное, именно потому и не свирепствовал особо Медведев, не проявлял ретивости. Он привык воевать с бандитами и диверсантами, но не с мирными людьми...

Впрочем, времена тогда были еще сравнительно либеральные. Дальше директивы председателя Украинского ГПУ дело не пошло. Тремя годами позже ему придется намного труднее. Но это уже...

Второе испытание

Есть на Житомирщине маленький городок Новоград-Волын-ский. Помимо каштанов, бахчей и вишен славен он был еще и особыми, царящими здесь порядками.

Близость к польской границе – 30 километров, рукой подать – диктовала свои законы. Контрабандистов, перекупщиков, спекулянтов, торговцев краденого и прочих жуликов всех мастей – в Новогород-Волынском было видимо-невидимо.

Но не это даже особенно привлекало чекистов. В те годы поляки были злейшими врагами советской власти. С польской территории регулярно засылались к нам диверсионные группы. Забрасывалась агентура. Организовывались теракты и политические убийства.

Именно для того, чтоб установить заслон польской экспансии, и прибыл сюда в 1933-м Медведев – начальником райотдела ГПУ и одновременно – Особого отдела 14-й Кавдивизии, – но задачу эту выполнить не успел; не по своей, впрочем, воле.

Вскоре после приезда в Новоград-Волынский новый начальник ГПУ столкнулся с банальной, казалось бы, квартирной проблемой.

Один из домов, выделенный Особому отделу Горсоветом, незаконно захватил некий работник штаба (фамилию его архивы не сохранили). Все увещевания и просьбы Медведева штабист попросту игнорировал, ссылаясь на то, что дом разрешил ему занять начальник гарнизона, а никакие ордера и законы его не тревожат.

Медведев пошел к начальнику гарнизона, но и там понимания не услышал. «Да, я разрешил, – ответил начальник, – пусть живет».

Как поступил бы иной, окажись на месте Медведева? Вероятно, проглотил бы обиду. В лучшем случае, пошел бы хлопотать, требовать новое жилье. Но Медведев человек был нетипичный. Без лишних слов он решил выселить «захватчика» силой.

«7-го октября с. г. (1933 г. – *Прим. авт.*) (...) я получил от горсовета официальную справку о том, что этот дом отведен под Особый отдел, согласовал вопрос о выселении с Участковым Прокурором и только тогда, после строгого проведения законных формальностей, дал распоряжение о выселении.

Тов. Мищенко (начальник гарнизона. – *Прим. авт.*), не удовлетворившись благополучным исходом переселения, вызвал к себе выселенного командира и предложил ему написать рапорт, в котором указать, что Особый Отдел «выкинул его на улицу и поломал вещи». Обещал от своего имени написать письмо на имя командующего и «вообще показать этим особистам». (Это из объяснительной записки Медведева в ГПУ Украины.)

На этот раз дело кончилось куда плачевнее. Приехавшая из республиканского ГПУ комиссия целиком и полностью встала на сторону «уплотненных».

Медведева обвинили в том, что он подрывает авторитет партии, дискредитирует органы. А заодно и в том, что с обязанностями своими не справляется: польской разведке, дескать, серьезного противодействия никто не оказывает.

В том, что Медведев приехал в Новоград-Волынский всего полгода назад и наладить оперативную работу попросту не успел, разбираться никто не стал.

Почему? Да потому что выселенный им командир оказался не простым штабистом; он возглавлял комиссию по армейской партчистке. Более того – в момент, когда чекисты выбрасывали его вещи на улицу,

сам секретарь объезжал дивизию и «вычищал» нерадивых большевиков.

Для Медведева, вероятно, эти партийные условности особой разницы не имели. Для начальства же выглядели каким-то святотатством; секретарь по партчистке – должность политическая, и покушаться на нее не дозволено никому.

Итог закономерен: приказом зампреда ГПУ Украины Карлсо-на⁴ в октябре 1933 года Медведев был снят с работы и понижен в должности «за систематическое игнорирование директив ОГПУ и ГПУ УССР о порядке информирования командования, за оперативную бездеятельность на важнейшем участке армейской работы и за незаконные действия по отношению к семье командира РККА».

Медведеву пришлось с позором покидать Новоград-Волын-ский. Два года прослужил он в Одесском ГПУ. В 1936-м отправился в Москву, на курсы комсостава.

И тут случилось...

Третье испытание

В апреле 1937-го НКВД арестовало как врага народа старшего брата Медведева – Александра; того самого, по чьему примеру он и надел когда-то чекистскую тужурку.

Собственно, по-другому и быть не могло – в стране бушевали репрессии, ежедневно людей арестовывали пачками, Медведев же старший был человеком приметным, партийцем с дореволюционным стажем.

В 1920-х годах он успел примкнуть к рабочей оппозиции, в 1923-м – ненадолго был арестован, в 1925-м – исключен из рядов ВКП(б). И хотя в партии его вскоре восстановили и даже назначили на ответственную должность – начальником Спецавиа-строя СССР – тень прошлого уже заведомо определяла всю его будущность.

К моменту ареста брата Медведев не виделся с ним много лет; их пути разошлись еще в далеком 1920-м, когда Дмитрий уехал в отвоеванный у белых Донбасс. О дальнейших перипетиях в судьбе Александра знал он лишь по рассказам родни.

Но родство с «врагом народа» не давало покоя бдительным кадровикам, благо Медведев и сам давал к тому немало поводов. Был он, как уже писалось, человеком упрямым и упертым, говорил то, что думал, и отсиживаться по углам не привык.

«Болея за дело, я часто „не ладил“ с начальством, – признавался Медведев в рапорте, адресованном наркому Ежову, – не молчал, когда видел неправоту и вред делу, а высказывался и отстаивал свою точку зрения. Поэтому обо мне сложилось мнение, как о „своенравном“ и „неудобном“ человеке... Мою непримиримость к заискиванию перед начальством – превращали в „склочность“ моего характера; мою чуткость и деловое отношение к подчиненным – истолковывали, как „панибратство“».

На курсах в центральной школе НКВД отношения у него с начальством вновь не сложились. («На курсах я был „неспокойным“, – это из другого медведевского рапорта наркому. – Я открыто в глаза на собраниях говорил о недочетах работы, настаивал на устранении таковых».) При первой же возможности неудобного слушателя постарались прижать к ногтю; в августе 1936-го Медведев был исключен из партии за родственную связь с братом-троцкистом.

Однако он сумел добиться невозможного – райком ВКП(б) решение это отменил и в партии его восстановил. Такое упорство еще сильнее разозлило чиновников от НКВД. Медведев почувствовал это очень скоро.

Вернувшись назад, на Украину, он с удивлением обнаружил, что опыт его и знания никому здесь больше

не требуются. Максимум, что сумели ему предложить – место инспектора при начальнике Харьковского УНКВД; понижение – столь же наглядное, сколь и унижительное (в Москву, на курсы, уезжал он с должности начальника Одесского горотдела). Выхода не оставалось – скрепя сердце Медведев вынужден был согласиться. Тут-то, в Харькове, и застало его известие об аресте брата.

Как и подобает правоверному большевику-чекисту, Медведев незамедлительно пишет рапорт Ежову:

«Так как в связи с этим арестом и без того гнетущая меня настороженность по отношению ко мне должна будет возрасти, я убедительно прошу дать указание товарищу, ведущему дело моего брата, выяснить при допросах его о наших взаимоотношениях и тем самым положить конец всяким кривотолкам и предположениям».

Но все надежды на объективность разбирательства – напрасны. Никому нет дела ни до его прежних заслуг, ни до истинных отношений с братом. («Если бы человеку было предоставлено право выбирать себе братьев, я не выбрал себе такого» – сказано в одном из медведевских рапортов.) Его брат, родная кровь – враг народа, и это уже – само по себе является приговором.

В июне 1937-го Медведева увольняют из НКВД по компрометирующим обстоятельствам.

Возможно, окажись на его месте кто-то другой, за благо посчитал бы это увольнение. Эка невидаль – уволили. Спасибо еще – не посадили.

Другой, только не Медведев. Он забрасывает рапортами наркомат, пишет главному редактору «Правды» Кольцову⁵, лично товарищу Сталину.

Письма в Москву и Киев идут долго. К тому времени, как доходят они, адресаты их сами оказываются уже на тюремных нарах – чистки в НКВД набирают обороты день ото дня – и это еще сильнее укрепляет Медведева

в собственной правоте. Так вот, значит, в чем была причина его злоключений. Теперь все ясно: в НКВД засели враги, избивающие честные кадры...

Как это здорово – находить простые ответы на самые сложные вопросы. И как это тяжело – разочаровываться потом в найденной простоте.

Новые начальники оказываются точно такими же, как и их предшественники. Сначала Медведев получает в ответ отписки. Потом перестают приходить даже они.

Через несколько месяцев, устав от бессилия и отчаяния, Медведев отправляется за правдой в Москву. Ночует где придется – на вокзалах, в парках, у знакомых. Живет впроголодь – деньги у него на исходе.

«Я живу в Москве около трех месяцев не прописанным, т. к. негде прописываться, – пишет он одному из высших чинов НКВД. – Ночую где настанет ночь! Без копейки денег! И я готов бы жить еще столько же, лишь бы ускорить решение моего вопроса!»

В личном деле Медведева оседают десятки его новых рапортов. Читать спокойно их невозможно.

«Пишу рапорта на имя тов. Ежова, – это из его обращения главному редактору „Правды“ Кольцову (тоже, кстати, впоследствии репрессированному). – Прошу расследовать мое дело, доказываю, что в отношении меня допущена ошибка, указываю, что приказ, изданный без проверки, поставил под удар мою партийность, звоню по телефонам – ничего не помогает!

Секретариат мои рапорта тов. Ежову не докладывает, а пересылает в отдел кадров – главный виновник в моем вопросе (да и только ли в моем?!). В отделе кадров со мною и по телефону не желают разговаривать. Одним словом – враг!

Мои товарищи, знающие меня десяток лет, частью совершенно отвернулись от меня и боятся со мной раскланиваться, другие – пускали ночевать и кормили с условием, чтобы об этом никто не узнал. В Харькове

отдельных товарищей уже обвинили в том, что они были близки со мною!»

Недаром НКВД именуют «всевидающим оком». Все передвижения Медведева, все его встречи с друзьями тщательно отслеживаются, фиксируются. Почетный чекист сам попадает под колпак вчерашних соратников.

Приведу один только документ:

Агентурно Источник «Арвид» Принял у резидента «Маслова» Несвижский

«Медведев Дмитрий Николаевич работник НКВД проживает в гостинице „Москва“ в № 616 у другого работника НКВД – По-лещука.

Источник хорошо знает самого Медведева, в частности, его брата Медведева Александра Николаевича. (...)

Источник подозревает, что Дмитрий Николаевич Медведев скрывает, что у него есть брат, боровшийся против партии. Об этом говорит тот факт, что когда источник спросил его, был ли он у родителей, проживающих в Москве, то он заявил, что не был, что не пойдет туда, и просил источника не говорить его родителям, что он в Москве».

Казалось бы, судьба Медведева предрешена. Вслед за увольнением неминуемо должен последовать и арест. Так поступают со всеми «подозрительными» элементами, а уж в особенности с такими упрямыми.

Но Медведев не сдается.

«Пошлите меня на любой труднейший участок чекистской работы, дайте мне возможность дальше бороться с врагами с удесятеренными силами и доказывать свою преданность партии», – с какой-то просто маниакальной настойчивостью требует он.

Уже подошли к концу все деньги. Он пытается продержаться в Москве как можно дольше, питается одним хлебом, но наступившие холода гонят его обратно. Никто из прежних знакомых ночевать

Медведева уже не пускает – опасно, а в парках зимой не больно поспишь.

Но едва приходит весна, он вновь отправляется в Москву. Доведенный до отчаяния чекист готов на самые крайние меры.

14 марта 1938 года Медведев объявляет «смертельную голодовку» в центральном вестибюле Курского вокзала прямо под портретом Сталина, о чем заблаговременно уведомляет инстанции.

И тут происходит истинное чудо – по-другому и не скажешь. Огромная партийно-бюрократическая машина уступает воле и упорству одного-единственного капитана государственной безопасности.

Трудно сказать, что именно повлияло в конечном счете на судьбу Медведева: его настойчивость, близящиеся перемены в НКВД, что-то еще. Факт остается фактом – Медведева восстанавливают в органах. Правда, без права использования на оперативной работе – но это все равно победа...

Испытание четвертое

«Осенью 1939 года Медведева вызвали в Москву. В наркомате сообщили об увольнении по состоянию здоровья в запас, на пенсию» – так описывает новый поворот в жизни чекиста его официальная биография, изданная в серии «Жизнь замечательных людей».

Стоит ли говорить, что от правды это весьма и весьма далеко...

После восстановления в органах Медведев был направлен на Беломорско-Балтийский канал – «жемчужину» ГУЛАГа. Конечно, с его прежней службой сравнить новое место было трудновато. Взамен живой оперативной работы, которую любил он до беспамятства, – слежка за заключенными, в подавляющем большинстве осужденных ни за что ни про что бедолаг.

Но это про таких, как Медведев, говорят: не в коня корм. Даже после всего, что пережил он, после демаршей и голодовок, он умудряется *влипнуть* в очередную историю.

Когда в 1938-м Сталин немного ослабляет гайки – снят с должности Ежов, ликвидирована печально известная система «троек», – Медведев воспринимает это как коренной перелом.

К тому времени у многих зэков подошли к концу сроки заключения. И Медведев вместе с начальником своего отдела начинает выпускать их на волю.

Руководство ГУЛАГа приходит в ярость; подобное здесь не принято. Тому, кто попал однажды в лагерный барак, выйти на свободу уже не суждено.

Медведева предупреждают – пока еще по-хорошему. Но он закусывает удила. «Закон есть закон», – отвечает он на все увещевания.

«...Мы вынуждены были освободить, так как в постановлении СНК и ЦК ВКП (б) и приказах НКВД подчеркивалось, что без санкции прокурора не имеем права держать под стражей арестованных, – будет писать он потом в многочисленных своих объяснениях. – На наши телефонные звонки в Москву быв. нач. 3 отдела ГУЛАГа Симхович ответил: „Раз прокурор не дает санкции на содержание, из-под стражи освобождайте“».

Кого же выпустил на свободу Медведев? Архивы донесли до нас несколько таких судеб.

Вот – полуграмотный корейский крестьянин Пак-Нам-Ен. В 1935 году его задержали при переходе границы. Шел к родственникам, но на следствии, разумеется, признался, что был переброшен в СССР японской разведкой.

Вот – некий Голомб, которого якобы забросили в СССР главари белой эмиграции для организации

терактов против тт. Андре-ева⁶ и Калинина⁷.

Неудивительно, что впоследствии и Пак-Нам-Ен и Голomb, как, впрочем, и все остальные выпущенные Медведевым люди, будут полностью реабилитированы. Только произойдет это многими годами позже, в эпоху хрущевской «оттепели». Пока же подобные вещи в НКВД не намерены спускать никому – особенно брату врага народа.

В начале 1939 года на имя Берии поступили два письма. Одно написал бывший сослуживец Медведева некто Левшин. Второе – было анонимным.

Авторы их доносили, что брат врага народа капитан Медведев с явно вредительскими целями выпускает на волю шпионов и диверсантов, и если вовремя не остановить его, страну наводнят полчища наймитов империализма.

Остановили. Проверка без труда подтвердила приведенные в письмах факты.

3 ноября 1939 года приказом НКВД СССР № 2019 капитана госбезопасности Медведева вторично увольняют из органов. В вину ему вменяют «массовое необоснованное прекращение следственных дел», а заодно припоминают и былые грехи: брата-троцкиста, прежнее увольнение.

На этот раз Медведев расстается с ЧК без какого-либо сопротивления. Теперь он окончательно понимает: в этой системе больше ему не работать.

Он ошибается.

Испытание пятое

Начнись война не 22 июня, а хотя бы неделей позже, никогда бы не стал Медведев ни героем, ни командиром партизанского отряда. Его ждало новое исключение из партии и – скорее всего – неминуемый арест.

17 июня 1941 года общественный лектор Медведев выступал перед жителями подмосковного поселка

Томилина.

«Будет ли война?» – спросили его.

«Будет. И, думаю, очень скоро», – рубанул он с ходу.

По тем временам – крамола неслыханная. Только-только ТАСС распространил сообщение о неукоснительном соблюдении сторонами германо-советского договора.

За пораженческие слухи, лишь за попытку предположить неизбежность войны тысячи людей попадают в лагеря. Здесь же – не разговор в пивной. Публичная лекция. Да и кто выступил с таким заявлением? Уволенный из органов брат врага народа!

Разбор персонального дела управляющего межрайонной конторой № 3 «Мосгортоба» и общественного лектора Дмитрия Медведева Люберецкий райком партии назначил на 25 июня, но разобрать его не успели...

Уже 22 июня Медведев пишет рапорт наркому Берия.

«В ноябре месяце 1939 года, после двадцатилетней оперативной работы в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД, я был из органов уволен.

В первые же дни войны как с польскими панями, так и с финской белогвардейщиной, я обращался к Вам полный готовности на любую работу, на любой подвиг.

Теперь, глубоко осознавая свой долг перед Родиной, я снова беспокою Вас, тов. Народный комиссар, своим непреодолимым желанием отдать все свои силы, всего себя на борьбу с фашизмом».

В любое другое время рапорт Медведева остался бы без ответа. Но война нарушила привычный ход событий, изменила правила игры. На карту было поставлено теперь все.

Внутри НКВД спешно формируется новая служба – Четвертое управление. В кратчайшие, авральные сроки управление должно создать разведывательно-

диверсионные резидентуры во вражеском тылу, подобно минам замедленного действия оставить в покидаемых городах верных, надежных людей.

Управление поручено формировать зам. начальника внешней разведки НКВД Павлу Судоплатову.

По счастью, Судоплатов немало слышал об оперативном мастерстве Медведева. Его жена служила когда-то вместе с Медведевым в Одесском ГПУ и дает ему превосходные характеристики.

У Судоплатова – карт-бланш. Ему позволено набирать к себе в штат всех, кого он посчитает нужным. Некоторых людей он вытаскивает даже из лагерей – например, бывшего руководителя советской нелегальной разведки Якова Серебрянского, арестованного в 1938-м.

С Медведевым же и вовсе проблем не возникает: по счастью, посадить его не успели.

Летом 1941-го Медведева вновь зачисляют на службу в НКВД. Не мешкая, сразу же, он приступает к формированию спецотряда для работы в тылу врага. Уже в сентябре отряд под кодовым названием «Митя» высаживается в Брянских лесах...

Полагаю, что нет особой нужды перечислять военные заслуги Медведева – до меня это делалось тысячи раз. Приведу лишь краткий документ – справку НКГБ СССР, датированную мартом 1945-го, – который дает четкое представление о том, чем занимался Медведев в годы войны.

«В первый раз в тылу противника, в Брянских лесах, руководимая тов. Медведевым опергруппа в 30 человек за время с 12 сентября 1941 года по 21 января 1942 года, т. е. за 4 месяца, выросла до 300 человек.

Пущено с рельс 3 эшелона с живой силой и техникой противника (1 эшелон), взорвано 10 мостов, из них 3 на жел. дороге и 7 на шоссе, сбито 7 самолетов-бомбардировщиков противника и 2 самолета-

бомбардировщика уничтожено на земле. В боях и во время диверсионных актов убито до 1000 немецких солдат и офицеров, в том числе 2 генерала.

В процессе ведения боевых операций были временно освобождены города Жиздра и Хотимск, где уничтожены немецкие воинские комендатуры и полиция.

Через созданную агентуру была проведена большая разведывательная работа в городах Брянск, Клетня, Людиново и Жиздра.

Организовано на месте пять партизанских отрядов (в 30-50 чел. каждый). Кроме того, были взяты под свое руководство 27 местных партизанских отрядов, насчитывавших в общем до 4000 человек.

Второй раз в тыл противника тов. Медведев был направлен 20 июня 1942 года и пробыл там до 1 марта 1944 года. За 1 год и 8 месяцев руководимая им опергруппа НКГБ СССР в 100 человек выросла до 1000 человек.

Пущено под откос 52 немецких эшелона, взорвано 3 ж. д. моста, 3 ж. д. мастерские, 2 электростанции, 1 городской вокзал (в Ровно) с солдатами и офицерами, 2 офицерских казино.

В боях и при диверсиях уничтожено более 1350 немецких солдат и офицеров, в том числе один генерал, 780 полицейских и жандармов, в боях взяты трофеи: 4 пушки, 6 минометов, 60 пулеметов, до 1000 винтовок и автоматов, боеприпасы, свыше 3 тонн взрывчатки и пр.

Завербовано 63 агента-боевика, через которых была терроризирована высшая немецкая администрация – «Рейхскомиссариат Украины». Помимо указанных выше взрывов совершены следующие теракты, во время коих убиты:

1. Гель – начальник отдела Рейхскомиссариата, министерский советник.

2. Винтер – финансовый референт Гебитскомиссариата.

3. Ильген – генерал-майор, командующий войсками особого назначения на Украине.

4. Функ – председатель немецкого верховного суда на Украине».

Иная дивизия не нанесла немцам столько урона, сколько мед-ведевцы. Но не стоит забывать и о разведывательных функциях партизанских отрядов. Именно благодаря разведчику отряда Медведева, легендарному Николаю Кузнецову, Центр заблаговременно узнал о подготовке теракта против «большой тройки» в Тегеране, о стягивании танковых частей к Курску.

К концу войны грудь полковника Медведева украшал внушительный иконостас. Звезда Героя. Четыре ордена Ленина. Красное Знамя. Несчетное множество медалей.

Медведев стал живой легендой – гордостью Лубянки. По крайней мере, так могло показаться со стороны.

Увы, последующий ход событий показал: ничто не ценится в России так дешево, как люди. Впереди было...

Испытание шестое

Министру государственной безопасности Союза С.С.Р.

генерал-полковнику

тов. Абакумову

«Рапорт

С 1936 года, т. е. в течение 10 лет, я подвергаюсь совершенно незаслуженным гонениям из-за своего старшего брата – Медведева Александра Николаевича, оказавшегося сначала в числе антипартийных элементов, а затем – врагов Родины. (...)

Я старался успокоить себя тем, что я перед Партией и Родиной честен, что недоверие и гонения – результат

предосторожности ко мне из-за брата одних и излишнее «усердие» других. (...)

Великая Отечественная война нашего народа с фашистской Германией явилась достаточным испытанием для каждого члена ВКП(б). Это испытание я выдержал на самом опасном участке борьбы – в тылу врага.

Мне казалось, что в результате этого испытания я заслужил доверие к себе. Но я, видимо, ошибся: выдержал испытания, умер злосчастный брат, а недоверие ко мне осталось.

Если этот «брат» своей антисоветской «деятельностью» приносил неисчислимый вред нашей Родине – для всех он был только врагом. Для меня он был (и даже после смерти остался) дважды врагом: как враг для всех и как враг мой личный. Из-за него (а не потому что у меня нет способностей, старания и опыта) я ограничен в предоставляемой мне работе и не продвигаюсь. (...)

Всю свою сознательную жизнь – я чекист. Мне тяжело уходить из органов, в которых я вырос. В мои 48 лет и с моим здоровьем поздно переучиваться для другой работы. В органах МГБ я был бы полезнее.

И все же я, видимо, вынужден буду согласиться на уход из МГБ, т. к. недоверие и сомнения, которые мне высказаны теперь – для меня значительно тяжелее, чем это было прежде. Если прежде мое сознание находило формальные оправдания недоверию и тем сглаживало мои моральные переживания – теперь этих оправданий я найти не могу.

Герой Советского Союза
полковник
Медведев».

Этот рапорт Медведев написал в августе 1946-го. Накануне его вызывали в кадры ЦК и обстоятельно предлагали подумать над своим будущим.

Тень «изменника-брата» по-прежнему витает над ним, да и над всей медведевской семьей. (Еще до войны был арестован второй его брат – Михаил; третьего – Алексея – уволили из НКВД.)

Несмотря на все фронтовые заслуги, Медведев, как и в 1937-м, вновь чувствует себя белой вороной, чужеродным телом.

Его упорно не продвигают по службе (несколько лет он прозябает на явно низкой для профессионала его уровня должности зам. начальника отдела контрразведки МГБ), не поручают никаких мало-мальски серьезных дел.

Война окончилась, а вместе с ней завершилось и время героев. Все то, что ценилось на войне, – бесстрашие, самостоятельность, решимость, – обесценилось в одночасье, как старые лотерейные билеты; из достоинства разом превратилось в недостаток.

Совсем другие люди нужны были теперь вождям: послушные, покорные, управляемые.

В 1946-м Медведев уходит в отставку. Теперь уже навсегда. У него нет ни сил, ни желания сносить незаслуженные обиды. Наивная вера в безгрешность Советской власти сменяется горьким разочарованием.

Медведев начинает наконец понимать: дело не в отдельных чинушах и перестраховщиках. Дело – в системе. В системе, которая ярким индивидуальностям предпочитает серость и обыкновенность. В системе, которая ценит людей не по делам, а по формальным признакам.

Но и в мирной жизни Медведев не затерялся, не запил с горя, от тоски. Такие люди, как он, – талантливые, самобытные, цельные, всегда отыщут свою дорогу, куда бы ни забросила их судьба.

Медведев нашел себя в творчестве. Он стал писателем. Его книги быстро обрели популярность.

Общество истосковалось без хорошей героико-приключенческой литературы. В сочинениях Медведева люди находили все то, чего так не хватало послевоенной стране: смелость, решительность, натиск: недаром самое известное произведение его так и называется – «Смелые духом».

В числе поклонников Медведева были люди самых разных профессий. И лишь те, кого прославлял он своими книгами, те, кому служил он всю свою жизнь, наблюдали за растущей славой полковника со злобой и раздражением.

Активность Медведева вызывала в МГБ изжогу. Он был непонятен лубянским генералам и потому только уже чужд.

Разве что в страшном сне может привидеться такое: легендарного партизана, чекиста, Героя Советского Союза в МГБ именуют не иначе, как «литературным аферистом» и «проходимцем»...

Позволю себе привести практически в полном объеме документ, который как нельзя лучше демонстрирует нравы, царившие тогда в стране.

Совершенно секретно

Начальнику 5 Управления МГБ СССР

«С 20 апреля с. г. в течение месяца в городе Свердловске **оперировал** (здесь и далее выделено мной. – *Прим. авт.*) с литературными выступлениями в клубах и театрах города герой Советского Союза полковник Медведев Д. Н., бывший работник наших органов.

Темой его литературных выступлений являлся подвиг разведчика-уникума Кузнецова, описанный им в книге «Это было под Ровно».

Проверкой установлено, что Медведев, игнорируя Центральное лекционное бюро и бюро литературных выступлений Союза советских писателей, **пользуясь званием героя и чекиста**, разъезжает по городам

Советского Союза, заключает везде беспрепятственно договора в частном порядке, и по существу превратился в театрального авантюриста и афериста.

До Свердловска Медведев давал гастроли в г. Молотово, где за короткий период **сорвал** с общественных организаций крупные суммы.

В Свердловск, для соответствующей «подготовки» общественного мнения, им был заранее прислан личный секретарь Владимиров (известный авантюрист, **еврей**), последний начал с того, что минуя соответствующие органы, заранее выслал из Молотова афиши, вырезки из газет, отзывы и т. п. на имя администратора филармонии Шустера (о! еще один еврей. – *Прим. авт.*).

Явившись затем в Свердловск в филармонию, от имени Медведева Владимиров, видя заинтересованность местных организаций принять Медведева, как б/чекиста и героя Советского Союза, предъявил требования: гарантировать не менее 25–30 выступлений с оплатой 2000–2500 рублей за выступление. (...)

Всего в Свердловске Медведев провел 22 платных выступления, за которые получил наличными 44 000 рублей, за отдельные лекции Медведев наживал до 2500–2800 рублей.

Чтобы чем-то прикрыть **наживу** таких крупных сумм, его секретарь Владимиров в официальных кругах распространял версию, что Медведев оказывает личную материальную помощь многим участникам своих партизанских разведывательных отрядов, которыми он, якобы, командовал на Украине. (...) В неофициальных же разговорах Владимиров говорил, что Медведев крупные суммы тратит на игру в тотализатор на Московском ипподроме.

Как рассказывал своим знакомым Владимиров, с Медведевым познакомился в Москве через какого-то театрального администратора, уплатив ему за это 1000

рублей денег. Образно выражаясь, Владимиров заявил, что он «охотился» за Медведевым около 3 месяцев. Владимирову Медведев платит до 10 тысяч рублей в месяц и содержит на полном своем иждивении.

Все это вместе взятое свидетельствует о том, что Медведев превратился в обычного **«литературного» афериста, преступную наживу** которого, по моему мнению, следует **немедленно пресечь**.

Начальник Управления МГБ по Свердловской области генерал-лейтенант Дроздецкий⁸ 13 июня 1949 г.».

Львиную долю литературных доходов Медведев действительно тратил на своих бывших бойцов. Это не версия, а сущая правда.

Стоило кому-то из них попросить о помощи, как Медведев тут же срывался с места. Нужны деньги? Снимал с себя последнюю рубаху. Произошла несправедливость? Надевал китель со Звездой и шел в инстанции на абордаж.

Он по-прежнему был для этих людей командиром. А командир, если, конечно, он командир настоящий, должен быть в ответе за все.

Щедрость его нередко становилась даже причиной внутрисемейных ссор, и тогда запирался он в своем кабинете или шел бродить по московским улочкам, не подозревая, должно быть, что за каждым шагом его неотступно наблюдают люди с васильковыми погонами на плечах: такими же погонами, какие еще недавно носил он сам...

«Преступную наживу следует немедленно пресечь», – пишет начальник Свердловского УМГБ, и это звучит почти как приговор. Довольно странная безапелляционность. Трудно поверить, чтобы какой-то начальник территориального управления по собственному почину мог замахнуться на

прижизненный памятник Лубянке. Инициатива в этом ведомстве всегда была наказуема...

Мы не случайно выделили в письме генерала Дроздецкого некоторые обороты. Думается, в них и таятся ответы на наши вопросы.

«Авантюрист, еврей» – именно так, через запятую, генерал дает характеристику медведевскому секретарю, как бы подчеркивая тем тождественность двух этих слов.

А теперь обратим внимание на дату письма. Июнь 1949-го. И сразу все становится на свои места.

Уже полным ходом идет по стране борьба с безродными космополитами. Уже «французские» батоны переименованы в «городские», а папиросы «Норд» в «Север». Уже раздавлен под колесами грузовика МГБ Соломон Михоэлс⁹, распущен Еврейский антифашистский комитет и арестованы его руководители. Написала уже свое знаменито-зловещее письмо славная патриотка Лидия Тимашук¹⁰, а из ЦК и Агитпропа уходят в инстанции секретные директивы: сократить число «лиц еврейской национальности» (слово «еврей» употреблять почему-то было не принято: может, считали его ругательством?) в театрах, газетах, больницах и институтах.

Конечно, самого Медведева трудно обвинить в космополитизме: природный русак, порода видна по лицу. Но ведь и академик Виноградов – лечащий доктор Сталина – взяли которого вместе с другими «врачами-убийцами», тоже и капли иудейской крови не имел.

Те, кто разрабатывал на Лубянке сценарии будущих заговоров, хорошо разбирались в психологии. Мало выкорчевать вражье семя под корень. Надо еще и показать всем *нашим* дуракам, как опасны ротозейство и благодушие. Недаром все шпионские плакаты тех лет изображают одну и ту же мизансцену: лопоухий болтун,

а рядом – изогнутое ухо шпиона с явно нерусским профилем.

У врага было теперь новое лицо: толстогубое, с крючковатым носом и глазами навывкате...

Уж не роль ли пособника сионистов-космополитов примеряли Медведеву его вчерашние коллеги? Ведь единственный грех его (кроме, конечно, мифической игры на тотализаторе) – это связь с авантюристом-секретарем. Точнее, с евреем-секретарем, ибо в Советской стране образца 1949 года быть евреем само по себе считалось уже преступлением...

Совершенно секретно

МГБ СССР

5 управление

1 отдел

21 июля 1949 г.

«Установлено:

Владимиров П. Б. происходит из состоятельной еврейской семьи. Проверяемый имеет высшее юридическое образование. По окончании института несколько лет работал по специальности (юристом), затем профессию переменил и последние 10-12 лет является администратором различных театров. (...)

Источник характеризует Владимирова П. Б. развитым, имеющим довольно широкий кругозор, к тому же неглупым человеком, однако в поведении и быту недостаточно выдержанным. Кроме собственного благополучия, его ничто не интересует.

Материально он живет явно не по средствам: в периоды пребывания в Москве часто посещал рестораны, в которых оставлял большие суммы денег. Всегда хорошо одевался, а жене делал дорогостоящие подарки.

Начальник 4 отделения 1 отдела 5 Управления МГБ СССР

подполковник Черкасов».

Для МГБ пошить дело проще, чем портному – костюм. Не успел прийти донос из Свердловска, как готова уже и оперативная установка. Подведен к антрепренеру Владимирову источник (проще говоря, агент). Старательно собирается компромат.

Борьба с космополитизмом, а попросту говоря – с евреями (в народе ходили тогда стишки: «чтоб не прослыть антисемитом, зови жида – космополитом»), набирала обороты. Космополитов и низкопоклонников изгоняли из науки, искусства, снимали с руководящих постов. Не обошла стороной эта кампания и МГБ.

В июне 1951 года следователь МГБ подполковник Рюмин¹¹, пьяница и патологический антисемит, написал отчаянное, в духе того времени, письмо в ЦК. В письме этом, малограмотном и высокопарном, содержались страшные обвинения. Рюмин писал, что министр Абакумов вместе со своей камарильей сознательно гробят важнейшие дела, покрывают сионистов и, вообще, превратились в пособников международного капитала.

В любой другой момент послание это так и осталось бы без внимания, но сработал невидимый миру механизм подковерных интриг. Берия и Маленков¹², давно уже мечтающие разделаться с Абакумовым (не их оказался человек, к вождю ходит напрямую, ни с кем не советуется), ухватились за него двумя руками. С их подачи донос оказался на сталинском столе, и Политбюро не медля образовало комиссию по проверке деятельности МГБ.

Уже в июле Абакумов был арестован. Вслед за ним за решетку принялись бросать немногих уцелевших на Лубянке евреев (большинство почистили еще в 1949-м). А триумфатора Рюмина сразу, как был в подполковничьем звании, назначили заместителем министра и начальником следственной части...

Конечно, это не более чем наше предположение. И тем не менее очень похоже, что в сценарии этом Медведеву тоже была уготована одна из ведущих ролей. В противном случае, как объяснить, что одновременно с разработкой антрепренера Владимирова МГБ взяло под колпак и его самого. Плотное взяло, окружило со всех сторон...

5 Управление МГБ СССР тов. Головкову¹³

«На Ваш запрос по „ВЧ“ в отношении лектора – Героя Советского Союза полковника Медведева, сообщаем:

По данным проверки установлено, что Медведев на территорию Латвийской ССР прибыл по направлению ЦК ВКП(б), но каких-либо документов общества по распространению научных и культурных знаний никому не предъявил.

Текстов и конспектов лекций на руках не имеет, заявляя, что все тексты лекций находятся в ЦК ВКП(б). Лекции читает без каких-либо документов. (...)

Его антрепренер Владимиров Петр Борисович, 1910 г. рождения, уроженец г. Москвы, проживает: Москва, Казарменный пе-332

~~Глава 10. ШЕСТЬ ИСПЫТАНИЙ ДМИТРИЯ~~ **МЕДВЕДЕВА**

реулок, дом 4, кв. 1, **по документам русский** (эта фраза в оригинале письма подчеркнута и против нее поставлен вопросительный знак. – *Прим. авт.*), паспорт получил в июне 1947 г.

В ходе проверки установлено, что Владимиров характеризуется как рвач и коммерсант. В Ригу прилетел на самолете за полтора месяца до прибытия в Латвию Медведева и собирается вместе с Медведевым находиться в Латвии до конца августа 1949 года.

Новик 20.VII. 1949 г.».

Знал ли Медведев, какая страшная опасность подстерегала его? Просто так, без команды сверху, собирать компромат на Героев никто не станет.

Если бы и узнал вдруг – вряд ли известие это сильно его огорошило. Цену своим бывшим коллегам знал он слишком хорошо...

Трудно сказать, почему этот дьявольский план так и не был претворен в жизнь. Может быть, не дошли руки. А может, вмешалась какая-то иная, неведомая нам сила. Все же Медведев был знаменит на всю страну...

Дмитрий Николаевич ненадолго пережил сталинский режим. Он умер 14 декабря 1954 года. Было ему всего-то пятьдесят шесть...

Сердце партизана не выдержало травли и несправедливости. До реабилитации его брата оставалось еще полтора года...

...Так случилось, что все самые трагические повороты нашей истории красным колесом прошли через судьбу Медведева: коллективизация, партчистки, репрессии, борьба с космополитизмом. Этот человек словно притягивал к себе невзгоды.

И было бы странно, если бы сегодняшние безвременье и смута не коснулись Героя.

Демонтирован его памятник в Ровно – в городе, в котором имя Медведева еще вчера было свято. Во Львове снесен памятник его сподвижнику Николаю Кузнецову. Улицы Медведева и Кузнецова переименованы в улицы Бандеры и Петлюры...

Что ж, к незаслуженным обидам он привык еще при жизни. А уж после смерти...

Наверное, со стороны может показаться, что СИСТЕМА победила Медведева – сломала, уничтожила, выбросила вон. Неправда. Не СИСТЕМА победила Медведева – это Медведев победил СИСТЕМУ.

Имя Героя войны, прославленного чекиста страна помнит до сих пор. У его могилы на Новодевичьем

кладбище в Москве всегда много цветов.

А кто помнит имена его душителей? Секретарей по партчистке, кадровиков, генерала Дроздецкого? Эти люди ушли в небытие, растворились навечно, не оставив в чекистской истории ни малейшего следа. Да и какие они, собственно, чекисты? Чекисты – это Медведев, Судоплатов, Кузнецов, тысячи и тысячи неизвестных солдат, павших в честном бою или в бою подковерном.

Вечность – вот главный и единственный суд, и только он вправе вынести окончательный, не подлежащий обжалованию приговор.

Лишь единицы достойны выдержать испытание вечности.

Дмитрий Медведев – из их числа...

Глава 11

МАРШ «ПРОЩАНИЕ ЛУБЯНКИ»

Добрая толика великих открытий сделана была совершенно случайно. Кто-то налил в ванну слишком много воды. Кто-то не ко времени улегся под яблоней (акkurat в пору созревания плодов). А кто-то засветло отправился спать и увидел во сне таблицу, которая обессмертит потом его имя в веках.

А не наполни бы Архимед ванну до краев? Не под яблоней развалился бы Ньютон, а под липой или, скажем, сосной? Страдай бы Менделеев бессонницей? Что тогда?

История не терпит сослагательного наклонения. Конечно, рано или поздно человечество все равно бы открыло и закон тяготения, и периодическую систему, только были бы это совсем иные люди: те, кто оказался в нужном месте в нужный момент. (Впрочем, может, в этом-то и заключается суть гениальности? В пересечении времени, личности и пространства?)

Но если бы в промозглый осенний вечер далекого 1912 года штаб-трубач 7-го запасного кавалерийского полка Василий Агап-кин не разругался бы вдрызг со своею женой; если бы, не уединился он в другой комнате, снедаемый тоской, не сел бы за пианино – Россия никогда не узнала бы марша, ставшего одним из ее национальных символов.

Этот марш называется «Прощание славянки»...

Трудно отыскать в стране человека, который никогда не слышал бы этой мелодии. Кажется, она существовала всегда.

Маршей в России много, но «Прощание славянки» занимает в нашем сознании совершенно особое место. В

нем слилось воедино то, что слиться, казалось, никак не может: бравурный пафос развернутых знамен; чеканный шаг колонн по брусчатке; заиндевевшие пальцы, намертво сжимающие сталь.

И – хруст похоронки. Вокзальная толчея. Щемящая обреченность разлуки...

Мажорно-призывная грусть «славянки» – не в этом ли и кроется суть русской души: такой загадочной и непонятной?

И недаром перед смертью своей великий Бродский просил сделать «славянку» российским гимном.

Высокий, немолодой уже человек, грузно опираясь на палку, бредет по Москве. Рядом, спущенная с поводка, бежит лохматая дворняжка Пудик: единственное преданное ему существо, в ком уверен он до конца.

Спешат навстречу прохожие, но он словно не замечает людской толчеи. Мыслями он далеко сейчас от московской осени, от гула Садового кольца.

Знакомым, каждодневным маршрутом поворачивает он в Каретный. Вот уже показались и золотые верхушки деревьев в саду «Эрмитаж» – самом любимом его месте Москвы.

Конечно, многое здесь уже изменилось. Но всякий раз, приходя сюда, он словно возвращается в свое прошлое – такое далекое и, может быть, потому-то такое прекрасное.

И в ушах – сами собой – возникают давно забытые мелодии. И сам он – молодой, красивый, в белом, тщательно отутюженном кителе стоит посреди деревянной эстрады, и дирижерская палочка повелительно взлетает ввысь.

Солнце горит, отражается в меди фанфар, в раковинах золоченых труб. Спиной чувствует он восторженные взгляды зрительниц и заранее предвкушает, как после концерта они обступят его и

тайком будут совать в отложные карманы маленькие, пропахшие духами записочки.

Кажется, все было только вчера. Это бескрайнее, безграничное ощущение счастья, наполнявшее его целиком...

Где они теперь, его благодарные поклонницы? Повыходили замуж, растолстели, постарели. Многие, наверное, стали уже бабушками.

И встречая его ненароком – в троллейбусе, в магазине – вряд ли признают они в этом старике того стройного дирижера в ослепительно белой форме: предмет их тайного обожания тридцатилетней давности.

Память не подвластна старению. Нет ничего легче, чем вернуться в прошлое: стоит лишь ненадолго прикрыть глаза и можно услышать голоса людей, которых давным-давно нет в живых. И даже ту неземную волшебную музыку, что когда-то, много десятилетий назад, полонила его, захватила целиком, без остатка, до самой смерти определив все его бытие...

Не только славой своей наш герой обязан счастливому стечению обстоятельств. Случайность определила и всю его судьбу – от начала до самого конца...

Василий Иванович Агапкин родился в нищей крестьянской семье в 1884 году. Матери своей Акулины он не помнил: умерла, когда мальчику исполнился год. Отец – Иван Иустинovich – разгружал многотонные астраханские баржи. Недюжинное здоровье было единственным его капиталом, потому-то и подался он со всей семьей на Волгу, покинув родную Рязанщину.

Конечно, проще всего было ему сдать Васю в сиротский приют – не мужское это дело в одиночку поднимать ребенка – только не мог Иван через себя переступить. А тут и хорошая женщина повстречалась:

соседка, Анна Матвеевна, прачка в порту, такая же, как и он, горемыка, с двумя дочками на руках.

Совсем тяжелой стала их жизнь. А уж когда родился у Агапки-ных маленький Ваня, отец и вовсе поселился на пирсе. Тратить два часа на дорогу домой – такой роскоши он позволить себе не мог, каждая минута на счету. Семья видела его теперь только по выходным и праздникам. Ни один даже самый здоровый организм таких нагрузок выдержать не в силах. Взвалил однажды Иван на плечи многопудовый мешок, сделал несколько шагов, да прямо тут, у сходней, и рухнул замертво. Было ему всего ничего: 39 лет.

Только теперь, оставшись сиротой, Агапкин понял, что значит настоящая нищета. И хотя горбатилась Анна Матвеевна от зари до зари – обстирывала всю округу, денег едва хватало на прокорм одного только маленького брата Вани.

Другого выхода у мачехи не оставалось. Собрала она Васю, двух своих дочерей, вручила им в руки нищенские котомки.

– Ступайте по миру. Даст Бог, добрые люди не оставят...

Уже потом, вспоминая свое детство, Агапкин так и не мог понять до конца, испытывал ли он чувство стыда оттого, что вынужден был побираться. Нет, пожалуй: когда от голода начинает урчать в животе, стыд, как и все остальные чувства, исчезает сам собой.

Да и интересно было ему оказаться в «людях». Дома – что? Ор вечно голодного Ваньки? Злая обреченность мачехи? А здесь – жизнь: самая настоящая, взаправдашняя, с новыми людьми, впечатлениями. Одни только рассказы новых его друзей (коллег по церковной паперти) – народа бывалого, повидавшего – чего стоили...

Каждый вечер, совсем как взрослый, приносил он теперь мачехе пусть нехитрый, но свой, кровно

нажитый заработок. И невдомек Васе было, что уже поджидает его за поворотом судьба, что очень скоро жизнь его изменится до неузнаваемости...

Марш военный! Как он четко Выбит и откован! Как чугунная решетка Сада городского.

А. Аронов

День был самый обычный. Привычно переругивались меж собой нищие. Надрывно каркали вороны. До рези в глазах блестел под февральским солнцем снег.

Но что это? Где-то далеко зазвучала вдруг призывная музыка, совсем не похожая на ту, которую Агапкин привык слышать на базарах и ярмарках. От неожиданности и удивления он поперхнулся даже морозным воздухом, но музыка становилась все громче.

Чем ближе доносилась она, тем сильнее хотелось Василию вскочить со своего насиженного места, стремглав броситься куда-то – к приключениям, к подвигам...

А потом показался и оркестр: чеканя шаг, шли по улице солдаты. Сверкали литавры и трубы, вились перья на офицерской каске.

Это было настолько необычно и одновременно красиво, что Агапкин, не помня себя, бросился вслед за солдатами: точь-в-точь, как за дудочкой крысолова из старинной легенды...

Что испытывал в этот миг 10-летний мальчишка? Пожалуй, лучше всего эти чувства описал его ровесник Самуил Маршак¹. В своей книге «В начале жизни» Маршак пишет, как впервые увидел и услышал военный оркестр:

«Весь мир преобразился от этих мерных и властных звуков, которые вылетали из блестящих, широкогорлых, витых и гнутых труб. Ноги мои не стояли на месте, руки рубили воздух.

Мне казалось, что эта музыка никогда не оборвется... Но вдруг оркестр умолк, и сад опять наполнился обычным, будничным шумом. Все вокруг потускнело – будто солнце зашло за облака. Не помня себя от волнения, я взбежал по ступенькам беседки и крикнул громко – во весь городской сад:

– Музыка играй!»

...Он проводил музкоманду до самых казарм. Понуро шел обратно, к церкви, а в голове сам собой звучал старинный марш – первый марш, слышанный в его жизни.

Только разве его существование – это жизнь?! Вот она – жизнь настоящая, светлая.

В солдатской колонне он заметил нескольких мальчишек – своих ровесников. Одеты в ладно подогнанную форму с блестящими пуговицами, они гордо шли наравне со взрослыми в строю и даже – бог мой – дули в какие-то неведомые ему дудки.

Кажется, предложил бы кто: отдай полжизни за право идти в этой колонне, согласился, даже не раздумывая.

На другой день впервые примчался к церкви счастливым: в сладостном предвкушении. Вскочил ни свет ни заря: лишь бы не пропустить. И дождался.

Снова раздались волшебные звуки духового оркестра. Снова побежал он вослед.

Какой-то сердобольный музыкант, заметив настойчивого мальчишку, уже у самых казарм спросил:

– Нравится музыка?

Нравится? Да нет таких слов, чтобы выразить восторженное счастье, переполняющее его душу. Он хотел было ответить, что нравится, очень нравится. Рассказать про дудочку, которую смастерил ему когда-то отец и на которой он сам научился подбирать нехитрые мелодии. Про колыбельную, что пела ему

покойница-мать (ни облика ее, ничего другого он не помнил: одну лишь эту колыбельную).

Много чего можно было еще сказать, но вместо этого он только кивнул головой. И, не веря еще своим ушам, услышал:

– А хочешь у нас служить? Музыканты нам нужны...

Никогда еще день не казался таким длинным. Только стемнело, пьяный от счастья прибежал домой.

Мачеха – женщина практичная – поняла все без лишних слов. За ночь выстирала и выгладила единственное приличное свое платье. Рано утром отправилась в казармы.

– Что ж, если есть у мальчишки слух, – важно изрек, выслушав ее мольбы, капельмейстер. – Так и быть, приму. А нет – ты уж, милая, не обижайся...

Слух у Василия оказался абсолютным...

На старой фотографии стоят в два ряда военные музыканты с бравым дирижером во главе. В самом уголке примостился лопоухий мальчишка с маленькой трубой в руках. На фуражке выбита цифра: 308.

Лицо у мальчишки сосредоточенное: это первое в его жизни фото. Только-только Агапкин облачился в военную форму – воспитанника 308-го царевского резервного батальона, не ведая еще, что надел ее на всю жизнь, что в отставку он выйдет только 61 год спустя... 308-й батальон стоял там же, в Астрахани. Но с семьей Агап-кин почти не видится: лишь иногда урывками забегает домой, приносит жалованье.

Все свободное время посвящает он музыке. Агапкин хочет быть не просто хорошим музыкантом: он хочет быть первым.

«Я, согласно условиям, проучился 5 лет, – напишет он потом в автобиографии, – и в 15-летнем возрасте не только играл, как каждый рядовой музыкант, но был солистом в оркестре, почувствовал в себе силу и

уверенность, что я смогу работать и получать вознаграждение за свою прекрасную игру на корнете».

Насчет «прекрасной игры» – это не простое бахвальство. Агап-кин и в самом деле был на хорошем счету, и даже умудренные опытом музыканты отдавали должное мастерству вчерашнего попрошайки.

Учеба только закончилась, а от предложений нет уже отбоя. Но он почему-то выбирает Кавказ, где и завязнет на долгих одиннадцать лет. Дагестан, Чечня, Грузия: подолгу Агапкин не задерживается нигде. Нужда заставляет его менять города и полки, ведь в каждом новом месте ему платят все больше и больше. Почти все, до копейки, он отправляет домой.

Здесь же, под Тифлисом, отслужит он и срочную: в 43-м Тверском драгунском полку.

Чем меньше времени оставалось до демобилизации, тем отчетливее Агапкин понимал: надо учиться. Рамки военных оркестров стали ему тесны.

Он мечтает поступить в московскую консерваторию, но на это не хватает денег: Агапкин по-прежнему отсылает все жалованье в семью.

И тут кто-то рассказывает ему о тамбовском музыкальном училище, где есть среди прочих и медно-духовое отделение. Конечно, это не консерватория, но в его положении рассчитывать на многое не приходится. Да и честно сказать, порядком надоел уже Кавказ: хоть и по-праздничному красиво здесь, но в России – все одно лучше.

Поздней осенью 1909 года Агапкин уезжает в Тамбов. Что ждет его в чужом, незнакомом городе, где нет ни друзей, ни знакомых? Молодость безрассудна. Он почему-то уверен: все сложится хорошо...

Тамбов – даром что провинция: городок музыкальный. Здесь родился Алексей Верстовский – основоположник русского оперного искусства, более известный, впрочем, своими романсами («Черная шаль»,

«Соловей»)). Жили и работали Чайковский с Рахманиновым.

А вот поди ж ты – найти в Тамбове работу задача оказалась не из легких. На весь город только три оркестра: два любительских и военный.

Но когда капельмейстер («капельдудкин») полистал агапкин-ские характеристики, послушал, как играет тот на трубе, и минуты не стал сомневаться:

– Беру!

Так Агапкин стал штаб-трубачом запасного кавалерийского полка.

Гусарская форма ему к лицу. Высокий, статный, с лихо закрученными усами, он ловко гарцует на коне, и редкая барышня не вздохнет ему вслед.

А по вечерам военные музыканты оккупируют сад купеческого собрания. И вновь взоры публики прикованы к молодому солисту-трубачу. Инструмент в его руках заставляет то грустить, то улыбаться.

После одного из таких выступлений к Агапкину подошла русоволосая девушка. Потупившись от смущения, сказала:

– Мне очень понравился вальс, который вы исполняли. Не дадите переписать ноты?

– А что, вы умеете играть? – удивился Агапкин.

Девушка кивнула. Потом, правда, оказалось, что играть она не умеет – это был лишь предлог для знакомства, но было уже поздно.

Его избранницу звали Ольгой. Родом она была из соседней Рассказовской волости. Окончила швейные курсы. Слыла одной из лучших модисток в городе, так что вскоре сумела подарить молодому мужу настоящее пианино.

Многое изменилось теперь в жизни Агапкина. И не только в быту. Благодаря Ольге он сумел наконец поступить в музыкальное училище. Это она нашла ему репетиторов, убедила сесть за учебники и тетрадки:

для поступления в училище трех лет его церковно-приходской было явно маловато.

За полгода Агапкин прошел четырехлетний гимназический курс. Экзамен держал экстерном и сдал на «отлично».

А вскоре наметилось и прибавление в семействе. На радостях молодожены съехали с казенной фатеры; сняли две просторные комнаты на Гимназической улице. Я не случайно упоминаю это название: здесь, на Гимназической, на первом этаже ветхого деревянного флигеля и суждено было родиться маршу, который увековечит имя Агапкина, а через много лет станет и гимном Тамбова...

Ночью спал он плохо. То и дело просыпался, лежал с закрытыми глазами, но сон все одно – не приходил.

Забылся только под утро, а когда поднялся, опять почувствовал это гнетущее его уже много дней послевкусие...

...У Агапкина часто спрашивали: как рождается музыка? В ответ он пожимал плечами. Он вообще был небольшой любитель говорить, но если мог бы, наверное, ответил стихами Новеллы Матвеевой, которые были написаны уже после его смерти:

– Как сложилась песня у меня?

Вы спросили...

Что же вам сказать?

Я сама стараюсь у огня по частям снежинку разобрать...

Талант, настоящий талант, невозможно уложить в какие-то рамки, подчинить логике, объяснить доступно и просто. Талант – это та же душа, и постичь его суть – выше сил человеческих...

...Много дней подряд его будоражила одна и та же мелодия – грустная и бравурная одновременно. Он пытался поймать ее, схватить самое главное, но она не давалась, точно птица улетала из рук, чтобы потом

прийти на мгновение опять. Она как будто дразнила его...

Вот и в то октябрьское утро эта мелодия снова пришла во сне. А с рассветом исчезла.

Весь день думал он только об этой ночной мелодии, пытался вспомнить ее, оживить. Все валилось из рук.

– Что с тобой? – допытывались музыканты. – Уж не заболел ли?

Он молчал. Смотрел на людей и не видел их... Под вечер пришел домой. Жена приставала с какими-то разговорами, но он не слышал ее. Буркнул в ответ что-то обидное. Заперся в комнате, сел за инструмент.

Было ему тоскливо и грустно. И потому, что наступила в Тамбове осень – самое нелюбимое его время года, когда каждый день становится короче предыдущего и облетают с деревьев красно-желтые листья. И оттого, что пришла в Европу уже война. И потому, что никак не мог воскресить в себе эту мелодию.

Чисто механически брал он аккорд за аккордом. И вдруг... С невероятной, какой-то фотографической отчетливостью вспомнил он все – от начала до конца, и, не веря еще в успех, ударил по клавишам. Да, это была она: ночная мелодия, которая столько дней не давала ему покоя.

– Оля! – крикнул он на весь дом. – Послушай...

Жена обиженно вошла, на ходу обтирая руки об фартук, да так и застыла в дверях. Лилась в маленькой комнате удивительная музыка – грустная и бравурная одновременно...

...Потом, разбирая марш, специалисты станут говорить, что сочинен он в нарушение всех канонов музыки. Никогда еще не писались марши в такой тональности: ми-бемоль-минор. Марш должен быть веселым и звонким, точно натянутая струна, а под агап-кинский марш хочется плакать и тосковать.

Но для того-то и существуют открытия, чтобы переворачивать привычные и удобные догмы, и очень редко дорога пионеров устлана розами без шипов. Но Агапкину повезло.

Первый же человек, которому показал он свое произведение, – симферопольский музыкант Яков Богорад², пришел от марша в восторг.

В музыкальных кругах Богорад слыл фигурой заметной. Сотни оркестровок сделал он за свою жизнь. Предпочтение отдавал как раз военным маршам.

...Любой, даже самый чистый и крупный, алмаз все равно требует огранки. Музыка – во многом сродни ювелирному искусству. Каким бы талантливым ни было написанное тобой произведение, без опытного аранжировщика-оркестровщика оно мертво.

Не случайно за советом и помощью Агапкин поехал именно к Богораду, хоть знакомы они раньше не были. Для себя изначально решил: забракует – значит, и быть посему.

Не забраковал Богорад марш. Совсем наоборот. Бесплатно сделал оркестровку. Напечатал в симферопольской типографии сотню экземпляров нот. У этого человек был не только хороший слух, но и отменный вкус...

Свое творение Василий Иванович назвал «Прощание славянки». Он посвятил его балканским женщинам, провожающим мужей на войну с турецкими басурманами. Ни Агапкин, ни Богорад не знали еще, что очень скоро эта война, точно проказа, расползется по всему миру, и через несколько лет марш их будет звучать не на смотрах или парадах, а на железнодорожных перронах, и уже не сербские, а русские женщины будут провожать под эту музыку своих мужей на смерть...

«Славянка» обрела популярность в считанные месяцы. Теперь каждый вечер в саду тамбовского купеческого собрания играют ее военные музыканты. «Славянка» и другой марш – «На сопках Маньчжурии» (кстати, написал его агапкинский соученик по тамбовскому муз. училищу Илья Шатров³) – становятся, выражаясь сегодняшним языком, хитами сезона.

А очень скоро, осенью 1914-го, о «Славянке» узнает и вся страна.

Но что толку от свалившейся на Агапкина славы? В сословной России все определяют не таланты, а чины.

Хоть блестяще, с аттестатом 1-й степени, и заканчивает Агапкин музыкальное училище, хоть все чаще полковой капельмейстер Милов и уступает ему дирижерское место, командование относится к нему лишь как к забавной диковинке вроде балаганного медведя.

Да, талантлив. Да, блестяще играет. Только он, простите, му-жик-с. Деревенщина неотесанная.

Даже через много десятков лет в своей автобиографии Агап-кин не сможет скрыть нанесенной тогда обиды.

«Старое офицерство стеснялось меня производить на должность капельмейстера и долго еще держало в серой солдатской шинели, хотя видели во мне талант и знание своего дела, но поиздеваться нужно».

Только после Февральской революции, когда все условности были сметены, Агапкин получает долгожданное назначение: капельмейстером в свой родной запасный полк...

В марте 1918-го в Тамбове побеждает советская власть. Агап-кин колеблется недолго. Уже в июле, когда его полк переформируют, он надевает красноармейскую форму.

Вряд ли искренне и безоговорочно поверил Агапкин в идеалы коммунизма. Он был военным музыкантом, а музыка, как и любое, впрочем, искусство не имеет политических оттенков, хотя любая власть и пытается поставить ее себе на службу.

Яркий пример тому – агапкинская «Славянка». Такое возможно только в России: брат идет на брата под звуки одного и того же марша. Разница была лишь в словах, которые каждая из сторон положила на музыку. Красные оркестры пели про торжество пролетарских идей. Белые – о святой Руси.

Но нет сегодня уже ни красных, ни белых. Забылись эти сиюминутные слова, а музыка Агапкина продолжает жить...

...Почти два года Агапкин находится в действующей армии. Дерется с белоказаками на Южном фронте. Потом его перебрасывают на Юго-Западный.

Десятки раз подымал он в атаку бойцов своей музыкой: своей в полном смысле этого слова, ибо неизменно оркестр его исполнял «Славянку».

Только сразила Агапкина не вражеская пуля, а тифозная вошь. В полевом лазарете едва сумели его поставить на ноги. Видно, настолько плох он был, что начальство не поскупилось даже: одарило двухмесячным отпуском.

В мае Агапкин вернулся в родной Тамбов. И тут...

Об этих событиях он не упоминал потом никогда и нигде: слава богу, за долгие годы работы в ЧК научился держать язык за зубами. Сам факт нахождения человека на занятой врагом территории был в Советской России сродни клейму.

Сразу после возвращения Агапкина в Тамбове вспыхнул знаменитый антоновский мятеж. Коммунистов и красноармейцев расстреливали и вешали без разбора. Схватили и Агапкина. Да и как иначе: городская знаменитость. Весь Тамбов, помнится, обсуждал, когда

впервые выехал он на улицы в новенькой красноармейской форме.

От расстрела Агапкина спасла жена. Пулей примчалась она к какому-то из атаманов, от которого зависела жизнь его. Вместе с дочерьми (а было их уже двое) рухнула на колени:

– Ваше благородие, да какой он коммунист: насильно красные забрали его с собой... Музыкант он... Композитор...

– Композитор? – по счастью, атаман слыл любителем изящного. – И чего ж он сочинил?

– «Прощание славянки»...

– А ну-ка, приведите этого музыканта, – приказал атаман подручным. – Пущай сыграет... Ежели и в самом деле его сочинение: будет жить...

...А потом в Тамбов снова вошли красные: части особого назначения ВЧК. Они жестоко подавили восстание. И с этого момента жизнь Агапкина неразрывно будет связана с детищем железного Феликса...

...Маленький узкий кабинетик. Стол, покрытый зеленым сукном. Молодой человек с усталым лицом внимательно смотрит на него.

– Стало быть, вы и есть тот знаменитый Агапкин?

– Да какой уж знаменитый...

– Не скромничайте. Не надо... Знаете, когда я слышу сейчас вашу «Славянку», мне разом вспоминается юность...

Начальник школы на мгновение даже прикрыл глаза.

– Ваш послужной список нам известен. Воевали. С 20-го года – в войсках ВЧК... Были капельмейстером батальона в Тамбове. Аттестации вам дают превосходные... Пишут, что организовали даже студию для бойцов. Учили всех желающих музыке... Если не секрет, почему оставили Тамбов?

– Батальон расформировали. Меня перевели в Москву, в 117-й особый полк ОГПУ.

– А самому вам в Москву не хотелось? Столица все же...

– Очень хотелось. Еще с молодости. После срочной я мечтал поступить в консерваторию, но средства не позволяли...

Начальник школы понимающе кивнул головой. И сразу, без перехода:

– Мы хотим предложить вам очень серьезное и важное дело. Нашей школе крайне нужен оркестр.

– Оркестр? Школе? – Агапкин удивился.

– Именно так: школе. Я убежден, что у школы нашей – огромное будущее. Вы и глазом не успеете моргнуть, как преобразится она. Здесь будут учиться сотни курсантов, работать лучшие преподаватели. Ну, а что сильнее оркестра может поднять боевой дух?...

Агапкин молчал, осмысливая услышанное.

– Ну так что, согласны? Учтите только, что это – приказ партии.

– Зачем же вы тогда спрашиваете мое мнение?

– Потому что считаю необходимым относиться бережно и уважительно к людям искусства... Так что?

– Я согласен, товарищ Лезерсон⁴...

– Что ж, иного ответа я и не ожидал...

Такой разговор состоялся (или мог состояться) в конце 1922 года в одном из кабинетов приземистого здания близ Лубянки.

И по сей день в доме № 11 по Большому Кисельному переулку квартируют некоторые службы Академии ФСБ: правда, крайне немногочисленные, ведь все основные факультеты и кафедры давным-давно осели уже на Юго-Западе, в специально выстроенном для Высшей школы КГБ комплексе зданий.

Но в те времена этот дом был главной (и единственной) штаб-квартирой чекистского вуза. Впрочем, вуза тогда еще тоже не было.

Учреждение, куда в начале 1923 года поступил на службу Василий Агапкин, носило скромное название – 1-я московская школа транспортного отдела ГПУ. От роду не было ей и года.

Молодая советская спецслужба остро нуждалась в профессиональных кадрах. «Железный» Феликс отлично понимал: на одном только голом энтузиазме далеко не уедешь.

Именно по инициативе Дзержинского с окончанием Гражданской войны в столице было организовано сразу несколько курсов и школ, где готовили оперативных чекистских работников. А поскольку председатель ГПУ возглавлял одновременно и Наркомат путей сообщения, судьба транспортных отделов «чрезвычайки» (они ведали контрразведкой на железной дороге) была ему особенно дорога.

Поначалу обучение шло по ускоренной программе. Будущих чекистов натаскивали за каких-то полгода. Но лиха беда – начало.

«Я присутствовала, когда секретарь Коллегии ОГПУ А. Ша-нин⁵, приехав к нам на дачу, имел разговор с Вячеславом Рудольфовичем, – вспоминала в своих мемуарах жена возглавившего ОГПУ в 1926 году Вячеслава Менжинского. – Менжинский сказал ему, что ряды работников ОГПУ редеют, так как ими пополняются руководящие кадры промышленности, транспорта и т. д., а принимать в ОГПУ просто с улицы нельзя. Надо создать школу по подготовке работников ОГПУ, набирать рабочих по командировкам с заводов. Вячеслав Рудольфович дал задание Шанину подготовить этот вопрос».

Итогом этого дачного инструктажа (а в последние годы жизни Менжинский был столь плох, что не мог даже встать с дивана и председательствовал в горизонтальном положении) стал приказ о создании Центральной школы ОГПУ. Менжинский подписал его в мае 1930 года.

Отныне в стране появилась главная кузница чекистских кадров. Все существовавшие до этого порознь школы и курсы вливались в ее состав. В штаты Центральной школы вместе со своими сослуживцами попал и Василий Агапкин.

К тому моменту он уже семь лет дирижировал оркестром Транспортной школы ОГПУ. Дирижировал, надо сказать, весьма успешно.

«Как руководитель оркестра в художественном отношении очень хорош» – эта фраза из года в год повторяется во всех агап-кинских аттестациях.

К десятилетию ОГПУ его даже наградили серебряным портсигаром. «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» – было выгравировано на нем. Такой награды удостаивались лишь самые заслуженные чекисты.

История не донесла до нас, существовали ли оркестры, подобные агапкинскому, и в других чекистских школах. В архивах на сей счет никаких сведений нет.

Очень похоже, что музкоманда Транспортной школы ОГПУ была единственной во всей системе госбезопасности. А коли так – Василия Агапкина смело можно назвать основателем оркестрового лубянского дела. Основателем и уж точно долгожителем.

В органы он был зачислен еще при Дзержинском: в войска ВЧК. Увольнялся уже из КГБ.

Впрочем, до отставки еще далеко: целая четверть века. Пока же Агапкин только принимает новое назначение: капельмейстер Центральной школы ОГПУ.

На этом месте ему предстоит сформировать самое необычное и самое громкое лубянское подразделение. Громкое – в прямом смысле слова...

Не правы те, кто думает, будто военные музыканты нужны только для парадов и смотров. Этакая дань воинской традиции: красивая, но совершенно бесполезная, вроде крученого аксельбанта.

Вся история русской армии неразрывно связана с военными оркестрами: и бравурно-победная, и минорно-трагическая.

Ученые выяснили, что первые военные музыканты появились на Руси еще задолго до принятия христианства. Конечно, об оркестрах никто тогда и слыхом не слыхивал, но ни одна славянская дружина не обходилась без турьих рогов.

Упоминания о ратных трубачах и барабанщиках мы находим и во многих древнерусских летописях. В том числе и в «Слове о полку Игореве».

Настоящий расцвет военно-оркестрового дела пришелся на Петровскую эпоху. По указу императора в каждом полку велено было иметь свой оркестр, причем музыкантам предписывалось еще и готовить солдатских детей – свою смену.

«Музыка в бою нужна и полезна, – писал Суворов. – Музыка удваивает, утраивает армию. С распущенными знаменами и громогласной музыкой взял я Измаил».

Менялась тактика и стратегия. С каждым новым столетием люди учились убивать друг друга все более изощренно. На смену пращам приходили мортиры, на смену мортирам – ракетная артиллерия, и только в одной области ничего нового придумать человечество не сумело. Лучше оркестра ничто не может поднять воинский дух, воодушевить, придать солдатам силы.

Вспоминаю рассказ генерала КГБ Леонида Иванова⁶. Во время войны он служил уполномоченным военной

контрразведки. В мае 1942-го под Керчью его батальон попал в котел.

- Поднялась дикая паника. Все устремились к Керченскому проливу - там было единственное спасение. А фашист прижимает: идет на нас, его уже видно. Кто стреляется, кто петлицы срывает, кто партбилет выбрасывает. Я и сам, грешным делом, решил, что пришла моя смерть. В плен попадать нам было нельзя. Нашел валун поприместей, присел. Достал уже пистолет... И вдруг - какой-то моряк. Видно, выпивши. «Братцы! - орет. - Отгоним гадов!» Никто бы на это и внимание не обратил, но откуда-то, точно в сказке, зазвучал «Интернационал». Это прямо под огнем играл военный духовой оркестр.

Откуда только силы взялись? Но люди подняли головы. Здоровые, раненые - бросились в атаку, и отбросили немцев на 5-6 километров. Выходит, своей жизнью я обязан этим музыкантам...

Да разве один только Иванов?

Нарком Ягода - щуплый человечек с холеной щеточкой усов - с юности был равнодушен ко всему изящному. Сын рыбинского печатника-гравера, сам он, по понятным причинам, от тонких материй был весьма далек, но, взобравшись на пьедестал власти, никогда не упускал случая прикоснуться к прекрасному. Покровительствовал писателям. Посещал художественные выставки и оперу. Даже увлекся собиранием курительных трубок и нумизматикой, а у себя дома, в шикарной квартире по Милютинскому переулку, пользовался исключительно антикварной посудой.

Ягода первым из всех водителей Лубянки понял, как важно поставит искусство на службу госбезопасности.

Чего греха таить: ведомство его в народе особо не жаловали - еще с тех пор, как прокатился колесом по России кровавый красный террор. Но для того чтобы

гремело ОГПУ на всю страну, недостаточно одного только всенародного страха. Да, Лубянка обязана вселять ужас, только ужас этот должен быть в то же время привлекательным. Этаким рыцарский орден, куда есть вход только посвященным. Всемогущий, таинственный и потому манящий.

Лучшие инженеры человеческих душ слагали оды о чекистском труде. В начале 1930-х Ягода организовал даже небывалую акцию: устроил для группы писателей затяжную экскурсию по Беломорско-Балтийскому каналу, где проходили «перековку» вчерашние уголовники, кулаки и вредители. Итогом этой поездки стал богато оформленный альбом «Канал им. Сталина». Его писали лучшие перья страны, кумиры интеллигенции – М. Зощенко⁷, А. Толстой⁸, В. Катаев⁹, В. Инбер¹⁰. (Правда, тремя годами позже книгу эту в срочном порядке пришлось изымать из библиотек: и Ягода, и все без исключения воспетые в ней чекисты сами оказались преступниками.)

Ведущие деятели искусства соревнуются в верноподданстве: Е. Шварц¹¹ («ОГПУ – смелый, умный и упрямый мастер»), Ильф и Петров¹² («замечательный стиль работы чекистов»), Л. Кассиль¹³, Кукрыниксы¹⁴. Некоторые сочиняют даже стихи. Например, Бруно Ясенский¹⁵, автор знаменитого романа «Человек меняет кожу»:

*Я знаю: мне нужно учиться, – писателю у чекистов, –
Искусству быть инженером, строителем новых людей.*

Другой писатель – Александр Авдеенко¹⁶ – который тоже решил написать о «перековке», удостоился еще больших почестей.

Ягода лично распорядился переодеть его в чекистскую форму и отправил инкогнито в лагерь: чтобы лучше войти в тему.

И первый в стране центральный стадион – «Динамо» – построили тоже по указанию Ягоды...

Трудно представить, чтобы всесильный нарком не знал о том, что в его империи действует профессиональный оркестр. Хотя документов на сей счет и не сохранилось, мы почти уверены, что Ягода слышал имя Агапкина. Недаром за один только 1932 год Агапкина награждают двумя именными часами и серебряным портсигаром (формально председателем ОГПУ числился еще Менжинский, но фактически заправлял всем уже Ягода).

Есть и еще одна причина, которая убеждает нас в этом. Еще с 1928 года Агапкин, в свободное от службы время, нянчится с воспитанниками Болшевской коммуны для беспризорных. Под его руководством вчерашние малолетние преступники создают свой оркестр, и он даже вывозит его на всесоюзный смотр художественных коллективов коммун.

Болшевская коммуна находилась на совершенно особом счету. Когда-то организовали ее по личной инициативе Дзержинского, а со временем превратилась она в образцово-показательную «потемкинскую деревню», которую патронировал сам Горький. В обязательном порядке привозили сюда знатных иностранцев, дабы продемонстрировать чудеса социалистического рая. Побывали здесь и Бернард Шоу¹⁷, и Ромен Роллан¹⁸, и Анри Барбюс¹⁹. Особую пикантность ситуации придает то, что коммуна эта носила имя Генриха Ягоды...

Вряд ли Василий Иванович выполнял общественную нагрузку из-под палки. Человек ответственный, все, за что бы ни брался, он неизменно делал искренне, погружаясь в работу целиком, без остатка. Тем более работа эта была связана с детьми, а детей Агапкин любил.

У самого их было трое. Только было ли? В 1927-м жена уехала отдыхать в Кисловодск. Вернулась, а его вещи уже аккуратно уложены, у дверей – связанные стопкой книги. Уже потом узнала: в Сокольниках, на аллее, познакомился с барышней. Ему – 43, ей – 23. Слово за слово...

После развода в прежней квартире на Самокатной улице он уже не бывал: боялся беречь старые раны. С детьми встречался тайком.

А новую квартиру ему дали прямо напротив работы: в Большом Кисельном переулке. Предлагали любую на выбор, но он ограничился двухкомнатной: куда на двоих-то больше? И в этом поступке – весь Агапкин.

Он никогда не гнался за чинами и барышами. Даже дома ходил в военной форме. Наверное, скромность была для него чем-то вроде брони. Защитной реакцией от грубости окружающей среды.

Но стоило только выйти ему на сцену, как Агапкин преображался. Куда исчезала его застенчивость. Он купался в музыке, аплодисментах, и чего там греха таить: никогда не чурался проявления восторженных чувств поклонников. И особенно – поклонниц. Его жена не раз жаловалась подругам, что постоянно извлекает из карманов френча маленькие записочки с признаниями в любви.

(Одна такая история чуть не перечеркнет потом всю его карьеру и чудом не доведет до цугундера, но об этом – позже.)

Надо сказать, что Агапкин никогда не замыкался в рамках одного только здания на Большом Кисельном, где квартировал оркестр. Он постоянно выступает на самых разных площадках, а с 1934 года становится неотъемлемой частью знаменитого сада «Эрмитаж».

Почти каждый вечер оркестр НКВД играет для московской публики. В репертуаре – самые разные вещи. И классика, и фокстроты, и вальсы. И даже джаз.

В те годы такие концерты пользовались огромной популярностью. Телевидения еще не придумали, театров – раз два и обчелся, рестораны – по карману не всем. Духовые оркестры под открытым небом – вот самый писк моды. Дирижеров знали по именам, на них «ходили», как ходят нынче на звезд эстрады.

Дошло до того, что специально для оркестра Агапкина дирекция «Эрмитажа» выстроила эстрадную раковину.

Вот уж воистину: неисповедимы пути Господни. Нет в стране организации более зловещей. Одно лишь упоминание этой грозной аббревиатуры – НКВД – вызывает трепет. Черные клубы страха накрывают столицу: каждую ночь людей забирают сотнями. Собираясь утром на службу, никто – ни нарком, ни простой работяга – не может быть уверен, что вечером удастся ему вернуться домой.

Музыка – одно из немногих чудес, которое позволяет хоть ненадолго забыться, спрятаться от проблем и тревог. И нет здесь помощника надежнее, чем агапкинский оркестр. Оркестр того самого зловещего ведомства... Этаким замкнутый круг...

Руководству НКВД эта метаморфоза, безусловно, по душе. Лубянка, как никакая другая организация, заинтересована в создании своего благоприятного образа. Трогательные музыкальные вечера лишь подчеркивают ее суровость.

Впрочем, в молохе репрессий все прежние заслуги значения никакого ровным счетом не имеют. Кольцо недоверия начинает сжиматься и вокруг Агапкина.

Каждый вечер он приходит домой чернее тучи. На расспросы жены отвечает односложно. В самом деле, о чем рассказывать ей? О том, что из пяти начальников Высшей школы арестованы все пятеро, включая и ее основателя – комиссара Шанина? О том, что взяли половину председателей кафедр, большинство

лекторов: тех, кто вчера еще считался гордостью, золотым фондом ЧК? И легендарного Артура Артузова – бывшего начальника разведки и контрразведки страны. И Владимира Стырне²⁰, получившего орден Красного Знамени за операцию «Трест» из рук самого Дзержинского?

Сотрудники Высшей школы лучше других видят истинные масштабы репрессий. И не только потому, что ежедневно они не досчитываются очередных сослуживцев. Маховик арестов столь велик, что курсантов начинают выпускать досрочно, недоучив положенного срока.

И хотя Агапкину вроде нечего бояться: социальное положение – самое что ни на есть рабоче-крестьянское, в Красной Армии – с момента основания, только и на солнце есть пятна. Никто не может быть уверен в завтрашнем дне. Не ровён час, докопаются, что находился в Тамбове в дни антоновского мятежа, начнут задавать скользкие вопросы... А почему это вас, товарищ Агапкин, бандиты, арестовав, не расстреляли?

Да и по партийной линии есть нелады: еще в 1933 г. комиссия по партчистке перевела из членов в кандидаты. «За политическую малограмотность», – написали в решении, как будто военному дирижеру, чтобы размахивать палочкой, обязательно надо знать назубок краткий курс ВКП(б)...

Он уже было приготовился к аресту. «Тревожный» чемоданчик – самое необходимое: смена белья, сухари – всегда стоял в передней, но нет, обошлось. Не тронули.

В личном деле Агапкина сохранилось совсекретное заключение спецпроверки, которую проводил отдел кадров ВШ. Единственный компромат, который сумели откопать дотошные кадровики, – дворянские корни молодой жены. Но, по счастью, отца ее – полковника царской армии – убили на фронте еще в 1914-м, и ценой

своей жизни он спас Агапкина от неминуемой расправы (проживи полковник еще 3 года, из защитника отечества разом превратился бы в сатрапа). А посему: «Полагал бы спецпроверку считать законченной», – начертил красным карандашом кадровик.

Жизнь постепенно входила в прежнее русло. В знак высочайшего доверия Агапкина начали даже приглашать на торжественные приемы в Кремль, дабы услаждать слух лучших людей страны. И то верно: это еще первый хозяин Кремля сказал, что «каждый хороший коммунист должен быть чекистом». Даже здешняя обслуга – смотрители, сестры-хозяйки – носят малиновые петлицы. А разве есть в стране оркестр провереннее и надежнее лубянского?

Как-то раз на приеме к Агапкину подошел «первый маршал» Ворошилов.

– Не могли бы мне саккомпанировать?

– С удовольствием, – Василий Иванович прищелкнул каблуками, а внутри его всего передернуло. Подумал: даже в Кремле относятся к музыкантам, точно к лабухам в ресторане. Точь-в-точь как перепившие купчишки: прилепят оркестрантам ассигнации на лоб и давай голосить, а ты улыбайся да кланяйся. Но когда Ворошилов запел, и Агапкин, и его музыканты удивленно переглянулись. Нарком обороны обладал завидным тенором и мог составить конкуренцию иному драматическому певцу из Большого, благо предпочитал оперные арии.

После каждого такого концерта Агапкин тайком заворачивал в карман богатую кремлевскую снедь – детям. Умудрялся приносить в сохранности даже бутерброды с икрой. Хоть и носил он уже в петлицах ромб – интендант 1-го ранга, по-армейскому полковник, жили не особо богато.

(Вопреки бытующему нынче мнению, что чекисты пользовались особой благосклонностью государства,

платили тогда в НКВД очень скромно. Лишь перед самой войной Сталин распорядился поднять оклады: негоже, чтобы вооруженный отряд партии жил впроголодь...)

Только концерты и выручали Агапкина. Впрочем, даже если бы дирекция «Эрмитажа» перестала платить оркестру за выступления, он готов был бы работать и бесплатно. Эти вечерние часы были для него настоящей отдушиной, истинным удовольствием: очень важно видеть, что твой труд – востребован. Василий Иванович не пропускал ни одного выступления, и только раз очередной концерт сорвался. Он был назначен на воскресный июньский день: 22 июня 1941 года...

Осенью 1941-го Советское правительство оставило Москву. Вместе с другими наркоматами эвакуировался и доблестный аппарат НКВД. Временной столицей стал тыловой Куйбышев.

Это были страшные дни. Москва приготовилась к смерти. Покойный ныне Сергей Михайлович Федосеев²¹, возглавлявший в 1941-м отдел контрразведки Московского УНКВД, рассказывал мне, как был вызван тогдашним первым секретарем Щербаковым²². Федосееву приказали заминировать все жизненно важные объекты: водозаборы, железнодорожные мосты, электростанции, заводы. Они должны были взлететь на воздух.

Скупые сводки НКВД донесли до нас обстановку того времени. Сумятицу и панику, которая охватила столицу.

Вот лишь краткие штрихи к событиям двух дней – 16 и 17 октября.

Во дворе завода «Точизмеритель» им. Молотова в ожидании зарплаты скопилась толпа рабочих. Увидев автомашины, груженные личными вещами работников Наркомата авиапрома, толпа окружила их и стала

грабить. Директор, главный инженер и зав. столовой сбежали.

Группа рабочих завода № 219 напала на проезжавшие по шоссе Энтузиастов машины эвакуированных и начала захватывать их вещи. В овраг было свалено 6 легковых машин. Пом. директора завода Ры-гин, который, нагрузив машину большим количеством продуктов питания, пытался уехать, был зверски избит. В Мытищинском районе при таких же обстоятельствах толпа остановила и разграбила машины с эвакуированными семьями служащих горкома партии.

Рабочие мясокомбината им. Микояна, уходя из цехов, растащили 5 тонн колбасных изделий.

На обувной фабрике «Буревестник» толпа рабочих снесла ворота и ворвалась внутрь. Аналогичные погромы произошли на кондитерской фабрике «Ударница», автозаводе им. Сталина, заводе «Моспластмасскож», ремесленном училище завода им. Сталина и многих других.

С завода № 156 ночью бежали директор, его помощник и начальник отдела кадров. В их отсутствие группа рабочих, взломав склад со спиртом, напились пьяными.

Около тысячи рабочих завода № 8 разграбили отправлявшийся с завода эшелон с семьями эвакуированных. В 13.30 на заводе возник пожар, полностью уничтоживший склад.

Группа грузчиков и шоферов, оставленных для сбора остатков имущества эвакуированного завода № 230, взломала склады и похитила цистерны со спиртом. В грабеже принимали участие зам. директора завода и председатель месткома. Избиты секретарь парткома и представитель райкома.

Полностью прекратили работу руководители райкома, райисполкома и других районных организаций

гор. Перово.

По городу идет агитация с призывами убивать коммунистов и евреев. На многих домах появляются белые флаги...

...Фундаментом сталинской власти был страх. И стоило лишь пошатнуться фундаменту – все здание начало рассыпаться на глазах точно картонный домик.

Очевидцы вспоминают, что все помойки и свалки были завалены трудами Ленина-Сталина, портретами и бюстами вождей. Еще полгода назад любого, кто просто оказался бы невольным свидетелем такого святотатства, в минуту загнали бы за Можай. Теперь же никто на это не обращал даже внимания.

Казалось, империя доживает последние дни. По всем законам военного искусства брошенная вождями Москва просто не должна была устоять перед мощью немецкой машины.

И вот в эти черные дни советское правительство принимает решение: провести парад на Красной площади. Точно так же, перед своей гибелью, крейсер «Варяг» выбросил парадные флаги.

Трудно недооценить значение этой акции. Для многих она стала своеобразным «моментом истины»: доказательством того, что Москва все еще живет, сражается и сдаваться не собирается...

...Накануне ноябрьских праздников Агапкина вызвал командир дивизии им. Дзержинского Марченков²³ (после спешной эвакуации Высшей школы он служил теперь здесь – начальником оркестров дивизии).

– Вот что, Василий Иванович, – комиссар затянулся беломори-ной. – Вам надлежит прибыть к коменданту города генералу Си-нилову²⁴.

– Зачем? – Агапкин удивился.

– Там узнаете... Впрочем, вы, наверное, догадываетесь. Вряд ли разговор пойдет о чем-то

другом, кроме музыки...

...Генерал Синилов был не менее краток. Слова он чеканил точно на плацу.

– 7 ноября на Красной площади состоится парад войск. Вам поручается им дирижировать. Подберите оркестры, которые находятся сейчас в Москве, и сформируйте сводный оркестр. Сколько вам нужно на это времени?

– Дня два, не меньше...

– Добро. Только предупреждаю сразу: о целях репетиции никто не должен знать. Мероприятие – секретное. За разглашение будете отвечать по законам военного времени...

Первую репетицию назначили на 4 ноября. В правительственном манеже, в Хамовниках, музыкантов собралось столько, что глазам больно было смотреть: человек двести. Многие, углядев в завесе таинственности особый знак, пришли во всеоружии: с винтовками, гранатами, противогазами.

– Это еще что такое? – зашумел маршал Буденный. Вместе с комендантом города он решил лично проинспектировать, как идет подготовка к параду. – Оружие оставить. Ваше оружие – музыкальные инструменты...

И пока музыканты строились, маршал отвел Агапкина в сторону.

– Что намерены играть?

Василий Иванович протянул ему репертуар: 10 заранее подобранных маршей. Бывший конник внимательно прочитал, шевеля губами, точно проговаривая названия про себя. Наконец сказал:

– Оставьте вот эти... Остальные не надо...

Выбор Буденного пал на четыре марша. Была среди них и «Славянка»...

...Парад проходил точно по намеченному плану. Под звуки маршей шагали по брусчатке колонны бойцов,

громыхали расчехленные пушки. Приветственно махали с трибуны мавзолея вожди народа и лично Он – товарищ Сталин, в шапке с опущенными ушами. Седой снег падал на башни Кремля, на купола церквей, и была во всем этом великолепии такая торжественность, что даже холодно становилось внутри. И никто и не заметил, как едва не случился конфуз.

По сценарию после прохождения войск Агапкин должен был увести оркестр назад, к теремам ГУМа, чтобы освободить дорогу кавалерии, но...

«Пора мне сходить с подставки, – напишет он потом в своих воспоминаниях. – Хотел было сделать первый шаг, а ноги не идут. Сапоги примерзли к помосту. Я попытался шагнуть более решительно, но подставка затряслась и пошатнулась. Что делать? Я не могу даже выговорить слова, так как губы мои замерзли, не шевелятся».

На счастье один из подчиненных – полковой капельмейстер Стейскал – увидел гримасы на агапкинском лице. Подбежал, подставил плечо, подал руку. Еле-еле Василий Иванович спустился на землю. Ноги – точно два протеза...

И вот уже летит над Красной площадью «Славянка». Мог ли в далеком 1912 году представить он, что творению его уготована такая долгая жизнь.

Это, пожалуй, единственный случай в истории, когда один и тот же марш стал пусть и неофициальным, но общепризнанным гимном сразу двух величайших войн...

...Июнь 1945-го. Эпохальный Парад Победы. И снова Агапкин стоит на главной площади страны.

Такого размаха Красная площадь еще не видела. 1400 музыкантов играют для победителей. Дирижирует сводным оркестром генерал Чернецкий²⁵ – его старый

друг и соратник. В многоголосии звучит и оркестр Агапкина.

И в этом есть какая-то внутренняя, всепобеждающая логика: в ноябре 1941-го именно он провожал бойцов на передовую. И кому, как не Агапкину, встречать теперь победителей...

Остались за спиной четыре военных года. Это время Агапкин провел в Новосибирске: капельмейстером Военно-технического училища им. Менжинского²⁶.

В Москву он вернулся осенью 1943-го. Вернулся в прямом смысле слова к пепелищу. Дом его в Большом Кисельном разбомбил. Многие из музыкантов – тех, с кем сыгрался, сроднился за эти годы – погибли. Оркестр приходится набирать заново. Но уже летом 1944-го Агапкин снова начинает играть в «Эрмитаже».

Это было последнее лето войны. Город постепенно залечивал раны, прихорашивался, возвращая себе столичный лоск. Вновь, как и прежде, на московских улицах появились мороженщики. Один за другим открывались кафе и коммерческие ночные рестораны, где писатели и артисты получали скидку в тридцать процентов, а старшие офицеры – в пятьдесят.

Москва жила предчувствием победы, и потому на концертах Агапкина зрителей никогда не убавлялось. Дирижерская палочка в руках Агапкина – точно волшебная. Достаточно одного ее взмаха, чтобы перенестись в прошлое: в довоенные счастливые дни.

Отныне с «Эрмитажем», его тополями и липами, с эстрадой-раковиной он не расстанется до самой своей отставки...

В августе 1951-го новым хозяином Лубянки стал некто Семен Денисович Игнатьев²⁷. Когда-то, во время Гражданской, он служил на рядовых должностях в Бухарской ЧК, и этого факта биографии оказалось

достаточно, чтобы вручить ему в руки самую мощную спецслужбу планеты.

Он был типичным партаппаратчиком послевоенной эпохи этот Игнатьев: пугливым, исполнительным, серым. (До такой степени пугливым, что даже когда в марте 1953-го охрана Ближней дачи доложила ему, что Сталин не выходит из своей комнаты и не подает никаких признаков жизни, глава МГБ не решился приехать на место и переадресовал подчиненных Лаврентию Павловичу. Эти трусливые часы ожидания стоили Сталину жизни.)

Такие, как он, и приходят теперь к власти. (А других и нет: всех инициативных и ярких сгноили еще в 37-м.)

Впрочем, не творческий подход нужен от Игнатьева: совсем другое. Новый министр должен «почистить» Лубянку, вымести поганой метлой окопавшихся там сионистов и врагов народа.

Его предшественник – Виктор Абакумов – уже сидит во внутренней тюрьме МГБ. Оказывается, он «помешал ЦК выявить законспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства»²⁸. Вслед за министром в камеры переезжает и множество его соратников – заслуженных, увешанных орденами генералов.

«Пора снять белые перчатки», – буквально на первом же совещании заявляет Игнатьев. Это значит, что хватит миндальничать и играть в демократию: с врагами нужно и должно бороться их же, враждебными методами – бить, бить и еще раз бить. В помещении внутренней тюрьмы МГБ спешно оборудуют специальное помещение: пыточную. Из сотрудников тюрьмы формируют отдельную команду инквизиторов.

В декабре 1951-го Сталин возрождает особое совещание при министре: страшный орган, которому

теперь, как и в 1937-м, дано право казнить без суда и следствия.

Забытое, казалось бы, ощущение всепоглощающего, липкого страха снова повисает в воздухе.

За годы войны страна хлебнула вольницы. Верилось, что вот теперь, после оглушающей победы, все пойдет по-новому. Но на смену морозному запаху фронтовой свободы пришел скрежет туго закручиваемых гаек.

Уже заклеены позором «пошляки» Ахматова²⁹ и Зощенко, «формалист» Шостакович³⁰. Уже занимается «дело врачей». Уже отгремело дело «ленинградское»³¹, верстаются в Кремле сценарии заговоров новых, и даже верноподданнейшие Ворошилов и Молотов ждут со дня на день арестов.

Каждый день газеты бичуют презренных космополитов и низкопоклонников. Разоблачают происки заокеанских поджигателей войны. А тем временем советские соколы оттачивают свое мастерство на воздушных просторах братской Кореи...

Внутри самой Лубянки обстановка не лучше. Под подозрением – чуть ли не каждый. Из пыльных хранилищ извлекаются на свет божий компроматы двадцатилетней давности. Тотальная паранойя накрывает МГБ...

...Таланты гонимы при любой власти. Талант – это обязательно личность, неординарность мысли, внутренняя свобода, а власти нужны серые, покорные массы. Власти диктаторской, замешанной на страхе, – тем паче.

За тридцать лет службы в органах Агапкин так и не сумел стать здесь своим. Для большинства он был непонятен, и уже потому неприемлем: не велика наука – палочкой размахивать.

...После войны Борис – старший сын Агапкина, окончив Высшую школу МГБ, пришел служить на

Лубянку. Но, видно, отцовские корни проросли слишком глубоко.

И года не прошло, как явился он за советом к Василию Ивановичу: – Не могу там работать. Каждый день – избиения, пытки. Кто не хочет давать показаний, ставят к стенке и для острастки стреляют поверх голов...

Агапкин отвел глаза. Наверное, в этот момент задумался он о смысле жизни; о том, в какой страшной организации довелось ему очутиться.

– Конечно, сынок, уходи...

...Снова, как и в 1937-м, ловит он на себе косые взгляды сослуживцев. В каждом начальственном оклике чудится ему какой-то подвох.

Хотя внешне... Внешне все идет у Агапкина ладно. Сверкают на кителе высшие награды страны: орден Ленина, орден Красного Знамени. Совсем недавно оркестру его присвоили статус образцового, и подчиняется он теперь не Высшей школе, а непосредственно МГБ. Правда, звания заслуженного артиста, к которому представили еще в войну, так ему и не дали. А потом этот – осенний вызов на Лубянку...

...Неулыбчивый майор из военной контрразведки смотрит на него точно на врага. Брови насуплены, фразы отрывисты.

Где, когда познакомились с гражданкой Пентек? Знали ли, что ее отец расстрелян как шпион? Понимали ли, что своими действиями подрывает авторитет офицера государственной безопасности? Задавала ли гражданка Пентек провокационные вопросы и вопросы разведывательного характера?

Он говорит с ним точно с мальчишкой, хотя майор этот годится ему в сыновья. Но это уже у сотрудников центрального аппарата в крови: доведется – они и отца родного подведут под статью.

– Подробно опишите, как все было, – приказывает майор. Агап-кин садится перед чистым листом бумаги, и тотчас мысли уносят его далеко-далеко от Лубянки, в самое любимое его место на земле – сад «Эрмитаж»...

Из справки 3-го Главного управления МГБ СССР³² на В. И. Агапкина от 6 сентября 1952 г.:

«Агапкин В. И. в 1935 г. в Москве в саду „Эрмитаж“, где он выступал с оркестром, познакомился с венгеркой Пентек Гизелой Калмановной и ее сестрой Иоланой, которые в 1922 г. вместе с семьей прибыли из США в СССР как политэмигранты.

В 1944 г. Пентек за подозрительные связи с иностранцами из Москвы была административно выслана в Новосибирск, где поддерживала связи с венгерскими военнопленными, среди своего окружения проводила антисоветскую агитацию.

По данным УМГБ Ульяновской области, Пентек, проживая в Ульяновской области, поддерживала обширные письменные связи с лицами, проживающими за границей и в СССР. Пентек ими разрабатывается по подозрению в принадлежности к агентуре американской разведки. Брат и сестра Пентек также разрабатываются по подозрению в шпионаже.

Ее отец – Пентек Калман Юзефович, в 1938 г. осужден по статье 58-6 УК РСФСР (контрреволюция. – *Прим. авт.*) к ВМН (высшая мера наказания. – *Прим. авт.*)

В 1950 г. в адрес Агапкина от Пентек Г. К. поступило два письма, из которых видно, что она находилась в близких взаимоотношениях, высказывала намерение приехать в Москву, встретиться с ним.

В связи с поступлением вышеуказанных данных в октябре 1950 г. от Агапкина было взято объяснение, в котором он указал, что его встречи с сестрами Пентек были до 1941 г. в саду «Эрмитаж», куда они приходили слушать выступления оркестра. В связи с войной,

указывает Агапкин, выступления его оркестра в саду «Эрмитаж» и встречи с сестрами Пентек прекратились.

В 1944 г. оркестр возобновил свои выступления. Сестры Пен-тек снова стали приходить в сад «Эрмитаж», и возобновились их встречи с Агапкиным.

В 1944 г. перед высылкой из Москвы Пентек Г. К. она позвонила Агапкину и попросила его прийти к ней на квартиру, где сообщила о высылке ее семьи из Москвы.

В это посещение, указывает Агапкин, он купил у Пентек несколько заграничных патефонных пластинок и картин, но за отсутствием у него при себе денег он с Пентек не рассчитался, попросил ее после прибытия к месту назначения написать ему письменно до востребования.

В 1945 г. Агапкин получил от Пентек письмо и одновременно по почте послал ей 2 раза по 200 руб. Кроме того, Агапкин через сад «Эрмитаж» получил от Пентек несколько писем, но якобы, не читая их, уничтожил.

УМГБ Ульяновской области № 2/1/3854 от 30 июня 1951 г. по делу Пентек в отношении Агапкина сообщило, что по данным агента «Славы»:

"...Один из оркестрантов познакомил ее с Агапкиным. При этом Агапкин заявил ей, что он ее уже давно заметил и все хотел познакомиться.

У Агапкина есть жена и дети. Один раз они даже вместе с Иола-ной (она сестра Пентек) были у него дома. Когда он узнал, что она венгерка, то всегда при приходе ее в сад начинал играть венгерскую музыку.

По ее словам, Агапкин не раз говорил, что если бы он не был женат, то обязательно на ней бы женился и уехал с ней за границу.

Когда им предложили выехать в Новосибирск, то он пришел к ним домой, принес им чайник, электроплитку, керосинку и чемодан. Они, в свою очередь, подарили заграничные патефонные пластинки.

На вопрос источника, а не пытались они через Агапкина хлопотать, Пентек ответили, что они просили его, но он сказал, что сейчас ничего сделать нельзя, и предлагал им дать рекомендательное письмо в Новосибирск, но они по глупости не взяли"».

В сталинской России нет места старорежимным добродетелям. Милосердие – поповское слово...

Добрый, искренний Василий Иванович... И минуты не сомневаюсь, что, узнав о предстоящей высылке своей знакомой, он действительно пришел к ней домой, принес такие нужные в дороге вещи: электроплитку, чайник и керосинку. Ему все это было уже ни к чему – эвакуация закончилась, а сестрам Пентек ой как пригодились бы. А она подарила на прощание патефонные пластинки, и, может быть, Василий Иванович даже прослезился от этого трогательного, безыскусного жеста, а потом, получив из Сибири письмо, побежал на телеграф, хотя не мог не понимать, сколь серьезно рискует, переводя деньги ссыльной поселенке...

Но как объяснить это людям с льдинками вместо глаз, которые всей мировой музыке предпочитают похоронные марши?

Вот и приходится неуклюже оправдываться, выкручиваться. Дескать, и не помогал он вовсе венгерке Пентек, а расплачивался по старым счетам. И о депортации ее узнал, только придя в квартиру (хотя как в таком случае мог принести с собой керосинку и чайник?).

Есть в этом документе один абзац, который человеку осведомленному скажет о многом. «По данным агента „Славы...“», – доносят ульяновские чекисты... И тут же: «На вопрос источника („Славы“? – *Прим. авт.*), не пытались ли они через Агапкина хлопотать, Пентек ответила...»

Выходит, «источник» (сиречь агент) специально задавал венгерке провокационные, наводящие вопросы. По собственному ли почину? Вряд ли. Все-таки Агапкин был сотрудником центрального аппарата МГБ. Для какого же очередного «сценария» понадобился компромат на военного дирижера? И почему в таком случае компромат этот так и не был пущен в дело?

Увы, этого нам уже не узнать. Справка военной контрразведки на Агапкина – это все, что сохранили архивы.

Может быть, сказались особые заслуги Василия Ивановича, две личные благодарности Сталина, которые он получил за оба парада. А может, и возраст. В 1952-м ему было все-таки уже без малого семьдесят.

Он и сам чувствует неумолимое дыхание старости. В 1950-м, после смерти Чернецкого – главного музыканта Красной Армии – ему предлагают занять это место. Должность генеральская, но Агапкин отказывается наотрез.

– Зачем это мне? Чернецкий – умер, Николаевский³³ вон – на ладан дышит. И я там долго тоже не протяну.

(Как в воду глядел: и года не прошло, как Николаевский – старинный его приятель и единомышленник – сгорел.)

Особенно подкосила Василия Ивановича смерть Ольги – первой жены. После развода замуж она так и не вышла: слишком любила Агапкина.

– Такого, как Вася, мне все равно не найти, а хуже – не надо...

На кладбище он не плакал: крепился. Стоял чуть вдалеке от свежерытой могилы и смотрел куда-то в сторону. А на другой день впервые взял в руки палочку: стали отказывать ноги...

Теперь Агапкин стал реже бывать на службе. В обед предпочитал ездить домой, благо от Ленинградки, где

располагался теперь оркестр, до его дома на Большой Садовой – всего-то четыре троллейбусных остановки: без дневного сна было ему тяжело.

Большинство музыкантов относились к этому с пониманием. Но были и другие.

В мире искусства зависть – явление распространенное. Агап-кин был человеком требовательным, властным. Не всем это нравилось. Но особенно злобствовал замполит оркестра майор Кудряшов.

В музыке майор разбирался слабо. Да этого и не требовалось. Такие кудряшovy сотнями тысяч расплодились тогда по стране. Они ничего не смыслили в авиации, ракетостроении, науке и балете, но все равно поучали, указывали, карали и миловали. Хорошо подвешенный язык да закаленный в ударах по накрытому зеленым сукном столу кулак – вот и все, чем владели они.

Кудряшов не был исключением. Однажды из оркестра пропала флейта. Тут уж Кудряшов разошелся: грозил, кричал, целое расследование провел – хорошо еще, обошлось без обысков. Музыканты решили над ним подшутить.

– Товарищ майор, – подошел к Кудряшову известный в оркестре хохмач, баритонист Николаев, – а вы знаете, что пропала не только флейта? Такой-то потерял еще и казенный бемоль...

– Как! – вскричал дремучий замполит. – Бемоль?!! Ну, уж гауптвахты ему не миновать!

Когда Агапкину рассказали об этом, он смеялся до слез:

– Да уж, послал бог помощничка...

То, что Агапкин относится к нему с насмешливым пренебрежением, Кудряшов, безусловно, знал: кое-кто исправно доносил ему обо всех настроениях и разговорах; контроль и учет – основные достижения

социализма. И это выводило майора из себя. Как и все ограниченные люди, больше всего он не терпел неуважения к собственной персоне; выпады против политрука – это выпады против всей партии.

Долго и кропотливо собирал он всевозможную грязь, накапливал материал. В кругу приближенных не раз говорил, что не доверяет Агапкину: чувствую, не наш это человек, ох, не наш... Но до поры до времени материалам этим хода давать было нельзя. Не дай бог, пружина развернется в обратную сторону, тут никакие заслуги не помогут.

На откровенный демарш против дирижера замполит решился только в августе 1953 года.

Было ли это его собственной инициативой, почувствовал ли он благополучное расположение планет, или же кто-то майору подсказал, благо только-только в Высшую школу пришел новый начальник (старый, полковник Никитин³⁴, к Агапкину благоволил и всячески поощрял)? Неведомо.

Эти доносы столь красноречиво бытописуют нравы ушедшей эпохи, что мы позволим привести их практически целиком.

**Начальнику Высшей школы МВД СССР
полковнику А. Я. Ефимову³⁵**

«Доношу (выделено мной. – *Прим. авт.*), что руководитель оркестра, военный дирижер полковник адм. службы тов. Агап-кин Василий Иванович, по неизвестным причинам не являлся на работу 3, 8, 13 и 17 августа сего года. Кроме того, у него были случаи, когда он не являлся на работу по неизвестным причинам также в июле, в июне и в мае месяце с. г.

Такое халатное отношение к выполнению своего служебного долга, проявления недисциплинированности со стороны руководителя

оркестра тов. Агапкина вызывает возмущение среди сотрудников оркестра.

В личной беседе со мной сотрудник оркестра, член КПСС тов. Репин с возмущением мне заявил: «Почему полковник тов. Агап-кин по несколько дней не бывает на работе, и к нему не принимают никаких мер?».

О том, что тов. Агапкин В. И. не показывает образец дисциплинированности и выполнения своего служебного долга, коммунисты неоднократно отмечали в своих выступлениях на партийных собраниях парторганизации оркестра. Например, 24 декабря 1952 г. при обсуждении итогов XIX съезда КПСС и задачах партийных организаций, коммунист тов. Ищук Н. С. говорил: «Мы, коммунисты, еще сильнее должны бороться за укрепление партийной и служебной дисциплины, а вот коммунист руководитель тов. Агапкин, видимо, еще недопонимает значения решений XIX съезда КПСС, все еще старается работать по старинке. Частенько опаздывает на работу, а то и не является совсем в течение целого дня, как, например, в период подготовки к параду новогодних елок. Тов. Агапкин как дирижер часто приходил неподготовленным к репетициям, что тормозит работу оркестра».

На партсобрании 28 марта 1953 г. коммунист тов. Виноградов в своем выступлении сказал: «Тов. Агапкин В. И. подчеркнул, что дисциплина есть установленный порядок для всех членов, следовательно, и для вас, тов. Агапкин. Так почему же мы не начинаем вовремя репетиции?»

Тов. Агапкин свое отношение к служебным обязанностям объясняет тем, что он стал стар и к тому же ему не позволяет здоровье, но такое отношение к своим обязанностям коммуниста тов. Агапкина не способствует укреплению дисциплины, порядка и организованности в оркестре.

Из всего этого следует вывод: необходимо полковнику тов. Агапкину В. И. предложить уйти в отставку или потребовать от него выполнения советских законов о труде и работать так, как положено работать сотрудникам МВД СССР.

Пом. Военного дирижера по политической и строевой части Образцового оркестра МВД СССР

Майор Кудряшов 24 августа 1953 г.».

На этом доносе (именно так охарактеризовал свое письмо и сам автор, недаром начал он его со слова «доношу») стоит грозная резолюция начальника школы: «Проверить. О заключении доложить».

Резолюция наложена в тот же день – 24 августа – и это невольно наводит на мысль, что донос замполита написан был по высочайшему повелению сверху (не всякий-то начальник курса мог за один день попасть на прием к руководителю школы, а тут какой-то помощник военного дирижера.)

Уже через полторы недели школьный кадровик докладывает полковнику Ефимову: так и есть. Все упомянутые в доносе музыканты подтвердили изложенные факты. «Тов. Агапкин мало занимается творческой работой с оркестром, а в отдельных случаях мешал в этом отношении мл. лейтенанту Калачеву, вычеркнув из репертуара оркестра уже отработанные музыкальные произведения (заявление тов. Репина)».

Если велено прицепиться к чему-нибудь, даже в фонарном столбе можно усмотреть криминал. Составление репертуара – это чистая прерогатива дирижера. Но, оказывается, кадрам и политор-ганам есть дело до всего...

...Нет ничего хуже напраслины. Она способна сразить наповал даже самого сильного, уверенного в себе человека.

Было Агапкину одновременно и обидно, и горько, и очень тоскливо: как будто вымазали всего в дегте,

облепили перьями и вытолкнули на сцену. Впервые за много лет он пожалел, что не пьет: сейчас бы напиться, утопить горе в стакане, забыться.

Но это самое простое. Еще проще – громко хлопнуть дверью: не желаете, чтобы я служил, да и на здоровье. Только вне работы он себя не мыслил. Всю жизнь, с самого раннего детства, Агап-кин носил погоны, и иной системы координат для него просто не существовало.

И ладно бы, в травле этой принял участие один Кудряшов. На этого обижаться бессмысленно – собака ведь не может не брехать. Обиднее всего, что поддержали Кудряшова те, кого он искренне считал своими учениками, с кем прослужил не один год. И тубист Репин, и кларнетист Лещук – первейший хохмач, сам не раз подтрунивал над непроходимостью замполита, и баритонист Кирьянов. А уж Пушкарев... Он взял его в оркестр сразу по возвращении в Москву. Аристократ, барин, форма всегда выглажена, выбрит, надушен...

Но нет: если уйти сейчас – значит, цели своей эти субчики добились. Это будет слишком легко. Хочется, чтобы посмотрели они ему в глаза.

Рука дрожит. Неровными, старческими буквами шариковой ручкой завода «Металлопластмасс» (только-только появились в продаже, последний писк моды!) он выводит поверх листа:

Начальнику Высшей школы МВД СССР

«На поступившие к Вам сведения о том, что в мае, июне, июле, августе с. г. я некоторые дни отсутствовал у себя в оркестре, даю следующие разъяснения.

Когда оркестр был занят проводами пионеров, игрой в пионерских лагерях и другими видами игр, где мое личное присутствие не требовалось, и проводить занятие или репетиции не представлялось возможным, или же отсутствовал по причине болезни, в такие дни я, безусловно, давал необходимые распоряжения и

указания моему помощнику тов. Калачеву или старшине тов. Кускову и предупреждал, что буду работать дома. Я являюсь композитором, моя работа требует иногда особой обстановки. Работаю я над партитурами для оркестров. Пишу свои сочинения. Всю работу провожу при дневном свете.

Поступившие к вам сведения считаю необоснованными, отсутствие прошу считать уважительным.

Военный дирижер Образцового оркестра
полковник Агапкин
20 ноября 1953 г.».

В немногочисленных биографических книгах об Агапкине его хамская отставка тщательно замалчивается.

«Василию Агапкину трудно смириться с отставкой. Да, действительно, по возрасту и здоровью он не может больше каждодневно дирижировать оркестром...» (Соколов В. «Прощание славянки». М.: Советский композитор, 1987.)

«Настроение у Василия Ивановича пасмурное: он расстается с оркестром. Пора, пора на отдых. Утешает одно: оркестр он передает в надежные руки». (Степанов В. «Неувядаемый марш». Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд., 1984.)

Да не потому только настроение пасмурное, что он не в силах смириться с отставкой. Слишком бесчеловечной, презрительной она оказалась. Мог ли представить он мальчишкой, когда в первый раз надевал погоны, как унизительно закончится его служба...

Он выходил в отставку, имея рекордную выслугу: 61 год. Тридцать пять из них Агапкин прослужил в ВЧК, но кому какое дело до былых заслуг: был человек – и нет.

Даже напоследок не постеснялись плюнуть ему в лицо. В заключении об увольнении, которое начальник

школы подмахнул, не читая, написано: не уделяет должного внимания работе оркестра, репертуар мало пополняется произведениями классической музыки и советских композиторов, музыканты слабо совершенствуются по специальности...

Эта обида осталась в Агапкине до конца дней. Она засела в нем плотно, навечно, точно ржавый, зазубренный осколок...

После отставки он ни разу не был в оркестре: ушел – как отрезал. Это был уже совсем другой, не его оркестр, где ценились теперь не музыка и вдохновение, а строевой шаг и начищенные пряжки. Буквально в считанные дни оркестр сократили в два с лишним раза, превратив музыкантов в обычных лабухов. Какие, к черту, концерты, вернисажи. Похороны да плац – вот и все, что нужно теперь... А ноты и партитуры, которые он оставил, уходя, новый старшина вскоре сжег. Кому нужен этот старый хлам...

И раньше-то Василий Иванович был не особо разговорчив, а сейчас и вовсе замкнулся в себе.

Каждый день, точно на службу, он отправляется теперь гулять по Москве, но ноги сами несут его к Петровке. Там, в уютном, старомосковском садике «Эрмитаж» – вся его жизнь. Только «Эрмитаж» остался верен ему, не предал, не забыл... Он подолгу стоит у опустевшей эстрады-раковины и вспоминает ушедшие в прошлое лица, голоса, запахи...

Незаметно подоспел юбилей: 80-летие. Гостей практически не звали.

– Почему, папа? – удивилась дочка Аза. – Давай отпразднуем, как положено, слава богу, ты заслужил...

– Знаешь, Аза, – ответил он, чуть помолчав. – Я не очень люблю людей. Люди – такие завистливые...

Василий Иванович ненадолго пережил свой юбилей, но даже после смерти Лубянка, которой он посвятил всего себя, проводила его в последний путь, точно

пасынка. На его похоронах играл совсем не тот оркестр, который он создал сорок лет назад – другой. Оркестр Министерства обороны. По счастью, не все ученики Агапкина оказались одинаково неблагодарны. Один из них – Николай Назаров³⁶ и взял на себя организацию всех похорон...

Когда-то, в далеком 1933-м, Агапкин, проездом в Кисловодск, сделал остановку в Ростове. В городском парке играл оркестр. Играл неплохо, но Василий Иванович особенно обратил внимание на валторниста. После выступления подошел к 25-летнему музыканту, предложил переехать в Москву, к нему в оркестр. Видимо, в этот момент он вспомнил себя в начале пути: как сложилась бы жизнь, кабы не череда счастливых событий... Этим валторнистом и был Назаров – будущий генерал, дослужившийся до высшего в военной музыке чина: главный дирижер Советской Армии...

...Агапкина похоронили на Ваганьково: там же, где лежит его первая жена. На мраморном обелиске выбита нотная линейка: первые такты «Славянки»... Ноты, которые обессмертили имя Василия Ивановича...

За свою долгую жизнь Агапкин сочинил много музыки. Он писал и марши, и вальсы, но в памяти людской все равно остался автором одного-единственного произведения.

На мотив «Славянки» положены уже десятки текстов. После смерти Агапкина исследователи обнаружили, что даже одно из стихотворений Блока написано «под размер» «Славянки».

Петроградское небо мутилось дождем,

На войну уходил эшелон.

Без конца – взвод за взводом и штык за штыком

Наполнял за вагоном вагон.

Эти строки появились почти столетие назад, в разгар Первой мировой, когда армейские эшелоны

уходили на фронт под звуки «Славянки». Точно так же агапкинский марш звучал на перронах и в годы Гражданской, и во время Великой Отечественной, и все десять лет афганской войны. Звучит он и сейчас – на войне чеченской.

За этот век не было ни одной войны, ни одного конфликта, которые бы не осеняла музыка Агапкина. В каждом сражении, в каждой победе – есть толика и его заслуг.

А это значит, что Василий Иванович не умер. Он просто, говоря языком военной лексики, передислоцировался...

Уж последние скрылись во мгле буфера, И сошла тишина до утра, А с дождливых полей все несло к нам: ура, В грозном клике звучало: пора...

Глава 12

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ ОЛЕГА ПЕНЬКОВСКОГО

У этого человека было три жизни.

Первая – боевого офицера, фронтовика, орденоносца.

Вторая – предателя, изменника, пьяницы-разложенца.

Третья – спасителя человечества от ядерной войны.

Но ни одна из этих жизней не является подлинной.

Никому неведомые прежде сенсационные документы, сохранившиеся в архиве бывшего председателя КГБ и начальника ГРУ генерала Серова, заставляют взглянуть на самый масштабный шпионский скандал XX века абсолютно по-новому.

Полковника ГРУ Олега Пеньковского называют крупнейшим агентом Запада за всю советскую историю.

О похождениях Пеньковского написаны сотни исследований.

Его имя давно уже стало нарицательным.

Если верить заграничным источникам, за два года предательства Пеньковский передал Западу бессчетное множество совсекретных документов и сведений, включая технические описания советских баллистических ракет. Именно ему, уверяют историки, было суждено исполнить главную роль в Карибском кризисе и тем предотвратить Третью мировую.

Но дело Пеньковского – это не только самое крупное дело эпохи «холодной войны». Это еще и самое запутанное, самое таинственное дело в истории разведки.

Хотя с тех событий и прошло уже более сорока лет, оно так и не перешло в разряд хрестоматийных. Слишком много загадок и странностей, *наверченных* вокруг дела Пеньковского, остается по сей день без ответа. Даже после того как все участвовавшие в этом поединке разведки (ЦРУ, МИ-6, КГБ-ФСБ) приоткрыли свои архивы, число этих тайн не стало меньше. Напротив, их еще только прибавилось.

Я перечислю странности в деле Пеньковского чуть позже, попытавшись хоть немного приблизиться к их разгадке. Но главную тайну – назову сразу.

На кого в действительности работал полковник военной разведки? На англичан с американцами? На ГРУ? Или все-таки на КГБ?

...Еще со времен Древнего Рима существует в юриспруденции классическая формула: «CUI PRODEST?» – «Кому выгодно?»

Сиречь кому выгодно преступление, тот и является первейшим подозреваемым.

Так вот. Предательство Пеньковского было выгодно... Нет-нет, вовсе не Западу. Как раз наоборот. Оно было выгодно... Советскому Союзу. А заодно – горстке тогдашних обитателей Кремля – лихой комсомольской ватаге, которая через пару лет скинет с Олимпа кукурузника Хрущева.

В этом без труда можно убедиться, полистав даже те заграничные *фолианты*, где Пеньковского именуют спасителем человечества. Просто, складывая отдельные слюдяные кусочки в мозаику, авторы таких *фолиантов* не желают отчего-то рассмотреть получающееся изображение.

Метаморфоза известная: попробуйте встать в музее напротив какого-нибудь полотна и разглядеть его в упор. Ни черта не разберете. А вот если отойти на пару шагов...

Точно, как у Есенина:

Лицом к лицу – лица не увидеть, Большое видится на расстоянии...

...Так вот, если отойти на пару шагов и посмотреть – а чем, собственно, закончилось дело Пеньковского; что вышло в сухом остатке – получится преинтереснейшая картина:

Третьей мировой войны не произошло;

Штаты громогласно объявили, что не будут впредь нападать на Кубу – первый советский форпост в Америке, и слово свое, кстати, сдержали;

вывели из Турции свои ракеты.

А теперь – перечислим советские *потери*:

СССР демонтировал ракетные установки на Кубе, которые толком даже не успели развернуть;

Президиум ЦК под надуманным мифическим предлогом (о чем позже) снял с должности начальника ГРУ Ивана Серова – последний надежный форпост Хрущева;

из-за кордона были отозваны три сотни разведчиков, которых мог сдать (или сдал) Пеньковский – правда, при этом ни один агент ГРУ или КГБ не пострадал, ни одного провала не случилось, хотя главная задача любой разведки и заключается в том, чтобы выявить агентуру противника.

Ну и где же спасенная планета?

Где гигантский ущерб для безопасности страны?

А ведь я еще ни слова не сказал о том, что, янки, стараниями Пеньковского, свято уверились, будто Советы уступают им в гонке вооружений, и, убаюканные чувством превосходства, успокоились, расслабились. А тем временем, под шумок, советский ВПК семимильными шагами наверстывал упущенное и обогнал-таки Америку.

Такой вот бином Ньютона. Или, скорее, теорема Ферма. Ее ведь тоже, несмотря на внешнюю простоту, не могут разгадать уже который век.

В отечественной и западной литературе история Пеньковско-го излагается по-разному.

Если бы оценки эти разнились сугубо идеологически – ничего странного бы тут не было. В разведке, как и футболе, все зависит от того, на какой стороне поля ты играешь: что для русского – хорошо, для немца – карачун, и отличие шпиона от разведчика кроется только в этом.

Но в том-то и заковыка, что вовсе не оценкой его *похождений*, не идеологическим гарниром и приправами отличаются эти *транскрипции*. Саму суть дела Пеньковского Восток и Запад преподносят диаметрально противоположно.

Смотрите сами, что получается.

Жил да был военный разведчик Пеньковский. В прошлом – лихой офицер-фронтовик, заслуживший за войну 5 боевых орденов (всеми своими наградами он обязан близостью к начальству), успешно окончивший Военно-дипломатическую академию (куда его пристроили на пару тесть-генерал и будущий маршал артиллерии Варенцов¹, у которого служил он в войну порученцем), Пеньковский тем не менее был незаслуженно обделен вниманием (ввиду своего звериного карьеризма и интриганства).

После первой же командировки в Турцию, где не сошелся он с твердолобым начальством (резидент обвинял его в бездарности, а тот в ответ слал на него *телеги*), его уволили, но вскоре по протекции маршала Варенцова – главного артиллериста страны – приняли обратно и отправили на унизительное (непыльное и престижное) место – в Госкомитет по науке и технике, под чьей «крышей» он принялся разъезжать по миру и воровать разнообразные технические секреты...

Но личные блага и карьера волновали Пеньковского меньше всего (см. выше). Видя волюнтаризм Хрущева,

его безумные попытки развязать Третью мировую войну, наблюдая воочию разложение советской верхушки, Пеньковский решает пожертвовать собой во имя спасения человечества. И он добровольно, или, как говорят в разведке, инициативно, выходит на американцев и англичан и предлагает им свои услуги (ибо чувствует себя незаслуженно обделенным и жаждет отмщения. Кроме того, контрразведка докапывается, что отец Пеньковского, которого писал он везде покойным, был белогвардейским поручиком, зарубленным лихой буденовской саблей).

К сравнительному анализу двух этих версий мы еще вернемся, а пока – остановимся на ключевом, в сущности, моменте вербовки.

Итак, 12 августа 1960 года Пеньковский в районе Красной площади (!) подходит к двум американским студентам и просит их передать ЦРУ некое послание.

В нем сообщается, что автор его – борец за идеалы демократии. И, исходя из этих самых идеалов, готов снабжать «соответствующие органы США» (цитирую дословно) важной секретной информацией. А дабы «соответствующие органы» не сомневались в его осведомленности, таинственный незнакомец для *затравки* раскрывает студентам парочку советских тайн. Ну, например, что сбитый накануне (1 июля 1960 года) американский самолет-разведчик был повержен, вопреки заверениям Кремля, вовсе не в советском пространстве, а в нейтральной зоне: над ничейным участком Баренцева моря.

Впечатлительные студенты немедля бегут в американское посольство, но в ЦРУ их энтузиазма не разделяют. Там – прямо скажем, не без оснований – опасаются, что неведомый доброхот – *подставлен* им КГБ, и от контакта воздерживаются.

Но Пеньковский не унимается. Спустя четыре месяца, в декабре, едва только представляется повод,

он снова идет на *абордаж*.

Полковника как раз отправляют в Ленинград – сопровождать делегацию Британской европейской авиакомпаний. И там он под благовидным предлогом заходит в номер к англичанину А. Мер-римену и, включив на полную громкость приемник, таинственно вручает ему пакет с секретными бумагами.

«Отнесите пакет в американское посольство», – просит Пень-ковский, но британец в ответ выставляет его за дверь: перед поездкой в Союз Мерримена хорошо проинструктировали насчет возможных провокаций КГБ.

Что должен сделать на месте Пеньковского любой среднестатистический незадачливый *инициативник*? Вероятнее всего – затаиться.

Две неудачи подряд кого хочешь выбьют из колеи. Вербовка – это ведь не увеселительная прогулка; она требует колоссального напряжения, когда под каждым кустом чудятся тебе топтуны и переодетые чекисты.

Как профессиональный разведчик, Пеньковский отлично понимает: всякий новый его *подход* резко увеличивает вероятность провала.

И тем не менее, уже через пару дней, Пеньковский вновь начинает свои приставания. Возвратившись в Москву, он отводит в сторону Мерримена и, чуть не плача, умоляет – если уж не забирать пакет, то хотя бы передать *соответствующим органам* номер его домашнего телефона. Пусть, мол, звонят по воскресеньям, часиков эдак в десять...

Однако звонка из ЦРУ Пеньковский не дожидается. В начале января, сопровождая очередного иностранца – директора программы геологических исследований Канады доктора Харрисона – он опять принимается за старое.

В самом, пожалуй, авторитетном западном исследовании дела Пеньковского, книге американского

профессора Джеролда Шек-тера, написанной с помощью перебежчика из КГБ Петра Дерябина² «Шпион, который спас мир» («The spy who saved the world»), эта – четвертая по счету – попытка описывается весьма любопытно:

«Когда Пеньковский и Харрисон ехали в Ленинград... Пеньковский постоянно критиковал советскую систему, и его откровенность заставила Харрисона „задуматься, что же происходит“...

...Обхаживание Пеньковским Харрисона достигло своего апогея в номере Харрисона в гостинице «Националь». Пеньковский дал понять, что хочет конфиденциально поговорить с ним... встал, подошел к краю стола и вырвал из стены пару проводков...

«Теперь все в порядке», – сказал он, объяснив, что если в телефоне было прослушивающее устройство, то он его обезвредил...»

Довольно странная навязчивость. Первый раз видя иностранца, стремглав бросаться к нему с антисоветскими откровениями... Даже светлой памяти шпик Брейтшнейдер – и тот действовал более тонко. Спрашивал, например, стал бы его собеседник стрелять в сербов, и что тот думает о Сараево.

Немудрено, что американцы не спешат ответить Пеньковско-му взаимностью.

И хотя Харрисон знакомит его с торговым советником канадского посольства Ван Влие (по просьбе самого же Пеньковского), желаемого результата это не приносит.

Встреча полковника ГРУ и канадского дипломата происходит в том же номере гостиницы «Националь». На сей раз Пеньковский обходится без выдергивания телефонных проводов. Он действует еще эффектнее. Без лишних слов заводит канадца в ванную, включает на полную мощность краны и впихивает ему очередной

пакет с секретными бумагами: будто бы с описанием советских ракет.

Через два дня Ван Влие возвращает конверт, так и не решившись его распечатать.

Но не таков наш герой, чтобы отступать перед трудностями. Его в дверь, он – в окно.

В марте Пеньковский опять настигает Ван Влие, чуть ли не силой пытается всучить ему новый ворох секретных бумаг, но тот держится стойко.

«Расстроившись, Пеньковский ушел, запихнув свои секретные бумаги во внутренний нагрудный карман», – сказано по этому поводу в уже цитировавшейся книге Шектера-Дерябина.

...Лишь в апреле удача наконец улыбнется настырному предателю. Это случится после того как английский коммерсант Гре-вилл Винн, давно сотрудничающий с разведкой МИ-6, приедет в Москву.

Руководство Госкомитета по науке и технике препоручает Винна заботам Пеньковского. Винну этого только и надо. В Лондоне ему уже выдали соответствующие инструкции и сориентировали на установление контакта с настойчивым инициативником.

Их первый откровенный разговор по доброй традиции происходит вновь на Красной площади (странно, что не на Лубянке, прямо у подножия Железного Феликса).

С этого момента Пеньковский начинает работать на англичан и американцев кряду.

Нехитрый арифметический расчет показывает: путь в агенты занял у него долгих восемь месяцев. Причем за это время Пеньковский предпринял шесть (!) *инициативных подходов*, пять раз пытался передать секретные документы и трижды посещал гостиничные номера иностранцев.

Поразительная для профессионала беспечность. Чего стоят только его фокусы с выдергиванием проводов и включением кранов, способные произвести впечатление исключительно на слабонервных домохозяек?

Вообразите: если номер, в котором жил канадский геолог, в самом деле был оборудован *прослушкой*, грош цена всем этим ухищрениям. Они не только не могли обезопасить Пеньковского, а, напротив, лишь ставили его под удар, ибо вызывали неминуемые подозрения. (Хорошенькое дело: заходит полковник ГРУ в *плюсовой* номер к двум иностранцам, и сразу же начинаются шумовые помехи.)

Надо быть либо самоубийцей, либо полным профаном, чтобы так себя вести. Ни к одной из этих категорий Пеньковский явно не относился.

Где же тогда логика?

И где, позвольте спросить, вездесущая советская контрразведка? Речь ведь идет не о каком-то полоумном диссиденте, а о полковнике спецслужбы, *секретоносителе*, за которым должен вестись постоянный присмотр.

Примечательно, что еще задолго до московской эпопеи, аналогичные штуки Пеньковский проделывал, работая в Турции – правда, безуспешно.

Известный британский историк разведки Филипп Найтли в своей книге «Шпионы XX века» (The second oldest profession) описывает, как Пеньковский «бегал по дипломатическим приемам, где загонял в угол сотрудников ЦРУ, СИС, военных ведомств и задыхающимся шепотом предлагал им сведения о советских планах на Ближнем Востоке. Эти сотрудники докладывали о поступивших предложениях и получали указание держаться от Пеньковского подальше. Ведь его прошлое – участие в войне, женитьба на дочери генерала, постоянное продвижение по служебной

лестнице – абсолютно не укладывалось в обычный психологический образ перебежчика».

«Прошло пять лет, – продолжает Найтли, – Пеньковский возобновил свой турецкий *спектакль*. Вновь он стал посещать приемы и говорить встревоженным дипломатам о том, что желает раскрыть важные советские секреты».

Слово «спектакль» выделил я сам, ибо в нем сосредоточен ключ к пониманию всего происходящего.

Если иметь в виду это слово, то становятся понятным и удивительная беспечность Пеньковского, и его навязчивость, так не свойственная профессиональным шпионам. Да и сомнения в мотивах вербовки, о которой походя упоминает Найтли, тоже отступают на второй план.

В самом деле: блестящий офицер, личный протеже всемогущего маршала Варенцова – командующего артиллерией страны, у которого он служил порученцем еще в войну. С чего вдруг ему становится изменником?

Ну, не послали его резидентом в Индию. Ну, уволили поначалу из ГРУ. Но ведь потом, под давлением Варенцова восстановили. Оформили на престижное место. Дали возможность регулярно бывать за кордоном.

В сравнении со среднестатистическим советским человеком – Пеньковский жил не просто хорошо: купался в роскоши. Одна только квартира его – полученная с легкой руки тестя-генерала, начальника политуправления Московского военного округа, – чего стоила: в самом центре, на набережной Максима Горького. (Это пока вся столица ютится в коммуналках, а утренний штурм сортира сравним со взятием Измаила!)

Ни одного мало-мальски вразумительного мотива к предательству у него просто не было.

Западные историки, не без подсказок спецслужб, уверяют, правда, что двигали Пеньковским высокие и благородные идеалы гуманизма, только в сказки эти, извините, я никогда не поверю.

И дело даже не в том, что Пеньковский – предатель, нарушивший воинскую присягу.

Очень показательный момент: сами же американцы признают, например, что этот *гуманист* на полном серьезе предлагал им установить мини-боезаряды (теперь это называется «грязными бомбами») в крупнейших городах страны и в час «Х» привести их в действие.

Бывший руководящий сотрудник Оперативного директората ЦРУ Д. Л. Харт (его-то в пристрастности к КГБ точно не уличишь) дословно цитирует *доктрину* Пеньковского:

«За две минуты до начала операции все основные мишени, такие как Генеральный штаб, здания КГБ, Центрального комитета Коммунистической партии... должны быть уничтожены не бомбами с воздуха, а зарядами, заранее размещенными на поверхности. Подобное оружие не обязательно должно помещаться внутри самих зданий – оно может быть спрятано в многочисленных строениях, расположенных поблизости, таких как *жилые дома и магазины*» (выделено мной. – *Прим. авт.*).

Вот уж гуманист так гуманист.

Нечто аналогичное, помнится, за двадцать лет до Пеньков-ского предлагал другой «поборник мира и демократии»: Адольф Гитлер. Тот, правда, мыслил куда масштабнее: если взрывать Москву, так целиком, сразу, а на ее месте – вырыть гигантское озеро...

Какие же секреты передал в действительности Пеньковский западным разведкам?

Единодушного ответа не найти. Версии – снова разнятся.

Самая расхожая: именно Пеньковский рассказал американцам, что Советский Союз размещает на Кубе свои ракеты, нацеленные на главного противника. А предоставленные им технические характеристики позволили США не поддаваться *блефу* Хрущева, ибо ракеты эти большевики не успевали развернуть, и, следовательно, не в силах были нанести ответный удар.

И вновь позвольте усомниться в этом незыблемом, казалось бы, факте.

Начнем с того, что Пеньковский попросту не был допущен к столь секретной информации. К тому моменту, когда он начал сотрудничать с Западом, от оперативной работы его уже отвели. Максимум, к чему он имел доступ – к секретной библиотеке ГРУ, где, понятно, о переброске ракет на Кубу не было еще ни строчки.

Более того, об операции этой под кодовым названием «Анадырь» знали вообще единицы.

«Использовались все меры маскировки, – пишет в своих воспоминаниях контр-адмирал КГБ Александр Тихонов, отвечавший по линии военной контрразведки за доставку ракет. – Военнослужащие в штатской одежде. Погрузка в эшелоны техники легендировалась учениями. Воинские эшелоны на станциях не останавливались. Вся система управления войсками осуществлялась устными распоряжениями, в крайнем случае – шифровками.

Никто не знал, куда идут суда. Капитанам и начальникам эшелонов выдавалось три пакета. В пакете № 1 говорилось: пакет № 2 вскрыть после прохода Босфора и Дарданелл. В пакете № 2 предписывалось вскрыть пакет № 3 после прохода Гибралтара. В пакете № 3 содержался приказ: «Следовать на Кубу».

Скрытность передвижения войск осуществлялась и на Кубе. Оружие поступало под видом

народнохозяйственных грузов. В тех случаях, когда невозможно было скрыть вооружение из-за его размеров и конфигурации, скажем ракеты Р-12, наши военнослужащие переодевались в кубинскую форму. А в газетах сообщалось, что в данном районе проходят учения...»

Западные исследователи уверяют, будто Пеньковский узнал о переброске ракет на Кубу, вращаясь в окружении маршала Варенцова – командующего ракетными войсками и артиллерией. Вплоть до того, что, приходя в Главкомат, он оставался один в маршальском кабинете и спокойно фотографировал шпионской камерой все секретные бумаги, лежащие на столе.

Как-то не вяжется это. С одной стороны – разработанная до мельчайших деталей, тщательно спланированная совсекретная операция: морякам, дабы сбить их с толку, перед выходом в море выдавали даже лыжи и полушубки.

И – поразительная легкость, с которой шпион фотографировал разбросанные на маршальском столе документы. Это при том, что к началу операции «Анадырь» Пеньковский успел *засветиться* и находился уже под колпаком КГБ!

Отвлечемся ненадолго, дабы совершить небольшой экскурс в историю.

В январе 1961 года 35-м президентом США становится Джон Фицджеральд Кеннеди. Одним из основных его предвыборных обещаний был тезис, прямо пропорциональный кличу, брошенному накануне Хрущевым.

Если Первый секретарь призывал «догнать и перегнать Америку», то американский президент совсем наоборот обещал догнать и перегнать СССР. Правда, не по мясу и молоку, а по ракетам, ибо в

Штатах искренне считали, будто в гонке вооружений лидируют коммунисты.

Имелась у Кеннеди и вторая глобальная проблема: Куба – остров Свободы, как именовали это маленькое государство в советской печати.

В 1959 году здесь происходит переворот. К власти приходят молодые офицеры во главе с Фиделем Кастро³: народ *шебутной* и *разнузданный*.

Поначалу Кастро демонстрирует как нелюбовь к Америке, так и к Советам, но очень скоро ему приходится выбирать из двух зол: в одиночку новому режиму долго не протянуть. Кастро предпочел Москву.

Для Кремля появление в зоне своего протектората Кубы – вопрос архиважный. Прежде у СССР не было ни одной колонии на Американском континенте. Причем Куба расположена крайне удобно: прямо под боком у США. И если янки без труда размещают свои ракеты в Европе и Азии, нацеливая их на Союз, то у Хрущева аналогичной возможности попросту не было. Пока не появился Кастро.

Нескончаемым потоком идут на Кубу суда с оружием, медикаментами, промышленным оборудованием. На помощь острову Свободы плывут специалисты – врачи, учителя, инженеры. И, конечно же, люди в военной форме.

Безучастно смотреть на это США не вправе. Но и изменить что-либо тоже не могут: руки коротки. Они предпринимают, правда, несколько попыток организовать антикастровский переворот, но безуспешно. Самая громкая такая попытка имеет место весной 1961-го в заливе Свиней, куда под водительством ЦРУ высаживаются 2,5 тысячи кубинских эмигрантов, дабы с оружием в руках вернуть свою родину в лоно цивилизации. Однако гвардейцы Кастро

наголо разбивают повстанцев, попутно громя их подпольные штабы и резидентуры.

Скандал в заливе Свиней (вот ведь, прости господи, не могли места благозвучнее подобрать!) получает такой резонанс, что Кеннеди вынужден даже отправить в отставку шефа ЦРУ легендарного Алена Даллеса⁴.

Летом 1962-го Политбюро решает разместить на Кубе стратегические ракеты. Формально – по просьбе кубинского правительства. Фактически – для того чтобы диктовать США свою волю. Никогда прежде советские войска не приближались столь близко к границам главного своего противника.

О том, с какой секретностью проводилась операция «Анадырь», я уже упоминал. Но надобно добавить еще, что ради успешного ее завершения Хрущев пошел даже на сверхординарные, не принятые обычно в высокой политике меры: он пошло обманул Кеннеди.

Помимо легальных дипломатических каналов, между Москвой и Вашингтоном действовал в те годы еще один, неофициальный. Полковник ГРУ Георгий Большаков⁵, работавший под журналистским прикрытием, регулярно общался с братом президента – министром юстиции Робертом Кеннеди. Братья знали, что Большаков близок к зятю Хрущева – редактору «Известий» Алексею Аджубею⁶. А уж более прямого и надежного выхода на советского лидера трудно было вообразить.

Несколько раз Большаков встречался и с самим президентом, о чем потом лично докладывал Хрущеву.

В августе 1962-го Хрущев через Большакова направляет Кеннеди послание. К тому времени американцы уже зафиксировали караваны судов, идущие к кубинским берегам. Догадываются они и о том, что на кораблях перевозят оружие.

Но Хрущев сознательно дезинформирует Кеннеди. Он сообщает, будто оружие это – исключительно оборонительное, никакой агрессии против США Москва не замышляет.

Кеннеди хочется в это верить, но и верить он тоже не может. Многочисленная агентура ЦРУ на Кубе скрупулезно доносит о передвижениях по острову зачехленных грузовиков с ракетооб-разными силуэтами.

А 14 октября самолет-разведчик фотографирует размещение ракетных установок. Теперь уже нет никаких сомнений. Кроме одного: начинены ли эти ракеты ядерными зарядами.

И вот тут-то, как уверяют западные исследователи, и настал звездный час шпиона Пеньковского.

Мало того, что он заблаговременно сообщил об отправке на Кубу ракет. Переданная им схема размещения ракетных площадок полностью совпадала с фотоснимками, сделанными самолетом-шпионом.

Снимки и донесения легли на стол президента. Таким образом, Кеннеди оказался во всеоружии.

И хотя советский министр иностранных дел, мистер «Но» Андрей Громыко⁷, и уверяет президента, будто никаких ракет на Кубе нет, Кеннеди готовится к ответным действиям.

16 октября он создает специальный штаб при Совете национальной безопасности, где на полном серьезе обсуждается уже план нападения на остров. В свою очередь, Группа советских войск на Кубе приводится в состояние повышенной боевой готовности, а ее командующий генерал Плиев⁸ на военном совете почти дословно повторяет слова политрука Клочкова⁹: «Нам отступать некуда».

22 октября Кеннеди выступает с обращением к нации и объявляет о начале военно-морской блокады Кубы. Отныне, говорит Кеннеди, ни один советский

корабль не подойдет больше к острову на пушечный выстрел. В США начинается паника. Никогда еще мир не был так близок к ядерной войне...

И именно в этот самый переломный день советская контрразведка арестовывает Пеньковского.

Что это: совпадение или тонкий расчет? Ведь, как ни хотели бы американцы верить своему агенту, стопроцентной гарантии его искренности у них все равно не было. Такую гарантию мог дать только его арест...

Забегая вперед, скажу, что уже 28 октября Карибский кризис пошел на спад, хотя накануне советские силы ПВО и сбили американский самолет, приблизившийся к Кубе.

А еще раньше, 25 октября, аналитики ЦРУ пришли к убеждению, что строительные работы на всех 24 пусковых установках на Кубе завершены и ракеты будут готовы к бою уже через пару часов. Такие выводы они сделали, наложив материалы Пеньковского на данные аэрофотосъемки.

Здесь-то, по-моему, и зарыта собака. Получается ведь, что Пеньковский удружил не Штатам, а Москве. А значит, это с его подачи Кеннеди не решился отвечать ударом на удар, «проглотил» свой сбитый самолет и закрыл глаза на нескончаемую артиллерийскую канонаду, доносящуюся с кубинских берегов.

Услышав доклад ЦРУ, нервы у Кеннеди не выдерживают. Он посылает секретную депешу в советское посольство, где предлагает восстановить «статус кво».

Ответ из Москвы не заставил себя долго ждать. Через два часа Хрущев сообщил, что если Кеннеди прогарантирует неприкосновенность Кубы, а также отзовет свой флот, то Москва готова к переговорам.

Одним из пунктов этих переговоров стало свертывание американских ракетных баз в Турции.

Стало быть, в победе СССР по всем статьям (Кубе ничто больше не угрожает, турецкие базы выведены) – огромная заслуга шпиона Пеньковского. Недаром бывший глава английской разведки МИ-6 Дик Уайт прямо заявил однажды: «Именно благодаря полученным от Пеньковского разведданным, было принято решение, что США не следует наносить упреждающий ядерный удар по Советскому Союзу».

Однако заслуга эта может быть лишь в том случае, если уверения западных исследователей верны, а роль предателя – не преувеличена.

А вот это как раз вызывает большие сомнения. Что нового мог сообщить Пеньковский американцам, если начиная с конца 1950-х самолеты-разведчики ВВС США совершили до тридцати безнаказанных полетов над советской территорией.

Они сфотографировали большинство ракетных, ядерных и ПВОшных полигонов, стратегическую авиабазу в Энгельсе, базу атомных подлодок, причем, как признавался впоследствии зам. директора ЦРУ Ричард Биссел, снимки сделаны были настолько четко, «что можно было прочесть хвостовые номера на бомбардировщиках».

И ракеты Р-12, те самые, что отправились на Кубу, тоже преспокойно были засняты американцами. И дальность их пуска ЦРУ определило без труда, ибо запускались они в восточном направлении, которое контролировалось самолетами США.

В октябре 1992-го ЦРУ рассекретило и обнародовало материалы Карибского кризиса, в том числе меморандум, составленный на основе донесений Пеньковского. И оказалось, что до тех пор, пока самолет-разведчик не сфотографировал ракетную площадку близ города Сан-Кристобаль, ЦРУ продолжало свято верить, что Москва размещает там не ядерные ракеты, а ракеты ПВО.

Спрашивается: а в чем же сенсационность материалов Пеньковского? Либо он рассказывал уже известные американцам вещи, либо не рассказывал в принципе ничего существенного.

В любом случае серьезного ущерба государственным интересам это не нанесло.

Идем дальше. Да, Пеньковский передал на Запад пять с половиной тысяч документов, переснятых на микро пленку. Объем гигантский. Только что последовало за этим?

Ни один агент не пострадал, ни один нелегал не засыпался, никого из разведчиков не выдворили.

Когда девятью годами позже, в 1971-м, сотрудник КГБ Олег Лялин¹⁰ останется в Англии, эффект окажется совсем иным. Более ста (!) советских дипломатов и работников загранучреждений станут в Британии персонами нон грата. И при этом на лавры спасителя человечества Лялин ничуть не претендовал, а имя его известно сегодня лишь узкому числу любителей разведки.

Здесь же: замах на рубль, а удар – на копейку.

Почему? И почему, коли Пеньковский в самом деле был столь ценным агентом, изменившим ход мировой истории, КГБ так долго не трогал его, позволяя шпионить и фотографировать секретные бумаги в маршальских покоях?

Прямо как в анекдоте про Штирлица, который, идя по главной улице Берлина, не мог понять подозрительных взглядов прохожих: то ли его выдавала форма полковника НКВД, то ли стропы парашюта, болтающиеся сзади...

История разоблачения Пеньковского – это еще одна таинственная, не разгаданная до сих пор страница нашего шпионского *ребуса*.

Официальная позиция Лубянки гласит, что под колпак контрразведки шпион попал совершенно случайно. Чекистов вывела на Пеньковского его связная – жена английского резидента Аннет Чизхолм.

«30 декабря (1961 г. – *Прим. авт.*) сотрудник КГБ, осуществлявший наружное наблюдение за Чизхолм, отметил, что в 16.10 она вошла в подъезд дома по Малому Сухаревскому переулку, – пишет бывший начальник Центра общественных связей ФСБ генерал Михайлов (впрочем, аналогичное изложение можно найти и в десятках других изданий). – Спустя 20–30 секунд вышла из подъезда и направилась в сторону Цветного бульвара. С промежутком еще в 30 секунд из того же подъезда вышел мужчина, остановился, посмотрел в сторону уходящей Чизхолм, а затем вновь вошел в подъезд. В 16.35 неизвестный вышел из подъезда и, проверяясь, направился в сторону Цветного бульвара... и был потерян наружной разведкой.

19 января наружное наблюдение КГБ фиксирует: "А.Чизхолм, следуя, как обычно, в магазин на улице Арбат, дошла до Арбатского переуллка и, посмотрев на часы, в 13.00 вошла в подъезд. Вслед за ней в подъезд вошел мужчина, по приметам похожий на того, который оторвался от наружного наблюдения 30 декабря... Усиленно проверяясь около получаса на улицах города, мужчина пришел на улицу Горького, в здание ГК по КНИР (тогдашнее название Госкомитета по науке и технике. – *Прим. авт.*) "».

Проследить, куда по окончании рабочего дня отправится незнакомец – было уже делом техники.

Итак, запомним: впервые контрразведка *отфиксировала* контакт Пеньковского и Чизхолм 30 декабря 1961-го. Это очень важно, ведь даты в нашей истории имеют решающее значение.

Правда, существует и несколько иных, отличных от хрестоматийных версий.

Известный советский разведчик Виктор Черкашин (он прославился вербовкой Олдрича Эймса¹¹), начинавший свою службу в английском отделе контрразведки, утверждает, например, что таинственного незнакомца разыскали уже на другой день – непосредственно 31 декабря. Якобы сотрудник «наружки», потерявший его накануне, «был в бригаде, осуществлявшей контроль за обстановкой около одного военного НИИ... И вдруг – из здания выходит наш „герой“ в форме полковника Советской армии!.. Седьмому¹² управлению потребовалось немного времени, чтобы установить его личность. Это был Олег Пеньковский».

Абсолютно иначе излагает ход событий тогдашний председатель КГБ Владимир Семичастный¹³, уверяя, что Пеньковского *засекли* совсем в другом месте и совсем при других обстоятельствах.

В своих мемуарах Семичастный пишет, будто КГБ периодически организовывал тотальную слежку за каким-нибудь одним западным посольством, когда все дипломаты и обслуга брались под постоянное наблюдение. (Этакая ударная неделя, в духе комсомольских субботников.)

В начале 1962-го как раз проходила британская *неделя*. И вот «во время одной такой акции в ГУМе, на Красной площади, отметили контакт британского разведчика с нашим гражданином. Беглый контакт, после чего русского мы сразу потеряли. Способ его исчезновения и был сигналом к тревоге: этот человек был не новичок, знает, что следует делать».

Честно признаюсь, все эти версии вызывают у меня серьезные подозрения. И вот почему.

Супруги Чизхолм приехали в Москву задолго до вербовки Пеньковского: в мае 1960-го. Тот же, цитировавшийся уже мной, генерал Михайлов

признается, что сомнений в истинном лице Ролангера Чизхолма – второго секретаря посольства – у КГБ не было. Его кадровую принадлежность к английской разведке чекисты установили еще в середине 1950-х, когда Чизхолм работал в резидентуре МИ-6 в Западном Берлине.

Да и как было ее не установить, если бок о бок с Чизхолмом работал тогда в Берлине Джордж Блейк¹⁴ – советский агент внутри МИ-6.

Соответственно, едва только Чизхолм поселился в Москве, контрразведка не должна была спускать глаз ни с самого дипломата, ни с его жены, которая еще в Берлине усердно помогала супругу в нелегкой службе.

Обратимся теперь к сухой хронологии.

В июне 1961-го английский бизнесмен Гревилл Винн информирует Пеньковского, что его связником будет миссис Чиз-холм.

2 июля они впервые встречаются – в сквере у Большого театра. Более неудачного места трудно себе представить. У Большого театра всегда полно иностранцев, а значит, и *топтунов*.

Но Пеньковский в который раз демонстрирует поразительную беспечность. Когда в конце июля шпион прилетает в командировку в Лондон, то на вопрос *кураторов*, не рискует ли он, встречаясь с англичанкой в людном центре Москвы, отвечает с залихватской дерзостью:

«Бояться было нечего, особенно появления милиционера, потому что у меня при себе военное удостоверение, и я бы сказал милиционеру: „Отвали, дрянь“».

Глупость какая-то! Да не милиционера надо было бояться Пень-ковскому, а *наружки*. Которая, к слову, предпочитала работать как раз под милицейским прикрытием. Покажи он такому *милиционеру* свое

удостоверение – уже к вечеру был бы *обложен*, как загнанный зверь.

А может, не глупость? Может, Пеньковскому просто нечего было бояться?

Продолжаем хронологические изыскания.

В начале сентября Пеньковский снова встречается с Чизхолм: теперь уже на Цветном бульваре. 20 октября следует их очередное randevu. Всего же до конца года, как утверждают Д. Шектер и П. Дерябин, они провели 10 (!) встреч – в одних и тех же местах: на Цветном или в районе Арбата.

А куда, извините, все это время смотрел КГБ? Среди бела дня жена установленного разведчика, да не просто разведчика – резидента СИС, регулярно встречается с секретоносителем, полковником ГРУ. Однако в течение шести месяцев *наружка* ничего не замечает, хотя встреч таких состоялась уйма. Да и проходили они в местах весьма примечательных.

Прежде чем удалиться в арбатские дворики, Чизхолм, например, заходила в кулинарию ресторана «Прага», дожидалась появления Пеньковского, после чего направлялась во дворы. Самое поразительное, что продуктового изобилия в кулинарии не наблюдалось, а значит, минут 5-10 иностранка просто должна была бесцельно разглядывать какую-нибудь выставленную на прилавок заливную рыбу или любоваться муляжами из папье-маше.

Паси ее контрразведка – это неминуемо вызвало бы подозрение. А значит, вариантов может быть только два:

либо *наружка* не шпионила за ней;

либо делала это по-дилетантски халтурно.

И то, и другое – маловероятно.

Листая стенограмму судебного процесса над Пеньковским (ее опубликовали тотчас же, в 1963-м), я наткнулся на удивительное противоречие.

Из материалов судебного дела выходит, будто Пеньковский познакомился с Чизхолм 5-6 августа, находясь в Лондоне, а их первая московская встреча состоялась лишь в начале сентября.

Однако все западные исследователи, ссылаясь на документы и источники ЦРУ, приводят совсем иные даты. Они утверждают, что встреча такая прошла не в сентябре, а в июле. И не в августе Пеньковский узнал о Чизхолм, а двумя месяцами раньше, в июне.

Это двойное толкование, казалось бы, очевидных вещей наводит на некие раздумья. Налицо попытка *сжать* временные сроки контактов Пеньковского и Чизхолм, дабы снять ненужные для КГБ вопросы. То есть не полгода хлопала контрразведка ушами, а всего четыре месяца. А коли так – *установка* Пеньковского в конце декабря (а точнее, в середине января, ведь в декабре *наружка* потеряла его) не выглядит уже столь удивительно долгой.

На самом деле такая *кастрация* принципиально ничего не меняет. В конце концов, ни одной только Чизхолм передавал все это время материалы предатель.

Был еще и Гревилл Винн, были и поездки самого Пеньковского за кордон – в 1961-м он трижды выезжает с делегациями в Лондон и Париж.

(Несомненно, в составе таких делегаций находились и соглядатаи КГБ, но они почему-то ничуть не обеспокоились ежевечерними отлучками полковника ГРУ. А тем временем Пеньковский, укрывшись в гостиничных номерах, часами, под магнитофонную запись, рассказывал своим новым друзьям все, что знает и помнит.)

Были и другие связники.

Процитирую выдержку из стенограммы судебного заседания:

«Прокурор: Какие еще, кроме тайников, виды связи были предложены вам разведчиками?

Пеньковский: Мне был предложен еще один способ связи, которым можно было пользоваться по необходимости и при невозможности использовать уже прежние варианты связи. Для этого я должен был 21-го числа каждого месяца в 21 час 00 минут прибыть в район гостиницы «Балчуг» и по заранее обусловленному паролю войти в связь со связником.

Прокурор: Какой был обусловлен пароль?

Пеньковский: Я должен был прогуливаться по набережной, с папиросой во рту, а в руке держать книгу или пакет, завернутые в белую бумагу. Ко мне должен был подойти человек в расстегнутом пальто, также с папиросой во рту, который скажет: «Мистер Алекс, я от ваших двух друзей, которые шлют вам свой большой, большой привет».

Прокурор: На каком языке должен происходить разговор?

Пеньковский: На английском».

Перечитайте этот фрагмент еще раз. Такое чувство, что «друзья» Пеньковского в самом деле были с большим, большим приветом.

Я прямо-таки воочию вижу эту картину. Поздний вечер. Набережная у гостиницы «Балчуг». Поблизости – ни одного жилого дома. В гостинице – сплошь иностранцы.

И вот по этой набережной – неважно, снег, дождь или град – прогуливается полковник ГРУ с пакетом в руке, а потом к нему подходит иностранец, заговаривает по-английски и заводит в отель, кишмя кишаций соглядатаями КГБ, где даже швейцары и официанты носят под ливреями погоны с васильковыми просветами.

И ведь заводил! Как минимум одна встреча со связником состоялась у Пеньковского в указанном

месте 21 октября 1961-го. Но согляда~~та~~и опять ничего не увидели... Поразительная слепота!

Идем дальше. Если верить официальной позиции Лубянки, 30 декабря 1961-го *наружка* Пеньковского потеряла.

«В тот же день, – сказано в сборнике „Лубянка, 2“, написанном авторским коллективом ФСБ и предваряемом вступлением генерала Патрушева, – по описанию сотрудника был составлен словесный портрет неизвестного и передан в бригады наружного наблюдения».

19 января Пеньковского снова замечают и опознают по приметам. Но *закавыка* в том, что между 30 декабря и 19 января, у Чиз-холм и Пеньковского состоялось еще две встречи (5 и 12 января). И обе – там же: в арбатских переулках.

Но вновь *наружка* не замечает их, хотя должна была, просто обязана – после того как растворился в воздухе таинственный незнакомец, умеющий *проверяться* и *отрываться* от слежки (помните слова шефа КГБ Семичастного: «способ его исчезновения и был сигналом к тревоге»?) – круглосуточно не спускать с Чиз-холм глаз.

А ведь никаких сверхъестественных номеров ни Чизхолм, ни Пеньковский не откалывали. Даже сверх того – действовали нарочито топорно, продолжая заглядывать в пустынную кулинарию, да еще – в антикварный магазин на Арбате, место паломничества интуристов.

Впрочем, оставим эти сомнения, списав *заторможенность* КГБ на постновогодний синдром. Однако и дальше *заторможенности* этой меньше не становится.

Пеньковского арестовали 22 октября 1962-го. А под колпак попал он 19 января, сразу после встречи с

Чизхолм. (Или, если верить Виктору Черкашину, и вовсе 31 декабря.)

Иными словами, предатель безнаказанно шпионил долгих девять, а то и десять месяцев, и никто остановить его не пытался, хотя именно в этот период, следуя хрестоматийной версии, и передавал он на Запад данные о ракетной программе и предотвращал Третью мировую войну.

Может, у КГБ имелись какие-то сомнения? Например, они до последнего не верили в грехопадение советского офицера и коммуниста?

Да нет же. Едва только зафиксирован был его контакт с Чиз-холм, дома у Пеньковского установили спецтехнику, обложили со всех сторон, отслеживали каждый его шаг. (По крайней мере, так гласит версия КГБ.)

Вскоре радиоконтрразведка пеленгует работу в квартире Пень-ковского транзисторного преамплика, передающего сигналы азбуки Морзе. Анализ записанных сигналов показывает их принадлежность к франкфуртскому радиоцентру ЦРУ.

В свою очередь спецтехника фиксирует, как Пеньковский перефотографирует шпионской камерой «Минокс» секретные сборники, взятые им в библиотеке ГРУ.

Одного этого вполне достаточно, чтобы сразу защелкнуть на его руках наручники. Именно так поступили, например, с коллегой Пеньковского во всех отношениях – бывшим подполковником ГРУ Петром Поповым.

ЦРУ завербовало Попова в 1954-м, когда тот работал в венской резидентуре ГРУ. В 1957-м его вернули в Москву, за связь с иностранкой уволили из разведки и отправили служить в Калинин. А в 1959-м уличили в предательстве.

Все происходило в точности, как и в деле Пеньковского. На-ружка *работала* за атташе американского посольства Расселом Лэнжелли. Тот как бы случайно столкнулся с Поповым на улице и мгновенно, в одно касание, обменялся с ним каким-то предметом.

Было это 21 января 1959-го. А уже 18 февраля – меньше чем через месяц – Попова арестовали, *выпотрошили*, под контролем *вывели* на встречу с Лэнжелли, где и схватили американца с поличным.

При этом – повторяюсь – к моменту своего разоблачения Попов из ГРУ был уже уволен и к секретам доступа не имел. Не в пример Пеньковскому, который не только продолжал служить в разведке, но и регулярно навещался в гости к главкому ракетных войск. И все это – на фоне сверхсекретной операции «Анадырь», ради успеха которой Хрущев решился даже на пошлый обман американского президента.

А тут еще в Москву снова приезжает Гревилл Винн, и Пеньковский ни на миг от него не отходит, водит под ручку по театрам и ресторанам и часами засиживается в его гостиничном номере, где по обыкновению включает на полную мощность радио или воду.

Цитировавшийся уже Филипп Найтли приводит интересные подробности из жизни Винна – давнего *привлеченца* разведки.

«Некоторые из сотрудников (английского посольства. – *Прим. авт.*), не знаящие о принадлежности Винна к СИС, не могли понять, почему русские воспринимают его столь серьезно, – пишет Найтли. – Один сотрудник, не вытерпев, обратил на это внимание одного из руководящих работников Управления внешних сношений (ГК по науке и технике. – *Прим. авт.*). Однако последствия оказались просто удивительными. Вместо того чтобы ослабить свой

интерес к Винну, русские принялись ухаживать за ним с еще большим энтузиазмом».

Впору поверить в какую-то чертовщину. И Винн, и Пень-ковский были точно заговоренные. Кажется, если бы даже они уселись прямо у 4-го подъезда лубянского комплекса – там, где располагается контрразведка, – и принялись на глазах у всех обмениваться секретными бумагами, им и тогда ничто бы не угрожало.

Бывший зам. резидента внешней разведки КГБ в Вене Иван Дедюля уже в наши дни поведал журналистам, как получил от своего доверенного лица информацию о странном поведении Гре-вилла Винна. Источник сообщил Дедюле, что коммерсант Винн используется англичанами для шпионских поездок в СССР и главная его задача – встречаться с высокопоставленным агентом, советским полковником, чья фамилия оканчивается на «ский»: Петровский или что-то в этом роде. Полковник «ский» тоже регулярно ездит за рубеж и снабжает Винна ценнейшей информацией.

Резидентура не мешкая послала телеграмму в Москву – сразу на имя начальника внешней разведки генерала Сахаровского¹⁵. Правда, точную дату событий полковник Дедюля уточнить отказался, но, учитывая, что его венская командировка закончилась в 1961-м, ясно, что случилось описанное задолго до провала Пень-ковского.

Нечто подобное рассказал и бывший сотрудник ГРУ Вадим Ильин, работавший в указанное время в Париже. Его агент, передававший важную и всегда подтверждавшуюся информацию из недр НАТО, тоже предупредил, что в СССР действует особо ценный *крот*, и даже отдал некоторые материалы, полученные от него из Москвы.

А в ноябре 1961-го агент и вовсе назвал фамилию предателя – с небольшим искажением: Пеньковский.

Обо всем этом Ильин докладывал резиденту ГРУ в Париже, но тот запретил сообщать о *кроте* в Центр. После же ареста и суда над Пеньковским, когда Ильин попытался докопаться до истины, ему заявили, будто агент его был *подставой*, и настоятельно посоветовали об истории этой забыть. Особо свирепствовал зам. начальника ГРУ генерал-полковник Мамсуров¹⁶. В итоге Ильина из разведки уволили.

Еще раз напоминаю: впервые Пеньковский *засветился* в январе 1962-го. А *сигналы*-то поступали, оказывается, еще годом раньше и как минимум из двух источников сразу. Только что пальцем на Пеньковского не показывали. Но Лубянка и ухом не повела.

В чем же причина такой слепо-глухо-немоты контрразведки? Ведь даже окончательно уверившись в предательстве Пеньков-ского, КГБ не спешил арестовать его, позволяя передавать американцам и англичанам секретные (если, конечно, секретные) сведения.

Вновь обратимся к хронологии. В течение 1962 года, уже после провала, Пеньковский провел как минимум шесть встреч с иностранными разведчиками, не считая общения с Гревиллом Винном. (Связник прилетал в июле на пять дней, и с Пеньковским практически не разлучался.) Он бывал в гостиничных номерах иностранцев, посетил американское и английское посольства, и даже разок наведлся в квартиру дипломата. Кроме того, предатель активно пользовался тайниками.

За этот период Пеньковский передал англичанам и американцам не менее трех десятков микропленок с секретной документацией.

В печати можно встретить предположения, будто Пеньковско-го не спешили арестовывать, дабы выявить его связи. Предположение – довольно абсурдное.

При любой контршпионской разработке лишь на одну чашу весов кладется оперативный интерес: желание выманить противника и нанести ему удар поэффектнее. Зато на другую – неизменно ложится ущерб, который агент способен нанести, оставаясь на воле.

В нашем случае – чаша явно должна была склониться не в пользу оперативных замыслов. Слишком велика была ставка в этой игре.

Бытует и другая версия. В КГБ, мол, допускали, что Пеньков-ский сотрудничает с англичанами по заданию своего ведомства, вот и не хотели раньше времени влезать в чужой монастырь.

Ерунда на постном масле. Военная разведка не вправе была работать на советской территории. Это являлось абсолютной прерогативой КГБ.

У версии такой есть и иная модификация. Дескать, между КГБ и ГРУ существовали давние противоречия, усугубленные переходом в военную разведку Ивана Серова – бывшего шефа Лубянки. Серов и новая комсомольская команда, пришедшая в КГБ – Шелепин¹⁷, Семичастный – друг друга не любили. А потому у чекистов не было возможности работать в полную голову, ибо информировать ГРУ о разработке Пеньковского они не хотели.

Косвенно подтверждает такое предположение и сам Семичастный, возглавивший КГБ в ноябре 1961-го:

«Мы какое-то время ничего не сообщали в ГРУ... Не исключалось и то, что ГРУ, ради сохранения „чести мундира“, захочет побыстрее закрыть дело, и след, который мы взяли, может исчезнуть».

Однако генерал Серов утверждение Семичастного – да и не только его одного – наотрез опровергает.

Пришло время наконец обратиться к никогда не публиковавшимся прежде бумагам начальника ГРУ, в которых подробно описывается дело Пеньковского – причем описывается совершенно неожиданно и, не побоюсь этого слова, сенсационно.

В личном архиве Серова сохранилось три его письма в Комиссию партийного контроля ЦК КПСС, посвященных истории Пеньковского. Все они так или иначе дополняют друг друга, поэтому я буду цитировать их по очереди, пронумеровав в хронологическом порядке.

Из письма И. Серова № 3:

«В апреле 1962 года на заседании Гл. военного Совета меня ознакомил со справкой по Пеньковскому нач. Управ. Особ. отд. Гуськов¹⁸ (3-е управление КГБ: военная контрразведка. – *Прим. авт.*), и мы с ним условились, что я буду помогать в разработке».

Из письма И. Серова № 2:

«Когда мне стало известно о предательстве Пеньковского в апреле 62-го года, я дал указание т. Смоликову (начальник Управления кадров ГРУ. – *Прим. авт.*) о том, чтобы он вызвал Пеньковского и объявил, что перспективы использования его в ГРУ не имеется, поэтому уволить его из ГРУ. В мае месяце т. Смоликов вызвал его и предложил перейти на преподавательскую работу на кафедру иностр. языков, от чего Пеньковский отказался. Об этом стало известно работникам КГБ, которые пришли ко мне и стали просить не переводить предателя из ГРУ, с тем чтобы не сорвать разработку, при этом сослались на записку КГБ в ЦК по этому вопросу».

Из письма И. Серова № 3:

«Затем последовал звонок от Грибанова¹⁹ с просьбой не переводить Пеньковского из ГРУ, с тем чтобы он не догадался о наблюдении за ним...

...Я был вынужден согласиться. В конце я спросил Грибанова: «Что он, ваш агент?». Тот замялся и сказал: «Нет, сейчас, кажется, не является»».

Замешательство генерала Грибанова – мастера комбинаций и оперативных игр (это не кто иной, как Грибанов, разработал, например, знаменитую операцию по вербовке французского посла, которому подставили агента-гомосексуалиста, а потом начали вербовать на компромате) выглядит довольно странно.

Что значит: «сейчас, кажется, не является»? А раньше, выходит, являлся?

Мне могут возразить: но ведь агентура – это святая святых любой спецслужбы, с чего вдруг начальнику контрразведки *мяться* перед шефом другого ведомства? Оставил бы вопрос без ответа, да и дело с концом.

В теории – так оно и должно быть. Но не забывайте, что Серов всю жизнь прослужил на Лубянке, заместителем наркома стал еще перед войной, был первым председателем КГБ. Даже после перехода его в ГРУ, бывшие подчиненные – и Грибанов в том числе – продолжали сохранять перед ним пиетет, трепетать по инерции. Тем более что был Серов весьма близок к Хрущеву.

Если Пеньковский в самом деле являлся агентом Лубянки – это все расставляет по своим местам. И бесшабашную его лихость, и настырность в вербовке, и грубые методы работы, и волшебную неприкасаемость. Впрочем, не будем забегать вперед. Лучше продолжим разбирать записки Серова.

Итак, КГБ настоял, чтобы Пеньковский остался в ГРУ, дабы «он не догадался о наблюдении за ним».

Аргумент – так себе.

Ведь он давно уже обо всем догадался. Приезжавший летом в Москву Гревилл Винн видел хвост своими глазами. Люди в штатском неотрывно следовали за Пеньковским. Правда, шпион успокоил его, заявив, что за собой слежки не чувствует, это, дескать, по твою душу. Но Винну пришлось прервать визит и улететь домой раньше срока, о чем он подобно доложил МИ-6 и ЦРУ.

Западные хозяева (или арендаторы?) Пеньковского встревожились. Они начинают готовить операцию по спасению агента. Самым оптимальным вариантом был бы его вывод на Запад.

В 1962 году Пеньковский четырежды запрашивает разрешение на выезд в заграникомандировки: в Швейцарию, США, Бразилию и на Кипр.

В письме, отправленном на Запад, он уверяет: «Серов лично предложил мне возглавлять делегацию в Сиэтл».

Но это – очередная ложь. Вот что пишет сам Серов. Из письма № 3:

«В конце апреля 1962 года по представлению Рогова²⁰ комиссия по выездам ЦК приняла решение о командировке Пеньков-ского в США. Когда я узнал об этом, то позвонил т. Долуда (предс. комиссии) и просил отменить это решение. Через несколько дней б. нач. 2 управ. КГБ Грибанов позвонил мне и просил согласиться на посылку в США Пеньковского. При этом он сказал, что они «имеют возможность наблюдать за ним там». Я не согласился. Нет сомнения, что он остался бы в США».

Экий неожиданный лихой поворот! Разработка в самом разгаре, уже и тени сомнений больше нет в предательстве Пеньковско-го, а КГБ готово выпустить его за кордон, ибо «имеет возможность наблюдать за ним там».

Ни Грибанов, никто другой из руководителей КГБ на самоубийц явно не смахивают. То есть, отправляя Пеньковского за рубеж, они *заранее знают*, убеждены на все сто процентов, что никуда он не денется, вернется как миленький домой. Потому что в противном случае никому из генералов не сносить головы: бегство установленного шпиона – это не просто головотяпство, тут уже *вредительством* пахнет.

(К слову, в 1967-м председателя КГБ Семичастного снимут как раз за нечто подобное. Бывшая советская принцесса Светлана Аллилуева²¹ отправится в Индию и сбежит оттуда на Запад. Правда, Лубянка выпускать ее не хотела, настоял ЦК. Однако повода этого оказалось вполне достаточно, чтобы отправить Семичастного в почетную ссылку.)

А тем временем ЦРУ и МИ-6 продолжают разрабатывать план побега Пеньковского. Ему присылают комплект фальшивых документов, причем контрразведка фиксирует шпиона за разглядыванием *левого* паспорта у себя дома.

Когда становится ясно, что за границу Пеньковского не пустят, возникают новые идеи: Винн доставит в Москву якобы на выставку автофургон с закамуфлированным внутри тайником, куда, как в норку, и юркнет Пеньковский, а потом его тайно, багажом, вывезут из Союза. Или же – Пеньковского укроют на иностранном корабле в дальневосточном порту. А то и вовсе – пришлют за ним подводную лодку.

Но этого не случится. 22 октября, в день апогея Карибского кризиса, Пеньковского арестуют. До последней минуты он будет числиться офицером ГРУ...

А через две недели, 2 ноября, КГБ схватит архивиста американского посольства Роберта Джэкоба в тот момент, когда в подъезде жилого дома он будет опустошать шпионский тайник, заложенный якобы

Пеньковским. В тот же день венгерская госбезопасность арестует и Гревилла Винна, на свою беду приехавшего в Будапешт.

Два этих ареста окончательно убедят Запад в чистоте помыслов Пеньковского, а значит, и в правдивости его информации.

А еще через 3 месяца своей должности лишится и начальник ГРУ Иван Серов...

О роли Серова в деле Пеньковского написаны целые тома. Однако правды – там не много: примерно столько же, сколько мяса в советской ливерной колбасе.

Он ли украл, у него ли украли: но шуба была...

Сразу договоримся: я ничуть не пытаюсь обелить Серова, фигуру крайне неоднозначную. Подобно всем руководителям НКВД, Серов внес посильный вклад и в массовые репрессии, и в порабощение народов Европы, и в кучу других мерзостей. Он отвечал за выселение ингушей и калмыков. Подавлял венгерское восстание 1956-го.

Однако я против того, чтобы приписывать людям – как бы к ним ни относиться – чужие грехи, благо у Серова и своих хватает с избытком...

Стараниями партийных доброхотов и историков в штатском Серова сделали чуть ли не главным пособником Пеньковского. Он-де и в ГРУ его восстановил. И к себе приблизил. В гости приглашал. Жену и дочь шпионским заботам препоручал.

Дальше всех в таких *изысканиях* пошли американский профессор Кристофер Эндрю, написавший с помощью другого перебежчика из КГБ Олега Гордиевского²² масштабный *фолиант* «КГБ: история внешнеполитических операций».

Из *фолианта* вообще следует, что Серов был «собутельником Пеньковского». Якобы, когда, игнорируя установки КГБ, Пень-ковский отправился на

прием в британское посольство, не поставив в известность контрразведку, Серов скандал замял, но КГБ заподозрил неладное, установил за подозрительным полковником слежку, и разоблачил предателя. Узнав об аресте *собутельника* Серов «после тяжелого запоя застрелился в одном из арбатских дворики».

Не хочу даже комментировать этот бред. Достаточно сказать, что генерал Серов дожил до 85 лет и умер от старости в 1990-м, а алкоголь в рот не брал принципиально, даже вина.

Тем не менее 2 февраля 1963-го – еще до начала суда над Пеньковским – Серов был снят с должности начальника ГРУ. А 12 марта его понизили до генерал-майора – сразу на три звезды – и лишили звания Героя Союза, которое получил он в 1945-м за Берлинскую операцию. После чего опальный генерал был сослан на унизительно низкую должность в Среднюю Азию.

В 1965-м его уволили по болезни и исключили из партии. Все последующие попытки Серова добиться реабилитации закончились ничем, хотя в защиту его выступал даже маршал Жуков.

Чем же провинился начальник ГРУ и первый председатель КГБ?

Претензия первая: восстановил предателя Пеньковского в ГРУ

Однако сам Серов категорически настаивает, что этого не было.

Из письма И. Серова № 3:

«Известно, что Пеньковского не раз просил перевести из Ракетных войск в ГРУ главный маршал артиллерии Варенцов, который с ним дружил и поддерживал десятки лет. Он обратился ко мне по телефону, я отказал Варенцову, и на справке, предоставленной мне Смоликовым (начальником управления кадров ГРУ. – Авт.), написал: "не изменив

аттестации, данной военным атташе Рубенко (начальником Пеньковского по Турции. – *Прим. авт.*), невозможно использовать в разведке".

Я могу согласиться, что указание не совсем четкое. Но нельзя же давать ей произвольное толкование. Я имел в виду, что Управление кадров уточнит у Рубенко все отмеченные в аттестате отрицательные вопросы, и доложит мне. Одно ясно, что я написал «невозможно использовать в разведке», и нельзя это толковать как «допустил проникновение в разведку Пеньковского».

Более того, ко мне больше по этому вопросу не обращались. Зам. нач. ГРУ Рогов подписал приказ о переводе Пеньковского в ГРУ, а затем тот же Рогов переделал аттестацию на Пеньковского. Он сам на заседании КПК сказал об этом, добавив, что на него было наложено взыскание, объявлен выговор, который уже снят».

Чтобы окончательно понять щекотливость ситуации, следует добавить, что между Серовым и его заместителем Роговым сложились весьма натянутые отношения. Рогов был ставленником министра обороны маршала Малиновского²³, с которым вместе они воевали, и маршал рассчитывал усадить его в кресло начальника ГРУ. Назначение Серова спутало им все карты.

В письме № 1 Серов говорит об этом прямо:

«...т. Рогов пользовался особым покровительством министра т. Малиновского... Поэтому он зачастую помимо меня бывал у министра и получал „личные“ указания, о которых я узнавал от него позже или совсем не знал...Он часто подписывал приказы по ГРУ, не спрашиваясь меня, на что я делал ему не раз указания...»

Так вот. Приказ о восстановлении Пеньковского генерал Рогов подписал, когда Серов находился в

отпуске. Комиссия партийного контроля установила это официально.

Могло ли повлиять на Серова ходатайство маршала Варенцова, который действительно просил за своего бывшего порученца? Вряд ли.

«Я не из таких робких, чтобы звонок Варенцова привел меня в трепетное состояние, – отвечает на это Серов (письмо № 2), – во-первых, потому что мы были в равном звании, а по должности я старше его. Во-вторых, за четыре года работы ко мне обращались не раз более ответственные товарищи, а мои начальники требовали, чтобы я соглашался, однако я не смущался и оставался при своем мнении».

Это очень похоже на правду. Не Серову следовало добиваться благосклонности Варенцова, а совсем наоборот.

Претензия вторая: начальник ГРУ покровительствовал Пеньковскому

Из письма И. Серова № 1:

«О том, что Пеньковский принят и работает в ГРУ, я узнал через несколько месяцев, когда увидел его фамилию в числе офицеров, выделенных для обслуживания выставки в Москве. Я спросил у нач-ка отдела т. Рогова, откуда взялся Пеньковский, на это мне т. Рогов ответил, что кадры разбирались с ним и т. Рогов (зам. нач. ГРУ) подписал приказ о назначении».

И вновь это очень правдоподобно. Серов был человеком тяжелым, замкнутым, нелюдимым. Служба в НКВД брала свое. Он не приближал никого из подчиненных и сослуживцев, а вне работы отношения поддерживал с единицами: например, с тем же маршалом Жуковым.

Да и что могло быть у него общего с Пеньковским: у генерала армии с полковником? Однако на сей счет существует -

Претензия третья: Пеньковский был близок с семьей Серова

Это, пожалуй, самое скандальное и интригующее обвинение. Поводом к нему послужил факт непреложный: в июле 1961-го жена и дочь Серова одновременно с Пеньковским оказались в Лондоне.

О совместном вояже Серовых и Пеньковского написано и *наверчено* немало. Вплоть до того, что дочка Серова Светлана стала любовницей шпиона. И ладно бы писали об этом какие-то *щелкоперы* из второсортных колхозных *таблоидов*: нет же, вполне уважаемые, авторитетные люди.

«Его (Пеньковского. – *Прим. авт.*) работа на выставке была не слишком обременительной, практически единственной его заботой была опека мадам Серовой» (Г. Винн, «Человек из Москвы»).

«Пеньковский старался всячески сблизиться с Серовым. Он „случайно“ встречался с Серовым за границей, когда тот с женой и дочкой бывал в Англии и Франции, и на деньги английских спецслужб устраивал им „красивую жизнь“, преподносил дорогие подарки» (В. Семичастный, «Беспокойное сердце»).

«Пеньковский из кожи лез, чтобы угодить мадам Серовой и ее дочери. Он их встречал, водил по магазинам, расходовал на них часть своих денег» (А. Михайлов, «Обвиняются в шпионаже»).

«За день до отъезда Серов вызвал Пеньковского к себе в кабинет и сообщил, что его жена и дочь едут в туристическую поездку в Лондон. Пеньковский должен был сопровождать их, ходить с ними по магазинам – в общем, следить за тем, чтобы в Лондоне им было хорошо... Как Пеньковский сообщил потом, Светлана флиртовала с ним. Когда они ехали в такси к ним в отель, она прижималась к нему, и делала это весьма умело...» (Д. Шектер, П. Дерябин. «Шпион, который спас мир»).

«Сотрудник ЦРУ Г. Хазлвуд писал в своем отчете: "Пеньков-ский начал заигрывать со Светланой, и мне при встрече пришлось умолять его почти на коленях: „Эта девушка не для тебя. Не осложняй нам жизнь“» (Н. Андреева, «Трагические судьбы»).

Флирт дочери начальника ГРУ и шпиона – сюжет, достойный Голливуда. Куда там роману уголовного и следовательницы, организовавшей ему побег.

Но не будем увлекаться фривольными мотивами. Ведь подоплека истории этой намного интереснее, чем любая эротика.

Вновь обратимся к запискам Ивана Серова. Из письма № 1:

«Впервые я предателя Пеньковского увидел на Шереметьевском аэродроме летом 61-го года. Простившись с женой и дочерью, улетающими с туристской группой в Лондон, я встал у окна около пропускного пункта.

Ко мне подошел незнакомец и, поздоровавшись, сказал, что он тоже летит в Лондон. Я подумал, что это сотрудник КГБ, знающий меня. Никаких поручений я ему не давал, как он показал, потому что:

во-первых, я не знал, кто он такой, во-вторых, в этом не было надобности, т. к. накануне я попросил нач. Упр. т. Соколова предупредить военного атташе т. Ефимова²⁴, что если жена обратится к нему за помощью, то оказать ей содействие».

Еще раз вспомним: согласно многочисленным версиям, Серов якобы попросил Пеньковского приглядывать за семьей в Лондоне. Дж. Шектер пишет даже, что «в Шереметьеве, перед отъездом, Пеньковский обсудил с Серовым свою командировку... Серов познакомил Пеньковского со своей женой и дочерью и попросил его быть к ним повнимательнее».

Дочь Серова Светлана опровергает это, как пишут в следственных бумагах, *категорически*. Более того, рассказ ее вкупе с записками начальника ГРУ заставляет взглянуть на всю историю с лондонской поездкой совершенно иначе, переворачивает на 180 градусов.

В беседе со мной Светлана Ивановна – та самая, что флиртowała якобы с Пеньковским, «умело прижимаясь к нему», – впервые воспроизводит события сорокалетней давности.

– В июле 1961-го мы с матерью поехали с туристской группой в Лондон. Отец проводил до Шереметьева, поцеловал и сразу же уехал: он торопился на службу. Встали в очередь. Вдруг к нам подходит человек в форме. «Извините, произошла накладка. На ваш рейс продали 2 лишних билета. Не могли бы вы подождать буквально пару часов. Скоро в Лондон пойдет другой борт».

– Вы были в тургруппе самыми безответными? Почему посадить решили именно вас?

– Это и удивляет. Все-таки – жена и дочь начальника ГРУ, генерала армии, члена ЦК. Вряд ли остальные члены группы превосходили нас по социальному положению...

Но мы не возмущались. Подошли к «гэбисту», который сопровождал нашу группу, все рассказали. Он пожал плечами: ладно, встретимся на месте. И через несколько часов действительно объявили другой самолет: спецрейс с балетной труппой, летящей на гастроли.

– Кировского театра оперы и балета.

– Наверное... Рядом с нами в салоне сидел какой-то мужчина. Он сразу же попытался завязать разговор. «Вы знаете, я у вашего – то ли мужа, то ли папы, уже не помню – в общем, у Ивана Александровича работаю. Давайте покажу вам Лондон». Мама, как настоящая

жена чекиста, мгновенно окаменела. «Спасибо, ничего не надо».

– Это и был Пеньковский?

– Да... Несколько часов мы обменивались междометиями. Наконец прилетели в Хитроу.

– Утверждается, будто посольская машина вас не встретила, и тогда Пеньковский любезно отвез вас в отель?

– Все не так. Нас поначалу и вправду никто не встретил. Пеньковский предлагал свои услуги, но мы отказались. В итоге он уехал, а мы остались сидеть на чемоданах. Через час машина из посольства все-таки пришла.

– Что было дальше?

– Буквально на другой день Пеньковский появляется в гостинице. Стучится в номер. Было это после обеда, мы как раз вернулись с экскурсии. «Как устроились? Как Лондон?» Обычный визит вежливости.

Назавтра, под вечер, приходит опять. «Пойдемте прогуляемся, попьем кофейку». Делать было все равно нечего. На всякий случай зашли к «гэбисту», показали его визитную карточку. «Не возражаю», – ответил он.

Гуляли мы недолго: примерно час. Посидели в уличном кафе. Он тянул дальше, но меня – хотите верьте, хотите нет – не покидало какое-то неприятное, гнетущее чувство. Словно что-то подсказывало изнутри. Я уперлась: хочу назад. Пеньковский принялся уговаривать, но безуспешно: назад, и все. И такое разочарование появилось у него на лице – я тогда еще удивилась... Словно ребенок, у которого отбирают любимую игрушку...

– А как же презенты, духи, сувениры?

– Ничего этого не было. В таких вопросах мама была очень щепетильна. У нее до последнего дня хранились даже чеки на все покупки...

...Ненадолго прерву рассказ Светланы Серовой, дабы привести еще несколько цитат из *писаний* лубянских генералов.

«Позже, уже в Париже, куда семья Серова тоже приехала, он весьма потрафил младшей Серовой, организовав ей экскурсию на плац Пигаль. Благодарная семья по возвращении в Москву устроила ужин в честь своего услужливого гида, на котором присутствовал и сам Серов. „Олег удивительно чуткий и милый“, – не скупилась на комплименты мадам Серова» (А. Михайлов, «Обвиняются в шпионаже»).

«Пеньковский был даже приглашен в Москве на семейный обед к Серовым» (В. Семичастный, «Беспокойное сердце»).

– Светлана Ивановна, что за ужин или обед устроили вы в честь Пеньковского?

– Ну, во-первых, мы с матерью в Париже никогда не были, и на плац Пигаль, соответственно, не ходили. Что же касается появления Пеньковского у нас дома, дело обстояло так.

Через несколько месяцев после лондонской поездки, он позвонил нам домой: я вот вернулся из Парижа, привез кое-какие сувениры, хотел занести. Маме – отказывать вроде неудобно: все-таки человек был к нам любезен. «Ладно, заходите». Тем не менее она позвонила отцу, моему брату Володе – он тоже служил в ГРУ – предупредила о визите.

Пеньковский принес сувениры – типичную мелочовку: Эйфелева башня, какой-то брелок. Сели в гостиной пить чай. Разговоры – ни о чем. Вскоре со службы вернулся отец. Мне показалось, он узнал Пеньковского и отреагировал очень напряженно. Холодно поздоровался и сразу же закрылся в кабинете. Пеньковский это почувствовал, мигом распрощался и исчез. Кстати, Володе – брату – он крайне не понравился. «По лицу видно – подонок какой-то».

– Больше вы его не видели?

– Никогда. Я вновь увидела его только на фотографиях в газетах: когда начался суд...

Странная, право, история. Прямо детектив. Почему именно Серовых – не последних явно людей – следовало пересаживать на другой рейс? Неужто во всей тургруппе не нашлось кого-то попроще?

И случайно ли устроили рядом с ними Пеньковского? Который с той же навязчивостью, с какой *вербовался* он в шпионы, принялся обхаживать семью начальника?

Генерал Серов был уверен: не случайно. В письме № 3 он пишет прямо:

«Знакомство с женой и дочерью, которое произошло на аэродроме после того, как работники КГБ пересадили их из туристского самолета в другой, где был Пеньковский...»

Так, значит, это КГБ пересадил Серовых с рейса на рейс, насильно впихнув их в объятия Пеньковского!

Знакомый почерк. Через 20 лет по аналогичному сценарию чекисты *реализуют* операцию против первого секретаря ленинградского горкома Романова – одного из потенциальных претендентов на престол. Сначала Романова²⁵ уговорят устроить свадьбу дочери прямо в Эрмитаже. А потом, в разгар торжеств, пара специально обученных гостей начнет в хмельном пылу крушить об пол драгоценную антикварную посуду. Уже на другой день по всей стране пойдут слухи о романовской вакханалии...

Еще один занятный коленкор: о том, что семья Серова поедет в Лондон, английская и американская разведка знали заранее. Связник Пеньковского Гревилл Винн в своей книге пишет четко: «мы узнали, что в июле „Алекс“ (псевдоним Пеньковского. – *Прим. авт.*) должен снова приехать в Лондон на советскую промышленную

выставку, где он будет, в частности, гидом мадам Серовой».

Узнать об этом ЦРУ и СИС могли лишь из одного источника: от самого Пеньковского, которому, ясно, было выгодно набивать себе цену, рассказывая о своей исключительной близости к начальнику ГРУ.

Но если Серовых подсадили к нему в самолете, сняв с их законного рейса, как мог *предвидеть* он это заранее?

Ответ напрашивается сам собой: Пеньковский знал о плане предстоящей операции. От кого? Очевидно, от тех, кто, собственно, и должен был подвести его к Серовым. Сиречь от чекистов.

Вот вам еще одно доказательство связи Пеньковского с КГБ. Потому что именно КГБ – а никто другой потянуть это был не в состоянии – и готовил комбинацию по дискредитации начальника ГРУ.

Сами грязью облили, сами и под монастырь подвели.

В своих мемуарах тогдашний шеф Лубянки Владимир Семи-частный недвусмысленно подтверждает, что именно с его подачи (а значит, и с подачи Шелепина: они друг без друга никуда, как Шерочка с Машерочкой. Один в ЦК ВЛКСМ – и второй за ним. Шелепин на Лубянку, и Семичастный – туда же.) Серов лишился должности.

Готовя для ЦК отчет о расследовании дела Пеньковского, Се-мичастный «добавил и напоминание о доле его вины за выселение мирных народов – калмыков, ингушей, поволжских немцев и других – и внес предложение его наказать. В результате Серов был отозван с поста руководителя ГРУ...»

Пеньковского, как мы помним, арестовали в октябре 1962-го. Суд над ним начался в мае 1963-го. А Серова убрали уже в феврале, даже не дожидаясь формального признания вины Пеньков-ского, и сослали как можно дальше от Москвы – помощником

командующего Туркестанским военным округом по учебным заведениям (!). Еще через месяц, 12 марта, Серова из генералов армии понизили до генерал-майора, отобрали звезду Героя.

За что? За то, что восстановил Пеньковского в ГРУ? Но это, как уже говорилось, делалось без него.

За то, что попался в силки, расставленные КГБ?

Ладно бы предательство Пеньковского нанесло непоправимый урон работе ГРУ. Нет же. Ни один агент не пострадал, ни один разведчик не был задержан или выслан.

«Начиная с конца апреля 62-го года, – это из письма Серова № 1, – я... принимал необходимые меры по предотвращению провалов в разведке (отзывы офицеров, которых мог выдать предатель, переброска агентов и др.)...

После ареста предателя... мы разработали телеграмму за границу с указанием, что надо сделать резидентам и ВАТ (военным атташе. – *Прим. авт.*)... С октября 62-го года по январь 63-го года, пока я был в ГРУ, были получены ответы от резидентов и ВАТ, из которых было видно, что провалов или арестов наших людей не было».

А ведь в то же самое время в Первом главке КГБ – разведка – следовал провал за провалом. 1961 год вообще являл собой одну нескончаемую черную полосу.

Сначала *ушел* боевик-нелегал Богдан Сташинский²⁶, незадолго до того ликвидировавший лидера ОУН Бандеру, за что получил из рук Шелепина орден Красного Знамени. Сташинского послали в Берлин с новым заданием – уничтожить лидера НТС Око-ловича²⁷ – но он бежал к американцам, во всем сознался и по амнистии был освобожден.

Затем политического убежища у американцев попросил сотрудник хельсинской резидентуры КГБ

Анатолий Голицын²⁸, был вывезен в Штаты, и сдал все, что только можно.

А параллельно английская контрразведка разгромила нелегальную резидентуру Лубянки во главе с полковником Кононом Мо-лодым²⁹ (он же Гордон Лонгсдейл), арестовала его помощников Мориса и Леонтину Коэн (Крогер)³⁰, *взяла* уйму ценных агентов.

И вдобавок в тюрьме оказался высокопоставленный сотрудник британской разведки Джордж Блейк, давно сотрудничавший с КГБ.

Последствия этих провалов ни в какое сравнение с делом Пень-ковского не идут. Однако же «за эти провалы у т. Сахаровского и его нач-ников волоса с головы не упало» (из письма Серова № 2). Более того, упомянутый начальник внешней разведки КГБ Александр Сахаровский проработал на своем посту аж до 1971 года.

Есть в юриспруденции такой термин: соразмерность наказания. Так вот, тяжесть вины Серова ничуть не соразмерна его наказанию.

Скажу больше: Серова вообще не за что было наказывать. Просто его *надо было* наказать, ибо в спектакле, поставленном лубянскими режиссерами, ему изначально предназначалась роль антигероя...

Олега Пеньковского арестовали 22 октября 1962-го по дороге на службу. Следствие длилось недолго. Показательный процесс стартовал уже в мае. Вместе с ним на скамье подсудимых восседал его связник, англичанин Гревилл Винн, схваченный в Венгрии.

Суд над Пеньковским, как и все это дело, освещался масштабно. На процесс, как и в славном 1937-м, выдавали специальные пропуска. Журналистов было *немерено*.

Но почему-то длились слушания недолго. Несмотря на, казалось бы, гигантский объем содеянного

(вспомним: только документов он передал пять с половиной тысяч!), хватило всего 8 дней, чтобы приговорить изменника к высшей мере.

«С большим одобрением встретил весь советский народ справедливый приговор по уголовному делу изменника Родины агента английской и американской разведок Пеньковского и шпиона-связника Винна, – писала в те дни газета „Правда“, – советские люди выражают чувство глубокого удовлетворения тем, что славные советские чекисты решительно пресекли подлую деятельность английской и американской разведок».

Вопрос: зачем следовало накручивать вокруг дела Пеньков-ского такую шумиху? Ведь традиционно операции контрразведки никогда не становились предметом гласности. Тот же предшественник Пеньковского, бывший подполковник ГРУ Петр Попов: о нем в печати не появилось почти ни слова.

Здесь же – нескончаемые репортажи, подборки «писем трудящихся», стенограмма судебного процесса, спешно отпечатанная сотысячным тиражом. На долгие годы имя Пеньковского стало нарицательным, превратилось в символ предательства.

Особенно партийные пропагандисты смаковали моральное разложение изменника. Он-де и книжек не читал, в театры не ходил, увлекался только пьянками да стяжательством. Верхом его грехопадения стал рассказанный на суде эпизод, когда Пень-ковский в ресторане принародно выпил шампанское из тувельки своей дамы.

При этом описание дела Пеньковского отличалось изрядным *купированием*. Ни слова не говорилось о переданных им материалах по ракетному оружию; о службе в ГРУ (само это ведомство раскроют позже, лишь в 1990-е). По официальной версии, Пень-ковский

звался бывшим полковником Советской Армии, работником Госкомитета по науке и технике.

Разумеется, о высоких его покровителях тоже не сообщалось. Про маршала Варенцова писалось лишь, что тот, «зная Пеньков-ского по фронту, доверился его „жалобам“ на якобы незаконное отчисление из кадров Советской Армии» и «добился пересмотра отрицательной служебной аттестации». Этаким простодушный главком-растяпа, словно сошедший с плаката про находку для шпионов. А потом, через пару лет, и эти невинные упоминания сошли на нет.

«А как же его допустили на столь ответственный пост? – задавался риторическим вопросом начальник Следственного отдела КГБ генерал Чистяков³¹ (его мемуары вышли в середине 1970-х). – Как доверили такому человеку секретные материалы, тайны государства?»

И тут же, через пару страниц, отвечал сам себе: был, оказывается, такой генерал В., которому обманом предатель втерся в доверие, «старался как можно лучше выполнить любые поручения, угодничал. Все это Пеньковский делал для того, чтобы успешно продвигаться по служебной лестнице».

Про генерала «С» – не писалось и такого. Имя начальника ГРУ в контексте шпионского скандала не звучало ни разу.

Да этого, собственно, и не требовалось. Гонители Серова расправились с ним и безо всякого общественного порицания.

Шумиха вокруг шпионского дела, скорое следствие, молниеносный суд. Такое чувство, будто умелые дирижеры делали все, дабы произвести на Запад максимальный эффект.

А почему бы и нет? Ведь только теперь, после ареста и приговора, американцы и англичане

окончательно перестали сомневаться в искренности намерений Пеньковского. А значит, исчезли и их опасения в подлинности его материалов.

Если версия, которую предлагаю я, имеет под собой основания, вся эта круговерть – не более чем окончательная стадия гигантской операции КГБ. Операции, ставившей своей целью сразу несколько стратегических замыслов:

а) дезинформация Запада и внушение ложного чувства превосходства в гонке вооружений;

б) дискредитация начальника ГРУ И. Серова. Как видно, обе эти задачи выполнены были блестяще...

Сразу оговорюсь: то, о чем пойдет сейчас речь, не более чем плод моих умозаключений. Однако предположения эти с лихвой компенсируют все те многочисленные странности и загадки, которыми так богато дело Пеньковского.

Иными словами, моя неправдоподобная версия куда правдоподобнее, чем версии официально-канонические: как западные, так и отечественные...

Итак: жил да был Олег Пеньковский. До середины 1950-х судьба его складывалась вполне успешно, даром что происхождения был он самого, что ни на есть социально чуждого: папу-поручика порубали еще в грозную Гражданскую.

Потом он станет говорить, будто осознание этого – пепел Кла-асса – и привело его в стан борцов с коммунизмом. Однако пепел пеплом, а свою карьеру Пеньковский начинает ровно с того, против чего сражался его родитель. Окончив артиллерийское училище, служит политруком в польской и финской кампаниях. Войну встречает, *сидя* в политотделе Красинского артучилища – помощником по комсомольской работе.

Только в ноябре 1943-го его отправляют на фронт. Как воевал Пеньковский – сказать трудно, хотя к маю

1945-го грудь его украшало уже 5 боевых орденов. Правда, в этом могла сказаться и близость к небожителям.

В войну у Пеньковского появляется ангел-хранитель: начальник артиллерии 1-го Украинского фронта, генерал, а в недалеком будущем главный маршал артиллерии Варенцов. Он привечает Пеньковского, назначает своим офицером связи. По его протекции тот поступает в Академию имени Фрунзе. С его же благословения женится на дочери своего недавнего командира – начальника политуправления Московского военного округа генерала Гапановича.

Понятно, что при такой поддержке служебная лестница превращается в натуральный эскалатор.

Поболтавшись в штабе округа и в Министерстве обороны, Пеньковский решает освоить новую романтическую стезю – шпионскую.

В 1953-м он оканчивает Военно-Дипломатическую академию – альма-матер военной разведки. Несколько лет служит в аппарате ГРУ, а в 1955-м уезжает в первую свою командировку – в Турцию.

Тут-то и начинаются странности. Между Пеньковским и его прямым начальником – резидентом ГРУ Савченко возникает конфликт, ибо в это генеральское кресло метил и сам Пеньковский. Савченко всячески *гнобит* генеральского зятя, и тут у Пеньковского-го представляется шикарный случай свести счеты с обидчиком.

Турецкая контрразведка задержала сотрудника резидентуры Ионченко. Истинную причину провала Савченко от Центра скрыл, и тогда Пеньковский (цитирую книгу бывшего сотрудника ЦРУ Д. Харта), «обратившись в посольский офис КГБ, отослал свою версию событий по их независимому, секретному каналу».

Ясное дело, после такой *подлянки* дальнейшая карьера Пень-ковского в ГРУ застопорилась: двурушников и *стукачей* не любит никто. Из ГРУ его выживают, но он духом не падает, ибо на турецкой земле начинается его альянс с грозной лубянской организацией.

По неписаным советским законам, госбезопасность не только могла, но и обязана была вербовать сотрудников конкурирующей структуры – ГРУ. (В военной контрразведке существовал – и существует, кстати, по сей день целый отдел, *обслуживающий* ГРУ.) А вот военная разведка искать агентов в чекистской среде права как раз не имела.

Именно по заданиям КГБ Пеньковский и ловил на приемах американцев и англичан, «задыхающимся шепотом предлагая им сведения о советских планах на Ближнем Востоке» – то, о чем писал британец Филипп Найтли. Это была обычная провокационная практика КГБ.

Неслучайно, разбираясь с делом Пеньковского, сотрудники ЦК задавали Серову недвусмысленные вопросы. На что тот письменно отвечал: «Был ли связан с органами госбезопасности Пеньковский в период его пребывания в Турции, я не знаю, но это можно проверить по учету агентурной сети в КГБ» (из письма № 1).

В 1957-м Пеньковский возвращается в Москву. Из ГРУ его увольняют. Однако Варенцов – к тому времени уже маршал и командующий артиллерией страны – не бросает *питомца* в беде, да и органы – щит и меч революции – всегда начеку.

Пеньковского зачисляют на Высшие инженерно-артиллерийские курсы – сиречь под крыло Варенцова – а вскоре отправляют начальником курса в Академию ракетных войск.

Академия – организация сверхсекретная. Случайных, непроверенных людей здесь не может быть по определению. А ведь к тому времени КГБ уже вычисляет несостыковочку в анкете Пеньковско-го. Папа-то его не без вести пропал, а с оружием в руках воевал против советской власти. За такие грехи и маршалы не помогут, вражью траву с поля – вон. Однако Лубянка к своим помощникам относится *бережливо*. И вскоре, в 1959-м, Пеньковско-го восстанавливают в ГРУ, несмотря на жесткую резолюцию Серова и на то даже, что приказ о его увольнении подписывал лично начальник Генштаба.

Еще одна цитата из Серова (письмо № 2):

«Если бы Варенцов не протащил бы его в ракетные войска, он не попал бы и в ГРУ. Если бы КГБ при наличии этого сигнала не поддержало бы Пеньковско-го, то он не был бы принят на курсы. Если бы КГБ отвело хоть одну поездку за границу Пеньковско-го, то вопрос решился бы сразу. Однако это не делалось, поэтому разговоры офицеров ГРУ о том, что Пеньковский был агентом КГБ, имеют достаточные основания».

Да куда уж больше оснований, если сына белого офицера, против воли начальника ГРУ, наплевав на приказ начальника Генштаба, принимают в святая святых – военную разведку.

Правда, к чистой оперативной работе он касательства почти не имеет. Его откомандировывают в Госкомитет по науке и технике – ведомство, тесно работающее с иностранцами. Под этой «крышей» Пеньковскому очень сподручно заводить интересные знакомства и выезжать за кордон.

Начиная с 1961 года Пеньковский предпринимает навязчивые попытки войти в контакт с ЦРУ или МИ-6. Он лезет напролом, не разбирая дороги; бросается на шею каждому встречному-поперечному интуристу. Лишь

через восемь месяцев, с седьмого (!) захода его наконец привечают.

Случай в истории уникальный: с Пеньковским принимаются работать две разведки кряду – ЦРУ и МИ-6. Они поражены объемом информации новоявленного «крота» и нарекают его «агентом мечты».

С неизменной легкостью Пеньковский добывает все, о чем его только просят: материалы по Берлинскому кризису, тактические данные по ракетному оружию, детали кубинских поставок, информацию из кремлевских кругов.

«Спектр познаний Пеньковского был настолько широк, доступ к документам столь прост, а память оказалась такой выдающейся, что в это было трудно поверить», – пишет Филипп Найтли.

Все эти материалы Пеньковский, разумеется, получает от своих кураторов из КГБ. Тщательно отобранные, просеянные через сито контрразведки, они являют собой искусный симбиоз дезинформации и правды. Незначительные крупницы истины, которые доходят отныне до Запада, никакого серьезного ущерба нанести не могут. Что толку скрывать, например, места базирования ракетных баз, если американские самолеты-шпионы все равно отщелкали их во всех ракурсах.

Но главная задача Пеньковского – убедить Запад, будто Советский Союз отстает в ракетной программе.

Это полностью соотносилось с планами операции «Великая ракетная деза», которую СССР начал еще в 1957-м, одновременно с запуском первого искусственного спутника Земли.

Советское руководство опасалось темпов, которыми Штаты осваивали ракетные технологии. Всего за три года, например, Пентагон сумел разработать межконтинентальные баллистические ракеты (МБР)

«Тор». В 1958-м их разместили на восточном побережье Британии и нацелили в сторону Москву.

Если бы американцев удалось уверить, что Советы за ними не успевают, а потому вынуждены делать ставку на другие виды вооружений, расходы главного противника по ракетным программам резко снизились бы, и этот тайм-аут позволил нам окончательно вырваться вперед. Что, собственно, и произошло.

Надо сказать, что Пеньковский был далеко не единственным участником этой дьявольской операции. Почти одновременно с его вербовкой сотрудники ФБР задержали с поличным советского разведчика Вадима Исакова. С той же показной рьяностью, с какой Пеньковский вербовался в шпионы, Исаков пытался купить секретные компоненты к межбаллистическим ракетам – акселерометры.

Удивительная вещь: даже чувствуя за собой хвост, Исаков все равно не снижал оборотов, практически сознательно позволил втянуть себя в контакт с откровенной *подставой* и в момент совершения сделки как бы *попался*.

Небольшой ликбез. Акселерометры – это прецизионные гироскопы, определяющие ускорение объекта. Они позволяют компьютеру точно просчитать место и скорость отделения боеголовки от ракеты.

Захват Исакова убеждал американцев, что советские ученые свои акселерометры еще не разработали. А коли так – красные ракеты точностью не отличаются и не могут поражать мелкие цели, например ракетные шахты противника.

Подтверждением этого тезиса стали и материалы авиаразведки: отсняв ракетный полигон в Сибири сразу после проведенных там учений, американцы увидели, что точность попадания никуда не годится.

А тут еще начальник советского отдела БНД Хайнц Фельфе³², как по заказу, передал ЦРУ данные, будто Кремль полагается больше на стратегическую авиацию, нежели чем на межбаллистические ракеты. Откуда же американцам было знать тогда, что Фельфе – давно и убежденно работает на КГБ. (Его разоблачат только в 1961-м.)

Вот он – вопрос вопросов. На какой именно вид вооружения – ракеты средней дальности или МБР – делают главную ставку русские. От ответа на вопрос этот зависело главное – что в первую голову надо развивать самим американцам, где они отстают, и, следовательно, в чем нужно активизировать усилия; и где они – опережают, и, значит, суетиться особо не требуется.

Агент Пеньковский гордиев узел этот разрубил, объявив, что Советы делают ставку на РСД, конкретно – на ракеты Р-12. Он даже передал их тактико-технические характеристики, правда с небольшими неточностями – но они вскроются только через много лет.

И когда грянул Карибский кризис и американские самолеты-шпионы принялись кружить над пусковыми шахтами на Кубе, то увиденное их уже не удивило: это были те самые Р-12. Информация Пеньковского подтверждалась. А уж после того как схватил его КГБ и показательно, принародно судил, всякие сомнения отпали окончательно. Хвала и слава тебе, человек, спасший планету от Третьей мировой войны!

Если бы Кеннеди наверняка знал, что Советы обладают точными МБР, его поведение могло быть совсем иным. Но он-то был свято уверен, что Хрущев блефует; что у СССР нет возможности адекватно ответить Западу; что пяти тысячам американских ядерных ракет противостоят всего триста советских, да

и то – плохо управляемых, не способных поражать точечные цели. А коли так – Хрущев обязательно пойдет на переговоры, и даже в ответ на сбитый в кубинском небе американский самолет нет нужды отвечать адекватно. Москва никуда не денется.

Так и вышло.

А Запад еще много лет подряд продолжал свято верить в искренность «агента мечты». Пока в начале 1970-х американцы случайно не узнали, что все это время их просто водили за нос, а советские МБР ничуть не уступают их собственным.

Оказалось, что принятая на вооружение ракета СС-9 способна, например, переносить 25-мегатонный заряд почти на 13 тысяч километров и укладывать его в цель с точностью в четверть мили.

А межконтинентальные ракеты РС-16, РС-18 и РС-20 и вовсе имеют погрешность попадания в пределах двухсот метров.

То есть все десять лет американские пусковые шахты были абсолютно беззащитны перед красной угрозой, и случись, не дай бог, война, и камня на камне не оставили бы они от хваленной западной демократии...

Но Пеньковский был не только *подставой* КГБ, снабжавшей Запад важнейшей дезинформацией. Его руками Лубянка сумела реализовать и другую стратегическую задачу: убрать начальника ГРУ Серова.

Для тогдашнего руководства КГБ Серов представлял несомненную угрозу. Был он человеком совсем не их круга. Партийной дружбы и охотничьих загулов чурался. Жестко гнул свою линию. А главное – был лично предан Хрущеву.

С «дорогим Никитой Сергеевичем» связывали их давние отношения. Перед войной, когда Хрущев командовал Украиной, Серов был у него наркомом внутренних дел.

Не случайно, создавая на осколках бериевского МВД новое суперведомство – КГБ – именно Серову доверил свой выбор Хрущев. После ареста Берия человеку случайному поручить такое стратегически важное *хозяйство* явно не могли. Хрущев как никто другой понимал, сколь гигантскую роль играют органы безопасности.

Но со временем новые любимцы – куда более льстивые, заботливые, пластичные – потеснили старую гвардию. Сначала кресла министра обороны лишился Жуков: тот, на чьих штыках и пришел Хрущев к власти. В декабре 1958-го настал черед Серова. В КГБ въехала лихая комсомольская команда: Шелепин, потом – его *клонированная* тень Семичастный.

Но окончательно в утиль Хрущев все же Серова не сдал. Он ставит его на другое, пусть и не столь важное, но тоже не последнее место – в ГРУ.

А ГРУ – это ведь не только заграничные резидентуры, радиоцентры и украденные секреты. В прямом подчинении начальника ГРУ находятся хорошо обученные, мобильные войска; разбросанные по всей стране бригады особого назначения, способные выдвинуться по приказу в любую секунду.

И когда над головой Хрущева начали сгущаться тучи, когда любимые соратники и ученики принялись обдумывать заговор по его свержению, первым, о ком следовало им вспомнить, был Серов.

Не в пример Шелепину и Семичастному, *комсомолившим* всю войну, да и политруку Брежневу, герою неведомой тогда еще Малой земли, Серов обладал реальным боевым опытом. За его спиной оставались операции по выселению целых народов, берлинская операция, подготовка московского подполья на случай капитуляции. Да и венгерская революция 1956-го, в подавлении которой принимал он непосредственное участие, за что получил высший

полководческий орден – Суворова 1-й степени – чего-то да стоила.

Словом, без того, чтобы убрать Серова, говорить о каком угодно заговоре было бы совершеннейшей глупостью.

Честно говоря, иной причины для компрометации Серова я попросту не вижу. Кровной вражды между ним и новой кремлевской командой не было.

Конкуренция двух спецслужб: КГБ и ГРУ?

Вряд ли она протекала столь остро, чтобы организовывать целую полномасштабную операцию по дискредитации Серова.

А уж в том, что это была именно операция – сомнений нет.

Пеньковского как бы невзначай подводят к семье Серова. Это абсолютно укладывается и в основную его линию работы: наличие такого знакомства только поднимет акции агента в глазах ЦРУ и МИ-6.

Многого от него не требуется. Покрутиться подле. Пару раз прошвырнуться с генеральской родней по улице. Побывать на квартире.

И готово дело: ходи потом доказывай, что не верблюд. Недаром в ходе следствия Пеньковский подробно описывал свою близость к Серову. Без этих формальных доказательств Хрущев своего начальника ГРУ ни за что не отдал бы. (Кстати, обратите внимание: Пеньковского арестовали в октябре, а сняли Серова только в феврале. Выходит, как раз за этот период и получили от Пень-ковского искомые показания – без особого, полагаю, труда.)

И когда осенью 1964-го Брежнев, Шелепин, Семичастный и прочие *примкнувшие* к ним окончательно решились низвергнуть Хрущева, встать на его защиту было уже некому. Ни в КГБ, ни в ГРУ, ни в армии у Первого секретаря больше не осталось верных людей.

А через год, после того как утихли страсти, генерала Серова исключили из партии и окончательно *списали в расход*. Хорошо еще, не расстреляли, как большинство его предшественников.

Времена уже были другие...

...Все то время, пока разбирал я записи Серова, копался в этой фантаσμαгоричной истории, мне долго не давало покоя гнетущее чувство дежа вю. Будто нечто подобное я где-то уже читал или слышал.

И только потом меня осенило. Дело Колаковского – русского разведчика, с чьей помощью свалили военного министра Сухо-млинова³³. Вот предтеча дела Серова.

Для тех, кто не помнит этой хрестоматийной истории, – краткий экскурс.

Первая мировая война. Сотрудник военной разведки поручик Яков Колаковский под видом пехотного офицера сдается в германский плен. Немцы *щупают* окопника, допрашивают трое суток подряд, а потом, уверившись в его искренности, привозят в Генштаб, к какому-то генералу, и тот прямо с порога объявляет, что доверена ему великая честь.

Юлиан Семенов в книге документальных очерков «Без единого выстрела» так описывает этот *инструктаж*:

«Мы подвигаем вас на террор – именно вы должны будете застрелить великого князя и, наконец, мы вам доверяем ценнейшее наше приобретение – жизнь и честь друга: имя друга – Мясоедов; звание – полковник жандармерии; кличка в нашей разведке – „Шварц“, оклад – сорок тысяч марок в год».

(Так и тянет добавить: рост – 177 сантиметров, глаза – карие, агентурный номер – 1445, завербован – 23 марта 1904 года, характер нордический, стойкий, рабочее дело агента прилагается.)

Жандармский полковник Мясоедов фигурой был приметной. Его называли самым близким человеком к тогдашнему военному министру, царскому любимцу Сухомлинову. По сухомлиновской протекции Мясоедова прикомандировали к контрразведывательному отделу Генштаба, однако *истинные патриоты* давно подозревали обоих – и Мясоедова, и Сухомлинова – в двурушничестве. Либеральные *листки* регулярно обвиняли генерала с полковником в германофильстве, намекали на их подозрительные шашни, уличали в мздоимстве и стяжательстве. Но все это были только слова.

Но тут – о чудо! – неубиенные доказательства сами плывут в руки. Немцы якобы дают Колаковскому пароль и явку к Мясоедо-ву-Шварцу. После чего тот возвращается в Россию и сдает предателя. Уже на другое утро Мясоедова – в обход министра – арестовывают. Взрывается скандал. Сухомлинова отправляют в отставку. Мясоедова по приговору Варшавского трибунала казнят.

«Утечка информации из святая святых России была остановлена мужеством, умом и достоинством русского военного офицера Якова Колаковского», – заключает Юлиан Семенов.

Похожи две эти истории? По-моему, очень, хоть и разделяют их полвека.

Как и в деле с Серовым, улики против Мясоедова выглядели весьма сомнительно и примитивно. Но кто станет разбираться в пылу национального скандала: шуба-то была!

Замечательный историк-популяризатор Александр Бушков очень точно передает сомнения всех, кто соприкасался с историей Мясоедова.

«Представим, что году в сорок четвертом „смершевцы“ вербану-ли на скорую руку немецкого

фельдфебеля и отправили его за линию фронта посчитать танки дивизии „Викинг“. А заодно лягнули:

– Да, будешь в Берлине, зайди к штандартенфюреру Штирлицу. Никакой он не Штирлиц, а наш человек, полковник Исаев, если что, вы там с ним вместе за Борманом последите...»

Если верить официальным данным, Олег Пеньковский был расстрелян 16 мая 1963-го – через 2 дня после окончания суда. «Советские люди единодушно одобрили приговор» («Известия» от 29 мая 1963 г.).

Такая спешка посеяла у многих на Западе сомнения в правдивости официальной информации. Главному военному прокурору А. Горному³⁴ пришлось даже публично, через печать, выступить с опровержениями.

«Бульварные газеты Запада идут на чудовищную ложь и фантастические измышления, – заявил он в интервью „Известиям“, – Английская реакционная газета „Санди телеграф“ 19 мая писала: "Западные официальные лица в Москве считают, что смертный приговор Олегу Пеньковскому – чистейшая липа. Как выразился один дипломат, казнь Пеньковского „состояла в том, что его паспорт уничтожили, а взамен ему выдали другой“.

Это сообщение – бесстыдная газетная липа. Пеньковский мертв. Приговор приведен в исполнение... Он встретил смерть, как презренный трус».

Впоследствии на смену этим слухам пришли новые. Якобы Пеньковского не просто расстреляли, а даже сожгли живьем в топке, как красного партизана Лазо³⁵: в назидание будущим предателям. Немалую лепту в создание огненной легенды внес дважды коллега Пеньковского: перебежчик из ГРУ Владимир Резун³⁶, более известный под литературным псевдонимом Виктор Суворов.

В своей книге «Аквариум» он почти документально воспроизвел якобы виденную им пленку с записью казни.

«Крупным планом камера показывает лицо живого человека. Лицо совершенно потное. Жарко у топки... Человек туго прикручен стальной проволокой к медицинским носилкам, а носилки поставлены к стене на ручки так, чтобы человек мог видеть топку...

...Двери топки разошлись в стороны, озарив белым светом подошвы лакированных ботинок. Человек старается согнуть ноги в коленях, чтобы увеличить расстояние между подошвами и ревущим огнем. Но и это ему не удастся... Вот лаковые ботинки в огонь пошли. Два первых кочегара отскакивают в сторону, два последних с силой толкают носилки в глубину...»

Впечатляющая картина. Чем-то схожа она с жуткими рассказами самого Пеньковского, который на голубом глазу описывал своим кураторам средневековые нравы Лубянки:

«В нем (в здании КГБ. – *Прим. авт.*) семь подземных этажей, на седьмом, самом нижнем, есть камеры, в которых русских людей – выдающихся личностей, патриотов, мудрецов – отдают на съедение крысам... Там находится специальная комната со стеклянными стенами. Кого не могут сломать... или не подписывает признание, помещают в эту комнату. Сквозь стену проведены гладкие пластиковые трубы, через которые пускают десятки крыс, бросающихся на человека. А они кричат ему в микрофон: «Ну что, теперь скажешь, на кого работаешь?»»

(Должен признаться: мне не раз доводилось бывать на Лубянке, в том числе ходить по подземному переходу между двумя зданиями, но семи этажей вниз я что-то не приметил.)

Про чекистскую инквизицию – это, конечно, чушь.

А вот насчет чудесного спасения его и прочую «бесстыдную газетную липу»...

Если версия моя хоть в какой-то степени близка к истине и Пеньковский в самом деле был агентом КГБ, такой исход истории вполне возможен.

А в чем проблема?

Сымитировать его казнь? Пара пустяков: выдали новые документы, *состряпали* липовую справку о приведении приговора в исполнение, да и дело с концом.

Мне, правда, могут возразить, что Пеньковский – личностью был приметной, его портрет из зала суда обошел все мировые газеты.

Ну так что с того?

Во-первых, на фотографии он сам на себя мало похож: ретушеры постарались на славу. А во-вторых, изменить человеку внешность КГБ мог так же легко, как и выписать новый паспорт. Чего стоит одна только история знаменитого Луиса Корвалана³⁷, генсека компартии Чили, которого в 1977-м вытащили из пиночетов-ских застенков, обменяв на диссидента Буковского.

О спасении Корвалана – известно каждому. (В свое время даже частушку сочинили: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана. Где бы взять такую б...дь, чтоб на Брежнева сменять?»))

А вот о том, что случилось с этим пламенным коммунистом через пару лет – знают единицы.

И правильно. Ибо решение Политбюро ЦК КПСС № П-95/65 от 27 января 1983 года о проведение операции «Доминго» имело гриф «Совершенно секретно». И по плану этому в августе 1983-го Корвалан был отправлен обратно в Сантьяго, для ведения подпольно-подрывной работы.

А уж Корвалан – был явно поприметнее Пеньковского. На родине его знала в лицо каждая собака. И ничего: даже секретарша, проработавшая с ним бок о бок уйму лет, встретив, не признала своего бывшего патрона.

Потому как советская косметология умела творить чудеса, внешность Корвалану изменили до неузнаваемости, а липовые документы – на имя колумбийца Луиса Артуро Переса – сделаны были так, что и комар носа не подточит.

Так что не удивлюсь, если однажды подобные материалы о сверхсекретной операции КГБ... ну, допустим, «Каррерас» или там «Паваротти»... обнаружатся в каком-то запыленном спецхране. И из них мы узнаем правду о четвертой, подлинной жизни супершпиона XX века, спасителя планеты от Третьей мировой.

А может – чем черт не шутит – он до сих пор еще жив и мерно заканчивает свои дни, подстригая розовые кусты на подмосковном участке.

Почему бы и нет? Ведь сейчас, когда я пишу эти строки, Пень-ковскому было бы всего восемьдесят семь.

Для супершпиона – возраст практически юный...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Академия наук.

АХО – административно-хозяйственный отдел.

БВО – Белорусский военный округ.

БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика.

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).

ВКШ – Высшая краснознаменная школа КГБ СССР.

ВМН – высшая мера наказания.

ВО – военный округ.

ВОВ – Великая Отечественная война.

ВРК – Военно-революционный комитет.

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства.

ВСЮР – Вооруженные силы Юга России.

ВУЧК – Всеукраинская чрезвычайная комиссия.

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

ВЧ – высокочастотная связь.

ВЧК – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (по борьбе с контрреволюцией).

ГБ – госбезопасность.

ГК – горком (партии).

ГКНТ – Госкомитет по науке и технике.

ГПУ – Главное политическое управление.

ГРУ – Главное разведуправление.

Губфинотдел – губернский финансовый отдел.

ГУЛАГ – Главное управление лагерей.

ГУГБ – Главное управление государственной безопасности НКВД.

ГУРКМ – Главное управление рабоче-крестьянской милиции.

ГУСИМЗ – Главное управление советского имущества за границей.

ГШ – Генеральный штаб.

ДОСАрм – Общество добровольного содействия армии.

ДТО – дорожно-транспортный отдел.

ЗСФСР – Закавказская советская федеративная социалистическая республика.

ЗФ – Западный фронт.

ИНО – иностранный отдел (внешняя разведка).

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь.

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога.

КГБ – Комитет государственной безопасности.

Комэска – командир эскадрона.

КПК – Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) / КПСС/.

к/р, к-р – контрреволюция.

КРО – контрразведывательный отдел.

ЛВО – Ленинградский военный округ.

МВД – Министерство внутренних дел. МВО – Московский военный округ. МГБ – Министерство государственной безопасности. МГК – Московский городской комитет ВКП(б) – КПСС. МК – Московский областной комитет ВКП(б) – КПСС. МОПР – Международная организация помощи революционерам.

МЧК – Московская чрезвычайная комиссия.

Начдив – начальник дивизии.

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности.

НСДАП – национал-социалистская партия Германии.

ОБХСС – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности.

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление.

ОДОН – отдельная дивизия особого назначения.

ОМСБОН – отдельная мотострелковая бригада
особого назначения.

ОО – особый отдел.

ОУН – Организация украинских националистов.

ОУР – отдел уголовного розыска.

ПВО – противовоздушная оборона.

Полештадив – полевой штаб дивизии.

ПП – полномочное представительство ОГПУ.

РВС – Революционный военный совет.

РВСР – Реввоенсовет республики.

Ревком – революционный комитет.

Региструпр, регистротдел – регистрационное
управление, отдел.

РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция.

РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия.

РКМ – Рабоче-крестьянская милиция.

РКП(б) – Российская Коммунистическая партия
(большевиков).

РО/РУ – разведывательный отдел/управление.

РО НКВД – районный отдел.

РОВС – Российский общевоинский союз.

РОНО – районный отдел народного образования.

РСДРП(б) – Российская социал-демократическая
партия большевиков.

СД – стрелковая дивизия

СКК – Северо-Кавказский край.

СКВО – Северо-Кавказский военный округ.

СМЕРШ – «Смерть шпионам», военная
контрразведка в 1943–1946 гг.

СМ – Совет Министров.

СНК – Совет Народных Комиссаров.

СКК – Северо-Кавказский край.

СО – секретный отдел.

СОУ/СОЧ – Секретно-оперативное управление/часть.

СТО – Совет труда и обороны.

СПО/СПУ – секретно-политический отдел/
управление.

ТУ/ТО – транспортное управление/отдел.

УГБ – Управление государственной безопасности.

УК – уголовный кодекс.

УМВД/УМГБ/УНКВД – Управление МВД/МГБ/НКВД
(территориальное).

УРКМ – Управление рабоче-крестьянской милиции.

УССР – Украинская Советская Социалистическая
Республика.

ФСБ – Федеральная служба безопасности.

ЦА – Центральный архив.

ЦИК – Центральный исполнительный комитет.

ЦК – Центральный комитет ВКП(б) – КПСС.

ЦКК – Центральная контрольная комиссия.

ЦРК – Центральная ревизионная комиссия.

ЦШ – Центральная школа ОГПУ-НКВД.

ЧОН – части особого назначения.

ЭКО/ЭКУ – экономический отдел/управление.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе 1. Кровавый путь Первой конной

¹ Махно Нестор Иванович (1889–1934). Из крестьян. Во время первой русской революции сблизился с анархистами. За участие в терактах и экспроприациях был приговорен в 1909 г. к смертной казне, замененной впоследствии каторгой. В апреле 1918 г. создал на Украине повстанческую армию и начал борьбу против помещиков и австро-германских оккупантов. Попеременно воевал против белых и красных. Трижды заключал соглашения с командованием Красной Армии и трижды его разрывал. В 1921 г. части Махно были разбиты. Сам он бежал в Румынию, оттуда в Польшу. Умер во Франции.

² Апанасенко Иосиф Родионович (1890–1943). В Первую мировую войну – прапорщик. С конца 1917 г. – командир Митрофановского партизанского отряда, с августа 1918 г. – комбриг 2-й Ставропольской дивизии, затем – комбриг в составе 11-й армии. В 1919–1920 гг. командовал 6-й кавалерийской дивизией Первой конной армии, за период Гражданской войны был награжден двумя орденами Красного Знамени. В дальнейшем – на командных должностях, в ВОВ – зам. командующего фронтом, генерал армии. Умер от ран.

³ Фурманов Дмитрий Андреевич (1891–1926). Участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны был комиссаром Чапаевской дивизии, начальником политуправления Туркестанского фронта. Широкую известность получил как писатель, автор романов о героике Гражданской войны («Мятеж», «Чапаев»).

⁴ Петерс Яков Христофорович (1886–1938). В партии с 1904 г. Большевик-подпольщик. Во время Октябрьского переворота – член Петроградского ВРК. С момента создания ВЧК – зам. председателя, член коллегии (летом 1918 г. исполнял обязанности председателя). В 1919–1920 гг. чрезвычайный комиссар в Петрограде. С 1920 г. полпред ВЧК в Туркестане. С 1922 г. нач. восточного отдела ГПУ. Затем на советской ответственной работе. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

⁵ Григорьев Николай Александрович (1878–1919). Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. В 1917–1918 гг. служил в войсках Центральной рады. В феврале 1919 г. перешел на сторону Красной Армии, командовал 1-й Заднепровской бригадой, 6-й Украинской стр. дивизией. В мае 1919 г., разочаровавшись в советской власти, поднял восстание на Южной Украине под лозунгом «Советы без коммунистов». Сумел занять Черкассы, Екатеринослав, Херсон, Николаев. В июле объединился с частями Махно, но был убит.

⁶ Калинин Михаил Иванович (1875–1946). Член партии с 1898 г. С сентября 1917 г. – гласный Петроградской городской думы, после революции – городской голова Петрограда. В марте 1919 г. избран председателем ВЦИК, с декабря 1922 г. – председатель ЦИК СССР. В 1938–1946 гг. – председатель Президиума Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда.

⁷ Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936). Выпускник Академии Генштаба, в Первую мировую войну – полковник. В апреле 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию. Командовал Восточным фронтом (1918–1919). В 1919–1924 гг. – главнокомандующий Вооруженными силами республики, член РВСР. С

1924 г. – нач. штаба РККА, зам. наркома по военным и морским делам, зампред РВС СССР. Командарм 1-го ранга. Член ВЦИК, ЦИК СССР. Умер своей смертью.

⁸ Курский Дмитрий Иванович (1874–1932). Член партии с 1904 г. Участник Первой мировой войны, прапорщик. В 1918–1928 гг. – нарком юстиции РСФСР, одновременно в 1918–1920 гг. – комиссар Всероглавштаба и Полевого штаба РВСР. В 1924–1927 гг. – председатель Центральной ревизионной комиссии.

⁹ Семашко Николай Александрович (1874–1949). Член партии с 1893 г. Участник Октябрьской революции. В 1918–1930 гг. – нарком здравоохранения РСФСР.

¹⁰ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933). Член партии с 1895 г. Участник Октябрьской революции, в 1917–1919 гг. – нарком просвещения. Одновременно, в 1918–1920 гг. – уполномоченный РВСР. С 1929 г. – председатель Ученого комитета при ЦИК СССР, академик АН СССР.

¹¹ Преображенский Евгений Алексеевич (1886–1937). Член партии с 1903 г. В 1917–1919 гг. один из организаторов революционной борьбы на Урале, председатель Уральского обкома. В 1920–1921 гг. секретарь ЦК РКП(б), с 1921 г. – председатель Финансового комитета ЦК РКП(б) и СНК РСФСР. В 1924–1927 гг. – зампред Главконцесскома, член коллегии Наркомфина. В 1932–1926 гг. – член коллегии Наркомлегпрома СССР. Репрессирован и расстрелян в 1937 г. Посмертно реабилитирован.

¹² Минин Сергей Константинович (1882–1962). Член партии с 1905 г. В 1917–1918 гг. – председатель Царицынского комитета РСДРП (б), председатель штаба обороны города. В 1918–1919 гг. – член коллегии НКВД, выполнял особые задания ЦК РКП(б) и лично Ленина на Западном фронте. С ноября 1919 г. – председатель

Екатеринославского ревкома. В 1920-1921 гг. – член РВС Первой конной. За заслуги в Гражданской войне награжден орденом Красного Знамени. Затем на военно-политической и партийной работе.

¹³ Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович (1851-1895). Писатель, участник подпольной организации «Земля и воля», террорист, политэмигрант, автор «культовых» для своего времени книг, воспевающих революционную романтику («Андрей Кожухов», «Подпольная Россия»).

¹⁴ Думенко Борис Мокеевич (1888-1920). Участник Первой мировой войны, вахмистр. Весной 1918 г. организовал на Дону красный кав. отряд. Затем командовал кав. полком, 1-й Донской кав. бригадой, 1-й сводной кав. дивизией, группой войск 10-й армии, Конно-сводным корпусом. За умелое руководство войсками награжден орденом Красного Знамени. Осужден и расстрелян по ложному обвинению в подготовке мятежа.

¹⁵ Миронов Филипп Кузьмич (1872-1921). Участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер. В декабря 1917 г. избран командиром 32-го Донского казачьего полка. Затем командовал войсками Усть-Медведицкого округа, Усть-Медведицкой бригадой, дивизией, группой войск, Литовско-Белорусской и 16-й армиями, Особым экспедиционным корпусом. В 1919 г. за самовольное выступление на фронт, а также по ложному обвинению в контрреволюции был приговорен к расстрелу, но помилован ВЦИК. Впоследствии командовал 2-й конной армией, был инспектором кавалерии РККА.

¹⁶ Евдокимов Ефим Георгиевич (1891-1940). Участник октябрьского восстания в Москве. С 1919 г. нач. ОО МЧК, затем в ОО Юго-Западного и Южного фронтов. С 1921 г. нач. Управления ВУЧК-ПП ОГПУ на

Правобережной Украине. Полпред ОГПУ по СКК (1923–1929), начальник СОУ ОГПУ СССР (1929–1931), полпред ОГПУ по Ленинградской обл. (1931–1932), полпред ОГПУ на Северном Кавказе (1932–1934). С 1934 г. на партийной работе. Репрессирован. Посмертно реабилитирован. Комиссар госбезопасности 3-го ранга, единственный чекист, награжденный до ВОВ 4 орденами Красного Знамени.

¹⁷ Здесь и далее цитаты приводятся дословно, по стенограмме Объединенного заседания представителей ЦК РКП(б) и членов РВС Первой конной армии от 14 октября 1920 г.

¹⁸ Вардин (Мгеладзе) Илларион Виссарионович (1890–1941). Большевик с 1917 г. С 1919 г. – начальник политуправления Первой конной армии. После Гражданской войны – литератор, критик, один из лидеров РАППА. Репрессирован. Посмертно реабилитирован.

К главе 2. Конец атамана

¹ Раскольников Федор Федорович (1892-1939). С 1918 г. – зам. наркома по военным и морским делам, член РВС Восточного фронта, РВС республики. В 1919-1920 гг. – командующий Волжско-Каспийской военной флотилией. В 1920-1921 гг. – командующий Балтийским флотом. Затем на дипломатической работе: в 1921-23 гг. полпред СССР в Афганистане, в 1930-1938 гг. – в Эстонии, Дании, Болгарии.

В 1938 г. был отозван в СССР, но остался за рубежом. Выступил с обвинением Сталина в массовых репрессиях. Заочно объявлен врагом народа. Погиб при невыясненных обстоятельствах, выпав из окна. Посмертно реабилитирован.

² Марков Георгий. Болгарский писатель-диссидент, политэмигрант. Убит в 1978 г. при невыясненных обстоятельствах (по некоторым данным, был ликвидирован болгарской госбезопасностью).

³ Бандера Степан Андреевич (1909-1959). Один из лидеров ОУН, организатор и исполнитель серии терактов и политических убийств. Агент Абвера. После войны скрывался в ФРГ, сотрудничал с американской, английской и западногерманской разведками, продолжал руководить работой ОУН. В 1959 г. ликвидирован КГБ в Мюнхене.

⁴ Рейс Натан Маркович (он же – Порецки Игнатий Станиславович) (1899-1937). В 1919 г. вступил в компартию Польши, работал в подполье. В 1920 г. осужден к 5 годам тюрьмы, однако в 1921 г. был выпущен под залог и бежал в Москву, где поступил на службу в военную разведку.

В 1921 г. вернулся в Польшу для выполнения спецзаданий, в 1923 г. был направлен в Берлин для

подготовки вооруженного восстания. В 1925–1929 гг. работал за рубежом (Австрия, Чехословакия, Голландия), награжден орденом Красного Знамени. Затем в центральном аппарате Разведупра, начальник архивного отдела. В 1931 г. переведен в систему ОГПУ и направлен в командировку с нелегальных позиций в Берлин и Париж. В 1937 г. отказался возвращаться в Москву, опасаясь репрессий. Ликвидирован агентами НКВД в Лозанне.

⁵ Агабеков Георгий Сергеевич (1895–1938). С 1920 г. в органах ЧК, на рядовых должностях в Екатеринбурге, Туркестане, Бухаре. В 1924–1926 гг. находился в спецкомандировке в Кабуле, в 1926–1928 гг. возглавлял тегеранскую резидентуру советской разведки. В 1928 г. вернулся в Москву, назначен начальником сектора по Ближнему и Среднему Востоку Иностранного отдела ОГПУ. С 1929 г. – нелегальный резидент ИНО ОГПУ в Турции.

В январе 1930 г. попросил у английских властей политического убежища. В результате бегства Агабекова, иранская контрразведка арестовала 400 агентов ИНО ОГПУ. Ликвидирован советской разведкой в 1938 г. По одной версии, его зарезали ножом в Париже, по другой – сбросили в пропасть на испанской границе.

⁶ Кривицкий Вальтер Германович (наст. – Гинзберг Самуил Герше-вич) (1899–1941). Родился в Австро-Венгрии. В 1919 г. вступил в компартию Польши, активно включился в нелегальную работу по линии Коминтерна. С 1921 г. – сотрудник Разведупра Красной Армии. В 1923 г. направлен в Германию для оказания помощи немецким коммунистам при организации вооруженного восстания. С 1926 г. находился на нелегальной разведработе во Франции, Италии и

Германии, с 1929 г. – нелегальный резидент в Гааге (Голландия).

В 1931 г. переведен в ИНО ОГПУ. С 1935 г. – нелегальный резидент в Голландии. После бегства его друга Н. Рейса, получил приказ организовать его убийство, но попытался предупредить Рейса. Опасаясь репрессий, отказался возвращаться в СССР и в декабре 1937 г. выступил с публичными обвинениями Сталина и Ежова в массовом терроре. В 1941 г. найден мертвым в номере вашингтонского отеля. Капитан госбезопасности.

⁷ Керенский Александр Федорович (1881-1970). Адвокат, лидер партии «Трудовиков» в 4-й Государственной думе. Во Временном правительстве – министр юстиции (март-май), военный и морской министр (май-сентябрь). С июля 1917 г. – министр-председатель. С августа 1917 г. – Верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции вместе с генералом Красновым организовал антибольшевистское выступление. С 1918 г. жил во Франции, с 1940 г. в США.

⁸ Колчак Александр Васильевич (1873-1920). Полярный исследователь, гидролог, адмирал. В 1916-1918 гг. – командующий Черноморским флотом. Один из организаторов белого движения. В 1918-1920 гг. установил режим военной диктатуры в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. Расстрелян по постановлению Иркутского военно-революционного комитета.

⁹ Ныне – г. Панфилов.

¹⁰ Давыдов Василий Васильевич (1898-1941). С 1917 г. в Красной гвардии, с 1918 г. в Красной Армии, участник Гражданской войны в Туркестане. В 1919 г. – начальник информотдела штаба Туркестанского фронта. С 1920 г. – зав. сектором в Разведуправлении Красной Армии. В 1924-1930 гг. состоял для особых

поручений при начальнике Разведупра. С 1930 г. – помощник, затем зам. начальника 2-го отдела Разведуправления. Бригадный комиссар. Репрессирован.

¹¹ Крейвис Михаил Тадеушевич (1899-?). Участник установления Советской власти в Туркестане. В 1920–1923 гг. – председатель Джар-кентской ЧК-ГПУ. Затем на хозяйственной и партийной работе.

¹² Сокольников Григорий Яковлевич (1888–1939). В 1918 г. – председатель советской делегации на переговорах с Германией, подписал Брестский мир. С 1920 г. – председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В 1921 г. – зам. наркома, в 1922–1926 гг. – нарком финансов. С 1926 г. – зампред Госплана СССР, с 1928 г. – председатель Нефте-синдиката, затем на дипломатической и хозяйственной работе. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

¹³ Миллер Е. Н., Кутепов А. П. – подробнее см. главу «Бег генерала Слащова».

¹⁴ Коновалец Евгений (1892–1938). Создатель организации украинских националистов ОУН. Активно сотрудничал с гитлеровской разведкой. Ликвидирован НКВД.

К главе 3. Бег генерала Слащова

¹ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Генерал от инфантерии. Весной 1917 г. командовал войсками Петроградского военного округа, затем войсками Юго-Западного фронта. В июле назначен Верховным главнокомандующим. В августе 1917 г. поднял мятеж и двинул войска на Петроград с целью установления военной диктатуры. Отчислен от должности, арестован, но бежал из тюрьмы. Осенью 1917 г. вместе с генералом М. Алексеевым в г. Новочеркасске создал Добровольческую армию. Убит в боях под Екатеринодаром.

² Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918). Участник русско-японской и Первой мировой войн, был начальником штаба фронта, командующим фронтом. Генерал от инфантерии. В 1915–1917 гг. – начальник штаба Верховного главнокомандующего. Весной 1917 г. был главкомом, затем начальником штаба главкома А. Керенского. В ноябре 1917 г. создал в Новочеркасске т. н. «Алексеевскую организацию», ставшую ядром Добровольческой армии, которую и возглавил вместе с генералом Л. Корниловым. Умер в Екатеринодаре (ныне – Краснодар) от сердечного приступа.

³ Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938). Член компартии с 1900 года. Участник первой революции, семь раз арестовывался полицией. В дни Октябрьского переворота – член Петроградского ВРК. Депутат Учредительного собрания. С декабря 1917 г. член коллегии ВЧК. Возглавлял комиссию по делам пленных. В 1919 г. – нарком по военным делам Литовско-Белорусской Советской Республики. Затем – член РВС

ряда армий. В 1921–1923 гг. зам. председателя ВЧК. С 1923 г. член РВСР и начальник снабжения РВСР. В 1925–1930 первый зампред РВС и зам. наркома обороны СССР. Зампред ВСНХ (1930–1933), начальник Главного управления ГВФ (1933–1935). Затем – секретарь ЦИК СССР. Репрессирован. Посмертно реабилитирован. Был награжден орденом Красного Знамени.

⁴ Мархлевский Юлиан Бальтазарович (1866–1925). Один из основателей польского коммунистического движения. До революции жил в основном в Германии. Вернулся в Россию в 1918 г. Был кооптирован в состав ВЦИК, участвовал в создании Коминтерна. В начале 1919 г. руководил немецкой революцией, затем – член Польского бюро ЦК РКП(б), председатель Польревкома. С 1922 г. ректор Коммунистического университета народов Запада. Инициатор создания МОПР и первый председатель ее ЦК.

⁵ Кон Феликс Яковлевич (1864–1941). В революционном движении с 1906 г. Устанавливал советскую власть на Украине и в Польше. В 1919–1922 гг. член ЦК КП(б)У, в 1920–1921 гг. член Польского бюро ЦК РКП(б). С 1922 г. в Исполкоме Коминтерна.

⁶ Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934). В революционном движении с 1902 г. Участник революций 1905 и 1917 гг., в 1918 г. – нарком финансов РСФСР и одновременно генеральный консул в Берлине, в 1919 г. – нарком РКИ Украины. С сентября 1919 г. – в органах ВЧК: зам. начальника, начальник особого отдела. В 1922–1926 гг. – зампред ГПУ-ОГПУ. После смерти Ф. Дзержинского возглавил это ведомство. Примерно с 1930 г., вследствие тяжелой болезни, отошел от дел, продолжая формально числиться председателем ОГПУ.

⁷ Ныне – г. Черкесск.

⁸ Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947). Участник Первой мировой войны. В мае 1918 г. возглавил контрреволюционное восстание в Кисловодске, бежал на Кубань, где сформировал 10-тыс. отряд и занял Ставрополь. Затем командовал казачьей бригадой, дивизией, конным корпусом. Был произведен в генерал-лейтенанты, однако П. Врангель выгнал его из армии, и в конце 1920 г. Ш. бежал из Крыма. Жил в эмиграции в Париже. После начала Второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами. Повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

⁹ Шиллинг Николай Николаевич (1870–1945). Выпускник Николаевского кадетского корпуса, 1-го военного Павловского училища. Первую мировую окончил в чине генерал-лейтенанта, командиром армейского корпуса. В Добрармии с лета 1918 г. Главноначальствующий Таврической губернией, командующий войсками в Одессе, вместе с которыми эвакуировался в Крым. Эмигрировал в Чехословакию, умер в Праге.

¹⁰ Шатилов Павел Николаевич (1881–1962). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Последняя должность – генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта. За поддержку корниловского мятежа был заключен в тюрьму. В белом движении с первых дней. Командовал 1-й конной дивизией, 4-м конным корпусом, возглавлял штаб Кавказской и Добровольческой армий. Генерал-лейтенант. С 1921 г. в эмиграции. Активный деятель РОВС.

¹¹ Кутепов Александр Павлович (1882–1930). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Последняя должность – командующий гвардии Преображенского полка, полковник. В Добрармии с момента ее формирования. В Корниловском ударном

полку занимал должности от командира роты до командира полка, затем командовал бригадой, 1-й пехотной дивизией, 1-м Добровольческим армейским корпусом. Был произведен в генерал-майоры, затем в генерал-лейтенанты. С 1920 г. командующий 1-й армией, с которой и эвакуировался в Турцию. После смерти в 1928 г. П. Врангеля был избран председателем РОВС. 26 января 1930 г. похищен в Париже агентами ОГПУ и скончался от передозировки хлороформа.

¹² Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881-1925). Русский писатель-юморист, один из самых популярных литераторов начала XX века, редактор журнала «Сатирикон». В 1917 г. эмигрировал в Турцию. Скончался в эмиграции, не признав советскую власть.

¹³ Фрунзе Михаил Васильевич (1885-1925). Большевик с 1904 г. Участник вооруженного восстания в Москве. В 1918 г. председатель Иваново-Вознесенского губкома, затем военком Ярославского военного округа. В 1919 г. командовал 4-й армией, Туркестанской армией, а затем – Южной группой армий Восточного фронта. С июля 1919 г. командовал войсками Восточного фронта, с августа – Туркестанского фронта, руководил ликвидацией контрреволюции в Средней Азии. С сентября 1920 г. командующий Южным фронтом, руководитель операции по разгрому Врангеля. В 1920-1924 гг. командующий войсками Украины и Крыма, уполномоченный РВСР на Украине. В марте 1924 г. зам. наркома по военным и морским делам, зам. пред. РВС СССР и одновременно начальник штаба РККА. В январе 1925 г. назначен наркомом по военным и морским делам и председателем РВС СССР. Член ВЦИК, Президиума ЦИК СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б). Награжден двумя орденами Красного Знамени.

¹⁴ Краснов Петр Николаевич (1889–1947). Окончил Александровский кадетский корпус, Павловское военное училище. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Последняя должность – командир 3-го конного корпуса, генерал-лейтенант. После Октябрьской революции был назначен Керенским командующим войсками, направленными в Петроград для подавления восстания. Был разбит. Бежал на Дон, где его избрали атаманом Войска Донского. Ликвидировал советскую власть на Дону. Из-за разногласий с командованием Добрармии в 1919 г. подал в отставку и уехал в Германию. В годы ВОВ сотрудничал с гитлеровцами. Повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

¹⁵ Красин Леонид Борисович (1870–1926). Член компартии с 1890 г. С декабря 1917 г. член советской делегации в Брест-Литовске, затем председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии, одновременно нарком торговли и промышленности. В 1919–1920 гг. возглавлял наркомат путей сообщения. В 1920–1923 гг. – полпред РСФСР в Великобритании. В 1924 г. недолгое время был наркомом внешней торговли, затем – полпредом во Франции, с 1925 г. – полпредом в Великобритании.

¹⁶ Фомин Федор Тимофеевич (1894–1970). Участник Первой мировой войны. На фронте вступил в РСДРП(б). В 1918 г. участвовал в боях за освобождение Украины, находился на подпольной работе. С 1918 г. в органах ЧК: начальник контрразведки Украинского фронта, начальник ОО 1-й Украинской армии, нач. ОО 3-й Украинской армии, служил в ОО 10-й армии. С 1920 г. зам. нач., затем начальник ОО ЧК побережья Черного и Азовского морей и одновременно председатель Крымской облЧК. Затем – зам. председателя Киевской губЧК, начальник ОО ГПУ Правобережной Украины. В

1924–1925 гг. начальник Терского окротдела ОГПУ, в 1924–1925 гг. – начальник Управления погранохраны и войск ОГПУ Северо-Кавказского края. С 1930 г. начальник погранохраны и войск ОГПУ Ленинградского военного округа. В 1934–1935 гг. зам. начальника УНКВД по Ленинградской области. После убийства Кирова был репрессирован. Реабилитирован в 1954 г. Награжден орденом Красного Знамени.

¹⁷ Кун Бела (1886–1939). Венгр. В революционном движении с 1902 г. Во время Первой мировой войны попал в русский плен, примкнул к большевикам. С мая 1918 г. возглавлял Федерацию иностранных групп РКП(б), основатель и председатель компартии Венгрии. После поражения венгерской революции вернулся в РСФСР, член РВС Южного фронта, председатель Крымского облревкома. Затем на руководящей партийной работе. Репрессирован. Посмертно реабилитирован.

¹⁸ Первопоходники – участники первого Кубанского (или Ледяного) похода Добровольческой армии под командованием Л. Г. Корнилова в феврале 1918 года, начатого в связи с угрозой уничтожения красными войсками.

¹⁹ Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953). Один из лидеров партии эсеров. После революции – член Уфимской директории. В 1919 г. эмигрировал.

²⁰ Дубяго Георгий Александрович (1884–1954). Участник Первой мировой войны. Последняя должность – и. о. начальника отдела штаба Румынского фронта, подполковник. Во время Гражданской войны был начальником штаба 34-й пехотной дивизии, начальником штаба Крымского корпуса, командовал бригадой. Генерал-майор. Эмигрант. Во время Второй мировой войны жил в Германии.

²¹ Каменев (наст. – Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936). Большевик с 1901 г. Член Политбюро в 1917 и 1919–1925 гг. Занимал должности председателя Моссовета (1918–1926), председателя Совета труда и обороны (1924–1926), наркома внешней и внутренней торговли СССР (1926). Один из лидеров антисталинской оппозиции. Несколько раз исключался из партии. В 1934 г. арестован, в 1936 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован.

²² Ульянов Дмитрий Ильич (1874–1943). Брат Ленина. Большевик с 1903 г., врач по образованию. Во время Первой мировой – военврач в Севастополе, на Румынском фронте. С декабря 1917 г. член Таврического комитета РСДРП(б). В 1918–1919 гг. на подпольной работе в Крыму. В мае-июне 1919 г. председатель временного правительства Крымской ССР, в 1920–1921 гг. член Крымского обкома РКП(б). Затем в Нарком-здраве, сануправлении Кремля. Последние годы жизни работал в центральном музее своего брата.

²³ Милюковский Александр Степанович (1873–?). Участник похода на Китай, русско-японской и Первой мировой войн. Последняя должность – командир 10-го отдельного тяжелого артдивизиона, полковник. В белом движении с первых дней. Помощник военного министра в Крымском краевом правительстве, инспектор артиллерии Крымского корпуса Слащова. После возвращения в 1921 г. в РСФСР служил военспецом в инспекции артиллерии и бронесил РККА. Дальнейшая судьба неизвестна. Вероятнее всего, был репрессирован.

²⁴ Гильбих Эдуард Петрович (1880–1931). В Первую мировую войну командовал батальоном. После революции служил в Крымском корпусе Слащова. В 1920 г. начальник гарнизона и военный комендант

Симферополя. Вернулся в СССР в 1921 г. вместе с генералом Слащовым, был зачислен в кадры РККА. В 1931 г. приговорен к расстрелу Коллегией ОГПУ за враждебную деятельность.

²⁵ Мезерницкий Мстислав Владимирович (1895–1937). В Первую мировую командовал ротой. В белом движении служил начальником конвоя Слащова, командовал кавполком. Полковник. После возвращения в СССР жил в Монголии. Репрессирован. Посмертно реабилитирован.

²⁶ Дроздовский Михаил Гордеевич (1881–1919). Из дворян. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, Павловское военное училище, Академию Генерального штаба. В Первую мировую войну командовал полком. В декабре 1917 г. сформировал на Румынском фронте отряд из 1500 человек для отправки на Дон к Корнилову. Во время похода захватил Ростов. После вступления в Новочеркасск был назначен начальником 3-й пехотной дивизии Добрармии, произведен в генерал-майоры. Участвовал в боях на Северном Кавказе.

²⁷ Май-Маевский Владимир Зенонович (1867–1920). Из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, Военную академию. Участник Первой мировой войны. Последняя должность – командующий 1-м гвардейским корпусом в чине генерал-майора. После революции вступил в Добровольческую армию, возглавлял Дроздовскую дивизию, корпус, произведен в генерал-лейтенанты. С боями занял Донбасс. В мае 1919 г. войсковая группа Май-Маевского, усиленная группой генерала Шкуро и другими частями, была переименована в Добровольческую армию. Осуществил неудачный поход на Москву, в ходе которого занял Харьков. Вместе с

деникинскими войсками эвакуировался из Новороссийска в Крым, где и умер.

²⁸ Тольский Анатолий Петрович (1887-?). Большевик с 1917 г. С 1919 г. в Наркомвнешторге и «Центросоюзе». С 1921 г. уполномоченный НКВТ в Крыму.

²⁹ Чичерин Григорий Васильевич (1872-1936). Из дворян. С 1905 г. член РСДРП. В 1918-1930 гг. – нарком иностранных дел РСФСР, а затем СССР, руководитель советских делегаций на Генуэзских и Лозаннских международных конференциях.

³⁰ Секретев Александр Степанович (1880-1930). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. В Гражданскую войну командовал бригадой, конной дивизией в составе 4-го Донского корпуса ген. Мамонтова. Генерал-майор. В 1920 г. вместе с войсками эвакуировался из Крыма в Турцию, затем в Болгарию. В 1922 г. вернулся в РСФСР. В 1930 г. расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности.

³¹ Гравицкий Юрий Константинович (1882-1931). Выпускник Чугуевского пехотного училища. Участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. В чине полковника командовал пехотным полком. Командир пехотного полка в белой армии, участник Ледяного похода, затем начальник Марковской дивизии. Генерал-майор. Вместе с дивизией эвакуировался в Галлиполи. После возвращения в 1922 г. в РСФСР написал воспоминания «Белый Крым». В 1930 г. арестован по обвинению в подготовке контрреволюционного заговора, Коллегией ОГПУ осужден к расстрелу.

³² Клочкив Иван (?-1931). Генерал-лейтенант врангелевской армии, во время Гражданской войны командовал Донской бригадой, кавалер ордена Св. Николая 2-й степени. После возвращения в 1922 г. в РСФСР был репрессирован.

³³ Зеленин Евгений Ильич (1885–1931). Генерал белой армии, комбриг 6-й пехотной дивизии. После возвращения в СССР (1922) работал делопроизводителем в Маслоцентре. Обвинен в подготовке вооруженного восстания и шпионаже, расстрелян. Посмертно реабилитирован.

³⁴ Науменко Вячеслав Григорьевич (1883–1979). Участник Первой мировой войны, начальник полевого штаба командующего казачьими войсками. В Добрармии с 1918 г., командовал Корниловским конным полком, 1-й конной бригадой, 1-й конной дивизией, 2-м кубанским корпусом. В 1919 г. – походный атаман Кубанского казачьего войска. В эмиграции – бессменный походный атаман Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенант. Во время Второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами, был начальником Главного управления казачьих войск. Скончался в США.

³⁵ Богаевский Африкан Петрович (1872–1934). Участник Первой мировой войны, командующий 1-й Забайкальской казачьей дивизией, генерал-майор. Во время Гражданской войны был председателем Донского и Южнорусского правительств, в 1919 г. избран атаманом Войска Донского, произведен в генерал-лейтенанты. Эмигрировал вместе с врангелевскими войсками из Крыма, активный участник эмиграции. Умер в Париже.

³⁶ Шмидт Петр Петрович (1867–1906). Из дворян, потомственный морской офицер. В 1905 г. возглавил военное руководство революционным восстанием в Севастополе, принял под свое командование взбунтовавшийся крейсер «Очаков». После провала восстания был арестован и казнен.

³⁷ Сосновский (Добржинский) Игнатий Игнатьевич (1897–1937). В 1918 г. служил в польской армии Пилсудского, затем руководил разведсетью польской

разведки в России. Арестован и перевербован ВЧК в 1920 г. С мая 1921 г. служил в КРО ВЧК-ГПУ (начальник отделения). В 1926-1929 гг. в СОУ ОГПУ. Позднее нач. контрразведки ПП ОГПУ по БВО, затем по Центрально-Черноземной области. В 1935-1936 гг. – зам. нач. Саратовского УНКВД. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

³⁸ Артузов Артур Христианович (1891-1937). Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1918 г. участвовал в установлении советской власти на Севере. С декабря 1918 г. на работе в ВЧК: особоуполномоченный ОО, зам. начальника ОО ВЧК. В 1922-1927 гг. начальник КРО ГПУ-ОГПУ. Под его непосредственным руководством были проведены первые успешные операции контрразведки («Трест», «Синдикат»). В 1927-1931 гг. пом. начальника СОУ ОГПУ. В 1931-1935 гг. возглавлял ИНО ОГПУ-НКВД. С 1935 г. – зам. начальника РУ РККА. В 1937 г. начальник Особого бюро ГУГБ НКВД СССР. Корпусный комиссар. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

³⁹ Тухачевский Михаил Николаевич (1897-1937). Из дворян. Участник Первой мировой войны, поручик. С 1918 г. в Красной Армии. Командовал рядом армий, войсками Кавказского и Западного фронта. После Гражданской войны – на командных должностях в РККА, последняя должность – 1-й зам. наркома обороны СССР. Один из первых Маршалов Советского Союза. В 1937 г. был репрессирован, посмертно реабилитирован.

⁴⁰ Агранов (Сорендзон) Яков (Янкель) Саулович (1893-1939). С 1912 г. член партии эсеров. С 1915 г. большевик. С 1918 г. секретарь малого Совнаркома РСФСР, в 1919-1920 гг. секретарь СНК РСФСР. Одновременно, с 1919 г., особоуполномоченный ОО ВЧК. В феврале 1922 (т. е. в момент встречи с Баткиным) особоуполномоченный по важнейшим делам при начальнике СОУ ВЧК. В 1922-1923 гг. начальник Особого

бюро по делам адм. высылки антисоветских элементов и интеллигенции при СОУ ГПУ. С 1923 г. зам. начальника СО ОГПУ СССР, с 1929 г. начальник СО ОГПУ, В 1930-1931 гг. пом. начальника СОУ ОГПУ. В марте-сентябре 1931 г. начальник СПО ОГПУ. С 1931 г. полпред ОГПУ по Московской области и начальник ОО МВО, с 1933 г. зам. пред. ОГПУ СССР, затем – первый зам. наркома внутренних дел СССР. Одновременно, в 1936-1937 гг., начальник ГУГБ НКВД СССР. В мае 1937 г. назначен начальником Саратовского УНКВД, в июле репрессирован. Расстрелян. Не реабилитирован. Комиссар ГБ 1-го ранга.

⁴¹ Заковский Леонид Михайлович (наст. – Штубис Генрих Эрнесто-вич) (1894-1938). В ВЧК с декабря 1917 г. Участник Гражданской войны. В 1920-1921 гг. нач. ОО, нач. СОЧ Одесской губ. ЧК, нач. Подольского губ. отд. ГПУ (1921-1923), нач. Одесского губ. отд. ГПУ (1923-25). В 1926-1932 гг. полпред ГПУ по Сибирскому (Западно-Сибирскому) краю, в 1932-1934 – полпред ОГПУ по БССР – нарком вн. дел БССР. Затем возглавлял УНКВД Ленинградской области (1933-1938), с января 1938 г. зам. наркома вн. дел СССР. Репрессирован. Не реабилитирован. Комиссар ГБ 1-го ранга.

⁴² Дукельский Семен Семенович (1892-1960). В органах ВЧК с 1920 г. В 1921-1922 гг. – председатель Одесской губернской ЧК, в 1922-1924 гг. – начальника Управления ГПУ по Украинскому округу путей сообщения, начальник Житомирского губотдела ГПУ (1924-1925), Днепропетровского окротдела ГПУ (1925-1926). После недолгого перерыва возвращен в органы ГБ, был полпредом ОГПУ по ЦентральноЧерноземной области и начальником Воронежского УНКВД (1932-1937). В 1938-1939 гг. – председатель Комитета по делам кинематографии при СНК СССР, нарком морского

флота СССР (1939–1942), зам. наркома (министра) юстиции СССР в 1943–1953 гг.

⁴³ Ротенберг Александр Иосифович (1886-?). Член РСДРП с 1903 г. В 1918 г. служил следователем, затем начальником следственной части в аппарате ВЧК. В 1918–1920 гг. уполномоченный ВЧК на Западном фронте. С ноября 1920 г. председатель ЧК Белоруссии. В 1921–1922 гг. председатель ГПУ Крыма, член Президиума ЦИК. Позднее на руководящих должностях в народном хозяйстве, наркомате связи и органах здравоохранения. В 1943 г. исключен из партии.

⁴⁴ Добродицкий Николай Иванович (1899–1939). В 1920 г. входил в состав Особой тройки, «зачищавшей» Крым. С 1921 г. – в ГПУ Украины. Позднее – в системе ГУЛАГ НКВД, старший майор госбезопасности. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

⁴⁵ Батов Павел Алексеевич (1897–1985). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Во время ВОВ командовал 3-й, 65-й армиями, дважды Герой Советского Союза. Затем на командных должностях в вооруженных силах. Генерал армии.

⁴⁶ Каргополов Тихон Павлович (1895–1972). Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. Генерал-лейтенант войск связи.

⁴⁷ Саблин Юрий Владимирович (1897–1937). Участник Первой мировой войны, прапорщик. Активный участник вооруженного восстания в Москве. В декабре 1917 г. командовал северным участком Юго-Восточного фронта. С 1918 г. – командующий 4-й армией. Затем командовал повстанческим отрядом на Украине, группой войск 14-й армии. В 1920 г. начальник Эстонской и 46-й стрелковых дивизий, командовал Правобережной группой 13-й армии. В дальнейшем на командных должностях в РККА. Комдив. Был репрессирован.

⁴⁸ Хейфиц Иосиф Ефимович (1905–1995). Кинорежиссер, сценарист. Герой Социалистического Труда, Народный артист СССР.

⁴⁹ Котовский Григорий Иванович (1881–1925). С апреля 1918 г. в революционном подполье. В 1919 г. командовал бригадой 45-й стрелковой дивизии, совершившей 400-километровый поход от Днестра до Житомира. В 1920 г. начальник кавалерии 45-й сд, затем командовал отдельной кавбригадой, 17-й кавдивизией, 9-й крымской кавдивизией, 2-м конным корпусом. За успешные бои награжден тремя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием.

⁵⁰ Камо (Тер-Петросян) Симон Аршакович (1882–1922). Большевик с 1901 г. В 1912 г. за организацию вооруженных налетов приговорен к смертной казни, замененной каторгой. После освобождения в 1917 г. вел работу в Баку и Тифлисе. В 1919 г. по личному приказу Ленина организовал особый партизанский отряд, действовавший под Курском и Орлом. В том же году морем доставил в Баку оружие и деньги для партийного подполья. С 1921 г. работал в Наркомфине Груз. ССР. Награжден орденом Красного Знамени Груз. ССР.

⁵¹ Миллер Евгений Карлович (1867–1939). Участник Первой мировой войны, выпускник Академии Генштаба. Генерал-лейтенант. С осени 1917 г. представитель ставки Главковерха в Италии. Один из руководителей белого движения. В 1919 г. вошел как генерал-губернатор во Временное правительство Северной области. Затем был главнокомандующим войсками Северной области и фактическим диктатором. В 1920 г. военный министр воссозданного ВПСО. Эмигрировал осенью 1920 г. Активный деятель белой эмиграции. В 1930–1937 гг. председатель РОВС.

⁵² Войков Петр Лазаревич (1888–1927). В революционном движении с 1903 г. Участник борьбы за советскую власть на Урале. С 1919 г. член коллегии Наркомвнешторга РСФСР. С 1921 г. на дипломатической работе. В 1924 г. назначен полпредом СССР в Польше. Убит монархистом-эмигрантом Б. Кавердой.

⁵³ Воровский Вацлав Вацлавович (1871–1923). Коммунист с 1894 г. Агент «Искры», большевик-подпольщик. С 1917 г. полпред РСФСР в Скандинавских странах, с 1921 г. полпред РСФСР в Италии. Генеральный секретарь советских делегаций на Генуэзской и Лозаннской международных конференциях. Убит белогвардейцем Конради в Лозанне.

⁵⁴ Бискупский Василий Викторович (1878–1945). Участник Первой мировой войны, генерал-майор. Во время Гражданской войны командовал войсками Центральной рады гетмана Скоропадского. В 1919 г. эмигрировал в Германию, участвовал в путче в Каппе. После прихода Гитлера к власти активно сотрудничал с нацистами, с 1936 г. возглавлял Бюро русских беженцев в Германии.

⁵⁵ Улагай Сергей Григорьевич (1875–1944). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Последняя должность – командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, Георгиевский кавалер. За поддержку корниловского мятежа был арестован, бежал на Кубань. В Добрармии со дня ее основания. Командовал 2-й Кубанской казачьей дивизией, 2-м Кубанским казачьим корпусом, Кубанской армией.

В 1920 г. возглавил неудачный десант на Кубань. Был последовательно произведен в генерал-майоры и генерал-лейтенанты. Эмигрант. Во время Второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами.

⁵⁶ Штейфон Борис Александрович (1881-1945). Участник русско-японской и Первой мировой войн. В Добрармии с 1918 г. Генерал-лейтенант. В эмиграции был начальником Галлиполийского лагеря, активный деятель РОВСа. В годы ВОВ – сотрудничал с немцами, сформировал и возглавил Русский охранный корпус, генерал-майор вермахта.

К главе 4. Заключение № 30

¹ Кедров Михаил Сергеевич (1878-1941). Член РСДРП(б) с 1901 г. Активный участник революции 1905 г. и Октябрьского переворота. В 1917-

1919 гг. член Коллегии Наркомата по военным делам. С марта 1919 г. нач. ОО ВЧК, член Коллегии. В 1926-1927 гг. помощник прокурора Верховного суда СССР, член Президиума Госплана РСФСР (1931-1934), нач. сектора Госплана СССР (1934-1937). Репрессирован. Посмертно реабилитирован.

² Манцев Василий Николаевич (1889-1939). Большевик-подпольщик, член партии с 1906 г. Активный участник вооруженного восстания в Москве. В органах ВЧК с сентября 1918 г: зав. Следственным отделом, член коллегии, зам. председателя МЧК. С конца 1919 г. нач. Центрального управления чрез. комиссии Украины. Нач. ОО Юго-Западного и Южного фронтов (1920-1921). Председатель ВУЧК-ГПУ Украины (1922-1923). С 1924 г. на ответственной работе в ВСНХ, Наркомфине, Верховном суде РСФСР. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

³ Вильно – старое название г. Вильнюса, нынешней столицы Литвы.

⁴ Пилсудский Юзеф (1867-1938). Маршал. Во время Первой мировой войны командовал бригадой польских легионеров в Австро-Венгерской армии. В 1918 г. Регентским советом ему была передана военная и гражданская власть в Польше. В ходе советско-польской войны

1920 г. руководил походом на Россию. В дальнейшем, несмотря на заключенные с СССР соглашения, Пилсудский как руководитель государства

открыто занимал антикоммунистические, антисоветские позиции.

⁵ Ягода Генрих Григорьевич (1891-1938). В 1934-1936 гг. – председатель ОГПУ СССР. Подробнее см. главу «Бегство наркома Успенского».

⁶ Бухарин Николай Иванович (1888-1938). Большевик с 1906 г. В 1917 г. член ЦК РСДРП(б), с 1919 г. кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), с 1924 г. – член Политбюро. Был редактором газеты «Правда» (1917-1929). В 1937 г. арестован, обвинен в организации антисоветского заговора и расстрелян. Посмертно реабилитирован.

⁷ Ротенберг Александр Иосифович (1886-?). В 1921-1922 гг. – председатель ГПУ Крыма. Подробнее см. главу «Бег генерала Слащова».

⁸ Пырьев Иван Александрович (1901-1968). Кинорежиссер, актер. Поставил культовые пропагандистские картины «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Секретарь райкома», «Кубанские казаки» и др. Долгие годы возглавлял к/студию «Мосфильм». Народный артист СССР. Лауреат шести Сталинских премий, Международной премии мира.

⁹ Александров (Мормоненко) Григорий Васильевич (1903-1983). Советский кинорежиссер и сценарист, мастер музыкальной комедии. Поставил к/ф «Волга-Волга», «Веселые ребята», «Цирк», «Светлый путь», «Весна» и др. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Сталинской премии.

¹⁰ Бубеннов Михаил Семенович (1909-1983). Советский писатель. Автор верноподданного романа «Белая береза» (1947), который противопоставлялся космополитскому низкопоклонничеству. Лауреат Сталинской премии.

¹¹ Бабаевский Семен Петрович (1909–2000). Автор многочисленных лакировочных произведений о счастливой жизни колхозников. Наиболее известны романы «Кавалер Золотой Звезды», «Свет над землей». Трижды лауреат Сталинской премии.

¹² Дикий Алексей Денисович (1889–1955). Актер и режиссер. Начиная работать во МХАТе. Воплотил на экране образы И. Сталина, М. Кутузова, П. Нахимова. Народный артист СССР, лауреат пяти Сталинских премий.

¹³ 3-й отдел уголовного розыска Управления рабоче-крестьянской милиции г. Москвы вел следствие по линии угрозыска и ОБХСС.

¹⁴ Макаренко Антон Семенович (1888–1939). Известный педагог-новатор. Подробнее см. главу «"Педагогическая поэма" против „Абвера“».

¹⁵ Сухомлинский Василий Александрович (1918–1970) – педагог, учитель. Член-корреспондент АПН СССР, Герой Социалистического Труда. Автор ряда трудов, книг.

¹⁶ Трепалов Александр Максимович (1887–1937). С 1919 г. нач. МУРа. Позднее на хозяйственной работе в Наркомтяжпроме. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

¹⁷ Вуль Леонид Давидович (1899–1938). С 1919 г. в органах ВЧК. В 1922–1924 гг. нач. отдела по борьбе с бандитизмом МЧК. В 1930–1931 гг. зам. нач. МУРа. Затем в аппарате ОГПУ СССР. С 1932 г. зам. нач., а с 1933 г. нач. УРКМ Москвы. Возглавлял УРКМ Московской области, Саратовской области. Репрессирован.

¹⁸ Орфография оригинала сохранена.

¹⁹ Литвинов Максим Максимович (наст. – Валлах Макс) (1876–1951). На дипломатической работе с 1917 г. Зам. наркома иностранных дел РСФСР-СССР в 1921–1930 гг., в 1930–1939 гг. – нарком.

²⁰ Федотов Павел Васильевич – в 1939 г. начальник советской контрразведки. (См. ниже.)

²¹ Зуев Павел Никитич (1901–1980). В Красной Армии с 1920 г. В органах ОГПУ с 1932 г. Служил в погранвойсках, отделе фельдсвязи. С 1939 г. – 1-й зам. нач. Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР, в 1939–1940 гг. – начальник ГУРКМ, в 1940–1941 гг. – начальник Главного тюремного управления НКВД СССР. В марте 1941 г. понижен в должности: пом. нач. отдела Московского округа ПВО. С июня 1941 г. – начальник отдела связи штаба партизанского движения Брянского фронта. В 1943–1945 гг. в оперотделе штаба инженерных войск 3-го Белорусского фронта. С 1945 г. на преподавательской работе. Полковник. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета».

²² Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937). Большевик с 1910 г. Вместе с В. Лениным редактировал журнал «Коммунист». В октябре 1917 г. пред. Киевского ревкома, затем главный комиссар Госбанка, председатель Временного правительства Украины. С 1923 г. зам. пред. ВСНХ СССР, с 1932 г. зам. наркома тяжелой промышленности СССР. Член ЦК ВКП(б). Репрессирован.

²³ Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953). В органах ВЧК с 1921 г. Работал в ЧК-ГПУ Грузии, последняя должность – начальник СПО ГПУ Закавказья (1931–1932). В 1931–1938 гг. – на партийной работе. После прихода на Лубянку Берии возвращен в орган НКВД: зам. нач. ГУГБ НКВД СССР (1938), 1-й зам. наркома внутренних дел СССР и одновременно нач. ГУГБ (1938–1941). После выделения госбезопасности в отдельный наркомат в феврале-июле 1941 г. возглавлял НКГБ СССР, но когда НКГБ был вновь возвращен в

систему НКВД, занял должность первого зам. наркома. В 1943–1946 гг. был наркомом (министром) госбезопасности БССР. Генерал армии. С 1947 г. в Главном управлении советского имущества за границей при Совмине СССР: зам. начальника (1947), начальник (1947–1950). В 1950–1953 гг. – министр госконтроля СССР. Арестован в сентябре 1953 г. по делу Берии. В декабре расстрелян.

²⁴ Федотов Павел Васильевич (1900–1963). В ЧК с 1921 г. находился на оперативных должностях в регионах Северного Кавказа. С 1937 г. в центральном аппарате ГУГБ НКВД СССР. 1939 г. – начальник 2-го (секретно-политического) и одновременно 3-го отдела (контрразведка). Возглавлял советскую контрразведку вплоть до 1946 г. В 1946–1947 гг. – зам. министра госбезопасности СССР, одновременно начальник 1-го главного управления (разведка). В 1947–1952 гг. – зампред Комитета информации (самостоятельный орган, объединивший внешнюю и военную разведки). После создания «объединенного» бериевского МВД с марта 1953 г. – член коллегии МВД, начальник 1-го (затем 2-го) главного управления (контрразведка) МВД-КГБ. В 1956 г. понижен в должности: зам. нач. редакционно-издательского отдела Высшей школы КГБ СССР. В 1959 г. уволен. Генерал-лейтенант (лишен звания в 1959 г.).

²⁵ 12-е отделение 2-го отдела ГУГБ ведало контрразведывательным обеспечением милиции, пожарной охраны, военкоматов, аппарата особого совещания при наркоме, а также обслуживало начсостав запаса.

²⁶ В те годы звание лейтенанта госбезопасности соответствовало званию капитана Красной Армии.

²⁷ Крюков Владимир Викторович (1897–1959), генерал-лейтенант, Герой Советского Союза. В годы

ВОВ командовал 2-м гвардейским кав. корпусом. Арестован в 1948 г., освобожден из лагеря в 1953 г.

²⁸ Уншлихт Иосиф Станиславович – при Дзержинском первый зампред ГПУ СССР. Подробнее см. главу «Бег генерала Слащова».

²⁹ Медведь Филипп Демьянович (1889–1937). В органах ВЧК с 1918 г. Председатель Тульской ЧК (1918), Петроградской ЧК (1919), полпред ВЧК по Западному краю (1921). В 1921–1922 гг. – зам. председателя Московской ЧК, до 1923 г. – нач. окр. Трансп. ЧК Москвы и одновременно – начальник особого отдела МВО, а с 1922 г. и нач. Московского губотдела ГПУ. В 1924–1925 гг. – председатель ГПУ Белоруссии и одновременно нач. особого отдела по Зап. фронту. В 1926–1929 гг. – полпред ОГПУ по Дальневосточному краю. С 1930 г. – полпред ОГПУ по Ленинградскому военному округу и одновременно начальник особого отдела Ленинградского военного округа, с 1934 г. – нач. УНКВД Ленинградской обл., в Ленинграде – нач. особого отдела по ЛВО (1930–1934). Член коллегии ОГПУ СССР. В 1934 г. после убийства Кирова был арестован, осужден к 3 годам. Работал нач. Южного горно-пром. Упр. Дальстроя НКВД СССР. В 1937 г. арестован повторно, расстрелян. Посмертно реабилитирован.

³⁰ Блинов Афанасий Сергеевич (1904–1961). В органах госбезопасности с 1929 г. До 1934 г. – в полпредстве ОГПУ по Уралу, затем – на рядовых должностях в УНКВД по Челябинской и Свердловской областям. В 1937 г. – нач. 4-го отд. УГБ УНКВД Красноярского края, в 1938 г. – нач. 12-го отд-я 3-го отд. 1-го упр. ГУГБ НКВД СССР, зам. нач. след. части 3-го отд. ГУГБ НКВД СССР. В 1938–1941 гг. – нач. УНКВД-УНКГБ Ивановской обл., в 1941–1942 гг. – нач. УНКВД Куйбышевской обл. С 1942 г. – нач. 3-го упр. НКВД СССР, с 1942 г. – нач. УНКГБ-УМГБ Московской обл. В 1946–

1951 гг. – зам. министра госбезопасности СССР. Генерал-лейтенант (лишен звания в 1954 г.).

³¹ Журавлев Виктор Павлович (1902–1946). В органах ВЧК с 1921 г. До 1933 г. работал на рядовых должностях в Омской губернии и на Алтае. В 1933–1936 гг. – нач. СПО Томского опер. сектора ГПУ-УГБ НКВД. В 1937 г. – зам. нач. 3-го отдела УГБ УНКВД Красноярского края. Возглавлял УНКВД Куйбышевской обл. (1937–1938), Ивановской обл. (1938), Московской обл. (1938–1939). Нач. Упр. Карагандинского ИТЛ НКВД (1939–1944). За финансовые злоупотребления понижен в должности до рядового сотрудника Дальстроя НКВД СССР. Старший майор ГБ.

³² Киселев Николай Михайлович (1912–1943). В 1932–1936 гг. на рядовой комсомольской работе. В 1937–1938 гг. – сотрудник ЦА НКВД. В 1938 г. – опер. уполномоченный 6-го отд. ГУГБ. С декабря 1938 г. исполнял дела начальника Саратовского УНКВД, а в апреле 1939 г. был назначен начальником. В 1940–1942 гг. – зам. начальника Ростовского УНКГБ/ УНКВД. С 1943 г. – зам. наркома ГБ Башкирской АССР. Полковник.

³³ Бокий Глеб Иванович (1879–1940). В революционном движении с 1897 г. Участник первой русской революции. Избирался членом Русского бюро ЦК РКП(б). 12 раз арестовывался полицией. С 1917 г. – секретарь Петроградского ГК, член ВРК. С 1918 г. – в ВЧК: зам. пред ПетроЧК (1918), член коллегии НКВД РСФСР (1918–1919), нач. ОО ВЧК Восточного фронта (1919–1920), полпред ВЧК в Туркестане (1920). В 1921–1937 гг. – зав. спец. отделом (шифровальным) ВЧК-ОГПУ-НКВД, член коллегии. Комиссар ГБ 3-го ранга. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

³⁴ Лацис Мартин Янович (наст. – Судрабс Ян Фридрихович) (1888–1938). Революционер-подпольщик. Член коллегии ВЧК с 1917 г.: нач. отдела по борьбе с

контрреволюцией, затем – председатель ЧК и Воен-трибунала Восточного фронта, председатель ВУЧК. С 1921 г. на административно-хозяйственной работе. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

³⁵ Беленький Абрам Яковлевич (1883–1941). Член партии с 1902 г., революционер-подпольщик, соратник Ленина. В органах ВЧК с момента их основания. Комиссар ВЧК (1918), начальник охраны Ленина (1919–1924). В 1921–1922 гг. – член коллегии ВЧК. Одновременно, с 1921 г. – начальник спецотделения при Президиуме ВЧК-ОГПУ (охрана руководителей государства). В 1928 г. понижен в должности – сотрудник Центрального архива. С 1930 г. – особоуполномоченный при председателе ОГПУ, а затем при наркоме. С 1936 г. – помощник особоуполномоченного. Майор госбезопасности. В 1938 г. арестован, в 1939 г. осужден за «антисоветскую агитацию» на 5 лет. В июле 1941 г. осужден вторично, расстрелян.

³⁶ Полукаров А.Н. Начальник УРКМ по Москве в 1946–1951 гг. Комиссар милиции 2 ранга.

К главе 5. Бегство наркома Успенского

¹ Петров Георгий Александрович (1904–1939). В органах ОГПУ с 1927 г. С 1937 г. в центральном аппарате НКВД: оперуполномоченный 4-го отдела (секретно-политический) ГУГБ НКВД (1937), пом. нач. отделения 4-го отдела (1937–1938), зам. нач., нач. 1-го спецотдела (оперу-чет, регистрация и статистика) НКВД СССР (1938–1939). Капитан государственной безопасности.

² Карацупа Никита Федорович (1910–1994). Легендарный пограничник, за 20 лет службы сумел задержать и уничтожить свыше 450 нарушителей границы. Герой Советского Союза, полковник.

³ Люшков Генрих Самойлович (1900–1945). В органах ЧК с 1920 г. До 1931 г. служил на Украине (последние 6 лет начальником Секретно-политического управления ГПУ республики). Затем – в аппарате ГПУ СССР: пом. начальника СПО, начальник 2-го отделения СПО ОГПУ (1931–1933), зам. начальника СПО ОГПУ-ГУГБ НКВД. С 1936 г. – начальник УНКВД по Азовско-Черноморскому краю, с 1937 г. – УНКВД по Дальневосточному краю. Комиссар ГБ 3 ранга. Опасаясь ареста, 13.06.1938 бежал через границу в Маньчжурию. Сотрудничал с японской разведкой. Убит. Похоронен под именем японского военнослужащего.

⁴ Орджоникидзе Георгий (Серго) Константинович (1886–1937). Член партии с 1903 г. Участник революции 1905 г., подпольщик. В 1917 г. – член Петроградского комитета РСДРП(б), активный участник вооруженного восстания. В годы Гражданской войны – член РВС ряда армий, фронтов, председатель Северо-Кавказского

ревкома, член Кавказского бюро ЦК РКП (б). С 1922 г. первый секретарь Закавказского и СевероКавказского крайкомов партии. В 1926–1930 гг. председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ СССР, зампред СНК и СТО СССР. С 1930 г. нарком тяжелой промышленности СССР. Покончил жизнь самоубийством.

⁵ Гамарник Ян Борисович (1894–1937). Участник установления советской власти на Украине, председатель Киевского, Одесского губкомов КП(б)У. В дальнейшем на партийной и военной службе: 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, нач. Политуправления РККА, зам. пред. РВС, зам. наркома обороны СССР. Опасаясь ареста, застрелился.

⁶ Матсон Герман Петрович (1896–1938). Из крестьян. В органах госбезопасности с 1918 г.: председатель Псковской ГубЧК (1918–1921), начальник Тульского горотдела ГПУ (1922–1927), полпред ОГПУ по Уралу (1927–1931), полпред ОГПУ по Средней Азии (1931), председатель ГПУ Белоруссии (1931–1932), полпред ОГПУ по Татарии (1932–1934), начальник Отдела мест заключения ГУЛАГ НКВД СССР (1934–1935). Арестован в 1937 г. «за участие в латышской к-р фашистско-националистической организации». В 1938 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован.

⁷ В период 1919–1934 гг. – т. е. до слияния госбезопасности с НКВД, в структуре ВЧК-ОГПУ функционировали полномочные представительства, координирующие работу территориальных аппаратов и органов. К 1930 г. число таких ПП выросло уже до 20. В дальнейшем, в ходе административной реформы, полпредства были упразднены, и им на смену пришли территориальные управления НКВД по областям, краям, республикам и автономным округам.

⁸ Прокофьев Евгений Евгеньевич (1895–1937). С 1915 г. в революционном движении. В 1917–1919 гг. в

подполье на Украине. С 1919 г. зам. наркома РКИ. В 1919–1920 гг. начальник политотделов ряда армий, с 1920 г. в органах ВЧК. До 1923 г. работал во внешней разведке (недолго исполнял даже обязанности ее начальника), с 1924 г. – начальник Информационного отдела ОГПУ. В 1926 г. возглавил ЭКУ ГПУ. С 1931 г. – начальник ОО ГПУ. Недолгое время работал затем зам. наркома РКИ, но в 1932 г. снова вернулся на Лубянку. Был зампредом ОГПУ и одновременно начальником ГУРКМ. Комиссар ГБ 1 ранга. В 1936 г. вместе с Ягодой перешел в Наркомат связи СССР – первым зам. наркома. Арестован и расстрелян в 1937 г.

⁹ Миронов (Каган) Лев Георгиевич (1895–1938). В 1919–1920 гг. – начальник информации ОО Полтавской группы войск, затем на политической и судебной работе. С 1924 г. в центральном аппарате ОГПУ: от начальника отделения ЭКУ дослужился до и. о. начальника ЭКУ. В 1930–1931 гг. полпред ОГПУ в Средней Азии. С 1931 г. зам. начальника, а затем начальник ЭКУ ОГПУ-ЭКО ГУГБ НКВД СССР. В 1936–1937 гг. начальник КРО ГУГБ НКВД. Комиссар ГБ 2 ранга. Репрессирован.

¹⁰ Гай Мирон Ильич (Штоклянд Марк Исаевич) (1898–1937). Участник Гражданской войны. В органах ВЧК с 1921 г. Работал пом. начальника и начальником политического секретариата войск ГПУ Украины и Крыма. С 1922 г. в политаппарате войск ОГПУ в Москве. В 1927 г. подал рапорт о переводе на оперативную работу. Назначен пом. начальника отделения Оперативно-агентурного управления ОГПУ. В том же 1927 г. переведен в ЭКУ: пом. начальника отделения (1927–1929), начальник ряда отделений ЭКУ (1929–1930), помощник начальника Управления (1930–1931), зам. начальника ЭКУ. С 1932 г. зам. начальника Особого отдела ОГПУ, в 1933–1936 гг. – начальник. В ноябре

1936 г. назначен начальником УНКВД Восточно-Сибирского края. Комиссар ГБ 2 ранга. Арестован и расстрелян в 1937 г. как немецкий шпион.

¹¹ Акулов Иван Алексеевич (1888–1939). Член ВКП(б) с 1907 г. Активный участник революции и Гражданской войны. В 1918–1922 гг. на партийной работе, в 1922–1930 гг. на профсоюзной. В 1930–1931 гг. – зам. наркома РКИ, член Президиума ЦКК ВКП(б). В 1931–1932 гг. – первый зампред ОГПУ СССР, затем на партийной работе на Украине. В 1933–1935 гг. Прокурор СССР, затем секретарь ЦИК. Репрессирован. Посмертно реабилитирован.

¹² Паукер Карл Викторович (Карл-Вениамин) (1893–1937). Родился в Австро-Венгрии. Работал парикмахером, учеником кондитера, театральным гримером. Участник Первой мировой войны. В 1915 г. взят в русский плен. В 1917 г. бежал, примкнул к большевикам. С 1918 г. в органах ЧК на рядовых должностях. С 1921 г. пом. начальника 15-го спецотделения Особого отдела ВЧК, ведавшего охраной высших должностных лиц, с 1922 г. его начальник. Одновременно, с 1923–1936 гг., был начальником оперативного отдела ГПУ-НКВД, а с 1925 г. вдобавок руководил и личной охраной Сталина. В 1936 г., в результате реорганизации ведомства, стал начальником отдела охраны НКВД СССР. Комиссар ГБ 2 ранга. Арестован и расстрелян в 1937 г.

¹³ Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938). Участник революционного подполья. В 1914–1917 гг. участвовал в Первой мировой войне, был ранен. В 1917 г. член Петросовета, участник Октябрьского восстания. С 1919 г. в ВЧК: управделами управления Особых отделов ВЧК (1919–1920), управделами ВЧК-ГПУ и член коллегии (1920–1922), зам. нач. Секретно-оперативного управления ВЧК-ГПУ-ОГПУ (1921–1927), начальник СОУ

(1927–1929). Одновременно, в 1922–1929 г. – начальник Особого отдела ГПУ-ОГПУ, а в 1923–1929 гг. – зампред ГПУ-ОГПУ. С 1929 г. – 1-й зампред ОГПУ СССР. В 1934 г. после смерти В. Менжинского назначен председателем ОГПУ, а затем наркомом внутренних дел. Генеральный комиссар государственной безопасности. В сентябре 1936 г. покинул Лубянку, став наркомом связи СССР. В марте 1937 г. арестован. В 1938 г. приговорен к расстрелу.

¹⁴ Ткалун Петр Пахомович (1894–1937). Из семьи жандарма. Участник Первой мировой войны, прапорщик. Активный участник революции: с ноября 1917 г. комендант и одновременно зам. комиссара по дворянскому имуществу Московской губернии. Был на фронтах Гражданской войны – военком ряда армий и бригад. На военно-политической работе находился до 1926 г. В 1926–1935 гг. – военный комендант Москвы, с 1935 г. комендант Московского Кремля. Комдив. Арестован как участник «заговора Тухачевского» и расстрелян в 1937 г. Посмертно реабилитирован.

¹⁵ Каруцкий Василий Абрамович (1900–1938). В органах ВЧК с 1921 г.: начальник Секретно-оперативной части (СОЧ) и зам. начальника Особого отдела Восточно-Сибирского военокруга (1920–1921), начальник Приморского губотдела ГПУ (1921–1923), начальник Амурского губотдела ГПУ (1923–1924), начальник СОЧ Ферганского облотдела ОГПУ (1924–1928), председатель ГПУ Туркестана (1928–1929). В 1929 г. назначен начальником СОЧ и одновременно зам. полпреда ОГПУ по Средней Азии, в 1931 г. – полпредом по Казахстану (с 1934 г. начальник УНКВД Казахстана), в 1935 г. – начальником УНКВД Западно-Сибирского края. В 1936 г. резко понижен в должности – начальник отделения Секретно-политического отдела (СПО) Западно-Сибирского края. В том же 1936 г. переведен в

Москву – начальником отделения СПО ГУГБ НКВД. Как лицо, пострадавшее при Ягоде, новым наркомом Ежовым в декабре повышен до зам. наркома ВД Белоруссии. С апреля 1937 г. – начальник УНКВД Западной области, затем УНКВД Смоленской области. В ноябре отозван в Москву и вновь понижен до зам. начальника СПО ГУГБ, но в 1938 г. опять повышен: начальник УНКВД Москвы и Московской области. Комиссар ГБ 2 ранга. 13.05.1938 в преддверии ареста пытался застрелиться. Скончался в Боткинской больнице на другой день.

¹⁶ Курский Владимир Михайлович (1897–1937). Член партии с апреля 1917 г. Участник Первой мировой войны, унтер-офицер. В органах ЧК с 1921 г.: пом. уполномоченного Особого и Контрразведывательного отделов ВУ ЧК (1921 г.), следователь Особого отдела ГПУ Украины (1921–1922), пом. начальника КРО ГПУ Украины (1922–1923). В 1923 г. переведен на Кавказ – в КРО полпредства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. В 1929–1934 гг. возглавлял краевую контрразведку, одновременно с 1926 г. руководил Восточным отделом полпредства. С 1936 г. начальник УНКВД Западно-Сибирского края, затем начальник СПО НКВД СССР (1936–1937), зам. наркома (в 1937 г.). Одновременно возглавлял 1-й отдел ГУГБ (охрана) и 3-й отдел ГУГБ (контрразведка). Комиссар ГБ 3 ранга. В июле 1937 г., опасаясь ареста, покончил жизнь самоубийством. В официальном некрологе, однако, было сказано, что Курский умер от разрыва сердца.

¹⁷ Дейч Яков Абрамович (1898–1938). В органах с 1920 г. До 1931 г. работал на Кавказе, последняя должность – начальник Секретно-оперативного управления полпредства по Северо-Кавказскому краю. Переведен в Москву на аналогичную должность в полпредство по Москве и области. С 1932 г. – начальник

столичного УНКВД, в 1935–1936 гг. – УНКВД Калининской области. В 1936 г. назначен Ежовым своим оперативным секретарем и начальником секретариата НКВД. В 1937–1938 гг. – начальник УНКВД Азово-Черноморского края (Ростовской области). Комиссар ГБ 3 ранга. Арестован в марте 1938. Скончался в тюрьме.

¹⁸ Реденс Станислав Францевич (1892–1940). Член ВКП(б) с 1914 г. С 1918 г. в органах госбезопасности: секретарь Председателя ВЧК (1918–1920), председатель Одесской, Харьковской и Крымской ГубЧК (1920–1921 гг.), начальник Административно-организационного управления ВЧК-ГПУ СССР (1921–1922 гг.), председатель ГПУ Крыма (1922–1924). В 1924–1926 гг. работал секретарем Президиума ВСНХ. С 1928 г. снова в органах безопасности: председатель ГПУ Закавказья (1928–1930), председатель ГПУ Белоруссии (1931), полпред ОГПУ в Украине (1931–1933), начальник УНКВД Москвы и Московской области (1933–1937), нарком внутренних дел Казахстана (1938). Комиссар государственной безопасности 1 ранга. Арестован в ноябре 1938 г. как польский шпион. Расстрелян в 1940 г. Посмертно реабилитирован.

¹⁹ Шапиро Исаак Ильич (1895–1940). С мая 1918 г. по 1922 г. служил в Красной Армии. В 1922–1929 гг. в Наркомате финансов, в 1929–1930 гг. в Госплане СССР.

В 1930 г. работал старшим инспектором Наркомата РКИ и одновременно ЦКК ВКП(б), где близко сошелся с Ежовым. Вместе с ним в 1934 г. перешел в промышленный отдел ЦК на должность зав. топливным сектором, а оттуда в КПК при ЦК ВКП(б), помощником Ежова. В 1937–1938 гг. заместитель (некоторое время – начальник) секретариата наркома внутренних дел, секретарь парторганизации ГУГБ. В 1938 г. – начальник 1-го спецотдела НКВД (архивно-учетный). Майор ГБ.

Арестован в ноябре 1938 г., в 1940 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован.

²⁰ Листенгурт Михаил Александрович (1903–1939). В органах ОГПУ с 1929 г.: на рядовых и начальствующих должностях в ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и в УНКВД Азово-Черноморского края. С 1936 г. в Центральном аппарате НКВД: начальник отделения СПО ГУГБ (1936–1937), пом. начальника особого отдела (ОО) ГУГБ. В феврале-апреле 1938 г. – и. о. начальника ОО НКВД Украины. С апреля 1938 г. зам. начальника 3-го отдела (контрразведка) 1-го Управления НКВД СССР, затем зам. начальника УНКВД по Горьковской области. Майор ГБ. После назначения Ежова наркомом водного транспорта переведен к нему в наркомат – начальником Верхне-Волжского речного пароходства. В августе 1938 г. арестован.

²¹ Булах Петр Федорович (1898–1940). В органах ЧК с 1921 г. Служил на рядовых и начальствующих должностях в полпредстве по Северо-Кавказскому краю, в военной контрразведке. В 1932 г. – начальник особого отдела, в 1936 г. – отдела контрразведки УГБ УНКВД по Северо-Кавказскому краю. С 1937 г. – начальник УНКВД Орджоникидзевского края. Майор ГБ. В 1938 г. арестован, расстрелян.

²² Берман Борис Давыдович (1901–1939). В органах безопасности с 1921 г.: сотрудник Иркутского губотдела ГПУ (1921–1923), сотрудник ЭКУ ОГПУ СССР (1923–1928), начальник КРО ПП ОГПУ по Средней Азии (1928–1931), пом. начальника, позже зам. начальника ИНО ОГПУ-НКВД (1934–1936). В 1936–1937 гг. начальник Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД, затем до 1938 г. возглавлял НКВД Белоруссии. Комиссар госбезопасности 3 ранга. Репрессирован.

²³ Нодев Освальд Яклевич (Янович) (1896–1938). В органах ВЧК с 1919 г.: зам. пред. Псковской ЧК (1919–

1921), пред. ЧК при Карельской трудовой коммуне (1921-1922), нач. Карельского облотдела ГПУ (1922), нач. Пензенского губотдела ГПУ (1922-1923), нач. Ставропольского губотдела ГПУ (1923-1924), нач. Черноморского окротдела ГПУ (1924-1927), нач. частей погранохраны Черноморского окротдела ГПУ (1925-1926), нач. секретно-оперативного управления полпредства ОГПУ по Уралу (1927-1932). В 1932-1935 гг. – в загранкомандировке, затем зам. начальника УНКВД Азербайджана. С 1937 г. – зам. начальника 7-го отдела ГУГБ (разведка). С июля по декабрь 1937 г. нарком внутренних дел Туркмении. Старший майор ГБ. Репрессирован.

²⁴ Уборевич Иероним Петрович (1896-1937). Участник 1-й мировой войны, подпоручик. С декабря 1917 г. – в Красной Армии: командир полка, бригады, 14-й и 9-й армий. В 1922 г. – военный министр Дальневосточной республики. За заслуги в Гражданской войне награжден тремя орденами Красного Знамени. В дальнейшем – на командных должностях в РККА. Командовал войсками ряда военных округов. Командарм 1-го ранга. Репрессирован по делу «Якира-Тухачевского». Посмертно реабилитирован.

²⁵ Кобулов Богдан Захарович (1904-1953). На низовой оперработе в органах ГПУ Грузии с 1922 г. В 1935 г. находился в загранкомандировке в Персии. По возвращении – зам. начальника СПО УГБ НКВД Закавказья, с 1936 г. – начальник ЭКО УГБ НКВД Закавказья, затем – зам. нач. 4-го отдела (секретно-политический) УГБ НКВД Грузии, (с 1937 г. – начальник). С декабря 1937 г. – зам. наркома в нудел Грузии. С сентября 1938 г. в центральном аппарате НКВД СССР: нач. СПО (4-й отдел 1-го управления ГУГБ, затем 2-й отдел ГУГБ), одновременно зам. начальника ГУГБ (1938-1939), начальник следственной части (1938-1939),

начальник Главного экономического управления (1939–1941), зам. наркома госбезопасности (после реорганизации – внутренних дел) СССР (1941–1945), зам. начальника Главного управления советского имущества за границей (1946–1953). В марте-июне 1953 г. – первый зам. министра внутренних дел. Генерал-полковник. Арестован по делу Берия. Расстрелян.

²⁶ Райхман Леонид Федорович – в 1940-1950-е гг. один из руководителей контрразведки МГБ. Подробнее – см. главу «Агент № 001».

К главе 6. Рихард Зорге, агент германской разведки

¹ Берзин Ян Карлович (наст. – Кюзис Петер Янович) (1890–1938). Член РСДРП с 1905 г., участник революций 1905–1907 и 1917 гг., Гражданской войны. С декабря 1920 г. – в военной разведке: начальник отдела (1920–1921), зам. начальника Разведуправления (1921–1924). В 1934–1935 гг. и в 1937 г. возглавлял РУ ГШ. В 1936–1937 гг. – главный военный советник в республиканской Испании. Армейский комиссар 2 ранга. Репрессирован. Посмертно реабилитирован.

² Урицкий Семен Петрович (1895–1938). Большевик с 1912 г. Участник Первой мировой войны. В Гражданскую – на командных должностях в Красной Армии. С 1920 г. – нач. оперотдела Разведупра Полевого штаба РВС республики. В 1922–1924 гг. на нелегальной работе в Германии. Затем – на командных должностях в РККА. В 1935–1937 гг. возглавлял 4-е управление Генштаба Красной Армии (военная разведка).

В июне 1937 г. назначен командующим войсками МВО. Комкор. Репрессирован. Посмертно реабилитирован.

К главе 7. Кто предал Зою Космодемьянскую

¹ Матросов Александр Матвеевич (1924-1943). Рядовой гвардейского стрелкового полка. 22 февраля 1943 г. в бою за деревню Чернушки Псковской области закрыл своим телом амбразуру пулеметного дзота, препятствующего атаке наших войск. Посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

² Шапошников Борис Михайлович (1882-1945). Участник Первой мировой войны, полковник Генерального штаба. В Гражданскую войну – в Высшем военном совете и полевом штабе Реввоенсовета Республики. 1928-1931 гг. – начальник штаба Красной Армии. В 1932-1935 гг. – начальник Военной академии им. Фрунзе. В 1937-1940 гг. и с июля 1941 г. по май 1942 г. – начальник Генштаба, одновременно в 1937-1943 гг. – зам. наркома обороны СССР. В 1943-1945 гг. – начальник Военной академии Генштаба. Маршал Советского Союза.

³ Цанава (Джанджгава) Лаврентий Фомич (1900-1955). В органах госбезопасности с 1921 г. До 1933 г. служил в ЧК-ГПУ Грузии, последняя должность – начальник отделения Секретно-политического отдела. Затем на партийной и советской работе. С 1938 г. снова в органах безопасности: нарком внутренних дел, госбезопасности БССР (1938-1941), начальник ОО Западного, Центрального фронтов (1941-1943), нарком (министр) госбезопасности БССР (1943-1951), зам. министра госбезопасности СССР (1951-1952). Генерал-лейтенант. Уволен в запас по болезни. В апреле 1953 г. арестован, умер в Бутырской тюрьме, не дождавшись суда.

⁴ Спрогис Артур Карлович (1904–1980). Советский военный разведчик. Участник Гражданской войны и событий в Испании в 1936–1937 гг., командир разведывательно-диверсионного отряда. В годы ВОВ – специальный уполномоченный ГКО СССР на Западном фронте, начальник школы по подготовке партизанских разведчиков. В 1943–1944 гг. начальник Латвийского штаба партизанского движения. Полковник.

К главе 8. «Педагогическая поэма» против «Абвера»

¹ Макаренко Антон Семенович (1888–1939). Русский советский писатель, педагог. В 1920–1935 гг. руководил юношескими воспитательными учреждениями на Украине. Автор ряда книг, наибольшую известность из которых получил роман «Педагогическая поэма» (1935).

² Вигдорова Фрида Абрамовна (1915–1965). Известная детская писательница, педагог. Начала печататься в 1938 г. Автор литературной записи воспоминаний Л. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре» (1950), повестей «Мой класс» (1949), «Дорога в жизнь» (1954), «Это мой дом» (1957), «Черниговка» (1959). Последние три – объединены в единую трилогию.

³ Абакумов Виктор Семенович (1908–1954). В органах НКВД с 1932 г. В 1938–1941 гг. начальник УНКВД Ростовской области. С февраля 1941 г. – заместитель наркома внутренних дел СССР. С июля 1941 г. одновременно начальник Управления особых отделов НКВД. В 1943–1946 гг. – начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ Наркомата обороны СССР. В 1946–1951 гг. – министр госбезопасности СССР. Генерал-полковник. В июле 1951 г. арестован. Приговорен к высшей мере наказания.

⁴ Тарасов Дмитрий Петрович (1913–1998). В органах госбезопасности с 1937 г. По окончании Ленинградской межкраевой школы ГУГБ НКВД СССР работал в УКНВД по Ленинградской области, с 1939 г. – в Центральном аппарате НКВД СССР. Во время войны служил в ГУКР СМЕРШ НКО СССР, пройдя путь от оперуполномоченного до заместителя начальника управления. Затем – в

Первом главном управлении МГБ-КГБ СССР (внешняя разведка). Полковник.

К главе 9. Агент № 001

¹ Орфография и стиль документа сохранены.

² Журавлев Михаил Иванович (1911–1976). В органы НКВД пришел с партийной работы. Был наркомом внутренних дел Коми АССР (до марта 1940), в 1940–1948 гг. возглавлял УНКВД-УМВД Московской области. Как ставленник Берии, был переведен затем в систему ГУЛАГа, где занимал второстепенные должности. После смерти Сталина вновь пошел в гору; в 1953–1956 гг. возглавлял ХОЗУ МВД СССР. Генерал-лейтенант.

³ Райхман Леонид Федорович (Лазарь Фейтелевич) (1908–1990). С 1932 г. в органах ГПУ Службу начинал в Ленинграде. В 1937 г. переведен в Центральный аппарат НКВД: помощник начальника, зам. начальника, начальник 1-го отделения СПО ГУГБ НКВД СССР. В 1940 г. назначен пом. начальника 2-го отдела (контрразведка) СПО ГУГБ, затем – зам. начальника отдела (в дальнейшем – 2-го Управления НКГБ-МГБ). Один из наиболее видных советских контрразведчиков. Генерал-лейтенант.

Арестован в октябре 1951 г. как участник сионистского заговора в МГБ, однако после смерти Сталина, в апреле 1953 г., решением Берии освобожден из тюрьмы и назначен начальником Контрольной инспекции МВД СССР. После ареста Берии, в июле 1953 г., уволен из МВД «по служебному несоответствию». В августе был вторично арестован и в 1956 г. осужден к пяти годам, но благодаря вмешательству жены, известной балерины, народной артистки СССР О. Лепешинской, через два месяца вышел на свободу, а в 1957 г. амнистирован.

⁴ Рясной Василий Степанович (1904–1995). В НКВД с 1937 г., работал в аппарате ГУГБ (нач. отделения). В

1941–1943 гг. – нач. УНКВД Горьковской обл., в 1943–1946 гг. нарком вн. дел УССР. Зам. мин. ВД СССР (1946–1952), зам. мин. ГБ СССР (1952–1953). После создания объединенного МВД в марте 1953 г. нач. 2-го ГУ (контрразведка). Нач. УМВД по Москве и МО (1953–1956). Генерал-лейтенант. Уволен из органов МВД по фактам дискредитации.

⁵ Ильин Виктор Николаевич (1904–1990). В органах ГБ с нач. 30-х гг. С 1938 г. нач. 3-го отд. СПУ ГУГБ НКВД (творческая интеллигенция). В 1943 г. арестован, осужден. В 1954 г. реабилитирован. В 1956–1977 гг. – оргсекретарь Союза писателей СССР. Генерал-майор.

⁶ Федотов Павел Васильевич – см. главу «Заклученная № 30».

К главе 10. Шесть испытаний Дмитрия Медведева

¹ Судоплатова Эмма Карловна (Каганова Суламифь Соломоновна) (1905–1988). В органах ГПУ с 1923 г. В 1923–1927 гг. работала в Одесском Губотделе ГПУ Украины, в 1927–1933 гг. – в Секретном отделе ГПУ УССР.

С 1935 г. в СПО ГУГБ НКВД СССР. В 1936–1940 гг. – в Иностранном отделе. С 1940 г. – старший преподаватель спецдисциплины Центральной (Высшей) школы НКВД-МГБ СССР. Уволена в запас в 1949 г.

² Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996). В органах ЧК с 1921 г., на рядовых должностях в ГПУ Украины. С 1932 г. в центральном аппарате ОГПУ. В ИНО отвечал за борьбу с украинской контрреволюционной эмиграцией, работал с нелегальных позиций в Германии и Финляндии. Непосредственный исполнитель ликвидации одного из лидеров ОУН Коновальца в Роттердаме в 1938 г., организатор убийства Троцкого в Мексике в 1940 г. Осенью 1938 г. исполнял обязанности начальника внешней разведки НКВД СССР. В 1939–1953 гг. – зам. начальника внешней разведки. Одновременно, в годы войны, возглавлял 4-е управление НКВД-НКГБ СССР (диверсионная деятельность на оккупированных территориях). В 1944 г. назначен начальником отдела «С» внешней разведки, занимавшегося «атомным шпионажем». Генерал-лейтенант. В августе 1953 г. арестован, в 1958 г. приговорен к 15 годам лишения свободы. Реабилитирован в 1992 г.

³ Балицкий Всеволод Апполлонович (1892–1937). С начала 1918 г. находился на нелегальной работе в

Иране, а затем в Грузии. В декабре 1918 г. был назначен членом коллегии ВУЧК. С 1919 г. – нач. Гомельской, потом Волынской ЧК. В декабре 1919 г. возглавил Киевскую ГубЧК. С 1920 г. – председатель Реввоентрибунала Юго-Западного фронта, с апреля – зампред Центральной УкрЧК. Председатель ГПУ Украины с

1923 г., член коллегии ОГПУ, одновременно, с 1924 г., глава НКВД УССР. С 1937 г. начальник УНКВД Дальневосточного края. Комиссар ГБ 1 ранга. Арестован в июле 1937 г., в ноябре – расстрелян.

⁴ Карлсон Карл Мартинович (наст. – Огриетис Эдуард Иванович) (1888–1938). С 1905 г. участник латышского революционного движения. В ВЧК с 1918 г: зав. разведкой и пом. начальника Секретно-оперативной части ВЧК, уполномоченный ВЧК по Н. Новгороду, председатель Казанской ГубЧК. С июля 1919 г. в Секретно-оперативном отделе ВЧК, заведующий Политбюро и одновременно член коллегии Московской ЧК. В 1920 г. назначен начальником Особого отдела Центральной УкрЧК, затем зампредом ЦУЧК, председателем Донецкой ГубЧК. С мая

1924 г. – зампред ГПУ Украины, одновременно начальник Секретно-оперативной части (управления). В 1934–1936 гг. – начальник Харьковского Губотдела ГПУ (Харьковского УНКВД). С 1936 г. по 1937 г. – зам. наркома внутренних дел УССР. Комиссар ГБ 2 ранга. Снят с должности в 1937 г. С августа – начальник Томско-Ачинского ИТЛ НКВД. В январе 1938 г. арестован. Реабилитирован посмертно.

⁵ Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (1898–1940). Известный журналист, литератор, общественный деятель. Основатель и главный редактор журнала «Огонек». Был депутатом Верховного Совета СССР.

Незадолго до ареста стал главным редактором «Правды». Репрессирован. Посмертно реабилитирован.

⁶ Андреев Андрей Андреевич (1895–1971). Большевик с 1914 г. Участник Октябрьской революции. В 1917–1919 гг. на партийной и профсоюзной работе на Урале, Украине, в 1920–1927 гг. секретарь ВЦСПС, в 1924–1925 гг. секретарь ЦК РКП(б). С 1927 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома партии. В 1930–1931 гг. председатель ЦКК ВКП (б), нарком РКИ и зампред СНК СССР. В 1931–1935 гг. нарком путей сообщения СССР. С 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно, в 1938–1945 гг., Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, в 1939–1952 гг. председатель КПК при ЦК ВКП(б), нарком земледелия (1943–1946). В 1946–1953 гг. зампред Совета Министров СССР. В 1953–1962 гг. – член Президиума Верховного Совета СССР.

⁷ Калинин Михаил Иванович – в 1919–1946 гг. председатель ВЦИК СССР. Подробнее см. главу «Кровавый путь Первой Конной».

⁸ Дроздецкий Петр Гаврилович (1903–?). В органах ГПУ с 1930 г. В 1939–1941 гг. нач. 2-го (секретно-политического) отдела УГБ УНКВД Львовской области, с мая 1941 г. нач. СПУ НКГБ УССР. В 1942 г. – начальник УНКВД (УНКГБ) Челябинской области, с 1944 г. зам. наркома (министра) ГБ УССР. С 1946 г. – начальник 5-го Оперативного управления МГБ СССР (оперативно-поисковое). В 1948–1951 гг. начальник УМГБ по Свердловской области, в 1951–1952 гг. – министр ГБ Узбекистана, в 1952–1954 гг. – начальник УМГБ по Владимирской области. С 1954 г. – зам. начальника УКГБ по Новгородской области. Генерал-лейтенант. Уволен в запас в 1956 г.

⁹ Михоэлс (наст. фамилия – Вовси) Соломон Михайлович (1890–1948). Актер, режиссер. С 1929 г. руководил Государственным еврейским театром. В годы

ВОВ был председателем Еврейского антифашистского комитета. Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии. Убит по личному приказу Сталина.

¹⁰ Тимашук Лидия Федосеевна (1898–1988). В 1926–1948 гг. работала врачом-кардиологом в кремлевской больнице. После увольнения написала письмо Сталину, в котором обвинила своих бывших коллег в неправильном лечении и фактическом убийстве члена Президиума ЦК А. Жданова. Ее письмо легло в основу «дела врачей», в результате которого руководители кремлевской медицины были обвинены в убийствах и покушениях на руководителей партии. В 1953 г. за помощь в разоблачении «врачей-убийц» была награждена орденом Ленина. После смерти Сталина награда была отобрана.

¹¹ Рюмин Михаил Дмитриевич (1913–1954). В НКВД с 1941 г. Находился на следственной работе. В 1951 г. написал донос на министра госбезопасности Абакумова, обвинив его в связях с сионистским заговором, после чего был назначен начальником Следчасти МГБ СССР, а затем – зам. министра ГБ. В ноябре 1952 г., как не справившийся с работой, переведен на рядовую должность в Министерство госконтроля СССР. После смерти Сталина арестован, расстрелян.

¹² Маленков Георгий Максимилианович (1902–1988). С 1925 г. на партийной работе. В 1939–1946 и 1948–1953 гг. – секретарь ЦК ВКП(б)/ КПСС. Член Политбюро (Президиума) в 1946–1957 гг., председатель Совета Министров СССР (1953–1955).

¹³ Головков Михаил Нифонтович (1904–?). В органах ГПУ с 1926 г. В 1943–1944 гг. зам. наркома госбезопасности Казахстана, в 1944–1946 гг. – зам. наркома (министра) госбезопасности Башкирии, с 1946 г. – зам. начальника 5-го Управления МГБ СССР (оперативно-поисковое), в 1949–1951 гг. начальник 7-го

оперативного Управления. Начальник УМГБ по Москве и области в 1951–1953 гг. Уволен в запас по болезни в 1959 г.

К главе 11. Марш «Прощание Лубянки»

¹Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964). Русский советский писатель, патриарх детской литературы, видный филолог, драматург, литературовед, переводчик. Лауреат Ленинской и четырех Государственных (Сталинских) премий.

² Богорад Яков Исаакович. Выпускник Варшавского музыкального института, более 40 лет преподавал в музыкальной школе в Симферополе. Во время ВОВ казнен фашистами.

³ Шатров Илья Алексеевич (1885–1952). Из семьи отставного унтер-офицера. В детские годы был определен воспитанником в музкоманду Варшавского гвардейского пехотного полка. Окончил Варшавский музыкальный институт, Тамбовское музыкальное училище. Служил военным капельмейстером в войсках. Участник русско-японской войны, за личную храбрость был награжден орденом Станислава 3-й степени с мечами. События войны вдохновили его на создание вальса «На сопках Маньчжурии», и к 1911 г. тираж пластинок с записью вальса превысил тираж в 100 тыс. экземпляров. После революции возглавлял военные духовые оркестры ряда гарнизонов, участник ВОВ.

⁴ Лезерсон – в 1922 г. начальник 1-й московской школы Транспортного отдела ГПУ. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁵ Шанин Александр Михайлович (1894–1937). В органах ВЧК с 1920 г.: уполн. Инфо ОО 5-й армии. В 1921–1922 гг. – зав. отд. личн. состава Управделами ВЧК, нач. отд. Центр. регистратуры ГПУ-ОГПУ (1922–1930), одновременно, в 1923–1931 гг., – секретарь

коллегии ОГПУ. В 1930–1932 гг. – нач. ЦШ ОГПУ. В 1932–1933 гг. – зам. полпреда ОГПУ по Зап. Сиб. краю. Зам. нач. ЭКУ ОГПУ-ЭКО ГУГБ НКВД (1933–1935), нач. Трансп. отдела ГУГБ НКВД СССР (1935–1937). Репрессирован. Комиссар ГБ 2 ранга.

⁶ Иванов Леонид Георгиевич (род. в 1920 г.). В органах НКВД с 1940 г. Во время ВОВ служил в военной контрразведке СМЕРШ, был награжден четырьмя орденами. После войны – в аппарате военной контрразведки МГБ СССР, нач. 1-го отдела. Возглавлял Управления особых отделов КГБ по Киевскому ВО, Южной группе войск, Московскому военному округу. С 1987 г. на пенсии. Генерал-майор.

⁷ Зощенко Михаил Михайлович (1894–1958). Писатель, признанный мастер сатиры.

⁸ Толстой Алексей Николаевич (1883–1945). Граф, классик русской советской литературы («Петр Первый», «Хождение по мукам»), дважды лауреат Сталинской премии.

⁹ Катаев Валентин Петрович (1897–1986). Писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии.

¹⁰ Инбер Вера (1890–1972). Поэтесса. Двоюродная сестра Л. Троцкого. Лауреат Сталинской премии.

¹¹ Шварц Евгений Львович (1896–1958). Драматург, автор преимущественно комедий, обладавших глубоким социальным подтекстом («Тень», «Обыкновенное чудо»).

¹² Ильф (наст. – Файнзильберг) Илья Арнольдович (1897–1937), Петров (наст. – Катаев) Евгений Петрович (1903–1942). С 1926 г. писали в соавторстве. Вершиной их творчества являются романы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок».

¹³ Кассиль Лев Абрамович (1905–1970). Один из основоположников детской советской литературы

(«Кондуит и Швамбрания», «Великое противостояние»), лауреат Сталинской премии.

¹⁴ Кукрыниксы – коллективный псевдоним художников Михаила Куприянова (1903–1991), Порфирия Крылова (1902–1990) и Николая Соколова (1903–2000). Творческая группа образовалась в 1929 г. и работала преимущественно в жанре графики и карикатуры. Всем троим были присвоены звания Героев Социалистического Труда и народных художников СССР. Коллектив удостоен Ленинской и шести Государственных премий.

¹⁵ Ясенский Бруно Яковлевич (1901–1938). Польский, советский писатель. С 1929 г. жил в СССР. Репрессирован, посмертно реабилитирован.

¹⁶ Авдеенко Александр Остапович (1908–1996). Автор романов производственной и военно-приключенческой тематики.

¹⁷ Шоу Бернард (1856–1950). Классик английской и мировой драматургии, лауреат Нобелевской премии по литературе (1925).

¹⁸ Роллан Ромен (1866–1944). Французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1915). Основную известность принес многотомный роман «Жан Кристоф». Часто бывал в СССР, симпатизировал советскому строю.

¹⁹ Барбюс Анри (1873–1935). Французский писатель-коммунист, лауреат Гонкуровской премии. Пропагандировал процессы строительства в СССР социализма и лично деятельность Сталина.

²⁰ Стырне Владимир Андреевич (1897–1937). В органах ВЧК с 1921 г. В 1921–1922 гг. – нач. спецотделения ОО ВЧК, зам. нач. Восточного отдела ВЧК. В 1923–1924 гг. – начальник КРО ГПУ Туркменской республики, в 1924–1930 гг. – нач. отдела и пом. нач. КРО ОГПУ, в 1931-

1934 гг. – нач. ОО ПП ОГПУ по Уралу. С 1934 г. зам. начальника, а с

1935 г. нач. УНКВД по Ивановской обл. В 1936 г. назначен начальником ОО Киевского ВО. Долгое время совмещал практическую работу с преподаванием в ЦШ НКВД. Комиссар ГБ 3 ранга. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

²¹ Федосеев Сергей Михайлович (1915–1998). С июля 1941 г. начальник контрразведки УНКВД по г. Москве. В 1944–1946 гг. – начальник 2-го отдела УНКВД по г. Ленинграду. С 1946 г. начальник отдела зарубежной контрразведки МГБ СССР. С 1951 г. зам. начальника внешней разведки. В 1953 г. был назначен резидентом в Югославии, но после ареста Берия попал в опалу. Преподавал в ВКШ КГБ. В 1959–1961 гг. нач. Управления по борьбе с незаконными валютными операциями КГБ при СМ СССР, затем нач. кафедры в ВКШ КГБ. Полковник. Вышел на пенсию в 1967 г.

²² Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945). С 1924 г. на партийной работе, работал зав. отделом ЦК ВКП(б), 1-м секретарем Иркутского и Донецкого обкомов. В 1938–1945 гг. – 1-й секретарь МК и МГК ВКП(б), одновременно с 1941 г. – секретарь ЦК ВКП(б) и начальник Совинформбюро, с 1942 г. – начальник Главполитуправления РККА и зам. наркома обороны СССР. Генерал-полковник.

²³ Марченков Михаил Петрович (1899–?). Во внутренних войсках с 1919 г. В 1941–1943 гг. – командовал ОМСДОН НКВД им. Дзержинского. В послевоенные годы – в аппарате МВД СССР: зам. начальника войск МВД по охране особо важных объектов промышленности и жел. дорог, начальник Управления ВУЗ войск МВД (1949–1954), начальник Управления учебных заведений МВД СССР (1954–1957). Генерал-лейтенант.

²⁴ Синилов Кузьма Романович (1902-1957). С 17 лет в Красной Армии, участник Гражданской войны и событий на КВЖД. С 1932 г. в погранвойсках, командовал рядом погранотрядов, управлением погранвойск Мурманского округа НКВД. С октября 1941 г. по 1953 г. – военный комендант Москвы. Затем – на преподавательской работе. Генерал-лейтенант.

²⁵ Чернецкий Семен Александрович (1881-1950). С 1903 г. служил военным капельмейстером в русской армии. В 1918-1924 гг. – инспектор оркестров Петроградского военного округа. С 1924 г. до конца дней – инспектор военных оркестров Советской Армии. Автор множества военных маршей и других произведений. Профессор, генерал-майор

²⁶ Московское военно-техническое училище войск НКВД СССР им. Менжинского готовило специалистов-техников для нужд правительственной связи и пограничных войск. В 1966 г. на его базе было создано два самостоятельных ВУЗа: Московское высшее пограничное командное училище и Военно-техническое училище КГБ (ныне – Академия правительственной связи ФСО).

²⁷ Игнатьев Семен Денисович (1904-1983). В 1920-х гг. – на рядовых должностях в ЧК. В 1935 г. окончил Промакадемию. В 1937-1951 гг. – на партийной работе, возглавлял Бурят-Монгольский, Башкирский обкомы, отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП (б). С сентября 1951 по март 1953 г. – министр госбезопасности СССР. В марте-апреле 1953 г. – секретарь ЦК КПСС, затем – 1-й секретарь Башкирского обкома, 1-й секретарь Татарского обкома.

²⁸ Из письма ЦК ВКП(б) «О неблагоприятном положении в МГБ СССР» от 13 июля 1951 г.

²⁹ Ахматова (наст. – Горенко) Анна Андреевна (1889-1966). Великая русская поэтесса, жена Николая

Гумилева. В 1946 г. подвергалась партийному ostrакизму, ее творчество долгое время было запрещено.

³⁰ Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975). Композитор, пианист. После ВОВ подвергся идеологическим гонениям, был обвинен в «формализме». Впоследствии – 1-й секретарь Союза композиторов РСФСР, Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда.

³¹ «Ленинградское дело» – сфальсифицированный МГБ и частью партийной верхушки в 1949 г. процесс против ряда партийных и советских работников, обвиненных в предательстве, вредительстве и шпионаже (преимущественно все они были выходцами из Ленинграда). Среди жертв – председатель Госплана СССР Вознесенский, 1-й секретарь Ленинградского горкома и обкома Кузнецов, председатель Совмина РСФСР Родионов. Всего по «ленинградскому делу» было репрессировано около 2 тыс. человек, 200 из них были расстреляны.

³² Управление военной контрразведки.

³³ Николаевский Федор Иосифович (1880–1951). В 1898–1914 гг. – солист-кларнетист оркестров московских оперных театров. С 1914 г. – военный капельмейстер. Возглавлял военные оркестры в Москве (1918–1924), с 1924 г. до самой смерти – художественный руководитель и дирижер Образцово-показательного оркестра ОГПУ-МГБ. Одновременно с 1944 г. руководил инспекцией военных оркестров войск МВД. Заслуженный артист РСФСР.

³⁴ Никитин Яков Григорьевич (1908–1956). В НКВД с 1936 г. В 1948–1952 г. нач. ВШ МГБ СССР. Уволен по болезни. Полковник.

³⁵ Ефимов А. Я. (1904–?). В органах ГБ с 1939 г. До 1947 г. работал в УМГБ по Ленинградской обл. В 1947–

1952 гг. зам. министра ГБ Латвийской ССР. В 1952–1954 гг. нач. ВШ МГБ-МВД СССР, в 1954–1960 гг. начальник факультета заочного обучения. Полковник.

³⁶ Назаров Николай Михайлович (1908–2002). В 1925–1932 гг. – служил музыкантом в духовых оркестрах, в 1933–1935 гг. в оркестре ВШ НКВД. Затем нач. военного оркестра Прибалтийского ВО. В 1942–1944 гг. – на фронте, командир полка. Начальник оркестра Минобороны СССР (1946–1950), инспектор оркестров СКВО и ЛенВО (1950–1956), начальник Московского Суворовского военно-музыкального училища (1956–1958). Начальник военно-оркестровой службы Минобороны СССР, главный дирижер Советской Армии (1958–1976). Генерал-майор, заслуженный деятель искусств РСФСР.

К главе 12. Другая жизнь Олега Пеньковского

¹Варенцов Сергей Сергеевич (1901-1971). Участник Гражданской войны. Во время ВОВ командовал артиллерией ряда фронтов. В 1952-1955 гг. – начальник Главного артиллерийского управления Минобороны СССР, в 1955-1961 гг. – командующий артиллерией Советской Армии, с 1961 г. – командующий ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск, главный маршал артиллерии. В 1963 г. за «потерю бдительности», в связи с делом Пеньковского, был разжалован до генерал-майора, лишен звания Героя Советского Союза, выведен из состава ЦК КПСС и уволен в отставку.

² Дерябин Петр Сергеевич (1921-1992). В органах ГБ с 1944 г. В 1953 г. был направлен в командировку в венскую резидентуру МГБ на должность начальника группы контрразведки. В 1954 г. попросил политического убежища в США и был тайно вывезен ЦРУ, выдав взамен все известную ему информацию о деятельности КГБ. В СССР заочно был приговорен к высшей мере наказания. Преподавал в учебном центре ЦРУ, читал лекции в разведколледже Минобороны США. Автор ряда книг о советских спецслужбах.

³ Кастро Алехандро Фидель Рус (род. в 1926 г.). Кубинский политический деятель. С начала 1950-х гг. – один из лидеров Партии кубинского народа. В 1953 г. был осужден за террористическую деятельность, в 1955 г. освобожден по амнистии. В 1956 г. возглавил партизанское движение, закончившееся в 1959 г. бегством кубинского диктатора Батисты и окончательной победой партизан. С 1959 г. –

бессменный руководитель страны, премьер-министр Кубы, первый секретарь ЦК компартии страны. Добровольно ушел в отставку в 2008 г.

⁴ Даллес Ален Уэлш (1983-1969). В 1916-1942 гг. находился на дипломатической работе, выполнял деликатные поручения американского правительства. После создания Управления стратегических служб (предтеча ЦРУ) в 1942 г. профессионально занялся разведкой, вплоть до конца войны возглавлял разведцентр в Берне. В 1950-1953 гг. – зам. директора ЦРУ по планированию. В 1953-1961 гг. – директор ЦРУ. С его именем связан резкий подъем этого ведомства. В 1961 г. после провала тайной операции по свержению режима Фиделя Кастро на Кубе, был отправлен в отставку.

⁵ Большаков Георгий Никитович (1922-1989). С 1943 г. в органах военной разведки. В 1951-1955 гг. находился в заграничной командировке в Вашингтоне и Нью-Йорке. С 1959 г. вновь работал в вашингтонской резидентуре ГРУ под прикрытием помощника секретаря (советника) посольства, советника посольства по печати, редактора журнала «Soviet Life». Впоследствии – в центральном аппарате ГРУ ГШ.

⁶ Аджубей Алексей Иванович (1924-1993). Зять Н.С.Хрущева, главный редактор «Комсомольской правды» и «Известий». После отставки тестя был смещен со всех постов, выведен из состава ЦК КПСС.

⁷ Громыко Андрей Андреевич (1909-1989). На дипломатической работе с 1939 г. Первый представитель СССР при ООН. Возглавлял советские посольства в США, Великобритании. В 1957-1985 гг. – министр иностранных дел СССР, одновременно, в 1983-1985 гг., – 1-й зам. председателя СМ СССР. В 1985-1988 гг. – председатель Президиума Верховного Совета

СССР. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий.

⁸ Плиев Исса Александрович (1903–1979). В Советской Армии с 1922 г. Во время ВОВ командовал кавалерийской дивизией, корпусами. Затем на ответственных должностях в войсках, командующий СКВО. В 1962 г. руководил операцией «Анадырь» по высадке и развертыванию советских войск на Кубе. Генерал армии. Дважды Герой Советского Союза, Герой МНР.

⁹ Клочкин Василий Георгиевич (1911–1941), герой ВОВ, младший политрук 316-й стрелковой дивизии. В ноябре 1941 г. в боях за оборону Москвы принял на себя командование ротой, которая в течение 4 часов удерживала вражеские танки. В этом бою погиб. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

¹⁰ Лялин Олег Адольфович (род. в 1937). С 1955 г. в органах КГБ. После работы в территориальных органах был зачислен в штат ПГУ (внешняя разведка). В 1971 г. направлен в командировку в Великобританию, где был завербован английскими спецслужбами и в сентябре того же года бежал, попросив политического убежища. Итогом предательства Лялина стала высылка или объявление персонами нон-грата 105 советских дипломатов и сотрудников совгранучреждений, идентифицированных как разведчики.

¹¹ Эймс Олдрич (род. в 1941), крупнейший агент советской внешней разведки в ЦРУ. Будучи начальником русского отдела управления контрразведки ЦРУ, Эймс передал нам данные более чем о 20 агентах ЦРУ в КГБ и ГРУ. В 1994 г. был разоблачен. Приговорен к пожизненному заключению.

¹² Седьмое управление КГБ занималось наружным наблюдением.

¹³ Семичастный Владимир Ефимович (1924–2001). С 1941 г. на комсомольской и партийной работе, был 1-м секретарем ЦК ВЛКСМ, зав. отделом ЦК КПСС. В 1961–1967 гг. – председатель КГБ при СМ СССР, генерал-полковник. Активный участник заговора против Хрущева. В 1967 г. назначен 1-м заместителем председателя СМ УССР. Генерал-полковник.

¹⁴ Блейк Джордж (наст. фамилия – Бехар) (род. в 1922 г.). Детство и юность провел в Голландии, участвовал в сопротивлении. Был арестован фашистами, бежал из концлагеря в Великобританию. С 1944 г. работал в английской разведке. В 1961 г. был арестован контрразведкой, совершил побег из тюрьмы и был тайно переправлен в СССР.

¹⁵ Сахаровский Александр Михайлович (1909–1983). В органах ГБ с 1939 г., работал на оперативных должностях в УНКВД по Ленинградской области. С 1945 г. – во внешней разведке. В 1956–1971 гг. возглавлял 1-е ГУ КГБ СССР. Генерал-полковник.

¹⁶ Мамсуров Хаджи-Умар Джиорович (1903–1968). Кадровый военный. Участник Гражданской, Испанской, Финской и Великой Отечественной войн. С 1935 г. служил в ГРУ на оперативных и командных должностях. В 1943 г. по личной просьбе был отправлен на фронт, где командовал 2-й гвардейской кавалерийской дивизией. После войны – на командных должностях в Советской Армии. В 1957–1968 гг. – заместитель начальника ГРУ, начальник Центра особого назначения. Генерал-полковник. Герой Советского Союза.

¹⁷ Шелепин Александр Николаевич (1918–1994). В 1939–1958 гг. находился на комсомольской работе, был 1-м секретарем ЦК ВЛКСМ. В 1958–1961 гг. возглавлял КГБ при СМ СССР. В 1961–1967 гг. – секретарь ЦК КПСС, одновременно председатель Комитета партийно-государственного контроля и заместитель

председателя Совмина СССР. В 1967 г. назначен председателем ВЦСПС, в 1975-1984 гг. – зам. председателя Госкомитета СССР по профессионально-техническому образованию.

¹⁸ Гуськов Анатолий Михайлович (род. в 1914 г.). С 1939 г. в органах НКВД. Находился на оперативных должностях в системе военной контрразведки, возглавлял Управление МГБ по Горьковской области, МВД-КГБ Азербайджанской СССР. С 1956 г. – в центральном аппарате КГБ СССР, в 1959-1963 гг. – начальник 3-го Управления (военная контрразведка). В 1963-1970 гг. – начальник ОО КГБ по МВО. Генерал-майор.

¹⁹ Грибанов Олег Михайлович (1915-?). В органах ГБ с 1932 г. Находился на оперативной и следственной работе. В 1945-1947 гг. – зам. начальника УНКГБ-УМГБ по Свердловской области, в 1947-1950 гг. – зам. начальника УМГБ по Хабаровскому краю, а затем – начальник (1950-1951). С 1951 г. – в центральном аппарате МГБ СССР: зам. начальника 2-го ГУ (контрразведка). В 1953-1964 гг. возглавлял советскую контрразведку. Генерал-лейтенант. В 1965 г. уволен из КГБ по служебному несоответствию, исключен из рядов КПСС. Занимался литературной деятельностью (под псевдонимом Олег Шмелев).

²⁰ Рогов Александр Сергеевич (1901-1992). В Красной Армии с 1919 г. С 1930 г. в органах военной разведки. В годы ВОВ руководил РО ряда фронтов. Был военным атташе при посольстве СССР в Великобритании (1954-1958). В 1959-1963 гг. – зам. начальника ГРУ ГШ. Освобожден от занимаемой должности, в связи с делом Пеньковского «за потерю политической бдительности» и разжалован из генерал-полковника до генерал-майора.

²¹ Аллилуева Светлана Иосифовна (род. в 1926 г.), дочь И. В. Сталина. В 1967 г. выехала из СССР, чтобы принять участие в похоронах мужа-гражданина Индии, но обратно уже не вернулась. Попеременно жила в Швейцарии, США, Англии. Написала 3 книги воспоминаний. В 1984 г. неожиданно возвратилась в СССР, однако в 1986 г. обратилась к советскому руководству с просьбой вновь выпустить ее в эмиграцию. Живет в США.

²² Гордиевский Олег Антонович (род. в 1938 г.). В органах внешней разведки КГБ с 1962 г. В 1974 г., работая в копенгагенской резидентуре ПГУ КГБ, был завербован британской разведкой. В 1985 г. был представлен к назначению на должность резидента КГБ в Лондоне, однако, опасаясь провала, бежал из СССР в Великобританию, где получил политическое убежище. Заочно был приговорен к высшей мере наказания за измену Родине.

²³ Малиновский Родион Яковлевич (1898–1967). Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена «Победа», народный герой Югославии. Участник 1-й Мировой, Гражданской, Испанской и Великой Отечественной войн. В годы ВОВ командовал рядом фронтов, руководил разгромом Квантунской армии японцев. Впоследствии командовал военными округами, был главкомом сухопутных войск. В 1957–1967 гг. – министр обороны СССР.

²⁴ Ефимов Иван Павлович (?–1988). В 1959–1963 гг. военный атташе при посольстве СССР в Великобритании. Генерал-майор.

²⁵ Романов Григорий Васильевич (род. в 1923). На партийной работе с 1957 г. В 1970–1983 гг. – 1-й секретарь Ленинградского ОК КПСС, в 1983–1985 гг. – секретарь ЦК КПСС. Избирался членом Политбюро ЦК КПСС. Герой Социалистического Труда.

²⁶ Сташинский Богдан Николаевич (1932-?) В 1951 г. был завербован МГБ. В 1955 г. аттестован, переведен в распоряжение 13-го отдела 1-го ГУ (диверсионные операции). Использовался как боевик-нелегал для ликвидации противников советской власти. Лично уничтожил в Германии одного из лидеров ОУН Л. Ребета и руководителя ОУН С. Бандеру. В 1961 г. был направлен в ФРГ для ликвидации лидера НТС Г. Околовича, однако под влиянием жены сдался властям и был осужден к 8 годам за соучастие в убийствах. Дальнейшая судьба неизвестна.

²⁷ Околович Георгий Сергеевич (1901-1980). Один из руководителей антисоветского Народно-Трудового союза (НТС), организовывал подпольную подрывную работу на территории СССР. В 1962-1970 гг. возглавлял издательство НТС «Посев».

²⁸ Голицын Анатолий Михайлович (1926-?). В органах ГБ с 1945 г. Находился на оперативной работе в 1-м ГУ КГБ. В 1960 г. был направлен в долгосрочную командировку в Финляндию под дипломатическим прикрытием. В 1961 г. попросил политического убежища в США и был тайно вывезен сотрудниками ЦРУ в Вашингтон.

²⁹ Молодой Конон Трофимович (1922-1970). С 1951 г. в органах внешней разведки МГБ. В 1954 г. под именем канадского гражданина Гордона Лонгсдейла был направлен на нелегальную работу в Лондон, возглавлял нелегальную резидентуру ПГУ КГБ в Великобритании. В 1961 г. был арестован контрразведкой и осужден к 25 годам тюрьмы. В 1964 г. был обменен на британского агента Гревилла Вина и доставлен в Москву.

³⁰ Супруги Коэн (Крогер); Моррис (1910-1995) и Леонтина (1913-1993), уроженцы США. В 1945 г. были завербованы внешней разведкой НКГБ. Выполняли

функции связников разведчика-нелегала Р. Абеля (В. Фишера). В 1954 г. были направлены как нелегалы в Великобританию, где работали в нелегальной резидентуре К. Молодого. В 1961 г. были арестованы контрразведкой и приговорены к 20 годам заключения каждый. В 1969 г. были обменены на агента британских спецслужб Д. Брука, арестованного в СССР, и выехали в Москву. За выдающийся вклад в обеспечение государственной безопасности удостоены званий Героев Российской Федерации (посмертно).

³¹ Чистяков Николай Федорович (1914-?). В 1939-1945 гг. работал в органах прокуратуры, затем - в системе военных трибуналов. В 1958-1964 гг. - начальник следственного отдела КГБ СССР. В 1964-1971 - председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР, в 1971-1974 гг. - начальник Управления военных трибуналов Министерства юстиции СССР. Генерал-лейтенант юстиции.

³² Фельфе Хайнц (род. в 1918 г.). При гитлеровском режиме служил в уголовной полиции, VI управлении РСХА (внешняя разведка). В 1945-1946 гг. находился в английском плену. В 1947 г. был завербован советской разведкой. В 1950 г. по настоянию кураторов внедрился в аппарат БНД (разведка ФРГ), где впоследствии возглавил советский отдел. Систематически передавал КГБ информацию о проводимых операциях и агентуре. В 1961 г. был разоблачен и арестован. Приговорен к 15 годам заключения. В 1969 г. был обменен на группу арестованных в ГДР и СССР агентов БНД и переправлен в Восточную Германию.

³³ Сухомлинов Владимир Александрович (1848-1926). Кадровый военный, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., генерал-адъютант. В 1908-1909 гг. - начальник Генштаба, с 1909 г. - военный министр. В 1915 г., после серии неудач в Первой

мировой войне, был смещен с должности, а затем обвинен в должностных преступлениях и государственной измене. В 1916 г. арестован, приговорен к пожизненной каторге с лишением всех прав состояния. В 1918 г. освобожден по амнистии, в связи с 70-летием, и эмигрировал в Германию.

³⁴ Горный Артем Григорьевич (1912-1986). В 1957-1986 гг. – Главный военный прокурор СССР, генерал-полковник юстиции.

³⁵ Лазо Сергей Григорьевич (1894-1920). Участник 1-й мировой войны, прапорщик. С 1917 г. в революционном движении, участник установления советской власти в Сибири. Командовал войсками Забайкальского фронта и партизанскими отрядами Приморья. В 1920 г. после вторжения японцев в Приморье был арестован и после пыток сожжен в паровозной топке.

³⁶ Резун Владимир Богданович (род. в 1947 г.). С 1970 г. в органах военной разведки. В 1974 г. был направлен в командировку в Женеву под прикрытием должности атташе представительства СССР при ООН. В 1978 г. совершил побег в Великобританию, где попросил политического убежища. Активно сотрудничал с британскими спецслужбами. Автор ряда книг, написанных под псевдонимом Виктор Суворов.

³⁷ Корвалан Луис (род. в 1916 г.). В 1958 г. возглавил компартию Чили. После военного переворота Пиночета в 1973 г. был арестован, находился в заключении. В 1976 г. передан советским властям в обмен на освобождение диссидента Владимира Буковского.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Форма № 5 ООУ.

Секретно-Оперативное Управление

У. С. С. Р.

Всеукраинская Чрезвычайная Комиссия.

Дело № _____

ПРОТОКОЛ.

1922 _____ " дня в _____ Секретно-Опе-

ративного Управления ВУЧК _____ сего числа допросил

по делу гр. Баткина в качестве _____ и он показал:

Имя, фамилия и отчество Баткин Федор Исаакович

Время рождения рожден в 1892 году

Происхождение мещанск. г. Севастополя

Где учился среднее

Род занятий до империалистической войны Участник Чрезвычайной

Во время войны тоже

К моменту февральской революции тоже

К моменту Октябрьской революции Председатель делегации
Черноморского флота

Кто родители Отец Волжар

Место службы в настоящее время _____

Постоянное местожительство город Севастополь

Адрес: квартиры в настоящее время Москва, Ману
Лубянка 3

Там ВУЧК. Дел. № 1922

Средства и существования Личный труд

Состоял членом союза, общества, партий, кружков политических С 1917 года
до 1918 года, состоял членом и партией СР

В настоящее время НЕТ

Сведения о судимости НЕТ

Находился ли под стражей и где Как при царском режиме,
так и после Революции сидел за контр. действия

Отношение к воинской повинности Уволен от военной службы
бы по чужой

Показание по делу:

Вопрос: Когда началась Ваша политическая деятельность и в чем она выражалась?
Ответ: Моя политическая деятельность началась когда мне было лет 14. Заключалась она в распространении прокламаций среди рабочих партия и матросов города Севастополя. Не исключением были и революционного уличного, она продолжалась в Одессе и выражалась в участии в студенческих и в борьбе с жандармской полицией. В Одессе я впервые сидел за участие в демонстрации и за роги по поводу убийства студента Мицкого. После ареста я не был допущен к экзамену на высшейшей зрелости при школе и чекам за границу в 1904 году. Заключился в партии не советской, но был

членом еврейской организации "Ицхуким" (еврейская
антиименистская организация). Находясь за границей
(Мельбурн, до 1941 года, состоял в этой организации. По возвращении в Россию, из отдаленной политиче-
ской работой не занимался. Исправил кружки, вы-
считался несколько раз и считался несколько
денгами. Февральская Революция зашла между ~~в~~ ~~в~~
наше и там, сразу сдан во главе этого движения
по рабочую, обще-городского митинга, и принял
на себя отмену города. В мое распоряжение
было прислано 10 человек и 10 человек - все на
работу; разоружив тотчас полицию и жан-
дармерию, и распустили все и все митин-
гование к населению о выборах депутатов
для принятия власти в городе. (Три три дня
уже был сформирован городской исполнительный
комитет). Я же в эти три дня сформировал
Совет Рабочих Депутатов, введя в состав сформиро-
ванного совет мастровских депутатов и объеди-
нил эти два совета. Нарядом с сформиро-
ванным Советом солдатских и офицерских
депутатов. Все советы объединились. Я органи-
зовал культурно-просветительской и редакцион-
ной комитет. Объединенный совет. Ра-
бота закончена в отделе судов и касса
и разделение происходило. Считаю, что
сложнейшая Революция - войной в защиту
чести Родины и свободы Народа из того
в марте месяце произошло озабоченности
меня на флот, куда и был зачислен в апреле.
В последние числа апреля по инициативе:

нашросов зредноута, свободаз Россиз" решен
было починать, в центр и на все фронты
делегацию с пропагандой под лозунгами
- Родина и Революция в опасности - Вплоть
разделяя такой взгляд на капитализм
в описываемый период, з, откуда сторон
никам проделывать. Войны на принципе выдвиг
нутым Российский Временной, принцип
ранше в делегацию и был ее председа
телем. Мы посетили крупные города Росси
фронты, фабрики и все воинские части
Идея делегации была ясно выражена много
в Москве в совете рабочих депутатов и в
городской думе ценового состава, кратко
лимиты в следующие словами: Коекого
каждый, да же самый отсталый рабочий со
дай и широкое, понимаешь, что у него с бур
жуазией нех общих интересов, которые
завали-ли военное время закрепить уже
гражданства. Мы, как один человек, глубоко ве
чим на защиту безоговорочных прав крестья
нина на землю. Намешик умер вместе с
конницей. Наши силы мы отрядили рабочих
борьбы с буржуазией, а сейчас когда у юрты
множество нитки грозные наши свобода
Розине и когда буржуазия пришла на воен
ческую сторону совершившаяся, з не только
считаю или иным образом обострив
массовый противоречия, но считая их з
шобелыми из Россиз, а сле
ошательство и из завоеваний Революции

ротокон допроса читал

ротокон составил

сеною временных ваших уступок и переис-
сел координатных вопросов на разрешении ф.
и темного Сафрании, з предпалаю сегда
эдикт фронт Нации, днз залу и тб Страны и
авоеваши Реваншизм на криники: гурко
и хотим, но своего не отгадим. — гурко
и в той и деи дметации присоединил и с. н
и ценовал думи / Хикзук-Ашров. Московский думи
ту работу и в вли везду. Ане чашо приходило
вбстпайи с болшевики и з везида реск
равношиз с ними по вопросу о войне и мире.
так з равнзурел по фронтам и приняиал вхт
участие в организации ударных батальонов. На
вал в наступлении 8 июня з на крево-сморлоки
Ахтигорьскт переворот гасиал менз в Аман
иде 27 декабря з полухи разпорзурени Керен
помог движению ударников из Могилева к
Петроград. з откзалов, мошавири з дикт на
зрелашем зравствоваш в гурко дикт вон
и твердиш убеждении, что болшевики сохну
социалистическое правительство, которое не
мощ сепаратнаго мира. Если же болше
затупит отдельн в переговоры с немцами
то сми-отн з осталз обичокии, з все-равно
организоваи востание; и з чехам в Харв
кую губернию в гор Белополе, где проиш
средний декабрь. Когда мир с немцами
становилз очевидным, з отправилз на фр
и поступил в Армию генерала Корнилова.
з читал лекции о необходимости воору
нало сверженни болшевики, как губите
национального дошощинства и России и з
соотходимости продолжати войну з н
ами. Сариней Корнилова принд. 14
не в кубанском походе из кошорало
звизду ойрой борбт с монархией
при веникине, считаз болшевики ошвей
веникии за бреси-Литовский договор

и стал необходимым свергнуть Советское правительство,
этими уничтожить окоробивший Национальный
этнический мир. В этом духе я и считал мои
эскизы, отдавая теперь массу времени на борь-
бу с развивавшимся тогда реакцией и погромщи-
цой я и был дважды арестован. Я считал боль-
евики не своими идеальными врагами, а вра-
гами Нации, опасными до тех пор пока в их ру-
ках власть. Я иим и обосновывал, что я сам ук-
ры и слава целой рзг видных коммуни-
стов; из них помню: Колышко — командую-
щий Советскими Таманского фронта, Вн-
илов — комиссар юстиции на Кубани,
Зарцев — его помощник, Богуславский —
комиссар здравоохранения там же.
Лаура Богатуровна — предкрыш Ревкома,
Новицкий, Могилевский и многие другие.
Все они жили и всегда в России. При
Врангеле я прочитал одну лекцию. С маэ я
личительно оиошил ои Врангеля и вскоре после
ялала рзг рзких стиховений и звуков.
ов произведений у меня уехал за границу.
считал, что погва днз борзот с Соввластью
является. Это существующее правительство
единственный национальный правительстве
не испугавшись про-вети перемены цен
иоисей, своих выводов я не скрывал, а после
вакуации кртно начал открытую пропа-
анду о необходимости полного приме-
нения с Соввластью и возвращением всех на-
родов. Я считал, что являюсь нужным крб-
турбиз силб я сгруппировал специалистов
ваденз в шик мои възизбы: инженеров, врачей,
техников и офицеров-специалистов. Мы по-
али найти способ для переговоров с Сов-
ластью, полагая, что гласность расколо-
ит врагов, а успешность полетей убе-
ждение желавших возвращений без прив-
етением комедияющих, мы верз в фелак
ишми вести переговоры и т.д.

связи с представителями РВСР Анапаса и Валаш
предоставлять только к августу 1922 года. Инте-
риная работа реакционеров заставила меня с
родить свою организацию, которая была довольно
примитивно налажена, что давало мне возможность
быть относительно хорошо ориентирован
в действиях реакционеров. С момента моего
контакта с Совпредставительством я ста-
вил их в известность о действиях ре-
акционеров. С отъездом в Россию Сладкова ра-
бота моя ухудшилась, из сообщений пригласи-
ли приезде, и получив от Совпредставительств
известия о вторичном письме о том, что если
когда действительно будет пометкой государ-
ственным мой приезд в СовРоссию и личные пе-
реговоры с правительством, из-за ухуд-
шения на дороге, открытой на пароходе
«Метис» встал в самом конце января.
Константинополь в Севастополе.

Я считал, что если работа моей органи-
зации будет необходима, то я смогу ее
руководить из России; если же необходимо
будет мое присутствие за границей, то
я смогу просить туда в качестве со-
трудника Внешторга. Но возвращение в Рос-
сию считал достаточной демонстрацией пре-
стижа наветов о невозможности возвращения
к среде эмиграции. Я не считался с разрывом
моего присутствия в России рассматрива-
ли, как возможность возвращения всех э-
мигрантов. В России я был вынужден сидеть
под стражей рвы доставлен в Москву
ВТК, что и заставило меня поставить воп-
рос о гарантиях представленных мне в
а что я получил следующий ответ: на-
ника особого отдела тов. Артугова: «В
гарантии мы подтверждаем: взятых на
своих обязательствах нашими предста-
вителями и подтвержденные вами» /з пре-

авил список лиц которых нужно выпустить
из границу и список домов подлежащих изъ-
ятию, мы выполняли независимо ни от каких
бюрократических/оуден работай в Москве или ке-
сно все равно) что было в 80-х годах. февра-
из, а через неделю меня вызвал к себе тов
чиномер и подтвердив все сказанное тов Арту-
вым говорил со мной по существу возмож-
ной возможности работы. В середине марта
ко мне пришел освобожденный от работы
требла тов Соколовский и предложил мне со-
общить все известное мне о Болховском. Через
несколько дней он же вызвал мне, что решил
отправиться в Константинополь человека и
чуждо мне содействии. Туш-же мой вызвал
Архипер моего содействии. Но мне нечего
сказать сторона отправки и содействие
общающему в Константинополь за вести
содержимый знакомства. Я согласился и
предложил отправить с послом своим слова
из облегчения первых шагов в Константино-
поле уполномоченному Москве. Это предложение
было принято мной-бел, мной-бел, что мой
Соколовский вызвал еще об одном поруче-
нии дающего быть дано Сеову и т
срзика. После этого мы отправились к тов
Архиперу, который и дал Сеову самостоятель-
ное поручение. Ант за два до отъезда к нам
пришел Соколовский и познакомил нас с при-
сущими с ним, подготовил и мы приступили
исследованию задания в самых общих чер-
тах. В день отъезда тас за два до отъезда
отъезда к нам пришел и Артуров, который
повторил задание. Мы исследовали технику
правки и финансовую сторону отправки
нашими сербской нехваткой денег у Копов
сказали что американский доллар стоит
турецких лир, когда в вызвали, что амери-
канец стоит от лир двадцать пиастров
лир 50 пиастров) и Артуров дал Копову
но к Роттенбергу. Выход Копов в случае ко-

отношении неординарных денег, отдаче мне 320 н.
лежких мир / 100 английских фунтов / 3 колумн в Мос.
это сущий для меня дана для отсылки р.
зительству, и о содействии к проведению ка-
мергеских комбинации, оуде таковыя по-
близе для получения средств для отправки
к поезду мы опоздали. С Котовым размышляя и
божале и через неделю он звонил к нам за-
до отхода поезда и назвал что мы едем. Вы-
в воскресенье и в четверг средь вечера мы
были в Севастополе, захвали к моей семье
Котов и Сова поехали у нас, а з поехали в
пире д-ра Нама. Ч. Нахимова / Игровым мы
шли в Сиверополь. Котов отправился ко
пред. ТНУ Уралову, и возвратившись вечером
мы мне, что нужно нам вместе пойти к
Уралову, что уник денег мы грим, и ч.
денги нужно создать пушью крими-срам
комбинации. Мы в тот-же вечер отправили
к Уралову и беседовали с ним до 5 часов
утра. Здесь мой первый раз виденная обстоя-
но способ действий. Суммирую решения:
з приехал в Севастополь для закупки продо-
виз для штаба РККА. Котов уполномоченный
и без его санкции покупка недействительна
Котова и Сова з отправлю на паракосе
хотят з договорюсь до отхода Котова.
Сова мы используем лиц получивших разреш-
Н.К. на выезд в Константинополь для подро-
ки соответствующих почв в Ко-те [это з
лади здесь связи с антикоммунистич. органи-
зациями, и что благодаря тому, что ~~здесь~~ это
организации имеют своих людей в советской
интерактивной аппарате и деньги которые
могут купить кого угодно так легко удаче
получить разрешение для их отхода за-за
что з разогарован виденным здесь и что ка-
наю действовать, о чем подробно познакомил
своих в Константинополе в Ближневост.
Земли. Это организации зидой з оказали че-
ш и поехали оно и здала мне волнать.

лучший разрешение на всеяде данных мш.
Константинополь. Попов и Себастьян, детство
имели одного пилота гимназии. Попов предвзя-
тый крупный монархической организации, с ко-
торой я связан. Организация имела крупный
размах и налаженную связь по всей России
разными делами. Вопрос о добывании сред-
ств и материальных комбинациях. Вопрос этот
стоял в положительном смысле на приезде
Гайденко. Я пришел за работу в 3-й направле-
нии: 1) добывание средств. Я снимал определен-
ный импортный товар и получал за это в 1920 го-
да деньги предназначались мною на отплату
за услуги и за выкуп сумм в 677 тысяч
руб./прибыли. Больше всего получал мне соот-
ветствующую сумму из которой я мог бы сделать
своими делами. Технически делами я был - зо-
нел какой груз какого импортера поделений
нужно, он снимался на ВК/иногда контрабанду
иногда зашел в союз, что попутно, де-
лал продавал товар, количество произве-
денной валюты и золота и был так-же
возможность контроля была полной.
Отправил мш: Сладковская - ее очень хорошо
я не доверял и подготовил согласно усло-
вие в Симферополе (я в говорю, что она еще
ребенок чтобы с ней мог все рассказывать, что
Константинополе она должна очень осторожно
говорить, кто помог ей встать, и в. там ин-
формации и если я там узнаю, что я полу-
ил возможность ее отправить, благодарю мш
вызвал здесь с определенной организацией, то
яне здесь судей никто, это по моему, должно бы-
ть, очень всегда колову. На случай затру-
щения или опасности в Константинополе Попов
суд майя Сладковской, перед которой он был
я он представителем организации отплатил
за доб, и получил нужную помощь из
французской и английской контр-разведок.
Киселева - ей написал письмо мужу в кото-
ром писал — "Здесь ужас, Сладков о многом
все предан. Я здесь обязательно что-нибудь
устрою, ты мне скоро нужен одуши" (могало
теперь о ситас не помню) Письмо в концы

[illegible]

Акулиничев и Горбункова. Я узнал от них в Лату и
объяснил им, что в кейнском слове обязано ввести
на границу, и если они желают по делу, то пусть
идут немедленно. Горбункова согласилась, а Акули-
ничевская не хотела. Мы несли от восточности с
своими. Тогда в ее в его полном безразличии
Я вместе с ними въехали в Севастополь. По
дороге с ними, очень туманно и неприятно го-
рел о способах, которыми я добился возможности
их отправки. В Севастополе с их помощью
с Поповыми и обработкой их они пришли всецело
на себя. Он обработал их по его словам отны-
не Я сам считал, что он пользуется их безог-
радным доверием, что подтвердил мне и он. Эти
дети были исключительно крепкой гари-
тией в штабе Врангеля и его к-развед.
Мальчик Гвоздев и его воспитательница
они могли быть полными из полученных вы-
при необходимости поездки и константинской
всюду в Лату. Считаю нужным за мной
отнадежды лишь подчас или впускать за-гра-
нично или их работы (различные нилера
Артурова). Я их нашел мужскими и пользова-
лись большим обезличением личности. Попов.
В случае неудачи Гвоздева Попова, эти фак-
ты были полной гарантией для доказа-
ва Гвоздева Попова и России, в том же
осени Попов мог бы посетить у кого-нибудь
из них. В случае невозможности получить по-
да деньги, Попов мог получить в течение 24ч.
паспорт из русского консульства через их
посредство. Об этом я неоднократно беседе
с Севастополь и Поповыми. Беседа моя, помню
мне так же с ними рассмотрели детей
и изучением моих книг случайностей
Картина такая: В первые дни в доверие
средства, почти не выходя с Поповыми
встретились им для разговора о день-
о парадке Иван, о неурядицах Ульяны
о негде виченского, затем в Лату
валя (сильной тир) разговор по делу
они уезжали во время моей болести,
они "моя" задерживались отходом на семь

по возможности раздражение, все внимание обраща-
ет на отправку поскорее параклода, усил "отсе-
дчик" в попытках. Уменьш вступит момент
или. Убрих шетейс, как угорелый и доко-
о того, что отрадованый советами мне
гроуал Каландурану /софрактователь, Умал-
реши, и, если не отправят Умал /У Убрих
хотнаш, к софрактованию там где она
редна и тупое кладокровие шам, где
обачаеь решительности. Так немошрз на
морический инструктор Француза, он много
спалки, немошрз на мое решительные
ование наваить на Внешторг из Ойеишрон
авки Умал он наваить на Внешторг и на
сая, так-что-то отправил параклод в
Умал, что могло-бы кончить огнем леган-
мбеля и не виден-склопен в без сноты
лупостью или растерянностью.

правка. К нашему прибытию в Севастопо-
ли было параклодов восемь. Значимы в
кем нашего приезда, на оставшихся и ко-
тили свое внимание. Ни один не сибегал и
преобладания. "Альбаири" капитан анкета
абсолютно ненадежен, в лучшем случае мо-
лучший отказ, ойже пострадает конста-
нудшем можно опасаться предательств.
параклод зафрактованый французский
бществом Софракс был совершенно на-
ен. Тем более не подходил параклод микро-
и-как терет жиняе этого судна все могло-бы
айше известной параклодной конторе Лео-
ино, а оттуда французам. Фрактовать ка-
ода, "Христом" скопрошетиловик перед фре-
цзали и через него мог-бы зли провал. А
одумывал о необходимости зафрактовать
о прищел "Умал". Отправка на нем была до-
го на 30% дороже, нежели на другом. Вмоще
сиферопоме и настали, что "Альбаири" не

быть представителями выполненных заданий, в те-
бе все составившее, и поэтому и репутацию ости-
вил на усан. Свои соображения и советы ты
и он из них, кто считал, усан единственно на-
шим парадом. Сперва же это капитан Жана-
вил, что переговоры об отправке кого-то то нибудь
и кон-16 он может вести, только после выбора
или ценностей отобранных у него во и дан-
ны Виленским в улагу ему и кем-то из
червотки. Я думаю, что никак не удастся ни
к Виленскому, ни к ценностям не иметь, и
лица, который и отправлять отсюда не были
были, что об их отправке никак не удастся там
заплатить и из, и что за их отправку и плату ему
политик или валютой кем-то. - Это же
ны, спроси капитан, что плату ценностям от
ности не судят у нас, так как при отхо-
дарах и в мухем случае и отъезду по
двух человек, а в худшем же отъезде
человек, и т.к. и извещая, что тека от
туда не знает, то ему грозит очень серьез-
ный штраф, какой он на себя не
может считать приказом не делать. А
точно повторю, в нем 9 из 3-4, скажи
капитан и дай вам 9 отъездов, гаран-
тирует ценностями, кто-нибудь из отъездов
и вышед к Убрику и попросил его подражать
и из о ценностях отобранных у капитана
и из извещая, что ценности эти капитан и
от и что он считает их безусловно подлежащими
отъезду, и что только сейчас по кодексу
капитана и них разбираться вопрос о выборе
ценностей и Виленским показав ка-
кореже против этого. В Москве и
и кайшорисские извещая, что Виленского
Севастополе не будет, что он не в кон-
мате не может и не судят никак о мнен-
оте. Виленского и в Севастополе застал
его извещая (ценности) без Виленского и
диз парадом не приходит не отходит. А
некто-Ходоровский извещая 9 раз ко

приглашением отправиться к Виленскому, и
портфель в руках Виленского. По дороге мы
двигались смутанно, были в 3-м Севастополе
и Симферополе, в те же дни, когда был
З. В Симферополе он был в номере про-
екта (в одной комнате) видел меня там с
портфель и принужден был их познакомиться
своей-к в лучших отношениях с Виленским.
З в Москве заявил, что не считая ни в коем сл-
е из себя возможным работать в Вилен-
то мой визит на его работу резко отрицатель-
ный, в Севастополе мой визит укрепился, и пот-
в отправился к Урмизеву и заявил, что не га-
рантирую исполнение работы в полном ин-
струкции данной мне в Москве, что я решил та-
вероятно возможности из Виленского мно-
го или мало приезда в Севастополь, и дума-
ю, что он уже все знает. Урмизев (одноименно со-
отвешивал и тут-то он кричал) о необходи-
мости Урмиза в поездку, о необходимости
алиментов его приказаний в отношении Ва-
но, заявил, что он видел в этом отношении
любимую работу, ту же же выдал ре-
шенберг, который дал нам имя и по-
гарантию, что Виленский уедет. Но Ур-
изев приказал Урмизу арестовать Ходор-
о, но никто этого не исполнил. Виленский
нам через две недели после нашего по-
а и в Севастополь не гарантирую, что он не
нашей работы, а скорее наоборот.
Оценки и отправки мы решили следующие:-
Капитан Иван в уполномоченный Наркомвн-
та, кроме того у меня есть еще задания не-
прошедшие котировки целого ряда учреждений
то здесь учреждениям меня боится. Это от-
миссия приказов извещения в 7-к о возвраще-
нии, и что мы отправимся туда вместе

з всеми нами поддержку его капитанство. Так
сделали. Возвращено было серебро, тельце-
е было взято таможеней и не возвращено. Я
тогда был уплаченный капитану две тысячи ту-
гр за отправление и погрузить его пакки-
се, как-нибудь-то было хорошо, но вот однажды
вышел ко мне выданный капитан, и бо-
ль, что один из отработанных парасора
главын предложил ему отправить немцы
его паракосе тельце. Это Папавыдн дал
уей от имени т-к и что не слышны кай-
ан, что он такой имелся втискины не
копей Папавыдн посоветовал себе погрузить
ав 24 тасо на размышление. Я сказал ка-
итану, чтобы каждаго кшот кшот звит
скажеш, что он от Пеника, чтобы капитан
члонд и зазвезд, что он ни с кем никак
ни не имел. Я выдал Попова (з чорс леран
в тифу) и просил его срочно выехать в
Уральева. Попов отправился в Симфер-
оль (взял с собою Куркинскую) з-же вы-
ел Фибриха, который зазвил, что з решил
ильно тредно выехать, что давал пору-
ение капитану, что з тредно выехать з
втишадн и чтобы дук Папавыдн на
ване не было. Фибрих выехал, что как
ло осведомился, что он все выехал,
з категорически повторил свое требо-
вание. Вернулся Попов и зазвил, что он
был у Коштенберга 1000 мир днз Конора
мнополз. Я раньше взял у Попова 45
олларов и 15 английских фунтов, днал
Попов была сумма в 1000 мир и 85
английских фунтов (не меньше 500 мир) и что
раньше обещал раме довайть дело с на-
сом. Наконец с капитаном условились

бы назначен день отъезда паразюда, который я
отфигивал. (Выше я сообщил как был отпу-
щен) Я указывал капитану 1260 мр. Кроме
того капитан просил отпустить еще двоих
торговую фирму обещали выпустить еще в к
при отправке Сидорова. Я разрешил с
и еще двоим французинам воевать. Но их в не
дел. Не видишь они меня. Их делу голова из отъ
отношений не имели.

Западнее поиска на Франк, что из счита
недопустимым. Попов и Сидор погрузили
они были похоро сами капитаном.

Вот условия в каких все произошло.
Ба, Гибрих нашел у Киселевой мою пи-
и после сообщил мне об этом.
Знавал ему, или тлевая не следовало
находить или ее не следовало с тлевая
выпускать и решили, что теперь надо
использовать слух, что Гибрихевон г
овек (предложение Гибриха)

22 июля 1922 года Федор Пайкин
торгаш ГИУ
Карков

ЗМ

" УТВЕРЖДАЮ "

НАРКОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
КОМИССАР ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ
1 РАНГА

/ ВЕРИЯ /

29/IV
"29" апреля 1940 г.

" САНКЦИОНИРУЮ "

ПРОКУРОР СОЮЗА ССР

Иван Крайний
"29" апреля 1940 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(на арест)

27 апреля 1940 года, л.и.с. нач. 12 отделения 2 отдела
ГУТБ НКВД СССР - лейтенант Государственной Безопасности
КАНЕР, рассмотрев следственное дело № 41870 ОУР УРМ гор.
Москвы по обвинению ВЕНТРОСЕР В.Р. и др.,

Н А Ш Е И:

20 - 25 декабря 1939 года, ОУР УРМ г. Москвы ликвидировал шайку воров-взломошников, возглавлявшуюся безавшим из лагеря рецидивистом ВЕНТРОСЕРМ В.Р. и совершившую за период март - декабрь 1939 года в г. Москве до 60 квалифицированных квартирных краж.

Материалами дела установлено, что участники шайки были связаны с гр. Ивонтиной Ядвигой Гевриховной, она же ЛАШКЕВИЧ Ядвига Гевриховна, урожденная ГЕДРОЦ, 1900 г. рождения, уроженка г. Вильно, без определенных занятий, проживающей в гор. Москве по Исааковскому пер. д. 9/11 кв. 21.

Проведением НКВД СССР дополнительным расследованием всех обстоятельств дела установлено, что указанная ЛАШКЕВИЧ Ядвига Генриховна:

а) на протяжении 1938-1939 г.г. была в курсе преступлений ВЕНТРОВЕРА В.Р., сожительствовала с ним, укрывала его после побега из лагеря и извлекала материальные выгоды из его преступной воровской деятельности;

б) на почве сексуальной связи с посещавшими ее квартиру студентами ряда ВУЗ'ов г.Москвы, содействовала вовлечению их в воровскую шайку, возглавляемую ВЕНТРОВЕРОМ В.Р.

в) превратила свою квартиру в притон, куда участники шайки во главе с ВЕНТРОВЕРОМ В.Р. доставляли чемоданы с краденными вещами непосредственно с мест краж; отсюда же производился сбыт краденного;

г) знала, что ВЕНТРОВЕР, после побега из лагеря проживал в г.Москве и устроился в качестве преподавателя физкультуры в 309-й школе Кузнецовского РОНО по подложным документам, выдавая себя за племянника Ф.Э.Фердинандо;

д) после ареста шайки, поддерживает с ВЕНТРОВЕРОМ и другими арестованными нелегальную переписку, подстрекает арестованных к сопротивлению следствию и к побегу.

Исходя из вышеизложенного и учитывая, что в действиях ЛАШКЕВИЧ Я.Г. на лицо преступления, предусмотренные ст.ст. 17 - 162 п.п. "в" и "г" УК РСФСР -

- 3 -

П О С Т А Н О В И Л:

Озертинскую она же ЛАНКЕВИЧ, Едвигу Генриховну, подвергнуть обыску и аресту.

И.о. нач. 12 отд. 2 Отдела ГУГБ НКВД
ЛЕИТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ

В. Канер
/ КАНЕР /

" СОГЛАСЕН " НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
КОМИССАР ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ

В. Канер
/ КАНЕР /

К о н е ц .

5-го октября пришла в приемную 8-го отдела ПАРЛОВА Елена Николаевна, проживающая по адресу: 2-я Медвinskaya, ул. Напрудного пер. д. - № 97 кв. 133 и заявила, что сестра - Елизавета Эдмундовна ДЖЕРЖИНСКОГО - Елизавета Эдмундовна, проживающая по адресу: Чистые пруды, Лобковский пер. д. - 4 кв. 48, всегда высказывалась антисоветски, ждет войны и по-
ражения большевиков. Всегда хорошо отзывалась о Ягоде.

Ее дочь ЛАДКЕВИЧ Елизавета Генриховна, а сейчас опять носит фамилию ДЖЕРЖИНСКАЯ, рассказывала мне, что ее мать, когда была в особняке Пункина, выпустила из под ареста видного шпиона польского, за что Ф.З. ДЖЕРЖИНСКИЙ хотел ее за это расстрелять, но она ЛАДКЕВИЧ уговорила Ф.З. не делать этого, на что он дал согласие и выслал Елизавету в Новороссийск в ссылку. Они обе пенсионерки, живут на паек.

Елизавету Эдмундовну постоянно посещают темные люди. Не дождется когда она будет в Польше, где ей обещали за отпущенного шпиона поставить памятник. Она ее - польский офицер, с ее слов был правой рукой Пилсудского, фамилия его КУШЛЕВСКИЙ.

Самостоятельно знает Елизавету Эдмундовну по своему брату Александру Елизарову, который жил у Елизаветы в г. Вильно до революции и она тогда была весьма распутной женщиной.

Е. ПАРЛОВА.

1/х-1937г.

В е р н о :

Со слов дочери Ядвиги Эдмундовны, когда они жили в особняке Пушкина, то Ядвига Эдмундовна выпустила важного польского шпиона, за поимку которого Феликс Эдмундович обещал большую награду. Она вышла с ним под руку мимо часовых, которые не решились задержать сестру Дзержинского. Он ей обещал в Варшаве поставить памятник. Феликс Эдмундович метался по комнате, говорил, что ее за это надо в стенке, но она Яда, вымолила его на коленях и Ядвига Эдмундовна выехала в Новороссийск, где жила в гостинице "Европа". Там они выпускали всевозможных, пользуясь тем, что никто ничего не знал. Работала она на игрушечной фабрике.

Мать и теща журналиста Савадского рассказывали о ее ужасном поведении, кулежах и вояжах.

После смерти Феликса Эдмундовича она вернулась в Москву.

Софья Сигизмундовна с тов. Барским поругались, что она была на свидании Ф.Э., воспользовавшись какой то запиской из которой видно было, что Ф.Э. послал ей деньги. Когда Ядвига Генриховна была с матерью в ссоре, сказала зачем она ее покрывает, она объяснила, что не может ей отказать, т.к. она очень лицом похожа на Ф.Э.

Ядвига Эдмундовна только и мечтает, как попасть в Варшаву. Говорила, что ее сын - правая рука Пильсунского, что за убийство такого хана тов. КИРОВА, так страдает идеалист Николай и как она хотела бы его спасти. Все улет войны.

В 1902 или 03-году, идя с ней вместе мы встретили каких то мужчин, они говорили с ней по немецки. После они сказали, что это немецкие инженеры. Все говорила, что ее любит Ягода, что он ей дал для выучки пианино. Он ей дал комнату со всей нужной обстановкой. Зеркальный шкаф она отдала дочери, взамен ее просто-

234
6

го, чтобы после смерти не забрали чекисты. Пользуясь своим положением, внушал всем уважение и доверие. Она ощущает всякую мразь. У нее уже один раз хотели отнять пенсию, но она хорошо разыграла роль, не помню как ее позвали и вернули.

Моя девочка, когда увидела в газете расстреленных врагов родины, то сказала, что этого дальеньку она с его женой видела у бабушки, они говорили не по русски и не по польски.

Адвиге Адмундовна рассказывала, что она была у Бухарина.

«А деньги и без идеи она способна на все, а ведь еще так много не выловленных врагов. Так обидно, что жизнь отдаешь за нашу богатую родину, за великого Сталина, ~~даже за родных и близких~~ для которого все равно, а меня, какую то Павлову, не пустят без пропуска, проверят, пропустят / хотя так и надо/, а ей все открыто, ей все верят - она Дзержинская. Ее фамилия была КУЗНЕВ-СКАЯ, а дочери - ЛАЖКЕВИЧ.

Когда я хотела в 1933 году обо всем сообщить в ОГПУ, то сказали, что нельзя трогать фамилию Дзержинского, ради заграничьи и что если я напишу ягода меня вылетит. Но теперь не то. Свою жизнь отдам в завету родины.

Е. ПАВЛОВА.

В е р н о :

СССР

РОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ОРДЕР № 200

15
Апрель 27 1947.

Выдан

Государственной Безопасности

Иванову-Васильеву
производство: Арест и обыска

Дзержинской
Людвиг Генрихович

ес Потоловский пер. д. 9/1
кв. 21-

ОСТО
ЛЕВ
ВЕРХ
РОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Народный Комиссар Внутренних Дел СССР
Начальник Третьего Следственного отдела НКВД СССР

авка: 5 Арест санкционирован Прокурором СССР.

а.

264

" УТВЕРЖДАЮ "

НАЧ 2 ОТДЕЛА ГУТБ НКВД
КОМИССАР ГОС БЕЗОПАСНОСТИ З. РАПТА
/ ФЕДОТОВ

" 8 " Августа 1940 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Москва, 8 августа 1940 г.

Я, и.о. нач. 12 отделения 2 отдела ГУТБ НКВД, лейтенант Государственной Безопасности, рассмотрев материалы следдела № 1154 на Озертинскую Ядвигу Генриховну и найдя, что ее показаниями изобличается в антисоветском и преступно-аморальном поведении военнослужащий ИВАНОВ Николай Эрастович, 1911 г.р.

ПОСТАНОВИЛ:

Выписки из протоколов допроса Озертинской Я.Г. в отношении ИВАНОВА Н.Э. направить на распоряжение зам.нач. Особого отдела ГУТБ НКВД СССР - майора Гос. Безопасности т. ОСЕТРОВА.

И.о. НАЧ 12 ОТД 2 ОТДЕЛА ГУТБ НКВД СССР
ЛЕЙТЕНАНТ ГОС БЕЗОПАСНОСТИ

РАПТА
НАЧЕР

пп-4.

Выписка из протокола № 144

344

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

от 26-го октября 1940 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>345. Дело № 1154/по обвинению ЛЕВЧИНСКОЙ Лидии Генриховны, она же ЛАШКЕВИЧ, 1900 г.р., урож. гор. Вильно, полька, б/парт., образование 5 классов гимназии, до 1934г. делопроизводитель полиглинки НКД.</p> <p>до ареста пенноконерка.</p>	<p>ЛЕВЧИНСКУЮ Лидию Генриховну, она же ЛАШКЕВИЧ, как социально опасный элемент - заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет, считая срок с 24-го апреля 1940 года.</p>

Капит.

Нач. Секретариата Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

П Р О Т О К О Л

ЗА СЧЕТОМ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЫСШЕГО СУДА СОВЕТА С.С.Р.

24 января 1940 г. гор. Москва.

Председательствующий - Армагенерист У Л Ъ Р И Х

Ч л е н ы : Бригаденерист СМДН и

Бригаденерист ДТИЛОВ

Секретарь - Военный вр.ст 2 ранга Б Д И Н.

Председательствующий объявил о том, что подлежит
рассмотрению дело по обвинению - ИЩЕМС.ЮГО Александра Ивановича
в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК.

Председательствующий удостоверяется в личности по-
судимого и спрашивает его, получил ли он копию обвинительного
заключения и ознакомился ли с ним.

Подсудимый ответил, что копия обвинительного заклю-
чения им получена и он с ним ознакомился. Обвинение ему понят.

Председательствующим объявлен состав суда.

Отвода составу суда не заявлено.

Ходатайств не поступило.

Председательствующий спросил подсудимого, признае-
т ли он себя виновным.

Подсудимый заявил, что виновным себе он признает
и показания, данные им на предварительном следствии, полностью
подтверждает.

555

Больше ничем судебное следствие под удивлей не дополнил и оно было объявлено законченным.

Подсудимому представлено последнее слово, в котором он заявил суду, что после того, что с ним случилось он сам не хочет жить, а потому любой, даже самый суровый, приговор, он примет с удовлетворением.

Суд удалился на совещание, по возвращении с которого председательствующий огласил приговор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

СЕКРЕТАРЬ

ПРИГОВОР

356

Именем Союза Советских Социалистических Республик

~~ВЫСШАЯ ИНСТАНЦИЯ~~

Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего Артемюхины ИЛЬИНЫ

Членов: Бригониристов СИЛАНА и ДЕТЯТОВА

При секретаре военном юристе 2 ранга ЕДИН

В закрытом судебном заседании, в гор. Москва

19 января 1940 года, рассмотрела дело по обвинению:

УСЕНСКОГО Александра Ивановича, 1902 г.р., быв. Наркома Внутренних
Дел СССР - комиссара государственности 3 ранга, - в преступлениях, предус-
мотренных ст.ст. 56-16, 56-8 и 56-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Усенский с 1934 го-
да являлся активным участником антиправительственной зата-
кориченской террористической организации действующей
в составе органов НКВД СССР.

В 1935 году Усенский в заговорщическом чине, в составе
партии Яковлев был назначен милиционером командантой Чкалов
завода Кремля и выполнял задание по расквартировке заговор-
щиков на домском участке в охранной функции
Акт. 11. События крахмала в Усенский отряд
завода Кремля в 1935 году заговорщический.

В последующее время Усенский выполнял организацион-
ные задачи с одним из руководителей заговорщической
организации Яковлевым И.И. и рядом других активных зата-

борщиков для осуществления преступных замыслов
аппаратской организации.

В день 1 Мая 1939 года Успенский ^{выполнил} задание заведущего
цеха Бюро или намерении совершить террористический
акт в отношении функционера ВКР(Б) Советского
правительства.

Успенский в течение ряда лет находился на ответ-
ственной оперативной работе в органах НКВД, в
частности в 1938 году будучи на посту Народного Комис-
сара Внутренних дел СССР, по заданию Аппаратской
организации проводил вербовку новых лиц в
аппаратскую организацию, устранил от разоблачения
и разгрома правотроцкистские и другие антисовет-
ские кадры, производил массовые аресты не в том
числе в совещаниях транзитом, а путем нарушения
основ революционной законности добиваясь
вымышленных показаний, лично сам и через подчи-
щенный ему аппарат фабрицировал следствен-
ные материалы и добиваясь применения к невинно
арестованным - репрессий.

Кроме того установлено что Успенский занимался
информацией в пользу терминальной разведки с 1944 года
а в пользу антиской разведки с 1938 года, которыми
существенно вредили сведения советскому и
дружественной партии Советского Союза.

Более разоблачения и ответственности за свою предатель-
скую изменническую деятельность Успенский 14 ноября 1938,

351
Броши под Наркомвнуздом СССР, и скрывая, однако при-
емным образом от 16 апреля 1939 года был задержан.

Признавая виновным Усенского в совершении преступ-
лений предусмотренных ст. ст. 58-11, 58-1 и 58-11 УК
РСФСР, руководствуясь ст. ст. 49, 50 УК РСФСР

Восемью членами Верховного суда Союза ССР
приговорили:

Усенского Александра Ивановича лишая всецел-
якого звания — комиссар Внутр. Безопасности Зранта и
повернувшись внешнему миру уголовного наказания —
расстрелу, с конфискацией имущества лично или
принадлежащего.

Приговор окончательный и на основании постановле-
ния ЦК СССР от 1-го декабря 1939г. приговоренный
в отношении поименованных, затронутого, оспариваемого,
«в руки» и напечатано, «взят», «высказывая», «высказывая»
пока «Всего».

Председательствующий М. М.

Члены

{
Александров
Смирнов

915064

338

Секретно

СПРАВКА

Приговор о расстреле Усенского

Александра Ивановича

приведен в испол-

нение в гор. Москва 28 5 1940 г.

Акт о приведении приговора в исполнение хранится в

особом архиве 1-го Службыдела НКВД СССР том № 19

лист № III

НАЧ. 12 отд-ния 1 СЛУЖБЫДЕЛА НКВД СССР
Действительный государственного

Крылов

И. Сидоров

14
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого КАЛАБАЛИНА Семена Афанасьевича

от 21 сентября 1942 г.

КАЛАБАЛИН Семен Афанасьевич, 1903 г. рождения, уроженец с. Судимовка, того же района Полтавской области, украинец, гр-н СССР, служащий, из крестьян-батраков невест, образование - высшее, окончил Политехнический факультет Харьковского Сельско-Хоз. Института, до ухода за линию фронта - кандидат в чл. ВКП(б), в Красной Армии добровольцем с 1941 года. До августа 1941 г. зам. детдомом № 60 в г. Москве.

Вопрос: Расскажите кратко Вашу автобиографию.

Ответ: Родился в 1903 г. на Полтавщине в семье безземельного крестьянина-батрака. С десятилетнего возраста работал по найму-пастухом. В 1916 г. ушел в беспризорные, "промышлял" керманшами и квартирными крещены. В конце 1917 г. вступил в партизанский отряд, который руководил мой старший брат. Служил в 1 Укр. Советском полку, участвовал в боях против денкинцев, петлюровцев, немцев. После ранения вернулся домой, где снова сошелся со своими друзьями по городским делам и вместе началась уголовная жизнь, которой была прервана органами милиции в 1920 г. Сидел 3 м-ца в тюрьме, в затем комиссией по делам несовершеннолетних преступников был определен в Детскую трудовую колонию им. А. Горького.

Моя жизнь в этой колонии описана в книге А. Искренко "Педагогическая поэма", под псевдонимом "Карабанов". С 1922г. по 1927 г. учился и закончил Харьковский СХИ.

По окончании института непродолжительное время служил в связи с болезнью и с тех пор занимался педагогически-воспитательной деятельностью, руководил детскими правонарушителями и трудноровоспитаемыми детьми.

В 1938г. работая в Виннице подвергся аресту со стороны органов НКВД - обвинился в антисоветской агитации среди воспитанников. Спустя месяц после ареста, освобожден за недоказанностью преступления.

С 1940 г. работал в Москве - заведующий детдомом № 60.

Вопрос: Как Вы оказались в Красной Армии и когда?

Ответ: После возникновения войны с Германией, в июле м-ца п/г. я подал в Райком Партии заявление с просьбой меня добровольцем в ряды Красной Армии.

Я был послан в спецлагерь военной разведки, имел связь с ее представителями по имени т. "Василий". После десятидневного специального обучения в лагерях я был назначен командиром отряда особого назначения, в составе 13 человек и 11 августа 1941г. самолетом из Москвы был доставлен в Штаб Южного фронта в м.Броды (под г.Киевом). 12 августа к моему отряду был прикомандирован радист, прибывший из г.Москвы, а в ночь с 13-го на 14-е августа я с отрядом переброшен на самолете в тыл противника.

Вопрос: Расскажите чему Вас учили в лагерях и с какими задачами Вас сбросили с самолета в тыл противника?

Ответ: В лагере нас обучали разведке штабов, аэродромов и т.п. образом подпольному и земляному делу. В тыл немецкой армии в районе Житомир-Новогруд-Волынь мы и были направлены для разведки движения частей, транспортов, расположения штабов, складов, аэродромов, выходов из строя скважин и мостов и передачи разведанных данных по радио. Мне была дана "говорящая Семен", орон говорения из разведки 14-го сентября 1941 года.

Вопрос: Расскажите как Вы оказались в плену у немцев?

Ответ: Выброски нас с самолета произошла очень неудачно. В связи с плохой распорядительностью и невнимательностью инструктора грузовой парашют зацепился и его выброска задержалась на 15-20 минут. В связи с этим сброс моих спутников произошел и мы оказались выброшенными не в назначенном и далеко друг от друга.

После моей выброски благополучно приземлившись, начал искать своих товарищей и утром нашел только 2-3 человека, а именно: радиста - по имени Василий, фамилию не помню и один боец - по имени Кирилл, фамилию также не помню. Остальных нам найти не удалось. После тщетных поисков, примерно до 10 часов утра, мы в роде присели позавтракать, оставив радиста в дозоре.

Вскресты наш дозорный радист окликнул меня: "Товарищ командир идите сюда, здесь партизаны". Не имея обнаружил нас, да и встреча с партизанами вообще не шла в наши планы, я сказал двум своим товарищам, чтобы попытаться скрыться, а сам пошел на встречу партизанам, выяснять кто они. Их оказалось человек 25-30, все вооружены винтовками, пистолетами, гранатами, т.е. ч. три ручных пулемета. Действуя отдельными группами они окружили полукольцом.

Хотя бы ценой своей жизни я решил сохранить радиста, особенно радиста, я решил этих вооруженных людей оставить на себя, давая тем товарищам уйти.

Эти вооруженные люди назвались партизанами и дождавшись тем, что я как командир пришел к ним никого не следования за моими товарищами не организовали, а предложили мне следовать с ними в село, где находятся их д-р. Я направился с ними в село, позже я узнал, что это было село Антоновка, Барышевского района Винницкой обл.

Едва мы вошли в село, как эти "партизаны" набросились на меня и начали меня избивать прикладами, ногами и т.д., избивали до полусмерти, потеря сознания.

Потом я по их возгласам и репликам, а также их повадкам, я понял, что попал в руки "петлюровцев" - украинских националистов. Мертвый я был доставлен на подводе в село Майдан, там подвергался допросу со стороны какого-то украинского националиста.

Назвался я ему НАЛИВКО Иван Андреевичем из села Сторожево, Чутковского р-на Полтевской области, рядовым бойцом, сброшенным с самолета для разведывательных целей.

Оттуда был перевезен в село Барыши, где был заключен под стражу и в скорости передан немцам.

Вопрос:

Будучи переброшенным с серьезными задачами, с оружием как боевик вы ничего не сделали, а бросив отряд добровольно и без сопротивления сдались в плен врагу.

Как следует расценивать Ваш поступок?

Ответ:

В связи с тем, что мы оказались окруженными значительно превосходящими нас силами, я считал вооруженное сопротивление бесполезным, возможности всем уйти - не было. Поэтому я и решил повертеться собой, чтобы спасти товарищей и особенно радиста, крайне необходимого для отряда, т.к. я считал, что отряд соберется и будет действовать.

Кроме того я еще был уверен, что это не партизаны, а поэтому считал, что с их командиром мне удастся сговориться.

Вопрос:

Как Вы были одеты и за кого Вы себя выдавали этим "партизанам"?

Ответ:

Одет я был в полусоленную форму сапогах, в летних военном образца, брюках и гражданском пиджаке и гражданской фуражке.

Сверху одежды на мне было оружие - "Гаузер" № 3 и пистолет "ТТ".

Отреккомендовался я им командиром партизанского отряда.

Позже я назвал себя при допросе, как показывал выше, рядовым бойцом Красной Армии НАЛИВКО Иваном Андреевичем.

Вопрос:

Непонятно как Вам была сохранена немцами жизнь после того, как Вы назвали себя сначала командиром партизанского отряда, а после разведчиком, сброшенным с самолета в тыл для разведывательных целей.

Как Вы можете это объяснить?

Ответ:

Кроме того, что я сказал выше, я ничего добавить не могу. Немцы меня не допрашивали, ничего не выпысывали с моих слов, а только уже после того как захватили меня, немцы меня спрашивали из какой я части и с какого аэродрома мы вылетали перед переброшкой нас в тыл противника.

Спрашивали меня также - знаем ли я Киев, но я отвечал, что ни Киева, ни аэродрома, с которого мы вылетали, я не знаю.

17.

Это мало вероятно. Объясните как это получилось
как Вас числили в госпитале.

После того, как меня забрали немцы из села Бараново, они меня поместили в каком то селе среди раненых немецких солдат и лечили меня в течении дней 10. За это время меня ни о чем не спрашивали и как на числили тем я не знаю.

Когда отсюда меня перебросили в госпиталь, госпленных в Новотрад-Волжск, примерно числа 27-28 августа, там меня снова спросили фамилию, я назвал СМОЛЯНСКИЙ. Был один Василий с тем же, радогой-реведи парашютист.

Однако этот вопрос объяснялся тем, что медсестры госпиталя узнали, что он собирался бежать из госпитал
ли, повидимому донесло об этом немецкому командиру.

В связи с этим инцидентом на двое суток был помещен в тюрьму. Мне казалось, что и здесь и в тюрьме и позже в лагере моя фамилия также как и тех военнопленных, никто нигде не записывался.

Только значительно позже уже по прибытии в лагерь "А" в селенных в г.Холм, я проходил настоящую регистрацию, заполнял специальную анкету.

Допрос прерван 22/IX в 16ч.20м.

Игорь

Дневник работы
рабочего "Семка"

1 概

Время года	Работа племени	Примечание
17/12 - Янв. январь	17/12 - Ушла на охоту с оленями.	
18/12 - Янв. январь	18/12 - повторил первую радиопередачу и сообщил о прибытии в охоту на оленей.	
19/12 - Янв. январь	19/12 - Ушла на охоту.	
20/12 - Янв. январь	20/12 - Ушла на охоту.	
21/12 - Янв. январь	21/12 - Ушла на охоту.	
22/12 - Янв. январь	22/12 - Ушла на охоту.	
23/12 - Янв. январь	23/12 - Ушла на охоту.	
24/12 - Янв. январь	24/12 - Ушла на охоту.	
25/12 - Янв. январь	25/12 - Ушла на охоту.	
26/12 - Янв. январь	26/12 - Ушла на охоту.	
27/12 - Янв. январь	27/12 - Ушла на охоту.	
28/12 - Янв. январь	28/12 - Ушла на охоту.	
29/12 - Янв. январь	29/12 - Ушла на охоту.	
30/12 - Янв. январь	30/12 - Ушла на охоту.	
31/12 - Янв. январь	31/12 - Ушла на охоту.	

17/8 - Квифапуно
была.

18/8 - Квифапуно
в Кичульде
исчезла
Кара.

уже три недели
"17-34" в кафе-баре 35-40 тысяч?

15 октября 1941г.

"Самый главный аспект, что была
это была в районе 1. Впервые сформирова-
-ровано 3 сформированы в районе, восточной
для действия флота."

Самый
по 10"

19 октября:

"Со стороны Кирова через горный пик
запад происходил активный переход
войск. Впервые проходили 4-7
миллионов. Восточной 30-40 мр, русские,
финские продолжали."

20 октября:

"В городе Кирова с подразделениями, отступ
контратаки противников и активная
поддержка сформированы, тысячи
рабочие и их семьи, в том числе женщины
на отходе от подразделения, находившихся
отдельных людей."

21 октября:

"20 октября, в том же направлении
деpart с артиллерией 76 мм. Контр-
-удар не осуществлен."

22 октября:

"22 и 23 октября по шоссе на Москву
прошло 115 артиллерии, танков
самолетов и разрыв в воздухе
- чина."

23 октября:

"Между деревнями Бикино и Саваро-
-жилово Борского района находилось
аэродрома, построенный несколько сот
землях обсадой для горючего. На
территории видел 12 Вукимоторных
бипланов."

1 ноября:

"В ночь на 30 октября в городе
Кирова активная воздушная
привлечена, в том числе бомбы
летели над городом, 31 октября
- город горел до 40 км, на"

$2/\sqrt{\pi} - \ln 2$ - $\ln 2$ - $\ln 2$

2. Искать:

3/12 - квинтессия
вдали.

5/12 - квинтессия
вдали.

9 декабря:

"Получил пока нет.
отрабатываю продолжая
- с, в без срыва, что
получить."

12 декабря - квинтессия
в полурасширенной
- на вдали.

19/12 - андалин
квинтессия и просит
отработать радиомаяк
216 канал (передавал
12 декабря)

- на из радиотехнической кб.

3 декабря:

"Подождем бачками прочие удвоили,
освободили как феминистского лав-
ного. С радостью не выправляют,
двойной подвиг, кивались от
попытки кбшн Тифлиса."

5 декабря:

"Отправили войска авиации красноты-
- сав, всего отправлено 63 экипажа.
Бачки дайки в полурасширенной,
используя максимизируя халатик.
Потренились, кбшн выпустим?"

9 декабря:

4 " 6 декабря здесь погребом и погребом-
- ли на ленту 52 летних агитаций-
- ских бачки, находившиеся в районе
всплеск их направили кбшн, Тифлиса."

5 " Раскрасились? (отрабатываю агитацию
в одной рапелю смотрели запись
197, вывеш в с. Високово."

12 декабря:

"В полурасширенной, что закончили
отрабатываю агитацию в полурасширенной
перед отработкой в полурасширенной
всплеск в полурасширенной, Кбшн
- ском, Смирновского и других районах
отрабатываю. Нужна ли эти сведения?"

19 декабря:

"Семьдесят квинтессия под воздействием
полурасширенной агитации вдали
спустившись в полурасширенной полурасширенной
- ском. По отработке в полурасширенной
до 60-ми. рублей. Неудача, что не удалось,
что на эти средства вдали построили
всплеск вдали, вдали-отрабатываю
и вдали-отрабатываю."

на 078 радио фразы.

Центр вала и квадратизм
на радиусе, 100%

4) Радиотехника №5
желез не равнобита
- ватса, втрину втрю
- ратъ.*

26 генотипы: 45129 и 45130
идентичны с генотипом
сортосама, от 1945 года

4. Авария 1948 г.
 1. Все соорудили в Делару, кто в Шейновский и Пржевальский р-ны про-
 - бавно партии мордвы

4. Среди Ваших распорядителей следовало бы
прислать сюда из Москвы генерала,
действующего Соколова (французского)
для формирования резервной армии для
Принца Леопольда. Канализация, формирование
населения с января будущего года."

24 months.

26 декабря

„Девои претучаа кепи, локно, кога обичаа,
тврдо вгледат, укажат срок, попушто
принимат батари и предрачките?“

4) Окружающие рассказывают, что в Шитковском
Мукановском районе принимают гостей
штитшаданских из числа осеннего прихода
этого года. Проходит уезд."

2) В каких соотношениях об акантении в ряде районов области? Вулканизм в связи с подразделением территории области восточной, западной и южной? Какие сведения?

4 января 1948 года:

Розвиваючи свій кварцний горизонт
супроводжуваний пелітами кварциту
наслідком чого з'явився тип 112а

Копия.

21

Уважаемый Иван Петрович !

Не считите за нахальство, а просто как умею - от души излагаю просьбу.

1. Мне кажется, что теперь мне можно бы разрешить отпуск недельки на две к семье. Наверное "Дуглас" курсирует между Горьким и Челябинском. Ноет мое сердце по семье. Ведь, два года не видел. Потом опять за дело, за любое дело в любом месте.

2. Моих штанов хватит еще на неделю, но дальше останется один пояс. Вообще вопрос моей экипировки обстоит весьма плачевно. Одна верхняя рубашка и один штанин (в заплах) к ботинкам. Такой же дуэт и к сапогам. Средств к приобретению я не имею, а приобрести можно только на рынке (тысячи!). Короче говоря - караул!!

3. Удобно ли просить для себя кое что из запасов "гостей"? Такие вещи, как мыло, сахарин, бритва, консервы, может и хосткам найдется. Только не сердитесь на меня за это. Как-нибудь будет.

Ваш "С е м е я"

13.07.43 года.

НАЧ УПРАВЛЕНИЯ НКВД по Свердловской области

преступившего КУЗНЕЦОВА
Н.И.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Я обвиняюсь по ст. 95 УК, нахожусь в изоляции полтора месяца. Я работал секретным сотрудником при Коми-Пермяцком Окр. Отд. ОГПУ-НКВД с 1 июня 1932 года. В 1934 г. исполняя поручения Нач. Окр. Отд. ОГПУ тов. ТЭНКА по делу Мансурова, Павлова Д.Т. и в Ериинском маршруте, я извратил полученные мною сведения, придав им более резкий характер, раздул в таком образом докатился до провокации, в чем и состоит мое обвинение. Обвинение предъявленное мне считаю вполне справедливым. Руководство мною со стороны начальника Окр. Отд. тов. ТЭНКА было не правильное, но это не может снимать с меня ответственности. Свою вину я глубоко осознал, я глубоко прочувствовал, что каждое лишнее слово приписанное объекту ведет к дискредитации органов НКВД, что дает оно козырь в руки этого к-р объекта и помогает ему отрицать и те слова, которые им действительно были сказаны, а по этому значит вредит на руку классовому врагу.

Изоляцию меня в период с 3/X-34 г. по данное время считаю вполне правильно, как меры воспитательного характера. Считаю себя этой мерой изоляции и беседами со мною сотрудниками НКВД - вполне исправленным и исключаю всякую возможность повторения сделанных мною ошибок. Я должен быть переселен в органы НКВД репродуктором, т.е. самым точным

14.2.59 3
образом фотографировать действия и слова к-р элементов.

Убедительно прошу Вас тов. Начальник Управления дать мне возможность искупить свою вину на этой же секретной работе. Находясь в изоляции я лишен возможности принести ту пользу органам пролетарской диктатуры, которую я могу и должен принести. К-р всех видов еще не добыта, она пытается искусно пассивить пролетарскому государству на каждом шагу. Она не в состоянии бороться в открытом бою против пролетарского государства, играющего мировую роль. Контрреволюция пытается втыкать в спину нам Советской власти, действует тихо сапой. Классовая борьба в СССР приняла сложнейшие формы, она будет усложняться по мере приближения последней решительной схватки.

За период моей секретной работы в ОМПУ я досаточно изучил оружие к-р сил, различных оттенков. Их оружие я должен использовать против ^{них} самих. В изоляции я не в состоянии бороться против к-р. Поэтому убедительно прошу Вас дать мне возможность искупить свою вину на работе. Прошу принять меня личного объяснения с Вами по этому вопросу.

17/XI-1934 года.-

Н. КУЗНЕЦОВ.-

Копия верна: П/Уполном. 5-го Отд. СПО
(КРАСНОПЕРОВ)-

Врашннз.

24 98 11
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

КУЗНЕЦОВА Николая Ивановича, от 8-го ноября 1934 года

ВОПРОС: Чему можно верить в Ваших донесениях и где в них начинается провокация?

ОТВЕТ: Провокационные материалы я давал только по делу БАТАЛОВА Я.Е., МАНСУРОВА С.Б. и по некоторым лицам из Калининского маршрута в период с 18-го по 30 мая 1934 года. Во всех же других моих донесениях, начиная с 6-го июня 1932 года, с момента моей работы в органах ОГПУ-НКВД, я был объективен и точен.

ВОПРОС: Что конкретно, Вы давали по указанным лицам, выдуманное, провокационное?

ОТВЕТ: Даты, встречи, состав присутствующих - это неоспоримо верно, так же верно и время разговоров, но там, где в моих донесениях начинаются чужие слова, записанные в кавычках, только в некоторой части - действительно говорились этими лицами, а все наиболее резкое, обобщающее основной костяк сказанного, являлось выдуманной, намотанной мною грубой лозью.

ВОПРОС: Какие причины заставляли Вас выдумывать неговоренные Вами об'ектом и создавать дутое дело?

ОТВЕТ: Я здесь руководствовался одним: если человек не говорит ПРОТИВ СОВ. ВЛАСТИ, я ему ничего не выдумывал, но если человек настроен отрицательно к существующему строю и это мне в беседах высказывал, я ему приписывал не говоренное им по влости: Раз он контр-революционер - пусть отвечает не только за сказанное, но и за мои приписки. Приписки эти я делал основываясь на своих предположениях.

ВОПРОС: Таким образом Вашими приписками, Вы ставили под сомнение все Ваше донесение целиком и вместо ответственности, контр-революционера оставался безнаказанным?

ОТВЕТ: Да, совершенно верно. Теперь я вижу, что моя злоба ПРОТИВ контр-революции, приносила только вред Советской власти и скомпрометировала органы, если бы я не был своевременно разоблачен. Практически, по моим провокационным материалам, не было пока ни одного ареста. Показания мною прочитаны, записаны с моих слов верно. КУЗНЕЦОВ.

Зачеркнутое: "За это" - не читать. КУЗНЕЦОВ.

ВОПРОСИЛ НАЧ 5 ОТД СПО УГБ-

(МАРЧЕНКО)

Верно Записано 5-го авг 1934

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

6
об избрании меры пресечения и пред"явления обвинения

г.Свердловск, 1934 года, Октября "3" дня.

Оперуполномоченный 5-го отделения СПО УГБ УНКВД по Свердловской области АСЯКОВ, рассмотрев следственный материал по делу № _____, принял во внимание, что гр. КУЗНЕЦОВ Александр Иванович точно изобличается в том, что работал секретным сотрудником Пермского Окр. Отдела НКВД сообщал последнему провокационные сведения на ряд лиц; МАНСУТОВА, БАТАЛОВА, ЛЕЖАНОВУ, ИВАНОВА и обвинял их в к-р повстанческой деятельности против Сов.власти потому -

ПОСТАНОВИЛ:

избрать гр. КУЗНЕЦОВА Александра Ивановича в качестве обвиняемого по ст. 95 п. 2 УК РСФСР и мерой пресечения способов уклонения следствия суда избрать содержание его под стражей при спец. № 4 УНКВД.

Оперуполномоченный 5-го отд. СПО
УГБ УНКВД- /АСЯКОВ/

ВЫПАСЕН: НАЧ. СПО УГБ УНКВД- /ГРИВНОВ/

УТВЕРЖДАЮ: НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ НКВД по
Свердловской об. /САМОТЛОВ/

Настоящее постановление мне об"язано: _____

ВЫПАСЕН

1934

10

ХАРАКТЕРИСТИКА

На агента "КОЛОНИСТ".

Кузнецова Николай Иванович.

"КОЛОНИСТ" завербован в 1932 году и работает по линии Отдела. Имея большой круг знакомых среди специалистов Уральских предприятий, использовался по разработке к-р элементов среди этого контингента.

В последнее время "КОЛОНИСТ" нигде не работая использовался по целому ряду агентурных разработок по различным к-р формированиям (шпионаж, вредительство и т.д.). По его материалам возникли агентурные разработки, реализованные следствием. Кроме того использовался в качестве маршрутника на агентурным делам. Владеет хорошо немецким языком "КОЛОНИСТ" работал также по разработке немцев.

"КОЛОНИСТ" имеет среднее образование, развит, хотя политически недостаточно грамотен. По своим личным качествам представляет определенную ценность как агент. Находчив и изобретателен, обладает исключительной способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обладает хорошей памятью.

Задания выполняет энергично, но вместе с тем увлекается и допускает иногда ошибки, влекущие за собой расконфиденциацию его. В связи с этим требует систематического руководства и наблюдения за его работой.

В процессе работы с "КОЛОНИСТОМ" были установлены факты когда в своих донесениях последний стучал краски, выставлял свои личные выводы за установленные факты. В последнее время в результате его воспитания это исключается.

на об.

"КОЛОНИСТ" имея некоторые данные для агента -
разведчика нигде не работает и хочет посвятить се-
бя исключительно этой работе. -

БР НАЧ 1У ОТДЕЛА УТВ. АН
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ИЗДА
ИЗДА

144 74
4X

С П Р А В К А

на агента "Колонист". -

Миндт Рудольф Виссачевич 1911 года.
рождения, урожен. дер. Зырянка, Рухлов. с/совета, Сисской
области, по национальности русский, сын кулака, б/бандита,
техник по лесному делу, холост, состоял в рядах ВЛКСМ,
имеет законченное среднее образование, политически развит.

Во время пребывания в лесном техникуме изучал язы-
ки; Коми-пермяцкий, английский, польский, немецкий -
последний знает в совершенстве.

"Колонист" заарестован в 1932 году, Коми-Пермяцкий
Окр. Отд. ОГПУ-НКВД.

В 1934 году привлекался по ст. 95 УК.

Работая секретным сотрудником Коми-Пермяцкого Окр.
Отдела НКВД разрабатывал эсеров МИРХАЛОВА, КУДРЯВЦЕВА,
ЛАНСГРОВА, ВАВИНА и др. "Колонист" в своих сообщениях
давал ряд неточностей, за что и был арестован - однако,
в дальнейшем выяснилсь, что в этом виновен Нач. Окр.От-
дела НКВД ТОМИС, который был арестован, а "Колонист" осво-
божден.

Работая до 1933 года на Урале "Колонист" использо-
вался о целому ряду агентурных разработок к-р формирова-
лись (шпионаж, вредительство) по его материалам возникали
агентурно разработки среди сыльных, реализованные след-

стиям. Кроме того "Колонист" использовался в качестве маршрутника по агентурным делам в городах Берне, Таин, Надеждинск, Богословск.

По своим личным качествам "Колонист" представляет оперативную ценность, как агент. Находчив и сообразительный, обладает исключительной способностью завязывать новые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обладает хорошей памятью.

По характеристике УНКВД Свердловской области, "Колонист" задания выполнял аккуратно, добросовестно и даваемые им сведения подтверждались (подробный перечень материалов даваемых "Колонистом" по УНКВД Свердловской области не имеем).

В Москву прибыл в 1938 году, с целью поступления на учебу в один из институт. В настоящее время нигде не работает, проживает по выданному нами ему документу на имя Шмидт Рудольф Анисимович.

За период с яви с нами по материалам "Колониста" заведена аг. разработка "Турист". Основным фигурантом является жена репрессированного шпиона Отто БОРК - БОРК Роза, подозреваемая в шпионаже в пользу германской разведки.

Материалы "Колониста" подтверждены сообщениями другого агента, а также дал ряд сведений в отношении следующих иностранцев: МАЕР - член германской торговой

76
2115
85

делегаций, П. АРЦЕ - венгерский подданный, ДЕНЕШТИ НЕ -
студент Медфака МГУ.

В настоящее время "Колонист" разрабатывает
горничную Иранского посла немецкую подданную _____
и горничную израильского посла,
немецкую подданную _____.

ЗАМ НАЧ 5 СТИ 2 СТИСЛА ДУБЕ НАЧ 1 ССР
СТ ЛЕ ТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:

(РАЗМАН)
Наумов

_____ марта 1940 года.-

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

№ 815

1 " отделение Второго отдела 3-го управления НКВД

октября 1938 г.

ИСТОЧНИК "Кот"

Принял Дуванов и Алексеев

Информационное.

Источник установил, что ШМИДТ Рудольф Вагнер проживает по Зушкинской ул. д. 8/14. В беседе с источником ШМИДТ высказывал недовольство своей материальной обеспеченностью, плохими условиями в общежитии где он живет, а также высказывал большое недовольство отсутствием в магазинах ряда предметов первой необходимости.

ШМИДТ, сравнивая свою жизнь в прошлом, заявил, "мы немцы привыкли жить в хорошей квартире, с телефоном и другими удобствами, а эти условия (т.е. в Москве) вызывает только апатию к работе".

Микропрямия: Дана установка на ШМИДТА по квартире.

НАЧ 1 ОТД-НИЯ 2 ОТДЕЛА ГТУ НКВД:

Всесоюз.
м. уполном.
и Ш.м.м.м.
проблема по
недостатку исчерп. данных 9.9.
Ваше дело в порядке
В.Х.

В.Х. /ЕГОРОВ/

174 102
277
Совещенно секретно
121

СПРАВКА № 571

служебной записке от 10.П.40 г.
(1 отд-ние 5 отдела ГЗУ НКВД)

По оперучету 3 Спецотдела НКВД проходит: ШМИДТ Рудольф Вильгельмович, 1907 г.р., ур.Германии, г.Саарбрюкен, работает инженером завода № 22, проживает: Напрудный пер. дом № 10, кв.8.

ШМИДТ Р.В. неоднократно проходил как связь объектов наружного наблюдения, которые разрабатывались 1-м и 7-м отделениями 3 Отдела ГУГБ, как-то в 1938 году с чиновником японского посольства ТАКОЯМО, в 1939 году с чиновником германского посольства-ПРЕЙЕР Э. и ХРЕБЕРНИК А., работающий в Норвежской миссии.

В 1938 году ШМИДТ Р.В. по заданию 3-го Отдела ГУГБ так-же находился под наружным наблюдением. (Дела н/н за № № 1219, 1291-38г. и 621, 2113-39г.).

ШМИДТ Р.В. в 1938 году еще проходил по связи с КРИЧКОВОЙ М.А., которая устанавливалась 5-м отд.2 отдела ГУГБ (задание № 4460). Кроме того ШМИДТ Р.В. в 1939 г. проходил по аг. донесениям, копии которых при сем прилагаются.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 2 копии аг. дон.

Другими материалами не располагаем.

Нач 14 ОТД 3 СПЕЦОТДЕЛА НКВД
Лейтенант гос.безопасн: (ШМАНОВ)
Оперуполномоченный:
Лейтенант Гос.безопасн: (АВЕРЧЕВ)

86
678
104
Копия

в НКВД Союза ССР

От члена партии с 1930 г.,
ТРОФИЛОВА И.Ф., проживавшего
в г. Москве, Напрудный переулок
д.10 кв.8.-

З а я в л е н и е

Прошу расследовать тщательно, по указанному моему заявлению о гр-не Рудольфе Дильяновиче ШИДТ, работавшего на авиационном заводе № 22 в должности инженера по испытанию новых самолетов, так как я подозреваю ШИДТА сотрудничество в контрразведке в иностранных государствах, выражающегося в следующем.

Я с ШИДТОМ познакомился около года на квартире гр-ки ИРИНЧОНСКОЙ на Усачевке д.19 кв.27, старый дом, потом он переехал на квартиру ко мне, он говорил, якобы, он переведен из Свердловска в Москву на работу. Ранее в 1918-1919 гг. он, якобы, был отакован белогвардейцами в лагерях с нагами, наших всех порастреляли, а его наганом ударили по носу, перебили его, он упал на пол, они думали, что он убит и ушли, после чего его направили в Ленинградскую больницу, где ему поставили золотую пластинку и он выздоровил.

Эти слова он говорил несколько раз. Во второй раз говорил иначе, якобы изуродовал свой нос на учебе при летной школе в Свердловске, учившись на летчика.

Он говорил, что в СССР он с 3-4-х летнего возраста, с родителями и никого у него нет здесь. При 2м разговоре, когда он получил ушиб носа на авиазаводе в Москве, заявил, у меня, я, видел, что он слабо продал все что у меня было и дал ему взаимовозна 2.500 р., жорил так же за свой счет, а он мне и по сей день не отдает. Это не с целью наказать, я написал на него, я знал если его заберут, то мой долг может пропасть, и когда он на воле я с него взыщу, но я наобороте смотри, если ты подозрителен и опасен для СССР, то пусть деньги мои пропадут, а я все же выведу на чистую воду и разоблачу, как врага СССР, как член партии. Когда я говорил ШИДТУ о долге, когда он его отдаст, то ШИДТ отвечал, за то, что ты меня спас, я как немец никогда не забуду и не оставлю. Мне мол мы будем вместе в Берлине ходить по главной улице, называл ее, но я показывал, т.е. давал мне намеки, якобы, Германия всех разобьет или же увезет меня на самолете в Берлин. В то время ШИДТ был настроен против соввласти. После чего я уехал на 3 месяца на курорт, по приезду с курорта я говорил с ШИДТОМ насчет долга, он говорил уже иначе, у него при полете уворовал кто то заграничный

2. 58/82

немецкий фотоаппарат и он дал подписку уплатить стоимость фотоаппарата заводу 2.200 р., дабы дажо заняли и оставили его в покое и не отдавали под суд.

При продолжительной беседе, когда гр-н ШМИТ рассказывал, что СССР с Германией в дружественных отношениях, ШМИТ тактику к СССР начал менять. Когда я его спросил, где его деньги, почему он себя скромно ведет, везде не отдает долг, то он опять говорил, что он бедный потому что откровенно признавшись он помогает товарищам в Свердловске и в других местах, которые арестованы НКВД и в случае он откажется от помощи, то они могут его выдать, т.е. его также посадят. Тогда же проговорился, что есть у него старик, снятый с пенсии, сидит, он помогает ему, а когда он умрет, то оставит ему дом с обстановкой и случайно проговорился, что якобы это его отец и якобы ШМИТ не очень давно был в Берлине и после Берлина был в Свердловске, а из Свердловска его выгнали совсем и он по благу устроился в Москве на авиазавод № 22. Говорил, якобы, он окончил бронетанковую школу, летную школу, а в документах от завода, что он инженер по холодной обработке металлов. И в институт без расфака и десятилетки устроился по благу профессора на последний курс.

По всем его разговорам ШМИТ сам себе противоречит и путается в разговорах и всегда говорил и говорит, якобы Япония уже забрала весь Китай и симпатизирует Японии.

Всегда собирается под видом преподавателя немецкого языка на дому собрать..., старается предупредить, чтобы в эти дни совсем никого не было, закрывает окно, закрывает квартиру и вместо назначенных мужчин, приходят иностранцы женщины и мужчины и неизвестно о чем они беседуют. И говорил 100 р. дал бы, если бы давал кто на 5-7 часов ночью квартиру в глухом месте или за городом, чтобы совершенно не было людей никого. Я мол хочу познакомиться с женой одного из начальников, который наравне с Наркомом на госбюджете находится, я бы через его жену от него получил бы повышение сразу по должности.

ШМИТ при полете в скафандре ночью по затяжным прижам с автоматическим раскрытием парашютом на 7.000 кл. за 200 метров до земли раскрытия спускается очень много разных записок свал. целый вечер до 8 часов вечера, а после полета т.е. на парашюте он в нескольких экземплярах на немецком языке писал о прижме, Я спросил, он ответил в иностранную корреспонденцию об'явлю.

ШМИТ ходил и ходит все время в церковь, имел и имеет тесную связь с митрополитом Сергеем и архиепископом Сергеем и знакомым с ЛОСЯКОВЫМ Сергеем, проживает по Большому Суховерхскому переулку д. № 7 кв. 24, который в данное время арестован. Все время ШМИТ работает днем в час, а если дневная, то уходит в 10 ч. утра и приходит в 2-3 утра домой. О чем я поставил в известность НКВД. Второе заявление уворовали у меня в трамвае.

С КОЗИНЫМ И.Т. еще 28 заявления подали в НКВД СССР.

31 января 1940 г. ТРОФИМОВ.-

207
В КОМПЕТЕНТНУЮ НКВД СССР.

от СКОРОВОДОЙ Елизаветы Ивановны
ул. Н. Маркова 1, 20 кв. 43
работает в В/С "Заготсоюз" Спец-
управление. Секретная часть
Уланский И.Д. 2.

В нашем доме по ул. Н. Маркова 1, кв. 43, проживает 4 кв. 50
живет гр. НИКИТ, поведение и поступки которого только по
всему дому.

Когда он приехал в занимаемую им комнату, он долгое время
удовольствия от прописки, его, к нему ходили для этой цели бесчислен-
ное число раз, в конце концов к нему вынуждены были пойти и управ-
дом и участковый, которых он очень любезно выслушал.

Затем опять на несодержательные заявления представить справку
о его работе, он наконец принял решение, на котором значилось,
что Николай инженер завода имени Горького. Несмотря на то, что
он цеховой инженер, его работы домом никто не знает, ни в какое
часы, когда он работает в цехе, никому неизвестно.

Он получил паспорт в Москве в 1936 году, на основании удостове-
рения, выданного ему о переходе его в русское подданство.

Затем опять была сделана попытка с представлением военного доку-
мента, долго он тянул это дело, но наконец представил военный билет,
на паспорте у него фотография его настоящего вида, а на военном,
билете он значительно старше выглядит. Всех работников домоуправ-
ления он грубо выслушивал. В одно из посещений из домоуправле-
ния к нему, у него была передача по радио на немецком языке,
присланный у него лангоссы, когда ли он его никто не знает этого,
к нему ходили /до войны/ много прекрасных одетых молодых девиц,
у него видели полные столы вина, записки и всякой еды.
Во время масленицы во начале войны, у него обнаружен был
свет, и ему отравились детурны и предупредили его, он ле-
безно поблагодарил и так зашел за ними дверь, что они поло-
жительно были потрясены.

Его видели у земляноговала в черных очках, в обычное время
он их не носит. Одевался он прилично, сразу можно определить
что он иностранец, но в последнее время он переменял свой костюм
очень опростился.

Весь наш двор говорит об этом человеке, поведение которого
и поступки наводят на многие предположения, участковый и управ-
дом говорили о нем в районе, но он до сих пор времени себя чувствует
как рыба в воде и никто его основательно не проверит, поэтому
я решила написать Вам и убедительно прошу проверить этого
гражданина.

Я совершенно не знаю, куда обратиться с
подобной просьбой, если я адресу не правильно, то
направьте мое заявление на правильный адрес.

Милая
9/11

50
122
44
Принял: оперуполном. Торцов.

По ул. Огарева в д. № 7 кв. 16 или 18 проживает БЕРГЕР Анна Григорьевна, работала до декабря мес. в Центральном универсаме кассиром.

Муж БЕРГЕР американский подданный, - БЕРГЕР Макс приехал в СССР как турист в 1936 г. и имел намерение остаться в СССР, в чем ему было отказано, после чего он уехал, но продолжал до 1938 года переписку с БЕРГЕР А. Г.

В 1938 г. я у БЕРГЕР А. Г. познакомилась с неким ШМИДТ Рудольфом и встречались несколько раз у нее на квартире, с которым она, с ее слов, познакомилась в магазине. Рудольф ШМИДТ на нее произвел впечатление человека подозрительного и она стала проверять его по адресу столу, где выяснила, что Рудольф ШМИДТ проживает на ул. Пушкина, в д. № 6, а сам он говорил, что живет в общежитии. Рудольф ШМИДТ предлагал БЕРГЕР на ней жениться и когда последняя не дала на это согласия, он стал усиленно просить найти ему женщину, имеющую жилую площадь.

В разговоре со ШМИДТОМ Рудольфом мне известно, что он по национальности немец, его родственники проживают в г. Берлине и он сам уроженец Берлина, в СССР проживает с 18 лет, т.е. около 14-15 лет, учился в г. Свердловске и в настоящее время работает, с его слов, на авиационном заводе, где он не говорит.

В разговоре Рудольф ШМИДТ проявляет недовольство к СССР, говоря:

- "У вас приходится много работать, а мало получать, а также нет возможности что либо купить в магазинах".

В последнее время ШМИДТ Рудольф звонит БЕРГЕР по телефону и просит разрешения ее посещать, на что БЕРГЕР ему отказывает.

В разговоре ШМИДТ не откровенен, много жмет. Со слов БЕРГЕР в большинстве своем не работает, так как она его встречала несколько раз на Кузнецком мосту.

Мероприятия: Источнику "Майя" дано задание познакомиться со ШМИДТОМ через БЕРГЕР, узнать у ШМИДТА его место работы, как он попал в Москву, его связи.

Справка: ШМИДТ пытался устроиться в ГАВТ, на него поступили и ранее материалы как о подозрительном по "Т", перед 3-м отделом поставлен вопрос о его из'ятии. Проживает ШМИДТ против под'езда "Наркомвода".

Верно: *Барыш*

КВД-СССР

И СПЕЦОТДЕЛ

1 * ОТДЕЛЕНИЕ

1934 40

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СВОДКА НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ

За объектом _____ по заданию _____ от _____ отдела _____ Кпр. НКВД
Наблюдение велось с _____ час. _____ 1934
до _____ час. _____

Член Германской экономической делегации МАЙР.

В 20ч.10 мин. МАЙР вышел из гостиницы "Националь",
пошел в вестибюль ресторана гостиницы "Москва", где встретился
с известным мужчиной, кличка которому дана "ЕГОЛЬ", позд-
нявшись они разделись в гардеробе ресторана и через ресторан
пошли к лифту, поднялись на 15-й этаж в кафе "Птичий полет",
где сели за столик. За столиком очень оживленно о чем-то разго-
варивали, в продолжении всех 5-ти часов. Заказали ужин, но
ели очень мало. Больше говорил "ЕГОЛЬ", который при разго-
воре с МАЙР часто жестикулировал руками, а МАЙР внимательно его
слушал.

В 1 ч.10 мин. 8/1- МАЙР и "ЕГОЛЬ" спустились из кафе,
пошли, после чего "ЕГОЛЬ" не прощаясь вышел из гостиницы и
пошел в сторону ул. Горького, а МАЙР дойдя до двери выхода
вернулся к гардеробу, одел галоси, вышел и пришел в гостиницу
"Националь".

"ЕГОЛЬ" выйдя из ресторана гостиницы "Москва", быстрым
ходом прошел по ул. Горького до площ. Пушкина, затем по Страстно-
му и Петровскому бульварам, пришел на Трубную площ., не доходя
до остановки трамвая быстро побежал, сел в отходящий трамвай
№ 17 и приехал на остановку 3-я Мещанская ул., где вышел

178/101

бегон прибежал к дому № 55 по I-й Мещанской ул., в который
зашел. Личность "ПЕГОЛЬ" устанавливается.

ПРИМЕТЫ "ПЕГОЛЯ" - Внешне среднего роста, плотного
телосложения, лет 25-27, лицо широкое с выдающимися скулами,
нос широкий с вздернутым основанием, волосы светлые, густые.

ОДЕТ: Серая фетровая шляпа котелком, с короткими полями,
темный короткий кожаный пиджак с цыгейковым воротником шляпо
светло-серого цвета, коричневый костюм, желтые ботинки.

21/I-40г. в 19ч. у гостиницы "Националь" был замечен
"ПЕГОЛЬ", который прошел как связист от МАИР по сводке и/и
от 7/I-40г.

"ПЕГОЛЬ" три раза прошелся около гостиницы "Националь"
посмотрел на часы, затем пришел на ст. метро "Охотный ряд",
посмотрел на часы вышел, пришел к гостинице "Националь",
прошелся около здания и пришел на ул. Станкевича, где на встре-
чу ему шли МАИР и МАКЕБЕН. "ПЕГОЛЬ" проходя мимо МАИР толкнул
последнего плечом, но МАИР не обратил на него внимания и
пошел мимо. Пройдя метров 10 "ПЕГОЛЬ" остановился и посмотрел
за собой, МАИР, который не оборачиваясь ушел к гостинице "Нацио-
наль". "ПЕГОЛЬ" пришел на Калашный пер., дом № 5, прошел через
проходной двор на Никитский бульвар, при этом тщательно
проверялся, стараясь обнаружить наблюдение за ним. Пешком
пошел на ул. Арбат, прошел через проходной двор дома № 3 по
Песковскому пер., где также проверялся, после чего
пошел к гостинице "Националь", посмотрел на часы и пришел на

17.3.88

г.Свердлова,сел в троллейбус линии № 2 и приехал на
Трифоновскую ул.,откуда очень быстро прибежал в Напрудный
пер. и вошел в дом № 10, кв. № 8.

Установлено, что "ПИГОЛЬ" проживает по Напрудному пер.
в доме № 10, кв. № 8 и является:

ПИКИДТ Рудольфом Вильгельмовичем, 1907 г. рождения,
уроженцем г.Саарбрюкен, по национальности немцем, граждани-
ном СССР, прибывшим II/III-39г. с ул.Усачева, дом № 19, про-
писан по паспорту выданному РУМ"ом г.Свердловска, по месту
жительства и в столе военного учета ПИКИДТ Р.В. значится
инженером завода № 22. При проверке установлено, что на
заводе № 22 ПИКИДТ Р.В. работающим и ранее работавшим не
значится.

ПРИМЕЧАНИЕ: 24/1-40г. был замечен приход ПИКИДТ Р.В.
домой в 8ч. утра. В домоуправление он сообщил, что работал
ночь на 24/1- в ночную смену, но место работы Домуправу не
сообщил.

Зам. начальника I отд. 3 спецотдела МВД СССР
- лейтенант гос. безопасности

НАЧАЛЬНИК ГРУППЫ
Мл. лейтенант гос. безопасности (АГАТОВ)

Агапов

71.41.

КРО
г. Москвы и МО
сентября 1941 г.

ЛК-2

ОСВ. СЕКРЕТН

27

Агентурное донесение №

ст. "АСТРА"

Донесение принял: ЧУГУНОВА - 0

СОДЕРЖАНИЕ МАТЕРИАЛА

Мероприяти

ПЕРВИЧНОЕ.

По улице К. Маркса дом 20, кв. 50 проживает немец ШМИДТ Рудольф Вильгельмович, уроженец Сaarbrücken принявший советское гражданство в 1938 году, находясь в это время в Свердловской области.

ШМИДТ ведет себя крайне подозрительно, прописан он на площади СЕДОВА Сергей Ивановича, являющегося ответственным с"емщиком квартиры.

Причем, как СЕДОВ, так и его семья - почти не живет в этой квартире, так что ШМИДТ фактически является ее хозяином и все три комнаты занимает один.

Далее время ШМИДТ жил без прописки, несмотря на неоднократные требования управдома и участковой милиции, все же не прописывался, был даже такой случай, когда при одном из посещений управдома и участкового милиционера, он вытолкал их из квартиры.

206
278

Вскоре через участкового инструктора АСТАФУРОВА от нач. 28 отделения милиции СИДОРОВА поступило распоряжение: никаких претензий в отношении прописки ШМИДТУ не предъявлять.

Спустя довольно долгое время, ШМИДТ принес на прописку военный билет, справку же с места работы представить отказался, предъявив одно удостоверение - пропуск, в том, что он является цеховым инженером 22 завода им. ГОРБУНОВА.

Несмотря на такую должность ШМИДТА в любое время дня и ночи можно застать дома. До войны его посещало много людей, в особенности, девушек, очень хорошо одетых, всех их он очень любезно встречал. ШМИДТА нередко можно видеть покупающим дорогое вино и проч.

Был случай, когда источник встретил его на Земляном валу в темных очках, хотя обычно он ходит без очков.

по дому ходят толки о том, что ШМИДТ работник НКВД и квартара, в которой он проживает, является конспиративной.

В середине августа, перед началом воздушной тревоги из квартиры ШМИДТА была слышна громкая немецкая речь, было похоже, что говорит радио, жильцы спускавшие в это время в убежище, слышали и заявляли об этом управдому КУДРЯВЦЕВУ, который сказал, что он сам это слышал.

22
ОСВ. СЕКРЕТНО.

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОВЕТА ССР
КОМИССАРУ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА

тов. МЕРКУЛОВУ.

2/2/41
РАПОРТ

В агентурной сети I-го Отдела 2 Управления НКВД СССР
находятся агент "КОЛОНИСТ" Курочкин Николай Иванович,
1911 г. рождения, урож. Челябинской области, Талицкого р-на,
д.р. Зырянки, по национальности русский, нигде не работает, -
который в связи с проводимой им агентурной работы выступает
как Шиндлер Рудольф Фридрихович, 1907 г. рождения,
уроженец города Сварбрикен /Германия/, по национальности не-
мец.

Агент "КОЛОНИСТ" проживает на чужой коммунальной квар-
тере и полностью состоит на нашем содержании.

По нашему заданию "КОЛОНИСТ" был связан с рядом бывш.
сотрудников германского посольства, венгерской и словацкой
миссий в Москве и участвовал в проведении ряда серьезных вер-
бовочных комбинаций.

В связи с началом военных действий с фашистской Герма-
нией и ликвидацией германского посольства, венгерской и сло-

2. ~~64~~ 3

вацкой миссий, агент "КОЛОНИСТ" остался не у дел.

"Будучи квалифицированным агентом и являясь по своему внешнему виду, несмотря на русское происхождение, типичным немцем, "КОЛОНИСТ" в совершенстве владеет немецким языком, благодаря чему сотрудники посольств и миссий, в том числе и германского посольства, принимали "КОЛОНИСТА" за настоящего немца.

то обстоятельство делает вполне возможным использование
ОБЖИТА* для разведывательной и диверсионной работы
немцев.

Для создания предпосылок будущей работы "КОЛОНИСТА" в немцев считая необходимым направить его в один из лагерей военнопленных германской армии под видом "военно-диверсанта, сброшенного с германского самолета в приграничье на нашей стороне.

трех-четырёх месячное пребывание "КОЛОНИСТА" в лагере
 плененных даст следующие результаты:

3. Скончателнаа профиловка агента под германского сол-
добретенне всех пунных навиков среднего немца, усвое-
возможных характерных признаков и особенностей солдат-
ны.

2. Агентурная разведка фашистских, реакционных элементов и выявление таких элементов, которые можно было бы как-то использовать и приблизить к нашей стороне.

1. Изучение особенностей духа германских солдат и офицеров и методов их разложения.

КАС "КОЛ
 В ТЫЛУ У
 ТЫЛУ У
 ПЕРЕЙ Д
 ЕННОГО
 ПОНТОВ
 ДА ВОС
 ДАТА, П
 ДА ВОС
 ВОТ СР
 :
 ДА ЗАГ
 ДА ДЕТ
 :
 ДА Д

3. 654

Направление агента "КОЛОНИСТА" в лагерь для военно-
пленных будет осуществлено после тщательной подготовки и
легендирования на основе имеющихся в Разведупре и других
Управлениях НКВД документальных и трофейных материалов.

Согласие "КОЛОНИСТА" получено.

Прошу Вашего разрешения на проведение этих мероприя-
тий.

НАЧАЛЬНИК 2 УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ З. Г. ЕЗДОВ
/ЕЗДОВ/

7 VII.
1944 г.

Сов. секретно.

66

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДУПРА КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ТАНКОВЫХ ВОЙСК

№ 41/22000

ноября 1941 года.

тов. ПАНФИЛОВУ.

Для агентурной разработки германских военно-
пленных офицеров и солдат, а также в целях тщательной
подготовки нашей агентуры к переброске в германский
тыл, нами намечены к внедрению в лагеря под видом
военнопленных два наши агента - "Колонист" и "Пауль".

В связи с этим, 2 Управление НКВД СССР просит
Вашего распоряжения, на основе имеющихся у Вас
захваченных документальных и трофейных материалов,
разработать соответствующие легенды для "Колониста"
и "Пауля" и подготовить их к направлению в лагерь.

Материальное содержание агентов, а также квар-
тиры, на которых будет производиться подготовка,
остается за нами.

НАЧАЛЬНИК 2-го УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
ЛИКОВСКИЙ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ С. ПАНА

ин. инкас.

(СЕДОТОВ)

Сов. секретно.

191 87

"УТВЕРЖДАЮ"

УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

(РАЙХМАН)

1942 г.

О Т Ч Е Т

ОБ ИЗРАСХОДОВАННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СУММАХ НА ЭКИПИРОВКУ
АГЕНТА "КОЛОНИСТ".

1. Полушальто зимнее.....	-	150 руб.
2. Б р ю к и.....	-	70 "
3. Ботинки.....	-	30р. 45 к.
4. Ш а п к а.....	-	50 руб.
5. Тушурка презентовая.....	-	60 "
6. Заплечный мешок.....	-	30 "

В с е г о. 390р. 45 к.

руб. 45 коп.

Всего израсходовано ТРИСТА ДЕВЯНОСТО

СТ. ОПЕРУП. 2 ОТД. 1 ОТДЕЛА 2 УПР. НКВД
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

(КУЛИГИН)

НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛА 2 УПР. НКВД СССР
МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

(ТЕМОЗЕВ)

губ. бою
милу

146 105

И Н Т Е Р Н О

Источник "Арья"

Принят у резидента "Масло-на" ИСХИАСИИ.

МЕДВЕДЕВ Дмитрий Николаевич работник НКВД проживает в гостинице "Москва" в № 516 у другого работника НКВД - ПОДПИСИКА

Источник хорошо знает такого МЕДВЕДЕВА и, в частности, его брата МЕДВЕДЕВА Александра Николаевича. Последний является весьма подозрительным человеком:

1. В свое время он играл большую роль в "Рабочей оппозиции" - один из ее организаторов.
2. Позднее работал в Орле в ЧК и по словам ПЕВЕРИХИ (эсэртишине, б. помощник) забирал у расстрелянных их имущество (обстановка в Моск. квартире МЕДВЕДЕВЫХ, по их словам принадлежит АБРАМОВИЧ, проживавшим в Орле). Он якобы выехал из Москвы; но родные не говорят куда он выехал и где сейчас находится.

Источник подозревает, что Дмитрий Николаевич МЕДВЕДЕВ который сейчас работает в органах НКВД (ходит в форме) скрывает, что у него есть брат боровшийся против партии. Об этом говорит тот факт, что когда источник спросил его был ли он у родителей проживавших в Москве, то он заявил, что не был, что не пойдя туда и просил источника не говорить его родителям, что он проживает в Москве.

В. 148/148
ок 22/55

В е р н о :

ЗАМ. НАЧ. 1 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУБ.
ДЕП. НАЧ. ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ :

И. П. А. . . (РАЙХМАН)

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ССРСА С
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАС

ТОВ. ЕМОБІУ

РАПОРТ

ЮСЪ И
ЕМ ТОГО,
ДА.
КОТОРОГО

FROM THE
ORDINATE

1. NOT A-

11-000000

Этот ряд —
утилитар-
ный.

W-7TB

ряду с

МЕ И

34402-

175 JULY 2004

Мне об'явлен приказ о том, что я увольня
запас.

Издание этого приказа является следствием
что мой брат МЕДВЕДЕВ А.Н. разоблачен, как враг нары

Причина - не моя вина, а мое несчастье,
я своей волей избежать не мог.

В многочисленных репортажах, подаваемых мной
всем инстанциям, я объяснял, что ничего общего с этим
никогда не имел, кроме отца и матери.

Он шел своей вражеской тропой, я-дорогой
Путь указывала мне пастух.

Они были в пределах allowable number of persons in the
допом отряде, беспощадно борющиеся с этими врагами.

Если бы мне в процессе работы пришлось не-
отвественно столкнуться с этим "братом", - теперь бы в
мне преданность моей партии, - не было бы никаких со-

Семнадцатая с лишним лет я работаю в ЦК-ГК на руководящей оперативной работе. Все эти годы я, на беспощадной борьбе со всеми врагами народа, в том числе с троцкистами и др. антипартийными контрреволюционерами за чистоту наших органов, разоблачал врагов, ре-

8748
 шлся и "вельможа" в наших рядах.

О вражеских лицах и вражеском поведении разоблаченных теперь: АЛЕКСАНДРОВСКОГО, РАХЛИСА, ВЛАТА, ГРИШНА и др., а еще 3-4 года тому назад писал рапорта на имя врага БАЛИЦКОГО - да что (это только теперь для меня стало ясно) и разоблачил меня, чекиста - "врага-учебника".

Москва на мои неоднократные рапорта так же никакого ответа не давала.

Несмотря на то, что для меня совершенно ясно, что в Управлении Государственной Безопасности могут и должны работать только люди, в отношении которых нет никаких сомнений, что из УГБ в порядке профилактики должны изыматься все те, в отношении которых есть хотя-бы малейшие сомнения, а тем более у меня брата-врага не может не вызывать в отношении меня сомнения, -

Я прошу Вас тов. ЕЖОВ еще раз детально ознакомиться с вопросом обо мне, т.е. увольнение меня в запас - ошибка.

Я предан партии до конца. Это я доказал всей своей жизнью. Я знал оперативную работу, любил ее, отдавал ей всем своим существом, забывав о самом себе.

Моя работа и преданность партии можно легко проверить, т.к. меня знает весь чекистский коллектив Украины.

Помните меня на любой труднейший участок чекистской работы, дайте мне возможность дальше бороться с врагами с удвоенными силами и доказывать свою преданность партии.

КАПИТАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

22. VII - 37 г., г. Харьков

(подпись)

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНЕШНИХ ДЕЛ С С С Р
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

тов. ЕЖОВ.

90

Участник гражданской
войны, член ВКП(б) с 1920г.
Почетного чекиста - капитан
государственной безопасности
в запасе - Д.Н. МЕДВЕДЕВ.

РАПОРТ

Все мои рапорта на В/имя и заявление на имя тов.СТАЛИНА,
в которых я жалуюсь на Отдел Кадров ГУГБ - попадают в Отдел
Кадров.

Отдел Кадров, который мог бы произвести самое тщательное
расследование по моему делу максимально в 3-х - 5-ти дневный срок
- оказался не только не способным чего-либо добиться за 5 ме-
сяцев, но и не сумеет, чего-либо добиться и в дальнейшем.

Меня удивляет, что жалобы попадают тем людям, на которых
я жалуюсь.

Я честен перед партией и органами. Я признаю им.

А меня буквально выматывали. Неужели нельзя доказать свою
невиновность и быть реабилитированным.

Когда я спрашиваю в Отд.Кадров:

Как же мне попасть к тов.ЕЖОВУ?

Мне отвечают: у него есть Секретариат - проситесь.

Я подаю рапорта, пропусь, а меня снова вызывает в Отдел
Кадров, куда попадают мои рапорта.

Тов.Нарком! Если у Вас нет времени лично принять и выслу-
шать меня - поручите кому-нибудь заняться этим, но не направляйте
мои рапорта в Отдел Кадров - объект моей жалобы.

Нет сил уже!

КАПИТАН в запасе - МЕДВЕДЕВ.

25/1-1938 г.

Комиссару Государст. Безопас. СССР
тов. Беруз А. П.

Кочетков работник ВРК.

Баба. Камурада Гот Герц.

Д. Н. Медведев

Раноры.

В колхозе № 40 1939 года, после ударачислений
участков работы в органах ВК - ОМУ - НКВД,
был из органов уволен.

В медовые июльские дни войны как с полыхающим пламенем, так и с дружным белогвардейчиком я обращаюсь к вам как к товарищу, к человеку, к любому работнику, к любому медведю.

Теперь, широко осознавая, что дан изред
одной, а слова Великому Вас, и др. Кад
ли коллеса, стави неперозоримым вена
иши отдай Вас свои силы, всем сего не
дреду с драматичном.

1494. Високіє прикото.

221. 19412

Секретариат: 44
12 5 ИЮН 1947
В ОУДЕЛЕНИИ

CH-2

Секретно
экз. №

С П Р А В К А

Тов. МЕДВЕДЕВ Дмитрий Николевич, 1898 года рождения, уроженец Орловской области, русский, состоял членом КПСС с 1920 года, работал в органах государственной безопасности с 1920 по 1939 год и с 1941 по 1946 год.

В 1939 году тов. МЕДВЕДЕВ был уволен из органов приказом НКВД СССР № 2019 от 3 ноября 1939 года по ст. 38 п. "з" по сокращению штатов.

Фактическим основанием увольнения тов. МЕДВЕДЕВА Д.Н. из органов, как видно из его архивного личного дела и архивных материалов особой инспекции послужило заявление о добровольном увольнении НКВД СССР от 24 октября 1939 года о том, что он, работая в 1938 году в системе ГУЛАГА НКВД, допустил массовое "необоснованное" прекращение следственных дел. В явном

✓ подготовка РСН (различно по форме) и проверка их
проездов и развозов.

Вопреки збуу гвардыи снес ш. Снес шов зот нагават
 шов ш тав шов ш ш гвардыи снес ш.

[illegible]

Вот так стало известно радиотехнику из КФБ Космополит
Космополит из КФБ и стал известен в Космополит КФБ
КФБ из КФБ, стал известен Космополит. Не секрет, радиотехника,
при этом все же не радиотехника КФБ КФБ КФБ
Космополит КФБ КФБ

[illegible]

свободен.
Я до сих пор считаю эту договорку
г. Мельникова 472 несущей — несправедливой в.к.
За это время он во многом и контрпунктах
продолжает работать и изредка в краткие
минуты отдыха.

10. Начиная с конца августа 68 года в деле
микроорганизмов к исследованию могут
быть привлечены кто и где из числа
экспертов Всесоюзного центра по изучению
разнообразия организмов и биогеохимическому
проблемам (включая также по исследованию
функции организмов в биогеохимическом процессе,
контроля или выработки организмов, биологическое
излучение и др.)

после Сиренды. Иродотелю 4 до опубликования в печати в России
заставил пер. с гр. Иродотелю 4 в Рим. Нап. 1200 и 1300-х годов.
в архиве и о том, что было уже ранее сдано для
предоставления кредитов, были сданы у нас. Кому был
дана сиренда. Поверенные имеют разработанный план
по до. Иродотелю с Иродотелю 4. Кому сданы кредиты
в Риме в Риме с сирендой в Риме и кредиты до
Иродотелю с Иродотелю 4. С Иродотелю 4 в Риме. В Риме.
Пока в Риме в Риме Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.

На заседании бюро Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.

В Риме Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.

Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.

Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.

Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.

Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.

Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.
Иродотелю 4. Иродотелю 4. Иродотелю 4.

[illegible]